

ФИЛИП
ДИК

16

МЕЧТАЮТ ЛИ
АНДРОИДЫ ОБ
ЭЛЕКТРОВОЦАХ

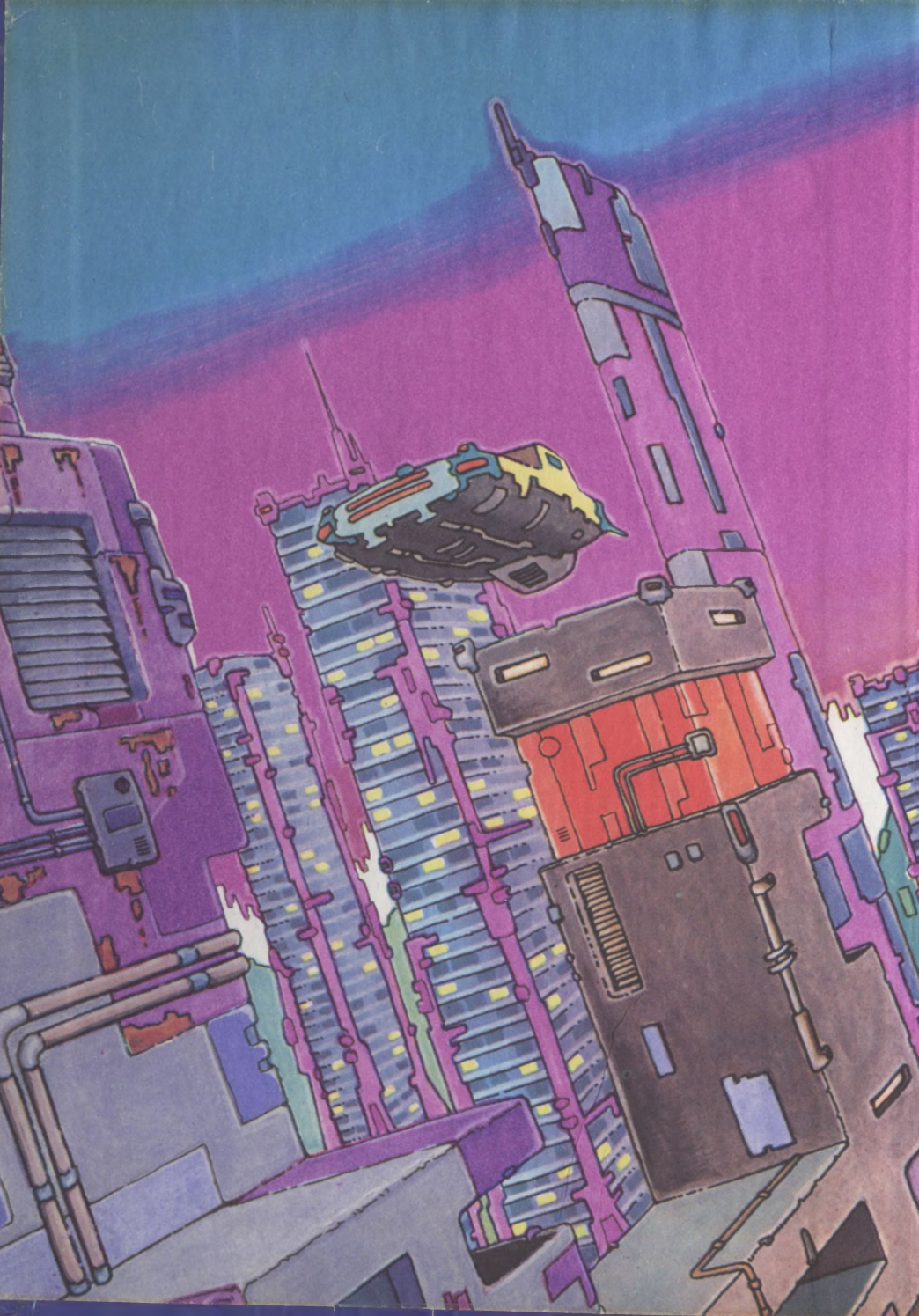

ЭЛЕКТРОВОЦАХ
АНДРОИДЫ
МЕЧТАЮТ

МЕЧТАЮТ
АНДРОИДЫ
ОБ

ФИЛИП
ДИК

**ФИЛИП
ДИК**

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ**

**· М Е Ч Т А Ю Т
Л И · · · · ·
А Н Д Р О И Д Ы
О Б
ЭЛЕКТРО
ОВЦАХ**

Москва
Центрполиграф
1992

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

Выпуск 16

Художник *В.В. Петелин*

Дик Ф.

Д45 Мечтают ли андроиды об электроовцах: Фантастические романы. — Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центрполиграф, 1992. — 445 с.

ISBN 5-7001-0012-6

...Только человечество кое-как справилось с ужасающими последствиями отгрохотавшей ядерной войны, как новая опасность нависла над ним: из космоса на Землю стали тайком прокрадываться андроиды — роботы-убийцы, неотличимые по облику от людей. Охотник за андроидами — такова профессия героя третьего романа в данном сборнике. Роман «Мечтают ли андроиды об электроовцах» стал вехой в развитии американской фантастики, он был переведен на основные языки мира, недавно по нему был поставлен супербоевик «Бегущий по лезвию бритвы».

Первый роман — «Солнечная лотерея» — игра жизни и смерти в космических просторах, второй — мрачная фантазия о том, что произошло бы с миром, если бы во второй мировой войне победили Германия и Япония.

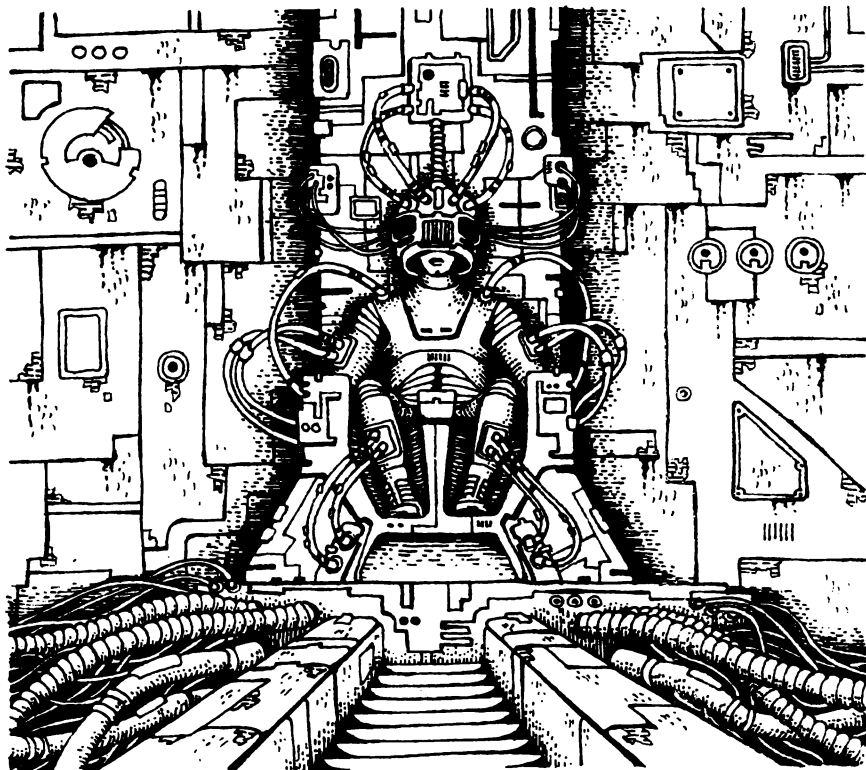
ББК 84.7 (США)

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
«Центрполиграф»

ISBN 5-7001-0012-6

РОМАН

СОЛНЕЧНАЯ ЛОТЕРЕЯ

... Хорошая стратегия требует использования принципа «минимакса», то есть поведения, основанного на знании вероятных результатов, при этом учитывается, что противник может разгадать вашу игру. Но чтобы он не смог этого сделать, игру, с помощью элемента случайности, запутывают, делая стратегию совершенно неопределенной...

(Стратегия в покере,
в делах и на войне.
Джон Макдональд,
Соч., 1953)

1

Уже появилось несколько предзнаменований. В первых числах мая две тысячи двести третьего года информационные агентства сообщили о том, что над Швецией пролетела стая белых ворон. Серия пожаров неизвестного происхождения наполовину опустошила Холм Птица-Лира, одну из основных индустриальных точек системы.

На рабочее поле марсиан обрушился дождь из маленьких круглых камешков. В Батавии, Директории Федерации Девяти Планет, родился теленок с двумя головами — неоспоримый признак близких событий чрезвычайной важности.

В толковании не было недостатка: спекуляция на объяснениях происходящих событий была излюбленным времяпрепровождением многих. Все гадали, рассуждали, спорили о материализованном воплощении случайности. Предсказатели добрых событий в Директории появились несколькими неделями раньше.

Но то, что для одних было лишь предзнаменованием, для других явилось испытанием. Катастрофа местного значения, обрушившаяся на Холм Птица-Лира, повлекла за собой тотальную катастрофу для пятидесяти процентов классифицированных служащих.

Клятвы облегчения были расторгнуты, и немалое число исследователей и техников выбросили на улицу. Большинство из них навсегда затерялись в огромной массе неклассифицированных.

Но не все. Предоставленные самим себе, они явили собой новый симптом неминуемого катаклизма.

Тед Бентли схватил свое уведомление об увольнении характерным для него быстрым движением. Быстро направившись к письменному столу, он спокойно изорвал все свои бумаги и документы на мелкие клочки и отправил все это в приемное отверстие ящика для бумаг. Его реакция была столь же стремительна, сколь и непосредственна. Она принципиально отличалась от реакции других: Тед был счастлив, что клятва его больше не связывала. В течение тринадцати лет он тщетно пытался с помощью всевозможных ухищрений порвать с Птица-Лира.

Он запер дверцу своего письменного стола и погасил экран ипвик-приемника.

Его голова работала быстро. Ему потребовался только час, чтобы реализовать необычно просто задуманный план действия.

В полдень отдел кадров вернул ему его правовую карточку, что было обязательным, когда клятва расторгалась руководством. Теду было очень забавно вновь увидеть ее через столько лет. Он повертел ее в руках, затем положил в портфель.

Карточка — его шанс, один из шести миллиардов в великой лотерее, его шаткая возможность подняться выше благодаря непредвиденному прыжку, его попытка выбраться в класс Один. Фигурально выражаясь, это возвращало Теда на тридцать три года назад: карточка была закодирована при его рождении.

К двум тридцати пополудни он порвал последние, самые незначительные связи с Птица-Лира. К четырем часам он в срочном порядке распродал свои вещи и купил билет первого класса.

До наступления ночи он покинул Европу и направился в сторону столицы Индонезийской империи.

В Батавии он дешево снял комнату в одном из пансионатов и разобрал свой багаж. Часть его вещей была еще во Франции. Если он успеет, он сможет заказать их доставку. В противном случае они ему больше не потребуются. Забавно, что окна его комнаты выходили на здание Директории. Множество людей, похожих на тропических мошек, входили и выходили через его многочисленные двери.

На земле, в море, в небе — все пути вели в Батавию.

У Теда было мало времени на размышления. Затем ему надо будет действовать. В Публичной Информационной Библиотеке он набрал массу кассет с видеофильмами. Несколько дней он впитывал в себя сведения, касающиеся всех фаз развития биохимии — предмета, благодаря которому он получил личную классификацию.

Тед работал как одержимый, не упуская из виду ни малейшей детали: прошения о профессиональном облегчении подавались Ведущему Игры только один раз. В случае осечки все было кончено.

Тед рассчитывал вложить в этот первый опыт все, что имел. Он был свободен от системы: Холмов и твердо решил не возвращаться туда.

Пять следующих дней он, выкуривая сигарету за сигаретой, ходил взад-вперед по комнате и размышлял. Наконец он принялся искать на желтых страницах ежегодного ипвик-справочника адреса агентства девушек.

Его любимое агентство владело конторой неподалеку. Он позвонил, и менее чем через час большая часть его психологических проблем исчезла. Следующие сутки он поделил между высокой блондинкой, присланной ему агентством, и ближайшим коктейль-баром. Но это был конец. Надо было действовать. Сейчас или никогда.

Когда Тед поднялся в то утро, его пробрала ледяная дрожь. Ведущий Игру Веррик вербовал сотрудников в соответствии с основным принципом Минимакса: по-видимому, случай управляет распределением клятв облегчения. За прошедшие шесть дней Бентли не удалось обнаружить никакой системы, ни даже фактора, если таковой имелся, который определял бы успех. Обливаясь потом, он быстро принял душ и вновь начал обливаться потом. Несмотря на титанические усилия, он ничего не узнал. Тед действовал вслепую. Он побрился, оделся, расплатился с Лори, высокой блондинкой, и отослал ее обратно в агентство.

Одиночество и страх полностью завладели им. Он рассчитался за комнату, как следует запаковал свой чемодан и для большей уверенности купил себе второй амулет. В общественной уборной он надел его под рубашку и опустил монетку в фен. Ветерок из фена его немного успокоил. Он вышел и подал знак такси-роботу.

— В Основную Директорию, — сказал он шоферу. — И поскорее.

— Хорошо, месье или мадам, — ответил робот Мак-Миллан. — Как вам будет угодно.

В роботов Мак-Миллан еще не было заложено понятие различия полов.

Такси скользило над крышами домов, и весенний теплый ветер с силой врвался в его окна.

Бентли разглядел только величественный ансамбль зданий, к которому они направлялись. Тед прождал ровно столько, сколько требовалось. Его письменные зачетные работы должны были дойти вчера вечером. Теперь они уже, вероятно, появились на письменном столе первого контролера. Так началось путешествие его бумаг по бесконечной цепи служащих Директории.

— Мы прибыли, месье или мадам.

Такси-робот остановилось, дверь открылась, Бентли заплатил и вышел.

Напряжение, накапливающееся в течение последних недель, достигло своей высшей точки. Он видел только, как вокруг него снуют мужчины и женщины.

Разносчики дешево продавали «методы», позволяющие предсказать непредсказываемые изменения и выиграть, таким образом, игру Минимакса. Но деловой люд не обращал на них внимания: тот, кто открыл бы систему эффективного предсказания, пользовался бы ею сам, а не стал бы продавать.

Бентли остановился посреди лавины идущих людей, чтобы прикурить. Нет, его руки действительно не дрожали. Он переложил свой портфель под мышку, засунул руки в карманы и медленно направился в экзаменационный зал. Он прошел под аркой контроля.

Через месяц он, может быть, будет присягать Директории... Тед с надеждой посмотрел на арку, потрогав один из амулетов под рубашкой.

— Тед! — произнес запыхавшийся голос. — Погоди!

Он остановился. Грудь Лори колыхалась при каждом шаге, пока она пробиралась сквозь толпу по коридору. Едва сдерживая дыхание, она достигла его.

— Я знала, что найду тебя здесь, — сказала она ему. — У меня есть кое-что для тебя.

— Что же это? — несколько сухо спросил Бентли.

Он знал о существовании корпуса телепатов Директории и не имел ни малейшего желания предоставлять свои сокровенные мысли восьмидесяти умирающим от скуки людям.

— Держи.

Лори надела ему что-то на шею. Несколько человек умиленно улыбнулись. Это был амулет.

Бентли осмотрел его. Он должен был дорого стоить.

Эта встреча с Лори была для него совершеннейшей неожиданностью.

— Ты думаешь, это мне поможет?

— Я надеюсь.

Она коснулась кончиками пальцев его руки.

— Благодарю тебя за то, что ты был таким милым. Ты меня отправил так скоро, что я не успела тебе это объяснить.

В ее голосе появились жалобные нотки:

— Ты полагаешь, что имеешь шанс? Пожалуйста, скажи мне! Ведь если тебя примут, ты, несомненно, останешься в Батавии!

— Телепаты Веррика зондируют нас в этот момент, — с раздражением в голосе ответил Бентли. — Они везде.

— Мне это безразлично, — произнесла Лори. — Такой девице, как я, нечего скрывать.

Бентли настойчиво продолжал:

— Мне это не нравится. Я в первый раз сталкиваюсь с ними. — Он пожал плечами: — Хотя, если я останусь здесь, мне надо будет к этому привыкнуть.

Он направился к центральному столу, держа в руках правую карточку и удостоверение личности.

Очередь быстро продвигалась. Вскоре служащий взял у него документы, внимательно изучил их и бесстрастно произнес:

— Очень хорошо, Тед Бентли. Вы можете войти.

— Я думаю, что еще все изменится, — грустно сказала Лори. — Если ты останешься здесь...

Бентли потушил ногой окуроч и направился к приемной, ведущей в помещение внутренних служб.

— Я разыщу тебя, — обещал он девушке, не очень веря в свои слова. Крепко сжимая портфель, он прошел мимо многих людей и быстро отворил дверь. Она за ним сразу же закрылась.

Итак, он вошел. Начало было положено.

Маленький человек лет пятидесяти с реденькими торчащими усиками, в очках в круглой металлической оправе пристально смотрел на него.

— Вы — Бентли, не так ли?

— Точно так, — ответил Тед. — Я хочу видеть Ведущего Игру — Веррика.

— Зачем?

— Я ищу место класса восемь-восемь.

В кабинет стремительно ворвалась девушка. Не обращая внимания на Бентли, она быстро произнесла:

— Прекрасно, все кончено. — Он сжала руками виски. — Вы видите? Теперь вы удовлетворены?

— Не надо меня обвинять, — ответил маленький человек. — Это закон.

— Закон!

Девушка присела на край письменного стола, откинув назад свои рыжие волосы, достала сигарету и нервно закурила ее.

— Пора убираться отсюда, Питер. Здесь не останется ничего стоящего.

— Вы прекрасно знаете, что я остаюсь.

— Вы идиот.

Она полуобернулась и вдруг заметила Бентли.

В ее зеленых глазах зародились удивление и интерес.

— Вы кто?

— Право, вам будет лучше зайти сюда в другой раз, — обратился маленький человек к Бентли. — Сейчас как раз не...

— Я не для того пришел сюда, чтобы уйти ни с чем. Где Веррик?

Девушка с интересом разглядывала его.

— Вы хотите видеть Риза? Что вы можете предложить?

— Я биохимик, — сердито ответил Бентли. — Я ищу место класса восемь-восемь.

На ее красных губах заиграла шаловливая улыбка.

— В самом деле? Это интересно. — Она пожала полными плечами. — Что ж, пусть он присягнет, Питер.

Маленький человек колебался. Наконец он протянул Теду руку.

— Меня зовут Питер Вейкман. А это Элеонора Стивенс, личная секретарша Веррика.

Бентли не был готов к такому. В нависшей тишине все трое обменялись взглядами.

— Служащий пропустил его, — произнес Вейкман. На класс восемь-восемь был послан общий запрос, хотя я не думаю, что Веррик все еще нуждается в биохимиках.

— Откуда вы это знаете? — спросила Элеонора. — Это, между прочим, не входит в вашу компетенцию. Вы ведь не имеете отношения к отделу кадров.

— Я руководствуюсь моим здравым смыслом, — ответил Вейкман.

Он решительно встал между девушкой и Бентли.

— Печально, — проговорил Вейкман, обратившись к Бентли. — Вы теряете время. Идите лучше в бюро по найму в Холмах. Им всегда нужны биохимики.

— Я знаю. Я работал на систему Холмов с шестнадцати лет.

— В таком случае что вы здесь делаете? — спросила Элеонора.

— Из Птица-Лира меня уволили.

— Идите в Суонг.

— Нет, — произнес Бентли. — Он повысил голос. — Я не хочу больше слышать о Холмах.

— Почему? — поинтересовался Вейкман.

— Холмы насквозь прогнили. Система изживает себя. Там все зависит от того, кто больше даст.

— Ба! — вскричал Вейкман. — Что вам до этого? У вас есть своя работа — вот о чем вам следует думать.

— Конечно, мне платили за мое время, мое умение и мою преданность. У меня была хорошая лаборатория и оборудование, которое стоило столько, сколько я заработаю за всю свою жизнь. Мне гарантировали сохранение моего статуса и общее покровительство. Но я спрашивал себя, чему в конечном итоге служит моя работа? Тому, во что потом она превращается. Либо она исчезает.

— Куда же она исчезает? — спросила Элеонора.

— В никуда. Она не служит ничему и никому.

— А кому она должна служить?

Бентли не сразу нашелся с ответом.

— Я не знаю. По крайней мере, кому-то должна. Разве вы не хотите, чтобы ваша работа кому-то служила? В теории Холмы — это отдаленные и независимые друг от друга экономические единицы. На деле же там стараются нажиться на девальвациях, на стоимостях перевозок, на всевозможных пошлинах и еще на многом другом. Вы знаете лозунг Холмов: «Служба — хорошо, а хорошая служба — еще лучше». Какая насмешка. В Холмах не думают о том, чтобы служить населению: это паразитирующее предприятие.

— Я никогда и не предполагал, что Холмы являются организациями-филантропами, — сухо заметил Вейкман.

Бентли нервно осекся. Эти мужчина и женщина смотрели на него, как на всеобщее посмеище? Чего он хотел от Холмов?

Классифицированная служба хорошо оплачивалась, никто никогда на это не жаловался.

Но он жаловался. Быть может, из-за отсутствия ощущения реальности. Правда, это атавизм, который из него не могла вышибить даже клиника детского воспитания. Во всяком случае, с него довольно.

— Почему вы думаете, Бентли, что в Директории будет лучше? — заинтересовался Вейкман. — Мне кажется, вы питаете необоснованные иллюзии на этот счет.

— Дайте ему присягнуть, если это может составить его счастье, — равнодушно проговорила Элеонора.

Вейкман покачал головой:

— Я не дам ему присягать.

— Ну тогда это сделаю я, — бросила Элеонора.

— Прошу прощения, — произнес Вейкман.

Он достал из выдвижного ящичка бутылку шотландского виски и налил себе.

— Желает кто-нибудь присоединиться?

— Нет, спасибо, — отрезала Элеонора.

— Какого черта все это означает? — раздраженно спросил Бентли. — Директория вообще-то функционирует?

Вейкман улыбнулся:

— Вот видите? Вы уже начинаете утрачивать ваши иллюзии. Оставайтесь там, где вы есть, Бентли. Вы не знаете, что для вас хорошо.

Элеонора слезла с краешка письменного стола и вышла.

Почти тотчас же она вернулась, держа в руках обычное символическое изображение Ведущего Игру.

— Идите сюда, Бентли. Я приму вашу присягу.

Она поставила маленький бюст из пластика телесного цвета, изображавший Риза Веррика, посередине письменного стола.

— Начинайте.

Когда Бентли подошел, она дотронулась до маленького матерчатого мешочка, висевшего у него на шее, — амулета, данного ему Лори.

— Что это? Расскажите.

Он показал ей кусочек магнита и щепотку белого порошка.

— Молоко богородицы, — сухо пояснил он.

— И это все, что вы носите? — Элеонора указала на целый набор собственных амулетов, покачивающихся между ее голых грудей.

— Я не понимаю, как можно приходить сюда, имея только один амулет? — В ее глазах заиграла ирония. — Может быть, поэтому вас и не преследует удача.

— Мой выбор хорошо продуман, — возразил Бентли. — Обычно я ношу вот эти два. А этот мне подарили.

— Да?

Она наклонилась, чтобы поближе рассмотреть амулет.

— Это, должно быть, от женщины. Дорогой, хоть слишком заметный.

— А правда, что Веррик никогда не носит амулетов?

— Совершеннейшая правда.

В разговор вновь включился Вейкман:

— У него нет в них нужды. Когда фирма выбрала его, у него был уже класс шесть-восемь. Это ли не удача? Он прошел все ступени до самой верхней точно так же, как дети проходят просветительные полосы. Он чувствует удачу каждой клеткой своего организма.

— Я видела, как люди притрагиваются к нему, надеясь, что это принесет им счастье, — надменно добавила Элеонора. — Я их никогда не осуждаю. Я сама это часто делала.

— И что это вам дало? — спокойно спросил Вейкман.

Он указал на обесцвеченные виски девушки.

— Я не родилась в тот же день и в том же месте, что Риз, — сухо ответила она.

— Я не верю в астрокосмологию, — произнес Вейкман тем же спокойным тоном. — Я считаю, что удача — существо капризное.

Он повернулся к Бентли и заговорил, отчеканивая каждое слово:

— Веррику, может, теперь везет, но это не означает, что так будет всегда. — Он неопределенно указал вверх: — Они хотят подобия равновесия.

Затем он поспешил добавить:

— Не подумайте, что я христианин или что-то в этом роде. Я знаю, это вопрос случая. — Его голос звучал желчно. — У каждого своя удача. Великих и могущественных под конец ждет падение.

Элеонора предостерегающе посмотрела на него:

— Осторожней!

Не сводя с Бентли глаз, Вейкман продолжал:

— Не забывайте того, что я вам сейчас говорю. Вы не связаны никакой клятвой облегчения. Пользуйтесь этим. Не присягайте Веррику. Вы станете одним из его слуг. И это вам не понравится.

Бентли был поражен:

— Вы хотите сказать, что я должен присягнуть лично Веррику? Это не просто позиционная клятва Ведущему Игру?

— Разумеется, — ответила Элеонора.

— Почему?

— В настоящий момент существует некоторая неопределенность. Я пока не могу вам этого объяснить. Позже будет свободное место того класса, который вам требуется. Мы вам это гарантируем.

Бентли прижал к себе портфель и отошел от них. Его план рушился. Он представлял все совсем не так.

— Итак, я принят? — почти с яростью спросил он. — Вы меня берете?

— Конечно, — небрежно подтвердил Вейкман. — Веррику нужны все специалисты класса восемь-восемь, на которых он может наложить лапу.

Бентли, смущенно и неуверенно, опять отошел на несколько шагов. Что-то не ладилось...

— Погодите. Дайте мне немного подумать, прежде чем принять решение.

— Думайте, — согласилась Элеонора.

— Благодарю.

Он отступил на несколько шагов, чтобы с самого начала обдумать всю ситуацию.

Элеонора кружила по комнате, засунув руки в карманы.

— Есть что-нибудь новое об этом типе? — спросила она у Вейкмана.

— Только частное уведомление по закрытому каналу. Его имя — Леон Картрайт. Он член своего рода секты уклонистского толка. Чокнутых. Хотите бы я посмотреть, на что он похож.

— Я — нет.

Элеонора остановилась перед окном и со скучающим видом посмотрела на суету на улице и возле подъездов.

— Уже недолго. Скоро они примутся вопить.

Она нервно сжала виски.

— Господи, может, я не должна была так поступать! Но дело сделано, я не могу больше ничего изменить.

— Да, это было ошибкой, — согласился Вейкман. — Когда вы станете несколько старше, вы поймете важность этого.

Страх мелькнул в глазах девушки:

— Я никогда не покину Веррика! Я должна остаться с ним!

— Почему?

— Мне не надо будет ничего бояться. Он позаботится обо мне.

— Корпус вас защитит и поддержит.

— Я не хочу иметь с Корпусом никаких дел.

Ее красные губы приоткрылись, обнажая ровные белые зубы.

— Моя семья, мой добрый дядя Питер — все продажно так же, как эти Холмы.

Она обратилась к Бентли:

— И еще он при этом говорит, что, по его мнению, здесь это не имеет значения.

— Вопрос не денег, а принципа, — произнес Вейкман. — Корпус стоит над людьми.

— Корпус составляет часть мебели, так же как этот письменный стол, — Элеонора постукала заостренными ноготками по поверхности стола. — Вы покупаете мебель, столы, лампы, инви-приемники, Корпус.

Ее взгляд был полон отвращения.

— Он престонист, не так ли?

— Так.

— Неудивительно, что вам не терпится его увидеть. Я сама испытываю некоторое нездоровое любопытство, как если бы речь шла о диковинном звере из колонии с другой планеты.

Бентли очнулся от своих размышлений.

— Давайте, — сказал он. — Я готов.

— Превосходно.

Элеонора проскользнула за письменный стол, подняла одну руку и положила другую на бюст Веррика.

— Вы знаете клятву? Хотите, я помогу вам?

Бентли знал наизусть клятву подчинения, но, охваченный сомнением, он заколебался. Вейкман с неодобрительным и скучающим видом углубился в созерцание собственных ногтей. Глаза Элеоноры Стивенс приобрели холодное выражение, на ее лице непрерывно появились, сменяя друг друга, противоречивые чувства. Почти уверенный, что что-либо не так, Бентли начал приносить присягу маленькому бюсту из пластика. Тед дошел до середины, когда двери раскрылись и группа людей шумно ворвалась в комнату. Один человек выделялся из всех своим ростом и широкими плечами.

У него была тяжелая походка, серое, с резкими чертами лицо. Стального цвета волосы висели прядями. Риз Веррик в окружении сотрудников, связанных с ним личной клятвой, остановился посреди комнаты, наблюдая за происходящим.

Вейкман перехватил взгляд Веррика. Тот неприметно улыбнулся, не произнося ни слова, но его поведение красноречиво говорило само за себя. Элеонора окаменела. С пылающими щеками, она ждала, когда Бентли закончит. Как только он замолчал, Элеонора осторожно взяла бюст из пластика и вынесла его из комнаты, затем вернулась, протягивая руку:

— Вашу правовую карточку, месье Бентли. Она нужна нам.

Бентли достал карточку и тут же снова лишился ее.

— Кто это? — спросил Веррик.

— Он только что присягнул. Касса восемь-восемь.

Элеонора собрала на стол папки с делами. Амулеты запрыгали между ее грудей.

— Я пойду возьму мантию, — сказала она.

— Касса восемь-восемь, биохимик?

Веррик с любопытством рассматривал Бентли.

— Он стоит чего-нибудь?

— Он хорош, — одобрил Теда Вейкман. — Насколько я мог определить, он первоклассен.

Элеонора спешно закрыла дверь гардеробной, набросила мантию на голые плечи и заполнила карманы массой различных предметов.

— Он только что прибыл из Птица-Лира.

Элеонора поспешила присоединиться к маленькой группе.

— Он еще не знает.

На суровом лице Веррика были написаны усталость и тоска, но озорной блеск светился в его серых глазах, глубоко сидевших в могучем черепе.

— Это последнее. Остальное отойдет Картрайту, престонисту.

Он посмотрел на Бентли:

— Как ваше имя?

Бентли пробормотал ответ, и Веррик смертельной хваткой пожал ему руку. Бентли решил спросить:

— Куда мы направляемся? Я полагаю...

— В Холм Фарбен.

Веррик и все остальные направились к лестнице, ведущей к выходу. В комнате остался только Вейкман, который должен был встретить нового Ведущего Игру. Веррик коротко объяснил Элеоноре:

— Мы будем действовать оттуда. С прошлого года Фарбен приписан лично мне. И, кроме того, я всегда смогу требовать от них преданности. Несмотря ни на что.

— Несмотря на что? — поинтересовался Бентли, вдруг ужаснувшись.

Сквозь открытые двери струился ослепительный солнечный свет и проносили уличные шумы.

Крики информаторов впервые достигли ушей Бентли. Когда они спустились к стартовой площадке, где их ждал межконтинентальный транспорт, он хрипло спросил:

— Что произошло?

— Идемте, — прорывал Веррик. — Вы здесь мало узнаете. У нас слишком много работы, чтобы еще тратить время на разговоры.

Бентли следовал за группой с кислым привкусом ужаса и отвращения во рту.

Теперь он все понял. Механические возбужденные голоса информаторов орали повсюду вокруг него.

— Веррик смещен! — кричали машины. — Престонист становится человеком Номер Один! Веррик полностью смещен!

Произошла непредсказуемая смена власти. Случилось то, о чем извещали предзнаменования. Веррик больше не был Человеком Номер Один; Веррик не был больше Ведущим Игру. Он даже не принадлежал Директории.

И Бентли был связан с ним клятвой.

Слишком поздно! Он брел уже по дороге в Холм Фарбен. Все были захвачены стремительным потоком событий, обрушившимся, подобно зимней пурге, на систему Девяти Планет.

2

Ранним утром Леон Картрайт осторожно вел по узким улочкам свой старенький «Шевроле-82». Руки его твердо и умело сжимали руль, глаза, не отрываясь, смотрели на шоссе. Он был одет, как обычно, в отутуженный, без единого пятнышка костюм старинного покроя. Потрепанная шляпа низко сидела на его голове, в жилетном кармашке тикали часы. Все в нем дышало угасанием и старостью. Высокий, худой и нервный, он выглядел на все шестьдесят.

Его тонкие руки были покрыты веснушками, взгляд голубых глаз был мягок, мягким же было и выражение худошавого лица.

Казалось, что его что-то беспокоило то ли в старом автомобиле, то ли в собственном здоровье.

На заднем сиденье были свалены предназначенные для отправки бобины с корреспонденцией. Пол прогибался под тяжестью рулонов новенького металл-фойла.

В углу лежали поношенный непромокаемый плащ, старые миска и ложка и несколько пар ни разу не надетых ботинок.

Заряженный «Хоппер Коппер», которым не пользовались уже в течение трех лет, был спрятан под сиденьем.

По обе стороны улицы высились ординарные и как бы увядшие здания с пыльными окнами и уставшими кричать неоновыми рекламами — реликвии прошедшего века, как, впрочем, и он сам, и его машина. Мужчины в рабочих куртках и выцветших брюках бродили вдоль стен, прогуливаясь возле подъездов, — унылые, бесцветные лица, пустые, ожесточенные глаза.

Совсем еще молодые, уже располневшие женщины в одинаковых черных пальто проталкивались в магазины, торгующие подержанными вещами и продуктами сомнительной свежести, и спешили домой к своим страждущим семьям, задыхающимся в пропахших мочой жилищах.

«Судьбы людские нисколько не меняются, — подумал Картрайт. — Ни система Классификации, ни очень точные и сложные игры-вопросники совершенно не улучшили жизнь большинства людей. Ведь всегда есть и будут неклассифицированные».

В двадцатом веке была решена проблема производства товаров. С шестидесятых годов на Западе начали скапливаться самые разнообразные товары. Их выпускали столько, что они уже стали представлять угрозу

для свободного рынка. В 1980 году было вынесено срочное решение все это сжечь, и неделя за неделей в дым превращались миллиарды долларов.

Каждую субботу горожане и горожанки, собираясь в мрачную и злобную толпу, созерцая заправленные топливом автомобили, тостеры, одежду, апельсины, кофе и еще многое другое, чего никто не был в состоянии купить, наблюдали, как все это сжигалось в ослепительном пламени.

Таким образом, в каждом городе появились специальные площадки, обнесенные колючей проволокой: целые поля, усыпанные пеплом и обломками. Здесь горели произведения рук человеческих, которые не могли найти владельцев.

Игры чуть-чуть улучшали положение.

Если раньше люди не имели возможности приобрести дорогостоящие промышленные товары, то здесь они могли хотя бы надеяться выиграть их. В течение нескольких десятилетий в экономике благодаря сложным механизмам, распределявшим тонны сверкающих товаров, произошел резкий скачок. Но на каждого человека, выигравшего автомобиль, холодильник или телевизор, приходилось миллионы людей, которые не выигрывали ничего.

Постепенно в число разыгрываемых предметов вместе с обыкновенными товарами попали и более весомые «вещи»: власть и престиж. И на вершине всей этой пирамиды находился человек, распределявший власть. Тот, кого называли Ведущим Игру.

Медленно развиваясь и углубляясь, шел процесс распада социально-экономической системы. Теперь уже люди не верили в независимость законов природы. Ничто не могло быть постоянным, вселенная стала вечным потоком.

Невозможно было предсказать последствия любого события. Ни на что нельзя было с уверенностью положиться. Статистические предсказания получили всеобщее распространение. Люди перестали верить в понятие причинности, в то, что они могут влиять на окружающую жизнь. Остался только расчет на удачу, предоставленную игрой случая.

Теория Минимакса — игра «М» — являлась своего рода стоическим самоотречением, невмешательством в бесцельный круговорот человеческих жизней. Игрок в «М» ни к чему себя не обязывал, он ничем не рисковал, ничего не выигрывал и не терпел краха.

Его целью было накапливать удачу и стараться продержаться дольше других игроков. Игрок «М» спокойно ожидал окончания партии, ему больше не на что было надеяться.

Минимакс, метод ведения крупной игры, был изобретен в двадцатом веке двумя математиками: фон Нейманом и Моргенстерном. Этот метод использовался в ходе второй мировой войны, войны в Корее и финальной войны. Сначала с его помощью действовали военные стратеги, затем к ним присоединились финансисты.

В середине этого века фон Нейман был приглашен в Американскую комиссию по энергетике, что явилось неоспоримым признанием значимости теории. А два с половиной века спустя эта теория стала основной для управления всем миром.

Именно поэтому наладчик электронной аппаратуры Леон Картрайт, как человеческое существо, наделенное сознанием, не мог не стать престонистом.

Картрайт остановил свою допотопную колымагу у края тротуара. Освещенное ярким майским солнцем, перед ним возвышалось грязно-белое здание Общества. Над узкой трехэтажной постройкой висел плакат, часть

его заезжала на соседнюю прачечную: «Общество престонистов. Вход в основные службы с другой стороны».

Здесь находилась погрузочно-разгрузочная платформа. Картрайт открыл багажник и принялся вытаскивать из него коробки с рекламной литературой. Прохожие не обращали на него внимания. В нескольких метрах от Картрайта разгружал грузовик владелец рыбного магазинчика.

На противоположной стороне улицы под прикрытием отеля расположились разнообразные паразитирующие коммерсанты: ростовщики, продавцы сигар, проститутки, бармены.

Картрайт вошел в прохладное помещение магазина, тускло освещенное единственной астронической лампочкой. Он шатался под тяжестью коробки, которую тащил перед собой. Образуя огромные кучи, в магазине высились ящики и коробки, окованные железом. Найдя свободное место, он положил туда свою обувь, затем пересек холл и вошел в крошечную контору.

Как и маленький приемный зал, она оказалась пуста. Дверь, ведущая на улицу, была широко распахнута. Картрайт разложил на столе корреспонденцию и принялся ее просматривать. Не было ничего важного: счета из типографии и транспортного агентства, квартирная плата, предупреждение за неоплаченное потребление энергии, счета за уборку мусора и поставку воды и сырья.

Вскрыв один из конвертов, Картрайт обнаружил в нем пятидолларовую бумажку и длинное письмо, написанное дрожащей рукой старой женщины. Он обнаружил еще несколько мизерных вкладов. В общей сложности Общество обогатилось на тридцать долларов.

— Они начинают выражать нетерпение, — произнесла Рита О'Нейл.

Она возникла позади Картрайта на пороге конторы.

— Может, начнем?

Картрайт вздохнул. Время пришло. Он тяжело поднялся, выкинул мусор из пепельницы, сложил стопкой разрезанные экземпляры «Диска Пламени» Престона и наконец, как бы сожалея о чем-то, направился вслед за девушкой.

При его появлении в зале все люди разом заговорили. Все взгляды были направлены на него. Зал задрожал в надежде и страхе. Ободренные его видом, все бросились к нему. Шум возобновился, но с меньшей силой. Картрайт прошел на середину зала. И тут же жестикулировавшие мужчины и женщины тесно окружили его.

— Он направляется туда! — с облегчением провозгласил Билл Конклин.

— Мы так долго ждем, мы больше не можем ждать, — резко выкрикнула Мария Юзич.

Картрайт покопался в карманах и вытащил список, чтобы провести переключку. Вокруг него, волнуясь, стояли мужчины и женщины: молчаливые и запуганные мексиканские рабочие, державшие при себе свой тощий багаж, пара горожан с суровыми лицами, сварщик, японские рабочие-оптики, девица с красными губами, разорившийся торговец деталями, студент-агроном, представитель от фармацевтов, повар, санитарка, плотник. Все они, обливаясь потом, толкались, стараясь подойти поближе. Слушали они его и смотрели на него не отрываясь.

Эти люди умели производить ценности руками, но не головой. Их способности были отточены годами работы, практики, непосредственного контакта с предметом.

Они умели выращивать растения, заливать фундаменты, чинить протекающие трубы, обслуживать машины, шить одежду, готовить еду. С точки зрения системы Классификации все они были неудачниками.

— Надеюсь, что все в сборе, — сдержанно произнес Джерети.

Картрайт молча осмотрелся, затем поднял руку, прося тишины.

— Прежде чем уйти, я хотел бы сказать вам кое-что. Корабль готов, нашими друзьями все проверено.

— Да, это так, — подтвердил капитан Гровс.

Это был крупный негр со строгим выразительным лицом. На нем был одет комбинезон, перчатки и кожаные сапоги.

Картрайт шумно вздохнул.

— Вот. Я хотел бы знать, может, кто-то колеблется. Хочет кто-нибудь отказать?

Возникла напряженная тишина, но все промолчали. Мария Юзич улыбнулась сначала Картрайту, затем своему молодому соседу. Конклин прижал ее к себе.

— Вот за что мы боролись, — продолжал Картрайт. — Вот чему мы посвятили наше время и наши деньги. Джон Престон был бы счастлив, если бы оказался сейчас здесь. Он знал, что когда-то это случится. Он верил, что когда-нибудь корабль вырвется за пределы космических колоний и регионов, контролируемых Директорией. В глубине своего сердца он был убежден, что люди станут искать новые границы и свободу.

Он взглянул на часы:

— До встречи, желаю удачи! Вы на правильном пути. Храните ваши амулеты и доверяйте Гровсу.

Один за другим люди собрали свои пожитки и вышли. Произнеся ободряющие слова, Картрайт пожал каждому руку. Когда последний из них вышел, все долго молчали, погруженные в свои мысли.

— Я счастлива, что все это кончилось, — с облегчением произнесла Рита. — Я боялась, что кто-нибудь струсит.

— Неизвестность всегда кажется пугающей, населенной чудовищами. В одной из своих книг Престон описывает таинственные голоса.

Картрайт налил себе в чашку кофе из кофейника.

— Но мы ведь тоже к этому причастны. И я задаю себе вопрос, что важнее.

— Я никогда об этом серьезно не думала, — призналась Рита.

Она приглаживала тонкими ловкими пальцами черные волосы.

— Вы можете изменить вселенную. Для вас нет ничего невозможного.

— Есть много вещей, невозможных для меня. Я бы, правда, попробовал сделать, невзирая на исход. Но кончится тем, что меня победят.

Рита была ошеломлена:

— Как вы можете говорить такое?

— Я реалист.

Его голос сделался жестким, почти ожесточенным:

— Убийцы уничтожали всех инки, которых выбирала система. Вы предполагаете, им понадобится много времени, чтобы созвать Конветет Вызова? Компенсирующие механизмы системы работают на них и против нас. С их точки зрения, я нарушил правила игры, едва только решил сыграть. Все, что со мной произойдет, случится по моей собственной вине.

— Знают ли они о существовании корабля?

— Не думаю.

Болезненно морщась, Картрайт добавил:

— По крайней мере, я на это надеюсь.

— Вы можете хотя бы продержаться до тех пор, пока они не будут в безопасности? Это то, что...

Вдруг Рита с тревогой прервала себя.

Снаружи доносился шум работающих реакторов. С металлическим скрежетом на крышу приземлился корабль. Затем послышался глухой стук, голоса. Люк в крыше был открыт. Рита видела, как на лице ее дяди отразились ужас и мимолетное сознание того, что может дальше произойти. Но их сразу сменило обычное выражение мягкости, печали и усталости. Он неуверенно улыбнулся ей.

— Они прибыли, — произнес Картрайт едва слышно.

Тяжелые военные сапоги гулко простучали по коридору. В зал вошли гвардейцы Директории и встали полукругом. С ними появился чиновник с бесстрастным лицом, неся в руках портфель.

— Вы Леон Картрайт? — спросил он. — Покажите, пожалуйста, ваши документы. Они при вас?

Картрайт достал из внутреннего кармана пластиковую трубку, вынул из нее пробку и один за другим развернул на столе тонкие металлические листки.

— Свидетельство о рождении. Школьный аттестат. Психоналитическая характеристика. Медицинские свидетельства, сведения о судимости. Права согласно уставу. Список бывших мест службы. Последнее место службы и прочее. Держите.

Он снял куртку и засучил рукав рубашки.

Служащий быстро пробежал глазами документы и сравнил опознавательное клеймо с глубоко въевшимся клеймом на коже Картрайта.

— Теперь мы должны проверить ваши отпечатки пальцев и ваш мозговой стандарт. На самом деле это лишнее. Я знаю, что вы Леон Картрайт.

Он вернул документы.

— Меня зовут Шеффер, майор ТП Директории. Другие ТП здесь. Сегодня утром, в девять с небольшим, произошла смена власти.

— Я вижу, — ответил Картрайт, вновь надевая куртку.

Майор потрогал гладкий край листка с правами согласно уставу.

— Вы не классифицированы, не так ли?

— Так.

— Я полагаю, что ваша правовая карточка находится в покровительствующем вам Холме. Так обычно делают?

— Действительно, обычно так и делают, — подтвердил Картрайт, — но я не состою на службе ни в одном из Холмов. Как вы могли убедиться, я остался без работы в начале этого года.

Шеффер покорно пожал плечами:

— В таком случае, вы продали ее на черном рынке.

Он сухим щелчком захлопнул свой портфель.

— В результате большинства скачков избранными оказываются неклассифицированные. Это происходит всего лишь потому, что их бесконечно больше, чем классифицированных... Но эти последние всегда умудряются завладеть правовыми карточками.

Картрайт положил карточку на стол.

— Вот моя.

— Невероятно!

Шеффер был ошеломлен. Он быстро прозондировал мозг Картрайта, затем произнес со смешанным выражением изумления и недоверия:

— Вы знали это заранее. Вы знали, что так будет.

— Да.

— Невозможно. Ведь это только что произошло. Мы прибыли тотчас же. Даже Веррик еще не в курсе. Вы — первый, кто знал, не считая Группы.

Он подошел к Картрайту.

— Здесь что-то не так. Как вы узнали?

— Теленок с двумя головами, — туманно пояснил Картрайт.

Служащий ТП тихо и сосредоточенно продолжал исследовать мозг Картрайта.

Внезапно он бросил это занятие.

— Впрочем, неважно. Я думаю, что вы располагаете каким-нибудь источником информации. Я мог бы узнать о нем, тщательно прозондировав ваш мозг до самых глубин.

Он протянул Картрайту руку:

— Примите мои поздравления. Если вы не против, мы расположимся вокруг здания. Веррика проинформируют через несколько минут. Мы хотим быть готовыми.

Он вложил Картрайту в руку карточку:

— Не теряйте ее. Это единственное свидетельство вашего нового положения.

— Я думаю, — произнес Картрайт, — что могу на вас рассчитывать.

Он облегченно вздохнул и тщательно спрятал карточку в карман.

— Полагаю, можете. Очевидно, это покажется странным... Теперь вы наш глава, а Веррик ничто. Без сомнения, нам потребуется некоторое время для психологической перестройки. Некоторые члены Группы, из самых молодых, не помнят никакого другого Ведущего Игру.

Майор вновь пожал плечами:

— Предлагаю вам довериться нам на время. Мы не можем оставаться здесь. И есть множество людей, состоящих на службе лично у Веррика, работающих на его должность. Мы должны проверить всех этих людей. Веррик с их помощью осуществлял контроль за Холмами.

— Это меня не удивляет.

— Веррик хитер.

Шеффер смерил Картрайта взглядом.

— На него часто покушались. Но об этом всегда становилось известно. Это заставило нас здорово поработать, но, в конце концов, мы для этого и существуем.

— Я рад, что вы приехали, — признался Картрайт. — Услышав шаги, я подумал, что это... Веррик.

— Это мог бы быть и он, если бы мы его предупредили.

Глаза майора засветились недобрый веселостью.

— Если бы не старейшие ТП, мы, без сомнения, известили бы его первого и упустили бы время. Питер Вейкман все поставил на свои места, напомнив нам о нашем долге и нашей ответственности. Видите, какая выучка?

Картрайт мысленно взял на заметку это имя. Может, когда-нибудь Питер Вейкман будет ему нужен.

— Приближаясь, — медленно продолжал Шеффер, — мы проникли в мысли довольно значительной группы людей, шедшей, по-видимому, отсюда. У каждого в голове было ваше имя.

Картрайт быстро взглянул на гвардейцев:

— Что?

— Они удалялись, и мы не могли узнать многого. Было что-то о корабле, о долгом путешествии.

— Вы говорите, как государственный оракул.

— Их окружало плотное облако чрезмерного возбуждения и страха.

— Я не могу вам ничего объяснить, — ответил Картрайт. — Мне ничего об этом неизвестно. — Затем он добавил с иронией: — Без сомнения, какие-нибудь кредиторы.

Во дворе Рита О'Нейл ходила взад-вперед по маленькому пятачку. Ничем другим она была не в состоянии заняться. Великий момент настал, затем он прошел. Теперь все это — история.

Прислоненный к стене здания Общества, стоял простой, без украшений, маленький склеп, в котором хранились останки Джона Престона.

Рита могла рассмотреть его мрачное деформированное тело, подвешенное в пожелтевшем пластикубе, засиженном мухами.

Маленькие, скрюченные ревматизмом руки были скрещены на ссохшейся груди. За стеклом теперь уже ненужных очков — закрытые глаза. Маленький, горбатый, близорукий человек. Склеп был покрыт пылью. Никто к нему никогда не приходил. Это был одинокий, забытый людьми памятник, скрытый за мрачным глиняным футляром. Беспомощный, брошенный.

Но в полумиле отсюда целая армада старых автомобилей доставляла людей на площадку. Старое грузовое судно «6-М» ожидало на взлетной полосе. Мужчины и женщины, неловко поднимаясь по узкой металлической лестнице, входили в неизвестный им мир космического корабля.

Полет фанатиков начался. Они отправлялись в космическое пространство искать мифическую десятую планету Солнечной системы. Легендарный Диск Пламени, сказочный мир Джона Престона, существующий за пределами изученного пространства.

3

Новость успела распространиться прежде, чем Картрайт прибыл в Директорию, в Батавию. Пролетая в быстрой трансконтинентальной ракете над южной частью Тихого океана, он следил, не отрываясь, за экраном телевизора. Под ними синел океан, усеянный многочисленными черными точками — плавающими домиками из пластика и металла, этими хрупкими кусочками земли, разбросанными между Гавайями и Цейлоном, в которых жили семьи азиатов.

Изображение на экране изменялось с поразительной быстротой, одно за другим появлялись и исчезали разные лица. Они рассказывали и показывали краткую историю десяти лет правления Веррика.

Передача была построена так, что после демонстрации каждого из деяний бывшего Ведущего Игру на экране появлялась его массивная физиономия. Это, конечно, имело косвенное отношение к Картрайту.

Он не мог подавить нервного смеха, заставлявшего вздрогнуть членов Группы ТП. О нем не было известно ничего, кроме того, что он был как-то связан с Обществом престонистов. Информационные службы представляли максимум сведений о самом Обществе, но они мало что добавили.

Показали еще несколько фрагментов из жизни Джона Престона: маленький хрупкий человек идет из Информационной Библиотеки в Обсерваторию, пишет книги, собирает факты, участвует в нескончаемых и бесполезных спорах с епископами, теряет свою ненадежную классификацию и, отойдя от всех дел, умирает в безвестности. Затем сооружение бедного склепа. Первое собрание Общества. Начало издания полубредовых-полупрофетических произведений Престона...

Картрайт надеялся, что им больше ничего не известно. Он мысленно стучал по деревяшке, не сводя глаз с экрана.

Теперь там рассказывалось о верховной власти в системе Девяти Планет. Власть осуществляет Ведущий Игру, охраняемый Группой телепатов, имеющий в своем распоряжении необходимую армию, военный флот и полицию. Ведущий Игру является главным администратором всей структуры обширного аппарата классификации, всех игр, лотерей, информационных центров.

С другой стороны, существовали пять Холмов: индустриальная инфраструктура со своей социальной и политической системой.

— Как далеко проник Веррик? — спросил Картрайт у Шеффера.

Майор бегло прошупал его мозг, чтобы понять, что именно его интересует.

— О! Он во многом разобрался. Если бы он остался до августа, он бы вообще исключил непредсказуемые скачки и всю структуру Минимакса.

— Где он теперь?

— Он вылетел из Батавии в Холм Фарбен, где пользуется наибольшим влиянием. Он рассчитывает действовать оттуда. Мы проникли в некоторые из его планов.

— Я вижу, что ваша помощь может оказаться для меня ценной.

— Группа образована шестьдесят лет назад. За это время нам довелось охранять пятьдесят девять Ведущих Игру. Одиннадцать из них мы смогли спасти от Вызова.

— На сколько времени они оставались Ведущими Игру?

— Некоторые на несколько минут, другие — на много лет. Веррик был из тех, кто держался дольше всех, хотя Мак-Рей, продержавшийся тринадцать лет, превзошел его. Группа перехватила более трехсот провокаторов, шедших к нему. Но у нас не вышло бы это без его помощи. Этот Мак-Рей был старым святым пройдохой. Мне порой кажется, что он сам был телепатом.

— Группа телепатов, чтобы меня охранять, — задумчиво произнес Картрайт, — и убийцы, чтобы меня убить.

— Только один раз. Конечно, вы можете пасть от руки случайного убийцы-любителя, не утвержденного Конвететом, но такие случаи крайне редки. Убийца сразу же превращается в ничто: у него отбирают правовую карточку, и он уже никогда не может стать Ведущим Игру.

— Сколько времени я могу продержаться?

— Порядка пятнадцати дней.

Пятнадцать дней, ведь Веррик очень силен... Конветет Вызова не будет собран спонтанно, по воле человека, жадного до власти. Веррик постарается все как следует организовать.

Убийцы будут один за другим отправляться в Батавию до тех пор, пока они не достигнут цели и его, Картрайта, уничтожат.

— Ваш мозг, — сказал Шеффер, — представляет собой интересное смешение страха и чрезвычайно необычного набора, который мне не удается проанализировать, что-то связанное с астролетом.

— Вам разрешено зондировать всегда, когда вам захочется?

— Я не могу себе помешать в этом. Когда я разговариваю, вы ведь не можете помешать мне слышать то, что я произношу. Невозможно обследовать сразу нескольких человек: их мысли становятся неразборчивыми; так же как для вас были бы неясны их речи, если бы они говорили все разом. Но здесь сейчас находимся только мы с вами.

— Астролет в пути, — объявил Картрайт.

— Он не продвинется далеко. Как только он достигнет первой планеты, неважно, будет ли это Марс, Юпитер или Ганимед...

— Он двинется дальше. В наши цели не входит основать новую колонию скваттеров.

— Вы хотите слишком многого от старого грузового судна.

— На его борту все, что мы имеем.

— Вы полагаете, что вы продержитесь достаточно долго?

— Надеюсь.

— Я тоже, — бесстрастным голосом произнес Шеффер.

Он указал рукой на цветущий остров под ними.

— Кстати, агент Веррика ждет здесь вашего приземления.

Картрайт застонал:

— Уже!

— Это не убийца. Еще не собирался Конветет. Этот человек — личный служащий Веррика по имени Херб Мур. Он не вооружен. И хочет только поговорить с вами.

— Как вы узнали все это?

— Вот уже несколько минут я получаю сигналы от Корпуса. Мы образуем непрерывную информационную цепь. Вам нечего бояться: по крайней мере, двое из нас будут присутствовать при вашей беседе.

— А если я не хочу с ним разговаривать?

— Это ваше право.

Корабль садился на магнитные крючья.

Картрайт выключил телевизор.

— Что вы мне посоветуете?

— Поговорите с ним. Послушайте, что он вам скажет. Это вам поможет лучше всего узнать тех, против кого вы должны бороться.

Херб Мур оказался хорошо сложенным блондином. На вид ему стукнуло тридцать лет. Он пружинисто поднялся, когда Картрайт, Шеффер и двое других членов Группы вошли в большой холл Директории.

— Поздравляю! — весело произнес он.

Шеффер открыл двери, ведущие в личные апартаменты, и посторонился, пропуская Картрайта.

Новый Ведущий Игру в первый раз увидел свои владения. Восхищенный, он замер на пороге, перекинув пальто через руку.

— Это не похоже на внутренние помещения Общества, — произнес он наконец.

Картрайт медленно сделал несколько шагов и потрогал полированное красное дерево огромного письменного стола.

— Как странно. Я был готов к абстрактным символам власти — власти действовать так-то, решать то-то, — не видя этих ковров, этого большого письменного стола.

— Это не ваше, — объяснил ему майор Шеффер. — Это вашей секретарши Элеоноры Стивенс, бывшей ТП.

— А!

Картрайт покраснел.

— А где она?

— Сложилась такая интересная ситуация: она уехала вместе с Верриком.

Шеффер запер за ними дверь, оставив Херба Мура в обтянутом бархатом холле.

— Она недавно пришла в Корпус, только после прихода к власти Веррика. Тогда ей было семнадцать лет, и до тех пор она нигде не работала. Через два года она превратила то, что мы называем клятвой посту, в клятву конкретному лицу. Когда Веррик уезжал, она собрала вещи и отправилась с ним.

— Значит, в распоряжении Веррика есть ТП.

— По закону она лишилась сверхчувствительности мочек своих ушей. Очень забавно наблюдать такую преданность. Насколько мне известно, они не состояли в сексуальной связи. По правде сказать, она была любовницей Мура, молодого человека, который вас сейчас ожидает.

Картрайт прошелся по шикарному кабинету, разглядывая мебель для хранения бумаг, мощный инвик-комбайн, кресла, письменный стол, раздвижные панно, украшающие стены.

— Где находится мой кабинет?

Шеффер пнул ногой тяжелую дверь. Сопровождаемый двумя другими ТП, он провел Картрайта через многочисленные проверочные посты и защитные поля к унылому залу из массивного рексероида.

— Он большой, но уже не такой привлекательный.

После непродолжительного молчания Шеффер произнес:

— Веррик был реалистом. До его появления здесь господствовала восточная эротика: везде девицы, диваны, бары, музыка и яркие цветы. Веррик вымел весь хлам, содрал покрытия, имитирующие мрамор, и отправил девиц в рабочие поля марсиан. Затем он создал это.

Шеффер постучал по стене — не раздалось ни звука.

— Пять метров рексероида. На случай бомбежки или радиационной атаки здесь осуществляется автономная система вентиляции, контроль за температурой воздуха и процентом влажности, есть запас воды.

Он открыл стеной шкаф.

— Смотрите.

Здесь был настоящий арсенал.

— Веррик умел доставать себе оружие всех существующих типов. Раз в неделю он уезжал в джунгли и палил там по всему, что появлялось. Сюда можно войти только через ту дверь, через которую мы вошли.

Шеффер просунул руку за одну из перегородок:

— Из своей крепости Веррик имел не один выход. Он сам все это нарисовал, я лично следил за исполнением. Когда работы были закончены,

всех рабочих отправили в поля, как во времена фараонов. Даже группа телепатов в последний миг была вынуждена удалиться.

— Почему?

— Веррик установил оборудование, которое он не собирался использовать, пока оставался Ведущим Игру. Но члены Группы ТП всегда настаивают при попытке обойти их. Мы смогли прозондировать нескольких рабочих перед их отправкой на Марс.

Он отодвинул часть стены:

— Вот личный проход Веррика. Очевидно, через него можно не только выйти, но и войти.

Картрайт старался не обращать внимания на холодный пот, выступивший у него на руках. Проход находился за массивным письменным столом, выкованным из стали. Легко было представить себе убийцу, появившегося прямо за спиной у Картрайта.

— Что вы предлагаете? Надо ли его осуждать?

— Мы разработали план, сводящий эти приготовления на нет. Мы усеяли землю капсулами с газом. Убийца умрет, едва достигнет внутренней двери. — Шеффер пожал плечами: — Это уже трудности минеров.

— Пожалуй, — с трудом выговорил Картрайт. — Есть еще что-нибудь, что я должен сейчас узнать?

— Вы должны выслушать то, что Мур явился вам сообщить. Это биохимик высокой квалификации, гений в своем роде. Он руководит исследованиями в Фарбене. Мур не появляется здесь годами. Мы пытались как-нибудь разобраться в его работах, но, честно говоря, для нас это слишком сложно.

Один из двух других ТП, маленький белокурый франтоватый человек с большими усами, включился в разговор.

— Хотел бы я знать, не мыслит ли Мур на техническом жаргоне специально для того, чтобы нас сбить?

— Позвольте представить вам Питера Вейкмана, — сказал Шеффер.

Два человека пожали друг другу руки.

Пальцы ТП были тонкими и хрупкими, пожатие его руки казалось неуверенным, в отличие от крепких рукопожатий, к которым Картрайт привык, обращаясь с неклассифицированными. Трудно было поверить, что этот человек руководит Группой и что в критический момент он сумел отойти от Веррика.

— Спасибо, — поблагодарил его Картрайт.

— Всегда к вашим услугам. Но это не имело к вам никакого отношения. ТП проявлял явный интерес к своему собеседнику.

— А как становится престонистами? Я не читал ни одной из его книг. У него их три, не так ли?

— Четыре.

— Престон был немного странным астрономом, которому удалось привлечь внимание обсерваторий к своей планете. Впрочем, они ничего не нашли. Престон отправился на поиски Десятой планеты и нашел смерть в своем корабле. Да, я даже перелистывал «Диск Пламени». Давший мне эту книгу человек был совершенно забитым. Я хотел взять его ТП-программу, но получил только хаотический набор чувств.

— А что вы можете получить у меня? — в упор спросил Картрайт.

На мгновение установилась полнейшая тишина. Трое ТП трудились над ним. Картрайт сконцентрировал свое внимание на комплексной телевизионной установке и старался не обращать на них внимания.

— Немного похоже, — объявил наконец Вейкман. — Вы причудливым образом помешаны на этом обществе. Игра в Минимакс придает первостепенную важность Аристотелевой Золотой Середине. Итак, вы полностью сосредоточены на вашем корабле. Лачуга это или дворец, но если он будет разрушен, вам придет конец.

— Он не будет разрушен, — свирепо произнес Картрайт.

Трем ТП это показалось забавным.

— В этом мире, управляемом случаем, — ответил Шеффер, — никто ничего не может предвидеть. Есть вероятность, что корабль будет разрушен, но с равным успехом он может дойти до цели.

— Интересно, будете ли вы все еще верить в успех после разговора с Муром? — проговорил Вейкман.

Увидев входящих Картрайта и Вейкмана, Херб Мур поднялся.

— Сидите, — пригласил его Вейкман. — Будем разговаривать здесь.

Мур остался стоять.

— Я вас надолго не задержу, мистер Картрайт. Я знаю, у вас много работы.

Вейкман что-то недовольно пробормотал.

— Чего вы хотите? — спросил Картрайт.

— Обрисую ситуацию. Я на месте, Веррик смещен. Вы занимаете высший пост в системе. Так?

— Его стратегия, — серьезно разъяснил Вейкман, — состоит в том, чтобы убедить вас, что вы всего лишь любитель. Мы это точно перехватили. Он хочет дать вам понять, что вы похожи на привратника, занявшего место патрона на время, пока тот уехал по важным делам.

Мур, красный от возбуждения, принялся ходить взад и вперед, размахивая руками и извергая целый поток слов.

— Риз Веррик был Ведущим Игру в течение десяти лет. Он представлял перед Высшим Вызовом каждый день, и каждый день он устранял Вызов. Прежде всего, он умел обращаться с людьми. У него было больше таланта и знаний, чем у всех его предшественников, вместе взятых.

— Кроме Мак-Рея, — вмешался Шеффер. — Не забывайте старого Мак-Рея.

Картрайту стало нехорошо. Он плюхнулся в глубокое кресло и подождал, пока оно подгонится под его фигуру и вес.

Спор продолжался без него. Быстрый обмен словами между двумя телепатами и блестящим посланником Веррика казался далеким, словно он шел во сне. Картрайт постарался уловить нить разговора, но это оказалось невозможным.

Во многом Херб Мур был прав. Он действительно занял место другого, взялся за чужие проблемы, влез в чужую шкуру. Ему хотелось бы знать, где сейчас астролет: если все хорошо, он теперь должен двигаться где-то между Марсом и поясом астероидов. Интересно, он уже миновал таможню? По идее именно сейчас корабль должен ускоряться.

Возбужденный голос Мура вернул его к действительности.

— Как хотите! — воскликнул Мур. — Новость уже передана инвиком. Вне всякого сомнения, Конветет соберется в Холме Вестингауз, поскольку там просто с гостиницами.

— На самом деле, — сухо парировал Вейкман, — это обычное место встречи убийц: там сдаются много дешевых комнат.

Вейкман и Мур обсуждали Конветет Вызова.

Картрайт поднялся, слегка пошатываясь.

— Я хочу поговорить с Муром. Оставьте нас.

Шеффер и Вейкман быстро посоветовались и направились к дверям.

— Спокойнее, — предупредил Вейкман. — У вас и так сегодня уже было немало эмоциональных шоков. Ваш таламический индекс очень высок.

Картрайт затворил за ними дверь и повернулся к Муру:

— Итак, раз и навсегда поставим точки над «и».

Мур самоуверенно улыбнулся:

— Я в вашем распоряжении, месье Картрайт. — Вы — патрон.

— Я не являюсь вашим патроном.

— Да, это так. Я из тех, кто остался верен Ризу и не дал ему упасть.

— Похоже, вы о нем высокого мнения.

— Риз Веррик имеет большой вес в обществе, месье Картрайт. Он сделал массу великих дел. Он работает с большим размахом. — На лице Мура заиграло счастливое выражение. — Он полностью рационален.

— Чего вы хотите от меня? Чтобы я уступил ему место? Картрайт почувствовал, что его голос дрожит от волнения. — Может, это и неразумно, но я не оставляю это место. Я сюда пришел, и я здесь останусь. И вам не удастся меня запугать! Вам не удастся сделать из меня посмешище!

Его голос гремел в комнате. Он кричал.

Картрайт постарался успокоиться. Херб Мур, счастливый, не переставал улыбаться.

Картрайт вдруг с изумлением подумал, что по возрасту Мур мог быть его сыном. «Ему не более тридцати, — рассуждал Картрайт. — А мне шестьдесят три. Большой мальчик, чудесный ребенок». Он тщетно старался заставить свои руки не дрожать. Картрайт был слишком взволнован и раздражен. Он с трудом разговаривал. И ему было страшно.

— Вы не сможете управлять всем этим. Это не ваша область, — спокойно заметил Мур. — Кто вы? Я просмотрел архивы. Вы родились пятого октября две тысячи сто сорокового года неподалеку от Имперского Холма. Там протекала вся ваша жизнь.

Сейчас вы впервые прибыли в это полушарие, и никто никогда не слышал, чтобы вы бывали на других планетах. Департаментская благотворительность Имперского Холма дала вам возможность получить образование. Вам ни разу ни в чем не удалось блеснуть.

По получении среднего образования вы перестали интересоваться всем, относящимся к символизации, и занялись практическими вещами, типа починки электронной аппаратуры, пайкой и тому подобным. Кроме того, некоторое время вы интересовались типографским делом. По окончании школы вы начали работать механиком на башенном заводе, вы выдвинули несколько проектов усовершенствований в цепи сигнальных табло, но Директория нашла их несущественными и внедрять не стала.

— Эти усовершенствования, — с трудом проговорил Картрайт, — годом позже были введены в структуру.

— С этого момента вы сделали желчны. Когда в Женеве вы столкнулись с вашими реализованными проектами, вы очень огорчились. Более пяти тысяч раз вы пытались получить классификацию, но вам не хватало теоретических знаний. В сорок девять лет вы прекратили эти попытки. Годом позже вы вошли в ассоциацию помешанных, в Общество престонистов.

— К тому времени я уже в течение шести лет посещал их собрания, — прервал Картрайт Мура.

Но Мур беспощадно продолжал:

— Тогда Общество насчитывало совсем немного членов. В конце концов они выбрали вас своим президентом. Все ваше время и все ваши деньги были отданы на этот бред. Это стало целью вашей жизни, маний. — Лицо Мура сияло, словно ему только что удалось решить сложное уравнение. — И теперь вы Ведущий Игру, хозяин всех наций и народностей, миллиардов индивидуумов, невообразимого количества материальных ценностей. И при этом вы думаете только о процветании вашей ассоциации.

Картрайт тихоныко заворчал.

Мур говорил не останавливаясь:

— Что вы собираетесь делать? Издать трактаты Престопа в трех миллиардах экземпляров? Повесить везде его огромные портреты в три четверти роста? Наставить везде статуи, открыть музеи, заполненные реликвиями, одеждой, искусственными челюстями, обломками ногтей, обувью, пуговицами великого предка? Воздвигнуть алтари, к которым приглашать молиться толпу? Ведь уже есть один деревянный, засиженный мухами памятник, в котором выставлены для всякого желающего их увидеть и потрогать кости великого святого. Это и есть то, что вы хотите создать? Новую религию, нового бога? Вы собираетесь посылать целые армады на поиски мифической планеты?

Мур видел, что Картрайт изнемогает, но продолжал изощряться в красноречии.

— Мы должны будем убивать время на выскабливание Вселенной в поисках этого Диска Огня, или Пламени? Вы помните Робина Питта, тридцать первого Ведущего Игру, избранного в возрасте девятнадцати лет, гомосексуалиста, психопата? Он никогда не расставался со своей матерью и сестрой. Он читал старинные книги, рисовал картины, писал речи почерком психически больного, но слегка подлечившегося человека.

— Стихи.

— Он пробыв Ведущим Игру ровно неделю. Благословение богу, Вызов его устранил. Он бродил по джунглям, собирал дикорастущие цветы, писал сонеты. Вы должны знать об этом, вам тогда уже было достаточно много лет.

— Мне было тринадцать лет, когда его убили.

— Вы помните, какие у него были планы развития человечества? Постарайтесь вспомнить. Почему учредили процесс Вызова? Система существует для нашей охраны. Она случайным образом возвеличивает или низвергает, выбирает наудачу индивидуумов через непредсказуемые промежулки времени.

Никто не может захватить власть и затем ее удерживать, никто не знает, чем он будет через год, через неделю. Никто не может стать диктатором благодаря интриге: все подчиняется непредсказуемому движению субатомных частиц. Вызов нас охраняет с другой стороны: от некомпетентных, от слабоумных и от сумасшедших. Таким образом, мы в полной безопасности: ни деспотов, ни сумасшедших.

— Но я не сумасшедший, — хрипло проговорил Картрайт.

Он удивился звуку собственного голоса. Он был слабым и неуверенным. Улыбка Мура становилась все шире, мозг его не ведал сомнений.

— Я должен освоиться, — наконец ровно произнес Картрайт. — Мне необходимо на это время.

— Вы думаете преуспеть? — поинтересовался Мур.

— Да.

— Я не думаю, что у вас выйдет. Вам осталось примерно сутки — время, необходимое для созыва первого Конветета Вызова и утверждения первого кандидата. Они не промахнутся.

Картрайт подпрыгнул:

— Почему?

— Веррик пообещал миллион долларов золотом тому, кто вас убьет. Сумма премии неизменна, независимо от того, когда это произойдет.

Картрайт перестал понимать смысл произносимых слов. Как бы сквозь пелену он почувствовал, что в комнату вошел Вейкман и направился к Муру. Оба человека, тихонько переговариваясь, удалились.

Фраза «миллион долларов золотом» леденящим холодом обволокла все извилины мозга Картрайта. Найдется масса желающих получить награду. На такие деньги каждый мог купить любую классификацию на черном рынке. Мало того, лучшие умы станут рисковать своей жизнью ради этого приза в обществе, где всем важна только бесконечная игра, гигантская лотерея.

Вейкман вернулся к нему, качая головой:

— Какой энергичный ум! В нем рождалось столько идей, что мы их никак не могли охватить. Было что-то связанное с телами, бомбами, убийствами и случайностью. Он ускользнул. Но мы его вернули и еще исследуем.

— Он правильно говорит, — выдохнул Картрайт. — Мое место не здесь.

— Его стратегия и состоит в том, чтобы заставить вас так думать.

— Но это правда!

Вейкман нехотя согласился:

— Я знаю. Поэтому-то его стратегия и хороша. Мы, я полагаю, выработали качественную стратегию. Когда придет время, мы вам ее продемонстрируем.

Он вдруг энергично потряс Картрайта за плечи.

— Вам надо бы сесть. Я вам принесу выпить. Веррик оставил после себя два ящика настоящего шотландского виски.

Картрайт тихо покачал головой:

— Как хотите.

Вейкман достал платок и протер им лоб. Его руки слегка дрожали.

— Думаю, я бы выпил рюмку, если вы не против. Мне она действительно необходима после работы по перехватыванию этого потока спрессованной патологической энергии.

4

Тед Бентли стоял перед открытой кухонной дверью, вдыхая вырывавшиеся из нее запахи.

Дом Дэвиса был веселым и приятным.

Эл Дэвис, босой, сидел напротив телевизора и серьезно смотрел рекламу. Его жена, хорошенькая брюнетка Лора, готовила ужин.

— Если это протин, — сказал ей Бентли, — я вас поздравляю от всей души.

— Мы никогда не едим протина, — ответила Лора весело. — Мы пробовали им питаться в первый год нашей совместной жизни, но у него все равно остается привкус, как ни приготовь. Натуральные продукты стоят ужасно дорого, но мы думаем, что на них имеет смысл и тратить деньги. Протин хорош для инков.

— Если бы не было протина, — вмешался Эл, — инки перемерли бы с голоду еще в двадцатом веке. Ты недостаточно информирована. Хочешь знать чистую и простую правду?

— Я слушаю, — промолвила Лора.

— Протин — это не естественная водоросль. Это продукт контролируемой мутации, начатой в столовых сосудах Среднего Востока и быстро распространившейся в мягких водах.

— Я слушаю, — повторила Лора.

— Протин не является водорослью, повторяю.

— О, я знаю! Когда утром я вхожу в ванную комнату, то нахожу грязный осадок повсюду: в раковине, в трубе и даже в унитазе.

— Он выступает даже на поверхности Великих Озер, — добавил Эл.

Лора повернулась к Теду:

— Во всяком случае, сегодня вечером протина не будет: только настоящий ростбиф, настоящая молодая картошка с настоящим горошком и настоящими гренками.

— Вы живете лучше, чем жили во времена моего последнего визита. Что произошло?

— Ты не знал?

Сложный набор чувств отразился на очаровательном лице Лоры.

— Эл перепрыгнул через целый класс. Он выиграл в правительственной игре. Мы учились вместе все вечера, как только Эл приходил с работы.

— Я впервые слышу о человеке, который выиграл в игре. По телевизору это передавали?

— Да.

Лора состроила гримасу отвращения:

— Этот жуткий Сэм Остер болтал об этом в течении всей программы. Ты знаешь, этот демагог очень популярен среди инков.

— Признаться, не знаю, — ответил Бентли.

На экране сверкающие рекламные объявления утопали в море огня. Сменяя друг друга, они мелькали на экране, то уменьшаясь, то увеличиваясь в размере. Рекламные объявления были высшей формой изобразительного искусства, их готовили настоящие мастера своего дела.

В них сочетались цвет, композиция, ритм и невероятная жизнеспособность, проникающая даже в гостиную Дэвисов. Невероятные сочетания звуков вылетали из развешенных на стенах громкоговорителей хи-фи.

— Конветет, — сказал Дэвис. Он указал на экран. — Они ждут кандидатов, предлагая сенсационно большую награду.

На экране мелькнула эмблема Конветета: круговорот светящихся мушек и цветных нитей.

Калейдоскоп знаков распался на мелкие части, затем вновь образовал новый рисунок. Условные символы неистово танцевали на экране под истеричные взлеты музыки.

— Что они говорят? — спросил Бентли.

— Если хочешь, я переключу на первую программу. Там ты все точно узнаешь.

Вошла Лора и начала раскладывать на столе серебряные приборы и составлять фарфоровую посуду.

— О! Нет, только не первую программу! Она для инков. Ее специально оставили для них, а для нас создали вот эту.

— Ты опять ошибаешься, дорогая, — серьезно объяснил Эл. — Первая программа — информационная и для технических передач, а вторая — развлекательная. Я всегда предпочитал последнюю, но...

Он сделал жест рукой. Тотчас же исчез красный поющий круговорот, уступив место благодушному лицу диктора из Вестингауза.

— Вот эта программа.

Лора поспешно вышла в кухню. В гостиной было удобно и уютно. Одна стена была прозрачной. Город, лежавший вокруг широкого конуса Холма Фарбен, чернеющего под ночным небом, простирался у их ног.

Иногда проскакивали вспышки света: это небесные автомобили, как искры, возникали в холодной темноте ночи, подобно светящимся бабочкам, привлеченным каким-нибудь космическими лампочками.

— С каких пор ты служишь у Веррика? — спросил Бентли.

Эл оторвался от телевизора, где рассказывали о новых экспериментах над реакторами С.

— Что? Я думаю, три или четыре года.

— Тебя это устраивает?

Эл оглядел гостиную.

— А кого бы это не устроило?

— Я не об этом. У меня было все это в Птица-Лира. Большая часть классифицированных там достаточно обеспечены. Я говорю о Веррике.

Эл явно не понимал, чего хочет Тед.

— Веррик? Я его никогда не вижу. До сегодняшнего дня он не выезжал из Батавии.

— Ты знаешь, что я ему присягнул?

— Ты сказал мне об этом сегодня днем. — Он посмотрел на Бентли и лучезарно и беззаботно улыбнулся: — Надеюсь, что ты останешься здесь.

— Почему?

На лице Дэвиса отразилось удивление:

— Ну потому, что мы сможем чаще видеться с тобой и с Юлией.

— Вот уже шесть месяцев, как я не живу с ней. Это теперь в прошлом. Она сейчас на Юпитере, по-моему, служит на одном из рабочих полей.

— Я не знал. Мы ведь не виделись целых два года. Я был приятно поражен, увидев твое лицо на экране инвик-приемника.

— Я прибыл сюда с Верриком и его штабом. — В голосе Бентли звучала ирония. — После того как меня уволили в Птица-Лира, я направился прямо в Батавию. Я хотел навсегда порвать с системой Холмов. Поэтому пошел непосредственно к Ризу Веррику.

— Это лучшее, что ты мог бы сделать.

— Веррик меня получил! Но он изгнан из Директории. Я знал, что кто-то, располагающий мощными финансовыми возможностями, осуществит повышение цен в Холмах. Я не хотел принимать в этом участия — и вот, полюбуйте, куда я попал!

Его самобичевание стало еще злей.

— Вместо того чтобы уйти от этого, я завяз по самую шею. Я бы согласился на что угодно, только не на это.

Всегда спокойный Дэвис тут же возмущился:

— Лучшие из моих знакомых все служат у Веррика.

— Это нетрудно понять, когда надо зарабатывать себе на жизнь.

— Ты готов ненавидеть Веррика за то, что он преуспевает? При нем этот Холм стал так процветать, как он не процветал никогда. Ведь не вина Веррика, что он талантлив. Это уже от эволюции и естественного отбора. Те, кто сюда не вписывается, погибают.

— Веррик уничтожил наши исследовательские лаборатории.

— Наши лаборатории? Не забывай, что ты теперь с Верриком.

Дэвис был искренне возмущен:

— Следи за тем, что ты говоришь! Веррик твой покровитель, и вот ты...

— Мужчины, к столу, — объявила хозяйка.

Она раскраснелась от хлопот на кухне.

— Ужин готов, Эл, иди вымой руки и обуйся.

— Сию минуту, дорогая, — объявил тот, поспешно вставая.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил Бентли.

— Нет, бери стул и садись. Вот настоящий кофе. Я не помню, ты ешь сметану?

— Да, спасибо.

С мрачным видом он взял стул и уселся.

— Не будь таким грустным, — попросила его Лора. — Посмотри, какие вкусные вещи. Ты больше не живешь с Юлией? Держу пари, что ты все время питаешься в ресторанах, где подают этот жуткий протин.

Бентли играл ножом и вилок.

— Вы действительно здесь хорошо устроились. Последний раз, когда я у вас был, вы жили в общей спальне Холма. Кстати, вы тогда еще не поженились.

— А помнишь те времена, когда мы жили все вместе? — напомнила Лора. Она обрезала веревочку, обвязывавшую ростбиф. — Если я не ошибаюсь, это продолжалось около месяца.

— Да, чуть меньше месяца, — согласилась Бентли.

Он был погружен в воспоминания. Наконец под влиянием аромата, исходящего от блюд, приятной обстановки, хорошенькой женщины, сидевшей напротив, он расслабился.

— Ты тогда еще служила в Птица-Лира, это было непосредственно перед тем, как ты лишилась классификации.

Вернулся Эл, сел, развернул салфетку, потер руки, предвкушая удовольствие.

— Это кажется чертовски вкусным! Давайте начнем, я умираю с голоду!

Во время всего ужина телевизор непрерывно бормотал и извергал священные мигание.

Бентли временами прислушивался, отключаясь от разговора друзей.

— Ведущий Игру Картрайт объявил о том, что он поднял на ноги двести служащих Директории, основание: Эн-Эр-Эр-Бе.

— Необходимый риск ради безопасности, — пояснила Лора, прихлебнув кофе. — Они это всегда говорят.

Диктор продолжал:

— Подготовка Конветета идет полным ходом. Сотни тысяч просителей уже предложили свои кандидатуры на рассмотрение Совету, заседающему в Холме Вестингауз. Риз Веррик, экс-Ведущий Игру, добровольно принял на себя реализацию многочисленных технических деталей операции, которая обещает быть наиболее захватывающей и впечатляющей за последние десять лет...

— Каково! — воскликнул Эл. — Веррик контролирует Холм. Он заставляет их ишачить.

— В Совете всегда председательствует старый судья Воринг? — спросила Лора. — Ему, наверное, уже сто лет.

— Да, всегда, и он останется председателем до смерти, это старое ископаемое. Ему пора бы уступить место кому-нибудь помоложе.

— Он осознает это лучше, чем кто-либо другой, — предположила Лора. — И он заботится о поддержании на должном уровне моральных принципов во время проведения операций. Я помню, как, когда я была маленькая, устроили одного Ведущего Игру — маленького заикающегося шута. Убийца, черноволосый молодой человек, сделал из Ведущего Игру чудовище. И старый судья Воринг повел Конветет, как Иегова в древних христианских сказаниях.

— Он носит бороду, — добавил Бентли. — Длинную белую бороду.

Диктор исчез, и на экране возник огромный зал, где должен был собираться Конветет. Уже был сооружен помост, на котором должен был восседать Совет. Рабочие лихорадочно сновали взад и вперед. В зале гулко отдавались приказания.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что происходит, пока мы здесь спокойно ужинаем? — спросила Лора.

— Это так далеко, — равнодушно отозвался Эл.

— ...Предложив награду в миллион долларов золотом, Веррик сильно возбудил Конветет. По предварительным статистическим оценкам, ожидается рекордное число кандидатов, и оно неуклонно растет. Каждый хочет попытаться счастья в самом дерзком испытании. Да, риск велик, но и ставка высока.

Глаза шести миллионов зрителей на девяти планетах будут прикованы сегодня вечером к Холму Вестингауз. Кто станет убийцей? Кто из блестящих кандидатов, представляющих все классы и все Холмы, первым попытается получить миллион долларов и овации всей цивилизации?

— А ты? — спросила вдруг Лора у Бентли. — Тебе стоило бы заявить о себе. Ты ведь теперь свободен.

— Это не по моим средствам.

Лора залилась смехом:

— Ясно! Эл, куда ты дел эти бобины с рассказами о великих убийцах прошлого? Я хочу показать их Теду.

— Я их видел, — сухо произнес Бентли.

— Разве в детстве ты не мечтал стать убийцей? Насколько я помню, мне ужасно не хотелось быть девочкой, потому что я никогда бы не смогла стать убийцей, когда вырасту. Я накупила массу амулетов, но они не превратили меня в мальчика.

Эл Дэвис отодвинул свою тарелку, удовлетворенно отрывнув.

— Можно, я ослаблю ремень?

— Конечно, — разрешила Лора.

Эл расстегнул ремень.

— Дорогая, еда сегодня превосходна. Я бы очень хотел питаться так каждый день.

— Но мы всегда питаемся почти так же хорошо. — Лора допила кофе и промокнула губы салфеткой. — Еще кофе, Тед?

— ...По данным экспертов, первый убийца будет иметь семь-десять шансов из ста уничтожить Ведущего Игру Картрайта и заработать тем самым награду в миллион долларов золотом, предложенную Ризом Верриком. Напомним, что менее двадцати четырех часов назад Конветет сместил Ведущего Игру непредвиденным скачком. Если первый убийца потерпит неудачу, на второго спорщики поставят свои деньги: шестьдесят против ста. По их мнению, Картрайт только через два дня сумеет подготовить армию и группу телепатов. Таким образом, для убийцы главное — быстрота, особенно в начальной стадии. Впоследствии положение будет более напряженным, так как...

— Уже заключено немало пари.

Уютно устроившись в кресле с сигаретой в руке, Лора улыбалась Бентли.

— Я рада тебя видеть. Ты перебираешься в Фарбен? Если хочешь, ты можешь остаться у нас, пока не подыщешь подходящее жилье.

— Масса удобных квартир заняты инками, — вмешался Эл.

— Они везде, — поддакнула Лора. — Помнишь хорошенькие зеленые и розовые домики за лабораториями экспериментального синтеза? Так вот, теперь в них полно инков. Естественно, все стало грязным и пахнет... Позор! Почему они не нанимаются рабочими на поля? Прежде всего, каждый должен знать свое место!

— Я хочу спать. — Эл зевнул. Он взял финик. — Финик. Что это такое, финик? Слишком сладкий. С какой это планеты? Он напоминает один из этих мясистых фруктов с Венеры.

— Это из Малой Азии, — ответила Лора.

— Откуда? С Земли? И кто осуществлял мутацию?

— Никто. Это плод обычной пальмы.

Эл зачарованно покачал головой:

— Как бесконечно разнообразны творения рук твоих, господи!

— Эл! — Лора была шокирована. — Если бы это слышал кто-либо из твоих коллег.

— И что? — спросил Эл. Он потянулся. — Я шучу.

— Они подумали бы, что ты христианин.

Бентли медленно поднялся:

— Лора, я должен идти.

Эл тоже встал и удивленно спросил:

— Почему?

— Я должен отправиться за вещами в Птица-Лира.

Эл дружески похлопал его по плечу:

— Фарбен позаботится об этом. Не забывай, что теперь ты служишь у Веррика. Закажи транспортную службу у Холма, и все будет сделано.

— Я предпочитаю заняться этим сам.

— Почему? — Лора удивилась.

— Целее будет, — уклончиво ответил Бентли. — Я возьму такси и за уик-энд съезжу. Не думаю, что я понадобится раньше понедельника.

— Не знаю, — заметил Эл. Он покачал головой. — Если Веррику кто-то требуется срочно, то это действительно должно быть срочно...

— Чертов Веррик! — вскричал Бентли. — Я не спешу.

Он встал из-за стола. Недовольные и пораженные лица супругов были обращены к нему.

Его желудок был набит изысканными, взбадривающими кушаньями, но мозг его был пуст — тоненькая кислая оболочка, под которой... Что? Он не знал.

— Не следует так думать, — сказал Эл.

— Я говорю то, что думаю.

— Ты знаешь, я всерьез начинаю полагать, что ты не осознаешь действительности.

— Может быть. — Бентли взял пальто. — Спасибо за угощение, Лора. Это было великолепно.

— Тебе не хватает убежденности.

— Это потому, что я не убежден. У вас есть хорошенькая маленькая квартира со всем необходимым. Надеюсь, что вы будете очень счастливы. Надеюсь, что твоя кухня и впредь будет вас поддерживать в убеждении, что вы и сейчас счастливы, несмотря на все, что я могу сказать.

— Я в этом уверена, — сказала Лора.

— ...уже более десяти тысяч, — продолжал диктор, — прибывших со всех уголков Земли. Судья Воринг объявил, что первый убийца будет утвержден в ходе этой сессии.

— Этим вечером! — воскликнула Эл. Он восхищенно свистнул: — Веррик не теряет времени даром. Стоит ему появиться, как все начинает вертеться. Этого нельзя не признать.

Бентли поклонился и выключил телевизор. Шум и цвета исчезли.

— Вы не возражаете? — спросил он.

— Что случилось? — Лора казалась изнеможенной. — Он погас.

— Это я его выключил. Я уже сыт по горло этим бесконечным гвалтом.

Мне довольно этого Конветета выше головы.

Установилась напряженная тишина.

Наконец Эл, робко улыбаясь, прервал ее:

— Тебе не помешает капелька алкоголя перед уходом. Это тебя успокоит.

— Я совершенно спокоен, — ответил Бентли.

Он подошел к прозрачной стене и грустно посмотрел на погруженный в ночь Холм Фарбен, опоясанный непрерывно двигающимися огоньками. В его мозгу тоже непрерывно изменялись различные символы и образы.

Можно было выключить телевизор, сделать стену непрозрачной, но невозможно было остановить быструю работу мысли.

— Хорошо, — констатировала Лора, не обращаясь ни к кому конкретно. — Не станем следить за заседанием Конветета Вызова.

— У тебя появится возможность увидеть его в записи. Смотри хоть всю оставшуюся жизнь, — весело сказал Эл.

— Но меня это интересует именно сейчас.

— Это продлится еще долго, — ответил Эл. Он инстинктивно старался восстановить добрый тон разговора. — Они еще даже не кончили налаживать аппаратуру.

Лора свистнула сквозь зубы и вышла, катя перед собой столик. Вскоре они услышали ожесточенное громохание посуды.

— Она в бешенстве, — вздохнул Эл.

— Это из-за меня, — неуверенно произнес Бентли.

— Это у нее пройдет. Ты знаешь, какая она. Послушай, если у тебя что-то не так и ты хочешь мне рассказывать, я весь внимание.

«Что я должен ему сообщить?» — напрасно спрашивал себя Бентли.

— Я направлялся в Батавию, надеясь на нечто другое, — начал он. — Мне надоела эта борьба за власть, в которой каждый топчет остальных, идет по их трупам. Я мечтал о чем-то великом. И вот я здесь, перед этой кричащей во все горло правдой. Эти объявления производят на меня впечатление чего-то мерзкого, только красиво раскрашенного. — Он указал пальцем на телевизор.

Эл Дэвис торжественно поднял короткий красный палец:

— Меньше чем через неделю Риз Веррик займет место Человека Номер Один. С его деньгами он найдет убийцу. Убийца станет его слугой. Когда он убьет этого Картрайта, пост перейдет к Веррику. Ты слишком нетерпелив, вот и все. Подожди неделю — и все станет как было, может, даже еще лучше.

Вернулась Лора. Ее ярость улеглась, только на лице была написана тревога.

— Эл, пожалуйста, включи трансляцию Конветета. Я слышала от соседей, они именно сейчас выбирают убийцу.

— Я сейчас включу, — устало согласился Бентли. — Я все равно ухожу.

Он наклонился и нажал на кнопку. Трубка быстро нагрелась, и, выходя, Бентли уже не слышал неистовый вой. Здравицы в честь Веррика, вылетавшие из тысяч глоток, сопровождали его в ледяной ночи.

— Убийца! — невероятно пронзительно ревел телевизор, пока Бентли, засунув руки в карманы, спускался по утопавшей в полумраке тропинке. — Они сейчас вытягивают его имя. Через секунду я смогу вам его назвать.

Крики «ура» перешли в могучее крещендо, мгновенно перекрывшее голос диктора.

— Пеллиг!

Диктору наконец удалось перекричать зал:

— ...Под аплодисменты народа... волей всей планеты... первым убийцей избран Кейт Пеллиг!

5

Холодный блестящий металлический круговорот внезапно остановился перед Бентли. Двери открылись, и в студеной ночи гибкая фигура направилась к нему.

— Кто вы? — спросил Бентли.

Ветер поднимал влажную листву, и она кружила вокруг дома Дэвисов. В темноте глухо раздавались далекие шумы с заводов Холма Фарбен.

— Где вас черти носят? — с волнением спросил низкий женский голос. — Вот уже час, как Веррик вас повсюду ищет.

— Я никуда не уходил отсюда, — ответил Бентли.

Элеонора Стивенс внезапно показалась из темноты.

— После приземления вы должны были поддерживать связь. Он недоумен.

Она нервно оглянулась:

— Где Дэвис? В доме?

— Разумеется.

Бентли начинал сердиться:

— Что все это значит?

— Не нервничайте.

Голос Элеоноры был так же холоден и далек, как сверкавшие на небе звезды.

— Идите позовите Дэвиса и его жену. Я жду вас в машине.

Эл Дэвис широко открыл рот, снова увидев Бентли на пороге теплой изнеженной гостиной.

— За нами прибыли, — объяснил Бентли. — За Лорой тоже.

Лора сидела на краю кровати и собиралась снимать сандалии. Увидев Эла, она стала застегивать штанины брюк на лодыжках.

— Пойдем с нами, дорогая, — обратился Бентли к ней.

Она резко встала.

— Что-то случилось? Скажи мне.

Все трое, одетые в тяжелые пальто и рабочие ботинки, вышли на ледяной холод.

Лора завела мотор, который тут же начал монотонно рокотать.

— Полежайте.

В темноте Эл помог Лоре усесться.

— А что, света нет? — спросил он.

— Чтобы усесться, он вам не нужен, — ответила Элеонора.

Двери закрылись. Мгновенно рванув с места, автомобиль заскользил по дороге. Перед ними замелькали темные силуэты домов и деревьев. Затем автомобиль с тихим рокотом оторвался от земли. Мгновение он летел на бреющем полете, затем поднялся выше, огибая линии электропередач, затем еще выше, оставляя под собой здания и улицы, расположенные вокруг Холма Фарбен.

— Что это значит? — спросил Бентли.

Машина дрогнула, когда магнитные телекрючья схватили ее, подводя к зданию, мигавшему огнями.

— Мы имеем право знать.

— Мы едем на небольшой прием, — ответила Элеонора. Она слегка раздвинула в улыбке свои темно-красные губы.

Автомобиль въехал в вогнутый блок и замер напротив магнитного диска. Быстрым жестом Элеонора отключила контакт и заставила дверь открыться.

— Выходите, — приказала она. — Мы приехали.

Их шаги гулко раздавались по длинному пустому коридору. Элеонора шла впереди, поворачивая то вправо, то влево.

То там, то здесь тихие полусонные охранники в униформе небрежно несли свою службу.

Одним жестом Элеонора открыла двойную дверь и сделала всем знак войти. Неуверенно переступив порог и войдя в помещение, они сразу же оказались охвачены волнами теплого душистого воздуха.

Риз Веррик сидел спиной к ним. Он яростно ковырялся в каком-то ярком предмете.

— Каким образом вы приводите в движение этот проклятый механизм? — пролаял он.

Послышался пронзительный визг раздираемого металла.

— Боже, по-моему, я его сломал!

— Дайте сюда, — произнес Херб Мур. — У вас неловкие руки.

— Что ты говоришь! — проворчал Веррик.

Он повернулся к трем вошедшим, массивный и сгорбленный, как медведь. От его взгляда делалось не по себе. Элеонора Стивенс скинула мантию и бросила его на спинку шикарного дивана.

— Вот они, — сказала она, — они вместе проводили вечер.

Она прошлась в своем бархатном облегающем костюме, делавшем ее ноги еще длиннее, и наклонилась к камину, грея плечи и обнаженную грудь. В отблесках пламени ее кожа казалась ярко-пунцовой.

— Вы всегда должны находиться там, где я могу вас разыскать, — бесцеремонно приказал Веррик, обращаясь к Бентли.

Затем он добавил с презрением:

— У меня больше нет телепатов, которые приводили бы ко мне нужных людей, это осложняет дело.

Он указал большим пальцем на Элеонору:

— Она, конечно, отправилась со мной, но она уже ничего не может.

Элеонора ответила холодной усмешкой.

Веррик резко обернулся и крикнул Муру:

— Ну как, дело идет? Да или нет?

— Уже почти все кончено.

Веррик хмуро забрюзжал.

— Это своего рода торжество, — обратился он к Бентли. — Хотя я еще не знаю, что мы сможем отпраздновать.

Улыбаясь и пританцовывая, Мур подошел к ним.

В руках он держал уменьшенную модель ракеты.

— Отлично. Впервые в истории Ведущий Игру сам выбирает убийцу. Это не палец старого родоначальника, указавший на Пеллига, избрал его. Все было predeterminedo раньше...

— Вы слишком много говорите, — перебил его Веррик. — Вы прямо-таки набиты речами, большая часть которых ничего не означает.

Мур весело рассмеялся.

— Хорошо, что члены Группы телепатов это выяснили.

Бентли отошел в угол помещения.

Веррик ясно выпил лишнего. Огромный и грозный, он походил на медведя, убежавшего из клетки. Но под этой громоздкой оболочкой скрывался ум, от которого ничто не ускользало.

В зале был высокий потолок, стены украшены деревянными панно, заимствованными, по-видимому, в каком-то древнем монастыре. Выпуклая форма потолка наводила на мысль о церкви с ее перекрытиями, почерневшими от дыма многочисленных свечей. Убранство зала производило впечатление излишней нагроможденности, но все же это выглядело очень колоритно. Даже камни были пропитаны теплом и отполированы тысячами рук, прикасавшихся к ним веками. Бентли дотронулся до одного из панно. дерево было изъедено, но чудесным образом отшлифовано, словно луч света проник в древесину и всю ее пропитал.

Веррик заметил жест Бентли.

— Это дерево взято из дома, построенного в средние века, — объяснил он.

Лора рассматривала увитые гроздьями камней висевшие по стенам ковры, украшенные витражами окна. На каминной полке были расставлены потускневшие и деформированные старинные кубки. Бентли осторожно взял один из них.

Он был удивительно тяжелый и толстый, одновременно простой и асимметричный: средневековый саксонский стиль.

— Сейчас вы увидите Пеллига, — предупредил их Веррик. — Элеонора и Мур уже знакомы с ним.

Мур вновь залился неприятным пронзительным смехом:

— Да, я с ним знаком.

— Он очарователен, — погасшим голосом произнесла Элеонора.

— Поговорите с ним, наблюдайте за ним, — продолжал Веррик, — мне очень хочется, чтобы все его увидели. Я рассчитываю послать только одного убийцу. — Он раздраженно махнул рукой. — Зачем еще направлять их целую партию?

Элеонора бросила на него пронизывающий взгляд.

— Идемте же, — пригласил Веррик.

Он подошел к двусторчатой двери и открыл ее, впуская море света и многочисленных оживленных зрителей.

— Входите, — приказал он. — Я пойду найду Пеллига.

— К вашим услугам, месье или мадам.

Элеонора Стивенс взяла стаканы с подноса, который держал робот Мак-Миллан. Ее лицо ничего не выражало.

— А вы, Бентли?

После его утвердительного кивка она вновь подозвала робота и взяла второй стакан.

— Это не очень крепко, вот увидите. Сделано из ягод, вызревающих в сланцах на солнечной стороне Каллисто один раз в году. Веррик основал там рабочее поле, чтобы собирать их.

Бентли взял предложенный стакан:

— Спасибо.

— За храбрость!

— Что все это означает?

Бентли оглядел помещение, казалось трещащим по швам от заполнившей его радостной толпы.

Люди были элегантно одеты, здесь были представлены все высшие классы.

— Я почти не удивлюсь, если они сейчас пустятся в пляс!

— Они уже и поели, и поплясали. Великий боже! Уже два часа утра! Сколько всего произошло: скачок, Конветет Вызова, все это торжество.

Элеонора на ком-то остановила взгляд:

— Вот и она.

Бентли обернулся. Вокруг только что появившихся Веррика и какого-то человека тут же образовался островок тишины. Спутник Веррика был худ, среднего роста, одет в серо-зеленый костюм самого обычного вида. Его руки безвольно висели по бокам. Лицо было лишено какого-либо выражения. Вслед ему раздавались приглушенные восклицания.

— Это он, — произнесла Элеонора сквозь свои белые зубы.

Она сильно сжала руку Бентли. Глаза ее неистово горели.

— Это Пеллиг. Посмотрите на него.

Пеллиг ничего не произносил. Его соломенного цвета волосы были влажны и небрежно причесаны. Черты лица очень нечеткие, грубо очерчены и невыразительны. Этот молчаливый и бесцветный субъект казался еще более незначительным из-за присутствия рядом гиганта, подталкивающего его перед собой. Вскоре человек этот затерялся среди сатиновых облегающих костюмов и длинных платьев. Разговоры вокруг Бентли возобновились с прежним воодушевлением.

— Мы еще увидим их позднее, — пообещала Элеонора. Она дрожала. — Он заставил меня покрыться гусиной кожей. Итак? — Элеонора улыбнулась Бентли, не отпуская его руки. — Что вы думаете о нем?

— Он не произвел на меня никакого впечатления.

Из группы, окружавшей Веррика, раздался полный энтузиазма голос Мура. Бентли раздраженно отодвинулся от Элеоноры на несколько шагов.

— Куда вы? — спросила Элеонора.

— Я возвращаюсь. — Эти слова вырвались у него сами собой.

— Куда? — Она постаралась улыбнуться. — Дорогой мой, я не могу больше вас прозондировать. Я лишилась всего этого. — Она приподняла свою огненно-рыжую шевелюру и показала Бентли два серо-мертвых кружочка на девственной коже вокруг ушей.

— Я вас не понимаю. Отказываться от такого дара, с которым вы родились...

— Вы говорите, как Вейкман. Если бы я осталась с Группой, я должна была бы использовать эту мою способность против Риза. А что мне оставалось делать? — Ее взгляд был полон невыразимой печали.

— Вы знаете, что это на деле означает? Словно я лишилась зрения. Вначале я долго выла и плакала. Я не могла к этому привыкнуть. Я была полностью раздавлена.

— А теперь?

— Я это переживу. Раз это все равно непоправимо, не стоит об этом думать. Не будем больше об этом, дорогой. Это называется Метановый бриз. Я думаю, что на Каллисто атмосфера состоит из метана.

— Вы уже были в космических колониях? — поинтересовался Бентли. Бентли смочил губы ароматной жидкостью. Она была очень крепкой. — Вы видели когда-нибудь рабочее поле? Или колонии скваттеров после прихода полицейского патруля?

— Нет, — ответила Элеонора. — Я никогда не покидала Землю. Я родилась девятнадцать лет назад в Сан-Франциско. Все телепаты родом из этого города. Во время Финальной войны экспериментальные установки Ливермора были разрушены советскими ракетами. Выжившие все равно серьезно облучились.

Мы все происходим из одной семьи: Ирла и Верны Филипс. Все члены Корпуса — родственники между собой. Меня воспитывали, развивая всячески этот дар: таково было мое предназначение.

Несмело раздалась робкие звуки музыки, идущие из музыкальных роботов: случайные сочетания непредсказуемых и постоянно меняющихся гармонических тональностей, недоступные пониманию человеческого ума. Несколько пар небрежно танцевали. Группа людей оживленно спорила.

Бентли уловил несколько реплик:

— Он объявился, выпущенный лабораторией в июне.

— Вы наденете брюки на кошку? Это бесчеловечно.

— Достичь подобной скорости? Лично меня устраивает добрый старый суб-ЭС.

Около двери несколько человек, отупевших от усталости, с пустыми глазами и вялыми ртами, собирали свои вещи, готовясь уйти.

— Это всегда так, — объявила Элеонора. — Когда женщины останавливаются, чтобы попудриться, мужчины начинают ссориться.

— Что делает Веррик?

— Послушайте его!

Глубокий голос Веррика перекрывал шум разговоров. Понемногу все смолкли и стали его слушать. Люди с напряженными и суровыми лицами собрались вокруг распалаявшихся Веррика и Мюра.

— Мы создаем свои собственные проблемы, — утверждал Веррик. — Они не более реальны, чем проблема обеспечения продовольствием или излишка рабочей силы.

— Как это так?

— Система целиком искусственная. Игра в Минимакс была создана двумя математиками в ходе первой фазы второй мировой войны.

— Открыта, а не создана, — поправил Мур. — Они увидели, что социальные ситуации аналогичны играм, как, например, покер. Система, используемая в покере, оказывалась годной и в реальной жизни: в деловых отношениях или в войне.

— Каковы различия между случайной игрой и стратегической? — поинтересовалась Лора Дэвис.

— Все различно, — раздраженно пояснил Мур. — В случайной игре не пытаются сознательно обмануть соперника. В покере, наоборот, каждый игрок часто блефует — ничего не значащие жесты, ложные объяснения, — чтобы обмануть других и не посвящать их в свои действительные замыслы. В результате ему удастся заставить их поступить глупо.

— Ну например, объявить, что у него хорошие карты, а на самом деле это неправда?

Мур не обратил внимания на вопрос Лоры и вернулся к Веррику:

— Итак, вы отрицаете, что общество развивается, как стратегическая игра? Минимакс был блестящей гипотезой. Он дал нам научный, рациональный метод для выявления какой-нибудь стратегии и преобразования стратегической игры в случайную игру, к которой применимы статистические методы точных наук.

— В то же время, — проворчал Веррик, — эта проклятая система без всякого основания выбрасывает человека наружу и сажает на его место осла, дурака, сумасшедшего, выбранного случайно, даже без учета его класса и его способностей.

— Конечно! — воскликнул Мур. — Наша система полностью базируется на Минимаксе. Она заставляет всех людей играть в игру Минимакса, и они постоянно боятся потерпеть фиаско. Мы должны отказаться от всякого мошенничества и действовать абсолютно разумно.

— Нет ничего разумного в непредсказуемых скачках! — вспыхнул Веррик. — Как может быть разумным механизм, подчиняющийся воле случая?

— Случайный фактор есть функция от абсолютно рациональных аргументов. Ничто не может противопоставить стратегию этим непредсказуемым скачкам. Можно только принять случайный метод; статистический анализ нескольких событий и затем понимание того, что все равно, как поступать. Априорное сознание того, что все может быть разоблачено, обязательно вселит в вас беспокойство. Если же вы действуете случайным образом, ваш соперник никак не сможет раскрыть ваши планы, поскольку вы сами не знаете заранее, что вы станете делать.

— Результат: мы все стали суеверными кретинами, — парировал Веррик. — Весь мир пытается трактовать знаки и предзнаменования, полеты белых ворон и появление телят с двумя головами. Мы все зависим от воли случая и теряем чувство реальности, потому что не можем составить никакого плана.

— А как могли бы мы это сделать с группой телепатов? Они прекрасным образом контролируют пессимистические предвидения Миннимакса, они раскрывают всю вашу стратегию в тот самый момент, когда вы только начинаете играть.

Веррик ткнул пальцем в свою мощную грудь:

— У меня нет амулетов вокруг шеи. Ни лепестков розы, ни помета леопарда, ни слюны совы. Я веду ловкую игру, а не случайную. При ближайшем рассмотрении, быть может, у меня даже нет никакой стратегии. Я никогда не доверюсь теоретическим абстракциям. Я действую эмпирически, делаю то, что требуется в каждой конкретной ситуации. Ловкость — вот что необходимо. И у меня она есть.

— Ловкость — функция случая. Это интуитивное использование того, что в ситуации, определенной случаем, кажется наиболее предпочтительным. В своей жизни вы уже многое повидали, чтобы распознавать заранее...

— А Пеллиг? Если я не ошибаюсь, это ведь стратегия?

— Стратегия предусматривает обман, а Пеллигом никто не будет обманут.

— Абсурд, — оборвал его Веррик. — Вы били себя в грудь, уверяя, что Группа не сможет ничего узнать.

— Это была ваша идея, — живо возразил Мур. — Я повторю то, что уже вам говорил: они все узнают, но не смогут ничего сделать. Если бы это касалось только меня, я бы объявил об этом по телевидению до наступления завтрашнего дня.

— На это у вас хватит глупости, — резко бросил Веррик.

— Пеллиг непобедим! — Мур был взбешен тем, что его выставили на посмешище перед публикой. — Мы сочетали основные идеи Миннимакса. Избрав стратегию в качестве отправного пункта, я сделал...

— Замолчите, — прошептал Веррик. Он повернулся к Муру спиной. — Вы слишком много говорите.

Он сделал несколько шагов. Люди расступились, освобождая проход для него.

— Вся эта неопределенность должна исчезнуть. А пока этот дамоклов меч занесен над нами, невозможно ничего предвидеть, нельзя составить какой-либо проект.

— Именно поэтому она существует! — крикнул ему Мур.

— Ну так дайте мечу упасть. Избавьте нас от него.

— Нельзя включать и выключать Миннимакс по желанию. Это как гравитация: закон, прагматический закон.

Бентли подошел к Муру.

— Вы верите в законы природы? — спросил он его. — Вы из класса восемь-восемь!

— Кто этот тип? — зарычал Мур. — По какому праву он вмешивается в наш разговор?

Веррик обернулся:

— Это Тед Бентли, как и вы, он принадлежит к классу восемь-восемь. Мы его только что приняли.

Мур побледнел.

— Класс восемь-восемь? Но нам больше не нужны специалисты этого класса.

Он посмотрел на Бентли.

— Бентли? Вас только что уволили из Птица-Лира! Вы — выброшенный кусок!

— Точно, — согласился Бентли, не теряя самообладания. — И я пришел прямо сюда.

— Почему?

— Я интересуюсь тем, что вы делаете.

— Что я делаю, вас не касается.

— Ну хватит, — прохрипел Веррик. — Замолчите или уходите отсюда. Нравится вам это или нет, но теперь Бентли работает с нами.

— Никто, кроме меня, не будет работать над этим проектом!

Мур покраснел от ненависти, страха и профессиональной ревности.

— Если он не сумел удержаться в Холме третьего сорта, типа Птица-Лира, то он недостаточно...

— Поживем — увидим, — холодно оборвал его Бентли. — Я заранее рад возможности проверить ваши записи и вашу работу.

— Пойду приму стаканчик, — проворчал Веррик. — У меня слишком много дел, чтобы слушать здесь вашу болтовню.

Мур напоследок бросил на Бентли злобный взгляд и поспешил следом за Верриком. Тихонько переговариваясь, люди стали медленно расходиться.

— Уходит наш хозяин. Миленький вечер, не правда ли? — прошептала Элеонора с привкусом горечи в голосе.

6

У Бентли разболелась голова. Шум голосов смешивался с движением тел, со сверкающими одеждами. Пол был усеян окурками и различными осколками. Все в зале было вверх дном. От мерцающих, изменявших форму огней становилось больно глазам. Какой-то человек сильно толкнул Теда, проходя мимо. Прислонившись спиной к стене, какая-то молодая женщина с сигаретой в зубах сняла сандалии и массировала ноги ногтями, покрытыми ярко-красным лаком.

— Чего тебе хочется? — спросила его Элеонора.

— Уйти.

Попивая из своего стакана, она непринужденно провела его сквозь толпу к одному из выходов.

— Все это может показаться лишенным смысла, — пояснила она ему, — но Веррик проделал это с конкретной целью. Он...

Херб Мур преградил им путь. Его лицо было налито кровью. Вместе с ним был бледный, тихий Кейт Пеллиг.

— А! Вот и вы, — не очень уверенно произнес Мур.

Он наполовину осушил свой стакан и уставился на Бентли.

— Вы добились того, чего хотели, не так ли?

Он шлепнул Пеллига по спине.

— Вот оно, самое важное событие нашей эпохи. И вот оно, самое важное из всех живых существ. Посмотрите на него хорошенько, Бентли!

За все это время Пеллиг не произнес ни слова. Его тело было словно ватным. Он переводил бесцветные, лишенные выражения глаза то на Бентли, то на Элеонору. Даже его кожа, волосы, ногти были бесцветны, почти

прозрачны. Он производил впечатление чего-то асептического — без вкуса, без запаха, без цвета.

Бентли протянул ему руку:

— Привет, Пеллиг.

Пеллиг взял руку Бентли и вяло пожал ее. Кожа у убийцы была холодной и слегка влажной.

— Что вы думаете о нем? — агрессивно спросил Мур. — Неплохо, правда? Самое крупное открытие после изобретения колеса.

— Где Веррик? — задала вопрос Элеонора. — Пеллиг не должен удаляться от него.

Мур побагровел еще больше.

— Как смешно! Кто...

— Вы слишком много выпили.

Элеонора посмотрела по сторонам.

— Ох уж этот Риз! Он наверняка до сих пор где-нибудь спорит.

Бентли смотрел на Пеллига как загипнотизированный. В Кейте было что-то отталкивающее — существо бесполое, расплывшееся, гермафродитное. У Пеллига даже не было стакана в руках.

— Вы не пьете? — поинтересовался Бентли.

Пеллиг покачал головой.

— А почему бы и нет? Возьмите стаканчик «метанового бриза».

Бентли неловко обернулся к подносу, предлагаемому проходившим мимо роботом Мак-Миллан. Несколько стаканов упали и разбились.

Робот остановился, все убрал и вытер.

— Держите. — Бентли всунул стакан в руку Пеллига. — Пейте, ешьте, развлекайтесь. Завтра кто-то умрет, но это будете, безусловно, не вы.

— Хватит, — прошептала ему на ухо Элеонора.

— Пеллиг, — продолжал Бентли, — как вы чувствуете себя в шкуре профессионального убийцы? Все-таки вы не похожи на убийцу. Вы не похожи ни на что, даже на человека. В особенности на человека.

Вокруг них начали собираться приглашенные люди, не успевшие еще уйти домой.

Элеонора бешено тянула Бентли за рукав:

— Ради бога, Тед! Веррик идет.

— Оставь меня. Это мой рукав. Это почти все, что у меня осталось.

Тед снова впился глазами в пустое лицо Пеллига. Все в его мозгу бурлило, нос и горло мучительно болели.

— Пеллиг, что заставляет вас убивать человека, которого вы никогда не видели, человека, который вам ничего не сделал, несчастного, невинного человека, волею случая оказавшегося на пути сильных мира сего? Временное препятствие...

— Что вы хотите этим сказать? — процедил Мур сквозь зубы. — Что вас не устраивает в Пеллиге? — Он усмехнулся. — Пеллиг — мой товарищ.

Расталкивая по дороге людей, появился Веррик.

— Мур, уведите его отсюда. Я вам приказал удалиться.

Он указал всем присутствующим на дверь:

— Вечер окончен. Возвращайтесь домой. Когда вы мне понадобится, я с вами свяжусь.

Люди поспешили к выходу. Несколько роботов направились в раздевалку. Но многие не торопились уходить, с интересом разглядывая Веррика и Пеллига.

— Пойдем наверх, — сказал Веррик. Он подтолкнул Пеллига. — Бог знает, как уже поздно.

Сгорбившись, Веррик начал подниматься по широкой лестнице, повернув вбок взлохмаченную голову.

— Все-таки мы сегодня славно поработали. Я иду спать. — Веррик подавил зевок.

С трудом держась на ногах, Бентли громко крикнул ему вдогонку:

— Послушайте, Веррик! Мне в голову пришла мысль. А почему бы вам самому не убить Картрайта? Исключите посредника. Это ведь будет более научно.

Не оборачиваясь и даже не замедлив шага, Веррик неожиданно разразился смехом:

— Я с вами поговорю завтра. Возвращайтесь к себе и ложитесь спать.

— Нет, — упрямо возразил Бентли. — Я здесь, чтобы выяснить, какова ваша стратегия, и я не уйду, пока не узнаю этого.

На первой лестничной площадке Веррик остановился и обернулся.

— Что? — спросил он.

По его тону и его взгляду нельзя было понять его настроение.

— Вы меня прекрасно слушали.

Бентли показалось, что все вокруг него зашаталось, и он закрыл глаза. Когда он их вновь открыл, Веррик уже исчез и Элеонора тянула его за руку.

— Глупец! — резко выговаривала она ему. — Что это на тебя нашло?

— Он ненормальный, — нетвердым голосом объяснил Мур, увлекая за собой Пеллига. — Уведите его отсюда, Элеонора, иначе он начнет безобразничать.

Бентли растерялся. Он открыл было рот, но не издал ни звука.

— Он ушел, — наконец произнес Тед. — Они все ушли, Веррик, Мур и этот восковой паяц.

Элеонора затолкала его в комнату и закрыла за собой дверь. Она закурила сигарету и яростно затаилась.

— Бентли, ты совершенно ненормальный.

— Я пьян. Это виноват горлодер с Каллисто. А это правда, что тысячи рабов медленно задыхаются в метановой атмосфере, чтобы Веррик смог залить глотку?

— Садись.

Элеонора пододвинула к нему стул и принялась описывать круги вокруг Теда, прямая, как марионетка.

— Все рушится. Мур настолько горд своим Пеллигом, что готов показывать его всему миру. Веррик никак не приспособится к своему новому положению, он все думает, что у него есть телепаты, чтобы поддержать его. О господи!

Она отвернулась от Бентли и закрыла лицо руками. Бентли смотрел на нее, ничего не понимая. Элеонора быстро взяла себя в руки и достала платок, чтобы промокнуть глаза.

— Я могу что-нибудь для вас сделать? — с надеждой спросил Тед.

Ничего не отвечая, она высыпала из чашки лежавшие в ней конфеты, налила в нее воду из кувшина, умыла лицо и вытерла его вышитой занавеской.

— Послушайте, Бентли, — проговорила она, — уйдемте отсюда.

Элеонора быстро вышла. Бентли поспешно встал и последовал за ней. Ее маленький силуэт с голой грудью тихо, как привидение, скользил среди мрачных владений Веррика: витрин, впечатляющих статуй, лестниц, покрытых мягкими коврами.

На каждом повороте стоял неподвижный робот, ожидая возможных приказаний.

Они вышли на пустынный этаж, погруженный во мрак и тишину. Элеонора подождала, пока Тед догнал ее.

— Я иду спать, — чистосердечно призналась Элеонора. — Ты можешь последовать моему примеру или вернуться, как хочешь.

— Вернуться куда?

Бентли двинулся за ней по коридору, в который выходили приоткрытые двери комнат.

Тед услышал голоса. Некоторые показались ему знакомыми: голоса мужчин и неясные бормотания женщин. Вдруг Элеонора исчезла. Он оказался в полном одиночестве.

Бентли пробирался ощупью в зыбкой, полной неизвестности темноте. Он сильно ударился о какую-то мебель, и целый каскад предметов посыпался на него сверху и разбился у его ног. Ошеломленный, Тед попытался отступить. Раздался грубый голос:

— Что вы здесь делаете?

Это был Херб Мур. Его лицо медленно проявлялось из темноты. Вначале бледное, призрачное, оно постепенно наливалось кровью.

— Ваше место не здесь! Убирайтесь вон! Идите к другим, таким же выброшенным! Класс восемь-восемь! Не смешите. Кто вам сказал...

Бентли ударил Мура. Из разбитого лица брызнуло что-то жидкое, разлетелись какие-то осколки.

Бентли оказался оторванным от пола, затем он начал задыхаться, зажатый липкой массой. Он сопротивлялся, стараясь ухватиться за что-нибудь тяжелое.

— Хватит, — приказала Элеонора. — Ради бога, остановитесь вы оба!

Бентли прекратил драться. Рядом с ним тяжело дышал запыхавшийся Мур, вытирая окровавленное лицо.

— Я убью вас, негодяй! — Всхлипывая от боли и ярости, Мур пролаял: — Вы еще пожалеете о том, что ударили меня, Бентли!

Бентли заметил, что сидит на чем-то низком и, наклонившись вперед, старается снять ботинки.

Его куртка валялась на полу. Вскоре рядом с ним на шикарном ковре оказались его ботинки. В комнате был свежий воздух, стояла полнейшая тишина, в углу мигал свет.

— Запри дверь, — совсем рядом раздался голос Элеоноры. — Мне кажется, что Мур совершенно потерял голову. Он как ненормальный бродит по коридорам.

Бентли нашел дверь и повернул древний ручной замок. В центре комнаты Элеонора, подавшись вперед и подняв ногу, медленно расстегивала одну из сандалий.

Ошеломленный, он тихо смотрел на нее с почти религиозным чувством. Одним движением она сбросила сандалии, спустила свой облегающий костюм и сняла его. Ее голые лодыжки на мгновение блеснули на свету.

Не будучи более в состоянии выносить это, Бентли зажмурился. Затем он почти упал на нее, и она его обняла.

Бентли чувствовал ее влажные руки, ее трепещущие груди с красными твердыми сосками. Она подпрыгнула, задрожала и снова сжала руками его тело.

Шум в его голове усиливался и грозил расколоть череп. Тед закрыл глаза и отдался несущему его потоку.

Он проснулся не скоро. В комнате стало смертельно холодно. Ни одного звука, ни одного признака жизни. Тед поднялся, непреклонный, суровый, плохо помня все происшедшее.

Сквозь открытое окно в комнату проникал серый свет раннего утра и резкий ледяной ветер.

Бентли огляделся по сторонам, стараясь собраться с мыслями.

Тут и там среди сваленных горой покрывал и одежд виднелись очертания лежащих человеческих тел. Он спотыкался об эти тела, полуголые руки, бледные ноги. Все это его шокировало и ужасало. Он увидел Элеонору, спавшую около стены. Одна рука ее была вытянута вперед, маленькая кисть сжата в кулачок.

Она неровно дышала сквозь приоткрытый рот. Продолжая пробираться вперед, Тед вдруг резко остановился: в слабом свете он различил черты своего друга Эла Дэвиса, спокойно спавшего в объятиях жены. Оба полностью отключились от того, что их окружало.

Тед стал различать и других. Некоторые храпели; один мужчина заворочался, просыпаясь, другой застонал и пошарил руками вокруг, ища покрывало. Под его ногой, которой он раздавил стакан, образовалась маленькая грязноватая лужица.

Вот еще знакомое лицо, брүннет с приятными чертами... Да это его собственное лицо!

Он отступил к двери и оказался в холле, утопавшем в желтом свете. Охваченный ужасом, ничего не видя, Тед побежал вперед. Он куда-то повернул и оказался в алькове, из которого не было выхода.

Неясный силуэт парил в зеркале. Безжизненное насекомое, подвешенное где-то в паутине. Тед тупо уставился на льняные волосы, невыразительные вялые губы, бесцветные глаза. Руки безвольно висели, словно у него не было костей.

Тихое, неподвижное нечто, бесцветное и выхолощенное, смотрело на него пустым, остановившимся взглядом и не издавало ни звука.

Бентли завыл, и изображение исчезло. Тед углубился в коридоры. Его ноги едва касались ковров. Он не чувствовал больше под собой земли.

Он взлетел, как бы подталкиваемый вверх ужасом. Тед сейчас был только чем-то воющим под высоким куполом крыши.

С вытянутыми вперед руками, слепой и испуганный, он неся с оглушительной скоростью, врывался в двери, пересекал комнаты, мчался по коридорам, безнадежно кружил по одному месту, тщетно бился о выражи, пытаясь вырваться.

Он шумно наскочил на кирпичный камин. Едва не убившись, Тед свалился на толстый ковер. Мгновение он оставался лежать, не будучи в

состоянии подняться. Затем он встал и иступленно двинулся вперед наугад, не убирая рук от лица, закрыв глаза и раскрыв рот.

Впереди он услышал звуки. Из полуоткрытой двери струился живой желтый свет.

Пятеро людей сидели вокруг стола, заваленного бобинами и отчетами. Астроническая лампочка, миниатюрным теплым солнцем висевшая в середине комнаты, загнипнотизировала Бентли.

Прихлебывая из чашечки кофе, люди перешептывались и что-то записывали. У одного из них были могучие покатые плечи.

— Веррик! — закричал Бентли.

Как он ни напрягался, голос его был лишь слабым писком насекомого.

— Веррик, помоги мне!

Веррик бросил на него разгневанный взгляд:

— Что вы хотите? Я занят. Мы увлечены срочными делами.

— Веррик, — закричал Бентли, охваченный паникой. — Кто я?

— Вы Кейт Пеллиг, — раздраженно ответил Веррик.

Своей лапой он вытер лоб и отодвинул лежавшие перед ним бобины.

— Вы убийца, утвержденный Конвететом. Менее чем через два часа вы должны быть готовы приняться за работу. Задача перед вами поставлена.

7

Внезапно из холла появилась Элеонора Стивенс.

— Веррик! Это не Кейт Пеллиг. Попросите Мура спуститься и все рассказать. Он подрался с Бентли и решил отомстить.

Веррик вытаращил глаза:

— Это Бентли? Этот дьявольский Мур! В конце концов, он все испортит.

Бентли начал что-то понимать.

— Разве это возможно исправить? — пробормотал Тед.

— Он крепко спал, — объяснила Элеонора безжизненным голосом.

Мисс Стивенс вновь была в сандалиях и в наброшенном на плечи манти. Ее рыжие рассыпавшиеся волосы оттеняли бледность лица.

— Мур не может проделывать подобное, находясь в здравом уме. Скажите кому-нибудь из врачей, чтобы ему дали успокоительное. Не говорите ему ничего, пока он не войдет в нормальное состояние. Ему еще не удастся держать себя в руках, понимаете!

Появился Мур, потрясенный и испуганный.

— Не страшно. Я немного погорячился, вот и все.

Он взял Бентли за руку:

— Пойдемте. Мы мигом все исправим.

Бентли отстранился от Мура. Тед осмотрел свои незнакомые руки и лицо.

— Веррик, — попросил он слабым грудным голосом, — помогите мне.

— Ну конечно, — ворчливо ответил Веррик. — Все будет хорошо. Вот идет доктор.

Веррик и доктор занялись Бентли. Испуганный Мур стоял в стороне. Элеонора села и закурила сигарету, наблюдая, как доктор втыкает иглу в руку Бентли.

Погружаясь в темноту, Тед слушал далекий голос Веррика:

— Вы должны были бы либо убить его, либо оставить в покое. Но не творить такого. Вы думаете, что он вам это когда-нибудь простит?

Бентли не услышал ответа Мура. Полнейшая мгла поглотила его.

Откуда-то издалека доносился голос Элеоноры Стивенс:

— Вы заметили, что Риз не понимает, что такое на самом деле Кейт Пеллиг?

— Он слаб в теории. — Мур был мрачен и зол.

— Ему это не нужно. Он может нанять сотни блестящих молодых людей, которые разберутся в теории вместо него.

— Например, меня?

— И почему вы с Ризом? Вы его не любите. Вы с ним плохо ладите.

У Веррика есть деньги, необходимые для исследований, которые я веду. Без его поддержки я был бы ничем.

— Но в конечном итоге именно он получил выгоду от результатов твоих работ.

— Это неважно. Послушайте, я продолжил основные работы Мак-Миллана над роботами. Что он сделал? Ничего, кроме суперпылесосов, суперплит, глупых и почти немых слуг. Мак-Миллан ошибся. Все, что он хотел, это сотворить нечто громоздкое и крепкое, чтобы инки могли отдыхать, чтобы не стало больше слуг и разнорабочих. В действительности Мак-Миллан являлся тоже инком. Он наверняка купил свою классификацию на черном рынке.

Раздался звук шагов и позвякивание стаканов.

— Шотландское с содовой, — произнесла Элеонора, оглянувшись на робота.

Кто-то сел и издал вздох облегчения.

— Какая ночь! День полностью испорчен. Сегодня вечером я лягу рано.

— Это ваша вина.

— Дело пойдет. Все получится у этого старого Кейта Пеллига.

— Тем не менее вы не станете этим заниматься. Это не для теперешнего вашего состояния.

— Он ведь мой, не так ли? — Мур был возмущен.

— Он принадлежит всему миру, — холодно уточнила Элеонора. — Вы настолько увлеклись игрой в шахматы без доски, что даже не замечаете опасности, которую навлекаете на всех нас. Каждый час увеличивает шансы этого сумасшедшего на выживание. Если бы вы не перевернули все вверх дном ради сведения личных счетов, Картрайт, вероятно, был бы уже мертв.

Вечер давно наступил.

Бентли вышел из оцепенения. Он поднялся, с удивлением ощущая себя полным сил. В комнате, утопавшей в полумраке, он разглядел крошечную светящуюся точку — сигарету Элеоноры. Мур со стаканом в руке сидел, скрестив ноги. Лицо его казалось угрюмым.

Элеонора встала и зажгла ночник.

— Тед?

— Который час?

— Половина девятого.

Держа руки в карманах, она подошла к кровати.

— Как ты себя чувствуешь?

Двигаясь не очень уверенно, Бентли уселся на краю постели. На нем была стандартная ночная рубашка. Тед ее никогда не видел.

— Я хочу есть.

Вдруг он сжал кулак и ударил себя по лицу.

— Да, это ты, — просто подтвердила Элеонора.

— Я счастлив. Все это действительно было?

— Действительно.

Элеонора повернулась и взяла свою сигарету.

— И это еще повторится. Но в следующий раз тебя предупредят. Тебя и еще двадцать три молодых и интеллигентных людей.

— Где моя одежда?

— Зачем?

— Потому что я ухожу.

Мур резко поднялся:

— Невозможно. Отдавайте себе отчет в поступках. Вы поняли, что такое Пеллиг, и вы считаете, что Веррик позволит вам сделать отсюда хотя бы шаг?

— Вы нарушаете правила Конветета Вызова.

Бентли нашел в стенном шкафу свою одежду и разложил ее на кровати.

— Одновременно вы можете послать только убийцу. А ваш Пеллиг сфабрикован так, что производит впечатление единственного, в то время как...

— Спокойно, — перебил его Мур. — Это совершенно не ваше дело.

Бентли снял ночную рубашку и отшвырнул ее.

— Этот Пеллиг — полностью синтетический.

— Точно.

— Пеллиг — проводник. Вы начините его дюжиной первосортных умов и отправите в Батавию. После смерти Картрайта вы уничтожите Пеллига, отблагодарите тех, кто его оживлял, и позволите всем вернуться к прежней работе.

Мур развеселился.

— Хотел бы я, чтобы это было возможно. На самом деле, мы пытались ввести одновременно троих людей в Пеллига. Результатом был полный хаос. Каждый шел в свою сторону.

— Есть у Пеллига хоть какая-то индивидуальность? — спросил Бентли. Он продолжал одеваться. — Что происходит, когда в нем не сидит ни один ум?

— Он возвращается к тому, что мы называем вегетативной стадией. Он не умирает, но нисходит до примитивного уровня, своего рода сумеречного состояния, в котором метаболизмы следуют друг за другом.

— Кто приводил его в движение вчера вечером?

— Один сотрудник лаборатории, противный тип, насколько вы заметили.

Пеллиг — совершенный проводник, он привносит очень мало искажений.

Бентли углубился в воспоминания:

— Когда я был внутри, у меня создалось впечатление, что Пеллиг был там со мной.

— Я чувствовала то же самое, — спокойно согласилась Элеонора. — В первый раз у меня возникло ощущение, что в мой облегающий костюм влезла змея. Когда ты начал это чувствовать?

— Когда смотрелся в зеркало.

— Никогда не надо глядеть в зеркала. Как ты думаешь, что чувствовала я? Ты, по крайней мере, мужского рода. Для меня это очень жестоко. Я думаю, что Мур не должен использовать женщин. Слишком велика вероятность шока.

— Вы не используете их без предупреждения?

— У нас хорошо тренированная группа, — объяснил Мур. — В последние месяцы мы испробовали десятки людей. Большинство не выдерживают. Через несколько часов они начинают переживать что-то вроде клаустрофобии. Ими владеет только одна мысль: выбраться, словно их, как говорила Элеонора, обвило ледяное пресмыкающееся.

Он пожал плечами:

— Мне незнакомы эти чувства. Я нахожу это прекрасным.

— Ваша группа многочисленна? — поинтересовался Бентли.

— Мы подобрали два десятка людей, способных участвовать в эксперименте. В нее входит ваш друг Дэвис, например. Его личность подходит: он невозмутим, спокоен, послушен.

Бентли напрягся.

— Этим, без сомнения, объясняется его новая классификация.

— Все участники вырастают на класс. Разумеется, купленный на черном рынке. И вы тоже вырастаете, если верить Веррику. Это не так опасно, как могло бы показаться. Если что-то не выходит, если Пеллиг начинает фальшивить, мы отстраняем того, кто находится в нем в этот момент.

— Такая вот система, — пробормотал Бентли. — Они следуют один за другим.

— Пусть попробуют доказать, что мы нарушаем правила Конветета, — радостно произнес Мур. — Наше ведомство изучило его подноготную. Никто не сможет найти, к чему придраться. Закон требует, чтобы одновременно был только один убийца, избранный общественным Конвететом. Кейт Пеллиг избран Конвететом, и он — единственный.

— Я не вижу преимуществ этого метода.

— Вы увидите их, — пообещала Элеонора. — Мур объяснит вам все подробно.

— После того как я поем, — согласился Бентли.

Все трое направились в столовую. На пороге Бентли вдруг застыл. За столом рядом с Верриком сидел невозмутимый Пеллиг, поднося к бескровным губам стакан с водой. Перед ним стояла тарелка с эскалопом и картофельным пюре.

— В чем дело? — спросила Элеонора.

— Кто сейчас в нем?

— Какой-нибудь техник из лаборатории. Мы постоянно кого-нибудь в него направляем. Это позволяет нам лучше узнать его и тем самым увеличивать наши шансы.

Бентли выбрал стол поближе к Пеллигу.

Ему делалось плохо от восковой отрешенности Кейта; он наводил на мысли о мотыльке, только что вылупившемся из кокона.

Потом Тед вспомнил.

— Послушайте, — с судорогой в горле произнес он, — но это еще не все. Элеонора и Мур встревоженно обменялись взглядами.

— Спокойно, Бентли, — сказал ему Мур.

— Я отрывался от земли. Это не было просто ощущение бега. Я летал. Он повысил голос:

— Что-то произошло. Я был как фантом. Я двигался все быстрее и быстрее. Потом был камин.

Он потрогал свой лоб: на нем не было ни шишки, ни шрама. Сомнений не осталось — это было другое тело.

— Объясните мне, — попросил Тед. Он задыхался. — Что произошло?

— Это, без сомнения, объясняется его малым весом, — ответил Мур. — Его тело более подвижно, чем обычное человеческое.

По-видимому, на лице Бентли отразилось недоверие, потому что Элеонора добавила:

— Пеллиг, видимо, выпил коктейль из лекарственных трав, перед тем как ты вошел в его тело. Я замечала, что многие женщины пьют его.

Их перебил грубый голос Веррика:

— Мур, вы так сильны в абстракциях.

Он протянул Муру пачку листов из металл-фойла.

— Я изучил конфиденциальные рапорты об этом чокнутом Картрайте. Не скажу, чтобы это было так уж важно, но есть некоторые моменты, которые меня обескураживают.

— Какие? — поинтересовался Мур.

— Прежде всего, у него есть правовая карточка. Это необычно для инка. Его шансы иметь карточку настолько малы, настолько незначительны...

— С точки зрения статистики всегда существует вероятность...

Веррик пренебрежительно фыркнул:

— Ситуация гораздо лучше, чем когда-либо нам удавалось придумать. Это проклятая лотерея. И у каждого свой билет. Какой смысл хранить карточку, дающую вам один шанс из шести миллиардов, шанс, который никогда не придет?

Инки достаточно хитры, чтобы перепродавать свои карточки, если, конечно, у них не забрали их еще в Холме. Сколько теперь стоит одна карточка?

— В пределах двух долларов. Со временем станет дороже.

— Вот видите. А Картрайт сохранил свою. И это еще не все.

Массивное лицо Веррика приняло лукавое выражение.

— По данным этих рапортов, в течение последнего месяца Картрайт купил — а не продал! — по крайней мере, полдюжины правовых карточек.

Мур подскочил:

— В самом деле?

— Быть может, — задумчиво произнесла Элеонора, — он наконец отыскал эффективный амулет?

Веррик взревел, как бешеный бык:

— Заткните ей рот! Я не хочу слышать об этих гадостях с амулетами!

Он указал пальцем на обнаженную грудь молодой женщины:

— Как? Вы носите глаз саламандры? Снимите это сейчас же и выбросьте!

Элеонора снисходительно улыбнулась: все давно привыкли верить в эффективность талисманов.

— У вас есть еще какая-нибудь информация? — спросил Мур.

— Недавно состоялось собрание Общества престонистов. — Веррик сжал кулаки. — Может, Картрайт нашел то, что я искал, то, что все ищут, — способ обуздать скачки. Если когда-нибудь я уверюсь в том, что в этот день Картрайт ждал уведомления...

— Что вы тогда сделаете? — поинтересовалась Элеонора.

Веррик не ответил. Необычная гримаса нестерпимого горя исказила его черты.

Никто не смел вздохнуть. Внезапно Веррик принялся за еду, и остальные последовали его примеру.

Закончив есть, Риз Веррик отодвинул кофейную чашечку и закурил сигарету.

— А теперь послушайте меня, — обратился он к Бентли. — Вы хотели знать нашу стратегию. Вот она: как только телепат нащупывает мозг убийцы — с этим последним покончено. телепаты больше не отпустят его. Они перебрасываются им между собой. Они знают все, что он станет делать, в тот самый момент, когда он только об этом подумает. Невозможно реализовать никакую стратегию. Он будет под постоянным присмотром до тех пор, пока это им не надоеет и они не взорвут ему внутренности.

— Вот почему телепаты вынудили нас прибегнуть к Минимаксу, — добавил Мур. — Телепаты делают напрасной всякую стратегию, надо действовать случайно. Надо, чтобы вы не знали, что станете делать в следующий момент, чтобы всегда действовали вслепую. Проблема состоит в том, чтобы выработать недетерминированную стратегию, которая приведет вас к стоящей перед вами цели.

— Раньше, — продолжил Веррик, — убийцы старались найти способ, позволяющий принимать непредсказуемые решения. Они использовали своеобразную стратегическую игру в убийство. На шахматной доске можно составить большое число комбинаций, представляющих массу решений или комбинаций решений. Убийца бросал жребий, читал результат и поступал соответственно заранее предусмотренному коду. Телепаты не могли знать, какой номер выйдет.

Но этого оказалось недостаточно. Убийца следовал этой тактике Минимакса, но все равно проигрывал: телепаты тоже играли. И их было семьдесят, а убийца — один. Статистически он должен был проиграть, за исключением очень редких случаев. Де Фаллье, например, удалось проникнуть в Директорию. Он открывал наугад «Заказ и падение Римской империи» Гиббона и нашел необходимое решение.

— Выходом, безусловно, является Пеллиг, — провозгласил Мур. — Мы имеем двадцать четыре различных ума, между которыми не будет установлено никаких контактов. Каждый из этих мужчин и женщин станет сидеть здесь, в Фарбене, изолированно от всех остальных, но соединенный с механизмом реализации.

Через неправильные интервалы мы подключаем какой-нибудь ум, случайным образом выбранный среди операторов. Каждый из них имеет четко выработанную стратегию. Но никто не будет знать, на чей ум мы подключим его и когда. Никто не будет знать, какая стратегия, какой образ действия будет избран в момент начала игры.

У телепатов нет никакого способа узнать, что станет делать Пеллиг в следующую минуту.

Бентли испытал восхищение от размышлений этого техника с безжалостной логикой.

— Неплохо, — признал Тед.

— Вот видите, — с гордостью произнес Мур. — Пеллиг — это чаша Гейзенберга. Телепаты смогут определить его траекторию — прямо на Картрайта. Но никто не рассчитает его скорости. Никто не будет знать, в какой точке этой траектории он окажется в заданный момент времени.

Квартира Элеоноры Стивенс находилась в квартале, где жили классифицированные Холма Фарбен. Эта квартира состояла из нескольких комнат приятного вида.

Бентли окинул их оценивающим взглядом, пока Элеонора наводила порядок.

— Я только что переехала сюда, — пояснила девушка.

— Где Мур?

— Вероятно, дома, я думаю.

— Я полагал, что ты живешь с ним.

— В настоящее время — нет.

Элеонора повернула регулятор прозрачности стены.

Холодные звезды в ночном небе, движущиеся искры и освещенные очертания Холма постепенно побледнели и исчезли. Элеонора искоса бросила на Теда смущенный взгляд.

— Честно говоря, в настоящее время я ни с кем не живу.

— Как это прискорбно! — воскликнул Бентли. Он тоже смутился. — Я этого не знал.

Элеонора пожала плечами и улыбнулась ему:

— Грустная ситуация, правда? После Мура у меня был один исследователь из лаборатории, кстати, друг Мура, потом — экономист. Не забывай, что я была телепаткой. Большинство мужчин не хотят жить с телепатками, и я, разумеется, никогда не принадлежала никому из членов Корпуса.

— Теперь это в прошлом.

— О, да.

Вдруг, замолчав и задумавшись, она сделала круг по комнате, глубоко засунув в карманы руки.

— Мне кажется, что я испортила себе жизнь. Телепатия никогда не интересовала меня, но у меня не было другого выбора. Или подвергнуться тренировкам, или пойти на операцию. Кроме того, у меня не было никакой квалификации, и мне светило рабочее поле. Если Веррик выбросит меня — это конец всему. Я не могу вернуться в Корпус, но я и не могу преуспеть в игре.

Она умоляюще посмотрела на Бентли.

— Тед, это ничего, что я независима?

— Абсолютно неважно.

— Наверно, это кажется забавным: быть свободной таким способом. Я совершенно одна, никого рядом. Это жестоко, Тед. Я не могла последовать за Верриком. Это единственный человек, рядом с которым я чувствую себя в полной безопасности. Но это отрезало меня от моей семьи.

Она патетически взмахнула руками:

— Я терпеть не могу быть одна. Я боюсь.

— Не надо бояться. Сопровитляйся им.

— Я не могу, — произнесла она, вздрогнула и продолжила: — Как тебе удастся так жить, Тед? Ведь надо от кого-то зависеть, быть чьим-то протеже. Это холодный и враждебный мир, лишенный всякого тепла. Знаешь, что произойдет, если ты сорвешься?

— Знаю, — кивнул Тед. — Они расправятся со мной.

— Я думаю, я должна была остаться в Корпусе. Но я ненавижу это. Без конца следить, слушать, что происходит в умах других. Ты уже больше

не живешь, ты уже не являешься самостоятельным индивидом, ты часть общего организма. Ты больше не можешь ни любить, ни ненавидеть. Есть только работа, причем ты делаешь ее совместно еще с двадцатью другими людьми типа Вейкмана.

— Ты хочешь быть одна, но в то же время боишься этого.

— Я хочу быть сама собой! Но не одна. Я ненавижу просыпаться утром и видеть, что рядом со мной никого нет. Я ненавижу возвращаться в пустую квартиру. Есть в одиночестве, готовить и вести хозяйство только для себя самой. Зажигать свет, опускать ставни, смотреть телевизор, ничего не делая, думать.

— Ты молода, привыкнешь к этому.

— Нет, я к этому никогда не привыкну.

Пронизывающим взглядом она в упор посмотрела на Теда и отбросила назад свою огненно-рыжую гриву.

— Начиная с шестнадцати лет у меня была масса мужчин. Даже не помню сколько. Я встречала их на работе, как тебя, на приемах, у друзей. Какое-то время мы были вместе, потом начинали раздражать друг друга. Всегда что-то происходит. Это никогда не продолжается долго. — Ужас снова заставил ее вздрогнуть, сильнее, чем раньше. — Они уходят. Они остаются на какое-то время, а затем уходят, оставляя меня одну. Или же они выгоняют меня.

— Это бывает, — согласился Бентли.

Погруженный в собственные мысли, он с трудом следил за тем, что она говорила.

— Когда-нибудь я найду среди них одного, — горячо произнесла Элеонора. — Ведь правда? Мне только девятнадцать лет. Несмотря на мой небольшой жизненный опыт, я не так уж плохо устроилась. Веррик мне покровительствует. Я знаю, что могу довериться ему.

Бентли вышел из оцепенения:

— Ты предлагаешь нам жить вместе?

Элеонора покраснела:

— Ну а ты хотел бы?

Тед помолчал.

— Что с тобой? — настойчиво спросила Элеонора. В ее глазах заблестела обида.

— Это с тобой никак не связано.

Бентли отвернулся от нее, подошел к стене и снова сделал ее прозрачной.

— Холм красив ночью. Глядя на него, никогда не догадаешься, чем он является на самом деле.

— При чем здесь Холм?

Она снова напустила густого, как молоко, тумана.

— Если я для тебя ничего не значу, следовательно, тебе необходим Веррик? О да, я знаю, конечно, Риз Веррик. О небо! Ты был так пылок в тот день, когда внезапно появился в бюро. Ты так вцепился в свой портфель, как будто это был пояс девственности. — Она слегка улыбнулась. — Можно было подумать, что это христианин входит в рай. Ты долго ждал, и у тебя было столько надежд. Ты был до невозможного патетичен. Я подумала, что не отказалась бы встретиться с тобой еще.

— Я хотел уйти из системы Холмов и найти нечто лучше. Я мечтал проникнуть в Директорию.

— Директория! — Она разразилась смехом. — Абстракция! Из кого, по-твоему, состоит Директория? — Она задыхалась, глаза ее горели, сердце сильно билось. — Это живые люди, а не учреждения и конторы. Как можно быть преданным предмету? Старики умирают, новые занимают их места, одни лица заменяют других. Где ваша преданность? И кому? Или чему? Это суеверие! Можно быть верным слову, имени, но не живой сущности из плоти и крови.

— Дело не только в учреждениях и конторах, — ответил Бентли. — Они ведь что-то представляют.

— Что?

— Нечто, которое значительнее нас всех, важнее, чем отдельный индивид или группа индивидов, которыми, однако, в определенном смысле являемся мы все.

— Это ничто. Если у тебя есть друг, то это человек, индивид, не так ли? Это не класс и не профессиональная группа. Ты, случайно, не дружишь с классом четыре — семь? Если ты спишь с женщиной, то это определенная женщина, единственная, не так ли? А все остальное исчезнет.

Единственное, что остается, — это люди, твоя семья, твои друзья, твоя любовница, твой покровитель. Ты можешь касаться их, приближаться к ним, впитывать в себя их теплоту, устоявшуюся жизнь. Их пот, кожу, волосы, дыхание, тело, осязание, вкус, запахи, цвета.

Господи, ведь надо же уметь привязываться к чему-нибудь! Что может существовать вне живой природы? Кому можно довериться, если не своему покровителю?

— Самому себе.

— Риз тебе покровительствует. Он велик и могуч!

— Он твой пэр, — ответил Бентли. — А я ненавижу пэров.

— Ты психопат, ты ненормальный.

— Я знаю, — согласился Бентли без тени смущения. — Я вообще больной человек. И чем больше я в этом убеждаюсь, тем становлюсь больнее. Я болен хотя бы потому, что считаю больными всех вокруг, а здоровым признаю только себя. Незавидное у меня положение, правда?

— Да, — пробормотала Элеонора.

— Мне бы очень хотелось уничтожить все это одним ударом, но в этом нет необходимости. Оно разрушится само собой. Все вокруг пустое, холодное, как металл. Игры, лотереи — разукрашенные игрушки для детей. Только благодаря клятве что-то держится. Продажная совесть, цинизм, роскошь и нищета, равнодушие и перекрывающий все вой телевидения.

Один человек идет убивать другого, и весь мир смотрит на это и аплодирует. Во что мы верим? В первоклассных преступников, работающих на более могущественных преступников. И присягаем бюстам из пластика.

— Бюст — символ, и он не продается. — Глаза Элеоноры победно заблестели. — Ты знаешь это, Тед. Преданность — самое ценное, что у нас есть. Преданность, соединяющая нас, связывающая слугу с его покровителем, мужчину с его любовницей.

— Может быть, — медленно произнес Бентли, — мы должны быть преданы идеалу.

— Какому идеалу?

Мозг Бентли отказался сформулировать ответ, его колесики перестали крутиться. К его сознанию прокладывали путь необычные и непонятные мысли, которые он не хотел принимать. Откуда шел этот поток? Он не знал.

— Нам больше ничего не остается, — произнес он наконец. — Наши клятвы, наша преданность — это цемент, без которого любое здание развалилось бы. А чего это стоит? Немногого. Все это начинает обесцениваться.

— Неправда! — крикнула Элеонора.

— Разве Мур предан Веррику?

— Нет, и именно поэтому я его оставила. Его и его теории. Он только их и знает! — Ее амулеты свирепо раскачивались. — А я все это ненавижу!

— Самому Веррику тоже нельзя доверять, — мягко проговорил Бентли. Он увидел поблевшее лицо молодой женщины, едва владевшей собой. — Не ругай Мура. Он старается подняться как можно выше, как и все в этом мире. Как, кстати, и Риз Веррик. Какое имеет значение, если кто-то переступает через свои клятвы ради того, чтобы сорвать большой куш, приобрести чуть больше влияния, чуть больше власти. Это гигантская давка, где все стремятся к вершине, и ничто, никакая преграда их не остановит. Вот когда все карты будут раскрыты, ты увидишь настоящую цену их преданности.

— Веррик никогда не нарушит своей клятвы! Он ни за что не допустит падения того, кто зависит от него!

— Он уже это сделал. Разрешил, чтобы я присягнул ему. Он нарушил моральный кодекс. Ты ведь это должна знать лучше, чем кто бы то ни был, не так ли? А я чистосердечно присягнул.

— Боже! — устало воскликнула Элеонора. — Ты теперь ему это никогда не простишь? Это оттого, что тебе кажется, что он посмеялся над тобой.

— Это серьезнее, чем ты хочешь представить. Вся эта подлая система начинает показывать свое подлинное лицо. И когда-нибудь ты увидишь его. Что касается меня, то я уже его рассмотрел. И с меня достаточно. Чего, например, можно ждать от общества, основанного на играх и убийствах?

— Но это вина не Веррика. Конветет учрежден достаточно давно, тогда же, когда установили систему и роботов Минимакса.

— Веррик не из тех, кто честно следует принципам Минимакса. Он пытается обойти эти принципы с помощью стратегии, реализуемой через Пеллига.

— И это пройдет, не так ли?

— Возможно.

— На что же ты жалуешься? Разве это имеет какое-нибудь значение? — Она схватила его за руку и энергично встряхнула. — Послушай, забудь об этом! Ты занимаешься ерундой. Мур слишком болтлив, а ты слишком совестлив. Наслаждайся жизнью. Завтра будет великий день.

Она налила им обоим спиртного и пристроилась рядом с Тедом на диване. Ее темно-рыжая шевелюра блестела и отливала огнем в полумраке комнаты. Элеонора поджала под себя ноги. Серые точки, оставшиеся над ее ушами навсегда, побледнели.

Сжимая бокал двумя руками с ярко окрашенными ногтями, Элеонора наклонилась к Бентли. Прикрыв глаза, она нежно спросила его:

— Ты с нами? Я хочу, чтобы ты решил.

— Да, — ответил Бентли после минутного раздумья.

— О, как я счастлива! — выдохнула она.

Бентли поставил свой бокал на низкий столик.

— Я присягнул Веррику. У меня нет другого выбора, разве только нарушить данную клятву и сбежать.

— Точно.

— Я никогда не нарушал своих клятв. Мне уже давно осточертело в Птица-Лиры, но я никогда не пытался сбежать оттуда. Сделай я это — передо мной нависла бы опасность быть пойманным и убитым. Я приемлю закон, дающий покровителю право казнить или миловать сбежавшего слугу. Но я считаю, что ни слуга, ни покровитель не должны нарушать своих клятв.

— Мне показалось, ты говорил, что система рушится.

— Она рушится, но мне не хочется прикладывать к этому руки.

Элеонора поставила бокал и обвила его шею своими гладкими обнаженными руками.

— Как ты жил? Ты знал многих женщин?

— Нескольких.

— А какие они были?

Тед пожал плечами:

— Всекие.

— Милые?

— Да, я думаю.

— Кто же последняя?

Бентли задумался.

— Это было несколько месяцев назад. Она была класса семь — девять, по имени Юлия.

Элеонора уставилась на Бентли своими зелеными глазами.

— Расскажи мне, какая она была.

— Миленькая. Хорошенькая.

— Она походила на меня?

— У тебя волосы гораздо красивее.

Тед погладил ее огненно-рыжую гриву.

— У тебя красивые волосы и прекрасные глаза. — Он привлек ее к себе. — Ты очень хороша.

Элеонора прижала маленький кулачок с амулетами, болтавшийся между ее грудей.

— Все идет хорошо. Мне сопутствует удача.

Она дотронулась до его губ. Мгновение ее живое лицо находилось очень близко от лица Бентли, затем, вздохнув, она отняла губы.

— Как хорошо будет работать здесь всем вместе.

Бентли ничего не ответил.

Элеонора отодвинулась от него и закурила сигарету. Приподняв подбородок и скрестив руки, она одарила его торжественно-серьезным взглядом.

— Ты далеко пойдешь, Тед. Веррик о тебе очень хорошего мнения. Вчера вечером я так боялась, видя, что ты говоришь и вытворяешь. Но его это не рассердило. Он уважает тебя и чувствует, что в тебе что-то есть. И он прав! В тебе есть что-то сильное, индивидуальное! Как бы мне хотелось прочесть, что у тебя в голове! Но с этим покончено навсегда.

— Хотел бы я знать, понимает ли Веррик серьезность твоей жертвы?

— У Веррика есть дела поважнее. Ты отдаешь себе отчет в том, что завтра мы, быть может, вернемся туда, и все пойдет как прежде. Ведь тебе тоже хотелось бы этого? Фантастично, правда?

— Да, конечно.

Элеонора положила сигарету, быстро наклонилась и обняла Теда.

— Итак, ты действительно идешь с нами? Ты сможешь нам задействовать Пеллига?

Бентли незаметно кивнул головой:

— Да.

— Превосходно.

Она посмотрела на него. В полумраке комнаты в ее зеленых глазах светилась страсть, ароматное дыхание сделалось резким и прерывистым.

— Тебе нравится эта квартира? Она достаточно большая? У тебя много вещей?

— Нет, не много, — ответил Бентли. — Он чувствовал огромную тяжесть на душе.

— Это все образуется.

Удовлетворенно вздохнув, Элеонора отвернулась от него и залпом осушила свой бокал. Затем она погасила свет и вернулась к Теду. Единственным, что давало немного света, была ее сигарета, лежавшая в пепельнице. Казалось, вокруг ее волос и губ распространялось красноватое сияние. Соски ее груди словно слегка светились.

Возбужденный ее светящимся телом, Тед в следующее же мгновение обернулся к ней.

Удовлетворенные и томные, с влажными, разгоряченными телами, они долго неподвижно лежали на скомканной одежде. Элеонора протянула руку, желая взять то, что осталось от сигареты. Она поднесла окурок к губам и дунула на Теда. На него повеяло странным ароматом удовлетворенного желания.

— Тед, — страстно зашептала Элеонора. — Тебе хорошо со мной? — Она легонько приподнялась. Казалось, мышцы ее размягчились и стали очень эластичными. — Я знаю, что это так.

— Ты — это хорошо, — неопределенно произнес Тед.

— А тебе не хотелось бы быть с другой?

Поскольку Бентли не отвечал, Элеонора продолжала:

— Я хочу сказать... Быть может, я — это не так уж хорошо, а?

— Да нет. Ты грандиозна.

Он говорил угасшим голосом, лишенным какого-либо выражения. Тед лежал рядом с ней, инертный и безжизненный.

— Ты превосходна, — повторил он.

— Так в чем же тогда дело?

— Ни в чем.

Он с трудом поднялся и медленно отошел от нее.

— Я устал, вот и все. Я, пожалуй, вернусь туда.

Его голос стал вдруг жестким:

— Как ты верно заметила, завтра, без сомнения, будет великий день.

9

Леон Картрайт, Рита О'Нейл и Питер Вейкман завтракали, когда появился оператор инвик-связи и сообщил, что только что по секретному проводу получен вызов с корабля.

— Я в отчаянии, — сказал капитан Гровс, когда они увидели друга друга через миллиарды километров космического пространства. — Я вижу, что слишком рано, что вы все еще в ваших стареньких утренних платьях.

С бледным, осунувшимся лицом, искажаемым огромной дистанцией, Картрайт выглядел совсем ослабевшим.

— Где вы точно находитесь? — дрожащим голосом спросил он.

— В четвертой астрономической единице, — ответил Гровс.

Вид Картрайта шокировал его, и он никак не мог понять, виновато ли в этом расстояние, разделяющее их.

— Мы скоро выберемся в нетронутое пространство. Я уже забросил официальные карты и руководствуюсь данными Престона.

Итак, корабль прошел половину пути. Орбита Пламенного Диска — если таковой вообще существовал — имела радиус-вектор в два раза больший, чем радиус орбиты Плутона. Дальше простиралась бесконечность, о которой строилось множество догадок. И практически никто ничего не знал.

Здесь корабль минует последние сигнальные бакены и оставит позади знакомый ограниченный кусок пространства.

— Многие члены экипажа мечтают вернуться назад, — объявил Гровс. — Они понимают, что мы покидаем изученное пространство. Для них это последняя возможность оставить нас, дальше уже будет слишком поздно.

— Если это случится, то сколько человек покинут корабль?

— По крайней мере, десятеро.

— Вы сможете продолжать путь без них?

— Запасов более чем достаточно. Конклин и Мэри остаются, так же как и старый плотник Джеретти, японские оптики и сварщик. Я думаю, что мы справимся.

— В таком случае, раз их отъезд не ставит под угрозу успех экспедиции, отпустите их.

— Я даже не имел до сих пор возможности поздравить вас, — проговорил Гровс.

Искаженное изображение Картрайта выпрямилось.

— Меня поздравить? А! Да, спасибо.

— Очень хотелось бы пожать вам руку, Леон.

Гровс протянул свою огромную широкую черную ладонь к экрану индикатора. Картрайт сделал то же, на какое-то мгновение их пальцы соприкоснулись.

— Я полагаю, на Земле у нас еще будет время сделать это.

Судорога пробежала по лицу Картрайта.

— Честно говоря, я на это почти не надеюсь. Это напоминает кошмар, от которого я никак не могу пробудиться.

— Кошмар? Из-за убийцы?

Картрайт поморщился:

— Он вроде уже в пути, и я жду его появления.

Окончив передачу, Гровс пригласил Конклина и Мэри в отсек контроля.

— Картрайт согласен отпустить их. Это вопрос решенный. За обедом я объявлю об этом официально.

Он указал на только что зажегшийся циферблат.

— Смотрите. Этот индикатор реагирует впервые, с тех пор как был построен корабль.

— Мне это ни о чем не говорит, — объявил Конклин.

— Это нерегулярное мигание служит автоматическим сигналом. Если я переведу его в звуковое представление, вы, без сомнения, узнаете его.

Он указывает, что мы пересекаем последний рубеж исследованного пространства. Очень редкие экспедиции попадали сюда.

— Когда мы овладеем Диском, — проговорила Мэри, — этот рубеж уже не будет иметь смысла. — Ее глаза горели.

— Не забывайте, что восемьдесят девятая экспедиция ничего не нашла, — заметил Конклин. — А у них были все документы Престона.

— Может, Престон повстречал в космическом море гигантского змея, — полусерьезно-полушутя заговорила Мэри, — и он проглотит нас, как это предсказывают сказки.

Гровс холодно посмотрел на нее:

— Я занимаюсь навигацией. Идите и проследите за загрузкой спасательного нефтяного танкера. Вы ночуете в трюме?

— Да, как и другие.

— После отъезда тех десятир вы сможете занять одну из кабин. Большая часть их останется свободной. Выбирайте любую. В них не будет недостатка, — язвительно заметил он.

Трюм раньше служил лазаретом. Прежде чем в нем поселиться, они его тщательно отдраили.

— Если мы приземлимся без приключений, то, может, сможем временно расположиться здесь? Это лучше того, что я имела на Земле.

Мэри сняла свои сандалии и устало опустилась на узкую железную кушетку.

— У тебя есть сигареты? Мои кончились.

Конклин протянул ей пачку:

— Только учти: это последние.

Она с благодарностью закурила одну сигарету и зажмурилась.

— Здесь так спокойно. Нет коридоров, где полно орущих людей.

— Слишком спокойно. Я не перестаю думать о том, что нас окружает. Планета, на которую не ступала нога человека. Планета, разделяющая системы. Великий боже! Весь этот холод вокруг нас. Холод, тишина, смерть... Или того хуже.

— Не думай об этом. Надо работать.

Мы не настолько фанатичны, как это кажется. Это, конечно, превосходная идея: десятая планета, на которую можно переселиться. Но теперь, когда мы в пути...

— Ты сердись на меня? — спросила Мэри. В ее голосе прозвучала тревога.

— Я сержусь на весь мир. Половина группы нас уже покинула. Гровс только командует да пытается вычислить маршрут, опираясь не на точные данные, а на умозрительные заключения сумасшедшего. Я сержусь из-за всего этого, а также еще из-за того, что этот корабль — старое разваливающееся грузовое судно. И еще я сержусь, потому что мы миновали последний рубеж, а только фантазеры да сумасшедшие забираются так далеко.

— И к кому же ты нас относишь? — слабым голосом поинтересовалась Мэри.

— Мы скоро узнаем это.

Она робко взяла его за руку:

— Даже если мы туда не доберемся, все равно это чудесно.

— Это? Эта крохотная монашеская келья?

— Да.

Мэри серьезно посмотрела на Билла:

— Это всегда было моей мечтой. Прежде я только и делала, что скиталась без цели с одного места на другое, от одного человека к другому. Я не хотела быть девушкой... Но, по правде говоря, я не знала, кем хотела бы быть. Теперь мне кажется, что я — это знаю. Быть может, мне не следовало бы тебе это говорить — ты снова рассердишься, — но я ношу амулет, который должен тебя приворожить. Мне помогла его сделать Жанет Сиблей, а она знает в этом толк. Я хочу, чтобы ты меня любил очень сильно.

Конклин улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать ее.

Внезапно она, не издав и звука, исчезла.

Со всех сторон Конклина окружало ослепительно белое пламя. Вокруг был только этот наводящий ужас огонь, раскалявший каждую клеточку, пожирая все предметы и все живое и только за собой оставляющий право на существование.

Конклин попятился, оступился и свалился в колышущееся море света. Он заплакал, жалобно застонал, безуспешно стараясь уползти от этих языков огня. Все его усилия были тщетны. Ему не за что было ухватиться.

И тут раздался голос.

Голос зародился где-то внутри существа Конклина, затем начал разрастаться и рваться наружу. Его мощь ошеломила Билла. В ужасе и бессилии он вновь упал, что-то невнятно бормоча, скорчился, как плод в утробе. А вокруг него, все пожирая, продолжало колыхаться море огня. А голос все грохотал в самом Конклине и вокруг него. Билл представлял собой уже сморщившийся почерневший обрубок, выброшенный из бушующего ада живой энергии.

— Земной корабль, — вещал голос, — куда вы идете? Почему вы здесь?

Звук буравил Конклина, распластавшегося в океане беспорядочного света. Голос уходил и возвращался, подобно световой волне. Это пульсировавшее скопище необузданной энергии беспрерывно хлестало Билла изнутри и снаружи.

— Вы находитесь за пределами вашей системы, — раздался голос в его раскаленном мозгу. — Вы вышли из нее. Понимаете? Это промежуточное пространство, пустота, отделяющая вашу систему от моей. Почему вы зашли так далеко? Чего вы ищете?

В отсеке контроля Гровс слабо пытался сопротивляться бешеному потоку, овладевшему его телом и умом. Его ударило о навигационный стол. Карты и инструменты носились над ним, смешанные с потоком раскаленного дождя. И, не смолкая, звучал грубый голос, полный обжигающего высокомерия и бесконечного презрения к своим слушателям.

— Ничтожные земляне, случайно забредшие сюда, возвращайтесь в вашу систему! Возвращайтесь в ваш крохотный упорядоченный мир, в вашу цивилизацию! Удирайте от темноты и монстров!

Гровсу удалось дотянуться до выходного люка.

Карабкаясь, он выбрался в коридор.

Голос настиг Гровса, какая-то неведомая сила прижала его к растерзанной обшивке корабля.

— Я вижу, вы ищете десятую планету нашей системы, легендарный Пламенный Диск. Для чего вам она? Что вы хотите там делать?

Гровс завизжал от ужаса. Теперь он знал, что это было: голоса, предсказанные Престоном в его книге. У Гровса появилась сумасшедшая надежда: голоса могут помочь... Он открыл было рот, чтобы заговорить, но воющий голос свирепо оборвал его:

— Пламенный Диск входит в ваш мир. Мы его перенесли сюда через космическое пространство. Здесь мы его оставили, и теперь он вечно вращается по орбите вокруг нашего солнца. У вас нет никаких шансов получить права на него. Какую цель вы преследуете? Мы хотим знать.

Гровс попытался мысленно ответить голосам.

Но в головокружительно короткий срок ему пришлось отбросить все свои надежды, все свои планы. — Быть может, — ответил голос, — мы рассмотрим и проанализируем ваши запотоколированные мысли и ваши импульсы. Мы должны быть осторожны. Если мы захотим, мы можем испелить ваш корабль.

Немного выждав, голос задумчиво продолжал:

— Но, конечно, не сейчас. Мы не должны спешить.

Гровс нашел кабину инвик-связи и бросился к передатчику. Его пальцы упали на контакты. Тут же включились автоматические цепи.

— Картрайт! — выдохнул Гровс.

Луч инвик-связи, несущий его сигнал, отразился сначала от Плутона, затем от Урана, после этого от других планет и наконец долетел до Директории, в Батавию.

— Пламенный Диск не случайно расположен в нашей системе, — вновь зазвучал мощный голос.

Он замолчал, словно для консультации с невидимыми компаньонами.

— Контакт между нашими расами мог бы привести к невиданному прежде культурному сотрудничеству, — продолжал он. — Но мы должны...

Гровс вновь приблизился к передатчику.

Изображение было слишком слабым. Наполовину ослепшие глаза капитана отказывались видеть его. Он с горячностью попросил установить связь, чтобы Картрайт смог рассмотреть то, что разглядел он, услышать густой громкий голос, который он слышал, понять ужасающие, но, однако, наполненные надеждой речи.

— Мы должны понаблюдать. Мы должны лучше узнать. Мы не спешим в своих заключениях. Мы будем решать, а ваш корабль тем временем направится к Пламенному Диску. Мы решим, уничтожить вас или привести целыми и невредимыми на Пламенный Диск, тем самым увенчав успехом вашу экспедицию.

Риз Веррик обернулся на срочный вызов техника инвик-связи. — Идемте, — приказал он Хербу Муру. — Перехвачена передача Картрайту с астронефа. Она послана в Батавию. Важная.

Встав перед экраном видеопередатчика, установленного техниками инвик-связи в Фарбене, Веррик и Мур ошеломленно рассматривали представшую перед ними картину. Гровс, крохотный, затерявшийся в океане огня и необузданной энергии, напоминал насекомое, терзаемое жестокими существами. Искривленный миллионами километров космического пространства, но все еще очень мощный, голос ревел:

— ... наше предупреждение. Если вы пренебрежете нашими дружескими усилиями в проведении вашего корабля, если вы попытаетесь сами корректировать его курс, то мы не сможем гарантировать...

— Что это такое? — проквикал ошеломленный и бледный Веррик. — Это что, они подстроили, зная, что мы за ними шпионим? — Он задрожал. — Или же действительно...

— Помолчите, — рокочущим голосом прервал его Мур. — Это все зарегистрировано?

У Веррика отвисла челюсть, но он согласно кивнул.

— Ради бога, куда это мы проникли? — спросил он. — Все эти легенды и слухи о мифических живых существах, живущих там... Я никогда не думал, что это может быть на самом деле!

Мур просмотрел записи видеоманитофона, затем резко спросил:

— Так вы думаете, что это сверхъестественное представление?

— Это другая цивилизация. — Голос Веррика дрожал от страха и почтения. — Это немыслимо. Мы вошли в контакт с другой расой.

— Немыслимо — это не то слово, — констатировал Мур.

Как только экран вновь стал непроницаем, Мур схватил записанные бобины и со всех ног бросился в Публичную Информационную Библиотеку.

Спустя час из центра исследований игр в Женеве пришел результат анализа.

Мур взял и понес Ризу Веррику. Он положил перед Верриком отчет.

— Держите. Смотрите. Это явная насмешка, только непонятно над кем. Веррик озадаченно рассматривал отчет.

— Как? Что они говорят? Этот голос...

— Это голос Джона Престона, — провозгласил Мур. — Он зарегистрирован по выдержкам из его «Единорога». В Библиотеке хранятся бобины, и правильность идентификации не оставляет сомнений.

Веррик открыл рот, и его лицо приняло глупое выражение.

— Я не понимаю. Объясните.

— Джон Престон там. Он ожидал корабль и теперь вступил в контакт с ними. Он их приведет к Диску.

— Но Престон мертв вот уже сто пятьдесят лет!

Мур издал легкий смешок.

— Послушайте, не стройте иллюзий! Прикажите как можно скорее открыть этот гроб, и вы поймете, что Джон Престон всегда был жив!

10

Робот Мак-Миллан, невозмутимо шествуя по проходу, собирал билеты. Жаркое полуденное солнце отражалось в красивой блестящей обшивке межконтинентальной ракеты. Далеко внизу простиралась голубая гладь Тихого океана, вечного и неизменного в своих красках и в своем нраве.

— Это действительно очень красиво, — сказал молодой человек с волосами цвета соломы хорошенькой девушке, сидевшей рядом с ним. — Я имею в виду океан. Как он сливается с небом. Земля, без сомнения, самая красивая планета системы.

Девушка сняла свои телеочки и сощурилась, глядя на настоящее солнце. Как бы возвращаясь от сна к действительности, она глядела в иллюминатор.

— Да, это правда хорошо, — скромно согласилась девушка.

Ей было всего восемнадцать лет. У нее была маленькая торчащая грудь, а ее короткие вьющиеся волосы, следуя последней моде, образовывали темно-рыжий светящийся ореол вокруг тонкого лица и грациозной шеи. Она покраснела и убрала телеочки.

Ее безобидный сосед с бесцветными глазами достал сигареты, взял себе одну и протянул ей позолоченный портсигар.

— Спасибо, — нервно произнесла она.

Ее пальцы с темно-красными ногтями выудили одну сигарету. Она повторила «спасибо», когда он протянул ей золотую зажигалку.

— Куда вы направляетесь? — спросил ее юноша.

— В Пекин. Я работаю в Холме Суонг, то есть я следую по вызову.

Она лихорадочно порылась в миниатюрной сумочке.

— Я должна получить какой-то вызов. Быть может, вы сумеете объяснить мне, что это значит? Я не понимаю юридического жаргона, на котором все говорят.

Затем девушка поспешно добавила:

— Разумеется, в Батавии Вальтер сможет...

— Вы классифицированы?

Еще не дослушав вопроса, она покраснела.

— Класа одиннадцать — семьдесят шесть. Это не слишком хорошо, но и это играет свою роль.

Короткими, быстрыми движениями она стряхнула пепел, упавший на ее вышитый шарф и высокую грудь.

— Я в прошлом месяце получила классификацию.

Немного поколебавшись, она поинтересовалась:

— А вы? Я знаю, люди иногда бывают очень обидчивы, особенно если у них нет...

Он показал на свой рукав:

— Класс пятьдесят шесть — три.

— Вы кажетесь таким... циничным.

Молодой человек холодно и сдержанно рассмеялся:

— Может быть.

Он любезно посмотрел на девушку.

— Как вас зовут?

— Маргарет Ллойд, — произнесла она, стыдливо опуская глаза.

— А меня Кейт Пеллиг.

Голос его звучал, как никогда, сдержанно и сухо.

Девушка минуту подумала.

— Кейт Пеллиг? — И ее брови удивленно поднялись, на лбу появились морщины. — Такое впечатление, что я слышала это имя. Это возможно?

— Нет, это невозможно, — с иронией произнес юноша. — Но это не имеет никакого значения, не волнуйтесь.

— Меня раздражает, если я не могу что-либо вспомнить.

Узнав его имя, она могла теперь разговаривать более открыто.

— Я получила классификацию исключительно благодаря тому, что я любовница одного очень влиятельного лица. Он ждет меня в Батавии.

На ее невинном лице выразалась смесь гордости и скромности.

— Вальтер все устроил для меня. Без него я туда бы никогда не попала.

— Спасибо ему, — улыбнулся Кейт Пеллиг.

Рядом с ним появился Мак-Миллан и вытащил свой крюк. Маргарет Ллойд протянула ему свой билет, Пеллиг сделал то же самое.

— Привет, брат, — лаконично обратился Пеллиг к роботу.

Когда Мак-Миллан удалился, Маргарет Ллойд спросила его:

— А вы? Куда вы направляетесь?

— В Батавию.

— По делам?

— В какой-то степени, — пояснил Пеллиг.

Он улыбнулся, но в его улыбке не чувствовалось юмора.

— Может, через некоторое время я назову это удовольствием. Мое поведение варьируется от времени.

— Как вы странно объясняетесь, — произнесла девушка.

Она была удивлена и немало испугана глубиной ума этого человека.

— Да, я странный. Иногда мне трудно предвидеть, что я стану делать и говорить в следующий момент. Порой я чужд самому себе. Временами даже мои собственные действия застают меня врасплох, и я не могу понять, что заставляет меня так поступать.

Он загасил окурок сигареты и взял новую.

Ироническую его улыбку сменило выражение мрачного беспокойства. Слова медленно, но веско слетали с его губ:

— Это великая жизнь, если только вы не спасуете.

— Я в первый раз слышу такие слова. Что вы хотите этим сказать?

Эта фраза взята из древнего манускрипта?

Взгляд Пеллига заскользил по глади океана.

— Мы скоро будем на месте. Поднимемся в бар, я угощу вас коктейлем.

Маргарет Ллойд задрожала от страха и радости.

— В самом деле?

Она была ужасно польщена.

— Поскольку я живу с Вальтером, то, не правда ли...

— Не беспокойтесь, — прервал ее Пеллиг. Он спокойно встал.

— Я угощу вас даже двумя бокалами. Если, правда, я еще буду знать, кто вы, когда мы войдем в бар.

Питер Вейкман глотнул из стакана томатного соку и, вздрогнув, протянул через стол завтракавшему Картрайту результаты анализа.

— Это действительно Престон, а никакое не сверхсущество, явившееся из другой системы.

Окоченевшие пальцы Картрайта механически вертели чайную ложку.

— Я никак не могу в это поверить.

Рита О'Нейл дотронулась до его руки:

— Все объясняет его книга. Он хотел быть там, чтобы проводить нас. Голоса...

— Меня интересует другое, — задумчиво произнес Вейкман. — За несколько минут до того, как был получен наш запрос, в Информационную Библиотеку прибыл заказ на проведение идентичного анализа.

— Что это значит? — воскликнул Картрайт, резко выпрямляясь.

— Я ничего об этом не знаю. Они объясняют, что получили для анализа бобины со звуковыми видеозаписями. На них те же документы, что мы им послали. Они не предполагают, от кого это.

— Это все, что вы можете нам сообщить? — с беспокойством спросила Рита О'Нейл.

— На самом деле они знают, кто запросил эти данные, но не хотят признаваться. Я с трудом удерживаюсь от желания послать парочку-троечку телепатов для зондирования тех, кто получил другой запрос.

— Забудьте об этом. У нас есть дела поважнее. Есть что-нибудь новое о Пеллиге? — с упрямой настойчивостью поинтересовался Картрайт.

Вейкман изобразил удивление:

— Ничего, кроме того, что он вроде бы покинул Холм Фарбен.

— Вы еще не смогли войти в контакт? — задал вопрос Картрайт, не будучи в состоянии унять дрожь.

Рита положила свою руку на ладонь Картрайта.

— Они войдут в контакт, когда Пеллиг проникнет в охраняемую зону. Он еще вне ее.

— Ради бога, вы не могли бы пойти ему навстречу? Вы останетесь здесь, ожидая его прибытия?

Картрайт устало покачал головой:

— Простите меня, Вейкман. Я знаю, что мы уже разговаривали об этом тысячи раз.

Вейкман оказался в затруднительном положении. Он волновался за Лео-она Картрайта.

За несколько дней, до того как он стал Ведущим Игру, Картрайт перенес сердечный удар. Сейчас он сидел здесь, нервно играя чашкой. Тик периодически передергивал его лицо. Он выглядел сгорбленным, постаревшим и чрезмерно напуганным. Иссеченное морщинами лицо его казалось сумрачным и усталым. В потускневших, некогда голубых, глазах отражался страх. Несколько раз Картрайт пытался заговорить, но в конце концов погрузился в глубокое молчание.

— Картрайт, — обратился к нему Вейкман, — вы в плохой форме.

Картрайт бросил на него свирепый взгляд:

— Меня должен убить человек, публично, среди бела дня, не скрываясь и чувствуя одобрение всей системы. Вся вселенная припала к телевизорам, ожидая, что он станет делать. Его подбадривают, ему аплодируют, надеются, что он будет чемпионом этого национального спорта. И вы еще хотите, чтобы я был в хорошей форме?

— Это всего лишь человек, — спокойно объяснил Вейкман. — Он не сильнее нас. На самом деле у вас для защиты есть целый Корпус и все средства Директории.

— И после него появятся другой, тысячи других.

Вейкман нахмурился:

— Всякий Ведущий Игру всегда имел с этим дело. Я полагал, что основное ваше желание — это остаться в живых, пока ваш астронепф не будет в полной безопасности.

Серое от истощения лицо Картрайта служило достаточно красноречивым ответом.

— Да, я стараюсь остаться в живых. Не вижу, что здесь предосудительного?

Он поднялся, стремясь, чтобы его руки не дрожали.

— Конечно, вы правы. — Он смущенно, словно извиняясь, улыбнулся. — Постарайтесь войти в мое положение. Вы имели дело с этими убийцами всю вашу жизнь. Для меня эта вещь совершенно новая. Прежде я был обыкновенным, безмянным, неизвестным широкой публике челове-

ком. И вот теперь я стал идеальной мишенью, освещаемой прожекторами в десять миллиардов ватт.

Его голос зазвучал громче:

— И они хотят меня убить! Ради бога, какова ваша стратегия? Что вы предпримете?

«Он напуган. И вызывает жалость, — подумал Вейкман. — Он совсем расклеился. Он даже больше не думает о своем корабле, хотя именно из-за него он пришел сюда».

В другом крыле Директории, держа связь с Вейкманом и остальными членами Корпуса, сидел в своем кабинете Шеффер. Он мысленно отвечал Вейкману:

— Пора его везти туда, хотя я не думаю, что Пеллиг уж очень близко. Но, зная, что всем руководит Веррик, стоит учесть, что ошибка весьма вероятна.

— Точно, — мысленно же ответил ему Вейкман. — Интересно, в любой другой момент Картрайт сошел бы с ума от радости, узнав, что Джон Престон жив. Сейчас же он едва обратил на это внимание. И в то же время он уверен, что корабль достигнет цели.

— Вы полагаете, что Пламенный Диск существует?

— Очевидно. Но, по-видимому, это не интересует и Картрайта. Он пытался стать Ведущим Игру, исключительно чтобы дать возможность кораблю достичь Пламенного Диска. Но теперь, столкнувшись с реальной ситуацией, он усмотрел во всем этом только смертоносную ловушку.

Вейкман повернулся к Картрайту:

— Очень хорошо, Леон. Мы сейчас увезем вас далеко отсюда. Приготовьтесь, у нас еще много времени, нам еще не сообщили о прибытии Пеллига.

Картрайт подозрительно посмотрел на него:

— Куда отвезете меня? Я полагал, что комната, укрепленная Верриком...

— Он и рассчитывает, что вы ею воспользуетесь. Именно отсюда он и начнет. Мы увезем вас с Земли. Корпус выбрал для вас в качестве убежища одно место на Луне, известное как центр отдыха от психической усталости. На самом деле, это даже лучше того, что Веррик соорудил здесь. Пока Корпус будет заниматься Пеллигом, вы окажетесь за четырьмястами километров от Батавии.

Картрайт в отчаянии посмотрел на Риту О'Нейл.

— Что я должен делать? Ехать туда?

— Здесь, в Батавии, — убеждал Вейкман, — каждый час садится сотня кораблей. Тысячи людей, путешествуя, перелетают с острова на остров. Это самое населенное место во всей вселенной. На Луне же никакой человек не может остаться незамеченным. Наша станция расположена в стороне от других. Организация, у которой мы состоим на обеспечении, купила землю в секции, пользующейся небольшим спросом. Вы будете окружены тысячами километров пустынного безвоздушного пространства. Если Кейту Пеллигу удастся проследовать туда за вами и он явится в этом громоздком комбинезоне Фарли, с радарным конусом, со счетчиком Гейгера, с карабином и в каске, я думаю, что мы его заметим.

Вейкман хотел было пошутить, но Картрайт даже не улыбнулся.

— Другими словами, вы не можете здесь обеспечить мне защиту.

— Там мы сможем ее лучше обеспечить, — Вейкман вздохнул. — Там, на Луне, очень приятно. Наши устроители все предусмотрели. Вы сможете

плавать, заниматься играми на свежем воздухе, принимать солнечные ванны, даже спать. Если хотите, мы продержим вас в состоянии летаргического сна до тех пор, пока все не успокоится.

— Я могу так никогда не проснуться, — ответил Картрайт.

Можно было подумать, что он уговаривает маленького ребенка. Совершенно беззащитный и объятый страхом, этот старый человек утратил всякий здравый смысл. Он стал скудоумным и инфантильным. Вейкман только пожалел о том, что еще слишком рано для принятия внутри станканчика-другого. Питер явно в нем нуждался. Он постарался говорить спокойно, но твердо:

— Мисс О'Нейл отправится с вами. Я, безусловно, тоже. Вы сможете вернуться на Землю, как только захотите. Но я настаиваю на том, чтобы вы осмотрели ваше лунное прибежище, прежде чем примете окончательное решение.

Картрайт заколебался, терзаясь сомнениями.

— Вы утверждаете, что Веррик не знает о его существовании? Вы в этом уверены?

«Лучше подтвердить эту его мысль, — подумал Шеффер. — Ему необходима твердая уверенность. Бесполезно сейчас рассуждать о статистической вероятности».

— Совершенно уверен, — громким голосом бесстыдно соврал Вейкман. Затем он подумал, обращаясь к прибору инвик-связи:

«Шеффер, надеюсь, мы не совершаем ошибки. Вероятно, Веррик знает об этом убежище. Но это ничего не значит. Если все пойдет хорошо, Пеллиг никогда не покинет Батавию».

«А если он туда прорвется?» — полетела тревожная мысль.

«Это невозможно. Наша задача задержать его, Я, в общем, не очень беспокоюсь, но я чувствовал бы себя спокойнее, если бы территории, окружающие нашу станцию, не принадлежали бы Холмам Веррика».

Салон-бар, оформленный с претензией на шик, блистал своей хромированной поверхностью. Кейт Пеллиг подождал, пока мисс Ллойд уселась в одно из плюшевых кресел перед столом из пластика и неловко облокотилась о него руками, затем он сел напротив нее.

— В чем дело? — спросил он. — Что-то не так?

— Нет.

Пеллиг молча пробежал глазами меню:

— Что вы хотите? Поторопитесь: мы уже почти приехали.

Мисс Ллойд сделала было движение, чтобы встать и уйти, и покраснела больше обычного. Она вынуждена была подавить внезапное желание бегом вернуться на свое место. Ее спутник стал ей неприятен, его слова оскорбили ее, но страх поступить неправильно сделал ее робкой и заставил спрятать возмущение.

— В каком Холме вы служите?

Овета не последовало.

Мак-Миллан тихо подъехал к ним.

— Что прикажете, месье или мадам?

Оживлявший тело Пеллига Бентли начал бурно мыслить. Он заказал бурбон с содовой для себя и «Том Коллинг» для Маргарет Ллойд. Он едва

посмотрел, что им принесли, механически рассчитался и поднес бокал к губам.

Мисс Ллойд болтала с воодушевлением, свойственным юности. Ее глаза блестяли, зубы сверкали белизной, рыжая шевелюра горела, как пламя свечи. Но человек, сидевший напротив, казалось, не был чувствителен к ее прелестям. Бентли позволил пальцам Пеллига поставить бокал на стол. Пеллиг задумчиво посмотрел перед собой.

В этот самый момент механизм переключился.

Бентли тотчас же бесшумно очутился в Фарбена.

Шок был жесточайшим. Тед зажмурился и вцепился в металлическое кольцо, окружавшее его тело, служившее одновременно поддержкой и способом связи с основным механизмом. Перед Бентли на инвик-экране разгрызалась сцена, которую он только что покинул. Тело Пеллига испускало ультрафиолетовые лучи, улавливаемые инвик-приемниками и ретранслируемые во все лаборатории Фарбена. В крохотном салоне миниатюрная Маргарита Ллойд сидела напротив миниатюрного Кейта Пеллига. Система передачи звука доносила несмолкаемую болтовню девушки.

— Кто сейчас в нем? — нетвердым голосом произнес Бентли.

Видя, что он хочет выбраться из предохранительного кольца, Херб Мур толкнул его обратно.

— Не двигайтесь! Вы рискуете оказаться там с половиной ваших мозгов, оставив вторую половину здесь.

— Я только что выбрался оттуда. Моя очередь подойдет позже.

— Нет, вы можете оказаться следующим. Не шевелитесь, пока вашу двигательную систему не отсоединят и пока вы не окажетесь вне цепи.

Зажглась красная кнопка, четвертая слева в третьем ряду. На экране было видно, как без малейшей паузы к телу подключился новый оператор. Бентли заметил, что в первый же момент он опрокинул содержимое бокала.

Мисс Ллойд прервала свой монолог и поинтересовалась:

— Вы себя хорошо чувствуете? Вы выглядите очень бледным.

— Нет, все в порядке, — пробормотало тело Пеллига.

— Он прекрасно выходит из затруднения, — сказал Мур Бентли. — Это ваш друг Эл Девис.

Бентли мысленно отметил расположение кнопки.

— Которая относится к вам, Мур?

Тот проигнорировал вопрос.

— Контактор зажигает индикатор за долю секунды до самого переключения. Держите глаза открытыми — и вы будете вовремя предупреждены. Иначе вы рискуете очутиться под пальмой лицом к лицу с двадцатью вооруженными до зубов телепатами.

— Или умереть, — добавил Бентли. — Кто выигрывает в этой игре?

— Тело невозможно уничтожить. Оно доберется до Картрайта и убьет его.

— Сотрудники вашей лаборатории делают уже следующего андроида, — возразил Бентли. — Когда этого уничтожат, тот уже будет готов предстать перед Конвететом Вызова.

— В случае провала оператор будет мгновенно отключен от тела до того, как последнее погибнет. Можете подсчитать, каковы ваши шансы находиться в теле именно в этот момент: одна двадцать четвертая, умноженная на сорок процентов вероятности того, что тело уничтожат.

— А вы действительно входите в группу операторов?

— На том же основании, что и вы.

Мур собрался выйти из кубообразной камеры, когда Бентли спросил его:

— А что происходит с моим собственным телом в то время, когда я нахожусь в Пеллиге?

— До момента переключения все эти приборы поддерживают в нем жизнь.

Мур указал рукой на различные механизмы, заполнявшие металлический ящик:

— Они удовлетворяют все потребности вашего организма: обеспечение воздухом, регуляция кровяного давления, сердечного ритма, выделение испражнений, обеспечение водой и пищей — словом, делают все, что необходимо.

Дверь вновь закрылась. Бентли остался один в набитой различными механизмами камере.

На экране Эл Девис предлагал девушке второй бокал. Им особенно не о чем было разговаривать. Система передачи звука доносила лишь тихий шелест голосов и звон бокалов. На мгновение Бентли удалось увидеть пейзаж, мелькнувший в иллюминаторе корабля.

Корабль приближался к шупальцевидной Индонезийской Империи, месту наиболее плотного скопления человеческих существ во всей системе Девяти Планет.

Нетрудно было представить телепатов, проверявших звенья своей информационнои цепи. Картина первого контакта такова: телепат на посадочной площадке, слоняющийся около дорожки для выхода пассажиров или сидящий за окошком кассы. Или женщина-телепат, смешавшаяся с толпой девиц, которых всегда было много при прибытии кораблей.

Или даже ребенок-телепат, оставленный здесь родителями. Или старик, ветеран какой-нибудь забытой войны, сидящий в тени с плащом на коленях.

Неважно кто. Неважно где. Это может быть тубик губной помады, булочка, карманное зеркальце, газета, монетка, носовой платок... Бесконечное разнообразие и эффективность современных способов борьбы.

Пассажиры на экране начинали вставать, готовясь к выходу, чувствовалось легкое напряжение, обычное перед посадкой. Когда гудение двигателей стихло и двери люков открылись, послышались вздохи облегчения.

Кейт Пеллиг неловко поднялся и сделал несколько неясных движений в сторону Маргарет Ллойд. Оба смешались с толпой, медленно сходящей по трапу.

Бентли нервно посмотрел на подробный план зданий Директории в Батавии. Посадочная площадка находилась в непосредственной близости от садов Директории.

Цветная стрелка уже указывала месторасположение Пеллига, но соответствующих указателей о телепатах не было. Бентли нетрудно подсчитать, что первый контакт между Пеллигом, андроидом и цепью телепатов состоит, самое большее, через несколько минут.

Вейкман приказал вывести ракету «С+» из ее подземного пристанища. Он налил себе шотландского виски, медленно выпил его и мысленно заговорил с Шеффером:

— Через полчаса Батавия станет тупиком для Пеллига, приманкой, в которой уже нет дичи.

От Шеффера пришел уверенный ответ:

— Мы только что получили сообщение о Пеллиге. Он выбрал ракету, следующую прямым курсом из Брэма на Яву.

— Вы знаете, как называется ракета?

— Нет, он взял «открытый» билет. Но, судя по всему, он уже в пути.

Вейкман припустился во весь дух в личные апартаменты Картрайта. Последний небрежно упаковывал вещи с помощью Риты и двух роботов Мак-Миллан. Рита была бледна, похоже, нервы ее были натянуты, но она держалась спокойно.

Используя устройство быстротечения, Рита просматривала бобины, пытаясь найти те, которые стоило сохранить. Вейкман улыбнулся, глядя на эту хрупкую, но такую проворную и энергичную девушку. Между ее грудями прыгал талисман — Лапка кошки.

— Храните ее получше, — посоветовал ей Вейкман.

Она подняла на него глаза:

— Есть что-нибудь новое?

— Пеллиг может появиться с минуты на минуту. Ракеты садятся непрерывно. Мы ведем наблюдение за прилетающими. Корабль почти готов. Помочь вам закончить с багажом?

Картрайт вышел из своего оцепенения:

— Послушайте, я не хочу быть пойманным в космическом пространстве. Я... не хочу...

Вейкмана удивили эти слова. Неприкрытый, глубокий, первобытный страх полностью завладел психикой старого человека.

— Мы будем пойманы в пространстве, — быстро произнес он. — Наш корабль является экспериментальной ракетой. Она единственная может взлетать с горных хребтов. Почти сразу же мы достигнем места назначения. Никто не может приблизиться к ракете, когда она находится в движении.

Картрайт нервно сжал посеревшие губы.

— Вы думаете, что лучше будет разделить Корпус? Вы сказали, что кто-то останется здесь, а остальные отправятся с нами. А я знаю, что вы не можете читать мысли на таком расстоянии. Не получится ли...

— Черт возьми! — взорвалась Рита. Она бросила бобины. — Прекратите так вести себя! Это на вас не похоже.

Картрайт жалобно застонал и принялся рыться в куче рубашек.

— Я сделаю так, как вы велите, Вейкман. Я верю вам.

Он продолжал неловко упаковывать чемоданы, но мозг его был скован ужасом и страх буравил его, разрастаясь все шире. Картрайт ощущал непреодолимое стремление убежать и скрыться в бронированном кабинете Веррика. Вейкмана слегка трясло от натиска этого первобытного страха, от необузданного желания скорее куда-нибудь спрятаться. Он решительно переключил свое внимание на Риту.

Новый удар ожидал его. Тоненькая струйка ледящей ненависти простекала от девушки в его сторону. Удивленный этим внезапным проявлением нового чувства, Питер начал исследовать его.

Рита увидела его лицо, и мысли ее изменились. Она мгновенно почувствовала, что Вейкман зондирует ее, и теперь она думала о том, что слышала в наушниках, а Вейкман был оглушен чудовищной смесью голосов, выступлений, докладов, выдержек из книг Престона, дискуссий, комментариев.

— В чем дело? — спросил он у нее. — Что-нибудь не получается?

Вместо ответа Рита поджала губы, так, что они стали казаться бескровными, затем вдруг резко повернулась и выбежала из комнаты.

— Я могу объяснить вам, в чем дело, — произнес Картрайт.

Он закрыл крышку окованного чемодана.

— Она считает, что вы в этом повинны.

— В чем?

Картрайт поднял два набитых чемодана и медленно направился к двери.

— Вы знаете, я ее дядя. Она привыкла ощущать мое превосходство: я, отдающий приказания, составляющий планы. Теперь же я связался с вещами, против которых я бессилен.

Его голос перешел в неуверенный шепот:

— В ситуациях, которыми я не могу управлять, я вынужден довериться вам.

Картрайт посторонился, чтобы пропустить Вейкмана, открывшего перед ним дверь.

— По-моему, я изменился с момента моего приезда сюда, и она считает, что в этом повинны вы.

— Ох... — произнес Вейкман.

Везде сопровождая Картрайта, он отдавал себе отчет в двух вещах. Вейкман знал, что он не так хорошо понимает людей, как это ему казалось раньше, и что Картрайт наконец решился поступать соответственно указаниям Корпуса.

На спасательной платформе в центре главного здания стоял готовый к взлету корабль «С+».

Как только Картрайт, его племянница и группа телепатов поднялись на борт, люки герметично и бесшумно закрылись, крыша исчезла, открыв яркое полуденное солнце.

— Это маленький корабль, — заметил Картрайт.

Он был необычно бледен, руки его, застегивая спасательный пояс, дрожали.

— Интересно, какова будет его траектория?

Вейкман быстро застегнул пояс Риты, затем свой. Она ничего ему не сказала, но Питер не ощущал уже прежней враждебности.

— Мы можем потерять сознание, но не волнуйтесь: корабль полностью автоматизирован, — пояснил он.

Вейкман расположился поудобнее и мысленно послал сигнал отправления сложному и чувствительному механизму. Тотчас ответили реле, и недалеко от них зарычали мощные реакторы.

Осудив ответную реакцию корабля, Вейкман представил его гигантским продолжением своего тела, сделанным из стали и пластика.

Он расслабился, впитывая мягкую вибрацию и тепло заработавших двигателей.

Это был великолепный корабль, единственный в своем роде.

— Вам известны мои чувства, — вдруг оборвала его приятные мысли Рита. — Я ведь знаю, вы меня зондировали.

— Мне ясно, каковыми они были, но, надеюсь, они изменились.

— Может быть, и нет. Я не знаю. Есть что-то неестественное в том, чтобы винить вас в происходящем. Ведь вы делаете все, что в ваших силах.

— Я думаю то же самое, — согласился Вейкман, — надеюсь, что я нашел лучшее решение и что я сейчас хозяин положения.

Он на мгновение замолчал и объявил:

— Корабль готов к взлету.

Картрайт лишь покачал головой:

— Я готов.

Вейкман помедлил еще мгновение.

— Ничего нового? — послал он сигнал Шефферу.

— Приближается новый рейсовый корабль. Через секунду он будет в зоне зондирования.

Пеллиг придет в Батавию — это стало ясно.

Ясно было и то, что он тут же бросится на поиски Картрайта. Непонятным оставалось только, каким образом он собирается выловить и убить Картрайта. Можно с уверенностью утверждать, что если ему удастся проскочить через сеть телепатов и найти их убежище на Луне, то в этом случае...

— На Луне нет никакой защиты, — напомнил Питер Шефферу. — Отправляя его туда, мы отказываемся от какой бы то ни было возможности защититься.

— Это точно, — ответил Шеффер. — Но я надеюсь, что мы схватим Пеллига здесь, в Батавии. Как только мы войдем в контакт, все будет кончено.

Вейкман решился:

— Хорошо. Рискнем. Шансы в нашу пользу.

По мысленному сигналу корабль переключился на отправление. Автоматические щупальца настроили его на цель полета. Бледное всевидящее око устремилось в полуденное небо.

Вейкман закрыл глаза и расслабился.

Корабль сдвинулся с места. Сначала все ощутили толчок обычных турбин, затем колоссальный рывок «С+».

Одно мгновение корабль, сверкая на солнце, поболтался над Директорией, затем «С+» набрал силу и вырвался из земного притяжения. Все присутствующие на борту погрузились в черноту бессознательного состояния.

Сквозь потемки, овладевшие сознанием Вейкмана, пробивалось чувство удовлетворения. В Батавии Кейт Пеллиг не найдет ничего, кроме собственной смерти. Его же собственная стратегия, стратегия Питера Вейкмана, должна увенчаться успехом.

В тот самый момент, когда мысленный сигнал Вейкмана послал в пространство блестящий корабль «С+», на посадочной площадке замер и выдвинул трап рейсовый корабль.

Затерянный среди деловых людей и служащих, на трапе появился Кейт Пеллиг.

Сотуририв глаза, он впервые смотрел на здание Директории, на необыкновенно плотные движущиеся толпы людей, в которых прятались ожидавшие его телепаты.

11

В половине шестого тяжелая ракета дорожного ведомства приземлилась в центре того, что когда-то называлось Лондоном. Рядом сели легкие транспортные корабли, из которых вышли группы вооруженной охраны. Они

быстро рассредоточились так, чтобы преградить путь возможному полицейскому патрулю Директории.

Через несколько мгновений старое разграбленное здание, в котором размещалось бюро Общества престонитов, было окружено.

Риз Веррик, в длинном шерстяном пальто и ботинках, следовал маленькой улочкой за группой рабочих, обслуживающих здание.

Воздух был ледяным: дома и шоссе блестели от ночной сырости. Ни одного признака жизни не ощущалось в серых тихих сооружениях.

— Это здесь, — пояснил старший мастер Веррику. — Это их сарай.

Он указал на двор, усеянный обломками.

— Памятник здесь.

Веррик ускорил шаг и вошел во двор.

Рабочие уже стали разрушать сооружение из стали и пластика. Пожелтевший куб с останками Джона Престона был уже отломан от пьедестала и лежал на обледелой мостовой среди скопившихся за многие месяцы старых бумаг.

В прозрачном кубе, чуть повернутая набок, виднелась высохшая фигура. Рука ее, сжимавшая трубку, частично закрывала нос и очки.

— Так вот он, Джон Престон, — задумчиво произнес Веррик.

Старший мастер присел на корточки, чтобы рассмотреть швы куба.

— Запаяно под вакуумом, конечно. Если мы его откроем, все рассыплется в мельчайшую пыль.

Веррик поколебался, затем проговорил с сожалением:

— Согласен. Отнесите все в лабораторию. Мы откроем там.

Вернулась группа, разбиравшаяся в сарае. Люди несли в руках пакеты, кассеты с магнитофонной лентой, мебель, одежду, ящики с чистой бумагой и типографские приспособления.

— Настоящий склад, — объявил один из них старшему мастеру. — Там наложено всего до самого потолка. Похоже, что там существуют двойные стены и подземный зал для заседаний. Простучим стены, чтобы добраться до него.

Именно в этом полуразвалившемся помещении билось сердце Общества. Группы рабочих выносили все, оставляя лишь голые отсыревшие стены.

Веррик прошел в желтоватый зал. На ржавом крюке все еще висел проколотый в нескольких местах, покрытый пылью портрет Джона Престона.

— Не забудьте фото, — приказал он старшему мастеру.

Часть стены была разрушена, в проломе виднелся еще один коридор. Рабочие простукивали стены, пытаясь найти возможный тайный проход.

— Мы полагаем, есть запасной выход, — объяснил старший мастер.

Скрестив руки, Веррик созерцал портрет Престона. Маленький, как большинство фанатиков, тщедушный, сморщенный, как засохший лист, с выдававшимися вперед ушами, отстегнутыми тяжелыми дужками очков, со спадающими в беспорядке седыми волосами и крошечным, почти женским, ртом, плохо выбритым, хотя и не квадратным, но энергичным подбородком, крючковатым, прыщавым носом, выдающимся адамовым яблоком на тощей шее, в рубашке сомнительной свежести.

Что поразило Веррика в Престоне, так это его глаза: честные, страстные, пронизывающие сквозь толстые стекла очков.

Его пылающий взгляд, подобно взглядам древних пророков, дышал гневом.

Его скрюченная артритом рука была поднята. В этом жесте чувствовался не только вызов. Рука указывала на что-то. В ней ощущалась какая-то поразительная жизнестойкость.

Хотя стекло, покрывавшее портрет, было покрыто толстым слоем пыли, от фото веяло гордостью и возбуждением. Престон, этот калека с телом подбитой птицы, подслеповатый ученый-горбун, астроном, лингвист... и кто-то еще...

— Мы нашли запасной выход, — сообщил старый мастер. — Он ведет в подземный общественный гараж. Они, без сомнения, приезжали и уезжали в обычных машинах. Это здание было, по-видимому, их единственным центром. Существуют другие клубы престонистов в самых разных уголках планеты, но большинство предпочитало собираться на частных квартирах не более трех-четырёх человек.

— Все погрузили? — спросил Веррик.

— Мы готовы к отъезду: прихватили даже картины для дальнейшего изучения.

Несколько минут спустя корабль уже держал путь в Фарбен.

Сразу же после того, как пожелтевший куб был положен на рабочий стол лаборатории, в ней появился Херб Мур.

— Итак, вот он, — проговорил Мур.

— Я полагал, что вы заняты в группе операторов, управляющих Пеллигом, — процедил Веррик. Он снял пальто.

Мур проигнорировал его реплику и занялся соскабливанием грязи, въевшейся в прозрачную плиту, закрывавшую скрюченное тело Джона Престона.

— Снимите-ка это, — приказал Веррик техникам.

— Но все это настолько ветхо, что может сразу же рассыпаться в прах, — возразил один из них.

Мур схватил резак и принялся за основание плиты.

— В прах? Это наверняка было сделано так, чтобы простоять миллион лет.

Затрещала, ломаясь, ссохшаяся плита. Мур отломил от нее куски и бросил их на пол.

Из куба потянуло плесенью. Многие закашлялись и отодвинулись. Камеры непрерывно фиксировали ход операций.

Заметив нетерпеливый жест Мура, два робота вынули покоробившееся тело и подняли его на высоту своих магнитных глаз. Мур прикоснулся лицом к заостренному зонду. Вдруг он схватил правую руку Престона и резко дернул. Рука без труда оторвалась. Мур выглядел несколько смешно с этой рукой.

Тело оказалось пластиковым манекеном.

— Вы видите? — вскричал он. — Это подделка!

Он с силой отбросил руку, которую один из Мак-Милланов тут же поймал на лету. В месте прикрепления руки теперь зияла широкая дыра.

Тело было полным и поддерживалось с боков стальными стержнями, мастерски вделанными скульптором.

Мур с мрачным и озабоченным видом обошел вокруг манекена. Он осмотрел его со всех сторон, затем схватил себя за волосы: в одном месте синтетическая ткань порвалась, открыв матовое металлическое полушарие.

Мур сорвал парик и отвернулся от манекена.

— Он в точности повторяет фото, — восхищенно произнес Веррик.

— Естественно, — согласился Мур. Он рассмеялся. — Они сначала одели манекен, а затем сфотографировали его. — Он несколько раз подмигнул. — Он должен был иметь именно такую внешность, — поправился он.

Элеонора Стивенс отделилась от группы стоявших тут же людей и осторожно приблизилась к манекену.

— Разве это ново? Ваше произведение следует точно по этим стопам. Престон, без сомнения, как и вы, использовал робота Мак-Миллана. Он сделал синтетическую куклу, повторяющую его внешностью. Аналогично вы сделали Пеллига.

— Нет, — отрезал Мур, — мы слышали настоящий голос Престона, а не искусственно воспроизведенную звуковую модель. Не существует голосов с одной и той же регистрационной кривой. Даже если бы ему удалось смоделировать искусственные реплики.

— Вы думаете, что он вечно жив в своем теле? — спросила Элеонора. — Но это невозможно!

Мур не ответил. Он хмуро смотрел на манекен. Мур поднял его руку и один за другим вырвал у него пальцы. На лице его застыло выражение, которого Элеонора никогда ни у кого не видела.

— Моя синтетическая кукла, — еле слышно произнес Мур, — проживет год, а потом придет в негодность. Она всем хороша, но только на один год. — Черт возьми! — прорычал Веррик. — Если мы за этот год не свалим Картрайта, он будет для нас потерян.

— Вы уверены, что никто не может сконструировать синтетическую куклу с такой точностью, чтобы видео- и звуковые бобины... — начала Элеонора. Но Мур перебил ее.

— Я этого не могу, — прямо сказал он. — Если это даже и возможно, я абсолютно не знаю как.

Внезапно он поспешил к двери.

— С минуту на минуту Пеллиг окажется в области защитной цепи теплов. С этого момента я постараюсь включиться в цепь операторов. Забыв о манекене Джона Престона, Веррик и Элеонора последовали за ним.

— Это обещает быть интересным, — просто проговорил Веррик.

Он устремился в свой кабинет.

Элеонора мало разделяла нервозность Веррика, который, заранее улыбаясь, уже зажигал экран, установленный перед ним техниками инвик-связи.

Глубоко вдыхая теплый мягкий воздух, Кейт Пеллиг осматривал окрестности.

Маргарита Ллойд вприпрыжку догнала его.

— Я сейчас представлю вас Вальтеру, мистер Пеллиг. Он должен быть где-то здесь. Мой бог, здесь столько народу!

Площадка была переполнена. Пассажиры многих прилетевших одновременно ракет выходили на нее. Толпы чиновников Директории, желавших добраться домой, образовывали очереди к ракетам. Другие группы нетерпеливо ожидали астронеты. Мак-Милланы сутились вокруг огромных куч багажа. Шум моторов, крики, рычание громкоговорителей, гудение согревающихся реакторов сливались в один оглушительный рев.

Эл Девис отметил все это, приостановив тело Пеллига, чтобы мисс Ллойд могла его догнать. Чем больше людей, тем лучше: океан звуков и мыслей поглотит его собственную мыслящую индивидуальность.

— Вот он! — воскликнула Маргарет Ллойд.

С вздымающейся грудью и со сверкающими глазами она принялась неистово махать руками:

— Он нас увидел! Он идет сюда!

Человек лет сорока с тонким лицом молча прокладывал себе путь в оживленной, смеющейся, обливаемой потом толпе.

У него был терпеливый, чуть скучающий вид — идеальный тип бюрократа из огромной армии служащих Директории.

Он сделал знак мисс Ллойд и что-то крикнул, но слова его потонули в общем реве.

— Мы могли бы зайти куда-нибудь пообедать, — предложила мисс Ллойд Пеллигу. — Вы знаете приятное местечко? Вальтер, конечно, знает: он знает все. Он здесь давно, и он истинно...

Ее голос вдруг пропал, заглушенный рычанием гигантского буксира.

Девис не слушал ее. Ему нужно было двинуться вперед, освободиться от этой болтливой девицы и ее покровителя, приблизиться к Директории. Вдоль рукава Пеллига тянулся провод, соединенный с бластером.

При первом же появлении Картрайта быстрого движения руки с поднятым бластером окажется достаточно, чтобы освободить волну чистой энергии.

В этом месте мысли его оборвались. Он увидел выражение лица Вальтера.

Эл Дэвис слепо продвинул тело Пеллига к улице, где расположились девицы с наземными автомобилями.

Без сомнения, Вальтер был телепатом.

Перехватив его мысли, Дэвис узнал его. Он быстро восстанавливал в памяти план убийства.

Толпа подалась в одну сторону. Пеллиг оказался прижатым к ограде. Одним прыжком он преодолел ее и очутился на улице.

Он обернулся. Паника овладела им, Вальтер преследовал его.

Дэвис двинулся по тротуару. Только не останавливаться. Он добрался до перекрестка и пересек его. Вокруг рычали и ревели клаксонами наземные автомобили. Пеллиг не отдавал себе в этом отчета.

Только теперь он осознал ситуацию. Любой прохожий мог оказаться телепатом.

Они сообщались между собой, передавая мысленно всю информацию. Сеть телепатов была замкнутым кругом. Первый же контакт раскручивал ее всю.

Было бесполезно пытаться убежать от Вальтера: вместо него, неважно где, появится другой телепат и перехватит его, Пеллига.

Он остановился и нырнул в магазин.

Его окружало многоцветье тканей, разнообразие рисунков и фактур. Несколько элегантных покупателей беспечно выбирали и покупали ткани. Пеллиг побежал вдоль прилавка к двери, выходявшей на соседнюю улицу.

Служащий, огромный детина в голубом костюме, с побагровевшим от негодования лицом, преградил ему путь.

— Эй, вы не имеете права выходить там. Кто вы?

Мозг Дэвиса безуспешно искал решение.

Он скорее почувствовал, чем увидел, что сзади него в главный подъезд входит группа людей. Оттолкнув служащего, Дэвис-Пеллиг устремился в

проход между двумя прилавками. Что делать? Его уже почти окружили. Это была западня. Он безуспешно напрягал свой мозг. Что делать?

Пока он безуспешно пытался найти выход, он вдруг ощутил, что снова оказался в Фарбене.

Перед его взором миниатюрный Пеллиг бегал взад-вперед. Следующий оператор уже стремился найти выход из создавшегося положения, но это больше не интересовало Девиса. Он расслабился и дал возможность сложному аппарату, присоединенному к его телу, его настоящему телу, отсосать гнетущие излишки адреналина.

Теперь была зажжена другая красная лампочка. Девис мог позволить себе игнорировать пронзительные звуки, долетавшие до его ушей, поскольку, по крайней мере, в это момент не он должен был принимать решение. Девис хотел дотронуться до талисмана, всегда висевшего у него под рубашкой, но ему помешало предохранительное кольцо. Ну и ладно: он был в полной безопасности. На экране стало видно, как Кейт Пеллиг проник сквозь укрепленную пластиковую витрину шикарного магазина и выбрался на улицу. Это был кромешный ад: люди выли от ужаса, везде царил хаос.

Огромный детина-служащий, казалось, окаменел. Он неподвижно стоял посреди общей паники. Его губы подергивались в тике, по подбородку текла слюна. Он внезапно рухнул, словно гигантская масса желатина.

Пеллигу удалось выбраться из толпы зевак,^{*} начинавших уже скапливаться у входа в магазин. Обстановка изменилась, служащий исчез. Это заинтересовало Эла Девиса. Пеллиг убил его? Тем временем Пеллиг бежал со всех ног. Его тело могло передвигаться очень быстро. Он свернул на другую улицу, мгновение поколебался и вошел в здание театра.

Зал был погружен в темноту. Похоже было, что Пеллиг сбился с пути. Девис осознал, что выбрал плохую тактику.

Темнота не мешала телепатиям: мозг оператора зондировался одинаково хорошо ночью и днем. Пеллигу стало двигаться гораздо труднее.

Оператор тоже понял свою ошибку и начал искать выход. Но едва различимые силуэты уже направлялись к нему. Пеллиг бросился к туалетам. Какая-то женщина последовала за ним. Она остановилась перед дверью, и этой задержки оказалось достаточно, чтобы Пеллиг бластером вырезал стену. Он выбрался на улочку, проходившую за театром.

Пеллиг на мгновение остановился, соображая, что делать дальше. Перед ним, ослепительно сияя на солнце, возвышалась огромная золоченая башня Директории.

Он глубоко вздохнул и шагом, не торопясь, направился к ней.

Зажглась новая лампочка.

Тело вздрогнуло. Новый оператор от неожиданности с трудом овладел управлением. Пеллиг вновь двигался быстрым шагом. Похоже, его никто не преследовал. Пеллиг дошел до оживленной улицы, посмотрел по сторонам и остановил общественного такси-робота.

Мгновение спустя автомобиль уже мчался в сторону башни Директории. Пеллиг расположился поудобнее, закурил и стал осматриваться по сторонам.

Новый оператор адаптировался.

Пеллиг почистил ногти, проверил стрелки на брюках и попытался завязать разговор с роботом-кондуктором.

Происходило что-то ненормальное. Девис посмотрел на схему локализации, показывающую расстояние между телом и кабинетами Директории.

Телу удалось слишком многое. Это было невероятно, но факт: сети телепатов не удалось его остановить.

Но почему?

Девис почувствовал, как у него вспотели ладони. Ему становилось дурно. Его начало подташнивать. Это могло удаться, тело, быть может, сумеет преодолеть все препятствия.

Спокойный, расслабившийся Кейт Пеллиг находился на борту таксиробота, следовавшего в Директорию. С отсутствующим видом Пеллиг поглаживал свой бластер.

Майор Шеффер метался по кабинету, ревя от ярости и страха.

«Это невозможно, — повторялись надрывные мысли ближайшего телепата. — Невозможно».

— Он должен иметь разум.

Шефферу удалось включиться.

— Мы его упустили.

По всей сети полетели недоуменные, испуганные мысли.

— Шеффер, мы его упустили! Вальтер Ремингтон перехватил его, как только он сошел с корабля. Вальтер нащупал многое: бластер, страх, стратегию, личные качества. А потом...

— Вы дали ему уйти.

— Он исчез, Шеффер.

Вновь нахлынуло недоумение.

— Он рассыпался, растаял в воздухе. Я говорил всем об этом, мы не упустили его, он просто перестал существовать.

— Но как?

— Я не знаю.

Все ощутили немое отчаяние.

— Ремингтон в магазине тканей передал его Аллизону. Это не оставляет никаких сомнений. Оттиски мыслей были прозрачны как кристалл. Убийца забегал по магазину. Аллизону не составило труда поддержать контакт: как и в случаях с другими убийцами, мысли этого были чрезвычайно рельефны.

— Он должен был бы использовать защиту.

— Нет, никакого глушения. Его личность вся целиком исчезла внезапно. Не только его мысли.

Шеффер подумал, что он сошел с ума.

— Этого с нами еще никогда не случалось.

Он начал браниться так яростно, что на его письменном столе задрожали безделушки.

— И Вейкман на Луне. Мы можем с ним связаться только через инвик.

— Передайте ему, что у нас ничего не выходит. Скажите, что убийца улетучился.

Шеффер побежал в зал связи. Когда он запускал цепь, связывающую его с лунной станцией, новая волна обезумевших мыслей пригвоздила его к месту.

— Я нашла его!

Это была нетерпеливая телепатка, связанная со многими другими членами Корпуса.

— Я держу его!

— Где вы?!

Телепаты посыпали целую армию мысленных вопросов, готовясь к действию.

— Где он?

— Театр около магазина.

Последовали отрывочные, быстрые инструкции.

— Он идет к туалетам. В нескольких метрах. Мне за ним следовать? Мне было бы легко...

Мысль женщины прервалась.

Шеффер снова послал в сеть вопль ярости и отчаяния:

— Продолжайте!

Тишина. Затем мозг, с которым они связывались, завыл.

Нетерпеливым движением Шеффер заткнул уши и закрыл глаза. Мощный взрыв потряс всю сеть телепатов. Мозг каждого из них один за другим оказался замкнутым и катастрофически перегруженным энергией. Боль от разрушения прошла по всей сети.

Минуло три минуты.

— Где он? — закричал Шеффер. — Что произошло?

Следующее звено слабо ответило:

— Она его упустила. Она выпала из сети. Думаю, она мертва, сожжена. Безграничное изумление.

— Я нахожусь рядом, но не могу нащупать мозг, зацепленный ею. Он исчез!

Шефферу удалось связаться с Питером Вейкманом по инвик-связи.

— Питер, — сказал он, — мы побеждены.

Его голос срывался.

— Я не понимаю. Картрайта ведь нет в Батавии.

— Мы нащупали убийцу, затем упустили, через несколько минут вновь зацепили в другом месте. Питер, он прошел через три звена и продолжает двигаться вперед, как...

— Послушайте меня, — перебил его Вейкман. — Когда вы снова войдете в контакт, постарайтесь не выпустить его. Сомкните ваши ряды. Следите за ним до тех пор, пока с вами не свяжется следующее звено. Может, вы слишком удалены друг от друга? Или же...

— Я нашел его. — услышал Шеффер. — Он около меня. Я удержу его. Он здесь, совсем рядом.

Вся сеть вибрировала от нетерпения.

— То, что я обнаружил, очень странно.

Сомнение, смешанное с любопытством, уступило место ошеломленному скепсису.

— Он не один, я не понимаю... Но это невозможно...

Напряжение росло.

— Я вижу его. Он только что вышел из такси. Он идет по улице передо мной. Сейчас он войдет в помещение Директории через главный вход. Я прочитал об этом в его мозгу. Я сейчас убью его. Он остановился на перекрестке из-за красного света. Он пытается перейти улицу, затем...

Ничего.

Шеффер ждал. Совершенно ничего...

— Вы убили его? — спросил он. — Он мертв?

— Он исчез! — пронеслась паническая, на грани истерического хохота, мысль. — Я вижу его перед собой, но его... нет. Кто вы? Кого вы хотите видеть? Мистера Картрайта сейчас здесь нет. Как вас зовут? Вы тот человек, которого я... или же... которого мы не... это кончается... это... кончилось.

Мысли телепата затерялись за невнятным инфантильным бормотанием, и Шеффер выключил его из сети. Это было непостижимо, нелогично, невозможно. Кейт Пеллиг был здесь. Он стоял лицом к лицу с одним из сотрудников Корпуса! И тем не менее Кейт Пеллиг исчез с лица Земли!

Веррик, следя на экране за продвижением убийцы, повернулся к Элеоноре Стивенс.

— Мы ошибались. Все идет лучше, чем мы могли себе вообразить. Почему?

— Представьте, что вы разговариваете со мной, — ответила Элеонора. Ее голос прерывался от волнения. — Обыкновенная беседа. И вдруг я исчезаю, а на моем месте появляется кто-то совершенно незнакомый.

— Некто, физически отличающийся от вас, — понял Веррик. — Так!

— Не обязательно женщина, может быть, молодой человек или старик, некто, абсолютно отличный от меня, но продолжающий разговор с вами так, словно ничего не произошло.

— Мне ясно, — произнес Веррик. — Телепаты оперируют не со внешним видом, а с техническим изображением. Каждый отдельный ум имеет свой особый вкус, свой типичный привкус. Телепаты связываются с прочими существами при помощи мысленного контакта, и если он вдруг обрывается...

Она мертвенно побледнела.

— Риз, я думаю, что вы делаете их сумасшедшими.

Веррик поднялся и отошел от экрана.

— Хотите посмотреть?

— Нет. — Элеонора вздрогнула. — Я не хочу этого видеть.

На столе Веррика раздался звонок.

— Список кораблей, вылетевших из Батавии, — произнес голос регистратора. — Полный список вылетов за прошедший час с указанием пунктов назначения. Особо отмечены спецрейсы.

— Хорошо.

Веррик взял листок металл-фойла и бросил его поверх кучи писанины, наваленной на его столе.

— Благодарение богу, — сказал он Элеоноре, — осталось недолго.

Кейт Пеллиг со спокойным видом, засунув руки в карманы, поднимался по мраморным ступеням, ведущим к главному входу в Директорию в Батавии. Он двигался прямо в личные апартаменты Картрайта.

12

Питер Вейкман допустил ошибку.

Ему потребовалось немало времени, чтобы осознать все ее последствия.

Дрожащими руками он достал из чемодана бутылку шотландского виски и наполнил бокал. Заметив, что бокал потускнел от присохшей к нему накипи

протина, он выбросил его в корзину и стал пить прямо из бутылки. Затем он встал и направился к лифту, поднимающемуся на верхнюю палубу.

Члены Корпуса, одетые в купальные костюмы, играли в большом голубом бассейне с искрящейся водой. Прозрачный купол над ними отделял их от зловещего лунного пейзажа.

Вейкман пересек «мостик», окруженный смехом, живыми красками, обнаженными, проворно плавающими телами.

Рита О'Нейл сидела немного в стороне, греясь на солнце после купания. Ее голое гладкое тело блестело в теплых золотистых лучах солнца, проникавших сквозь пластиковый купол.

При виде Вейкмана она быстро поднялась.

Ее длинные черные волосы волнами упали на загорелые плечи.

— Все идет нормально? — спросила она его.

Вейкман плюхнулся в шезлонг. Приблизился Мак-Миллан с подносом. Вейкман механически взял коктейль.

— Я разговаривал с Батавией, с Шеффером, — объявил он.

Рита принялась расчесывать волосы, разбрызгивая вокруг искрящиеся брызги.

— Что он вам сказал? — спросила она с притворно безразличным видом.

Взгляд ее при этом был мрачен и серьезен.

Вейкман, слегка разморенный мягким теплом, медленно посасывал коктейль. Гибкое, крепкое девичье тело Риты, загорелое и блестящее, выделялось на влажном белом купальном полотенце.

— Они не могут его остановить, — констатировал Вейкман.

Попавшее уже в желудок, замороженное виски охладило Вейкману почки.

— Ему потребуется немного времени, чтобы добраться сюда. Я ошибся в своих предположениях.

Черные глаза Риты расширились. На мгновение она прекратила расчесывать волосы, но вскоре медленно и методично продолжила это занятие.

Затем она встряхнула их и медленно выпрямилась.

— Он знает, что Леон здесь?

— Еще нет, но скоро узнает.

— И мы никак не сумеем его защитить?

Мы можем попытаться. Быть может, мне удастся разгадать, в чем загвоздка. Тогда я больше узнаю о Кейте Пеллиге.

— Увезете ли вы отсюда Леона?

— Это бесполезно. Здесь не хуже, чем в любом другом месте. По крайней мере, не так много умов и меньше помех для зондирования.

Вейкман деревянно поднялся и поставил свой полупустой бокал. Он чувствовал себя старым. Болели все косточки.

— Пойду прослушаю еще раз имеющиеся у нас записи о Хербе Муре, особенно сделанные во время его визита к Картрайту. Быть может, это позволит мне яснее все представить.

Рита вновь надела пляжный костюм, стянула пояс вокруг тонкой талии, взяла расческу, темные очки и флакон с лосьоном.

— Сколько у нас остается времени до его прибытия сюда?

— Надо бы начинать приготовления. События развиваются быстро, быстрее, чем следовало бы. Говорят, что все рушится.

— Надеюсь, вы сможете предпринять что-нибудь. — Рита говорила спокойным, лишенным всяких эмоций голосом.

— Леон отдыхает. Доктор дал ему что-то, чтобы он заснул. — Вейкман помедлил. — Я делал так, как считал лучшим. Что-то, должно быть, от меня ускользнуло. Очевидно, наш противник более сложен и хитер, чем мы думали о нем.

— Вам надо было бы предоставить ему возможность действовать самому, — сказала Рита. — Вы лишили его всякой инициативы. Вы, как и Веррик, и все остальные, никогда не думали, что он сам сможет выпутаться из всего этого. Вы делали из него ребенка, и в конце концов он покорился.

— Я останавливаю Пеллига, — спокойно объявил Вейкман. — Я восстановлю всю ситуацию, разберусь с тем, что происходит, и остановлю Пеллига, прежде чем он явится к вашему дяде. Операцией руководит не Веррик, он бы никогда не додумался до столь гибкой стратегии. Руководителем должен быть Мур.

— Как жаль, — промолвила Рита, — что Мур не с нами.

— Я останавливаю Пеллига, — повторил Вейкман. — Я найду способ.

— Да уж, одно из двух, — отрезала Рита.

Она натянула сапожки.

Рита направилась к лестнице, ведущей в личные покои Картрайта, и больше не оборачивалась.

Кейт Пеллиг, ускоряя шаг, поднимался по мраморной лестнице. Он шагал в быстром ритме толпы, оживленно толкавшихся классифицированных бюрократов. В центральном вестибюле он на мгновение остановился, чтобы сориентироваться.

Со всех сторон раздался звенящий вой сирены.

Служащие и посетители тотчас застыли, их лица потеряли привычное добродушие.

Мирная, спокойная толпа мгновенно превратилась в испуганную, недоверчивую массу. Раздались жесткие механические голоса:

— Освободите помещение! Все без исключения должны покинуть Директорию!

Голоса сливались в пронзительную какофонию.

— Убийца находится здесь! Немедленно освободите все залы и коридоры!

Пеллиг затерялся в грозных волнах спешивших к выходу людей. Но ему удалось пробраться к лабиринту коридоров, выходивших из вестибюля.

Снова раздался вой сирены, кто-то распознал Пеллига.

Последовали быстрые, почти без прицела, выстрелы, упало несколько обугленных, почерневших тел.

Пеллиг увернулся и принялся, не останавливаясь, кружить по вестибюлю.

— Убийца в центральном вестибюле! — взревели механические голоса. — Сосредоточьте ваши силы на центральном вестибюле!

— Вот он! — крикнул какой-то человек.

Другие голоса подхватили:

— Вот он! Это он!

Первая группа военных высаживалась на крышу. Солдаты в зеленой униформе рассредоточились по лестницам и заняли лифты. Тяжелое ору-

жие было выгружено и доставлено на землю частично на лифтах, частично при помощи крючьев снаружи здания.

Риз Веррик на мгновение отвернулся от экрана и обратился к Элеоноре Стивенс:

— Они вызвали телепатов. Не означает ли это...

— Это означает, что корпус не способен помочь, — ответила она. — Они выключены из игры. С ними покончено.

— Но ведь они будут визуально следить за Пеллигом. Это тоже ослабляет нашу стратегию.

— Убийца в вестибюле! — не переставая, ревели над суетою механические голоса.

Тяжелые орудия «Мак-Миллан» катились по коридорам, ошестинив блестящие дула пушек. Часть солдат протягивала в отверстия в стенах сеть кабелей, другие подталкивали к выходу беспокойно бурлящую толпу служащих. На улице вооруженные люди образовывали вокруг здания сплошное кольцо. Всякий, вышедший из Директории, тщательно изучался, прежде чем быть отпущенным на свободу.

Но Пеллиг не выходил. Только раз он отступил на один шаг — и сразу зажглась красная лампочка, в него вошел другой ум.

Новый оператор был энтузиастом, готовым ко всему. Прежде чем войти в синтетическое тело, он уже разработал стратегию.

Оператор рванулся в боковой коридор в тот момент, когда тяжелая пушка «Мак-Миллан» уже собиралась преградить ему путь. В последний момент Пеллиг сумел проскочить. За его спиной «Мак-Миллан» развернул свой гигантский стальной зев.

— Убийца покинул вестибюль! — затаивали механические голоса. — Уберите эту пушку, закупорившую весь проход!

Пушка была быстро отведена в сторону. Солдаты рванулись туда, где только что пробежал Пеллиг, — в пустынные коридоры, освобожденные от служащих и освещенные теперь желтым светом ламп. Коридоры звонко разносили все шумы.

Пеллиг прорезал себе путь сквозь стену и очутился в большом зале. Зал оказался тих и пустынен. Здесь были только кресла, столы, заваленный бобинами от видео- и звуковых магнитофонов, ковры... И никого.

Бентли, глядевший на экран, подпрыгнул.

Он узнал кабинет, где ждал Веррика.

Синтетическое тело шагало из кабинета в кабинет, разрушая все, что попадалось на его пути. В одном из кабинетов еще работали служащие. Мужчина и женщина, вопя от ужаса, побросали свои рабочие места и заметались, ища спасения.

Пеллиг не обратил на них внимания и продолжал движение вперед, едва касаясь ногами пола. Минув один из контрольных пунктов, он поднялся в воздух и полетел. Этакий Меркурий с бледным лицом и влажными волосами.

Оставив позади последний кабинет, Пеллиг очутился перед огромным, герметически закрытым помещением, представляющим собой внутреннюю крепость Ведущего Игру.

Пеллиг попятился было назад, увидев, что его пистолет впустую облучает толстую поверхность рексероида. Будучи внезапно застигнутым врасплох, Пеллиг заколебался.

— Убийца во внутреннем кабинете! — закричали металлические голоса. — Окружите его! Уничтожьте его!

Пеллиг принялся было кружить по комнате, но заколебался, куда же ему двинуться. И снова произошла смена оператора.

Новый оператор споткнулся, наскочил на мебель, но тут же проворно поднял синтетическое тело и методично проложил себе дорогу в обход убежища из рексероида.

Сидя в своем кабинете, Веррик удовлетворенно потирал руки.

— Больше он не задержится. Это Мур сейчас действует?

— Нет, — ответила Элеонора. — Это один из его помощников.

Она глядела на табло с индикаторами.

Тело издало сверхзвуковой свист. Часть стены обрушилась, открыв запасной выход.

Тело, не минуты не колеблясь, устремилось туда.

Под его ногами лопались безвредные для него капсулы с газом: тело не дышало.

Веррик смеялся как ребенок.

— Вы видите? Они ничего не могут сделать против него? Он вошел!

Веррик принялся прыгать и хлопать в ладоши.

— Теперь он убьет Картрайта!

Но убежище из рексероида, массивная внутренняя крепость с собственным арсеналом и инвиз-оборудованием, было пусто.

Веррик выругался пронзительным голосом:

— Его там нет! Он скрылся!

Его массивное лицо корчило от сознания, что его обманули.

— Они вывезли этого негодяя!

Херб Мур, совершенно подавленный, сидел перед своим экраном и конвульсивно трогал руками контрольные лампочки.

Мигая поочередно или светясь одновременно, на экране появлялись различные индикаторы. В это время тело Пеллига, стоявшего в пустом кабинете, застыло в полной неподвижности. Перед ним находился массивный письменный стол, за которым должен был бы сидеть Картрайт.

Остались только бумаги, аппараты, экраны, различные механизмы. Картрайта здесь больше не было.

— Пусть продолжает искать! — завыл Веррик. — Картрайт должен прятаться где-то неподалеку!

Усиленный телефоном скрипучий голос Веррика достиг ушей Мура. Его мозг работал быстро. Техники отобрали на экране схему необычайной активности внутри тела. В центре схемы был показан сам Пеллиг в самом сердце Директории: убийца пришел к цели, но добычи там не оказалось.

— Это западня! — горланил Веррик в ухо Муру. — Приманка! Теперь они его уничтожат!

Войска и орудия стягивались со всех сторон к разрушенной крепости: все огромные ресурсы директории были подчинены одной цели.

— Убийца в центральном клубе! — триумфально выли голоса. — Окружите его! Убейте его!

— Загоните его в угол!

— Сразите его и уничтожьте!

Элеонора склонилась над широкой, слегка согбенной спиной Веррика.

— Они дали ему свободно выйти. Смотрите, они идут.

— Да пусть же он двигается, Христа ради! — взвыл Веррик. — Если он встанет здесь как столб, они превратят его в грудку мусора!

Пеллиг был в полном замешательстве.

Он побежал вокруг клуба, слепо, подобно затравленному зверю, тычась то в одно, то в другое место.

На мгновение он остановился, чтобы разрушить слишком близко подехавшую пушку «Мак-Милан», затем побежал по ее дымившимся обломкам. Но коридор впереди оказался заполнен вооруженными солдатами. Пеллиг сделал полный поворот на сто восемьдесят градусов.

— Они перевезли Картрайта подальше от Батавии, — сухо объяснил Веррику Херб Мур.

— Ищите его.

— Его там нет. Мы теряем время.

Мур на мгновение задумался.

— Принесите мне обработанные данные вылетов из Батавии. Особенно за прошедший час.

— Но...

— Мы знаем, что еще час назад он был здесь. Быстро!

Из щели неподалеку от руки Мура показался лист металл-фойла. Мур быстро просмотрел его.

— Они на Луне, — проговорил он. — Картрайта увезли туда на новейшей ракете.

— Вы не можете ничего об этом знать, — яростно возразил Веррик. — Возможно, они в каком-нибудь подземном убежище.

Мур даже не слушал его. Он с силой потянул рубильник вниз. Его тело бессильно осело в предохранительном кольце.

Тед Бентли увидел на экране, как Пеллиг вздрогнул и весь напрягся. Липкая дрожь прошла по его телу и едва заметно исказила его черты.

В Игру вошел новый оператор.

Человек, занявшийся теперь управлением Пеллига, не терял времени даром. Он сжег пяток солдат, затем вырезал кусок стены.

От вылитой из стали и пластика стены потянулся едкий дым. Едва касаясь пола, синтетическое тело выбралось через образовавшуюся брешь. Мгновение спустя Пеллиг выбрался из здания, быстро, словно снаряд, набрал скорость и поплыл к белевшему на еще светлом небе бледному диску Луны.

Позади Пеллига быстро уменьшалась Земля. Он вышел в открытое пространство.

Бентли, как загипнотизированный, не отрывал глаз от экрана. Внезапно все прояснилось.

Наблюдая за телом, пересекавшем темное, усыпанное звездами пространство, Бентли понял, что с ним произошло в тот вечер. Нет, это не было сном. Тело было миниатюрной ракетой, изготовленной в лабораториях Мура.

Мало того, Тед с восхищением осознал, что это синтетическое тело могло обходиться без воздуха и было нечувствительно к экстремальным температурам. Оно было способно совершить межпланетный перелет.

Всего через несколько секунд после того, как Пеллиг покинул Землю, Питер Вейкман получил по инвик-каналу вызов от Шеффера.

- Он улетел, — пробормотал Шеффер, — как метеор, в пространство.
- В каком направлении? — спросил Вейкман.
- К Луне.

Казалось, и без того бледное лицо Шеффера стало совсем прозрачным.

— Мы растеряны. Я приказал группе вернуться. Корпус больше не может ничего сделать.

- Значит, я должен быть готов к его прибытию в любой момент?

— В любой момент, — устало подтвердил Шеффер. — Он в пути. Он движется к вам.

Вейкман выключил связь и вернулся к своим регистрационным журналам и отчетам. В его кабинете царил настоящий хаос: всюду валялись окурки, громоздились чашечки из-под кофе, бесчисленные недопитые бутылки шотландского виски. Больше не могло быть сомнений: Кейт Пеллиг не был человеческим существом. Это был робот, снабженный быстрым реактором, очевидно разработанным в экспериментальных лабораториях Мура. Но это еще не объясняло изменений личности, деморализовавших Корпус телепатов. По крайней мере...

Ускользящий и вновь появляющийся множественный мозг. Пеллиг был кусочком, личностью, составленной из независимых элементов, каждый из которых имел свои собственные желания, свой характер, свою стратегию. Шеффер хорошо сделал, призвав на помощь обычные группы телепатов.

Вейкман закурил и стал играть талисманом, который в конце концов свалился на груды регистрационных журналов на его столе. Если бы у него было только несколько дней, чтобы предвидеть все эти перипетии, разработать стратегию! Внезапно он поднялся и направился к записнику.

— Ситуация такова, — подал он сигнал членам Корпуса, рассредоточенным по всей станции. — Пройдя нашу сеть в Батавии, убийца остался цел и движется к Луне.

Его сообщение вызвало у слушавших ужас и оцепенение.

Где бы они ни были — в бассейне или на прогулочных мостиках, в каютах или в салонах, — всюду они приготовились к действию.

— Все члены Корпуса должны снова надеть комбинезоны Фарли, — продолжал посылать информацию Вейкман. — Хотя это и не вышло в Батавии, я хочу установить здесь импровизированную сеть. Убийца должен быть перехвачен вне станции.

Он сообщил им то, что он узнал о Пеллиге, и то, как представлял себе его истинную природу.

- Робот?

- Синтетический человек с множественной личностью?

— Тогда мы не сможем использовать мысленный контакт. Надо будет держать его под визуальным наблюдением.

- Не обязательно, — объяснил Вейкман.

Он застегнул свой комбинезон Фарли.

— Вы можете перехватывать мысли убийцы, но не ждите от них постоянного. Мыслительный процесс может внезапно оборваться. Будьте готовы перенести шок: именно это расстроило ряды Корпуса в Батавии.

- И каждый отдельный элемент имеет свою стратегию?

— Без сомнения.

Этот ответ вызвал всплеск изумления и восхищения.

— Фантастика!

— Найдите его, — с ожесточением приказал Вейкман, — и тотчас же уничтожьте. Превратите его в пепел сразу, как только перехватите мысли убийцы. Не ждите, чтобы он начал первым.

Вейкман сделал последний глоток шотландского виски из личных запасов Риза Веррика, затем зашелкнул шлем и подсоединил провода питания. Схватив скорчер, он побежал к одному из выходных люков.

Вид бесплодного, пустынного пространства привел его в состояние, близкое к шоку.

Вертя ручки контроля за влажностью и гравитацией, Вейкман старался, впрочем без особого успеха, приспособиться к этой неживой материи.

Лунная поверхность была огромной равниной, изрытой опустошенными кратерами и перекопанной испортившими весь вид метеоритами. И ни малейшего признака жизни, ни дуновения ветерка, поднявшего бы легкую пыль. Повсюду те же беспорядочные груды осколков, та же, словно изрытая оспой, поверхность, те же холодные и белые, словно кости мертвых, скалы и расщелины.

Поверхность Луны была иссушена и потрескалась, будто здесь всегда царила только беспощадная эрозия.

Ощупывая ногами эту мертвую поверхность, Вейкман осторожно двинулся вперед.

Позади него станция выглядела огромным шаром, светящимся всеми своими огнями. Удобная и теплая.

Когда Вейкман быстрым шагом пересекал пустынный пейзаж, чей-то необузданный, ликующий сигнал толкнул его в мозг:

— Питер! Я заметил его! Он только что приземлился в пятистах метрах от меня!

Не спуская рук с разрядника, Вейкман неловко побежал по каменистой поверхности.

— Не упустите его! — приказал он в ответ. — Помешайте ему подойти к станции.

Посыпались одновременно возбужденные и недоверчивые мысли телепатов:

— Он приземлился, как метеор. Я находился уже в миле от станции, когда получил ваш приказ. Я увидел вспышку и направился посмотреть, что это было.

— На каком расстоянии вы от станции?

— Приблизительно в трех милях.

Три мили. Пеллиг в трех милях от своей добычи. Вейкман увернул до минимума ручку гравитационной настройки и, как сумасшедший, ринулся вперед.

В его мозгу скакали удивительные сообщения от телепатов, видевших Пеллига.

Светящийся шар корабля позади Вейкмана побледнел и исчез. Вейкман, задыхаясь, бежал к убийце.

Его нога попала в расщелину, и он упал ничком. Поднимаясь, Питер услышал бешеный свист вырывавшегося наружу воздуха. Одной рукой он вытащил набор для срочного ремонта, другой стал нащупывать оружие.

Оно исчезло. Оружие упало и лежало теперь где-то среди хаотически нагроможденных осколков.

Воздух выходил быстро. Питер оставил мысль об оружии и сосредоточил все свое внимание на дыре в комбинезоне Фарли.

Пластиковая обматка мгновенно затвердела, и ужасающий свист кончился. Затем Вейкман неистово принялся обыскивать хрупкую почву. Его настигла новая волна сверхвозбужденных мыслей.

— Он направляется к станции! Он вычислил местонахождение станции!

Вейкман выругался и поспекал вперед.

Скалистый гребень преградил ему путь. Он взбежал на него и спустился с другой стороны. Питер очутился в широком, усеянном кратерами амфитеатре — словно мерзкие раны зияли на лунной поверхности.

Мысли телепатов теперь доходили до него очень четко. Пеллиг уже должен был быть недалеко.

И тут первый раз Вейкман перехватил мысли убийцы.

Вейкман замер на месте.

— Это не Пеллиг! — обезумев, передал он. — Это Херб Мур!

Мозг Мура бурлил, непрерывно рождая мысли. Не зная о том, что он перехвачен, Мур забыл о всякой осторожности. Его вдохновение и динамичные мысли лились широким потоком. Тут он заметил светящийся шар, скрывавший в себе станцию Директории.

Замерев, Вейкман сосредоточился на бившем в его мозг потоке умственной энергии, извлекая из него все, чего он до сих пор не знал, все элементы информации, которые ему до сих пор не доставало.

Пеллиг был составлен из различных человеческих умов. В нем сменялись различные личности, соединенные сложным механизмом, выбиравшем эти личности случайно, без какого-либо начального плана и в непредсказуемой последовательности. Минимакс, неопределенность, теория игр...

Это была ложь.

Вейкман подпрыгнул от неожиданности. Под толстым слоем теории Минимакса был хорошо запрятан целый комплекс, состоявший из ненависти, желаний, выворачивающего душу страха, ревность к Бентли, панический страх смерти, сложные комбинации, неопределенные нужды, направленные к одной цели и выражающиеся в виде всеразрушающих амбиций.

Мур не принадлежал себе. Его мучила неудовлетворенность собой, жизнью, и эта неудовлетворенность толкала его на безжалостные поступки.

Механизм, выбиравший оператора Пеллига, подчинялся не случаю. Мур его полностью контролировал.

Он мог в любой момент сменить оператора, выбирая комбинации исключительно по своему усмотрению. Он был волен сам включаться и выключаться в те моменты, когда хотел. И...

Внезапно мысли Мура сконцентрировались на одной точке. Он заметил преследовавшего его телепата, передавшего Вейкману сигнал об обнаружении Пеллига. Тело взмыло вверх и выпустило по тщетно пытавшемуся спастись телепату луч смертоносной энергии.

Ум человека на мгновение взвыл, а его физическая оболочка превратилась в пепел.

Происшедший с головокружительной быстротой момент смерти телепата поразил Вейкмана. Он ощутил упорную, но тщетную борьбу ума, не же-

лавшего терять свою монолитность, пытавшегося сохранить сознание своей личности после исчезновения вещественной оболочки.

— Питер...

Подобно испаряющейся жидкости, ум телепата безуспешно боролся с неизбежностью рассеивания. Мысли его ослабли и исчезли.

— О, боже!

Его сознание, его существо распалось на беспорядочные частицы обвобожденной энергии.

Его ум, ум телепата, перестал быть чем-то единым. Это была смерть.

Вейкман начал проклинать потерянное им оружие. Он корил и себя самого, и Картрайта, и всех обитателей системы. Ему пришлось быстро нырнуть за скалу, чтобы скрыться от глаз приближавшегося Пеллига, скакавшего по мертвой лунной поверхности.

Пеллиг огляделся вокруг. Потом, удовлетворенный увиденным, он осторожно двинулся в сторону находившейся в трех милях станции Директории.

— Схватите его! — безнадежно кричал по инвик-связи Вейкман. — Он почти у самой станции!

Ответа не последовало. Никто из членов Корпуса не был достаточно близко, чтобы перехватить и начать осуществлять его мысли. Смерти самого близкого к нему телепата оказалось достаточно, чтобы привести в негодность всю импровизированную сеть.

Пеллиг спокойно двигался к никем больше не защищаемой брешу.

Вейкман рывком вскочил. Он поднял огромный камень и, шатаясь, полез на вершину холмика, за которым он только что прятался. Под ним спокойно, едва ли не улыбаясь, двигался Пеллиг. Он казался приятным молодым человеком.

Благодаря слабой гравитации Вейкману удалось поднять камень над головой.

Собрав все силы в адском рывке, он швырнул камень в синтетического человека.

Лицо Пеллига выразило удивление при виде катившегося на него валуна.

Ловким скачком он сумел уклониться от него.

Поток, смешанный из страха и удивления, вылетел из его мозга. Пеллиг вздрогнул и поднял на Вейкмана свой бластер.

... И Херб Мур вышел из игры.

Тело Пеллига едва заметно изменилось.

При виде этого страшного явления у Вейкмана кровь застыла в жилах. Здесь, на бесплодной лунной поверхности, у него на глазах изменялся человек. Его черты расплылись, смешались, затем вновь стали четкими. И это было уже не то, что раньше, это было уже не то лицо, потому что это был уже другой человек. Мур уступил место новому оператору. Другая личность просматривалась во взгляде бледно-голубых глаз.

Новый оператор чуть-чуть помедлил.

Он пытался обрести контроль над телом, которое наконец окончательно выпрямилось. Камень при этом продолжал свой бесполезный полет. Целиком занятый попытками поднять другой валун, Вейкман уловил смесь удивленных и сконфуженных мыслей.

— Вейкман, — гласили мысли оператора. — Питер Вейкман! — Его узнали.

Вейкман выпустил камень и выпрямился.

Новый оператор его узнал, да и мысль была знакомой. Вейкман глубоко прозондировал Пеллига. Сначала ему было трудно распознать эту личность.

Но она была ему, безусловно, знакома, хотя и несколько стусевалась в его памяти.

Этот некто излучал недоверие, страх и антагонизм. Но Вейкман знал его. Не могло быть никаких сомнений: это — Тед Бентли.

13

В бесплодном пространстве, вдали от обитаемой системы, старый грузовой корабль худо-бедно двигался вперед.

В одном из отсеков корабля, сохраняя мрачное выражение лица, капитан Гровс сидел и слушал сообщение.

— Диск Пламени еще далеко, — шептало обширное нечто, находящееся в мозгу Гровса. — Не теряйте контакта с моим кораблем.

— Вы — Джон Престон, — с нежностью проговорил Гровс.

— Я очень стар, — ответил голос. — Я здесь уже давно.

— Полтора века, — уточнил Гровс. — В это трудно поверить.

— Я ждал здесь. Я знал, что вы придете. Мой корабль останется поблизости от вашего. Он некоторое время будет служить абсолютно точным ориентиром. Если все пойдет хорошо, я помогу вам сесть на Диск.

— А вы там будете? — спросил Гровс. — Мы увидим вас?

Ответа не последовало. Голос исчез. Гровс остался один.

Он, шатаясь, поднялся и позвал Конклина. Тот появился мгновенно вместе с Мэри Юзич. Джерети шел следом.

— Вы слышали его? — спросил Гровс, задыхаясь от волнения.

— Это был Престон, — прошептала Мэри.

— Какой он, должно быть, старый, — произнес Конклин, — маленький старичок, столько лет ожидавший нашего появления в космосе.

— Я думаю, что мы дотянем до Десятой планеты, — объявил Гровс. — Даже если им удастся убить Картрайта, — мы достигнем Диска.

— Что слышно о Картрайте? — поинтересовалась Мэри. — Придало ли это ему мужества?

Гровс засмеялся:

— Он показался мне встревоженным.

— Но он, конечно, должен был...

— Его в любой момент могут убить...

— У него нет времени думать о чем-либо другом.

Гровс в бешенстве рванул несколько рукояток.

Долгое время все молчали. Наконец Конклин спросил:

— У вас есть новости?

— Мне не удастся связаться с Батавией. Видимо, инвик-сигналы глушатся из соображений безопасности. Тем не менее я обнаружил движение войск от планет к Земле.

— Что это означает? — задал вопрос Джерети.

— Это означает, что Пеллиг достиг Батавии и что дела плохи. Картрайт, наверное, заперся в своих укреплениях. По каким-то причинам Корпус телепатов оказался бессилён защитить его.

Вейкман завопил во всю силу своих легких:

— Бентли, послушайте меня! Мур нечестен! Он обманывает вас! Это не неопределенность!

Тут он сообразил, что из-за отсутствия атмосферы звук не может просочиться за пределы его шлема. Мысли Бентли приходили к нему ясными и четкими, но сам Вейкман не имел никакой возможности общаться с ним.

Тело Кейта Пеллига и мозг Теда Бентли были всего в нескольких метрах от Питера, но он не имел никакой возможности войти с ними в контакт. Вейкман растерялся.

Мысли Бентли раздваивались. «Это Питер Вейкман, — думал он, — телепат, которого я встречал в зале. Я в опасности, светящийся шар вон там, станция недалеко».

Вейкман воспринял представление о Картрайте: это работал убийца. Вейкман почти физически ощущал глубокое отвращение Бентли к Муру. Бентли колебался.

Мгновение — и он положил пальцы на курок бластера.

Вейкман спустился к Теду Бентли по склону. С панической поспешностью Питер начал выводить на нетронутую с незапамятных времен лунной пыли неровные буквы: «Мур обманул вас, операторы выбирают не случайно».

Бентли увидел написанное, и бесцветное лицо Пеллига застыло. Одна мысль вертелась теперь в мозгу Бентли: «Что же это значит?» Вдруг он понял, что между ним и Вейкманом возможен телепатический обмен мыслями.

— Продолжайте, Вейкман, — резко передал Тед Питеру. — В каком смысле он меня обманул?

Бентли понимал всю комичность этой парадоксальной ситуации: телепат, мутант, он вынужден выражаться, рисуя, подобно глухонемому созданию, значки на пыли.

Вейкман в это время в отчаянии писал: «Мур убьет вас вместе с Картрайтом».

Мозг Бентли вытолкнул глубокое изумление:

«Но как? — Потом оно сменилось недоверием: — Это, наверно, военная хитрость. Без сомнения, сейчас появятся другие телепаты». — Он поднял свой бластер.

Задыхаясь, Вейкман искал нетронутый участок поверхности, чтобы продолжить запись. Но он сказал уже достаточно. Бентли сам добавил остальное. Появилось целое нагромождение подробностей: его борьба с Муром, его отношения с возлюбленной Мура Элеонорой, ревность к Муру. Эта удивительная процессия живых сцен отрезвила Бентли, и он опустил свое оружие.

«Они видят все это на своих экранах, — подумал Тед. — Все операторы, в том числе и Мур».

Чувствуя неизбежную опасность, Вейкман побежал к Пеллигу.

Бешено жестикулируя и пытаясь перекричать вакуум, он приблизился к нему на полметра. И тут был остановлен угрожающе поднятым бластером.

— Не подходите, — свирепо сказал Бентли. — Я не могу доверять вам. Вы работаете на Картрайта.

Вейкман неистово записал каракулями: «Около Картрайта Пеллиг должен будет перестроиться, и Мур включит вас в этот момент».

— Веррик знает об этом? — телепатировал Бентли.

— Да.

— А Элеонора Стивенс?

— Да.

В мозгу Бентли поселилась сильная тревога:

— Как я могу удостовериться в том, что это правда? Докажите!

— Осмотрите ваше тело. Найдите провод, ведущий к бомбе.

Не медля ни минуты, Бентли отодрал синтетическую оболочку, покрывавшую его грудь.

Припоминая технические детали, он нашел провода питания и углубился в электронное тело синтетического человека.

Тем временем Вейкман, тяжело дыша, сидел на корточках в нескольких шагах от него и тщето пытался найти талисман, забытый им в кабине.

Бентли покорился. Последние остатки его преданности Веррику быстро испарялись, уступая место ненависти и отвращению.

«Так вот как все это действовало», — наконец подумал он.

Новая стратегия начала складываться в его мозгу.

— Согласен, Вейкман. — Его ум ожесточился.

— Благословение Господу, — громко произнес Вейкман.

— Я верну тело в Фарбен!

Чудовищное напряжение последних минут отпустило его.

Бентли принялся за работу. Сознывая, что Мур наблюдает за ним, он торопливыми жестами проверил реактор и различные команды и затем, не произнося ни звука, направил робота в черное тело к Земле.

Тело успело пролететь около пятисот метров, прежде чем Херб Мур взялся за кнопки управления. Резко, без всякого перехода Тед Бентли очутился в своем теле в Фарбене, окруженный предохранительным кольцом.

Сидя на крохотном диванчике, Тед увидел, как тело Пеллига, описав дугу, вновь направилось к лунной поверхности. Он разглядел прыгающий силуэт Вейкмана, размахивающего своим бластером. Вейкман понял, что его ожидает. Он остановился и со спокойным достоинством посмотрел на снижавшееся тело. Пеллиг перевернулся вокруг себя, установил равновесие и сжег Вейкмана.

Мур вновь взял проведение операции в свои руки.

Бентли высвободился из предохранительного кольца, оторвал провода, подведенные под кожу, в язык, в уши, под руки.

Через мгновение он уже стоял около двери, нажимая рукой на массивную стальную ручку.

Дверь была заперта — Тед предвидел это. Он вернулся к гудящим механизмам и вырвал десяток реле.

Короткое замыкание в основной цепи яркой вспышкой осветило кабину. Поднялся едкий дым. Гудение прекратилось. Дверь, магнитный засов которой оказался выключенным из цепи, открылась сама собой.

Бентли выскочил в коридор и побежал.

По дороге ему попался охранник. Бентли схватил его и овладел его оружием.

Мгновение спустя он уже оказался в лаборатории.

Тело Мура безжизненно лежало в предохраняющем кольце. Неподалеку пятерка техников трудилась над вторым синтетическим телом, уже частично собранным в питательной ванне, подвешенной над рабочим столом. Никто из людей не был вооружен.

Со всех сторон Бентли окружали одинаковые кабинки, подобные ячейкам в сотах. В каждой из них сидел человек, уставившись в экран и окруженный предохраняющим кольцом. Переведя взгляд, Бентли посмотрел на экран Мура: тело еще не достигло станции. Было еще не поздно.

Бентли выстрелил в инертное и бесчувственное тело Херба Мура.

Пеллиг отреагировал мгновенно. Конвульсивный прыжок оторвал его от лунной поверхности, и в бешеном ритме, резко меняя траекторию, он заметался в гротескной пляске смерти. Внезапно тело Пеллига перестало прыгать, овладело собой и остановилось. Мозг Мура заставил его описать широкую дугу и направиться в межпланетное пространство.

Луна на экране удалялась, стала маленьким шариком, точкой и наконец совсем исчезла.

Дверь лаборатории резко отворилась.

Вошел Веррик в сопровождении Элеоноры Стивенс.

— Что это на вас нашло? — заорал Веррик. — Он сошел с ума! Он удаляется в пространство...

Тут он увидел безжизненное тело Мура.

— Ах, вот оно что, — тихо проговорил он.

Бентли на полной скорости бежал из лаборатории. Веррик даже не пытался его остановить. Тщетно он ощупывал тело Мура.

Его массивное лицо, парализованное шоком, ничего не выражало.

Бентли сбежал по лестнице и нырнул на улицу. Была ночь. Он направился к освещенной стоянке такси и подал знак одной из междугородных машин.

— Куда направляетесь, месье или мадам? — спросил Мак-Милан, открывая дверь и включая питание.

— В Брем, — выдохнул Бентли.

— И поскорее.

Он застегнул спасательный ремень и наклонил голову в ожидании маленького отправления шока.

Делая свое дело, Мак-Милан металлическим голосом произнес несколько стереотипных фраз. Маленький корабль устремился в небо, оставляя позади Фарбен.

— Доставьте меня в аэропорт, — приказал Бентли. — Вы знаете расписание?

— Нет, но могу воспользоваться информационной сетью.

— Не утруждайте себя, — ответил Бентли.

Он спрашивал себя: следили ли другие члены Корпуса за его разговором с Вейкманом?

Так или иначе, Луна была единственным спасением. Управляемые Холмами Девять Планет стали смертельной ловушкой: Веррик не успокоится, пока не отомстит.

Неизвестно еще, какой прием готовила ему Директория. В качестве сотрудника Веррика он мог быть убитым при первом же появлении. С другой стороны, может статься, что его будут рассматривать как спасителя Картрайта. Все зависит от того, куда направилось синтетическое тело.

— Вот порт, месье или мадам, — обратился к нему шофер.

Такси приземлялось в общественном паркинге.

Персонал площадки принадлежал Холмам.

Бентли заметил межконтинентальные корабли и большие межпланетные ракеты, окруженные оживленной толпой, за которой наблюдали стражи порядка Холма. В последний момент он передумал.

— Не садитесь. Наберите снова высоту.

— Как вам будет угодно, месье или мадам.

Такси взмыло вверх.

— Есть поблизости военная площадка?

— У Директории есть маленькое взлетно-посадочное поле в Нарвике. Желаете ли туда? Гражданским машинам запрещено там садиться, но я могу оставить вас за оградой.

— Это мне кажется идеальным, — ответил Бентли.

Леон Картрайт уже совсем проснулся, когда вбежал телепат.

— На каком он расстоянии? — спросил Картрайт. Он проспал всего несколько часов, несмотря на инъекцию пектатола. — Надеюсь, далеко.

— Питер Вейкман мертв, — проговорил телепат.

Картрайт вскочил.

— Кто убил его?

— Убийца.

— Значит, он уже здесь, — вымолвил Картрайт.

Он расчихал свой скорчер.

— Каким средством защиты мы располагаем? Как он смог меня найти? Что случилось с сетью телепатов в Батавии?

Вошла Рита О'Нейл, спокойная, но очень бледная.

— Корпус приведен в негодность. Пеллигу удалось проникнуть во внутренние укрепления, и он понял, что вы их покинули.

Мгновение Картрайт смотрел на племянницу, затем повернулся к телепату:

— Что случилось с вашими друзьями?

— Наша стратегия провалилась, — объяснил телепат. — Веррик прибегнул к военной хитрости. Полагаю, что, прежде чем умереть, Вейкман сумел постичь ее.

— Вейкман мертв? — Рита вздрогнула.

— Да, Пеллиг его убил, — лаконично ответил Картрайт. — Теперь мы можем рассчитывать только на самих себя.

Он снова повернулся к телепату:

— Какова ситуация, если честно? Знаете ли вы достоверно, где убийца?

— Сеть, влопыхах организованная нами, прорвалась. С момента смерти Вейкмана мы полностью потеряли контакт с Пеллигом. Мы абсолютно не знаем, где он.

— Поскольку Пеллиг зашел так далеко, — задумчиво произнес Картрайт, — мы не имеем никаких шансов его остановить.

— И Вейкман руководил операцией! — гневно проронила Рита. — Вы бы могли сделать это гораздо лучше.

— Почему?

— Потому что Вейкман — ничто по сравнению с вами! Ничтожество из ничтожеств, мелкий бюрократишка!

Картрайт указал ей на свое оружие:

— Вы помните этот скорчер? Много лет он лежал на заднем сиденье в моем автомобиле. У меня никогда не было случая им воспользоваться. Я специально посылал людей, чтобы мне его доставили.

Он погладил знакомую металлическую трубку.

— Видимо, обыкновенная сентиментальная привязанность.

— Вы собираетесь этим защищаться? — Глаза Риты метали молнии. — Это все, что вы собираетесь сделать?

— В настоящий момент я голоден, — мягко сказал Картрайт. — Который час? Может, пока ждем, пообедаем?

— У нас нет времени... — начала было Рита.

Телепат перебил ее:

— Мистер Картрайт, только что сел корабль, прилетевший с Земли. Минутку... С майором Шеффером на борту и с остатками Корпуса. И это не все. Майор хочет немедленно вас видеть.

— Прекрасно, — констатировал Картрайт. — Где он?

— Он сам придет сюда. Сейчас он поднимается по трапу.

Картрайт засунул руки в карманы и извлек смятую пачку сигарет.

— Забавно, — сказала Рита, — что после всех этих кровопролитных приготовлений Вейкман мертв. Я не сожалею о его смерти, но я предпочла бы, чтобы вы что-нибудь сделали, а не оставались здесь в бездействии.

— Куда же вы хотите, чтобы я пошел? Мы все испробовали. Если здраво поразмыслить, нам особенно нечего делать. Я не могу запретить себе думать, что если одному человеку предназначено убить другого, то практически ничто не может ему в этом помешать. Можно задержать его, создать ему тяжкие условия, заставить его потратить много времени и энергии, но рано или поздно он достигнет цели.

— Лучше бы вы испытывали страх, — с горечью заметила Рита. — По крайней мере, это чувство я понимаю.

— А что же вы сейчас не понимаете?

— Сейчас — вы не человек! Вы полностью лишены всяких эмоций. С равным успехом вы могли бы быть мертвецом. Может, вы и есть уже мертвец?

— Уступаю вам, — согласился Картрайт. — Сяду напротив двери.

Держа в руке оружие, он сел в торце стола. Лицо его казалось бледным.

— Как выглядит Пеллиг? — спросил Картрайт у телепата.

— Молодой, худой, белокурый, без особых примет.

— Каким оружием он пользуется?

— Бластером, испускающим инфракрасные лучи. Вполне может быть, что это не все.

— Хочу попробовать его узнать, — пояснил Леон Рите. — Быть может, он будет следующим человеком, который войдет в эту дверь.

Следующим человеком, вошедшим в дверь, оказался майор Шеффер. Вместе с ним вошел аккуратно одетый классифицированный бронет чуть старше тридцати лет.

— Я позволил себе привести к вам этого человека, — объяснил Шеффер. — Думаю, вы захотите поговорить с ним.

Шеффер представил его:

— Тед Бентли, служащий Риза Веррика.

Бентли с Картрайтом обменялись рукопожатиями.

— Вы опередили его, — сказал Картрайт. — Ожидая, спуститесь по трапу. Вы найдете бассейн, комнату для игр и бар. Убийца должен быть с минуты на минуту, так что вам ждать недолго.

Бентли забился в нервном хохоте. Таким возбужденным его еще никто не видел.

— Шеффер ошибается, — объяснил он. — Я не служащий Веррика. Я покинул его.

— Вы нарушили вашу клятву? — поинтересовался Картрайт.

— Это он ее нарушил. Я спешно уехал оттуда. Я прибыл прямо из Фарбена. С некоторыми трудностями.

— Бентли убил Херба Мура, — уточнил Шеффер.

— Не совсем так, — поправил его Бентли. — Я убил его тело.

Рита вытаращила глаза.

— Что произошло?

Бентли стал объяснять им ситуацию. В середине рассказа Картрайт прервал его:

— Где Пеллиг? По последним данным, он был в двух-трех милях отсюда.

— Тело Пеллига в открытом пространстве. Мур больше не интересуется вами. Ему достаточно своих собственных проблем. Как только он осознал, что связан навеки с телом Пеллига, он покинул Луну и направился прямо в глубины космического пространства.

— В каком направлении? — задал вопрос Картрайт.

— Не знаю.

— Это не важно, — нетерпеливо сказала Рита. — Главное, что он больше не преследует вас. Быть может, он сошел с ума или же потерял контроль над телом.

— Возможно, — подтвердил Бентли. — Он не был готов к этому. Он только что разрушил вашу сеть телепатов.

Тед поведал им, как Мур убил Вейкмана.

— Мы знаем это, — проговорил Картрайт. — Какой скорости может достичь синтетическое тело?

— Разве вам недостаточно узнать, что тело удаляется? — поинтересовался Бентли.

Картрайт облизал пересохшие губы.

— Я знаю, куда он направляется.

Послышался изумленный шепот, затем Шеффер сказал:

— Это очевидно. Надо найти способ следить за ним. Во время прилета сюда Бентли невольно упомянул о вещах, которые помогут мне все прояснить. Нет никакого сомнения, что, владея определенной информацией, он отправился искать Престона.

— Престона? Разве он жив? — Бентли был изумлен.

— Существует запрос в справочную библиотеку. Он опередил наш запрос, — пояснил Картрайт. — Значит, Веррик перехватил инвик-передачу с астронефа. — Он яростно раздавил окуроч и закурил новую сигарету. —

Я должен был уделить больше внимания тому, о чем мне докладывал Вейкман.

— Что бы вы могли сделать? — спросил Шеффер.

— Наш старый корабль находился поблизости от корабля Престона, но не думаю, что он его интересуется.

Картрайт с раздражением потрянул головой.

— Есть ли возможность визуально следить за Муром?

— Думаю, да, — согласился Бентли. — С помощью инвик-лучей установлена постоянная видеосвязь между телом и Фарбеном. Она должна функционировать бесперебойно. Нам, наверное, удастся подключиться к ней. Я знаю частоту, на которой она работает.

Затем он раздраженно добавил:

— Гарри Тейт предан Веррику.

— Кажется, что весь мир работает на него, — ухмыльнулся Картрайт. — Нет ли кого другого в инвик-службе, на кого мы могли бы положиться?

— Надавите на Тейта. Если вам удастся отсечь его от Веррика, он станет с нами сотрудничать. Если верить тому, что говорила мне Элеонора Стивенс, ему очень не нравится вся эта затея.

Шеффер с интересом прозондировал его мозг.

— Она раскрыла вам немало тайн. С тех пор как она покинула нас и уехала в Фарбен, она немало помогла нам.

— Я хотел бы иметь возможность следить за Пеллигом. — Картрайт нервно осмотрел свой скорчер и сунул его в чемодан. — Благодаря вам наше положение улучшилось. Спасибо, Бентли.

Затем он задумчиво продолжал:

— Итак, Пеллиг здесь больше не появится. У нас остается, по крайней мере, одна забота.

Рита пристально посмотрела на Бентли:

— Вы не нарушили своей клятвы и не считаете себя изменником?

— Я уже говорил вам, — ответил Бентли, глядя прямо ей в глаза, — что это Веррик нарушил клятву. Он освободил меня, предав первым.

Все натянуто молчали.

— Ладно, — проговорил Картрайт. — Я голоден. Пойдемте обедать или завтракать, или я не знаю что. Остальное вы нам расскажете за столом.

Он с улыбкой облегчения направился к двери.

— Теперь у нас есть время. Мой первый убийца — это уже дело прошлое. Незачем спешить.

14

За столом Бентли, хотя и занятый едой, постарался объяснить всем свои чувства:

— Я убил Мура, потому что у меня не было иного выхода. Несколькими секундами позже он передал бы тело Пеллига кому-нибудь из техников и вернулся бы в свое настоящее тело в Фарбен. Пеллиг продолжал бы свой полет и прибыл бы сюда, чтобы взорваться вместе с вами. Достаточное число подчиненных Мура до сих пор верны этой затее.

— На каком расстоянии от меня он должен был взорваться? — Он был по крайней мере в двух милях от вас. Еще одна миля, и Веррик снова господствовал бы в системе.

— Контакт для этого не был необходим?

— Я смог только бегло осмотреть цепь, но там находилось устройство наведения на расстояние, направленное на вашу центральную схему. Кроме того, по мощности оно равнялось бомбе. Эта бомба была, по сути, водородной бомбой времен последней войны.

— Эта бомба еще есть, — напомнил ему Картрайт.

— Это все принадлежало одному Пеллигу? — спросила Рита.

— Готовится второе синтетическое тело. Оно наполовину закончено. Никто в Фарбене не ждал полного успеха. Деорганизация в рядах Корпуса телепатов была для всех сюрпризом. Но Мур устранен. Второе тело никогда не станет дееспособным. Только Мур мог бы довести его до кондиции. Другие находятся в неведении относительно основополагающих процессов. Веррик, впрочем, был в курсе.

— Что произойдет, когда Мур войдет в контакт с Престоном? — спросила Рита. — Тогда надо будет снова считаться с ним?

— Я не знал о существовании Престона, — признался Бентли. — Я уничтожил тело Мура для того, чтобы он не мог покинуть синтетическое тело. Если Престон согласится помочь ему, он должен будет действовать быстро. Синтетическое тело не продержится долго в открытом пространстве.

— Почему вы не хотели, чтобы он убил меня? — спросил Картрайт.

— Это не имело для меня значения. Я не думал о вас.

— Это не совсем так, — уточнил Шеффер. — Эта мысль была на заднем плане его мозга, но она там была. С момента вашего психологического разрыва с Верриком вы более или менее сознательно стали могучим помощником.

Бентли не слушал его.

— С самого начала они все играли со мной: и Веррик, и Мур, и Элеонора. С моего приезда в Директорию Вейкман делал все возможное, чтобы пробудить мою бдительность. Я прибыл, чтобы избежать разложения, а оказался связанным, как никогда: Веррик отдавал мне приказы, а я подчинялся. Что можно сделать в полностью прогнившем обществе? Подчиняться прогнившим законам? Разве это преступление — неподчинение бесчестному закону или нарушенной клятве?

— Это преступление, — медленно сказал Картрайт. — Но, может быть, совершить его — это хорошо.

— В обществе преступников, — вставил Шеффер, — невинные отправляются за решетку.

— Кто имеет право решать, что общество состоит из преступников? — продолжил Бентли. — Откуда вы можете знать, что ваше общество идет по ложному пути? Как вы узнаете, когда правильнее не подчиняться закону?

— Вы это знаете, и этого достаточно, — страстно произнесла Рита О'Нейл.

— Ваш мозг подает специальный сигнал предупреждения? — поинтересовался Бентли. — Я бы предпочел иметь хоть один такой. Это же, должно быть, дьявольски удобно. В системе живет шесть миллиардов человек, и большинство из них думает, что все здесь совершенно. Можно ли от меня требовать, чтобы я шел против всех тех, кто меня окружает? Они все подчиняются законам.

Он думал об Эл и Лауре Девис.

— Они счастливы, удовлетворены, имеют хорошую работу и комфортабельное жилище, хорошо едят. Элеонора Стивенс сказала мне, что у меня больной ум. Как знать, может, я и свихнулся, если вообще давно уже не психопат.

— Вы должны иметь закон внутри себя самого, — констатировала Рита О'Нейл.

— Все его имеют. Он фактически струится по улицам. Я так долго претерпевал разложение, что я смог бы возродиться. Может, они и правы — да, я изменник. Думаю, что Веррик, будучи сам не уверен в связывающей нас клятве, освободил меня от нее. Я так думаю, но, может, я ошибаюсь.

— Если вы ошибаетесь, — заметил Шеффер, — то всякий имеет полное право убить вас.

— Да, я знаю, но... — Бентли не мог подобрать слова. — В каком-то смысле это не важно. Я не уважал своей клятвы не потому, что я боялся ее нарушить, а потому, что я считал, что она не должна быть нарушена. И только. На какой-то стадии все это опротивело мне настолько, что я больше не мог продолжать работать на эту систему. Я не хочу больше иметь ничего общего с ними, даже если меня за это должны преследовать и убить.

— Это еще может случиться, — предостерег Картрайт, — Вы говорите, что Веррик знал о существовании бомбы?

— Это точно.

Картрайт задумался.

Шефу не полагается посылать классифицированного служащего на смерть. Для этого есть инки. Ему не полагается уничтожать своих классифицированных служащих, а, напротив, он обязан охранять их. Судья Воринг мог бы знать это. Он эксперт по основным материалам. В момент принесения клятвы Веррику вы не знали, что он низложен?

— Нет, но они это знали.

Картрайт почесал свой подбородок.

— Быть может, ваше дело правое. В вас есть что-то интересное, Бентли. Что вы станете делать теперь, когда нарушили правила Игры? Снова приносить клятву?

— Не думаю.

— Почему?

— Нет человека, созданного для того, чтобы стать слугой другого человека.

— Я не это имел в виду, — пояснил Картрайт. Он помедлил, подбирая слова. — Клятва посту.

— Не знаю, — утомленно признался Бентли. — Может, потом, когда-нибудь. Я устал.

Рита О'Нейл вставила:

— Хорошо бы вам войти в штаб моего дяди.

Все взоры устремились на нее. Бентли долго молчал, потом произнес:

— Члены Корпуса приносят клятву посту, а не лично какому-то лицу, не так ли?

— Точно так, — подтвердил Шеффер. — Питер Вейкман придавал большое значение этой клятве.

— Если хотите, — сказал Картрайт, — я могу в качестве Ведущего Игру принять от вас клятву. — Он лукаво посмотрел на Бентли.

— У Веррика хранится моя карточка...

На мгновение непонятная гримаса искажила черты Картрайта.

— А? Это не так уж трудно исправить. — Он сунул руку во внутренний карман своей куртки и вытащил оттуда тщательно свернутый пакетик.

Не спеша, он старательно развернул его и разложил содержимое на столе. Там была дюжина карточек.

Картрайт перебрал их, выбрал одну, долго и пристально изучал ее, затем положил остальные обратно в пакетик, тщательно свернул его и вновь спрятал в карман. Выбранную карточку он протянул Бентли.

— Это стоит два доллара. И можете хранить ее у себя. Каждый в этой большой Игре должен иметь свой шанс.

Бентли медленно поднялся, вынул из портфеля два доллара, положил их на стол, затем сунул карточку в карман.

Картрайт тоже поднялся.

— Это мне что-то напоминает, — сказал Картрайт. — Я не знаю, как это делается, кто-то должен мне помочь.

— Я знаю клятву, — произнес Бентли.

Под взглядами Риты и Шеффера Бентли произнес клятву Ведущему Игру Картрайту, после чего сразу же сел. Его кофе уже остыл, но, погруженный в свои мысли, он выпил напиток, не заметив этого.

— Теперь вы официально наш, — объявила Рита О'Нейл.

Бентли что-то пробурчал в ответ.

Рита продолжала пристальным взглядом сверлить Бентли.

— Вы спасли моему дяде жизнь. Вы нам всем спасли жизнь. Наверняка от взрыва тела пострадала бы вся наша станция.

— Отстаньте же, наконец, от него! — закричал Шеффер.

Не обращая на эти слова никакого внимания, Рита склонилась к Бентли и продолжила:

— Пока вы там были, вам следовало убить и Веррика.

Бентли резко поставил свою чашку.

— Я поел, — сказал он, встал и вышел из-за стола. — Пойду пройдусь, если вы ничего не имеете против.

В проходе было всего несколько тихонько переговаривающихся служащих Директории. Бентли брел наугад, пытаясь успокоиться.

Через несколько минут появилась Рита.

Мгновение она глядела на него, затем произнесла:

— Я в отчаянии.

— Не волнуйтесь, это пройдет.

Приоткрыв губы, жарко дыша, она вплотную подошла к Теду.

— Я не должна была этого говорить. Вы и так достаточно сделали.

Ее дрожащие пальцы легли на его руку.

— Спасибо. — Бентли стряхнул ее руку. — Зачем обманывать себя: я нарушил клятву, связывающую меня с Верриком, я убил Мура. Его душа теперь — только синтетическое тело. Сейчас он только интеллектуальный робот, но не человек. Но я никогда не трону Риза Веррика. Этого нельзя от меня требовать.

Черные глаза Риты заметали молнии.

— У вас должно быть больше здравого смысла. Но ваши чувства столь благородны! А знаете ли вы, что сделает с вами Веррик, попадись вы ему в руки?

— Вы не можете остановиться. Я принес клятву вашему дяде. Этого недостаточно? По идее я изменник, нарушивший закон. Но я не считаю себя преступником. — Он в упор посмотрел на нее. — Понятно?

Рита отступила:

— Я тем более не считаю вас изменником. — Она поколебалась. — Вы не станете пытаться руководить его действиями?

— Картрайта? Конечно нет.

— Вы предоставите ему возможность действовать самому? Вейкман не хотел с этим смириться. Надо дать ему свободу действовать, не вмешиваясь.

— Я никогда никому не говорил, что ему следует делать. И чего я хочу, так это...

Бентли в бешенстве и отчаянии потряс головой.

— Я не знаю. Может быть, как Эл Девис: иметь уютный дом, хорошую работу, жить своей жизнью! — Его голос наполнился отчаянием: — Но не в этой дрянной системе. Я не хочу быть Элом Девисом в мире, где я могу подчиняться законам. Я мечтаю уважать закон, но для этого он должен быть достоин уважения. И я также намереваюсь уважать окружающих меня людей.

Рита мгновение помолчала, затем проговорила:

— Вы уважаете моего дядю. Или же вы очень скоро начнете его уважать.

Она замолчала, потом, поколебавшись, спросила:

— А меня вы уважаете?

— Конечно, — ответил Бентли.

— Правда?

Подбежал майор Шеффер.

— Бентли, — крикнул он. — Бегите!

Бентли на мгновение застыл на месте, потом побежал от Риты.

— Идите к вашему дяде! — Он вытащил свой скорчер, — Но что это?..

Бентли бегом спустился по лестнице. Отовсюду спешили служащие и телепаты. Бентли бросился к стенке шара.

Но было слишком поздно.

Причудливая фигура в наполовину снятом комбинезоне Фарли преградила ему путь. Навстречу Теду спешила Элеонора Стивенс с рыжими, развевающимися на ходу волосами.

— Бегите отсюда, — выдохнула она.

Не умея быстро ходить в громоздком комбинезоне, она споткнулась о снабженца Мак-Миллана и почти упала.

— Не пытайтесь бороться с ним, Тед, — взмолилась она. — Бегите! Если же он схватит вас...

— Я знаю, — ответил Бентли. — Он убьет меня.

Быстрый транспортный корабль только что сел на бесплодную почву как раз напротив входного люка в шар. Из него выходили пассажиры: маленькая группа тяжелых силуэтов, аккуратно двигавшихся ко входу в станцию.

Риз Веррик прибыл.

15

Леон Картрайт шел к люку.

— Лучше будет, если вы сейчас исчезнете, — сказал он Бентли. — Я хочу поговорить с Верриком.

Шеффер отдал краткие указания.

Прибежала группа телепатов и служащих.

— Это ничего не даст, — сказал майор Картрайту. — С равным успехом Бентли может оставаться здесь: он не сумеет покинуть станцию, и Веррик знает, что он здесь. Лучше постараться раз и навсегда поставить точки над «и».

— Веррик имеет право войти сюда? — нетерпеливо спросил Бентли.

— Разумеется, — ответил Картрайт. — Это общественная станция, а он не убийца, а обычный гражданин.

— Вы можете остаться? — задал Шеффер вопрос Бентли. — Это может оказаться трудно.

— Я остаюсь.

Через люк пролезла небольшая группа прибывших во главе с Верриком.

Они сняли комбинезоны и недоверчиво огляделись.

— Салют, Веррик, — приветствовал его Картрайт.

Они подали друг другу руки.

— Идите сюда. Вот кофе. Мы только что кончили обедать.

— Спасибо, — проговорил Веррик. — С удовольствием

Он выглядел суровым, но спокойным.

Вслед за Картрайтом он проследовал в столовую.

— Вы ведь знаете, что Пеллиг улетел?

— Да, — ответил Картрайт. — Он направляется к астронефу Джона Престона.

Остальные прибывшие вошли следом и расселись за уже убранном Мак-Милланом столом. Роботы спешно расставляли чашки с блюдами. Бентли расположился рядом с Ритой, по возможности подальше от Веррика, который увидел его, но, казалось, не обращал на него никакого внимания. Шеффер, телепаты и служащие сели в стороне и сразу же включились в разговор.

— Полагаю, что он найдет его, — объявил Веррик. — В момент нашего отбытия из Фарбена он был уже на расстоянии восьмидесяти девяти астрономических единиц.

Он принял чашку черного кофе и с жадностью приник к обжигающей жидкости.

— Спасибо. Сегодня немало всего произошло.

— Что, по-вашему, сделает Мур, если ему удастся овладеть открытиями Престона? — спросил Картрайт.

— Трудно сказать. Мур — одиночка. Я снабжал его необходимым оборудованием, а он работал над своими проектами. Это парень — необычайный, блестящий талант.

— Он произвел на меня такое же впечатление. Он единственный автор проекта Пеллига?

— Это была его идея. Я санкционировал. Я знал цену Муру и не пытался объяснять ему, что следует делать.

В столовую бесшумно вошла Элеонора Стивенс. Очень взволнованная, она, сцепив руки, постояла мгновение в нерешительности, затем молча, с выражением испуга на лице, села в дальнем углу, почти растаяв в полумраке.

— Я хотел бы знать, где вы были, — спросил ее Веррик. — Ведь я вас ждал, а вы опередили меня на... — он посмотрел на часы, — всего на несколько минут.

— Вернется ли к вам Мур, если ему удастся достичь желаемого? — спросил Картрайт.

— Сомневаюсь. У него не будет для этого достаточно серьезных оснований.

— А его клятва?

— Он никогда не придавал большого значения такого рода вещам.

Веррик быстро осмотрел зал.

— Это похоже на своеобразную моду среди наших блестящих молодых людей. По-моему, сейчас клятвы не имеют больше той ценности, как раньше.

Бентли хранил молчание. Его оружие было холодным и влажным от вспотевших рук. На столе перед ним стоял нетронутый кофе. Рита нервно курила сигарету за сигаретой.

— Вы собираетесь созывать второй Конветет Вызова? — спросил Картрайт Веррика.

— Не знаю. Во всяком случае, не сразу.

Веррик сплел пальцы. Его отсутствующий взгляд блуждал по залу.

— Я здесь в первый раз. Станция принадлежит Директории?

— Мы всегда стараемся все предусмотреть, — объяснил Шеффер. — Вы, конечно, помните космическую станцию около Марса, которую мы в свое время подготовили для вас? Она была построена во времена господства Робинсона.

— Робинсон?.. Да, помню. С тех пор прошло уже десять лет. Как давно...

— Зачем вы прибыли сюда? — взорвалась Рита.

Веррик недовольно нахмурил густые брови. Он вопросительно посмотрел на Картрайта, который пояснил:

— Это моя племянница.

Он представил их друг другу. Рита, опустив глаза в чашечку с кофе, поджав губы и сжав пальцы рук, хранила молчание. Казалось, Веррик забыл о ее существовании и вновь задумчиво сплел пальцы.

— Да, — наконец произнес он. — Не знаю, что рассказал вам Бентли, но, надеюсь, вы понимаете мое теперешнее положение.

— То, что Бентли не рассказал мне, Шеффер сам прочел в его мозгу, — ответил Картрайт.

Веррик пробормотал что-то, затем поинтересовался:

— Стало быть, нет необходимости в том, чтобы я давал вам объяснения?

— Нет, — подтвердил Картрайт.

— Я не склонен обсуждать действия Херба Мура. Что касается меня, то это дело решенное.

Он запустил руку в карман и вынул огромный суперскорчер, который положил напротив своего стакана с водой.

— Однако я не могу убить Бентли, пока мы сидим за столом. — Ему в голову пришла интересная мысль. — На самом деле, я не обязан убивать его здесь. Он может меня сопровождать, и я убью его где-нибудь по дороге.

Шеффер переглянул с Картрайтом.

Веррик не заметил этого. Он смотрел прямо на свой скорчер и на свои огромные лапы.

— Детали неважны, — ответил Картрайт, — но лучше было бы поставить точки над «и». В настоящее время Бентли связан клятвой со мной. Он произнес клятву посту Ведущего Игру.

— Это невозможно! — взревел Веррик. — Он нарушил клятву, связывающую его со мной. Это лишает его возможности принести другую клятву.

— Мне не кажется, что он нарушил клятву, связывающую его с вами, — пояснил Картрайт.

— Вы предали его, — пояснил Шеффер.

Веррик долго размышлял, затем сказал:

— Я не вижу никакого предательства. Я выполнил все возложенные на меня обязательства.

— Это абсолютно не верно, — перебил его Шеффер.

Осмотрев напоследок свой скорчер, Веррик, ворча, сунул его в карман.

— Надо бы проконсультироваться, — объявил он. — Попробуем вызвать судью Воринга.

— Это приемлемо, — согласился Картрайт. — Желаете ли остаться здесь до прибытия?

— Спасибо, — согласился Веррик. — Я ужасно устал.

Он огляделся:

— Здесь, по-моему, идеальное место для отдыха.

Судья Феликс Воринг был старым ворчливым карликом. Он был одет в черный, изъеденный молью костюм и старомодную шляпу.

Этот белобородый старик был самым известным в системе юристом.

— Я все знаю о вас, — пробурчал он и одарил Картрайта взглядом. — И о вас также, — добавил он, чуть кивнув Веррику. — О вас и о вашем миллионе долларов золотом. Ваш Пеллиг развалился, не так ли?

Он усмехнулся.

— Он не вызывал у меня доверия. Слишком мало мускулов.

На станции было «утро». Из корабля, привезшего судью, непрерывным потоком выходили Мак-Милланы — информаторы, бюрократы Директории и служащие Холмов.

Техники инвик-связи, прибывшие в другом корабле, тянули через всю станцию кабель.

К полудню станция превратилась в гудящий узел.

— Все в порядке? — спросил высокий служащий Директории у техника инвик-связи.

— Не совсем. Что это такое вон там?

— Зал для игр.

— Подойдет превосходным образом. Может, акустика здесь и не очень хорошая, но это не страшно.

— Ну нет! Мы не хотим, чтобы было эхо. Выберите помещение поменьше.

— Не ломайте шар, — предупредил солдат группу рабочих, тянувших кабель.

— Не бойтесь. Все это было построено с расчетом на туристов и пьяных буянов.

Зал для игр был полон мужчин и женщин в пестрых костюмах для отдыха.

Они бегали и играли, а между ними техники устанавливали столы и аппаратуру.

Неловкие Мак-Милланы, как всегда, виднелись повсюду.

Бентли мрачно смотрел на оживленную суету игравших: в моде были крокет, ручной мяч и футбол. Интеллектуальные игры были запрещены: это была станция физического отдыха, и все игры на ней имели целебное значение.

— Здесь приятно, — сказала ему Рита на ухо. Он согласно кивнул. — У нас есть еще немного времени до того, как они начнут.

Она задумчиво бросила пестрый диск в самую гущу роботов-гусей. Как и полагается, один гусь упал замертво. Это было сразу же отмечено на светящемся табло.

— Хотите сыграть во что-нибудь? Немного поразмяться? Мне страсть как хочется попробовать себя в некоторых из этих игр.

Рита и Бентли проследовали в гимнастический зал. Солдаты Директории, скинув свою униформу, измеряли с помощью специальных приспособлений свои магнитные поля, способность ходить под искусственной гравитацией и прочие свои возможности. В центре зала группа людей с интересом наблюдала за борьбой между солдатом и роботом Мак-Милланом.

— Для здоровья здесь все предусмотрено, — зло произнес Бентли.

— А я обожаю это место. Вам не кажется, что Леон воспрянул духом? Он сейчас выглядит наилучшим образом.

— Без сомнения, он доживет до глубокой старости, — заверил ее Бентли.

— Зачем вы так говорите? Вы ни к кому не можете быть милостивы? Вы думаете только о себе.

Бентли отошел от нее. Но через мгновение Рита вновь была рядом.

— Сможет ли судья Воринг принять решение под шум всех этих энтузиастов?

Они остановились перед высоким длинным гамаком, в котором загорали распластанные под солнцем тела.

— Все развлекаются. Даже у Мак-Милланов хорошее настроение. Опасность миновала. Убийца исчез.

Она радостно скинула одежду, доверила ее механическому сторожу и бросилась в трепещущий гамак. Контрполе низкой гравитации расслабило ее тело, она с головокружительной быстротой завертелась в глубоком гамаке, затем, красная и задыхающаяся, выскочила из него, стараясь удержаться за какой-нибудь неподвижный предмет.

Бентли помог ей сохранить равновесие.

— Я забыла о слабой гравитации.

Возбужденно смеясь, она высвободилась из его рук и еще глубже нырнула в гамак.

— Идите сюда, я никогда не думала, что это может быть так забавно!

— Я ограничусь созерцанием, — ответил Бентли.

Он не заразился ее весельем.

Гибкое, ловкое тело Риты исчезло. Гамак ходил ходуном. Наконец она вынырнула на поверхность и томно разлеглась, предоставив свое мокрое от пота тело палящим лучам искусственного солнца. Закрыв глаза, она сладко зевнула.

— Как хорошо отдыхать, — прошептала Рита.

— Это идеальное место для отдыха, — подтвердил Бентли, перефразируя Веррика. — Если нет других забот.

Рита не ответила ему. Она уснула.

Засунув руки в карманы, Бентли стоял неподвижно посреди этого сумбура движений, красок и игр. В стороне Картрайт беседовал с могучим человеком. Это был Гарри Тейт, президент Инвик-службы. Он поздравил Ведущего Игру со счастливым исходом в единоборстве с убийцей.

Бентли наблюдал за ними, пока они не ушли. Затем он перевел взгляд и увидел перед собой Элеонору Стивенс.

— Кто эта девушка? — спросила она твердым и ясным голосом.

— Племянница Картрайта.

— Вы давно ее знаете?

— Я с ней только что познакомился.

— Она хорошенькая, но она ведь старше меня?

Лицо Элеоноры стало холодным, как металл. Она натянуто улыбнулась.

— Ей, должно быть, по крайней мере, тридцать.

— Ну, не совсем, — парировал Бентли.

Элеонора пожала плечами:

— Впрочем, это неважно.

Внезапно она отошла от него. Тед последовал за ней.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила его Элеонора, не оборачиваясь. — Здесь так жарко, а от всех этих криков у меня вообще разболелась голова.

— Нет, спасибо, — сказал Тед, пока она выбирала в стенной нише коктейль. — Я воздержусь.

Вертя в руках стакан с коктейлем, Элеонора сделала несколько шагов.

— Они сейчас начнут. И решать будет этот глупый старый козел.

— Я знаю, — спокойно ответил Бентли.

— Он абсолютно не в курсе дел. Веррик заставит его плясать под свою дудку, как он это сделал с Конвететом. Есть что-нибудь новое о Муре?

— По просьбе Картрайта Инвик-служба установила экраны. Веррик не препятствовал, словно его это не касается.

— И что они показывают?

— Я не ходил смотреть.

Бентли замер.

Сквозь полуоткрытую дверь он только что увидел стол, стулья, запи-сывающую аппаратуру.

— Что это и есть...

— Они оборудовали эту комнату.

Внезапно Элеонора закричала:

— Тед, умоляю тебя, увези меня отсюда!

В дверь только что вошел Риз Веррик.

— Он знает, — сказала Элеонора ледяным голосом. — Я приехала, чтобы предупредить тебя. Он знает это, Тед.

— Это ужасно, — невыразительным голосом произнес Бентли.

— Тебе это все равно?

— Я в отчаянии, но я не могу ничего сделать против Риза Веррика. Если бы можно было что-то предпринять, полагаю, я сделал бы это, хотя и не уверен.

— Ты можешь его убить!

В ее голосе послышались истерические нотки:

— Ты вооружен. Убей его, пока он не убил нас обоих!

— Нет, я не стану убивать Риза Веррика. Это исключено. Я подожду дальнейшего развития событий. И хватит об этом.

— И со мной тоже... хватит?

— Ты знала о существовании бомбы?

Элеонора задрожала всем телом.

— Что я могла сделать?

Обезумев от страха, она шла за Бентли сквозь сверкающую, смеющуюся толпу.

— Тед, я ничего с этим не могла поделать. Ты согласен, Тед?

— Ты знала об этом во время нашей ночи и тем не менее посоветовала мне работать с вами.

— Да!

Элеонора с вызовом преградила ему путь:

— Да, я знала это. Но все, что я говорила тебе той ночью, — правда. Все, Тед.

— О господи! — пробормотал Тед, с отвращением отводя глаза.

— Выслушай меня! — Она умоляюще взяла его за руку. — Риз тоже знал. Все знали. С этим ничего нельзя было поделать: кто-то ведь должен был быть в теле Пеллига в тот момент, так ведь?

Он резко высвободился, и она, задыхаясь, побежала за ним.

— Ответь мне! — завопила Элеонора.

Бентли попятился назад, потому что перед ним прошел старик, бормоча что-то в свою седую бороду. Он вошел в комнату и шумно положил на стол огромную книгу, которую все время таскал под мышкой. Не спеша высморкавшись, он критически оглядел расставленные стулья и занял место во главе стола.

Риз Веррик, с холодным видом сидевший напротив окна, обменялся с ним несколькими словами. Мгновение спустя появился и Картрайт.

Медленно и как бы сожалея обо всем, вновь застучало сердце Бентли. Заседание начиналось.

16

Их было пятеро.

Во главе стола расположился Воринг, обложившийся сводами законов и своими записями. Разделенные двумя пепельницами и жуткого вида графином с водой со льдом, сидели друг против друга Веррик и Картрайт, чуть дальше майор Шеффер и Бентли. Служащие, солдаты Холма и техники инвик-связи находились в бассейне и игровой комнате, откуда доносились их голоса.

— Здесь не курят, — пробурчал судья Воринг.

Он недоверчиво поглядел на Веррика, потом на Картрайта, потом снова на Веррика.

— Запись ведется?

— Да, — ответил Шеффер.

Записывающий робот ловко прошелся вдоль стола и остановился около Веррика.

— Спасибо, — ответил последний.

Он готовился начинать.

— Это тот самый? — спросил Воринг, указывая на Бентли.

— Именно из-за него я и прибыл, — сообщил Веррик. — Но он не единственный. Теперь никто не считается с клятвами: все становятся неверными, предают меня. — Веррик вздохнул. — Это не то, что было раньше.

Он поднялся и вкратце изложил дело:

— Бентли отказали в Птица-Лира. Это был изгнанный классифицированный, без места. Он явился ко мне в Батавию, прося место восемь-восемь — это его класс. Дела у меня шли плохо, я не знал, что готовит мне грядущее. Я подумывал даже о том, чтобы освободиться от части своего персонала. Однако, не чувствуя себя в безопасности, я принял его. Я ввел его в свой дом и дал ему жилье в Фарбене.

Шеффер, предвидя, что сейчас последует, обменялся кратким взглядом с Картрайтом.

— Все шло вверх дном, но я дал Бентли то, чего он желал. Я включил его в группу биохимических исследований, я дал ему женщину, чтобы она разделяла с ним ложе, я кормил его, заботился о нем, охранял его.

Риз повысил голос:

— Он настаивал на том, чтобы работать вместе с нами на самом высоком уровне. Тогда я доверил ему ответственный пост в проекте. А он в критический момент предал: убил своего непосредственного начальника и бежал, бросив свой пост. Он был слишком труслив, чтобы продолжать дело. Он нарушил свою клятву. По его вине сорвался весь проект. Он прибыл сюда на корабле Директории и попытался принести клятву Ведущему Игру.

Веррик замолчал. Он закончил обвинение.

Чем дольше он говорил, тем сильнее расплывалась на лице Бентли глупая улыбка. Было ли тому причиной то, что все уже в прошлом?

Воринг с интересом смотрел на Теда, ожидая, что он скажет. Бентли пожал плечами: ему нечего было добавить. Все уже было объяснено.

Слово взял Картрайт:

— Какова роль Бентли в этом проекте?

Веррик заколебался:

— В сущности он делал то же, что и другие класса восемь-восемь.

— И не существовало никаких различий?

— Насколько я помню — нет, — ответил Веррик, помолчав.

— Это ложь, — сообщил Шеффер судье. — Веррик знает, что различия были.

Веррик вынужден был согласиться:

— Да. Бентли потребовал и получил такое же место, что и другие, но он должен был довести проект до финальной стадии. Мы ему полностью доверяли.

— А в чем заключалась финальная стадия? — поинтересовался судья Воринг.

Пояснил Картрайт:

— Смерть Бентли.

Веррик не возражал. Он сидел, погруженный в свои бумаги, пока судья не спросил его:

— Это правда?

Веррик согласно кивнул.

— Бентли знал об этом? — задал вопрос Воринг.

— Вначале — нет. Нельзя было сразу сообщить ему об этом: он был новичок среди нас. Он изменил мне, когда узнал об этом.

Веррик судорожно ворошил кипу бумаг.

— Он разрушил весь проект. Они мне все испортили.

— Кто еще изменил вам? — с любопытством спросил Шеффер.

— Элеонора Стивенс. Херб Мур.

— Гм... — хмыкнул Шеффер. — Я полагал, что Бентли убил Мура.

Веррик подтвердил:

— Мур был его шефом. Он руководил проектом,

— Если Бентли убил Мура, а Мур изменил вам...

Шеффер повернулся к судье Ворингу:

— Казалось бы, он повел себя как преданный служащий.

Веррик громко фыркнул.

— Мур изменил мне уже после того, как Бентли...

— Продолжайте, — предложил ему Шеффер.

— После того, как Бентли убил его, — с трудом выговорил Веррик.

— Как? — изумленно произнес судья. — Я не понимаю.

— Расскажите ему, в чем состоял проект, — тихо подсказал Шеффер. — Тогда он поймет.

Веррик сидел, прямо глядя перед собой. Он изорвал на мелкие кусочки лист бумаги и объяснил:

— Мне нечего добавить. — Он медленно поднялся. — Я опускал детали, касающиеся смерти Мура. Они не имеют отношения к нашему разговору.

— Итак, какова же ваша позиция? — спросил его Картрайт.

— Бентли бежал, бросив свое рабочее место. Он покинул пост, который я доверил ему и который он получил, принеся мне клятву.

Тут поднялся Картрайт.

— Я хотел бы кое-что добавить, — обратился он к Ворингу. — Я заставил Бентли принести мне клятву, потому что я рассматривал его законно освобожденным от его клятвы Веррику. Я считаю, что это Веррик нарушил клятву. Он послал Бентли на смерть. Покровителю не полагается посылать своего классифицированного служащего на смерть, не получив на то предварительно его письменного согласия.

— Да, — подтвердил Веррик. — Но он должен был остаться на своем посту. Это был его долг.

Судья Воринг покачал головой:

— Классифицированный служащий должен дать согласие. Покровитель может уничтожить своего классифицированного служащего, только если он нарушит клятву. В этом случае служащий теряет все свои права, он становится собственностью своего покровителя.

Судья собрал книги.

— Настоящий случай имеет следующие варианты. Если рассматриваемый покровитель нарушил клятву первым, то рассматриваемый служащий оправданно мог бросить свою работу и скрыться. Но если покровитель не нарушал клятвы, прежде чем служащий сбежал, то этот последний есть изменник и заслуживает смертного наказания.

Картрайт направился к двери.

За ним, глубоко засунув руки в карманы, последовал мрачный и надутый Веррик.

— Очень хорошо, — проговорил Картрайт. — Мы подождем вашего решения.

Бентли был вместе с Ритой, когда к ним подошел Шеффер.

— Я прозондировал судью Воринга, — сообщил он. — Он наконец принял решение.

На корабле был «вечер». Бентли и Рита затерялись в подкрашенном полумраке одного из баров станции. Единственная алюминиевая свеча неровными вспышками освещала их столик. Несколько служащих, стоявших у бара или сидевших за столиками, тихонько переговаривались, попивая из бокалов. Обслуживал Мак-Миллан.

— Вы не удовлетворены? — спросила Рита у Бентли.

— Я так далек от удовлетворения, как только может быть человеческое существо.

— Почему? — мягко спросила она.

— На самом деле я ничего не совершил. Я полагал, что дело в Холмах, но Вейкман прав: дело во всем обществе. Повсюду зловоние. Недостаточно порвать с системой Холмов.

Он яростно поставил бокал.

— Я, разумеется, мог бы заткнуть нос и вообразить, что никакого зловония нет. Но этого недостаточно. Надо что-то предпринимать. Вся эта блестящая, но ослабленная структура должна быть низвергнута. Она испортилась, прогнила, сама готова разрушиться.

Но на ее месте надо построить что-то новое. Недостаточно разрушить. Я должен помочь создать что-то новое. Жизнь должна меняться для других. Я хотел бы своими действиями преобразовать существующий порядок. Надо, чтобы я этого добился.

— Может, вы на это и способны.

Бентли попытался проникнуть в неведомое будущее.

— Как? Кто предоставит мне случай? Я, служащий, связанный клятвой. И это навсегда.

— Вы молоды. Мы оба молоды. У нас впереди долгие годы.

Рита подняла бокал.

— И что же? — спросил Бентли.

— У нас есть шанс. Через несколько минут судья объявит свое решение официально. Картрайт попросил меня дать вам об этом знать, как только станет возможно.

— Значит, Веррик не имеет-таки никаких прав на меня? — все еще недоверчиво поинтересовался Бентли. — Мне нечего бояться?

— Совершенно верно, — подтвердил Шеффер, отходя. — Примите самые горячие поздравления.

Рита положила свою ладонь на руку Бентли:

— Благодарение Господу!

Но Бентли не мог радоваться.

— Думаю, что этот конфликт наконец урегулирован, — пробормотал он.

Он наблюдал за окружающими словно через какую-то цветную пелену.

— Мы должны это отметить, — предложила Рита.

— Я добился того, чего хотел, — пробормотал Бентли. Он отхлебнул из бокала. — Я работаю на Директорию, я нанят Ведущим Игру. Это именно то, чего я желал, направляясь в Батавию. Мне теперь кажется, что это было очень давно. — Он молча посмотрел на свой стакан.

— Как вы себя чувствуете? — спросила его Рита.

— Почти как прежде.

— Посвятим всю нашу жизнь изменениям в ходе мирового развития. Бентли улыбнулся.

— Согласен. Я пью за это. — Он поднял свой бокал и звонко чокнулся с Ритой.

— Но не слишком много, — предупредила она.

Его улыбка растаяла.

— Действительно, Веррик еще таскается вокруг. Подожду его отбытия и выпью по-настоящему.

— Что будет, если он вас убьет? — спросила Рита.

— Он будет убит тоже.

— Что будет, если он убьет моего дядю?

— У него отберут карточку. Он никогда не сможет стать Ведущим Игру.

— Он им больше не станет в любом случае, — спокойно объяснила Рита.

— Что вас беспокоит? Вы о чем-то думаете?

— Я не думаю, что он вернется с пустыми руками. Он слишком далеко забрался, чтобы на этом остановиться. — Она серьезно посмотрела на Теда своими черными глазами. — Это не конец, Тед. Он успокоится, когда убьет кого-нибудь.

Бентли собирался ответить, когда чья-то тень легла на стол. Нашупав в кармане холодный металл скорчера, Тед поднял глаза.

— Салют, — приветствовала их Элеонора Стивенс. — Можно к вам присоединиться?

Она села напротив них, сложив руки перед собой. Наигранная застывшая улыбка блуждала на ее губах. Ее зеленые глаза метали молнии, пышная шевелюра каскадами спадала на обнаженные плечи, казавшиеся рыжего цвета в полумраке бара.

— Кто вы? — поинтересовалась Рита.

Элеонора наклонилась вперед, прикуривая от свечи, пламя которой отразилось в ее глазах.

— Имя. Ничего, кроме имени. Никакой личности. Не правда ли, Тед?

— Вам лучше уйти отсюда, — предложил ей Бентли. — Не думаю, что Веррику понравится, если он увидит вас в нашей компании.

— С момента его прибытия сюда я видела его только издали. Быть может, я его просто брошу. Похоже, что все так делают.

— Будьте осторожны, — посоветовал ей Бентли.

— Осторожной? Почему? — Она выдохнула в их сторону облако дыма. — Я не смогла заставить себя не слушать окончания вашего разговора. Вы правы.

Элеонора говорила ломающимся голосом, не сводя глаз с Риты.

— Веррик сейчас принимает какое-то решение. Он колеблется. Он хотел бы убить тебя, Тед, но, если это станет возможно, он удовлетворится и Картрайтом. Раньше у него был Мур, который мог все урегулировать. Счет таков: пятьдесят очков за то, что необходимо убить Бентли, но сто — за то, что он окажется в результате убит сам. Сорок очков Риз заработает,

если убьет Картрайта, но потеряет пятьдесят. Ведь у него отберут карточку. В обоих случаях Риз проигрывает.

— Точно, — согласился Бентли. — Он теряет в любом случае.

Элеонора весело стрельнула глазами:

— Но ведь можно убить и Картрайта, а можно и меня. Хотя это не важно.

— Я не понимаю, о чем вы, — равнодушно проговорила Рита.

— Я, напротив, — прервал ее Бентли, — я весь внимание. Рита...

Но Элеонора бесшумно и мягко, словно кошка, уже схватила пылавшую алюминиевую свечу и прижала ее к лицу Риты.

Быстрым жестом Бентли бросил свечу на пол, и она покатилась, шипя.

Элеонора, обогнув стол, очутилась рядом с Ритой, закрывавшей руками лицо.

Кожа и волосы у Риты были сожжены, и в прокуренном воздухе бара распространялся острый запах паленой кожи.

Элеонора с силой отняла ее руки от лица, в пальцах у нее что-то блеснуло. Это была острая шпилька. Она уже собиралась впиться Рите в глаза, когда Бентли схватил ее и оттащил назад.

Элеонора яростно сопротивлялась, царапалась, пока Тед не выпустил ее.

С бешено сверкавшими зелеными глазами Элеонора тотчас же покинула бар.

Бентли сразу же вернулся к Рите.

— Все в порядке, — произнесла она сквозь стиснутые губы. — Пламя было маленьким, а шпилькой ей не удалось достать до моих глаз. Бегите скорей, схватите ее.

Со всех сторон стекались люди. Медицинская помощь в лице робота Мак-Миллана, быстрая и эффективная, уже выбралась из ниши в стене и ехала к столику, приглашая всех, в том числе и Бентли, отойти.

— Идите, — нетерпеливо проговорила Рита, по-прежнему закрывая руками лицо. — Идите за ней. Постарайтесь ее остановить. Вы знаете, что она собирается делать.

Бентли вышел из бара. Коридор был пуст.

Тед побежал к лифту. Мгновение спустя он был уже на уровне лунной поверхности.

Некоторые люди задержались в коридоре. Вдалеке он увидел вспышки красного и зеленого света. Он бросился туда, завернул за угол и остановился как вкопанный.

Элеонора Стивенс стояла перед Верриком.

— Послушайте меня! — просила она его. — Разве вы не понимаете, что это единственный выход? — Ее голос стал визгливым и истеричным. — Риз, поверьте мне, ради бога. Возьмите меня обратно! Я в отчаянии. Я больше не сделаю этого. Я покинула вас, но больше этого никогда не будет! Ведь я пришла не с пустыми руками, так ведь?

Веррик заметил Бентли. Мрачно улыбаясь, он взял руку Элеоноры в свою железную лапу.

— Вот мы и снова вместе, все трое.

— Вы ошибаетесь, — обратился к нему Бентли. — Она не собиралась изменять вам. Она всегда была предана вам, Риз.

— Я другого мнения, — сказал Веррик. — Она коварна и ничтожна. Она абсолютно ничего не стоит.

— Тогда отпустите ее на все четыре стороны.

Веррик, казалось, задумался.

— Нет, — вымолвил он наконец. — Я не отпущу ее.

— Риз, — простонала девушка, — я рассказала вам все, что они думали. Я показала вам, как вы могли бы тоже это сделать. Вы понимаете? Теперь, благодаря мне, вы способны к этому. Возьмите меня обратно, умоляю вас!

— Да, — признал Веррик, — я могу это сделать. Но я уже решил.

Бентли рванулся к ним, но недостаточно быстро.

— Тед, — завопила Элеонора. — На помощь!

Веррик оторвал девушку от пола и в три гигантских прыжка очутился у служебного люка. Вокруг прозрачного шара простиралась голая и безжизненная лунная поверхность. Молниеносным движением Веррик поднял сопротивляющуюся Элеонору и просунул ее через люк наружу.

Застыв от ужаса, Бентли видел, как Веррик отступил на один шаг. Девушка, раскинув руки, упала на причудливые очертания ледяной лунной поверхности. Сразу же застывшее дыхание образовало облако вокруг ее носа и рта.

Глаза Элеоноры застыли, тело неуклюже развернулось, она попыталась подняться. Целое жуткое мгновение она скреблась о лед, подобно насекомому, тщетно пытающемуся взлететь в вакууме.

Наконец ее грудь и живот лопнули. Бентли закрыл глаза, чтобы не видеть ужасной картины.

Все было кончено. Элеонора умерла.

Бентли, как во сне, достал свое оружие.

Со всех сторон бежали люди. Надрывалась сирена тревоги. Веррик не двигался, а лицо его было лишено всякого выражения.

Резким ударом Шеффер выбил скорчер из рук Бентли.

— Это ничего не изменит. Она мертва.

— Да, — согласился Бентли. — Я знаю.

Шеффер нагнулся и поднял оружие.

— Я останусь сторожить здесь.

— Он попытается скрыться, — предостерег Бентли.

— Да, — повторил Шеффер. — Но это все равно. Она не была классифицированным служащим.

Бентли ушел. У него возникло неясное желание очутиться в лазарете. В его мозгу смешивались картины только что виденной жуткой смерти на студеной ледяной поверхности с представлениями об обожженном лице Риты О'Нейл.

Тед медленно поднялся по лестнице. Сзади него раздались тяжелые шаги. Он услышал хриплое дыхание. За ним следовал Веррик.

— Погодите, Бентли, — сказал он. — Я иду с вами. Мне хотелось бы обговорить с Картрайтом одно маленькое предприятие, одну сделку, которая, я думаю, вас заинтересует.

Веррик подождал, пока ругающийся судья Воринг уселся. Напротив него очень прямо сидел Картрайт, еще бледный от перенесенного шока.

— Как здоровье вашей племянницы? — спросил его Веррик.

— Идет на поправку, — ответил Леон, — благодаря Бентли.

— Мне всегда казалось, что у Бентли голова варит. Когда это нужно, он умеет действовать решительно. Это на ее лицо озлилась Элеонора?

— К счастью, она обожгла только кожу и волосы. Ожоги ликвидируются благодаря пересадкам кожи.

Бентли не мог оторвать взгляда от Веррика, чувствовавшего себя необычайно спокойно и естественно. Лицо Бентли было серым, в бордовых пятнах, но дыхание его опять стало ровным, и руки больше не дрожали. Он ощущал полное удовлетворение.

— Чего вы хотите? — спросил Картрайт у Веррика. Затем он обратился к судье Ворингу: — Я не знаю цели этого собрания.

— Я тоже, — с раздражением ответил Воринг.

— Итак, Риз, в чем дело?

— Я хотел бы, чтобы вы были здесь, — сообщил Веррик, — поскольку у меня есть предложение Картрайту, и мне хотелось бы, чтобы вы рассудили нас со всей вашей объективностью.

Риз вытащил свой тяжелый скорчер и положил его рядом с собой.

— Думаю, никто не станет отрицать, что мы зашли в тупик. Вы, Леон, не можете меня убить — я не убийца. Я ваш гость.

— Вы желанный гость, — ответил Картрайт потухшим голосом. Он не спускал с Веррика глаз.

— Я прибыл сюда, чтобы убить Бентли, но я не могу этого сделать. Мы все загнаны в тупик. Вы не можете меня убить, я не могу убить Бентли, и я не могу убить вас.

Все промолчали.

— Или же я могу?

Он посмотрел на скорчер.

— Думаю, что, быть может, я это сделаю.

— Вас бы тогда на всю жизнь исключили из игры в Минимакс. Что бы вы от этого выиграли? — с отвращением вымолвил судья Воринг.

— Удовлетворение, удовлетворение...

— Были бы вы удовлетворены, если бы потеряли свою карточку?

— Нет, — согласился Веррик. — Но у меня есть три моих Холма... На это лишение карточки не повлияет.

Картрайт, сидя неподвижно и чуть заметно кивая головой, слушал доводы Веррика.

— По крайней мере, после всего этого вы останетесь живым. У вас будет передо мной преимущество, не так ли?

— Точно так, — согласился Картрайт. — Я не буду Ведущим Игру, но и вы тоже. Они должны будут начать все сначала.

В комнату вошел Шеффер. Он приветствовал судью Воринга и сел.

— Леон, — обратился он к Картрайту, — Веррик морочит вам голову. Эту идею подала ему та девица, прежде чем он ее убил. У него нет намерения убивать вас. Единственное, чего он хочет, — это запугать. — Холодные глаза Шеффера сузились. — И это любопытно.

— Я знаю, — сообщил Картрайт. — Он предложит мне выбор: смерть или полюбовная сделка. Итак, Риз, что вы мне предлагаете?

Веррик покопался в карманах и вытащил оттуда карточку.

— Обмен вашей карточки на мою.

— Вы станете Ведущим Игру, — заметил Картрайт.

— А вы останетесь в живых. Вы выйдете из этого живым, а я стану Ведущим Игру. Мы не будем больше в тупике.

— И вы заполучите Бентли.

— Точно.

Картрайт повернулся к Шефферу:

— Убьет он меня, если я откажусь?

— Да, — после долгого молчания ответил Шеффер. — Он вас убьет. Если вы откажетесь, он вас убьет и лишится своей карточки. Если вы согласитесь на обмен, Бентли снова будет в его руках. В любом случае он будет иметь одного из вас обоих. Он знает, что не может получить вас обоих.

— И кого он предпочитает? — с любопытством поинтересовался Картрайт.

— Бентли. Он вас стал уважать. Ему необходимо, чтобы он вновь имел под своим контролем Бентли.

Картрайт вынул из кармана маленький пакетик с карточками и принялся тасовать их, обдумывая, как поступить.

— Это законно? — спросил он у судьи Воринга.

— Вы можете совершить обмен, — проворчал судья. — Люди непрерывно покупают и продают свои карточки.

Бентли, умоляюще протянув руку, затем попробовал встать.

— Картрайт, вы собираетесь...

— Сядьте и помолчите, — приказал Воринг. — Это вас не касается.

Картрайт выбрал хорошую карточку, проверил по бумагам ее номер и положил ее на стол.

— Вот моя.

— Вы согласны на обмен? — спросил Веррик.

— Да.

— Вы знаете, что это означает? Вы сразу лишаетесь вашего положения. Вы будете уже ничто.

— Знаю, — подтвердил Картрайт. — Я знаком с законом.

Веррик повернулся к Бентли. Они молча посмотрели друг на друга. Затем Веррик фыркнул.

— Сделка состоялась, — сообщил он.

— Погодите, — закричал Бентли сдавленным голосом. — Ради всего святого, Картрайт, вы не можете... Вы знаете, что он со мной сделает, вы знаете это?

Картрайт не обратил на него ни малейшего внимания. Он убрал обратно в куртку маленький пакетик с карточками.

— Давайте же, — тихо предложил он Веррику, — покончим с этим, чтобы я мог провести Риту.

— Великолепно, — согласился Веррик.

Он протянул руку и взял карточку Картрайта.

— Теперь я — Ведущий Игру.

Картрайт вытащил руку из кармана.

Из своего маленького, устаревшей модели скорчера он выстрелил Веррику прямо в сердце. Не выпуская из рук карточки, Веррик с вытаращенными глазами и широко открытым от изумления ртом повалился ничком на стол.

— Это законно? — спросил Картрайт судью Воринга.

— Да, — с искренним восхищением подтвердил Воринг. — Это абсолютно законно. Само собой разумеется, теперь вы лишаетесь вашего пакета с карточками.

— Я прекрасно отдаю себе в этом отчет, сообщил Картрайт. Он бросил карточки на стол. — Мне нравится на этой станции. Я впервые в жизни нахожусь на отдыхе. Я был бы счастлив отдохнуть и позагорать на солнце. Я старый человек, и я устал.

Бентли вздохнул.

— Конечно, — оповестил Тед. — Он мертв.

— Да, — подтвердил Картрайт. — С этим действительно покончено.

Он поднялся.

— Мы должны пойти посмотреть, как там Рита.

17

Войдя в лазарет, Картрайт и Бентли застали Риту на ногах.

— У меня все хорошо, — сообщила она им приглушенным голосом. — Что нового?

— Веррик мертв, — объявил Бентли.

— Да, — добавил Картрайт. — С этим покончено. — Он подошел к племяннице и обнял ее. — Ты потеряла часть своих волос.

— Они отрастут.

Она, дрожа, присела на столик из сверкающего металла.

— Он действительно мертв? Вы убили его, и вам за это ничего не будет?

— Я на этом потерял только мою карточку.

Картрайт в подробностях рассказал ей все, что случилось.

— В настоящий момент нет больше Ведущего Игру. Им понадобится, по крайней мере, день, чтобы запустить механизмы по новой.

Он хитро улыбнулся:

— Мне нельзя не знать этого. Я над этим достаточно долго работал.

— Трудно поверить, — сказала Рита. — Кажется, что Риз Веррик существовал вечно.

— Однако это правда. Он мертв.

Картрайт вытащил из кармана старую, ободранную записную книжку и что-то в ней отметил.

— Мы разобрались со всем, за исключением Херба Мура. Астронэф еще не сел, и тело Пеллига находится в том же районе, в нескольких сотнях тысяч миль от Диска Пламени.

Немного поколебавшись, Леон добавил:

— На самом деле, если верить Инвик-службе, Мур достиг корабля Престо-на и проник в него.

Повисло тяжелое молчание.

— Он смог бы разрушить наш астронэф? — спросила Рита.

— Запросто, — подтвердил Бентли. — И заодно добрую часть Диска Пламени.

— Быть может, Джон Престон займется им, — не очень уверенно под- сказала Рита.

— То, как развернутся события, зависит от позиции будущего Ведущего Игру, — заметил Бентли. — Надо бы послать команду, чтобы перехватить Мура. Его тело должно прийти в негодность. Мы могли бы его уничтожить.

— Но только не тогда, когда он вошел в контакт с Престоном, — сухо объяснил Картрайт.

— Думаю, что нам надо бы поставить эту проблему перед будущим Ведущим Игру, — настаивал на своем Бентли. — Мур станет угрозой всей системе.

— Это более чем возможно.

— Вы полагаете, что будущий Ведущий Игру будет что-нибудь делать?

— Думаю, да, — сказал Картрайт. — Тем более что вы и есть будущий Ведущий Игру. Если, конечно, у вас все еще сохранилась карточка, которую я вам дал.

Бентли все время держал ее при себе. Он с недоверием вынул ее и повертел перед глазами. Его пальцы так дрожали, что он выронил ее. Тед поспешно наклонился.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил?

— Пока нет, но через сутки вы мне поверите.

Бентли осмотрел карточку со всех сторон. Она абсолютно ничем не отличалась от других.

— Как вам удалось заполучить ее?

— Ее владелец уступил мне ее за пять долларов, что было достаточно дорого по тем временам. Я уже забыл его имя.

— И с тех пор вы храните ее?

— Я храню весь пакет. Я перепродал ее вам с потерей для себя, но я должен был быть уверен, что вы ее примете и что эта сделка будет совершенно законна: не подарок и не ссуда, а продажа по всем правилам, как обычно.

— Дайте мне время прийти в себя, — попросил Бентли.

Он спрятал карточку в карман.

— Вы утверждаете, что это правда?

— Да. И не потеряйте ее!

— Так вы открыли метод предсказания! То, что не перестают искать все обитатели системы. И именно таким образом вы стали Ведущим Игру?

— Нет, — ответил Картрайт. — У меня нет никакой формулы. Я не могу предсказать скачки в Игре. Никто этого не может.

— Но у вас же была эта карточка! Вы знали, что она означает!

— Все, что я сделал, — сказал Картрайт, — это проанализировал механизм выбора. В своей жизни я тысячу раз бывал допущен в Центр в Женеве. Поскольку я не мог предсказать скачки, я придумал наилучший способ замены номеров; я упорядочил карточки и теперь девять следующих номеров были номерами девяти имевшихся у меня карточек. Считайте, что я стал Ведущим Игру благодаря моей собственной карточке, а не тем, которые я купил. Мне надо было бы быть осторожнее: если бы у кого-нибудь возникло желание изучить это получше, все мои планы были бы рассмотрены.

— С каких пор вы работаете над этим? — спросил Бентли.

— Со времен своей молодости. Как и все, я хотел найти систему, позволяющую предвидеть скачки Игры. Я изучил все, что было написано о принципе

Гейзенберга, о законах случайности. Я стал наладчиком электронной аппаратуры. Мне еще не было сорока, когда я был принят на работу над базовыми контурами в Женеве. Тогда я считал, что это невозможно предвидеть. Все подчиняется принципу неопределенности. Движение субатомных частиц, определяющих скачки, не может быть рассчитано людьми.

— Честно ли это было? — поинтересовался Бентли. — Это против всяких правил.

— Я играл в эту Игру много лет, — продолжал Картрайт. — Многие играют в нее всю жизнь. Потом я сообразил, что правила таковы, что я не могу выиграть. Кто стал бы в такой ситуации продолжать? Мы ставим против банка, и банк всегда выигрывает.

— Это верно, — согласился Бентли, — какой смысл играть, если Игра передергивается? Но каков ваш ответ? Что делать, когда замечаешь, что Игра такова, что в ней нельзя выиграть?

— Делать то, что сделал я: создавать новые правила и следовать им. Правила, дающие равные шансы для всех играющих, то, чего нет в случае с Минимаксом. Итак, я задался вопросом, какие же правила были бы наилучшими. Я работал над тем, чтобы выработать и изучить их, а затем я руководствовался ими, словно они уже были в силе. — Помолчав, Леон добавил: — И я стал членом Общества престонистов.

— Почему?

— Потому что Престон тоже понимал, что происходит, и, как и я, желал Игры, в которой каждый имеет шанс выиграть. Разумеется, я не склонен к тому, чтобы делить выигрыш на равные части для всех игроков, находящихся к концу Игры в равных условиях, но я считаю, что каждый должен иметь шанс выиграть.

— Значит, вы знали о том, что станете Ведущим Игру, до того, как вас об этом уведомили?

— Я знал это уже несколько недель. Когда я в последний раз налаживал механизм, я сместил центр Игры, что успешно проделывал уже не раз. Сейчас мне удалось полностью проконтролировать процесс. Он управляется отнюдь не случаем. Он запрограммирован на годы вперед. Но это уже было мне ни к чему. Я уже не мог быть никем смещен.

— Что вы собираетесь делать теперь? — спросил его Бентли. — Вы больше не сможете прийти к власти?

— Я вам уже сказал: я выхожу в отставку. Ни Рита, ни я никогда по-настоящему не отдыхали. Я рассчитываю провести остаток дней на заливной солнцем станции, подобной этой. Я смогу расслабиться, спать, размышлять, издавать труды.

— Да? На какую тему?

— По уходу за электронным оборудованием и его починке, — ответил Картрайт. — Это моя специальность.

Слово взяла Рита:

— Через сутки вы, Тед, станете Ведущим Игру. Сейчас вы находитесь в таком же положении, в каком был мой дядя несколько дней назад. Теперь вы будете ждать, что они придут известить вас. Я никогда не забуду момент, когда мы услышали, как они приземлились на крышу. Затем появился майор Шеффер с портфелем под мышкой.

— Шеффер в курсе, — сообщил Картрайт. — Мы все проиграли вместе с ним до того, как я дал вам карточку.

— Посчитается ли теперь Корпус со скачком?
— Корпус с вами посчитается. Перед вами стоит трудная задача. Мир меняется, звезды открываются, словно распускаются розы. Диск является важным этапом. Вся система должна измениться.
— Вы чувствуете себя способным на это? — спросила Рита у Бентли.
— Полагаю. Я хотел иметь возможность изменить мир — и вот я ее имею.

Внезапно он рассмеялся:

— Я, без сомнения, первый человек, находящийся под клятвой самому себе. Я одновременно служащий и его покровитель. Я имею право на жизнь и на смерть самого себя.

— Быть может, у вас получится, — подумал вслух Картрайт. Он явно волновался. — По-моему, это хорошая клятва. Вы должны одновременно обеспечить вашу защиту и делать то, что нужно. Вы ответственны только перед вашей совестью. Это правильное слово?

— Да, это правильное слово, — согласился вбежавший Шеффер. — Оно употребляется в исторических документах. А у меня новость: Инвик-служба дала нам последний рапорт по Муру.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Картрайт смог спросить:

— Последний?

— Инвик=техники проследили за синтетическим телом до момента, когда оно проникло в корабль Престопа. Об этом вы уже знали. Потом Мур побеседовал с Престоном и принялся изучать аппаратуру, поддерживающую в нем жизнь. На этом изображение оборвалось.

— Окончательно? Почему?

— По мнению техников, тело взорвалось. Мур, корабль, Джон Престон с его аппаратурой превратились в пепел. Непосредственно видимое изображение могло бы быть замечено обсерваториями.

— Какие-либо поля могли вызвать взрыв бомбы, — подсказал Бентли. — Механизм ее был дьявольски чувствителен.

— Нет. Было видно, как Мур решительно открыл синтетический торс и накоротко замкнул детонатор. — Шеффер пожал плечами: — Интересно было бы знать зачем. Полагаю, мы должны послать туда группу и посмотреть, что они смогут раздобыть. Я не усну спокойно, пока не узнаю всех подробностей.

— Я полностью согласен, — страстно поддержал его Бентли.

Картрайт достал свою записную книжку и вычеркнул последнюю запись.

— Ладно. Вот как это разрешилось. У нас еще будет время приказать собрать пепел. Теперь есть более срочные дела.

Он посмотрел на свои большие карманные часы.

— Корабль скоро должен сесть. Если все прошло хорошо, Гровс обязан приступить к высадке на Диск Пламени.

Диск был огромен. Тормозные двигатели гудели, борясь с возраставшей гравитацией.

Вокруг Гровса ревел ветер, рвался металл.

Циферблат приборов разбился, послышался звук лопнувшей каналлизации.

— Мы сейчас будем уничтожены, — предсказал Конклин.

Гровс протянул руку и выключил свет. Контрольный отсек потонул в темноте.

— Что это... — начал было Конклин, но тут увидел нечто странное.

От экрана исходил мягкий свет. Это было холодное, бледное свечение, отражающееся на обоих мужчинах.

Исчезло черное пространство, усеянное звездами. Весь экран заполняло обширное лицо планеты. Прямо под ними был Диск Пламени. Долгое путешествие закончилось.

— Как странно, — пробормотал Конклин.

— Вот что увидел Престон.

— Что? Разновидность водоросли?

— Только не на таком расстоянии от Солнца. Это, без сомнения, радиоактивные минералы.

— Где Престон? Я полагал, что его корабль будет сопровождать нас до конца.

Поколебавшись, Гровс ответил:

— Примерно три часа назад мои приборы засекли термоядерный взрыв в десяти тысячах миль отсюда. С момента взрыва гравитационным индикаторам больше не удалось нащупать корабль Престона. Быть может, из-за близости Диска столь малая масса не...

В стеклянный корпус контрольного отсека вошел Джерети.

— Великий боже! — вскричал он, взглянув на экран. — Мы у цели!

— Это наша новая страна, — объявил Конклин. — Величественное зрелище, не правда ли?

— Откуда исходит этот странный свет? Это напоминает спиритический сеанс. Вы уверены, что это планета, а не космическая змея? Мне не хотелось бы жить на космической змее, сколь бы огромна она ни была.

Конклин вышел из отсека и стал спускаться по сверкавшему и вибрировавшему коридору. Казалось, тихое, зеленоватое свечение сопровождало его, пока он шел по трапу на основную палубу. Перед дверью в кабину он на мгновение остановился и прислушался.

Члены экипажа собирали в трюме свои пожитки: сковородки и кастрюли, постельные принадлежности, провизию, одежду.

Возбужденный говор доходил до Конклина сквозь рев тормозных Двигателей. Гарденер, техник-ракетчик, начинал раздавать всем комбинезоны Доддса и шлемы.

Конклин открыл дверь кабины и зашел внутрь.

Мария подняла на него глаза:

— Мы прибыли?

— Нет еще. Вы, я вижу, готовитесь. Хотите приступить к владению вашим новым миром? — Он рассмеялся: — Можете оставить все это здесь: мы будем жить тут, пока не возведем на поверхности дома.

— А... — выдохнула Мария.

Она в смущении начала раскладывать по местам собранные вещи.

— Мы создадим здесь что-то типа колонии?

— Конечно, — согласился Конклин.

Он потрогал металлическую перегородку.

— Здесь.

Мария остановилась, держа в руках ворох одежды.

— Это ведь хорошо, Билл? Очевидно, вначале это будет тяжело, но потом не должно быть плохо. Мы станем жить главным образом под землей, как это делают на Уране и Нептуне. Ведь это даже приятней, да?

— Мы очень хорошо устроимся, — пообещал Конклин.

Он галантно принял одежду из ее рук.

— Подойду к Гарденеру. Он распределяет комбинезоны Доддса.

Жаннет Сиблей, возбужденная, встретила их восклицанием:

— Он слишком маленький! Я не могу влезть в него!

Конклин помог ей застегнуть комбинезон.

— Но будьте особенно внимательны, чтобы не упасть. Это старая модель, и достаточно одного камешка, чтобы продырявить комбинезон. И через секунду вы умрете.

— Кто спускается первым? — спросила Мария.

Она медленно застегивала многочисленные заклепки на комбинезоне.

— Капитан Гровс?

— Полагаю, что тот, кто первый подойдет к люку.

— Может, им буду я, — предположил, подходя, Джерети. — Быть может, я окажусь первым человеческим существом, ступившим на Диск Пламени.

Они еще продолжали застегивать комбинезоны, балагуря и смеясь, чтобы уменьшить нервное возбуждение, когда раздалась сирена, возвестившая о приземлении.

— Держитесь! — крикнул Конклин. — И проверьте ваши комбинезоны!

Астронепф с грохотом коснулся поверхности планеты, и все попадали друг на друга.

Корпус корабля задрожал, а тормозные двигатели взвыли еще сильнее, пытаясь остановить сумасшедшую скорость корабля, вгрызавшегося в застывшую поверхность планеты.

Свет замерцал и погас.

В наступившей темноте члены экипажа застыли, парализованные жутким ревом разогнавшихся реакторов и оглушительным скрежетом раздиравшего скалы металла.

Конклин был отброшен на груды матрацев. На него посыпались ящики и кастрюли. Схватившись пальцами за продольную балку, он сумел подняться.

— Мария! — крикнул он. — Где ты?

Неподалеку он услышал шевеление.

— Я здесь! — ответила та слабым голосом. — Я, кажется, потеряла шлем.

Конклин нашупал ее шлем.

— Нет, все в порядке.

Корабль продолжал двигаться вперед, сопровождаемый ужасным скрежетом сминаемого металла.

Однако он замедлил ход и вскоре, после заключительного толчка, замер.

Где-то капала какая-то жидкость.

В другом конце коридора загорелась куча различных вещей.

— Затухите огонь! — приказал Гровс.

Джерети с огнетушителем в руках неуверенно пошел вперед.

— Думаю, что мы прибыли, — сообщил он, поливая пламя.

Его напряженный голос дрожал в наушниках его друзей.

Кто-то зажег электрический факел.

— Похоже, что в обшивке пробоина, — предположил Конклин. — Слышно, как выходит воздух.

Гровс был уже у люка.

Он подождал, пока подойдут остальные, раздвинул руками тяжелые засовы и пояснил:

— Больше нет утечки. Пробки должны были заткнуть дыру. Люк открылся.

Широко раскрыв глаза, Гровс торжественно двинулся вперед.

Остальные, вначале колеблясь, затем увереннее, последовали по трапу за ним.

Мария дрожала, и Джерети помог ей овладеть собой.

Первым удалось коснуться поверхности планеты одному японскому рабочему-оптику. Он ловко соскочил на обледеневшую скалистую поверхность. И улыбнулся им, помахав рукой.

— Все в порядке! — крикнул он всем. — В пределах видимости нет никаких чудовищ!

Но Мария остановилась.

— Посмотрите на этот слабый свет, — предложила она.

Планета казалась огромной равниной, излучавшей зеленый свет.

Мягкий, прозрачный, не дававший тени, он исходил отовсюду: от почвы, от камней.

В этом зеленом свечении люди выглядели непроницаемыми, черными колонками из металла и пластика, неуверенно шагающими вперед.

— Удивительно, что это существует так давно, — проронил Джерети. Он поддал ногой обледеневший камешек. — А мы разве это видим.

— Это неизвестно, — серьезно заметил Гровс. — Я надеялся найти здесь что-нибудь после приземления.

Он взял в руки мощное оружие, висевшее у него через плечо.

— Престоп! полагал, что Диск может принадлежать другой системе.

На открытом участке почвы виднелось строение. Это была матовая металлическая сфера, гладкая и без всяких украшений.

Мириады ледяных зеленых кристалликов летали вокруг них, пока они осторожными шагами приближались к этому сооружению.

— Как, черт возьми, мы сможем войти туда? — спросил Конклин.

Гровс поднял свое оружие.

— Не вижу никакого другого способа.

Он нажал на спусковой крючок и медленно очертил круг.

— По-видимому, это из нержавеющей стали. Может, сделано человеком.

Конклин и Гровс пролезли в еще не остывшее отверстие. Их ушей достигла регулярная пульсация. Они находились в своеобразной комнате, заставленной механизмами. Позади них со свистом выходил воздух.

— Давайте постараемся вновь закрыть отверстие, — предложил Гровс.

Вдвоем им удалось затянуть брешь.

Затем они начали осматривать гудящие механизмы, связанные в сложные контуры.

— Добро пожаловать, — тихо раздался слабый ломкий голос.

Они резко обернулись, держа оружие наготове.

— Ничего не бойтесь, — продолжал старческий голос. — Я всего-навсего человеческое существо, такое же, как и вы.

Конклин и Гровс застыли в изумлении.

— О боже, — произнес Гровс, — я полагал, что ...

— Я Джон Престон, — представился старик.

У Конклина по спине пробежал холодок. Зубы его начали выбирать мерную дробь.

— Вы говорили нам, что его корабль уничтожен. Посмотрите на него: ему, должно быть, миллион лет. И он плавает в этом растворе.

Будто в ответ на его слова, тонкие, словно бумага, губы старика раздвинулись, и вновь раздался слабый шепот.

— Я очень стар, — подтвердил Престон, — почти полностью глух и парализован. — Его рот скривился в улыбке. — Как вам наверняка известно, я страдаю артритом. Должно быть, я где-то потерял очки и вижу не совсем четко.

— Это ваш корабль? — спросил Конклин. — Вы сели сюда перед нами?

Голова наклонилась в знак согласия.

— Он смотрит на нас, — сообщил Гровс. — Как жутко.

— Как давно вы находитесь здесь? — поинтересовался Конклин у мумифицированного создания, плававшего в питательной ванне.

— Извините, — ответил Престон, — но я не могу выйти отсюда, чтобы позвать вам руки.

Конклин на мгновение закрыл глаза.

— Похоже, что он не слышал меня.

— Мы представляем Общество престонистов, — нерешительно начал Гровс. — Мы следуем вашим трудам. А вы...

— Я так долго ждал, — перебил его Престон. — Столько грустных лет, столько одиноких дней!

— Тут что-то не так, — ошарашенный, произнес Конклин. — За этим что-то кроется! Он глух и слеп.

Конклин направился к скоплению механизмов.

— И это не астронеф. Не совсем. По-моему...

— Я хочу рассказать вам о Диске Пламени, — прервал его сухой и безжизненный голос. — Для меня важно только это.

— Для нас — тоже, — озадаченно ответил Гровс.

Конклин судорожно исследовал монолитную внутреннюю поверхность сферы.

— Нет реакторов. Это не может перемещаться. Очевидно, есть антигравитационная защита, подобная той, что ставится в бакенах.

Он резко повернулся к Гровсу:

— Это бакен. Я начинаю понимать.

— Послушайте меня, — проговорил Престон. — Необходимо, чтобы я рассказал вам о Диске.

— Он должен иметь несколько таких бакенов, — размышлял Конклин. — Этот, по-видимому, жил здесь, притянутый силами гравитации. Быть может, существуют тысячи аналогичных бакенов.

Конклин подошел к Гровсу:

— Мы вошли в контакт не с кораблем, а с серией бакенов. Каждый направлял нас к следующему. Мы прошли по всей линии бакенов, вплоть до посадки.

— Делайте, что хотите, — непреклонно твердил голос, — но выслушайте то, что я хочу вам сообщить.

— Замолчите! — закричал Конклин.

— Я должен остаться здесь, — с трудом говорил Престон.

Он с условием подбирал слова:

— Я не смею выйти. Если я...

— Престон! — завопил Конклин. — Сколько будет дважды два?

— Я ничего не знаю о вас, — бесстрастно продолжал голос.

— Повторяйте за мной! — вопил Конклин. — У Мэри была маленькая овечка. Ее шерстка была как снег бела.

— Прекратите! — зарывал Гровс на грани истерики. — Вы что, сошли с ума?

— Поиски были долгими, — продолжал бормотать монотонный скрипучий голос, — и ничего не дали. Совсем ничего.

Конклин наклонил голову, затем обернулся к проделанному ими отверстию.

— Он не живой. Это не питательная ванна, а какое-то летучее вещество, в котором сохранено видеоизображение. Синхронные звуковые и видеозаписи заставляют его двигаться весьма правдоподобным образом. Но он мертв. Мертв в течение пятисот лет.

В тишине раздавался только непрерывавшееся бормотание.

Конклин наполовину высунулся наружу.

— Эй! — крикнул он остальным. — Идите сюда! Входите!

— Мы почти все слышали в наушниках, — объяснил Джерети.

Он пролез в сферу.

— Что это означает? И эта история про Мэри и маленькую овечку?

Увидев дубликат Джона Престона, он замолчал.

За Джерети, трепеща от нетерпения, вошли остальные.

Они все сразу застыли, увидев старика и услышав едва цепляющиеся друг за друга слова.

— Закройте отверстие, — приказал Гровс, когда в сферу забрался последний японский рабочий.

— Это что? — недоверчиво начала Мария. — Почему он так бормочет? Ведь говорили, что он... рассказывает.

Конклин сильно надавил на плечо молодой женщины.

— Это всего только изображение. Он оставил их сотни, может быть, тысячи. Они разбросаны в пространстве, чтобы привлечь астронеты и направить их к Диску.

— Значит, он мертв?

— Уже очень давно. Но посмотрите на него. Он должен был умереть очень старым. Без сомнения, он уже много лет исследовал Диск. Престон знал, что когда-нибудь сюда пойдут корабли. Он хотел проводить их в этот мир.

— Старик, наверное, не знал, что было основано Общество, — грустно констатировала Мария. — Он не думал, что кто-нибудь пустится на поиски Диска.

— Нет, но он знал, что рано или поздно астронет прилетит сюда.

— Это как-то... обманчиво.

— Не думаю, — вмешался Гровс. — Не поддавайтесь отчаянию. Мертва только физическая оболочка Джона Престона, и это не так уж важно.

— Наверное, вы правы, — согласилась Мария.

Ее лицо сразу же просветлело.

— В каком-то смысле это чудесно. Это почти чудо.

— Помолчи и послушай, — мягко попросил ее Конклин.

Все умолкли.

— Это не слепое движение, — говорило дряхлое изображение старика. Его глаза, не видя, скользили по прибывшим.

Он ничего не слышал.

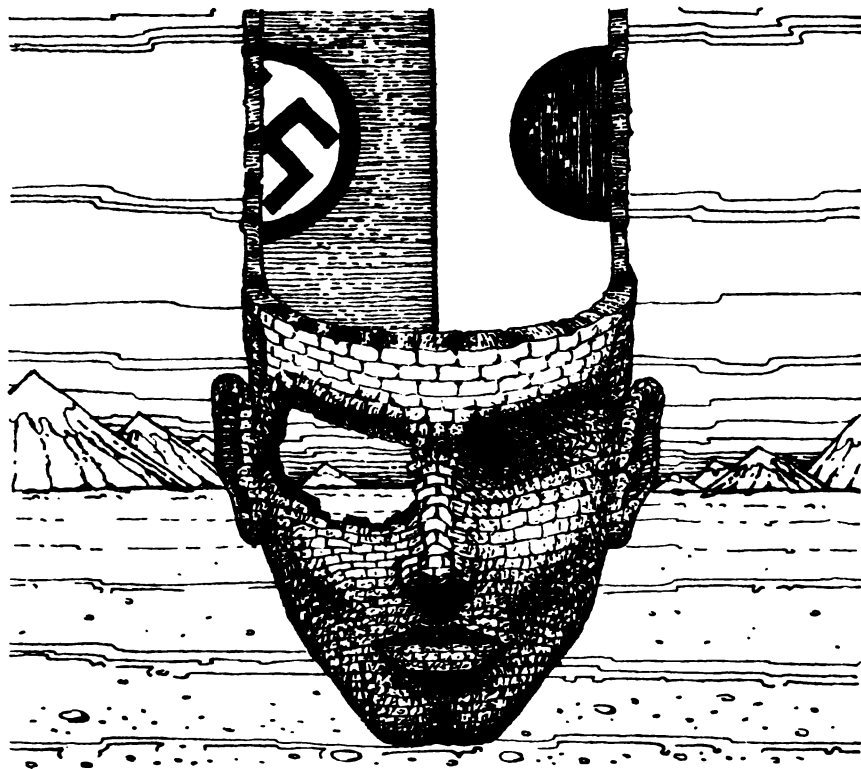
Старик не осознавал их присутствия. Он говорил с далекими-далекими слушателями.

— Не живой инстинкт делает нас беспокойными и неудовлетворенными. Я вам вот что скажу: самое возвышенное, что есть в человеке, — это потребность расти, прогрессировать, открывать новые вещи, двигаться вперед, распространяться дальше, достигать новых территорий, проводить новые эксперименты, жить, эволюционируя, отмежевываясь от рутины и повторений, идти вперед и никогда не останавливаться...

РОМАН

ЧЕЛОВЕК В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ

перевод К. Клементьев

Глава 1

Всю неделю мистер Чилдан с волнением просматривал почту, но ценная посылка из Средне-Западных Штатов все не приходила. Когда он открыл свой магазин утром в пятницу и на полу под прорезью для почты увидел только письма, он подумал, что заказчик будет недоволен. Нацедив чашку растворимого чая из пятицентового автомата, встроенного в стену, он взялся за уборку. Скоро торговый зал магазина «Американские художественные промыслы» был готов к открытию: все блестело и сверкало, касса полна мелочи, в цветочной вазе свежие бархатцы, из репродуктора льется тихая музыка.

Снаружи по тротуару Монтгомери-стрит клерки спешили в свои конторы. Женщины в длинных пестрых шелковых платьях. Чилдан остановился и с удовольствием поглазел на них. Тут зазвонил телефон, и он повернулся, чтобы снять трубку.

— Алло, — прозвучал знакомый голос.

Сердце Чилдана упало.

— Это мистер Тагоми. Не прибыл ли заказанный мной вербовочный плакат времен гражданской войны, сэр? Вспомните, пожалуйста, вы обещали, что он прибудет еще на прошлой неделе.

Резкий, нервный голос: чувствовалось, что заказчик едва соблюдает приличия.

— Разве я не оставил вам задаток, сэр, договариваясь с вами? Вы понимаете, что это должен быть подарок. Я ведь уже объяснял. Клиенту...

— Справки, которые я наводил по всему миру, — начал Чилдан, — за свой собственный счет, сэр, по поводу обещанной посылки, которая, как вы понимаете, не из этого района, и поэтому, следовательно...

— Так, значит, она еще не получена?.. — перебил его Тагоми.

— Нет, мистер Тагоми.

Наступило ледяное молчание.

— Я больше не могу ждать, — сказал Тагоми.

— Разумеется, сэр.

Чилдан угрюмо посмотрел сквозь стекло витрины: в Сан-Франциско стоял теплый солнечный день.

— Тогда я требую замену. Ваши рекомендации, мистер Чалдан?

Тагоми умышленно произнес фамилию неправильно, пытаясь уколоть Чилдана и не сомневаясь, что подобное оскорбление останется безнаказанным. Уши Чилдана вспыхнули.

Горькое чувство обиды охватило его. Переживания, страхи и муки вновь вспыхнули в нем, подавляя волю, лишая дара речи. Он с трудом подбирал слова, не в силах оторвать руки от телефонной трубки. Запах бархатцев и спокойная музыка наполняли магазин, но ему казалось, что он тонет в каком-то бескрайнем море.

— Ну, — удалось выдать ему, — кремсбивалка. Миксер для приготовления мороженого, около тысячи девятисотого года...

Мозг отказывал... Только бы не забыть об этом, только бы не показаться дурачком. Ему было тридцать восемь лет, и он помнил довоенные времена, совсем другие времена, Франклина Делано Рузвельта и Всемирную выставку. Прежний лучший мир.

— Могу ли я вам занести на работу соответствующие предметы? — промямлил Чилдан.

Встречу назначили на два часа дня.

«Придется закрывать магазин, — подумал он, вешая трубку. — Но выбора нет. Нужно сохранять расположение таких покупателей, от них зависит бизнес».

Он все еще стоял, дрожа, пока не увидел вошедшую в магазин пару. Молодой человек и девушка, японцы, оба красивые, хорошо одетые, само совершенство.

Взяв себя в руки, улыбаясь, Чилдан с профессиональной легкостью двинулся им навстречу. Склонившись над застекленным прилавком, пара разглядывала прелестную пепельницу. «Муж и жена, — предположил он. — Живут в каком-нибудь из этих новых, страшно дорогих кварталов на окраине, с видом на горы».

— Здравствуйте, — выговорил Чилдан, почувствовав себя лучше.

Они вежливо улыбнулись ему в ответ, без всякого превосходства, просто и по-доброму. Прилавки — а такого товара не найти на всем побережье — привели их в состояние некоего благоговейного трепета. Чилдан был им за это благодарен. Видно, они понимали, что к чему.

— Отличные экземпляры, — оценил молодой человек.

Чилдан непринужденно поклонился.

Молодые люди, как замороженные, не отходили от прилавков и с восхищением продолжали любоваться произведениями искусства.

«Да, — размышлял Чилдан, — они знают, в каком магазине находятся. Это не какой-нибудь хлам, не поддельные дощечки красного дерева, не смешные значки, брелоки и девичьи кольца, не почтовые открытки с видами. А глаза у девушки большие, темные. Как легко я мог бы влюбиться в такую. Но как будто мне и без того не было уже плохо. Модная прическа, маникюр, в ушах длинные серьги ручной работы».

— Ваши серьги... — пробормотал Чилдан. — Вы, вероятно, приобрели их здесь?

— Нет, — ответила она. — Дома.

Чилдан поклонился. Не современное американское искусство, только прошлое, старина могла быть представлена здесь, в таком магазине, как у него.

— Вы надолго сюда? — поинтересовался он. — К нам, в Сан-Франциско?

— Пока не знаю, — ответил мужчина. — Я работаю в комиссии по планированию повышения жизненного уровня в отсталых районах.

На его лице отразилась гордость. Это вам не военный, он не из тех жующих жвачку грубых мужланов с жадными крестьянскими рожами, которые рыскают по Маркет-стрит, глаза на непристойные афиши, толкутся у касс порнокиношек, заполняют дешевые ночные клубы, стены которых увешаны фотографиями блондинок не первой молодости, зажимающих между морщинистыми пальцами соски дряблых грудей. И не из тех плотоядно взирающих на них зевак, которые не вылазят из притонов. А их-то уж здесь полно понатыкано в трущобах, заполнивших большую часть равнинного района Сан-Франциско. Построены они из шатких жестяных или фанерных отходов. А выросли все эти заведения, как грибы, еще до того, как упала последняя бомба. Нет, этот человек принадлежал к элите. Утонченно воспитанный, культурный, образованный. Наверняка в этом отношении он был еще выше мистера Тагоми, который являлся, между прочим, важным чиновником главного торгового представительства на Тихоокеанском побережье. Но Тагоми — пожилой человек. Его мировоззрение сформировалось еще в дни правления военного кабинета.

— Вы хотите купить подарок? Что-нибудь из традиционных американских народных поделок? — спросил Чилдан. — Или, может быть, желаете украсить новую квартиру? Если так, то...

Настроение его поднялось в предвкушении выгодной сделки.

— Вы догадались, — сказала девушка. — Мы хотим обставить новую квартиру и никак не можем на чем-нибудь остановиться. Вы бы смогли что-нибудь нам посоветовать?

— Разумеется, мы можем встретиться в вашей квартире, — улыбнулся Чилдан. — Я захвачу все самое наилучшее и помогу вам в выборе. Когда только пожелаете. Это мой долг.

Он опустил глаза, пряча свою надежду. Здесь, наверное, пахнет тысячами.

— Я должен получить кленовый стол из Новой Англии, весь на деревянных шпильках без единого гвоздя, изумительно красивый и заслуживающий внимания, и еще зеркало времен войны 1812 года, затем несколько предметов быта аборигенов — несколько ковриков козьей шерсти, выкрашенных натуральными красками.

— Я лично, — уточнил мужчина, — предпочитаю городское искусство.

— Да? — живо откликнулся Чилдан. — Послушайте, сэр. У меня есть настенное панно времен покорения Дикого Запада, оно висело в почтовой конторе, очень оригинальное, на четырех досках, изображает Горация Грилея. Бесценный предмет почитания коллекционеров.

— О! — воскликнул мужчина. Его темные глаза заблестели.

— И стеной шкаф в викторианском стиле, переделанный в двадцатых годах в бар.

— О...

— И еще, сэр: картина кисти Джина Харлоу, в багетной раме.

Мужчина смотрел на него во все глаза.

— Значит, мы договорились? — проговорил Чилдан.

Он старался не упустить своего счастья и вынул из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку.

— Я запишу ваши имена и телефон, господи.

Когда пара ушла, Чилдан заложил руки за спину и стал глядеть на улицу.

Какая радость! Если бы все дни были похожи на этот.

Нет, это не просто бизнес, это не только удача, это еще и возможность встретиться с молодой японской парой в неофициальной обстановке, где его будут принимать как человека, а не как янки, который торгует произведениями искусства. Да, эта молодежь, новое поколение, которое не помнит ни военного времени, ни даже самой войн, — составляет надежду мира. Местные различия не имеют для нее никакого значения.

«Все это кончится, — подумал Чилдан, — когда-нибудь. Сама идея национальности. Ни угнетенных, ни правительств — просто люди».

Все же он дрожал от страха, представляя себе, как станет стучаться в их дверь.

Он проверил свои записи. Казоура. Его пригласят к столу, несомненно, предложат чай.

Все ли он сделает, как надо? Как поступать и что говорить в каждом случае? Или же он опозорится, как бестактное животное? Девушку зовут Бетти. «В ее глазах столько понимания, — подумал Чилдан. — Нежный приятный взгляд». Конечно же даже за то малое время, что она была в магазине, от нее не укрылись и его надежды, и его переживания.

Его надежды... У него неожиданно закружилась голова. Какое желание, граничащее с безумием, если не с самоубийством, у него возникло! Но ведь известные случаи связи между японками и янки, хотя в основном между мужчинами-японцами и женщинами-американками.

Здесь же... Он испугался только одной мысли об этом. Да к тому же она замужем.

Чилдан отогнал эти мечты, выкинул из головы назойливые мысли и начал деловито вскрывать утреннюю почту.

Руки у него при этом еще тряслись, и он с удивлением обнаружил это спустя некоторое время. Тут он вспомнил о своем свидании с мистером Тагоми. Дрожь сразу унялась, а волнение сменилось решимостью. «Я должен приехать с чем-нибудь стоящим, — сказал он себе. С чем?

По кусочку восстановить модель «форда» 1929 года, включая матерчатый верх черного цвета. И тогда покровитель обеспечен — подобно «большому шлему» в покере.

Или совершенно новенький почтовый самолет, обнаруженный в сарае на заброшенной ферме в Алабаме. Или еще что-либо подобное. Такое поднимает репутацию не только среди американских любителей антиквариата по всему Тихоокеанскому побережью, но и среди снобов на Родных Островах.

Чтобы взбодриться, Чилдан закурил сигарету, в которую было добавлено немного марихуаны, на ней стояло великолепное клеймо фирмы «Земля улыбок».

Френк Фринк лежал на кровати в своей комнате на улице Хейнса, никак не решаясь подняться. Лучи яркого солнца пробивались сквозь шторы, на полу была разбросана одежда, валялись и очки. Как бы не наступить на них. Надо как-то попытаться добраться до ванной. Хоть ползком, хоть

на карачках. Голова разламывалась, но он не унывал. «Никогда ни о чем не жалей», — решил он. Время? Часы на комодѣ показывали одиннадцать тридцать. Ну и ну! А он все еще в постели.

«Меня увольт», — подумал он.

Вчера на фабрике он поступил глупо, разглагольствуя перед мистером Уиндемом Матсоном. Френк Фринк представил его: изогнутый сократовский нос, бриллиантовое кольцо, золотые запонки. Словом — могущество, высокое положение. Мысли Фринка беспорядочно завертелись. «Да, теперь не миновать мне черного списка. От мозгов проку нет. Другой профессии не имеется. Пятнадцатилетний опыт, все насмарку».

Да еще придется предстать перед рабочей дисциплинарной комиссией, а так как он не мог никогда разобраться во взаимоотношениях Уиндема Матсона с «пинки» — этим белым марионеточным правительством в Сакраменто, то не в силах был понять и полноты власти своего бывшего хозяина над подлинными правителями, японцами. В РДК заправляют пинки. Он будет стоять перед четырьмя или пятью толстыми белыми лицами. Если же ему не удастся оправдаться, то придется отправиться в одно из импортно-экспортных торговых представительств, управляемых из Токио и имеющих конторы по всей Калифорнии, в Орегоне, Вашингтоне и части Невады, включенной в Тихоокеанские Штаты Америки. Но если ему и там не удастся добиться успеха...

Планы прокручивались в голове, пока Фринк, глядя на старинный плафон на потолке, лежал в кровати. Он мог бы, например, улизнуть в Средне-Западные Штаты. Но они были тесно связаны с ТША, и его наверняка бы выдали. А как насчет Юга?

Все тело Фринка содрогнулось от отвращения. Нет, только не это. Как белый, он мог бы там найти любое место, фактически там, конечно, гораздо лучше, чем в ТША, но он не хотел бы попасть туда.

Хуже всего то, что Юг был жестоко связан экономически, идеологически и еще бог знает как с Рейхом. А Френк Фринк был еврей. Первоначально его звали Френк Финк. Он родился на восточном побережье, в Нью-Йорке, и в 1941 году был призван в Вооруженные Силы Соединенных Штатов Америки, как раз после нападения на Россию. Когда японцы захватили Гавайи, его послали на западное побережье. Там его и застал конец войны. Он оказался на японской стороне линии разграничения. Так он здесь и остался и живет уже пятнадцать лет.

В 1947 году в День Капитуляции он почти что обезумел. Страстно ненавидя японцев, он поклялся отомстить. Френк закопал в подвале на трехметровую глубину свое оружие, предвзвительно любовно обернув и обильно смазав его, чтобы в целости и сохранности достать его в день, когда начнется восстание.

Однако время — великий целитель. Этого он тогда не учел. И теперь когда он вспоминал об этих надеждах, об этой грандиозной кровавой бане, о резне пинки и их хозяев, у него возникало чувство, будто он, перечитывая пожелтевшие дневники школьника, заново переживает мальчишеские грезы: Френк Харасик Финк собирается становиться палеонтологом и женится на Норме Праут. Норма Праут была первой красавицей класса, и он на самом деле поклялся жениться на ней. Теперь это в далеком прошлом. В первые же месяцы того же 1947 года он встречался и разговаривал, наверное, не меньше чем с несколькими тысячами японцев, а его желание

погубить их так никогда и не исполнилось. Теперь же оно стало просто неуместным.

Но хватит. Существовал некий мистер Амуро, который скупил все дома в большом жилом районе в центре Сан-Франциско и который одно время был хозяином дома, где жил Френк.

Это была паршивая овца, прожорливая акула. Никогда не выдавшие ремонта, комнаты он делил на крохотные клетушки, взвинчивая при этом квартплату. Во время депрессии начала пятидесятых он надувал нищих и среди них особенно нуждавшихся бывших военнопленных.

И ведь именно эти торговые представительства отрубили Амуро голову за спекуляции. Теперь это воспринимается как немыслимое нарушение сурового, но справедливого японского гражданского кодекса. Это заслуга неподкупных высших японских представителей, пришедших после падения Военного кабинета.

Вспомнив о суровой, стоической честности торговых представительств, Френк обрел уверенность. Даже от Уиндема-Матсона они отмахнутся как от назойливой мухи. Будь он владельцем «Уиндем-Матсон Корпорейшн», или кто угодно еще. Он, Френк, по крайней мере, на это надеялся.

«Кажется, я начинаю верить в эту муру — Сопrotивление Тихоокеанского Содружества, — сказал Френк про себя. — В прошлом все это казалось очевидной фальшивкой, пустой пропагандой. А сейчас...»

Он поднялся с кровати и нетвердыми шагами отправился в ванную. Пока он мылся и брился, радио передавало дневные новости.

— И пусть не смеются над этими попытками, — проговорило радио, когда он включил горячую воду.

«Нет, мы и не думали смеяться», — с горечью возразил Френк. Он знал, о каких попытках шла речь. Однако в конце концов в этом было даже что-то забавное, особенно в картине, где бесстрастные, хмурые немцы шагают по Марсу, по красному песку, на который еще не ступала нога человека...

— Цивилизация сопротивления должна остановиться и рассмотреть, сочетаются ли наши поиски обеспечения сбалансированного равенства обязанностей и ответственности с вознаграждением...

«Типичный жаргон правящей иерархии», — отметил Френк.

— Мы прекрасно понимаем, что будущей ареной, на которой станут вершиться деяния людей, будь они нордической, японской, негроидной...

И все в том же духе. Тем не менее факт оставался фактом: Тихий океан почти ничего не предпринимает для колонизации планет. Он занят, а скорее — завяз в Южной Америке. Пока немцы были поглощены суматохой запуска в космос огромных автоматических систем, японцы все еще выжигали джунгли во внутренних районах Бразилии и возводили восьмиэтажные дома из глины для бывших охотников за черепами. А к тому времени, когда японцы запустят свой первый космический корабль, немцы приберут к рукам всю Солнечную систему. Как говорилось в старых учебниках истории, немцев не было там, где остальная Европа наносила последние штрихи на мозаике своих колониальных империй. «Однако, — размышлял Френк, — на этот раз они не собираются становиться в хвост очереди, они научились».

Потом он подумал об Африке, об эксперименте, проведенном там наци. От этой мысли кровь застыла в жилах.

Эти гигантские опустошенные руины...

— Мы обязаны, — продолжало радио, невзирая на свои личные симпатии и антипатии, признать нужды всех народов и их духовных влечений, которые должны...

Френк выключил радио, потом, несколько успокоившись, снова включил его.

«Христа на виселицу, — подумал он. — Африка. Этот призрак умерщвленных племен, стертых с лица земли, чтобы освободить самую землю, — для чего? Кто знает? Возможно, даже главные зодчие в Берлине не ведают этого».

Компания роботов, строящих и опутывающих колючей проволокой. Строящих? Скорее, перемалывающих. Чудовища из палеонтологического музея! Дружная семейка, поставившая на конвейер вычерпывание мозгов, и только для того, чтобы съесть их. А практическое использование человеческих костей? Как это экономно — думать не только о том, как пожрать людей, кои пришлось не по вкусу, но пожрать их из их собственных черепов.

Лучшие в мире инженеры! Питекантроп в стерильно белом халате в какой-нибудь универсальной лаборатории Берлина, размышляющий над тем, для чего можно использовать черепа: кожу, уши, жир других людей. «Да, герр доктор. Новое применение больших пальцев ног: смотрите, можно приспособить сустав в качестве быстродействующего механизма для зажимки. Теперь герр Крупп сможет производить их в качествах...»

Его ужаснула эта мысль: древний гигантский недочеловек людоед ныне процветает, вновь завладев миром. «Мы потратили миллионы лет, стараясь подальше убежать от него, — размышлял Френк, — и теперь он вернулся, но не просто как соперник, а как повелитель».

— Мы не можем порицать, — говорил по радио голос маленькой желтой красавицы из Токио.

«Боже, — подумал Френк, — а ведь мы их называли обезьянами, этих цивилизованных кривоногих малюток, которые не возводили газовых печей и не топили жир из женщин».

— И мы часто порицали в прошлом за это ужасное истребление людей в фанатичном стремлении удалить основную массу индивидов из общества, поставив их вне закона.

Они, эти японцы, настолько сильны в законах.

— ...процитировать широко известного западного святого: «Что за выгода человеку, если он заполучит себе весь мир, но при этом потеряет свою душу?» Радио замолчало. Кончилось промывание мозгов. Френк наконец завязал свой галстук.

«Мне нужно с ними примириться», — осознал он.

Занесут его в черный список или нет, но если он покинет территорию, контролируемую японцами, и окажется на Юге или в Европе — в любом месте Рейха, — это будет означать для него смерть. «Мне нужно помириться со стариком Уиндемом-Матсоном».

Усевшись на кровать и поставив рядом чашку чуть теплого чая, Френк достал экземпляр древнекитайского гороскопа.

Из кожаного футляра Френк извлек сорок девять черенков тысячелистника. Некоторое время он сидел неподвижно, приводя в порядок мысли и продумывая вопросы.

— Как мне следует подойти к Уиндему-Матсону, чтобы на сходных условиях помириться с ним? — сказал он вслух.

Записал вопрос на обложке блокнота, а затем начал перебрасывать черенки из одной руки в другую, пока не получил первую строчку, начало. Восьмерка. При этом была отсечена половина из шестидесяти четырех гексаграмм.

Он разделил черенки и получил вторую строчку. Вскоре, умело обращаясь с гороскопом, он получил все шесть строк. Скромность, низшие воспрянут, высшие падут вниз, могучие семьи покорятся. Хорошее предзнаменование. Ему дается благоприятный совет.

Все же он был чуточку разочарован.

Было что-то бесполезное в гексаграмме пятнадцать, слишком благочестивое. Конечно, ему нужно быть скромным. Может быть, в этом и заключался смысл? Ведь после случившегося он потерял власть над старым Уиндемом-Матсоном. Он не смог бы принудить его взять его, Френка, назад. Все, что он мог бы сделать — это принять указания гексаграммы пятнадцать: видно, наступил момент, когда нужно просить, надеяться и ждать. Если бог даст, может, его и возьмут на прежнюю работу, а может, даже на что-нибудь получше.

Читать другие строчки не было необходимости: это были постоянные строки. Значит, все: перехода на другую гексаграмму не было.

Тогда следующий вопрос. Собравшись с мыслями, Френк произнес:

— Увижу ли я снова Юлиану?

Это была его жена или, вернее, бывшая жена. Юлиана ушла год тому назад, и он не видел ее несколько месяцев. В сущности, он даже не знал, где она сейчас живет. Наверное, она уехала из Сан-Франциско, возможно, даже из Тихоокеанских Штатов.

Общие друзья или ничего не слышали о ней, или не хотели ему говорить.

Он углубился в манипуляции с черенками.

Сколько раз он спрашивал о Юлиане, задавая то один вопрос, то другой? Вот и гексаграмма — порождение слепой случайности положения черенков растения — была столь же случайна, но тем не менее казалось связанной тысячью незримых уз с мгновением, в котором Френк находился, в котором его жизнь была сплетена со всеми остальными жизнями и являлась частицей вселенной. Сквозь рисунок переменчивых и неизменных строк всегда находила себе путь неукротимая закономерность, высвечивая положения в целом. Он, Юлиана, фабрика на Гоуч-стрит, торговые представительства, хозяйничающие здесь; исследователи планет и миллиардов химических соединений; тысячи людей, живущих вокруг него в мелких курятниках Сан-Франциско; обезумевшие бестии в Берлине, с их хладнокровными лицами и маниакальными планами, — все соединилось в одно мгновение, когда Френк бросил черенки тысячелистника, чтобы получить точный, мудрый ответ, соответствующий этому мгновению. Френк руководствовался книгой, история которой уходит в тринадцатое столетие до нашей эры. Книгой, создаваемой мудрецами Китая пять тысяч лет и отразившей на своих страницах доведенную до совершенства космологию еще до того, как Европа научилась элементарной арифметике.

Сердце его упало. Гексаграмма сорок четыре. Лицом к лицу с ней. Ее отрезвляющий приговор: «Девушка сильная. Не следует жениться на такой девушке».

Все то же. «Значит, она не для меня, я знал это. Но ведь не об этом я спрашивал оракула! Зачем нужно было напоминать мне? Скверный жребий выпал мне: встретить ее и влюбиться — и любить до сих пор».

Юлиана — самая красивая из женщин, которых он знал. Черные, как смоль, брови и волосы: следы испанской крови были видны даже в цвете губ. Упругая, неслышная походка: она носила туфли с ремешками, оставшиеся еще со старших классов.

Вообще-то вся ее одежда была какая-то поношенная, казалось старой и застиранной. И он и она были сломлены так давно, что, несмотря на свою внешность, она должна была носить бумажный свитер, старый жакет на молнии, коричневую твидовую юбку и коротенькие носки.

Эта одежда уродовала ее, как она сама говорила, делала ее похожей на женщину, играющую в теннис или (даже хуже) собирающую грибы.

Но главное, что прежде всего в ней привлекало, — это эксцентрическое выражение ее лица с многозначительной улыбкой Моны Лизы. Сила ее обаяния была столь велика, что в большинстве случаев, когда Юлиана плавной походкой проходила мимо, с нею здоровались. Эта ее манера, да еще походка, обычное выражение лица, будто она знает какую-то только ей известную тайну, — все это очень досаждало Френку. Но даже перед разрывом, когда они очень часто ссорились, Френк принимал ее как создание, посланное ему богом. Именно вследствие этого — какой-то религиозной интуиции, веры в нее — он никак не мог смириться с тем, что потерял Юлиану. Казалось, что сейчас она где-то совсем рядом, будто он все еще с ней.

Это ощущение никогда не покидало Френка.

Особенно сильным оно было, когда он брал в руки гороскоп. Перед тем как выйти на улицу и начать свой день, Френк Фринк задумался: а спрашивает ли кто-нибудь еще совета у оракула в этом огромном городе? Все ли получают такое же мрачное предсказание, как и он? И являются ли складывающиеся в этот момент обстоятельства столь же неблагоприятными для них, как и для него?

Глава 2

Мистер Нобусуке Такоми присел, чтобы испросить совета у пророческой пятой книги конфуцианской мудрости, книги, известной еще много столетий назад под названием «Я-Яинг», или «Книга перемен». И все из-за того, что в полдень у него возникли какие-то смутные предчувствия, связанные с мистером Чилданом, встреча с которым должна была состояться через два часа.

Окна нескольких комнат, занимаемых главным представительством на двадцатом этаже в «Ниппон Тайм Билдинг» на Тейлор-стрит, выходили на залив. Через прозрачное стекло огромного, во всю стену окна можно было наблюдать, как суда, скользя под мостом «Золотые Ворота», заходят в бухту. Как раз сейчас, возле острова Алякатрас виднелся сухогруз, но мистер Такоми не проявил к нему никакого интереса.

Он подошел к окну, отвязал шнур и спустил бамбуковые шторы. В главном, центральном, кабинете стало темнее. Теперь ему не нужно было щуриться от яркого света, и его мысли ожили.

Он решил, что, видимо, не в его силах угодить своему клиенту. С чем бы ни пришел мистер Чилдан, на клиента это все равно не произведет особого впечатления. «Придется признать это, — сказал он самому себе. — Но мы, по крайней мере, попробуем не огорчать клиента. Мы можем сделать так, чтобы он не оскорбился безвкусным подарком».

Клиент скоро прилетит в аэропорт Сан-Франциско на новой немецкой скоростной ракете типа «Мессершмитт-ГЕ». Мистеру Тагоми еще ни разу не приходилось летать на таком аппарате. Когда он встретит мистера Бейнеса, он обязан сохранять невозмутимость, какой бы огромной ни оказалась эта ракета.

Надо немного попрактиковаться. Тагоми встал перед зеркалом, которое висело на стене кабинета, придал лицу холодный, слегка скучающий вид и стал внимательно вглядываться в отображение, пытаясь обнаружить на нем следы волнения. «Да, они такие шумные, мистер Бейнес. Совершенно невозможно читать. Но зато весь полет из Стокгольма в Сан-Франциско длится сорок пять минут». Тут бы еще вставить словечко о неполадках в машинах немецкого производства. «Я полагаю, вы слышали сообщение радио о катастрофе над Мадагаскаром. Должен сказать, что то же самое может произойти и со старыми поршневыми самолетами».

Важно избежать разговора о политике, потому что ему ничего не известно о взглядах мистера Бейнеса на спорные проблемы современности. Но такой разговор может возникнуть. Мистер Бейнес, будучи шведом, вероятно, занимает нейтральную позицию. Однако он все-таки предпочел свои авиакомпании. «Один щепетильный вопрос. Мистер Бейнес, говорят, что герр Борман очень сильно болен, что этой осенью на партийном съезде будет избран новый рейхсканцлер. Это слухи? Увы, так много секретности между Тихоокеанией и Рейхом».

Мистер Тагоми достал папку с выдержками из недавней речи мистера Бейнеса, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», и стал критически изучать их, низко склонившись из-за неправильной коррекции его контактных линз. В речи говорилось о необходимости еще раз — в девяносто восьмой? — произвести разведку источников воды на Луне. «Мы еще можем разрешить эту надрывающую сердце проблему, — цитировала газета мистера Бейнеса. — Наша ближайшая соседка пока что совершенно бесполезна для нас, если бросить со счетов военные цели». «Стоп, — подумал мистер Тагоми. — Это, кажется, ключ к мистеру Бейнесу. Так мог выразиться только военный».

Мистер Тагоми взял это на заметку.

Нажав на кнопку интеркома, он проговорил:

— Миссис Эфрикян, пожалуйста, мне хотелось бы, чтобы вы занесли сюда диктофон.

Наружная дверь скользнула в сторону, и появилась миссис Эфрикян. Прическа ее была со вкусом украшена голубыми цветами.

— Еще бы немного сирени, — заметил мистер Тагоми.

Когда-то на родине, на острове Хоккайдо, он был профессиональным цветоводом.

Миссис Эфрикян, высокая, темноволосая армянка, любезно склонилась перед шефом.

— Все готово? — спросил мистер Тагоми.

— Да, мистер Тагоми.

Миссис Эфрикян села и приготовила к работе портативный диктофон на батарейках.

Мистер Тагоми начал:

— Я спросил у оракула: «Будет ли встреча с Чилданом полезной для меня?» и получил, к собственному огорчению, зловещую гексаграмму:

«Преимущество величия. Подпорка, удерживающая шатер, оседает. Слишком большой вес в центре, все неуравновешено».

Магнитофон крутился. Мистер Тагоми задумался. Миссис Эфрикян выжидающе посмотрела на него и выключила запись.

— Пожалуйста, пусть на минутку войдет мистер Рамсей, — произнес мистер Тагоми.

Она поднялась, положила диктофон и застучала каблуками.

Мистер Рамсей появился, держа под мышкой большую папку со счетами и накладными на отправленные грузы.

Молодой, улыбающийся, с аккуратно завязанным галстуком-шнурком в стиле Среднего Запада, в клетчатой рубашке и голубых джинсах на бедрах, столь ценимых ревнителями моды, он бодро приветствовал японца:

— Добрый день, мистер Тагоми. Какой прекрасный день, сэр.

Мистер Тагоми кивнул в ответ. Мистер Рамсей сейчас же встал по стойке смирно и тоже поклонился.

— Я консультировался у оракула, — объяснил Тагоми.

Миссия Эфрикян снова уселась к своему диктофону.

— Видите ли, мистер Бейнес, который, как вам известно, вскоре прибывает, придерживается нордической идеологии в отношении так называемой культуры Востока. Я мог бы попытаться поразить его, чтобы он глубже вник в ее суть, например, с помощью китайской живописи на пергаменте или керамике периода Такуогавы, но это не дело — перестраивать его мировоззрение.

— Понимаю, — согласился мистер Рамсей. Его типичное для представителя белой расы лицо сморщилось от мучительной сосредоточенности.

— Поэтому мы не создадим почвы для предрассудков, если и подарим ему какой-нибудь бесценный предмет американской культуры, произведение народа, близкого его нации и по духу и по крови.

— Да.

— Ваши предки, сэр, американцы. Хотя вы и не погнушались сделать цвет вашей кожи более темным.

Он внимательно посмотрел на мистера Рамсея.

— Это загар кварцевой лампы, — промямлил мистер Рамсей. — Только для того, чтобы запастись витамином Д.

Однако выражение униженности на его лице сразу выдало его попытку хоть чем-то быть похожим на новых хозяев.

— Уверю вас, что я храню подлинную приверженность...

Мистер Рамсей запнулся, не находя нужного слова.

— Я еще не разорвал все связи с этнически близким образом жизни...

Мистер Тагоми обратился к мисс Эфрикян:

— Продолжайте, пожалуйста.

Диктофон снова зажужжал.

— Я получил от оракула гексаграмму двадцать восемь, потом мне еще была указана строка девять на пятом месте, которая гласит: «Высокий тополь выбросил цветы. Более строгая женщина возьмет молодого мужа». Ни порицания, ни похвалы. Это ясно указывает на то, что в два часа мистер Чилдан не предложит нам ничего стоящего...

Мистер Тагоми сделал паузу.

— Давайте будем искренними. Я не могу положиться на свой собственный вкус при выборе произведений американского искусства. Вот почему...

Он помешкал, стараясь найти точное выражение.

— Вот почему вы, мистер Рамсей, являясь, как я сказал, уроженцем этих мест, будете мне необходимы. Наверное, вместе мы сделаем все лучшим образом.

Рамсей молчал. Несмотря на все попытки сохранить самообладание, все черты его лица выдавали боль, гнев, мучительную и безмолвную ненависть.

— Сейчас, — уточнил Тагоми, — мне нужно еще раз посоветоваться с оракулом. Из соображений благоразумия я не могу задать вопрос при вас, мистер Рамсей.

Другими словами эта фраза означала, что ни мистеру Рамсею, ни всем другим «пинки» не позволено участвовать в важных делах, с которыми сталкиваются такие люди, как он, мистер Тагоми.

— Однако уместно сказать, что я получил в высшей степени вызывающий ответ. Он заставил меня очень долго размышлять над ним.

Оба, и мистер Рамсей, и миссис Эфрикян, внимательно следили за ходом его мыслей.

— Мой вопрос относительно мистера Бейнеса, благодаря таинственным деяниям Тао привел к гексаграмме сорок шесть, то есть я получил весьма неплохое суждение, особенно в строчках шесть вначале и девять на втором месте.

Его вопрос состоял в том, успешной ли будет сделка с мистером Бейнесом, и строка девять на втором месте уверяла, что так оно и произойдет. Она гласила: «Если кто-то искренен, то он может ограничиться еще меньшим повышением. Его не осудят».

Очевидно, мистер Бейнес будет удовлетворен любым подарком от главного торгового представительства, врученным ему мистером Тагоми.

Но Тагоми, задавая вопрос, имел в виду нечто более глубокое, нечто, о чем сам догадывался весьма смутно.

Как это часто случалось, оракул постиг сокровенную суть вопроса и, отвечая на высказанный вслух, заодно ответил и на этот подсознательный вопрос.

— Насколько мы знаем, — проронил Тагоми, — мистер Бейнес везет с собой подробный отчет о новых способах литься под давлением, разрабатанных в Швеции. Если нам удастся подписать контракт с его фирмой, мы безусловно сможем заменить многие металлы, которых нам не хватает, пластмассами.

В течение многих лет Тихоокеания пыталась добиться помощи Рейха в области применения синтетических материалов. Однако крупные немецкие химические картели, в частности, «ИГФранбениндастри», не разглашали своих секретов. Они завладели мировой монополией на производство пластмасс, и особенно полиэстера. В связи с этим Рейху удалось сохранить свое преимущество в мировой торговле над Тихоокеанией и опередить Японию в области технологии, по крайней мере, лет на десять.

Межпланетные ракеты, стартовавшие из процветающей Европы, состояли главным образом из пластмасс, очень легких, жаростойких и настолько прочных, что выдерживали столкновение с метеоритами. У Тихоокеании не было ничего подобного. До сих пор здесь применялись природные металлы, а также такие материалы, как дерево и, конечно, металлокерамика.

Тагоми съезжился от благоговейного трепета, представляя на промышленных ярмарках достижения германских заводов, включая автомобили,

сделанные полностью из синтетических материалов, автомобили, продаваемые по цене шестьсот долларов в валюте США.

Но его беспокоил вопрос, который он никогда бы не произнес вслух в окружении «пинки», словно мухи облепивших конторы торговых представительств. Вопрос о другой деятельности мистера Бейнеса, предполагаемой в той шифровке из Токио. Весь текст был зашифрован частотным кодом, характерным для органов безопасности, а не для торговых фирм, представлял собой поэтическую метафору, для того чтобы сбить с толку операторов Рейха, которые прослушивали иностранные передачи и могли расшифровать любое прямое сообщение, независимо от сложности используемого шифра.

Шифруя телеграмму, токийские власти имели в виду именно Рейх, а не вроде бы враждовавшие между собой группировки на родных островах.

Ключевая фраза «Сними сливки с молока, которое он станет пить» была взята из «Цинафоры», жуткой песни, в которой разъяснялась эта ключевая фраза:

«Вещи редко оказываются такими, какими кажутся. Снятая с молока пена часто принимается за сливки».

Тагоми обратился за советом к «Книге перемен». Комментарий к полученной гексаграмме во втором томе разъяснений гласил: «Предполагается, что это сильный человек. В действительности, он не соответствует своему окружению, так как он слишком резок и не обращает внимания на форму. Но если у него прямой характер, он встретит ответное...»

Интуиция подсказывала, что мистер Бейнес совсем не тот, за кого его принимают, истинной целью его приезда в Сан-Франциско вовсе не является подписание контракта о сотрудничестве в сфере применения пластмасс. Вероятнее всего, — шпион.

Но жизненный опыт мистера Тагоми пока что не мог подсказать ему, какого рода шпионом тот является, на кого он работает и ради чего.

* * *

В час сорок пополудни Роберт Чилдан в плохом, сумрачном настроении запер двери своего магазина «Американские художественные промыслы». Он подтащил к краю тротуара тяжелые сумки, позвал педикей и велел китайско-американцу отвезти его к «Ниппон Тайм Билдинг».

Измощенного вида китаец сгорбился над сумками и, пытаясь, стал укладывать их за сиденьем пассажира. Затем он помог самому мистеру Чилдану сесть на покрытое ковриком сиденье, включил счетчик, прикрепленный к собственному седлу, и заработал ногами, набирая скорость, лавируя между автобусами и автомобилями.

Весь день прошел в поисках подходящей вещи для мистера Тагоми. Отчаяние и злость было захлестнуло Чилдана. Но наконец он нашел то, что нужно, его профессионализм не подвел и на этот раз. Мистер Тагоми должен смягчиться, а его клиент, кем бы он ни был, будет вне себя от радости. «Я всегда доставляю удовольствие своим покупателям», — подумал Чилдан. Совершенно сверхъестественным образом ему удалось добыть великолепно сохранившейся экземпляр первого выпуска комикса «Шик-Блеск», изданного еще в тридцатых годах.

Это был изысканный образец так называемой американы: одна из первых забавных книжонок, удачная находка, за которой постоянно охотятся покупатели.

Вначале Чилдан собирался показать другие вещи. Но постепенно он подведет покупателя к этой ценной книжке, скрытой сейчас от посторонних глаз на самом дне кожаной сумки завернутой в шелковистую бумагу.

Радио педикеба повсюду наяривало популярные мелодии, соперничая в громкости с радиоприемниками других кебов, автомобилей и автобусов. Чилдан почти ничего не слышал, он давно к этому привык. Он обращал он внимания и на огромные неоновые панно с рекламой, закрывавшие фасады по существу всех больших зданий. Такое же панно расположилось и на здании его магазина. Вечером на нем вспыхивало ярким светом название его магазина. А каким же другим способом можно было заявить о себе?

Рев радио, шум уличного движения, мелькание рекламы и суeta толпы даже убаюкивали Чилдана. Все это в какой-то степени сглаживало внутреннюю тревогу: К тому же приятно, когда тебя везут, приятно ощущать монотонное колебание коляски. «Это своего рода убаюкивающая машина. Лучше, когда тянут тебя, чем ты сам тащишь бы кого-то», — подумал Чилдан. Хотя и на короткое время, а чувствуешь свое превосходство.

Подавив дремоту, Чилдан встрепенулся: ведь еще столько надо продумать и прикинуть в уме! Надлежащим ли образом он одет для визита в «Ниппон Тайм Билдинг»? Не станет ли ему дурно в скоростном лифте? Но на этот случай у него при себе таблетки от головокружения, немецкие, лицензионные. Различные формы этикета?.. Они ему известны. Порезче, бесцеремонно со швейцаром, лифтером, секретарем в приемной, курьерами, с любым человеком из обслуживающего персонала. Но перед любым японцем, конечно, хоть это и неприятно, нужно раскланиваться сотни раз.

Только вот как вести себя с пинки?

Это была всяма туманная область.

Кланяться, но глядеть прямо сквозь них, как будто их не существует?

Все ли варианты учтены? А как быть с иностранцами? В торговых представительствах можно часто встретить и немцев, и нейтралов. Да, кроме того, можно увидеть и какого-нибудь раба.

Немецкие суда или суда американского Юга почти всегда стоят в порту Сан-Франциско, и черных иногда отпускают в краткосрочные увольнения. Всегда группами, но не больше трех сразу. И задерживаться после полуночи они не имеют права. Даже по законам Тихоокеании они должны соблюдать комендантский час. Рабы заняты и на погрузке в порту. Эти постоянно живут на берегу в бараках под причалами, чуть выше уровня воды.

Они не бывают внутри торговых представительств, но вдруг начнут грузить какие-нибудь товары? Как тогда? Должен ли он сам нести свои сумки в контору мистера Тагоми? Конечно, нет. Нужно обязательно найти раба, даже если для этого придется ждать час, даже если он пропустит время свидания. Невозможно допустить, чтобы какой-нибудь раб увидел, как он несет что-то своими руками. Надо быть очень осторожным. Такого рода ошибки могут дорого стоить: он уже никогда не сумеет занять хоть какое-то положение среди тех, кто это заметит.

«Хотя в принципе, — подумал Чилдан, — мне бы даже доставило удовольствие среди бела дня войти в «Ниппон Тайм Билдинг» с сумками в руках. Великолепно. В сущности, в этом нет ничего противозаконного: в

тюрьму за это не посадят. Зато я поступил бы как настоящий мужчина. Но... если бы не эти чертовы рабы, снующие вокруг, как тени! Я мог бы пережить презрение тех, кто стоит выше меня, ведь они и так презирают меня, унижая ежедневно. Но чтобы увидели те, кто ниже, на себе ощутить их жалость? Вот вроде этого китаезы, который крутит педали впереди: что, если бы он увидел, что я не нанял педикейб, а отправился пешком на деловую встречу?»

В какой-то мере за создавшееся положение следовало бы упрекнуть немцев, за их стремление откусить больше, чем они могут проглотить.

В конце концов, им едва удалось победить в войне, а они уже принялись за завоевание Солнечной системы, издавая в то же время у себя дома приказы, согласно которым... Что ж, во всяком случае, идея сама по себе хороша. И ведь они все-таки добились успеха в борьбе с евреями, цыганами и другими народами. Славян они отбросили назад на добрые две тысячи лет, на их прародину где-то в центре Азии, пусть себе ездят верхом на яках и охотятся с луком и стрелами.

А эти огромные глянцево-журналы, которые печатаются в Мюнхене и заполняют все библиотеки и газетные киоски, — каждый может увидеть на цветных снимках во всю страницу, как голубоглазые белокурые арийцы на новейшей индустриальной основе пашут, сеют, убирают урожай и так далее в этом бездонном резервуаре пшеницы, который представляет из себя Украина.

Эти ребята определенно выглядят счастливыми, а их фермы и домики — очень чистенькими.

Уже больше не видно фотографий пьяных поляков, отупевших, уныло ссутулившихся перед своими покосившимися развалюхами, либо налетающих как саранча на гнилую репу среди деревенского базара. Все это уже достояние прошлого, так же как и грязные, разбитые дороги, которые превращаются в сточные канавы, как только пройдет дождь, и в которых утопают примитивные деревенские телеги.

Африка... Вот уж здесь они дали волю своей энергии, и можно только восхищаться этим, хотя и не мешало бы предостеречь их, осторожно намекнуть, что с этим, мол, можно было бы немного и подождать, ну хотя бы до тех пор, пока не завершится проект «Фармланд».

Вот где наци продемонстрировали свой гений, где проявился присущий им артистизм!

Средиземное море закуперено, высушено, превращено в обрабатываемые земли при помощи атомной энергии — вот это дерзость. Как были посрамлены различные скептики, и среди них, например, насмешники торговцы с Монтгомери-стрит. Да ведь, по существу, и Африка была успешным предприятием; но при начинаниях такого рода, как правило, появляются злопыхатели. Ссылаются на широко известную брошюру Розенберга. Именно там впервые прозвучали слова: «Что же касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей. К несчастью, однако...»

Однако для того, чтобы избавиться от аборигенов Америки, понадобилось два столетия, а германцы в Африке почти добились того же за пятнадцать лет. Поэтому не следовало бы заниматься милосердием. Об этом Чилдан не раз спорил за обедом с коллегами. Им, вероятно, хотелось бы чуда, как будто наци могли переделать весь мир по мановению волшебной палочки. Нет, их союзниками были наука, техника и этот ска-

зочный талант упорно трудиться. Немцы никогда не гнушались никакой работы. И уж если они за что-то брались, то брались как следует.

А потом полеты на Марс отвлекли мир от неприятностей в Африке. Так что он снова и снова говорил своим коллегам — владельцам магазинов: у нас есть все, чего недостает нам? Благородная мечта, которая первыми привела нас на Луну, а потом и на Марс, — разве это не древнейшее и сокровеннейшее стремление человечества, наша высочайшая мечта о величии?

А что же, с другой стороны, японцы? Я знаком с ними очень хорошо, и я с ними торгую. Так вот: они — откроем же глаза — люди Востока, желтые люди. Нам, белым, приходится кланяться перед ними только потому, что у них власть. Но посмотрите на Германию — это совершенство. Когда управляют белые — это совсем не то, что власть желтых.

— Скоро «Ниппон Тайм Билдинг», сэр, — проговорил китаец, тяжело дыша после подъема на холм и замедляя ход.

Чилдан попытался представить себе клиента мистера Тагоми. Ясно, что это очень важная шишка. Тон мистера Тагоми, его чрезвычайное волнение при разговоре подтверждали этот факт.

Образ одного человека всплыл у него перед глазами: это был один из самых важных клиентов Чилдана, который помог ему завоевать хорошую репутацию у высоких лиц, обитавших в районе залива.

Четыре года назад Чилдан не был продавцом редкостей и реликвий и не пользовался такой известностью, как сейчас. Он держал небольшую, весьма сомнительную лавочку подержанных книг в Гири. В соседних магазинах продавали старую мебель, скобяные изделия. Тут же находились второразрядные прачечные. Вряд ли это было достойное окружение. По вечерам случались ограбления и мародерство, несмотря на все усилия со стороны городского полицейского управления и поставленного над ним японского Кемпетай.

Чтобы избежать взлома, на витрины всех магазинов после закрытия опускались металлические ставни. В этот район как-то и забрел пожилой японец, отставной майор Ито Хумо.

Седовласый, стройный, с отменной выправкой и гордой походкой, мистер Хумо первый намекнул Чилдану, какого рода торговлей он мог бы заняться.

— Я коллекционер, — объяснил мистер Хумо.

Он провел добрых полдня, роясь в горах старых журналов на прилавке, и рассказал о том, что у многих состоятельных культурных японцев исторические предметы народного быта американцев вызывают такой же интерес, как и обычный антиквариат. Почему так случилось, майор и сам не знал. Он, например, помешался на собрании американских медных пуговиц. Другие коллекционировали монеты или почтовые марки, и невозможно было объяснить страсть к тому или иному собранию. Богатые коллекционеры, не скупясь, платили втридорога.

— Приведу вам пример, — проворковал майор. — Вы знаете такие карточки — «Ужасы войны»?

Хумо алчно взглянул на Чилдана.

Напрягая память, Чилдан все-таки вспомнил. Карточки продавались во времена его детства, вместе с надувными шарами, по центу за штуку. Это была целая серия, каждая карточка изображала какой-нибудь отдельный эпизод войны.

— Один из моих самых близких друзей собирает «Ужасы войны», — продолжал майор. — Теперь ему не хватает всего одной карточки «Гибель крейсера «Панай»». Он предлагает весьма солидную сумму за эту карточку.

— Кувыркающиеся карточки, — неожиданно проговорил Чилдан.

— Что?

— Мы шелкали по ним, и они летали.

Тогда ему было восемь лет.

— Каждый из нас обладал одной колодой. Мы становились попарно лицом друг к другу и бросали карточки так, чтобы они кувыркались в воздухе. Мальчик, чья карточка падала лицом вверх, то есть той стороной, на которой отпечатана картинка, выигрывал обе карточки.

Чилдан с удовольствием вспомнил эти прекрасные дни, счастливые дни раннего детства.

Мистер Хумо задумчиво произнес:

— Я часто слышал рассуждения моего друга о карточках «Ужасы войны», но он никогда не говорил ничего похожего. У меня такое впечатление, что он и не знал, для чего использовались эти карточки на самом деле.

Через некоторое время друг майора появился в лавке, чтобы из первых рук получить историческую информацию. Этот человек, тоже офицер императорской армии, был восхищен.

— А крышечки от бутылок! — без предупреждения воскликнул Чилдан.

Японец заморгал, не понимая, о чем идет речь.

— Мы когда-то собирали колпачки от молочных бутылок. В детстве. Круглые крышечки с названием молочного магазина. В Соединенных Штатах были тысячи молочных магазинов, каждый печатал свою собственную крышечку.

Глаза офицера заблестели:

— И у вас остались какие-нибудь коллекции?

Естественно, что таковой у Чилдана не имелось, но, вероятно, у кого-то сохранились давно забытые колпачки — напоминание о довоенных временах, когда молоко продавалось в стеклянных бутылках, а не в одноразовых картонных пакетах.

Вот так постепенно он втянулся в этот бизнес. За ним и другие стали открывать подобные магазины, пользуясь все возрастающим помешательством японцев на американе, но Чилдан всегда старался быть впереди.

— Стоимость вашего проезда — один доллар, — прервал его воспоминания китаец. Он выгрузил сумки и стал ждать.

Чилдан рассеянно уплатил. «Да, весьма возможно, что клиент мистера Тагоми напоминает мистера Хумо».

Ему приходилось иметь дело с такими японцами... но он каждый раз испытывал трудности, когда нужно было отличить одного от другого. Среди них встречались невысокие, коренастые, похожие на борцов, а некоторые молодые, с точки зрения Чилдана, и вовсе не походили на японцев. Клиент мистера Тагоми скорее всего окажется полным, представительным бизнесменом, курящим филиппинскую сигару.

Вдруг, уже стоя среди своих сумок на тротуаре возле «Ниппон Тайм Билдинг», Чилдан с ужасом подумал: а если клиент вовсе не японец! Все, что он подобрал в своих сумках, было рассчитано на них, на их вкусы.

Нет, он непременно будет японцем: не зря же Тагоми сначала заказал вербовочный плакат времен Гражданской войны. Только японец может за-

интересоваться таким хламом. Типичная для них мания ко всему обыденному, канцелярски бюрократическому — документам, воззваниям, объявлениям. Чилдан вспомнил одного, который весь свой досуг отдавал собиранию объявлений и газетных вырезок до 1919 года, посвященных американским патентованным лекарствам.

Ладно, его ждут и другие проблемы, более насущные. В высокие двери «Ниппон Тайм Билдинг» входило множество хорошо одетых мужчин и женщин. Чилдан двинулся вперед. Быстрый взгляд вверх, на возвышающееся над ним здание, самое высокое в Сан-Франциско. Стена из окон: сказочный замысел японских архитекторов. И окружающий ее сад из карликовых вечнозеленых кустарников, скал, альпийской горки, песка, имитирующего русло высохшего ручья среди корней и простых плоских камней неправильной формы...

Чилдан заметил свободного черного носильщика и тут же позвал его.

Черный на цыпочках, улыбаясь, бросился к нему.

— Двенадцатый этаж, — как можно грубее сказал Чилдан. — В контору В, да поживее.

Жестом он указал на сумки и небрежно направился к входу, естественно, не оглядываясь.

Через мгновение его вместе с толпой внесло в кабину одного из скоростных лифтов.

Вокруг были в основном японцы. Их чистые лица сияли в ослепительном свете кабины. Тут началось вызывавшее тошноту ускорение, частые щелчки пронесившихся мимо дверных проемов. Чилдан закрыл глаза, стараясь как можно тверже держаться на ногах, моля бога, чтобы этот полет побыстрее кончился.

Черномазый, конечно, забрал сумки в служебный лифт. То, что он окажется в этой же кабине, было за гранью воображения. По сути — Чилдан открыл на мгновение глаза — он был одним из немногих белых в кабине.

Когда лифт выпустил его на двенадцатом этаже, Чилдан уже мысленно раскланивался, подготавливая себя к встрече в кабинете мистера Тагоми.

Глава 3

Глядя на заходящее солнце, Юлиана Фринк увидела сверкающую точку, описавшую широкую дугу и исчезнувшую на западе. «Один из ракетных кораблей наци, — сказала она себе. — Летит к побережью, полный важных шишек, а я здесь, внизу». Она помахала рукой, хотя корабль уже исчез из виду.

Со стороны Скалистых гор надвигались тени. Голубые вершины погружались в темноту. Параллельно горам пролетала стая перелетных птиц. То тут, то там мелькали автомобильные фары — вдоль дороги вытягивались парные точки. Огни бензоколонки. Дома.

Вот уже несколько месяцев она живет в Канон-Сити, штат Колорадо, и работает здесь инструктором дзюдо.

Рабочий день закончился, и Юлиана готовилась принять душ. Она сегодня устала.

Все душевые были заняты, и поэтому ей пришлось немного постоять на улице, наслаждаясь прохладой, горным воздухом и тишиной. Единств-

венное, что нарушало тишину — это слабый гул со стороны закусочной, которая находилась у обочины дороги, чуть поодаль.

Возле нее торчали два огромных дизельных грузовика, и в полумраке можно было различить водителей, натягивающих на себя кожаные куртки перед тем, как войти в закусочную.

«Дизел утонул во время путешествия через океан, кажется, выбросился из окна своей отдельной каюты, — подумала она. — Возможно, и мне следует поступить так же. Но здесь нет океана. Хотя всегда существуют варианты. Как у Шекспира. Воткнуть острую финку прямо через кофту, и прощай, Юлиана Френк. Девушка, которой не нужно бояться бездомных бродяг в пустыне и которая прекрасно знает все способы, как искалечить брызжущего слюной противника. Смерть, вместо того чтобы всю жизнь через соломинку вдыхать выхлопные газы в этом городишке у оживленного шоссе».

Она переняла это у японцев. Это спокойное отношение к смерти, так же как и возможность зарабатывать на жизнь с помощью дзюдо. Как убивать и как умирать.

Свет и мрак восточной этики.

Но все это в прошлом. Здесь страна протестантская.

Хорошо, что эти ракеты наци проносятся над головой, а не садятся рядом, не находя ни малейшего интереса в Канон-Сити, Колорадо, а также в штатах Юта и Вайоминг и в восточной части Невады. Ни в одном из этих необжитых штатов, кажущихся огромными пустынными пастбищами. Мы не представляем из себя ценности, — сказала она себе. — У нас есть возможность тихо жить самим по себе, если нам захочется, если это имеет для нас какой-то смысл».

Послышался звук открываемой двери одной из душевых, из которой вышла хрупкая, хорошо сложенная девушка, мисс Дэвис, уже одетая, с сумочкой под мышкой.

— О, вы ждали, миссис Фринк? Извините меня.

— Ничего, не беспокойтесь, — ответила Юлиана.

— Вы знаете, миссис Фринк, я стольким обязана дзюдо. Мне думается, даже большим, чем дзен.

— Поджимайте губы способом дзен, — сказала Юлиана. — Теряйте в весе посредством безболезненных упражнений. Извините меня, мисс Дэвис. Я такая рассеянная. Я не хотела обидеть вас.

— Они очень навредили вам? — спросила мисс Дэвис.

— Кто?

— Япошки. Прежде, чем вы научились защищаться?

— Это было ужасно, — подвела Юлиана. — Вы ведь никогда не бывали на побережье, там, у них?

— Нет, я никогда не выезжала из Колорадо.

Юлиана задумалась.

— Это могло произойти и здесь. Этот район они ведь тоже могли оккупировать!

— Но теперь-то уж поздно!

— Никогда не известно, что они готовят, — прервала ее Юлиана. — Они так умело скрывают свои замыслы.

— Что они заставляли вас делать?

Мисс Дэвис, прижав сумку обеими руками к телу, придвинулась поближе, чтобы не упустить ни слова.

— Все, — ответила Юлиана.

— О боже! Я бы сопротивлялась, — выдохнула мисс Дэвис.

Юлиана извинилась и вошла в освободившуюся кабину — приближался кто-то еще с полотенцем в руке.

Потом она сидела в закусочной «Вкусные жареные бифштексы Чарли», перечитывая в который раз меню. Автомат в углу играл мелодию в стиле кантри: банджо и чувствительно-сдавленные стоны. В воздухе стоял тяжелый запах жареного сала. И все же, несмотря ни на что, в закусочной было тепло и уютно, у Юлианы поднялось настроение. Юлиана осмотрелась: водители грузовиков сидели у стойки, сновала официантка, массивный повар-итальянец в белом пиджаке отсчитывал мелочь в кассе.

Завидев ее, Чарли подошел, чтобы лично принять заказ. Улыбаясь, он проговорил, растягивая слова:

— Миссис, хо-о-оти-и-ите чаю?

— Кофе, — сдержанно ответила Юлиана.

— Да, да, — сказал Чарли, склоняясь перед ее столиком.

— И сандвич с горячим бифштексом и соусом.

— Может, козьи мозги, поджаренные на оливковом масле, и черепаховый суп?

Двое водителей, повернувшись на высоких стульях, ухмыльнулись шутке и вдобавок успели заметить, какая Юлиана привлекательная. И хотя она не подняла глаз на шутника-повара, она чувствовала, что шоферы внимательно ее рассматривают.

Она знала, что многие месяцы занятий дзюдо пошли на пользу ее фигуре, она находится в хорошей форме и может нравиться мужчинам.

«И все это благодаря мышцам плечевого пояса, — подумала она, перехватив их взгляды. — Такое же сложение у танцовщиц. И дело здесь не в размере бюста. Посылайте своих жен в гимнастический зал, и мы их переделаем. И у вас будет гораздо больше удовольствий в жизни».

— Держитесь от нее подальше.

Повар подмигнул шоферам.

— А не то она зашвырнет вас в ваши жестянки.

— Откуда вы? — спросила она у более молодого водителя.

— Из Миссури, — ответили оба.

— Из Соединенных Штатов? — удивилась Юлиана.

— Да, — подтвердил шофер постарше. — Я вот из Филадельфии. Там у меня трое ребятишек, старшему одиннадцать.

— Послушайте, — перебила Юлиана. — Там действительно легко найти хорошую работу?

Водитель помоложе ответил:

— Конечно. Если у вас подходящий цвет кожи.

У него самого было смуглое вытянутое лицо и курчавые жесткие волосы. Глаза его застыли и стали жесткими.

— Он «воп», — пояснил старший. Так называли итальянцев презиравшие их коренные жители восточных штатов.

«Итальяшка?» — удивилась Юлиана.

— А разве Италия не победила в войне?

Она улыбнулась молодому водителю, но ответной улыбки не последовало. Вместо этого он еще яростнее сверкнул глазами и неожиданно отвернулся.

«Извини меня, — подумала она, но вслух ничего не сказала. Я не могу спасти ни тебя, ни кого-нибудь другого, от того, что вы смуглые». Она вспомнила о Френке. — «Интересно, жив ли он еще? Может, сказал что-то невпопад, что-нибудь не так сделал... Нет, — подумала она. — В какой-то мере ему же правятся японцы. Возможно, он чувствует себя похожим на них. Они ведь такие же некрасивые, как и он».

Она всегда говорила Френку, что он противный. Крупные поры на лице, большой нос. У нее самой была очень гладкая и красивая кожа, даже чересчур. «Неужели он там погиб без меня? Финк — это зяблик, мелкая пташечка. Говорят, что мелкие птицы живут не долго».

— Вы отправляетесь нынче же вечером? — поинтересовалась она у итальянца.

— Завтра.

— Если вы так несчастны в Соединенных Штатах, почему бы вам не переехать сюда навсегда? — предложила она. — Я уже давно живу на Среднем Западе, и здесь не так уж плохо. Раньше я жила на побережье, в Сан-Франциско. Вот там цвет кожи значил гораздо больше.

Сгорбившись у стойки, водитель бросил на нее сердитый взгляд.

— Леди, провести хотя бы один день или одну ночь в такой дыре, как эта, — уже само по себе несчастье. А жить здесь? Господи, если бы мне удалось найти какую-нибудь другую работу, а не торчать все время на дорогах и не обедать в таких забегаловках!

Заметив, что повар побагровел, он замолчал и принялся цедить кофе. Водитель постарше заметил ему:

— Джо, ты — сноб.

— Вы могли бы жить в Денвере, — продолжала Юлиана. — Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, американцев с Востока, — подумала она. — Вам по душе великие перемены и грандиозные начинания. Эта скалы для вас, как палки в колеса. Здесь ничего не изменилось с довоенных лет. Удалившиеся на покой старики, фермеры, а все ребята попроворнее, как перелетные птицы, устремляются на восток — в Нью-Йорк, всеми правдами и неправдами пересекая границу. Потому что именно там настоящие деньги, постоянный рост капитала. Немецкие капиталовложения пошли на пользу им не понадобилось много лет на восстановление Соединенных Штатов».

— Приятель, — грубовато прохрипел повар, — я отношусь к тем, кто любит евреев. Я видел некоторых евреев-беженцев. Они спасались из ваших Соединенных Штатов. И если там снова строительный бум и кучи свободных денег, то только потому, что их украли у этих евреев, когда им дали пинка под зад в Нью-Йорке, согласно тому чертовому Нюрнбергскому декрету наци. Я мальчишкой жил в Бостоне, и евреи мне были до лампочки, но я никогда не думал, что доживу до того дня, когда в Штатах будут введены расистские законы наци, пусть мы и проиграли войну. Удивляюсь, что ты еще не в армии этих Соединенных Штатов и не готовишься напасть на какую-нибудь маленькую южноамериканскую республику, давая Германии предлог немного потеснить японцев назад к...

Оба водителя вскочили со своих мест, лица их побелели. Старший схватил со стойки бутылку с томатным соусом и выставил ее перед собой.

Повар, пятясь, нащупал одну из вилок, которыми он переворачивал мясо на сковороде, и приготовился к обороне.

— Сейчас в Денвере строят огнестойкую взлетно-посадочную полосу, — как ни в чем не бывало произнесла Юлиана, — так что скоро ракеты Люфтваффе смогут садиться и там.

Все трое молчали и не двигались. Остальные посетители закусочной замерли в тишине.

Наконец повар произнес:

— Как раз перед закатом над нами пролетела одна такая ракета.

— Это не в Денвер, — уточнила Юлиана. — Она шла на запад, куда-то на побережье.

Постепенно обстановка разрядилась, и оба водителя снова уселись.

— Я всегда забываю о том, — пробормотал старший, — что все они здесь немного пожелтели.

— Ни один япошка не убивал евреев ни во время войны, ни после, — сказал повар. — Да и печей японцы не строили.

— Ну и очень плохо, что не строили, — ответил старший.

Он принялся за свою еду.

«Пожелтели... — повторила мысленно Юлиана. — Да, по-моему, это верно. Поэтому нам нравятся японцы».

— Где вы собираетесь остановиться на ночь? — обратилась она к итальянцу Джо.

— Не знаю, — ответил тот. — Я только что вылез из кабины и зашел сюда. Мне что-то не нравится весь этот штат. Наверное, лягу в грузовике.

— Мотель «Пчелка» не так уж плох, — подсказал повар.

— О'кей, — отозвался молодой человек. — Возможно, я там и остановлюсь, если не будут возражать против итальянца.

Он говорил с явным акцентом, хотя и старался скрыть это.

Наблюдая за ним, Юлиана пыталась понять причину его ожесточения.

«Он слишком многого требует от жизни, все время в движении, нетерпеливый и всегда чем-то угнетенный, — решила она. — И я такая же. Я не смогла жить на Западном побережье и, может статься, не удержусь и здесь. А разве не такими были люди раньше? Хотя с тех пор, — подумала она, — границы переместились на другие планеты».

И тут ее озарило: «А ведь и он, и я могли бы записаться на один из этих воздушных кораблей для колонистов. Но немцы не пустят его из-за цвета кожи, а меня — из-за цвета волос. Ясно, что они предпочтут этих бледных, тощих нордических дам — эсэсовские ведьмы, которых воспитывают в замках Баварии... А этот парень, Джо, даже не может придать своему лицу надлежащее выражение. Ему следовало бы принять холодный, невозмутимый вид, будто он ни во что не верит и все же каким-то образом обладает абсолютной верой. Да, они именно такие. Они не идеалисты, подобно Джо или мне, они циники с абсолютной верой. Это какой-то дефект мозга, вроде лоботомии, увечия, которое используют немецкие психиатры взамен психотерапии».

Она решила, что все затруднения начинаются с проблемы секса. Человечество запуталось в нем еще в тридцатые годы, и с тех пор все пошло наперекосяк. Гитлер вступил в связь со своей — кем она ему приходилась — сестрой, теткой, племянницей? А в его семье и до этого уже были родственные связи: его мать и отец были двоюродными. Они все совершили

кровосмешения, возвращаясь к первородному греху возжелания своих собственных матерей. Именно поэтому у них, у этих отборных эсэсовских бестий, такие ангельские глупо-жеманные улыбки, такая белокуро-детская невинность. Они берегут себя для мамы или друг для друга».

А кто же для них эта мама? Интересно.

Лидер, герр Борман, который, как предполагают, вот-вот умрет? Или тот, что...

Старый Адольф, который, должно быть, в каком-то санатории доживает свой век, пораженный сифилисом мозга, и который вспоминает свое детство, дни бедности, когда он бездельничал в Вене: длинное черное пальто, грязное белье, ночлежка.

Очевидно, это злобно-язвительная месть самого Господа. Ну прямо как в стародавнем немом кино. Этот жуткий человек поражен внутренней грязью, задохнулся в собственных нечистотах. История наказывает людской порок.

Самым жутким из всего этого является то, что нынешняя Германская империя есть продукт этого неизлечимо больного — мозга: сначала одна партия, потом одна нация, и наконец полмира. И сами наци поставили диагноз: всему миру известно, что этот шарлатан-гомеопат, который лечит Гитлера, раньше был специалистом-венерологом. Тем не менее бессвязная болтовня лидера является для всех святой, служит священным Писанием.

Убеждения, которые заразили всю земную цивилизацию, блондинки-наци слепо спешат занести и на другие планеты. Эти семена зла сеют повсюду скверну и заразу.

Вот вам награда за кровосмешение: безумие, слепота, смерть.

Бррр! Юлиана встрепнулась.

— Чарли, — позвала она повара. — Вы уже справились с моим заказом?

Она почувствовала себя совершенно одинокой. Встав из-за стола, пошла к стойке и уселась возле кассы.

Никто не обратил на это внимание, кроме водителя-итальянца. Он не сводил с нее своих черных глаз. «Джо, так его, кажется, зовут. Кто он?» — ей стало интересно.

Сейчас, вблизи, он не казался ей таким уж молодым. Его возраст было трудно определить: мешала та напряженность, которая исходила от него.

Он то и дело проводил рукой по волосам, как бы зачесывая их назад огрубелыми кривыми пальцами. «В этом человеке что-то есть, — подумала она. — От него веет дыханием смерти». Это огорчало Юлиану, но вместе с тем и влекло к нему. Водитель постарше наклонился к Джо и что-то прошептал ему на ухо. Затем они оба внимательно посмотрели на нее, на этот раз таким взглядом, в котором был не только обычный интерес к красивой женщине.

— Миссис, — обратился старший. — Вы знаете, что это такое?

В руках у него появилась не слишком большая плоская белая коробка.

— Да, — сказала Юлиана, — чулки из синтетической ткани, которую делает только один огромный картель в Нью-Йорке, «ИГ Фрабен». Очень дорогие и редкие.

— Вы угадали, все-таки сама идея монополий не так уж плоха.

Старший из шоферов передал коробку своему компаньону, который подтолкнул ее локтем по прилавку к женщине.

— У вас есть автомобиль? — спросил итальянец.

Он допил кофе.

Из кухни появился Чарли. В руках у него дымилась тарелка с ужином для Юлианы.

— Вы могли бы отвезти меня куда-нибудь?

Острые, жгучие глаза продолжали изучать ее, и она забеспокоилась, хотя и чувствовала себя словно прикованной к своему месту.

— В этот мотель или куда-нибудь, где я смог бы переночевать. Ну как?

— Ладно, — согласилась Юлиана. — У меня есть автомобиль, старый «студебеккер».

Повар взглянул на нее, затем на молодого водителя грузовика и поставил тарелку перед ней на стойку.

* * *

Громкоговоритель в конце прохода объявил:

— Ахтунг, майне дамен унд хэррен!

Мистер Бейнес приподнялся в кресле и открыл глаза. Через иллюминатор справа он различил далеко внизу коричневый и зеленый цвет суши, а за ней голубой — Тихого океана. Он понял, что ракета нача... спуск.

Сначала по-немецки, затем по-японски и только после этого по-английски из громкоговорителя последовало разъяснение, что курить или вставать со своего сиденья запрещается.

Спуск займет всего восемь минут.

Включились тормозные двигатели, так внезапно и с таким шумом неистово трясся корабль, что у большинства пассажиров перехватило дух. Мистер Бейнес улыбнулся пассажиру, сидевшему через проход рядом. Молодой человек с коротко подстриженными волосами улыбнулся в ответ.

— Зи фюрхтен дас... — начал он.

Мистер Бейнес тотчас же сказал по-английски:

— Простите меня, я не говорю по-немецки.

Молодой человек вопросительно взглянул на него и то же самое повторил по-английски.

— Вы не знаете немецкого? — удивился молодой человек, говоря по-английски с сильным акцентом.

— Я — швед, — сказал Бейнес.

— Вы сели в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии по делу. Мой бизнес заставляет меня бывать во многих странах.

Было совершенно очевидно, что этот молодой немец никак не мог поверить тому, что кто-то в современном мире, тем более тот, кто занимается международными сделками и позволяет себе летать на новейших ракетах Люфтваффы, не может или не хочет говорить по-немецки. Он спросил Бейнеса:

— В какой отрасли вы работаете, майн херр?

— Пластмассы, полиэстеры, резина, полуфабрикаты для промышленного использования. Понимаете? Не для товаров широкого потребления.

— Швеция производит пластмассы?

В голосе немца звучало недоверие.

— Да, и очень хорошие. Если вы сообразовите назвать свое имя, я отправлю вам по почте рекламные проспекты фирмы.

Мистер Бейнес вынул авторучку и записную книжку.

— Не беспокойтесь, это будет пустой тратой времени. Я художник, а не коммерсант. Возможно, вы видели мои работы. На континенте. Алекс Лотце.

— К сожалению, я почти незнаком с современным искусством. Мне нравятся старые довоенные абстракционисты. Я люблю картины, в которых есть какой-то смысл, а не просто изображения чужих идеалов.

Мистер Бейнес отвернулся.

— Но ведь задача искусства — возвышать духовное начало в человеке над чувственным! — воскликнул Лотце. — Ваше абстрактное искусство представляло период духовного декадентства или духовного хаоса, обусловленного распадом общества, старой плутократии. Еврейские и европейские миллионеры, этот международный союз поддерживал декадентское искусство. Те времена прошли, искусство же должно развиваться, оно не может стоять на месте.

Бейнес вежливо кивнул, глядя в иллюминатор.

— Вы бывали в Тихоокеании прежде? — поинтересовался Лотце.

— Неоднократно.

— А я нет. В Сан-Франциско выставка моих работ, устроенная ведомством доктора Геббельса при содействии японских властей. Культурный обмен на основе взаимопонимания и доброжелательства. Мы должны смягчить напряженность между Востоком и Западом. Не так ли? У нас должно быть больше общения, и искусство может помочь в этом.

Бейнес кивнул.

Далеко внизу сверкнуло огненное кольцо: город Сан-Франциско и залив.

— А где можно хорошо поесть в Сан-Франциско? — снова заговорил Лотце. — На мое имя заказан номер в «Палас-отеле», но, насколько я понимаю, хорошую еду можно найти и в таком международном районе, как Чайнтаун.

— Да, верно, — подтвердил Бейнес.

— А цены в Сан-Франциско высокие? На этот раз у меня совсем немного денег. Министерство очень бережливо. — Лотце рассмеялся.

— Все зависит от того, по какому курсу вам удастся обменять деньги. Я полагаю, у вас чеки Рейхсбанка. В таком случае я предлагаю вам поменять их в Банке Токио на Самсон-стрит.

— Данке шен, — поблагодарил Лотце. — Но я бы скорее всего поменял их прямо в гостинице.

Ракета стремительно приближалась к земле. Уже стали видны взлетное поле, ангары, автострада, ведущая в город, дома.

Сверху открывался красивый вид: горы, и вода, и клочья тумана, плывавшие над «Золотыми Воротами».

— А что это за огромное сооружение? — поинтересовался Лотце. — Оно только наполовину закончено, одна сторона совершенно открыта. Космопорт? Я думал, что у японцев нет космических кораблей.

— Это бейсбольный стадион «Золотой мак», — ответил Бейнес с улыбкой. Лотце рассмеялся.

— Действительно, ведь они обожают бейсбол! Невероятно. Затеять строительство такого гигантского сооружения для совершенно пустого занятия, ради праздной и бессмысленной траты времени на спорт.

Бейнес прервал его:

— Строительство уже закончено. Стадион открыт с одной стороны. Новый стиль. Они очень гордятся им.

— У него такой вид, — произнес Лотце, — будто его проектировал еврей. Бейнес пристально посмотрел на него.

На мгновение ему показалось, что в этой немецкой голове произошел явный психический сдвиг.

Неужели Лотце и вправду придавал значение сказанному, или это просто ничего не значащая фраза?

Ракета приземлилась.

— Надеюсь, мы еще встретимся в Сан-Франциско? — улыбнулся Лотце — Мне будет очень не хватать соотечественника, с которым можно было бы поговорить по душам.

— Я вам совсем не соотечественник, — возразил Бейнес.

— О да, конечно. Но в расовом отношении мы очень близки. Да и во всех других отношениях.

Лотце заерзал в кресле, готовясь к тому, чтобы отстегнуться.

«Неужели меня что-то роднит с этим человеком? — недоумевал Бейнес. — Что нас сближает? Может, и у меня психический сдвиг?

Мы живем в умственно неполноценном мире, у власти — безумцы. Как давно мы столкнулись с этим, осознали это? Сколько среди нас это понимают? Разумеется, Лотце не входит в это число. Но, пожалуй, если понимаешь, что ты сумасшедший, значит, ты еще не до конца сошел с ума. Наконец-то в нас просыпается рассудок. К сожалению, пока еще совсем немногие осознают горькую истину. А массы? Что думают они? Кажется, что они живут в психически здоровом обществе? Или у них все-таки бывают проблески сознания, смутные догадки?

А в чем, собственно, заключается безумие властей предрежащих? Что я имею в виду? Это их духовная слепота, преступное отсутствие ответственности за судьбы других, непонимание силы разрушения, причиной которого они стали и являются сейчас. Они игнорируют реальность! И не только это. Посмотрим на их планы. Завоевание космоса и планет. Завоевание, подобное захвату Африки, Европы — в космических масштабах. Их не волнует ни какой-нибудь отдельный человек, ни даже ребенок. Их будоражат только абстрактные понятия: Фольк, Ланд, Блют, Эрде. Абстрактное для них реально, реальность невидима. Они вне времени и пространства. Глядя сквозь настоящее, сквозь окружающую их действительность, они видят только черную бездну неизменного. И это имеет самые роковые последствия для всего живого.

Изначально в космосе летали лишь частички пыли, горячие пары водорода и ничего более. Так было, и скоро так будет. Мы — это только промежуток между двумя этими состояниями вселенной. Космический процесс убыстряется, сокращая жизнь, превращая живую материю либо в гранит, либо в метан. А эти безумцы активно способствуют этому. Они хотят быть движущей силой, а не жертвами истории. Они отождествляют себя с богом и верят в собственное могущество. И это главное их безумие. Они одержимы одной идеей, сверхидеей. Чего они не могут уразуметь — это беспомощности человека. Я слаб, я мал. Вселенной до меня нет никакого дела. Она не замечает меня. Я продолжаю вести незаметную жизнь. Но почему это плохо? Разве это не лучше? Кого боги замечают, того они уничтожают. Будь невелик, и ты избежишь ревности сильных».

Отстегнув ремень, Бейнес проговорил:

— Мистер Лотце, я никогда никому еще не говорил: я — еврей. Понимаеете?

Лотце взглянул на него с недоверием.

— Вы об этом никогда бы не догадались, потому что внешне я несколько не похож на еврея. Я изменил форму носа, уменьшил свои сальные железы, кожа моя осветлена химически, изменена форма черепа. Короче, по внешним признакам я не могу быть разоблачен. Я вхожу в самые высшие сферы нацистского общества и часто бываю там. Никто до сих пор меня не разоблачил.

Бейнес помолчал, потом как можно ближе придвинулся к Лотце и сказал так тихо, чтобы услышал только он:

— И там есть еще такие же, как я. Вы слышите? Мы не умерли. Мы все еще существуем и незаметно продолжаем жить.

Лотце был ошарашен.

— Служба безопасности...

— Эс Де может проверить мое досье, — перебил Бейнес. — Если вы захотите донести на меня, предупреждаю — у меня очень сильные связи. Некоторые мои друзья — арийцы, другие — такие же евреи — занимают высокие посты в Берлине. На ваш донос не обратят внимания, а я через некоторое время сам донесу на вас, и благодаря этим же моим связям вы окажетесь под Защитной опекой.

Он поклонился и твердой походкой двинулся по проходу вслед за другими пассажирами. Спустившись по трапу на продуваемое ветром взлетное поле, Бейнес неожиданно снова очутился рядом с Лотце.

— В сущности, — усмехнулся Бейнес, пристально глядя в глаза художника, — мне что-то очень не нравится ваша внешность, мистер Лотце, поэтому я не буду откладывать и напишу донос немедленно.

Он быстро зашагал вперед, оставив Лотце далеко позади.

У входа в вестибюль пассажиров ожидала толпа встречающих. Родственники, друзья. Многие из них приветственно махали руками, выглядывали из-за стоящих впереди, улыбались, внимательно вглядывались в лица, суеились. Несколько впереди стоял коренастый японец средних лет, одетый в изысканное английское пальто. А рядом с ним — японец помоложе, на лацкане пальто которого поблескивал значок Главного торгового представительства Империи.

«Это он, — догадался Бейнес. — Мистер Нобусуке Тагоми явился, чтобы лично встретить меня».

Слегка подавшись вперед, японец протянул руку.

— Герр Бейнес, добрый вечер.

— Добрый вечер, мистер Тагоми, — ответил Бейнес.

Обменявшись рукопожатиями, они поклонились друг другу.

Молодой японец тоже поклонился, глядя на них с сияющей улыбкой.

— Немного прохладно, сэр, на этом открытом поле, — проговорил мистер Тагоми. — В город мы полетим на вертолете представительства. Не возражаете? Или, может, вам нужно еще уладить какие-нибудь дела здесь? — заволновался японец.

— Мы можем отправиться прямо сейчас, — успокоил его Бейнес. — Я хочу только оформить номер в гостинице. Мой багаж...

— Об этом позаботится мистер Котомики, — прервал его мистер Тагоми. — Он поедет вслед за нами. Видите ли, сэр, в этом аэропорту всегда приходится дожидаться багажа целый час. Дольше, чем вы летели.

Мистер Котомики вежливо улыбался.

— Хорошо, — согласился Бейнес.

— Сэр, у меня для вас скромный сюрприз.

— Простите?

— Чтобы у вас сложилось приятное впечатление.

Мистер Тагоми сунул руку в карман пальто и вынул оттуда небольшую коробку.

— Благодарю вас, — удивился Бейнес, принимая подарок.

— Почти полдня специальные эксперты проверяли верность выбора, — продолжал мистер Тагоми. — Это настоящий раритет умирающей культуры бывших Соединенных Штатов, редчайшая и прекрасно сохранившаяся реликвия, несущая на себе отпечаток давно минувших безоблачных дней.

Бейнес открыл коробку. В ней на черной бархатной подушечке лежали детские часы в виде головы Микки-Мауса.

«Что это — розыгрыш?» Он поднял глаза и увидел взволнованное и серьезное лицо мистера Тагоми. Нет, это никак не могло быть шуткой.

— Большое спасибо, — проговорил Бейнес. — Это действительно совершенно невероятно.

— Во всем мире сейчас найдется не более десятка настоящих часов Микки-Мауса выпуска тысяча девятьсот тридцать восьмого года, — самодовольно расхваливал мистер Тагоми, упиваясь произведенным впечатлением. — Ни один из известных коллекционеров не имеет подобного экземпляра, сэр.

Они вошли в здание аэропорта и по лестнице поднялись к вертолетной площадке.

Следовавший за ними мистер Котомики произнес:

— Харусаме ни нуруцуцэ яне но томари кана...

— Что такое? — поинтересовался мистер Бейнес у мистера Тагоми.

— Старинная поэма, — объяснил мистер Тагоми, — периода Токугавы.

— Идет весенний дождь, и на крыше мокнет маленький детский мячик, — перевел Котомики.

Глава 4

Наблюдая за тем, как его бывший хозяин вперевалку проковылял по коридору в основное производственное помещение «Уиндем-Матсон Корпорейшн», Френк Фринк подумал, что самым странным в Уиндем-Матсоне является то, что он совсем не похож на человека, владеющего фабрикой.

Он больше напоминал бездельника — завсегдатая злачных мест, пропойцу, которого отмыли в бане, дали новую одежду, побрили, постригли, напичкали витаминами и послали в мир с пятью долларами, чтобы он начал новую жизнь. У старика была болезненно настроенная, заискивающая, нервная, вызывающая сочувствие, манера держаться, как если бы он в каждом видел своего скрытого врага, ждал подвоха. Казалось, что он вынужден перед всеми вилять хвостом и всех ублажать. Эта его манера как бы говорила: все собираются меня облопошить.

В действительности же Уиндем-Матсон был чрезвычайно могущественен. Ему принадлежал контрольный пакет акций целого ряда предприятий, торговые фирмы, недвижимость, да еще и «Уиндем-Матсон Корпорейшн».

Последовав за стариком, Френк распахнул дверь в цех. Там грохотали станки, которые он ежедневно видел в течение многих лет. Френк вдохнул воздух, наполненный пылью; при тусклом освещении суетливо двигались люди. Фринк ускорил шаги.

— Эй, мистер Уиндем-Матсон! — позвал он.

Старик остановился возле человека с волосатыми руками — начальника цеха, по имени Эд Мак-Карти. Оба одновременно повернулись к Фринку.

— Очень жалко, Френк, но я уже ничего не могу сделать, не могу взять вас назад. Я уже нанял на ваше место человека, полагая, что вы не вернетесь. После всего того, что вы наговорили. — Маленькие черные глазки Уиндема-Матсона забегали.

Уклончивость была в крови у старика.

— Я пришел за своим инструментом и ни за чем более, — объяснил Фринк.

Его голос — он порадовался ему — был твердым и даже резковатым.

— Ну, посмотрим, — промямлил Уиндем-Матсон.

Хозяин не знал ничего определенного об инструменте Фринка и обратился к Эду Мак-Карти:

— Думаю, что это по вашему ведомству, Эд. Наверное, вы сможете уладить все, что касается Френка. У меня другие заботы.

Он взглянул на карманные часы.

— Знаете, Эд, Я побеседую с вами об этой накладной позже. Мне еще нужно кое-куда сбегать.

Он похлопал Эда Мак-Карти по руке и поспешил прочь, не оглядываясь.

— Ты снова собираешься работать? — спросил, помолчав, Мак-Карти.

— Да.

— Я горжусь тобой. Ты здорово вчера высказался.

— Я тоже страшно горд, — согласился Френк. — Но бог мой, я не смогу так же хорошо работать где-то в другом месте. — Он почувствовал себя беспомощным и будто побитым. — Ты ведь знаешь это.

Раньше они частенько обсуждали свои проблемы.

— Нет! — воскликнул Мак-Карти. — Ты справишься с проблемой не хуже любого другого на побережье. Я видел, как ты выдал деталь всего за пять минут, включая и чистовую полировку. Вот только сварка...

— А я никогда не утверждал, что могу варить, — отозвался Френк.

— А ты никогда не думал завести собственное дело?

Фринк, захваченный врасплох, застыл.

— Какое дело?

— Ювелирное.

— Да ну тебя, ради Христа!

— Заказы, оригинальные изделия, а продавать будут другие.

Мак-Карти отвел его в угол цеха подальше от шума.

— Тысячи за две ты смог бы снять небольшой подвал или гараж. Когда-то я рисовал эскизы женских сережек и кулонов. Помнишь ведь — настоящий модерн.

Взяв кусок наждачной бумаги, он стал рисовать, медленно и упрямо.

Заглянув ему через плечо, Фринк увидел эскиз браслета с орнаментом из расходившихся и переплетававшихся линий.

— А разве еще существует рынок ювелирных изделий? — поинтересовался Фринк.

Все, что он когда-либо видел, было традиционными изделиями из прошлого.

— Кому нужны современные американские украшения? Их не существует вовсе, во всяком случае теперь, после войны.

— Сам создай рынок, — сердито посоветовал Мак-Карти.

— Ты хочешь сказать, что и продавать я стану сам?

— Пусти их в розничную продажу через магазин, вроде... как он называется? На Монтгомери-стрит — большой шикарный магазин произведений искусства.

— Американские художественные промыслы, — уточнил Фринк.

Он никогда не заходил в магазины столь дорогие и фешенебельные, как этот, так же, как и подавляющее большинство американцев. Только у японцев было достаточно денег, чтобы покупать в подобных магазинах.

— Ты знаешь, что там продают? — спросил Мак-Карти. — И на чем наживают состояния? На тех чертовых серебряных пряжках для поясов из Нью-Мексико, которые делают индейцы. Всякий хлам, который производят для туристов. Это считается модным искусством.

Некоторое время Фринк разглядывал Мак-Карти, не решаясь открыть рот, а потом сказал:

— Я знаю, что они там продают. И ты тоже знаешь.

— Да, — согласился Мак-Карти.

Они оба знали, потому что оба имели к этому делу самое прямое отношение, и довольно давно.

Официально «Уиндем-Матсон Корпорейшн» занимался выпуском решеток из кованого железа для лестниц, балконов, каминов и в качестве декоративных украшений жилых зданий. Все изготовлялось по стандартным чертежам. Для каждого сорокаквартирного дома штамповалось одно и то же изделие сорок раз подряд. С виду «Уиндем-Матсон Корпорейшн» была металлургическим предприятием. Но кроме этого, она занималась еще и другим делом, что и приносило настоящие прибыли.

Используя большое количество тщательно подобранных инструментов, материалов и оборудования, «Уиндем-Матсон Корпорейшн» непрерывным потоком выпускала подделки под американские изделия довоенного производства. Эти подделки осторожно, со знанием дела подбрасывались на оптовый рынок произведений искусства, наполняя реку подлинных вещей, собираемых по всему континенту. И так же, как при коллекционировании почтовых марок и монет, никто не мог определить фактический процент подделок, находящихся в обращении. И никто — в особенности торговцы, да и сами коллекционеры — не хотели этим заниматься.

Когда Фринк так неожиданно покинул место работы, на его верстаке остался наполовину законченный револьвер фирмы «Кольт» времен фронта (освоения западных территорий). Он сам сделал отливку в собственноручного же изготовления формах и был занят ручной шлифовкой деталей. Рынок огнестрельного оружия времен Гражданской войны и фронта благодаря Фринку, был неограниченным. «Уиндем-Матсон Корпорейшн» могла продать все, что производил Фринк.

Остановившись у своего верстака, Фринк взял еще необработанный, покрытый заусенцами шомпол револьвера.

«Еще дня три, и револьвер был бы закончен, — с сожалением подумал он. — Приличная работа». Эксперт, конечно, мог бы обнаружить подделку, но коллекционеры японцы не знали методов проверки подлинности изделия.

Насколько Фринку было известно, японцам и в голову не приходило хоть сколько-нибудь сомневаться в исторической подлинности вещей, продаваемых на Западном побережье как произведения искусств или народного творчества. Возможно, когда-нибудь такая мысль все-таки придет им в голову, и тогда пузырь лопнет, а вместе с ним лопнет и рынок подлинных изделий. Согласно закону Грешэма, подделки подрывают ценность подлинников. В этом, без сомнения, была причина отсутствия проверок: ведь, в конце концов, все оставались вполне довольны.

Фабрики и заводы, разбросанные по разным городам, выпускали продукцию и получали свою прибыль. Оптовики передавали вещи торговле, а хозяева магазинов выставляли их и рекламировали. Коллекционеры раскошеливались и, удовлетворенные, везли свои приобретения домой, чтобы произвести впечатление на любовниц, жен, коллег и друзей.

— Давно ты не пробовал сделать что-нибудь оригинальное? — спросил Мак-Карти.

Фринк пожал плечами.

— Много лет. Я могу скопировать все, что угодно, довольно аккуратно, но...

— Ты знаешь, о чем я думаю? Я думаю, что ты поддался внушению нацистов о том, что евреи не способны творить, что они могут заниматься лишь имитацией и торговлей, посредничеством.

Он безжалостно уставился на Френка.

— Может, так оно и есть, — согласился Френк.

— А ты попробуй. Сначала сделай эскизы. Или сразу поработай с металлом. Поиграй, как дети играют.

— Нет, — отрезал Фринк.

— Веры у тебя нет, — сказал Мак-Карти. — Ты ведь окончательно ее похоронил, верно? Веру в себя. Очень плохо. Потому что я убежден, ты в состоянии сделать это.

Он отошел от верстака.

«Да, очень плохо, — думал Фринк. — И тем не менее это правда. Я не могу по принуждению обрести веру или оптимизм. Хотя этот Мак-Карти — чертовски хороший начальник цеха. Он обладает способностью прищипорить человека, заставить его показать все свое умение, превзойти себя наперекор всему. Прирожденный руководитель. Почти ведь вдохновил меня, пусть хоть на мгновение, но стоило ему уйти, и энергия ушла в песок. Жаль, что я не захватил своего оракула. Можно было бы спросить у него совета, воспользоваться плодами его тысячелетней мудрости». И тут Френк вспомнил, что экземпляр «Книги перемен» есть в комнате отдыха. Он прошел через цех в контору, а оттуда в комнату отдыха.

Усевшись на стул с пластиковым сиденьем и ножками из хромированных трубок, он записал свой вопрос на обратной стороне конверта: «Следует ли мне заняться частным бизнесом в области прикладного творчества, как мне только что советовали?» После этого он стал бросать монеты.

В последней строке выпала семерка, затем он определил вторую и третью. Нижнее трехстишие, как он определил, было Чием. Все выглядело

неплохо, потому что Чиен означало творчество. Затем строка четвертая с переходом на восьмерку: Джин. Строка пятая также дала переход на восьмерку, тоже Джин.

«Боже, — заволновался он, — еще одна строчка с указанием на Джин, и выйдет гексаграмма одиннадцать».

Так, спокойно. Очень благоприятный исход. Или...

Руки его задрожали, звякнули монеты.

Строка Янг, и, следовательно, гексаграмма двадцать шесть. Та Чу — «Усмиренная сила величия». И та, и другая строки были благоприятными, третьего не было. Он бросил три монеты.

Джин — значит, покой.

Открыв книгу, он прочел соответствующее разъяснение:

«Покой. Малое уходит.

Приближается нечто великое.

Большая удача. Успех».

«Значит, я должен поступить так, как советует Мак-Карти. Завести свое маленькое дело».

Осталось только определить скользящую строку. Он перевернул страницу. Какой там текст?

Он не мог вспомнить, но скорее всего благоприятный, потому что сама гексаграмма была очень удачной: союз небес и земли. Однако первая и последняя строки были за пределами шестиугольника.

Глаза его нашарили нужное место:

«Стена рушится назад в ров. Сейчас не нужна армия. Пусть твои повеления будут известны в твоем городе. Упрямство ведет к унижению».

Полное банкротство! Он вскричал от ужаса. Дальше следовал комментарий:

«Перемена, о которой упоминалось в центре гексаграммы, уже начала осуществляться. Стена города погружается назад в ров, из которого она была воздвигнута, близится час гибели».

Это было, без всякого сомнения, одно из самых страшных разъяснений в книге, содержащей более трех тысяч строк. А вот суждение гексаграммы тем не менее было хорошим.

Так чему же следовать? Почему такое огромное противоречие? Такого с ним еще не случалось. В одном пророчестве смешались и большая удача, и гибель. Это что-то сверхъестественное! «Я, должно быть, нажал одновременно на две кнопки», — решил Френк.

Черт, но ведь случиться должно или то, или другое. А вместе? Разве может одновременно выпасть и большая удача, и гибель?

Или... может быть, ты...

Ювелирный бизнес завершится полным успехом — суждение относится именно к нему. А вот чертова скользящая строка. Она относится к чему-то более глубокому, она указывает на какую-то катастрофу в будущем, возможно, и не связанную с ювелирным делом.

«Но тем не менее мне уготована зловещая судьба. Война! — решил он. — Третья мировая! Два миллиарда будут убиты, нашу цивилизацию сотрут с лица Земли. Водородные бомбы градом падут на нас. Ну и ну! — выдохнул Френк. — Что же происходит? Неужели я буду как-то причастен к ее возникновению? Или другой какой-нибудь бедолага, которого я даже не знаю? Или мы все будем виноваты в этом? Во всем виноваты физики с их теорией синх-

ронности, по которой каждая частица неразрывно связана со всеми остальными: любая случайность может нарушить равновесие во Вселенной. И жизнь превратится в забавную шутку, над которой некому будет посмеяться. Я открываю книгу и читаю отчет о будущих событиях, которые сам бог затеял по рассеянности и о которых хотел бы забыть. А кто я есть? Стоит ли меня принимать во внимание? Мне нужно забрать свои инструменты и электрооборудование у Мак-Карти, открыть мастерскую и заняться своим пустячным бизнесом, не обращая никакого внимания на это последнее жуткое предсказание, работать, творить по своему собственному разумению до самого конца, стараться изо всех сил, пока не рухнут стены вокруг нас во всем мире. Вот о чем поведал мне оракул. Злой рок скоро уничтожит нас всех, так или иначе, но пока у меня есть чем заняться. Я должен воспользоваться своей головой, своими руками. Суждение относилось только лично ко мне, а последняя строка — ко всем. Слишком уж ничтожен я сам по себе, могу только прочесть то, что написано, поднять взор к небу и склонить голову, а затем упорно трудиться, как если бы я ничего не знал из того, что ждет меня впереди. Оракул не ожидает от меня ничего иного, не предполагает, что я начну бегать туда-сюда по улицам и вопить что есть мочи, привлекая внимание прохожих. А может ли кто-нибудь из нас изменить ситуацию? Все мы вместе, или кто-то по-настоящему великий, или кто-то по-настоящему счастливый сможет оказаться в нужном месте. Совершенно случайно, в результате слепой удачи. И вся наша жизнь, вся наша планета висят на волоске».

Закрыв книгу, Фринк вышел из комнаты отдыха в цех. Увидя Мак-Карти, он махнул ему рукой, дав понять, что им нужно продолжить разговор.

— Чем больше я думаю об этом, — произнес Фринк, тем больше мне нравится твоя затея.

— Прекрасно, — обрадовался Мак-Карти. — Теперь слушай. Тебе нужно сделать вот что. Ты должен достать деньги у Уиндема-Матсона. — Он подмигнул Фринку. — Я придумал, каким образом. Я тоже собираюсь бросить эту работу и присоединиться к тебе. Ты видел мои эскизы? Разве они плохи? Ведь хорошие же, я знаю.

— Конечно, — подтвердил Фринк, несколько смутившись.

— Давай встретимся вечером после работы, — предложил Мак-Карти, — у меня дома. Приходи часов в семь, пообедаешь со мной и с Джоганной, если только выдержишь мою ребятню.

— О'кей, — согласился Фринк.

Мак-Карти хлопнул его по плечу и отошел.

«За эти десять минут я проделал большой путь», — проговорил Фринк самому себе.

Страх и тревоги уже не было, оставался только азарт.

«Все произошло так быстро, — размышлял он, подойдя к своему верстаку и собирая инструменты. — Наверное, важные перемены так и происходят. Появляется благоприятная возможность... Всю жизнь я ждал этого. Когда оракул говорил: «Что-то должно быть достигнуто», он именно это и имел в виду. Время поистине великое. Какое сейчас время? Именно в этот момент? Оракул предсказывает, что надвигается «Усмиренная Сила Величия». Джин становится Янгом. Все движется. Строка скользит, и появляется новое мгновение. Я так спешил, что не заметил этого, возможно, ошибся, выхватив взглядом не то место. Держу пари, что именно поэтому я и наткнулся на эту жуткую строку, и благоприятная гексаграмма стала зловещей. Какой же я осел!»

Однако, несмотря на свое возбуждение и оптимизм, он не мог просто взять и выбросить из головы эту строку.

«И все же, — усмехнулся Фринк, — придется постараться. Вдруг до вечера удастся забыть о ней, будто и ничего не случилось. Да, я почти уверен, потому что это совместное с Эдом предприятие действительно может вылиться в нечто крупное. Я уверен, что у него безошибочный нюх. Да и я еще не сказал последнего слова. Сейчас я ничего из себя не представляю, но если я смогу повернуть всю эту затею, то, может быть, мне удастся вернуть Юлиану. Я знаю, что ей нужно, она заслуживает человека, имеющего вес в обществе, а не какого-то там чокнутого. Когда-то, в прежние времена, мужчины были мужчинами. Тогда, до войны, а сейчас... Неудивительно, что она скитается, уходит от одного мужчины к другому, ищет что-то и совсем забыла, что она женщина и каково ее предназначение. Но я-то знаю, и эта затея Мак-Картни — что бы там ни было — поможет мне ради нее добиться успеха».

* * *

Роберт Чилдан закрыл свой магазин на обед. Обычно он обедал в кафе напротив и покидал магазин не более чем на полчаса, а сегодня хватило и двадцати минут. Неприятные и тяжелые воспоминания о встрече с мистером Тагоми и персоналом торгового представительства совершенно испортили ему аппетит.

Возвратившись в магазин, он твердо сказал себе: пора менять тактику и, не отвлекаясь на телефонные вызовы, все дела устраивать в магазине.

На визит к Тагоми сегодня ушло около двух часов, это очень много. И прошло полдня, а он продал всего одну вещь — эти часы с Микки-Маусом — довольно дорогой предмет, но...

Чилдан открыл дверь магазина, поставил на цепочку, чтобы она не хлопала, и вошел в подсобку повесить пальто.

Когда он вновь появился, то обнаружил в магазине покупателя. Белого. «Ну и ну, — удивился он. — Сюрприз».

— Добрый день, сэр, — сказал Чилдан. Он слегка поклонился. Вероятно, какой-нибудь пинки. Худой, довольно смуглый, хорошо, по моде одетый, а держится скованно, и лицо поблескивает от пота.

— Добрый день, — пробормотал посетитель, осматривая витрины.

Затем он неожиданно подошел к прилавку, из внутреннего кармана пальто достал небольшой кожаный футляр для визитных карточек и выложил разноцветную, изысканно отпечатанную карточку.

На карточке была эмблема Империи и воинские знаки отличия. Военно-морской флот. Адмирал Харуша. Роберт Чилдан с волнением рассматривал ее.

— Корабль адмирала, — объяснил незнакомец, — в настоящее время находится в заливе Сан-Франциско. Авианосец «Сискаку».

— О, — отозвался Чилдан.

— Адмирал Харуша впервые на Западном побережье. У него масса пожеланий, и среди них — посетить ваш знаменитый магазин. На родных островах много говорят об «Американских художественных промыслах».

Чилдан поклонился, еле сдерживая свой восторг.

— Однако, — продолжал мужчина, — из-за большого количества назначенных встреч адмирал не сможет нанести персональный визит в ваш уважаемый магазин. Поэтому он послал меня. Я — его поверенный.

— Адмирал — коллекционер? — поинтересовался Чилдан.

Мысли его лихорадочно работали.

— Он — любитель искусств. Он истинный знаток, но не коллекционер. То, что он хочет, предназначено для подарков, а именно: он желает преподнести каждому офицеру своего корабля какой-нибудь ценный исторический предмет, что-либо из легкого стрелкового оружия времен легендарной американской Гражданской войны. — Немного помолчав, мужчина добавил: — Всего на корабле двенадцать офицеров.

«Двенадцать пистолетов времен Гражданской войны! Это стоит почти десять тысяч долларов», — прикинул про себя Чилдан.

Он затрепетал.

— Насколько известно, — продолжал поверенный адмирала, — в вашем магазине продаются такие бесценные старинные предметы, буквально сошедшие со страниц американской истории и, увы, слишком быстро исчезающие в бездне времени.

Подбирая слова самым тщательным образом — позволить себе упустить такой случай, совершить хотя бы одну малейшую оплошность было непростительно, — Чилдан начал:

— Да, правда. Я располагаю наилучшим в Тихоокеанских Соединенных Штатах ассортиментом оружия времен Гражданской войны. Я буду счастлив оказаться полезным адмиралу Харуша. Должен ли я собрать эту прекрасную коллекцию и привезти на борт «Сискаку»? Может, к вечеру?

— Нет. Я произведу осмотр здесь.

Двенадцать. Чилдан стал подсчитывать в уме. У него сейчас не было двенадцати, у него хранилось только три. Но он смог бы приобрести необходимое количество, если повезет, в течение недели, используя различные каналы, в том числе и авиапочту с Востока, и связи среди местных оптовиков.

— Вы, сэр, — задал вопрос Чилдан, — хорошо разбираетесь в таком оружии?

— Сносно, — признался мужчина. — У меня есть небольшая коллекция ручного оружия, включая крохотный потайной пистолет в виде костяшки домино. Приблизительно тысяча девятьсот сорокового года.

— Прелестная вещица, — согласился Чилдан и направился к сейфу, где хранились пистолеты. Нужно было показать их поверенному адмирала Харуша.

Когда он вернулся, покупатель выписывал чек. Увидев Чилдана, он оторвался от своего занятия и проговорил:

— Адмирал желает уплатить вперед. Задаток в размере пятнадцати тысяч долларов Тихоокеанских Штатов Америки.

Комната поплыла перед глазами Чилдана.

Однако ему удалось сохранить спокойствие, даже придать себе несколько безразличный вид.

— Как пожелаете. В этом нет необходимости — простая формальность. — Поставив кожаную, с фетровыми накладками, коробку на прилавок, он пояснил: — Вот исключительно интересный экземпляр — кольт сорок четвертого калибра, выпуска тысяча восемьсот шестидесятого года, — он открыл коробку, — черный порох и пули. Такие поставлялись в армию

США. Парни в голубых мундирах носили это оружие при себе, например, во время второго похода на Юг.

Поверенный весьма продолжительное время изучал оружие. Наконец, подняв глаза, холодно произнес:

— Сэр, это подделка.

— А? — ничего не понял Чилдан.

— Возраст этого образца не более шести месяцев. Сэр, представленный вами предмет — подделка. Я глубоко сожалею. Но смотрите. Вот это дерево рукоятки подвергнуто искусственному старению с помощью химикатов. Стыдно. Он отложил револьвер.

Чилдан поднял его и безмолвно повертел в руках. Он не мог ничего сообразить, ничего сказать. Наконец он вымолвил:

— Этого не может быть.

— Имитация подлинного исторического оружия. Ничего более. Я боюсь, сэр, что вас обманули. Наверное, какой-нибудь недобросовестный агент. Вы должны заявить об этом в полицию Сан-Франциско.

Мужчина поклонился.

— Я весьма сожалею. Возможно, у вас есть и другие подделки. Может быть, вы, сэр, владелец и продавец таких изделий, не в состоянии отличить фальшивки от подлинника?

Наступила пауза.

Протянув руку, посетитель взял наполовину заполненный чек, положил его в карман и спрятал авторучку.

— Очень жаль, сэр, но я определенно не могу вести дела с «Американскими художественными промыслами». Адмирал Харуша будет разочарован. Но войдите и вы в мое положение.

Чилдан не отрывал взгляда от револьвера.

— До свидания, сэр, — попрощался мужчина. — Последуйте, пожалуйста, моему скромному совету, наймите какого-нибудь эксперта, чтобы он мог осматривать ваши приобретения. Ваша репутация... Я уверен, что вы понимаете.

— Сэр, если бы вы могли, пожалуйста... — проямлил Чилдан.

— Не волнуйтесь, сэр. Я никому не расскажу об этом. Я сообщу адмиралу, что, к сожалению, ваш магазин был сегодня закрыт. — Мужчина остановился у двери. — Ведь мы оба все-таки белые.

Еще раз поклонившись, он удалился.

Оставшись один, Чилдан продолжал держать револьвер в руках.

«Этого не может быть, — думал он. — Но это произошло. Господь всемогущий на небесах! Я уничтожен! Я потерял пятнадцать тысяч долларов! И мою репутацию, если это выплывет наружу. Если бы только этот человек, поверенный адмирала Харуша, оказался не болтлив! Я покончу с собой! Я потеряю этот магазин. Я не смогу продолжать, это факт. С другой стороны, может быть, этот человек заблуждается, может, он лжет. Он подослан «Историческими предметами Соединенных Штатов Америки», чтобы меня убить. Или «Первоклассными произведениями искусства». В любом случае, кем-нибудь из конкурентов. Револьвер, без сомнения, подлинный. Как мне подтвердить это?» — Чилдан напряг память. — Ага. Я отдам его на проверку в Калифорнийский университет, в отдел экспертизы. Там должны быть знакомые. Один раз уже такой вопрос всплывал. Подозрение на подделку старинного мушкета».

Торопясь, он дозвонился до одного из городских агентов по доставке и потребовал, чтобы ему немедленно прислали рассылного.

Затем он завернул револьвер и написал записку в университетскую лабораторию с просьбой установить дату изготовления оружия и как можно скорее позвонить ему по телефону.

Прибыл рассылный. Чилдан передал ему записку и пакет с адресом и велел нанять вертолет. Рассылный ушел, а Чилдан принялся нервно расхаживать взад и вперед по магазину.

Из университета позвонили в три часа.

— Мистер Чилдан, вы хотели проверить подлинность револьвера: состоял ли на вооружении этот кольт сорок четвертого калибра образца тысяча восемьсот шестидесятого года?

Наступила пауза, во время которой Чилдан в страхе сжимал в руке телефонную трубку.

— Вот протокол лаборатории. Это копия, выполненная посредством литья в пластмассовую форму, кроме рукоятки, вытесанной из ореха. Серийные номера деталей подделаны. Как бурая, так и синяя поверхности деталей затвора получены посредством современной быстродействующей технологии. Весь револьвер подвергнут искусственному старению, с тем чтобы он производил впечатление долго бывшего в употреблении оружия.

— Человек, принеший его мне для оценки... — перебил Чилдан.

— Скажите ему, что его надули, — посоветовал сотрудник лаборатории. — Хотя и весьма искусно. Работа очень хорошая, выполнена истинным умельцем. Только взгляните, у настоящего оружия детали со временем приобретают синеватый оттенок. Здесь же добились того же результата с помощью заворачивания в кусок кожи и последующего нагрева в атмосфере цианистых паров. Это очень сложный технологический процесс с точки зрения современной техники, но он выполнен очень добротнo и в прекрасно оборудованной мастерской. Мы обнаружили частицы порошков, применявшихся при шлифовке и полировке, причем весьма необычных. Мы сейчас не можем еще доказать, но есть уверенность, что существует целая отрасль промышленности, выпускающая такие подделки. Она безусловно реально существует. Мы довольно часто сталкиваемся с подобными изделиями.

— Да нет, вряд ли, — медленно проговорил Чилдан. — Это только слухи. Я могу с полной уверенностью сказать, что здесь вы заблуждаетесь. — И вдруг закричал в трубку, преисполненный благородного негодования: — Мне-то уж с моей работой это было бы доподлинно известно! Как вы думаете, зачем я послал вам сегодня этот револьвер? Потому что мне сразу же показалось, что это подделка. У меня многолетний опыт! А такие подделки очень редки, их можно расценивать просто как шутку, как чью-то неосторожную шалость. — Переведа дух, он закончил: — Благодарю вас за то, что вы подтвердили мои собственные опасения. Пришлите счет на мое имя. Спасибо.

Положив трубку, он тут же разыскал накладные. Как револьвер попал к нему? От кого?

Как выяснилось, револьвер прислала одна из крупнейших компаний оптовых поставщиков Сан-Франциско — компания Рея Келвина, на улице Ван-Несс. Чилдан набрал номер.

— Мне нужно поговорить с мистером Келвином, — потребовал он. Голос его окреп.

Вскоре послышалось сердитое, очень недовольное: «Да?»

— Это Боб Чилдан. «Американские художественные промыслы». Мон-тгомери-стрит. Рэй, у меня к вам одно очень тонкое, деликатное дело. Я хотел бы встретиться сегодня лично, в любое время и в любом месте. Прошу вас серьезно отнестись к моей просьбе!

К своему удивлению, он обнаружил, что снова повысил голос.

— О'кей, — спокойно согласился Рэй Келвин. — В четыре, в моей конторе.

— Никому не говорите, это строго между нами.

Чилдан с такой яростью бросил трубку, что аппарат чуть не свалился на пол.

До выхода оставалось еще полчаса. Он отчаянно метался по магазину, все более осознавая свою беспомощность. Что делать?

Идея! Чилдан кинулся к телефону и быстро связался с редакцией газеты «Геральд» на Маркет-стрит.

Ответил приятный женский голос.

— Скажите, пожалуйста, — любезно обратился Чилдан, — стоит ли на рейде в гавани авианосец «Сискаку», и если да, то давно ли? Я был бы признателен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Мучительное ожидание, затем снова голос девушки.

— Согласно нашей справочной службе, «Сискаку» лежит на дне Филиппинского моря, — сообщила она, еле сдерживая смех. — Он был потоплен американской подводной лодкой в тысяча девятьсот сорок пятом году. У вас еще будут к нам вопросы, сэр?

Очевидно, в редакции высоко оценили эту сумасбродную выходку.

Чилдан положил трубку. Авианосца «Сискаку» не существует вот уже семнадцать лет, вероятно, так же, как и адмирала Харуши. Его «поверенный» — мошенник, но тем не менее... он прав: кольт сорок четвертого калибра оказался подделкой.

Чилдан никак не мог уловить смысла этой игры.

Возможно, этот человек — какой-нибудь делец, которому захотелось завладеть рынком стрелкового оружия времен Гражданской войны. Будучи компетентным собирателем в этой области, он распознал подделку. Он — профессионал из профессионалов. Простой коллекционер ничего бы не заметил.

У Чилдана отлегло от сердца. Значит, немногие смогли бы обнаружить обман, скорее всего, вообще никто не в состоянии этого сделать. И вряд ли посетитель поделится с кем-то еще своим открытием.

Плунуть на это дело?

Поразмыслив, Чилдан решил, что не стоит спешить с выводом.

Нужно тщательно все проверить, и прежде всего вернуть деньги, потребовать от Рэя Келвина возмещения. Нужно также договориться с лабораторией насчет экспертизы всего остального. Страшно предположить, что многие из его товаров — не подлинники!

Чилдан помрачнел. Выход один. Нужно идти к Рэю Келвину, припереть его к стенке, докопаться до истины. Возможно, он виновен, а может быть, и нет. В любом случае необходимо отказать ему в дальнейших торговых сделках.

«Он будет вынужден смириться с потерей денег, — решил Чилдан. — Он, а не я. Если же он не захочет, то я свяжусь с другими владельцами антикварных магазинов, расскажу им обо всем и погублю его репутацию.

С какой стати я должен один за все отдуваться? Пусть отвечают те, кто повинен в этом, пусть сами расхлебывают кашу, которую заварили. Но проделать это надо с особой секретностью, все должно быть чисто конфиденциально».

Глава 5

Телефонный звонок Рэя Келвина озадачил Уиндема-Матсона. Он долго не мог понять, что произошло. Келвин позвонил в половине двенадцатого вечера, когда Уиндем-Матсон развлекался с девицей, давней своей подругой в номере отеля «Муромачи».

— Поймите, мой друг, — торопливо объяснял Келвин, — мы отсылаем обратно последнюю партию товара, полученную от ваших людей. Я отослал бы и всю ту дрянь, которую вы подсунули мне раньше, но мы уже оплатили ее полностью. Кроме этой последней партии. Присланный вами счет датируется восемнадцатым мая.

Разумеется, Уиндем-Матсон хотел знать причину.

— Вся партия состоит из паршивых подделок.

— Но вы же знали об этом. Я имею в виду то, Рэй, что вы всегда были осведомлены об истинном положении дел.

Уиндем-Матсон окинул взглядом комнату: его девица куда-то исчезла, наверное, пошла в ванную комнату.

— Я знал, что это подделки, — согласился Келвин. — Я говорю не об этом. Я имею в виду их вшивое качество. Меня на самом деле совсем не интересует, действительно ли каждый из присылаемых вами револьверов времен Гражданской войны. Все, что меня заботит, так это то, чтобы каждый предмет в вашем наборе, будь то кольт сорок четвертого калибра или что-то подобное, соответствовал определенным стандартам. Вам известно, кто такой Роберт Чилдан?

— Да, — сказал Уиндем-Матсон, что-то смутно припоминая, хотя в это мгновение и не знал точно, кому принадлежит эта фамилия. Наверное, какой-то шишке.

— Он был сегодня у меня в конторе. Я звоню не из дома, а из конторы; после его визита мы еще до сих пор разбираемся. Так вот, он пришел и долго бушевал по этому поводу. Он прямо-таки взбесился, его трясло. Будто бы какой-то его солидный клиент, японский адмирал, зашел сам или велел зайти своему поверенному. Чилдан говорил о заказе на двадцать тысяч, но это скорее всего преувеличение. Во всяком случае, точно известно, и тут у меня нет причин сомневаться, что пришел японец, захотел совершить покупку, один лишь раз взглянул на образец, состряпанный вашими людьми, увидел, что это подделка, положил свои деньги в карман и удалился. Что вы скажете на это?

Уиндем-Матсон сразу не нашелся, что ответить, но про себя отметил, что это, вероятно был Фринк или Мак-Карти. Они ему угрожали, и вот результат.

Его охватил суеверный ужас.

Эти двое, как они сумели откопать экземпляр, сделанный еще в феврале прошлого года? Он допускал, что они могут пойти в полицию, или в редакцию газеты, или даже обратиться к марионеточному правительству этих пинки в Сакраменто. Конечно, он сам породил все это. Жуть. Он что-то

лепетал Келвину, одно и то же, бессчетное число раз, и в конце концов бессмысленный разговор иссяк.

Тут только он заметил Риту и понял, что она слышала почти весь их разговор. Она нетерпеливо ходила по комнате в черной шелковой комбинации с распущенными длинными волосами, свободно падавшими на обнаженные, слегка тронутые веснушками плечи.

— Позвони в полицию, — предложила она.

«Что ж, — подумал он, — вероятно, дешевле будет предложить им тысячи две, может, чуть больше. Они возьмут. Мелкие людишки, вроде них, столь же мелко и мыслят. Для них это будет целым богатством. Они вложат деньги в свой новый бизнес, потратят и через месяц полностью прогорят».

— Нет, — ответил он.

— Почему нет? Вымогательство — это преступление.

Ей трудно было объяснить. Он привык платить людям, это было частью накладных расходов, вроде платы за услуги, оказываемые фирме. Если сумма была не очень велика. Но в чем-то девушка была права. Он погрузился в мысли.

«Я дам им эти две тысячи. Но это не все. Я свяжусь с одним знакомым в отделе гражданства, инспектором полиции. Пусть там внимательно посмотрят досье на Фринка и Мак-Карты, может удастся обнаружить что-нибудь полезное. Так что если они снова попытаются меня шантажировать, я приберу их к рукам. Кто-то говорил мне, что Фринк изменил фамилию, сделал пластическую операцию. Достаточно об этом уведомить германское консульство в Сан-Франциско. Обычное дело. Консул потребует у японских властей его выдачи.

Как только этого извращенца переведут через демаркационную линию, его тут же отправят в душегубку или в один из тех лагерей в штате Нью-Йорк, которые, я думаю, еще сохранились. А там есть печи».

— Меня удивляет, — проронила девушка, — что кто-то смеет шантажировать такого человека, как вы.

Она взглянула на него.

— Что ж, вот что я тебе скажу, — произнес он. — Весь этот проклятый бизнес, связанный с историей, — абсолютная чушь. Эти японцы — дубины. И я это докажу.

Он встал, прошел в свой кабинет и сейчас же появился оттуда с двумя зажигалками, положив их на кофейный столик.

— Взгляни. Они кажутся совершенно одинаковыми, правда? Так вот, одна из них — настоящая реликвия. — Он улыбнулся. — Возьми их. Пойдем дальше. На рынке коллекционеров стоимость одной из них, возможно, тысяч сорок или пятьдесят.

Девушка осторожно взяла в руки обе зажигалки и принялась их рассматривать.

— Неужели ты не видишь разницы? — он шутливо ее подзадоривал. — Одна из них отмечена печатью времени. Она находилась в кармане Франклина Делано Рузвельта, когда на него было совершено покушение, а другая... Одна имеет историческое значение, и еще черт знает какое. Так же, как и другие вещи, бывшие при нем. Другая не имеет никакого исторического веса. — Он продолжал подзадоривать: — Ты не можешь сказать, какая из них представляет ценность? Вокруг нее нет никакого ореола или некоей ауры.

— Вот здорово! — воскликнула девушка.

Она широко раскрыла глаза.

— Это и в самом деле правда, что одна из них была у него в тот день?

— Конечно. И я знаю, какая именно. Теперь понимаешь суть того, что я тебе говорю? Все это жуткое жульничество, они надувают сами себя. Не имеет значения, что какой-то револьвер был в известной битве, ну скажем, при Геттисберге, внешне он совсем не изменился, остался точно таким же, будто его там и не было. И только знание об этом — здесь! — Он постучал себя по лбу. — Это в мозгу, а не в железке. Когда-то я сам был коллекционером. Фактически из-за этого я и занялся бизнесом. Я собирал почтовые марки. Английских колоний.

Рита стояла у окна, сложив на груди руки, и смотрела на огни центрального района Сан-Франциско.

— Мать и отец часто утверждали, что мы бы не проиграли войну, если бы он был жив, — проронила она.

— О'кей, — продолжал Уиндам-Матсон. — Теперь предположим, что в прошлом году канадское правительство или кто-то там еще, неважно, находит матрицы, с которых печатали старые марки, и хороший запас типографской краски...

— Я не верю, что какая-то из этих зажигалок принадлежала Франк-лину Рузвельту, — прервала его девушка.

Уиндем-Матсон расхохотался.

— Так в этом-то как раз и весь смысл моих рассуждений! Я должен тебе доказать подлинность вещи с помощью каких-то бумаг. Поэтому-то все это и является надувательством, массовым самообманом: ценность вещи доказывает бумага, а не сам предмет!

— Покажите мне эту бумагу.

— Пожалуйста.

Уиндем-Матсон вскочил и снова ушел в кабинет, где снял со стены вставленный в рамку сертификат Смитсоновского института. Документ и зажигалка обошлись ему в целое состояние, но они стоили того, так как это давало ему возможность доказывать свою правоту, утверждая, что слово «подделка», по сути, ничего не значит.

— Кольт сорок четвертого калибра есть кольт сорок четвертого калибра, — обратился он к девушке, выходя из кабинета. — Речь здесь идет о размере отверстия дула, о форме, о дальности и меткости стрельбы, а не о том, когда он сделан. Речь идет о...

Рита протянула руку. Он передал ей документ.

— Значит, вот эта подлинная, — сказала она наконец.

— Да, именно эта.

— Мне, пожалуй, пора уходить, — прошептала девушка. — Мы еще встретимся с вами в другой раз.

Она положила на столик документ и зажигалку и прошла в спальню, где оставила одежду.

— Зачем?! — вскричал он взволнованно, последовав за ней. — Ты же знаешь, что сейчас мы в полной безопасности: жена вернется через несколько недель. Я же объяснил тебе ситуацию. У нее отслоение сетчатки.

— Не в этом дело.

— Тогда в чем же?

— Пожалуйста, вызови мне педикейб, — попросила Рита, — пока я оденусь.

— Я сам отвезу тебя, — сердито предложил он.

Рита одевалась, Уиндем-Матсон молча бродил по номеру. Он понял, что прошлое вызывает у людей печаль, видя задумчивый, погруженный в себя, даже несколько угнетенный вид девушки. «Черт! Зачем это я решил привести именно этот пример? Но ведь она такая молоденькая — я думал, что ей вряд ли известно это имя».

Возле книжного шкафа она остановилась.

— Вы читали это? — спросила, вытаскивая книгу.

Прищурившись, Уиндем-Матсон взглянул.

Мрачная обложка. Роман.

— Нет, — ответил он. — Это купила жена. Она много читает.

— Вам бы следовало прочесть эту книгу.

Все еще чувствуя разочарование, он посмотрел на название. «Саранча садится тучей».

— Это одна из тех, запрещенных в Бостоне, книг? — спросил он.

— Она запрещена всюду в Соединенных Штатах и, конечно, в Европе.

Рита подошла к двери и повернулась, ожидая его.

— Я слышал об этом Готорне Абендсене.

На самом деле он впервые столкнулся с этой фамилией. Единственное, что он знал об этой книге, это то, что сейчас она очень популярна. Еще одна причуда, еще один пункт массового помешательства. Он поставил книгу на место.

— На беллетристику у меня нет времени. Я слишком занят работой.

«Секретарши читают эту дрянь, лежа дома в постели, перед тем как уснуть, — подумал он язвительно. — Это их возбуждает. Вместо того, чтобы заняться чем-нибудь настоящим, чего они боятся, а на самом деле страстно желают».

— Одна из этих любовных историй? — спросил он сердито, открывая дверь в коридор.

— Нет, — пояснила она. — О войне.

Пока они шли к лифту, девушка объяснила:

— Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Этот Абендсен?

— Его теория вот в чем: если бы не этот убийца Джо Зангара, то Рузвельт вытянул бы Америку из депрессии и вооружил бы ее так, что...

Она замолчала, так как у лифта стояли люди.

Когда они ехали по ночному городу в «Мерседес-бенце» Уиндема-Матсона, девушка продолжила рассказ.

— Согласно теории Абендсена, Рузвельт должен был быть ужасно сильным президентом, таким же сильным, как Линкольн. Он показал себя за тот год, пока находился у власти. Об этом свидетельствуют все его начинания и планы. Книга, конечно, не документ. Я имею в виду то, что она написана как роман. Действие развивается так: Майами, он продолжает править страной, и в тысяча девятьсот тридцатом году его переизбирают, так что он президент до тысяча девятьсот сорокового года, когда война уже началась. Не понимаете? Он все еще президент, когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу. И он все это видит. Он заставляет Америку стать сильной. Гарнер был на самом деле дрянным президентом. Во многом из того, что произошло, повинен именно он. А затем, в тысяча девятьсот сороковом году, вместо избранного демократами Бриккера...

— Это согласно Абендсону, — прервал ее Уиндем-Матсон.

«Боже, — подумал он, взглянув на сидевшую рядом девушку, — прочтут какую-то книжонку и вот разглагольствуют!»

— Его гипотеза состоит в том, что в тысяча девятьсот сороковом году вместо сторонников политики невмешательства Бриккера президентом стал Рексфорд Тагвелл.

Чистое хорошенькое лицо Риты, освещенное уличными огнями, раскраснелось от волнения, глаза расширились, она говорила, размахивая руками.

— Он стал активно продолжать антифашистскую линию Рузвельта, поэтому Германия побоялась прийти на помощь Японии в тысяча девятьсот сорок первом году. Она не выполнила условия договора. Понимаешь?

Повернувшись к нему, крепко вцепившись в плечо, она почти что крикнула ему в ухо:

— Поэтому Германия и Япония проиграли войну!

Он рассмеялся.

Глядя на него, пытаясь отыскать что-то в его глазах — он не мог понять, что именно, да к тому же ему еще приходилось следить за дорогой, — Рита произнесла:

— Это совсем не смешно. Могло же получиться так, что Соединенные Штаты расколотили бы японцев и...

— Как? — поинтересовался он.

— Он как раз все это и изложил.

Она на мгновение замолчала.

— В форме романа. Естественно, там масса увлекательного, иначе люди бы не читали эту книгу. Там есть и герои — очень интересный поворот; существуют двое молодых людей, парень служит в американской армии, девушка... Президент Тагвелл оказывается очень ловким политиком. Он прекрасно понимает, что замышляют японцы, — продолжала она взволнованно. — Об этом авторе можно спокойно говорить: японцы не препятствуют распространению его книги в стране. Я где-то прочла, что многие из них ее читали. Она популярна на Родных Островах и вызвала кучу толков и пересудов.

— Послушай, а что он говорит о Пирл-Харборе?

— Президент Тагвелл был настолько предусмотрителен, что велел всем кораблям выйти в море. Поэтому флот Соединенных Штатов не был уничтожен.

— Понятно.

— Поэтому никакого Пирл-Харбора и не было. Они напали, но всего, что им удалось, — это утопить несколько мелких суденышек.

— Она называется? «Саранча...» — как там?

— «Саранча садится тучей». Это цитата из Библии.

— Значит, Япония потерпела поражение, потому что не было Пирл-Харбора? Но послушай! — крикнул Уиндем-Матсон. — Никакие события, подобные тем, которые пригрезались этому парню, вроде города на Волге, смело названному Сталинградом, никакая оборона не смогла бы добиться большего, чем некоторая отсрочка окончательной развязки. Ничто не могло повлиять на нее. Слушай. Я встречался с Роммелем в Нью-Йорке, когда был там по делам, в тысяча девятьсот сорок третьем году.

Фактически Уиндем-Матсон всего лишь раз, да и то издали, видел военного губернатора США на приеме в Белом доме.

— Какой человек! Какое достоинство и выправка! Я знаю, что говорю, — закончил он.

— Да, было ужасно, — сказала Рита, — когда на место Роммеля пришел этот мерзавец Ламмерс. Вот тогда-то и начались эти повальные убийства и эти концентрационные лагеря.

— Они существовали и тогда, когда губернатором был Роммель.

Рита махнула рукой.

— Но это скрывалось. Может, эти бандиты из СС и тогда творили всякие беззакония, но он не походил на остальных, он напоминал прежних прусских военных. Суровый...

— Я скажу тебе, кто на самом деле хорошо поработал в Штатах, — остановил ее Уиндем-Матсон. — Кто больше всех сделал для возрождения экономики. Альберт Шпеер, а не Роммель и не организация Тодта. Шпеер был лучшим из тех, которых партия направила в Северную Америку. Это он добился, чтобы все эти заводы, тресты и корпорации — все-все — снова заработали, и притом эффективно. Мне хотелось бы, чтобы и у нас здесь было что-нибудь подобное — ведь сейчас в каждой отрасли экономики конкурируют не менее пяти фирм, и при этом несут ужасные убытки. Нет ничего более глупого, чем конкуренция в экономике.

— Не знаю, я не смогла бы жить в этих жутких трудовых лагерях, этих поселениях, которые возникли на востоке. Одна моя подруга там жила. Ее письма проверяла цензура, и поэтому она не могла рассказать обо всем, пока не переехала снова сюда. Она должна была подниматься в шесть тридцать утра под звуки духового оркестра.

— Ты бы к этому привыкла. У тебя было бы чистое белье, одежда, жилье, хорошая еда, отдых, медицинское обслуживание. Что еще нужно? Молочные реки?

Его большой автомобиль бесшумно прорезал холодный туман ночного Сан-Франциско.

* * *

Мистер Тагоми сидел на полу, поджав под себя ноги. В руках он держал пиалу с черным чаем. Он сначала подул на чай, а потом улыбнулся мистру Бейнесу.

— У вас здесь прелестное место, — похвалил Бейнес. — Здесь как-то спокойно, на Тихоокеанском побережье. Там у нас совсем не так.

Уточнять ему не захотелось.

— Бог говорит с человеком под знаком Пробуждения.

— Простите?

— Это цитата из Оракула. Реакция сознания на поспешные выводы.

«Вот он о чем», — подумал Бейнес рассеянно и улыбнулся про себя.

— Мы абсурдны, — проговорил мистер Тагоми, — потому что живем по книге пяти тысячелетней давности. Мы задаем ей вопросы, словно она живая. Мы в нее верим, как христиане в Библию. Многие книги, существу, живые. И это совсем не метафора. Дух оживляет их. Правда?

Он заглянул в лицо мистера Бейнеса, ожидая реакции.

Тщательно подбирая слова, Бейнес ответил:

— Я слабо разбираюсь в вопросах религии. Она вне поля моей деятельности. Я предпочитаю обсуждать такие вопросы, в которых хоть немного разбираюсь.

На самом деле у него не было полной уверенности, что ему понятно, о чем говорит мистер Тагоми. «Должно быть, я устал, — подумал мистер Бейнес. — Все, с чем я столкнулся, приобретает какой-то нереальный оттенок. Все словно валяют дурака. Что это за книга пятидесятилетней давности? Эти часы Микки-Мауса, сам мистер Тагоми, хрупкая чашка в его руках...» Со стены на мистера Бейнеса уставилась огромная голова буйвола, грозная и уродливая.

— Что это за голова? — неожиданно задал он вопрос.

— Это, — объяснил мистер Тагоми, — не что иное, как создание, которое поддерживало жизнь туземного населения в былые дни.

— Понятно.

— Может, показать вам искусство забивания буйволов?

Мистер Тагоми поставил чашку на столик и поднялся. Здесь, дома, вечером, он был одет в шелковый халат, на ногах комнатные туфли и белый шарф на шею.

— Вот я и на железной лошадке.

Он слегка присел.

— На коленях у меня верный винчестер образца тысяча восемьсот шестьдесят шестого года из моей коллекции.

Он вопросительно глянул на мистера Бейнеса.

— Вас, видимо, утомило путешествие, сэр?

— Боюсь, что да, — ответил Бейнес. — Все это как-то ошеломляет. Заботы о делах...

«И другие», — добавил он про себя. У него болела голова. Узнать бы, можно здесь, на Тихоокеанском побережье, достать хорошие анальгетики, выпускаемые ИГ Фарбен? Он привык глотать их, когда болел затылок.

— Все мы должны во что-нибудь верить, — продолжал мистер Тагоми. — Нам не дано знать все ответы. И вперед мы тоже заглянуть не в силах. Остается только полагаться на себя.

Мистер Бейнес кивнул.

— У моей жены, возможно, что-нибудь найдется от головной боли, — предложил мистер Тагоми. Он заметил, что Бейнес поднял очки и трет лоб.

— Боль причиняют глазные мышцы. Извините меня.

Поклонившись, Тагоми вышел из комнаты.

«Что мне сейчас необходимо, так это сон, — подумал Бейнес. — Одна спокойная ночь. Или дело в том, что я не в состоянии смело смотреть в лицо возникшей ситуации, уклоняюсь от острых углов?»

Когда мистер Тагоми вернулся, неся стакан воды и нечто вроде пилюли, Бейнес проговорил:

— Мне действительно следует попрощаться и отправиться к себе в гостиницу, но вначале я хотел бы кое-что выяснить. Мы, конечно, можем поговорить о делах и завтра, если это вас устроит. Вам сообщили о третьей стороне, которая должна присоединиться к нашим переговорам?

Лицо мистера Тагоми на мгновение выразило удивление. Затем удивление исчезло, и лицо его вновь стало спокойным.

— Мне ничего об этом не сказали. Однако это, конечно, интересно.

— С родных Островов.

— О, — вымолвил мистер Тагоми.

На сей раз его лицо не выдавало никаких эмоций, самообладание его было на высоте.

— Пожилой бизнесмен, удалившийся от дел, — объяснил мистер Бейнес. — Он плывет морем. На сегодняшний день он, вероятно, уже недели две в пути. У него предубеждение против воздушных путешествий.

— Человек с причудами? — заметил мистер Тагоми.

— Круг его интересов позволяет ему быть хорошо осведомленным о состоянии рынков на Родных Островах. Он сможет дать вам ценную информацию, а в Сан-Франциско он едет все равно для лечения. Все это не так уж важно, но гарантирует больший успех нашим переговорам.

— Да, — согласился мистер Тагоми. — Это поможет нам избежать ошибки, связанной с рынком родины. Я не был там больше двух лет.

— Вы хотели дать мне эту пилюлю?

Мистер Тагоми удивленно опустил глаза и удивился, что до сих пор держит в руках лекарство и стакан воды.

— Простите меня. Это очень сильное средство, называется заракаин и производится фармацевтической фирмой в провинции Китая.

Разжимая ладонь, он добавил:

— К нему не привыкаешь.

— Солидная реклама, — подтвердил мистер Бейнес.

Он приготовился принять пилюлю.

— Он появится, вероятно, непосредственно в вашем торговом представительстве. Я запишу его фамилию, чтобы ваши люди его не отпугнули. Я с ним никогда не встречался, но слышал, что он слегка глуховат и чудаковат. Хотелось бы быть уверенным, что он не разозлится.

Казалось, что мистер Тагоми понимает, о чем идет речь.

— Его слабость — рододендроны. Вы осчастливите его, если сможете подsunуть кого-нибудь, кто смог бы поговорить с ним на эту тему хотя бы полчаса, перед тем как мы станем договариваться о встрече. Да, фамилия. Сейчас я запишу.

Запив пилюлю, он достал ручку и записал.

— Мистер Синиро Ятабе, — прочел мистер Тагоми на листке бумаги. Он аккуратно вложил его в записную книжку.

— Еще один момент.

Мистер Тагоми изобразил на своем лице внимание.

— Несколько деликатный. Этот джентльмен в стесненном положении. У него почти ничего нет. Некоторые рискованные предприятия в конце его карьеры не привели к успеху. Понимаете?

— И теперь у него нет состояния, — продолжал мистер Тагоми, — а возможно, он вообще живет на пенсию.

— Вот именно. А пенсия чрезвычайно небогатая. Поэтому ему приходится время от времени ее чем-то подкреплять.

— В нарушение некоторых постановлений правительства Метрополии и его раздутого бюрократического аппарата, — добавил мистер Тагоми. — Я понял ситуацию. Пожилой джентльмен получает вознаграждение за консультацию, проведенную у нас, не сообщая об этом в свой пенсионный отдел. Следовательно, мы должны держать его визит в тайне. Им известно только то, что он проходит курс лечения.

— Вы искушены в делах житейских, — пробормотал Бейнес.

Он потер лоб. Пилюля подействовала, что ли? Его стало клонить ко сну.

— Будучи родом из Скандинавии, вы, несомненно, имеете тесный контакт с процветающей Европой. К слову, вы вылетели из Темпельхофа. Там тоже такое отношение? Вот вы нейтрал. Что вы об этом думаете?

— Я не понимаю, о каком отношении идет речь, — признался мистер Бейнес.

— К старикам, больным, ущербным, умалишенным, лишним людям разного рода. «Какая польза от новорожденного ребенка?» — спросил один из известных англосаксонских философов. Я запомнил это высказывание и много раз задумывался над ним. Сэр, от него нет никакой пользы. В общем смысле.

Мистер Бейнес что-то промямлил, что можно было бы расценить как проявление уклончивой вежливости.

— Разве не правда, — сказал мистер Тагоми, — что ни один человек не должен быть орудием в руках другого? — Он подался вперед. — Пожалуйста, выскажите свое мнение уроженца нейтральной Скандинавии.

— Не знаю, — произнес мистер Бейнес.

— Во время войны, — сказал мистер Тагоми, — я занимал небольшую должность в провинции Китая, в Шанхае. Там, в районе Гонкью, было поселение евреев, интернированных императором и его правительством на неопределенный срок. Их жизнь поддерживалась Международным Красным Крестом. Советник консульства нацистов в Шанхае требовал, чтобы мы вырезали евреев. Я запомнил ответ моего начальника. Вот он: «Это не соответствует арийским представлениям о человечности». Требование было отвергнуто как варварское. Это произвело на меня большой впечатление.

— Понимаю, — пробормотал мистер Бейнес. Он спрашивал себя, куда этот человек клонит. Он насторожился, все его чувства обострились.

— Евреи, — объяснил мистер Тагоми, — всегда трактовались нацистами как азиаты, не принадлежащие к белой расе. Сэр, смысл этих утверждений никогда не терялся из виду высокопоставленными лицами в Японии, даже членами военного кабинета. Я никогда не обсуждал этого вопроса с гражданами Рейха, с которыми встречался.

Мистер Бейнес прервал его:

— Что ж, я не немец и поэтому вряд ли могу ответить от имени Германии.

Он встал и направился к двери.

— Завтра мы возобновим этот разговор. Извините меня, пожалуйста. Мне сейчас трудно соображать.

На самом деле его мысли стали сейчас совершенно ясными. «Нужно убираться отсюда, — решил он. — Этот человек слишком далеко меня затягивает».

— Простите глупость фанатика, — извинился мистер Тагоми.

Он тоже направился к двери.

— Философские затруднения ослепили меня так, что я перестал замечать, что происходит с ближним. Сюда.

Он позвал кого-то по-японски, и дверь отворилась. Появился молодой японец, слегка поклонился и уставился на мистера Бейнеса.

«Мой водитель, — догадался мистер Бейнес. — Вероятно, мои донкихотские выходы в полете с этим... как его... Лотце... каким-то образом дошли до японцев через неизвестные мне связи. Жаль, что я разболтался с этим Лотце. Да. Не запоздало ли мое раскаяние? Я вовсе не подхожу для этого, совсем напротив. Ничего общего».

Но потом он подумал, что швед скорее всего так бы и разговаривал с Лотце. «Значит, все правильно, ничего не случилось. Я что-то стал слишком осторожен, проецирую свою жизнь на другую обстановку. Фактически здесь я могу очень вольно высказываться о многом. И я должен к этому привыкнуть».

И все же его воспитание и привычки восставали против этого. Вся его внутренняя суть противилась этому.

«Раскрой рот, — убеждал он себя, — мели что-нибудь, что угодно, высказывай любое мнение. Ты должен, иначе нечего ждать от операции успеха».

И он выдавил:

— Возможно, ими движут какие-то подсознательные внутренние побуждения, вроде тех, о которых говорит Юнг.

Мистер Тагоми кивнул.

— Да, я читал Юнга. И я понимаю вас.

Они пожали друг другу руки.

— Завтра утром я позвоню, — проговорил мистер Бейнес. — Спокойной ночи, сэр.

Он поклонился, мистер Тагоми тоже поклонился в ответ.

Молодой улыбающийся японец вышел первым и что-то сказал мистеру Бейнесу, но он не разобрал, что именно.

— Да? — переспросил Бейнес.

Он снял с вешалки пальто и вышел на крыльцо.

— Он обратился к вам по-шведски, сэр, — объяснил мистер Тагоми. — Он прослушал курс истории Тридцатилетней войны в Токийском университете и был очарован вашим великим героем Густавом Адольфом.

Мистер Тагоми снисходительно улыбнулся.

— Однако совершенно ясно, что его попытки овладеть столь чуждым лингвистическим языком безнадежны. Без сомнения, он пользовался одним из курсов, записанных на пластинки. Он студент, а такие курсы обучения очень популярны среди студентов, вследствие своей дешевизны.

Молодой японец, очевидно, не понял ничего по-английски, поклонился и улыбнулся.

— Ясно, — пробормотал Бейнес. — Что ж, я желаю ему удачи.

«У меня собственные лингвистические проблемы, — подумал он. — Совершенно очевидно».

Боже, студент-японец по пути в гостиницу конечно же попытается заговорить с ним по-шведски. Мистер же Бейнес едва понимал этот язык, и то только, когда на нем говорили совершенно правильно.

«Он все время будет пытаться использовать свой единственный шанс: вероятно, ему никогда больше не поговорить со шведом».

Мистер Бейнес тяжело вздохнул. Какие же муки предстоят для них обоих!

Глава 6

Ранним утром Юлиана отправилась за провизией. Наслаждаясь прохладой и ярким солнечным светом, она не спеша прогуливалась по тротуару с двумя бумажными коричневыми пакетами, останавливаясь возле каждой витрины и изучая ее содержимое. Торопиться ей было некуда.

Ее смена в зале дзюдо начнется после полудня, утром у нее масса свободного времени. Устроившись на высоком стуле перед прилавком, она поставила сумку и принялась листать журналы.

В свежем номере журнала «Лайф» была статья, называвшаяся «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». Она с интересом пробежала ее и увидела фотографию немецкой семьи, смотревшей прямо у себя дома телепередачу. В статье сообщалось, что теперь изображение из Берлина передается уже в течение четырех часов ежедневно, а когда-нибудь телевизионные станции появятся во всех крупных городах Европы. К тысяча девятьсот семидесятому году одна такая станция будет построена и в Нью-Йорке.

Один из снимков запечатлел инженеров по электронной технике из Рейха в лаборатории Нью-Йорка, помогающих местному персоналу. Было очень легко отличить немцев от остальных. Только у них всегда такой здоровый, чистый, уверенный и энергичный вид.

Американцы же выглядели как обыкновенные люди. Эти могли быть кем угодно.

На фотографии один из немецких специалистов на что-то указывал, а американцы сосредоточенно пытались вникнуть. «Похоже, что и зрение у них острее, чем у нас, — решила Юлиана, — да и питание последние двадцать лет лучше, чем у нас. Нам когда-то говорили, что они могут видеть такие вещи, которые никто другой видеть не может. Вероятно, это витамин «А» им помогает? Интересно все же: сидеть дома и видеть весь мир на экране маленькой серой трубки. Если эти наци могут летать туда-сюда между Землей и Марсом, почему бы им не завести у себя телевидение? Думаю, что мне бы по душе пришлось эти смешные представления. Великолепно было бы увидеть Боба Хоупа и Дюрана, а лучше смотреть на них, чем бродить по безжизненному Марсу. Может, в этом и весь смысл?» — предположила она.

Юлиана поставила журнал обратно на стеллаж.

У наци совершенно отсутствует чувство юмора, так зачем же им обзаводиться телевидением? Как-никак, а они поубивали почти всех знаменитых комиков. Правда, все они были евреями. По сути, они уничтожили почти всю индустрию развлечений. Интересно, как это еще Хоупу сходит с рук его шутки. Разумеется, он работает в Канаде, а там чуть посвободнее. Но ведь Хоуп действительно говорит слишком смело о некоторых вещах. Вроде этого анекдота о Геринге, где Геринг покупает Рим и велит перевезти его в свою берлогу в горах и выстроить там заново, или же где он возрождает христианство, чтобы его любимцы львы имели что-нибудь на...

— Вы хотите купить этот журнал, миссис?

Маленький высохший старичок, хозяин аптеки, подозрительно оглядел Юлиану.

Она виновато положила на место номер «Ридерс Дайджест», который только начала перелистывать.

Возвращаясь домой, Юлиана размышляла о том, что, возможно, Геринг станет новым фюрером, когда умрет Борман. Он чем-то отличался от остальных. Бормана выдвинуло на первый план его раболепие, перед которым не устоял Гитлер, доживая свои последние дни. Старый Геринг в это время был, как всегда, в своем дворце в горах.

Геринг должен был занять место Гитлера, потому что именно его Люфтваффе уничтожила сначала английские локационные станции, а затем

покончила с королевскими военно-воздушными силами. Гитлер вместо этого, скорее всего, приказал бы разбомбить Лондон, так же как он разбомбил Роттердам.

«Но, вероятно, место все же достанется Геббельсу. Об этом говорят все. Так же, как и о том, что оно не должно достаться этому жуткому Гейдриху. Он бы перебил всех нас. Это же настоящий мясник. Бальдур фон Ширах, по-моему, единственный, кто выглядит в какой-то степени нормальным. Но у него нет ни малейшего шанса», — подумала Юлиана.

Свернув в переулок, она поднялась по ступенькам на крыльцо старого деревянного дома, где жила.

Когда она отперла дверь квартиры, то увидела Джо Чинаделла там, где его оставила — лежащим на животе посередине кровати, свесив руки. Он все еще спал.

«Нет, — задумалась она. — Он же не может оставаться здесь вечно. Его грузовик ушел. Его отпустили? Очевидно».

Войдя в кухню, она свалила пакеты с едой на стол, рядом с тарелками.

«Но хотел ли он отпустить его?» — Вот что ее интересовало.

Что за странный человек. Он тратил на нее столько энергии, не отпуская ее всю ночь, и все же это происходило так, будто его здесь и не было, будто он не осознавал, что делает. Мысли его были заняты чем-то другим.

Она принялась привычно перекладывать продукты в старый холодильник фирмы «Дженерал Электрик», с дверцей наверху, потом взялась за стиральную.

«Может быть, он так часто этим занимается, что уже привык, — предположила она, — это стало его второй натурой. Тело совершает движения так же автоматически, как мои руки, вот как сейчас я кладу тарелки в раковину. Он мог бы делать это, даже если удалить три пятых его мозга, один голый рефлекс, как у лягушки».

— Эй, — позвала она, — просыпайся.

Джо пошевелился в кровати и засопел.

— Ты слышал, что отмочил Боб Хоуп по радио позавчерашним вечером? Он рассказал смешную историю о том, как немецкий майор допрашивал марсиан. Марсиане не могли предъявить документы, удостоверяющие, что их предки были арийцами. Слышал? Поэтому немецкий майор послал донесение в Берлин, что Марс населен евреями. — Войдя в комнату, где лежал на кровати Джо, она добавила: — И что они ростом в полметра и имеют две головы. Ты знаешь, как это может подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и молча, не мигая, смотрел на нее. Подбородок его почернел от щетины, в темных глазах — нескрываемая боль.

Она тоже притихла.

— Что с тобой? — наконец вымолвила Юлиана. — Ты боишься?

«Нет, — возразила она сама себе — это Френк может испугаться, а не Джо это непохоже».

— Старый плут уехал, — сказал Джо, приподнявшись.

— Что же ты собираешься делать?

Она присела на край кровати, вытирая руки посудным полотенцем.

— Я перехвачу его на обратном пути. Он не проболтается. Он знает, что я поступил бы с ним точно так же.

— С тобой уже случалось такое раньше? — поинтересовалась она.

Джо не ответил. «Значит, ты знал, что грузовик уходит, — поняла Юлиана. — Теперь я уверена в этом».

— А если он выберет другой маршрут? — спросила она.

— Он всегда ездит по шоссе номер пятьдесят и никогда по сороковому. Там он однажды попал в аварию. Несколько лошадей вышли на дорогу, и он в них врезался. В Скалистых горах.

Сняв со стула одежду, он начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — Юлиана наблюдала за парнем.

— Тридцать четыре.

Выходило, что он должен был участвовать в войне. Она не видела явных физических дефектов: тело было стройное, мускулистое, длинные красивые ноги. Джо, заметив, как она внимательно изучает его, нахмурился и отвернулся.

— Я что, не могу посмотреть? — спросила она.

Она на самом деле удивилась. Ну почему бы и не посмотреть? Всю ночь она была с ним, а теперь такая стеснительность.

— Мы что — тараканы? — не могла сдержаться Юлиана. — Мы прячемся от света и, скрываясь друг от друга, должны забираться в щели?

Раздраженно засопев, Джо направился в ванную, нервно потирая подбородок.

«Ведь это мой дом! — рассердилась Юлиана. — Я его сюда пустила, а он так отчужденно ведет себя. Зачем же он тогда захотел остаться?» Она заглянула в ванную. Он набирал горячую воду в чашку для бритья.

На руке его мелькнула татуировка: буква «К».

— Что это? Твоя жена? Конни? Карина?

Умываясь, Джо выговорил:

— Каир.

«Что это за экзотическое имя?» — подумала она с завистью, а потом почувствовала, что краснеет.

— Я действительно глупая, — признала она.

Тридцатичетырехлетний итальянец из занятой нацистами части мира... он участвовал в войне, все верно, но на стороне держав Оси. И он сражался под Каиром: татуировка была связующим звеном меж немцами и итальянцами, ветеранами этой кампании. Это — знак победы над британо-австрийской армией под командой генерала Готта. Этой победы добился Роммель и его африканский корпус.

Юлиана вернулась в комнату и начала застилать постель. Руки не слушались ее.

Аккуратной стопкой в открытом небольшом плоском чемодане лежало все имущество Джо: одежда, белье, личные вещи. Среди них она заметила обитую бархатом коробочку, похожую на футляр для очков. Приоткрыв ее, она увидела Железный Крест Второй степени с надписью и датой — 10 июня 1945 года, выгравированной на планке, к которой крепился крест. «Не все получили такую награду, только самые доблестные. Интересно, что же ты совершил такого, ведь тогда тебе было всего семнадцать лет?»

Джо появился как раз в то мгновение, когда она вынула орден из коробочки. Она почувствовала его присутствие и виновато-резко положила орден на место, но Джо, казалось, не сердился на нее.

— Я только посмотрела, — объяснила Юлиана. — Прежде я никогда не видела такого ордена. Роммель лично приколот его к твоему мундиру?

— Его вручил мне генерал Вайерлейн. К тому времени Роммеля уже перевели в Англию, чтобы завершить ее разгром. — Джо вынул из чемодана свежее белье.

Голос его был спокоен, но рука непроизвольно потянулась ко лбу, и пальцы, как расческа, воткнулись в шевелюру, словно расчесывая ее. Юлиана определила это как хронический нервный шок.

— Расскажешь? — попросила Юлиана, когда он, приняв горячий душ, вышел из ванной.

Однако скупой рассказ Джо Чинаделла не оправдал ожиданий Юлианы.

Два его старших брата участвовали еще в Эфиопской кампании, в то время как он, тринадцатилетний подросток, состоял в фашистской молодежной организации в Милане, его родном городе. Позже братья служили в знаменитой артиллерийской батарее, которой командовал майор Рикардо Парди, а когда началась вторая мировая война, Джо мог уже присоединиться к ним.

Они сражались в батальоне Грациани. Техника у них была ужасной, особенно танки. Даже старших офицеров англичане подстреливали, как кроликов. Люки танков во время боя приходилось заваливать мешками с песком, чтобы они случайно не открылись.

Майор Парди подбирал расстрелянные артиллерийские снаряды, чистил их, смазывал, а потом снова заряжал ими орудия. Его батарея остановила отчаянное наступление генерала Повелла в 1943 году.

— А братья живы? — поинтересовалась Юлиана.

— Братья были убиты в сорок четвертом: задушены проволокой, которую применяли английские десантники из специальной бригады, действовавшей за линией фронта, на территории, занятой державами Оси. Их фанатизм особенно проявился на последних этапах войны, когда стало ясно, что союзники уже не смогут победить.

— А как ты теперь относишься к британцам? — запинаясь задала вопрос Юлиана.

— Мне бы хотелось посмотреть, поступают ли с ними в Англии так же, как они действовали в Африке.

В голосе его послышались металлические нотки.

— Но ведь это было восемнадцать лет назад, — попыталась возразить Юлиана. — Я знаю, что англичане творили особые жестокости, но...

— Вспоминают о зверствах, которые наци чинили над евреями, — проговорил Джо. — Англичане поступили еще хуже. Во время битвы за Лондон.

Он промолчал.

— Эти огнеметы, струи горящего фосфора и нефти. Я видел потом кое-кого из немцев-десантников. Лодка за лодкой сгорали дотла, превращаясь в золу. Эти спрятанные под воду трубы — они прямо-таки поджигали море. А что англичане сделали с гражданским населением во время массированных налетов бомбардировщиков, с помощью которых Черчилль рассчитывал выиграть войну в самый последний момент! Эти ужасные налеты на Гамбург... Эссен...

— Давай не будем ворошить прошлое, — предложила Юлиана.

Она пошла на кухню и включила маленький белый радиоприемник фирмы Эмерсон в пластмассовом корпусе, подарок Френка к дню ее рождения.

— Я сейчас приготовлю что-нибудь поесть.

Юлиана повертела ручку настройки, пытаясь поймать легкую, приятную музыку.

— Подойди ко мне, — попросил Джо.

Он сидел на кровати в комнате, положив свой чемоданчик рядом. Открыв его, он извлек потрепанную, обернутую в газету, зачитанную книгу.

— Вот взгляни. Ты знаешь, что говорит этот человек?

Он улыбнулся Юлиане, взял ее за руку, притянул к себе и усадил рядом.

— Я хочу тебе почитать. Предположим, что они победили бы. Что бы тогда было? Можешь не задумываться: этот человек все за нас продумал.

Раскрыв книгу, Джо начал аккуратно переворачивать страницы.

— Ну хотя бы вот это: «Британская империя контролировала бы Европу, все Средиземноморье. Италии не было бы вообще, как и Германии. Бобби и эти смешные солдатики в высоких меховых шапках с королевством до самой Волги».

— А разве это было бы плохо? — удивилась Юлиана.

— Ты читала эту книгу?

— Нет, — призналась она, попробовав заглянуть под газетную обложку. «Саранча садится тучей». Готори Абендсен.

Она слышала об этой книге, многие ее читали.

— Но Френк, мой бывший муж, и я — мы часто говорили о том, что было бы, если союзники выиграли войну.

Джо, казалось, не слушал ее.

— А здесь, — продолжал он, — ты можешь узнать, каким образом победила Англия, как она добила державы Оси.

Юлиана почувствовала, как внутренне напрягся сидевший рядом с ней Джо. Подбородок его подрагивал, он беспрерывно облизывал губы, запуская пальцы в шевелюру. Когда он заговорил, голос его был хриплым.

— У него Италия предала интересы Оси. Италия переметнулась к союзникам, присоединилась к англосаксам и открыла то, что называется «мягким подбрюшьем Европы». Но для писателя естественно так думать. Мы все знаем, что трусливая итальянская армия бежит каждый раз, едва заведев британцев. Дует вино. Умеет только гулять, а не драться. Этот парень... — Джо захлопнул книгу. — Абендсен. Я не виню его. Он написал эту утопию, вообразил, каким был бы мир, если бы державы Оси потерпели поражение. А как же еще они могли бы проиграть? Только благодаря предательству Италии! — Он заскрежетал зубами. — Дуче был клоуном, мы все это знали...

— Нужно перевернуть бекон, — Юлиана ускользнула на кухню.

Последовав за ней с книжкой в руке, Джо продолжал:

— Штаты тоже выступили после того, как поколотили япошек. А после войны Штаты и Англия разделили мир между собой точно так же, как это теперь сделали Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — уточнила Юлиана.

Он взглянул на нее.

— Ты пропустил Италию, — она спокойно выдержала его взгляд. «Маленькая империя на Ближнем Востоке, опереточный Новый Рис», — подумала она.

Джо с аппетитом принялся за поданный ему на деревянной дощечке бекон с яичницей.

— А чем тебя кормили в Северной Африке? — Юлиана присела к столу.

— Дохлой ослитиной, — ответил Джо, криво усмехнувшись.

— Но ведь это противно!

Джо перестал улыбаться:

— Азимо Мортс. Консервы из говядины с напечатанными на банке инициалами А.М. Немцы называли их «Альтер Манн» — Старик.

Подав Джо поджаренные ломтики хлеба, кофе и мармелад, Юлиана бережно взяла в руки книгу.

«Как бы мне хотелось прочесть этот роман, — подумала она. — Долго ли Джо пробудет со мной? На книжке много жирных пятен, страницы порваны, всюду отпечатки пальцев. Водители грузовиков, видимо, читали ее на долгих стоянках, в закусовых. Держу пари, что Джо читает медленно: небось до-тошно перечитывал ее несколько недель, если не месяцев...»

Наобум открыв книгу, она прочла:

«Теперь, в старости, он успокоенно взирал на свои владения, которых так жаждали, но не могли достичь древние: корабли из Крыма и Мадрида, и по всей империи одни и те же деньги, один язык, одно знамя. Старый великий Юнион Джек развевался от восхода до заката солнца. Наконец это свершилось: все, что касалось солнца, и все, что касалось флага».

— Единственная книга, которую я таскаю с собой, — сказала Юлиана, — фактически даже не является книгой. Это оракул, «Книга перемен». Меня приучил к ней Френк, и я всегда пользуюсь ею, когда нужно что-то предпринять. Я никогда не теряю ее из виду. Никогда.

Она принесла оракула.

— Хочешь взглянуть, спросить у него совета?

— Нет, — покачал головой Джо.

Сев напротив Джо и глядя ему в глаза, Юлиана поинтересовалась:

— Ты, может быть, совсем переедешь сюда, или у тебя есть еще что-то, что тебя держит?

«Начнутся пересуды, сплетни, — размышляла она. — Но он поражает себя своей ненавистью к жизни, в нем что-то есть. Он похож на небольшого, ловкого зверя. — Юлиана всмотрелась в его резко очерченное, узкое, смуглое лицо. — И как это я вообразила, что он моложе меня? Правда, он инфантилен, он все еще боготворит своих старших братьев, майора Парди, генерала Роммеля и, как мальчишка, изо всех сил бьется над тем, чтобы удрать из дому и добить этих Томми. А на самом ли деле они придушили его братьев проволоочной петлей? Мы, конечно, слышали об этом, все эти рассказы о зверствах, мы видели снимки, опубликованные после войны, — она содрогнулась, — но британские парашютисты давным-давно преданы суду и понесли наказание...»

По радиоприемнику прекратилась музыка: похоже на то, что будут последние известия и, судя по количеству помех, — из Европы. Голос диктора захрипел и смолк.

Последовала длительная пауза. Затем раздался голос диктора из Денвера, такой четкий, что, казалось, он находится почти рядом. Юлиана протянула руку, чтобы приглушить звук, но Джо остановил ее.

— Известие о смерти канцлера Бормана, подтвержденное недавно, ошеломило и потрясло Германию, так же, как и вчерашнее сообщение о том...

Они вскочили на ноги.

— Все радиостанции Рейха отменили назначенные прежде передачи, и слушатели внимают торжественным мелодиям, исполняемым хором дивизии «Рейх», — звукам партийного гимна «Хорст Вессель». Позже, в Дрез-

дене, где работает партийный секретариат и руководство СС, а также национальной службы безопасности, сменившей гестапо...

— ...реорганизация правительства по инициативе бывшего рейхсфюрера Гиммлера, Альберта Шпеера и других. Была объявлена двухнедельная траурная национальная церемония, и уже, как сообщают, закрылись многие магазины и предприятия. До сих пор не поступало сведений об ожидаемой сессии Рейхстага, этого официального парламента Третьего Рейха, чье одобрение требуется для...

— Канцлером станет Гейдрих, — не вытерпел Джо.

— А мне бы хотелось, чтобы им стал этот высокий блондин, Ширах, — сказала Юлиана. — Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет, — кратко ответил Джо.

— А может быть, там теперь начнется гражданская война? — предположила Юлиана. — Но эти парни, все эти старые ребята из партии — Геринг и Геббельс — они ведь уже старики.

Радиоприемник передавал:

— ...достигло его приюта в Альпах бриз Бреннера..

— Это о толстяке Германе.

— ...просто сказал, что он потрясен потерей не только солдата, патриота и преданного партийного вождя, но и, как он уже неоднократно заверял, своего личного друга, которого, как все помнят, он поддерживал во времена безвластия, вскоре после окончания войны, когда выяснилось, что элементы, препятствующие восхождению герра Бормана к верховной власти...

Юлиана выключила приемник.

— Они просто переливают из пустого в порожнее! Зачем им этот словесный мусор? Эти мерзкие убийцы разглагольствуют так, будто они ничем не отличаются от обычных людей.

— Они такие же, как мы, — не согласился Джо. — Мы бы совершили то же самое, окажись на их месте. Они спасли мир от коммунистов. Если бы не Германия, нами бы всеми сейчас правили красные, и всем нам было бы намного хуже.

— Ты говоришь точно как радио.

— Я жил под властью наци, и я знаю, что это такое. Это совсем не пустая болтовня, когда проживешь двенадцать — тринадцать лет, даже больше — пятнадцать лет! Я получил трудовую книжку от организации Тодта. Я работал в этой организации с тысяча девятьсот сорок седьмого года сначала в Северной Африке, а затем в Штатах. Послушай... — Он положил руку ей на плечо. — У меня чисто итальянский талант к различным строительным специальностям. Доктор Тодт очень высоко ценил меня. Я не разгребал лопатой асфальт и не месил бетон для автотрасс, я проектировал, выполняя работу инженера. Однажды ко мне подошел доктор Тодт и проверил, как работает наша бригада. Он сказал мне: «У тебя хорошие руки». Это было великим моментом в моей жизни, Юлиана. Гордость за свой труд! Они не просто говорят такие слова. До них, до наци, все смотрели на физическую работу сверху вниз, и я не был исключением. Трудовой фронт положил конец этому. Я впервые совсем иначе взглянул на свои собственные руки.

Джо говорил быстро, так что акцент стал гораздо сильнее, чем обычно. Ей было трудно разобрать его речь.

— Мы жили тогда в лесистой местности, в северной части Нью-Йорка, жили, как братья, распевая песни, строем шли на работу. В нас царил

воинственный созидательный дух. Это были самые лучшие дни: восстановленные после войны общественные здания. Совершенно новые кварталы Нью-Йорка и Балтимора. Теперь-то эта работа уже в прошлом. Крупные картели, такие, как «Нью-Джерси Крупп и сыновья» вышли на арену. Но это не наци, это прежние европейские воротилы. Слышишь? Нацисты, подобные Роммелю или Тодту, в миллион раз лучше, чем промышленники, такие, как Крупп, и банкиры, все эти пруссаки. Их всех следовало бы загнать в душегубки. Всех этих фрайеров в жилетках.

«Но теперь уже эти джентльмены в жилетках закрепились навечно, — не решилась произнести вслух Юлиана, — а вот твоих кумиров, Роммеля и доктора Тодта, вытянули на поверхность сразу же после прекращения военных действий для того, чтобы расчистить развалины, построить авто-страды, восстановить промышленность. Они даже позволили жить евреям, что было удивительно, но это была приманка, чтобы привлечь их к работе. Пока не наступил сорок девятый год... и тогда гуд-бай, Тодт и Роммель. На заслуженный отдых. Разве я не знаю всего этого, разве я не слышала об этом от Френка? Ты ничего не можешь рассказать мне о жизни под властью наци: мой муж был и есть еврей. Я знаю, что доктор Тодт был скостнейший и добрейший из всех когда-либо живших людей. Мне известно, что все, что он хотел сделать, это обеспечить работой, честной, достойной уважения работой миллионы отчаявшихся американцев с потускневшим взором, мужчин и женщин, копошившихся после войны в развалинах. Я знаю, что он хотел наладить приличное медицинское обслуживание, организовать курорты, где можно было бы провести свой отпуск, и построить приличное жилище для всех, независимо от расы. Он был строитель, а не мыслитель, и в большинстве случаев ему удалось создать то, что он хотел, — он фактически добился этого. Но...»

Одна мысль все время не давала ей покоя.

— Джо, эта книга, «Саранча...», разве она не запрещена на Восточном побережье?

Он кивнул.

— Так как же ты умудрился ее прочитать?

— Они ведь до сих пор расстреливают людей за то, что они читают..

— Все зависит от твоей национальности. Кроме того, я служил в союзнической армии.

Значит, так оно и есть. Пуэрториканцев, славян, например, поляков ограничили в их духовном развитии. Положение англосаксов оказалось намного лучше. Для их детей существовала даже система народного образования, они могли посещать библиотеки, музеи, концерты.

Но даже для них... «Саранча» была не просто недоступной книгой, она была запрещена, и для всех в равной степени.

— Я читал в уборной, — объяснил Джо, — и прятал под подушкой. Да и читал ее я потому, что она запрещена.

— Ты страшно смелый! — изумилась Юлиана.

— Да? — отозвался он. — Ты, похоже, подтруниваешь надо мной.

— Нет.

Он чуть расслабился.

— Вам здесь, ребята, легко. У вас безопасная, бесцельная жизнь, вам нечего совершать, не о чем беспокоиться. Вы вдали от основного потока событий, вы — осколки былого, верно?

Он насмешливо посмотрел на нее.

— Ты сам убиваешь себя, — вздохнула она, — своим цинизмом. У тебя одного за другим забирали твоих идолов, и теперь у тебя не осталось ничего, чему бы ты мог посвятить свою любовь.

Кивнув на книгу, Джо произнес:

— Этот Абендсен живет где-то здесь, неподалеку, в Майенне. Обозревает мир из такого безобидного места, что никому и в голову не придет. Прочти-ка о нем.

Быстро пробежав глазами текст на последней обложке, Юлиана повтори-ла вслух:

— «Демобилизованный солдат, служит сержантом в морской пехоте Соединенных Штатов. Во время второй мировой войны ранен в Англии в бою с фашистским танком «тигр». Дом, где он писал роман, превращен им по существу в крепость».

Она отложила книгу и добавила:

— Я слышала, кто-то рассказывал, что он почти параноик: свое жилище он окружил колючей проволокой под напряжением, а ведь это где-то в горах, к нему и так не доберешься.

— Возможно, он и прав, что предпринял меры предосторожности, — сказал Джо. — Немецкие шишки от злости прыгали до потолка, прочтя его книгу.

— Он и прежде вел такую жизнь. Это место называется... — Она взглянула на обложку. — «Высокий замок». Вот так ласково он его называет.

— Очевидно, им до него не добраться, — размышлял Джо. — Он настороже и весьма предусмотрителен.

— Я уверена, — сказала Юлиана, — что для того, чтобы написать эту книгу, потребовалось немало смелости. Если бы державы Оси проиграли войну, то мы могли бы говорить и писать все, что заблагорассудится, как это было раньше. Мы бы снова были единой страной, и у нас была бы справедливая законная система, единая для всех нас.

К ее удивлению, Джо согласно кивнул.

— Не понимаю я тебя, — упрекнула она. — Во что ты веришь? Чего ты хочешь? То ты защищаешь этих чудовищ, этих уродов, истребляющих евреев, а потом вдруг...

Она со злости вцепилась ему в уши.

От неожиданности и боли Джо заморгал, когда она стала тащить его голову вверх, к своему лицу.

Тяжело дыша, они смотрели друг на друга, не в силах произнести хоть одно слово. Первым нарушил молчание Джо.

— Дай мне доесть то, что ты мне приготовила.

— Ты не желаешь со мной разговаривать?! Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, ты это понимаешь, а продолжаешь жрать, притворяешься, что не имеешь ни малейшего понятия, о чем речь?

Юлиана отпустила его уши, выкрутив их до такой степени, что они стали пунцово-красными.

— Пустой разговор, — ответил Джо. — Он не имеет никакого смысла. Вроде того, что болтают по радио. Ты знаешь, как когда-то коричневорубашечники называли тех, кто плетет философские премудрости? Их называли яйцеголовыми из-за большого, выпуклого черепа, который так легко разбить в уличной драке.

— Если это относится и ко мне, — сказала Юлиана, — почему же ты не уходишь? Для чего ты остался вообще?

Загадочная гримаса Джо остудила ее пыл.

«А жаль, что я позволила ему пойти со мной, — подумала она. — Сейчас уже слишком поздно. Теперь мне не избавиться от него, слишком уж он сильный. Происходит нечто ужасное, и это исходит от него, а я, пожалуй, ему помогаю в этом».

— Так в чем же дело? — Он протянул руку, ласково потрепал ее за подбородок, погладил шею, сунул пальцы под рубашку и нежно прижал ее плечи к своей груди. — Настроение? Твои проблемы меня сковывают.

— Тебя когда-нибудь назовут европейским психоаналитиком. — Юлиана кисло улыбнулась. — Тебе что — хочется закончить жизнь в печи?

— А ты боишься мужчин?

— Не знаю.

— Могла бы предупредить ночью. Только потому что я... — Он запнулся, подбирая выражение. — Потому что я специально позаботился о том, чтобы заметить твоё желание.

— Потому что ты валялся в постели с очень многими девками! — выпалила Юлиана. — Вот что ты хочешь сказать.

— Но я знаю, что прав. Послушай, я никогда не причиню тебе вреда, Юлиана, даю тебе слово, клянусь памятью матери. Я буду особенно нежным к тебе, и если тебе захочется воспользоваться моим опытом, я всегда готов тебе услужить. Все твои страхи пройдут. Я смогу уничтожить твои тревоги и поднять настроение, хоть ненадолго. А раньше тебе просто везло.

Она кивнула, несколько приободрившись.

Но холод и тоска все еще не отпускали ее, и она не могла понять, откуда они взялись.

* * *

Перед началом трудового дня мистер Нобусуки Тагоми нашел время побыть в одиночестве. Он сидел в своем кабинете в «Ниппон Тайм Билдинг» и размышлял.

Когда он собирался уже отправиться в контору, к нему домой пришло сообщение Ито о мистере Бейнесе. У молодого аспиранта не было и тени сомнения, что мистер Бейнес не швед. По всей вероятности, мистер Бейнес — немец.

Но способности Ито к языкам германской группы никогда не производили впечатления ни на торговое представительство, ни на Токкоку — японскую тайную полицию.

«Скорее всего этот дурак не разнюхал ничего стоящего, — подумал мистер Тагоми. — Неуклюжий энтузиазм в соединении с романтическими доктринами. Излишняя подозрительность».

В любом случае на пороге — совещание с мистером Бейнесом и пожилым человеком с Родных Островов, и оно начнется независимо от национальности мистера Бейнеса. К тому же мистер Бейнес пришелся по душе Тагоми. «Мое чутье не подвело меня, — радовался он. — Сразу же при встрече распознал хорошего человека».

Интуиция — главное в оценке людей. Важно отбросить все церемонии и внешние проявления и проникнуть в самую суть. «Мне он нравится, —

сказал себе мистер Тагоми, — немец он или швед. Надеюсь, что заракаин избавит его от головной боли. Прежде всего нужно не забыть справиться об этом».

На столе зажужжал интерком.

— Нет, — ответил он резко в микрофон, — никаких обсуждений. Это момент постижения истины.

Из крохотного динамика послышался голос мистера Рамсея:

— Сэр, только что сообщили из пресс-службы внизу. Рейхсканцлер мертв. Мартин Борман.

Наступила тишина.

— Отменить все дела на сегодня, — распорядился Тагоми.

Он поднялся из-за стола и начал быстро расхаживать по кабинету, сложив на груди руки.

«Надо сосредоточиться. Сразу же нужно отправить официальное послание рейхсконсулу — это мелочь: можно оставить подчиненным. Глубокая скорбь и тому подобное. Вся Япония вместе с немецким народом... Зачем? Нужно быть особенно внимательным и незамедлительно принимать сообщения из Токио».

Нажав кнопку интеркома, он приказал:

— Мистер Рамсей, удостоверьтесь в надежности связи с Токио. Скажите девушкам-телефонисткам, чтобы были начеку. Мы не должны потерять связь.

— Есть, сэр, — ответил мистер Рамсей.

— Я буду все время у себя. Отложите все дела. Отваживайте всех, кто звонит по обычным делам.

— Сэр?

— У меня должны быть свободными руки на случай, если понадобится вдруг мое вмешательство.

— Да, сэр.

Через полчаса, в девять, пришла телефонограмма от самого высокопоставленного представителя имперского правительства на Западном побережье, посла Японии в США, почтенного барона Л.Б.Калемакуле. Министерство иностранных дел созывало чрезвычайное заседание в здании посольства на Зуттер-стрит. И каждое из торговых представительств обязано было послать на это заседание самое ответственное лицо.

Времени на переодевание не оставалось. Мистер Тагоми поспешил к экспресс-лифту, спустился на первый этаж и через мгновение уже сидел в автомобиле, принадлежащем представительству, черном «кадиллаке» выпуска 1940 года, за рулем которого был опытный шофер-китаец, одетый в специальную форму.

Возле здания посольства припарковалось не менее дюжины автомобилей других сановников. Высокопоставленные чиновники, со многими из которых мистер Тагоми был знаком, поднимались по широким ступенькам в здание посольства, заполняя его вестибюль. Шофер учтиво распахнул дверь перед мистером Тагоми. Тот быстро выбрался из машины, сжимая в руках пустой портфель, дабы не сложилось впечатление, что мистер Тагоми просто наблюдатель. Широким, уверенным шагом он поднялся по ступеням. Весь его вид свидетельствовал о значимости происходящего и о его роли в сегодняшнем заседании, хотя, о чем будет идти речь, мистеру Тагоми сообщить не удосужились.

В вестибюле стоял гул. Тагоми присоединился к группе знакомых ему людей, то и дело кивая и стараясь при этом выглядеть, как и все остальные, очень торжественно.

Появился служащий посольства и проводил всех в большой зал, где стояли кресла с откидными сиденьями. Все молча расселись по местам. разговоры прекратились, слышалось только покашливание и сморканье.

К столу на небольшом возвышении подошел джентльмен с бумагами в руках. Полосатые брюки — представитель министерства иностранных дел.

Пронесся легкий шумок, и все стихло.

— Господа, — произнес он зычным, командным голосом.

Все взоры устремились на него.

— Как вам известно, получено подтверждение, что рейхсканцлер умер. Официальное заявление Берлина. Эта встреча, которая не затянется — вы скоро сможете вернуться в свои учреждения, — имеет целью проинформировать вас о нашей оценке соперничающих фракций в политике Германии, которые в настоящий момент могут появиться на авансцене и вступить в ничем не сдерживаемый спор за место, освобожденное герром Борманом. Коротко о самых значительных. Прежде всего Герман Геринг, «жирный боров», как его называют за его размеры, когда-то храбрый, воодушный ас времен первой мировой войны, основатель гестапо. Он занимал важный пост и обладал обширной властью в послевоенном правительстве Пруссии. Один из первых самых безжалостных нацистов, хотя впоследствии его чувственные излишества способствовали возникновению ложного, вводящего в заблуждение, портрета эдакого эбродушного любителя вин и искусства. Наше правительство настоятельно рекомендует вам отбросить подобные представления. Несмотря на то что, как говорят, у этого человека нездоровые аппетиты, он больше всего похож на самопрославляющихся древнеримских императоров, чья жажда власти с возрастом не уменьшилась, а даже увеличивалась. Без сомнения, ему необходимо представляться в тоге, окруженным любимыми львами, или владельцем гигантского замка, набитого награбленными трофеями и произведениями искусства. Тяжело нагруженные поезда с ценностями направлялись в первую очередь в его личные поместья, их пропускали даже в военное время раньше поездов с военными грузами. Наша оценка: этот человек стремится к неограниченной власти и способен добиться ее. Из всех нацистов он больше всех потворствует своим слабостям и в этом отношении резко контрастирует с поздним Гиммлером, который жил в нужде на сравнительно невысокое жалованье. Герр Геринг — представитель людей с извращенным складом ума, использующий власть как средство приобретения излишних благ и богатства. У него примитивный интеллект, даже вульгарный, но тем не менее это весьма разумный человек, пожалуй, даже самый умный из всех нацистских главварей. Предмет его вожделений — самовозвеличивание в стиле древнеримских императоров.

Следующий — герр Геббельс. В детстве он перенес полиомиелит, происходит из католической семьи, блестящий оратор, писатель. Космополитические взгляды, изысканные манеры. Он очень активен с дамами, эlegantен, образован, у него недюжинные способности. Очень много работает: почти беженное увлечение администрированием. Говорят, что он никогда не отдыхает. Весьма уважаемая особа. Может быть очарователен, но, говорят, имеет неистовый характер, не имеющий равных среди других

наци. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитское средневековое мировоззрение, обостренное позднеромантическим немецким нигилизмом. Считается единственным настоящим интеллектуалом в фашистской партии. В молодости мечтал стать драматургом. Друзей немного. Пользуется любовью подчиненных, знаток европейской культуры. В основе его честолюбивых принципов лежит не самовосхваление, а власть ради самой власти. Организаторские способности — в лучших традициях прусского государства.

Герр Гейдрих. Гораздо моложе всех вышеперечисленных, принимавших участие еще в перевороте тысяча девятьсот тридцать второго года. Карьерист из эсэсовской элиты. Находился в подчинении Гиммлера и, возможно, сыграл определенную роль в еще не до конца объясненной его смерти в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Официально устранил других соперников из полицейского аппарата, таких, как Эйхман, Шелленберг и так далее. Говорят, что многие члены национал-социалистической партии боятся этого человека. Осуществляет надзор за Вермахтом после прекращения военных действий. Как известно стычка между полицией и армией привела к реорганизации правительственного аппарата, власть которого еще больше возросла. Всегда поддерживал Мартина Бормана. Продукт исключительного воспитания, которое предшествовало так называемой замкнутой системе. Говорят, что в традиционном смысле лишен эмоциональности. Его побуждения составляют тайну. Вероятно, можно было бы сказать, что его идеал — общество, в котором борьба между людьми сводится к последовательности игр. В некоторых технократических кругах находят, что ему присуща особая квазинаучная отрешенность. В идеологических дискуссиях участия не принимает. Вывод: является типичным представителем для времени, следовавшим за веком просвещения; свободен от так называемых неизбежных иллюзий, как-то: вера в бога и тому подобное. Вместе с тем определение его как человека с реалистическим складом ума вызывает сомнение наших ученых социологов в Токио, так как необходимо учитывать некоторые его особенности, присущие патологической шизофрении, поэтому этот человек должен рассматриваться со знаком вопроса.

Бальдур фон Ширах — бывший руководитель гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Привлекательная внешность. Особенно опытным или компетентным его не считают. Искренне предан идеям нацистской партии. В заслугу ему вменяется осушение Средиземного моря и мелиорация огромных площадей с целью создания сельскохозяйственных угодий. В начале пятидесятых принял некоторые меры для смягчения расовой политики искоренения славянских народов. Аппелировал непосредственно к населению Германии, дабы остатки славян могли существовать в закрытых районах-резервациях. Призывал к прекращению определенных форм убийства «из сострадания» и медицинских экспериментов, но потерпел неудачу.

Доктор Зейсс-Инкварт, нынешний управляющий колониальными владениями Рейха, отвечающий за политику на окраинах. Наверное, его больше, чем других, ненавидят на территории Рейха. Говорят, что он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер по отношению к покоренным народам. Вместе с Розенбергом разработывал идеологическое обоснование таких всеобъемлющих и чудовищных акций, как попытки стерилизации всего русского населения после прекращения военных действий.

О реализации этого проекта нет достоверных сведений. Кроме того, доктор считается одним из лиц, особо ратовавших за уничтожение всей природы Африканского континента, что создало бы условия для массового исчезновения негритянского населения. Вероятно, по темпераменту он ближе всех к первому фюреру, Адольфу Гитлеру.

Сухая, неторопливая речь представителя министерства иностранных дел подошла к концу.

Мистер Тагоми подумал: «Похоже, я схожу с ума. Мне нужно как-то уйти отсюда, у меня начинается приступ. Я больше не в состоянии переносить все это — я умираю».

Он с трудом поднялся на ноги и стал протискиваться к выходу, почти ничего не видя.

Скорее в туалет. Он уже бежал по проходу между рядами.

Несколько голов повернулись в его сторону. Какое унижение — обморок во время столь важной встречи.

«Дайте пройти!» — он выбежал в дверь, которую перед ним открыл служащий посольства.

И сейчас же улеглась паника. Стены перестали плыть перед глазами, пол снова стал устойчивый.

Приступ головокружения. Функциональное расстройство среднего уха, вне всякого сомнения.

«Какое-то ограниченное, кратковременное расстройство, — решил он. — Нужно прийти в себя, восстановить связь с внешним миром, вспомнить, как он устроен. За что хватиться? За религию? За...»

Служащий посольства подхватил его под локоть и спросил:

— Сэр, вам помочь?

— Спасибо, мне уже лучше.

Лицо служащего было спокойным и внимательным, ни тени насмешки. «Возможно, что в глубине души все они будут смеяться надо мной, — ужаснулся мистер Тагоми. — Это зло! Оно непробиваемое, как бетон. Я не могу поверить в это. Я не могу выдержать этого. Разве то, что я сделал, грешно?»

Он вспомнил о кулуарных разговорах, о министерском представителе, выступившем перед элитой Сан-Франциско.

«Вся наша религия — заблуждение. Но что же мне делать?» — спросил он себя.

Тагоми прошел к выходу. Швейцар открыл дверь, и мистер Тагоми спустился по ступенькам к стоянке автомобилей. Шофер его машины отделился от группы других шоферов и быстро занял место за рулем.

«Зло — неотъемлемая часть нашего мира, проникающая в наши души, тела, даже в камни, на которых мы стоим. Все вокруг пропитано злом. Почему? Мы, как слепые кроты, роемся в земле. Мы ничего не знаем. Я понял это теперь, когда оказался в тупике. Остается только вопить от страха, бежать без оглядки. От кого ждать сострадания? Смейтесь надо мной», — отчаялся Тагоми.

— «Ниппон Тайм Билдинг», — сказал он вслух шоферу. — Помедленнее.

Из окна автомобиля он смотрел на город. Высокие здания. Многие из них очень современны. Люди. Все эти мужчины и женщины спешат куда-то по своим личным делам.

Добравшись до своего кабинета, Тагоми поручил мистеру Рамсею связаться с торговым представительством, занимавшимся рудными ископае-

мыми. Он видел их шефа в посольстве и хотел переговорить с ним, как только тот вернется.

Звонок раздался незадолго до полудня.

— Вы, наверное, заметили мое недомогание во время встречи, — бросил мистер Тагоми в трубку. — Оно было, несомненно, замечено всеми. Особенно мой поспешный уход.

— Я ничего не заметил, — ответил глава представительства по импорту руды в Японию. — Вот только после инструктажа я не нашел вас и заинтересовался, что с вами произошло.

— Я высоко ценю вашу деликатность, — недоверчиво произнес мистер Тагоми.

— Совсем нет. Я уверен, что все были настолько поглощены сообщением министерства иностранных дел, что вряд ли были в состоянии отвлекаться на что-либо другое. Что же касается того, что произошло после вашего ухода... Вы присутствовали при изложении кратких характеристик претендентов на власть? Сначала говорилось об этом.

— Я дослушал до того момента, когда речь пошла о Зейсс-Инкварте.

— После этого докладчик пространно говорил об экономическом положении Рейха. Правительство Родных Островов в курсе замыслов Германии, согласно которым население Европы и Средней Азии должно быть низведено до положения рабов. Плюс истреблены все интеллектуалы, буржуазные элементы, патриотическая молодежь и многое другое. Все это обернется экономической катастрофой. До сих пор нацистов спасали только внушительные достижения германской науки и промышленности. Чудесное оружие, так сказать...

— Да, — подтвердил мистер Тагоми. — Так же как и их удивительные ракеты «Фау-один» и «Фау-два» и реактивные истребители военного времени.

— Все, что они делают, это всего лишь ловкость рук, — заметил эксперт по рудам. — Главным образом их экономика держится на использовании атомной энергии, и внимание широких кругов общественности они отвлекают ну хотя бы запуском ракет на Марс или Венеру. Так сказал докладчик.

— Значение всех этих факторов сильно преувеличено нацистами, — добавил мистер Тагоми.

— Прогноз докладчика был очень мрачен. Возникло ощущение, будто большинство высокопоставленных нацистов отказывается открыто смотреть в лицо фактическому застою в экономике. Напротив, они еще больше развивают тенденцию к рискованным и грандиозным авантюрам. Стабильность экономики в целом падает. Сначала фанатичный энтузиазм, затем страх, потом решения партии и жесты отчаяния, все снова идет по кругу. По словам докладчика, все это приведет к тому, что власть могут захватить крайне безответственные и безрассудные претенденты. Мы должны предполагать скорее худшее, чем благоприятное. В этой нынешней схватке и трезвые, ответственные потерпят поражение.

— А кто же, по его мнению, является наихудшим? — поинтересовался мистер Тагоми.

— Гейдрих. Доктор Зейсс-Инкварт. Герман Геринг. Однако об этом он высказался недостаточно подробно.

— Что еще?

— Он определил, что мы должны крепить веру в императора и правительство в этот час более, чем всегда... Что мы должны с доверием взирать на своих руководителей.

— Была минута скорбного молчания?

— Да.

Мистер Тагоми поблагодарил собеседника и положил трубку.

Он пил чай, когда зажужжал интерком.

— Сэр, вы хотели отправить соболезнование германскому консулу, — раздался голос мисс Эфрикян. — Вы изволите продиктовать его текст сейчас?

Тагоми совершенно выпустил это из виду и пригласил секретаршу в кабинет.

Она сейчас же вошла, озабоченно улыбаясь.

— Вам теперь лучше, сэр?

— Да. Инъекция витаминов помогла.

Мисс Эфрикян сосредоточилась.

— Напомните мне, как фамилия германского консула? — спросил Тагоми.

— Фрейер Гуго Рейсс.

— Майн герр, — начал мистер Тагоми. — До нас дошла ужасная весть о том, что ваш вождь, герр Мартин Борман, пал в борьбе с недугом. Слезы душат меня, когда я пишу эти строки. Когда я вспоминаю о героических деяниях, совершенных герром Борманом по обеспечению спасения народов Германии от врагов, как внутренних, так и внешних, а также о потрясающих душу твердых мерах, направленных против малодушных и предателей, желавших лишить человечество перспективы покорения космоса, куда устремились светловолосые, голубоглазые представители нордических рас в своей неумной...

Он остановился, продолжать можно было до бесконечности, и он понял, что уже не сможет закончить предложение. Мисс Эфрикян выключила диктофон, вся преисполнилась ожидания.

— Сейчас великие времена, — сказал он мисс Эфрикян.

— Мне записать это, сэр? Это войдет в послание?

В нерешительности она снова включила аппарат.

— Это я вам сказал, — произнес мистер Тагоми.

Она улыбнулась.

— Прокрутите-ка то, что я уже наговорил.

Завертелись бобины, затем он услышал свой голос, тонкий, металлический, исходящий из громкоговорителя диаметром в два дюйма.

— ...совершенных... спасения...

Как будто какое-то насекомое скреблось и билось внутри аппарата.

— А вот и конец фразы, — заключил Тагоми, когда лента остановилась, — ...решимость бороться и принести себя в жертву, а тем самым обеспечить такое место в истории, из которого никакая форма жизни не сможет их изгнать, что бы ни случилось с миром.

Он помолчал.

— Все мы насекомые, — обратился он к мисс Эфрикян, — слепо рвемся к чему-то ужасному и божественному. Вы согласны?

Миссис Эфрикян, не отрываясь от диктофона, молча поклонилась.

— Отправьте это. Подпишите и тому подобное. Подработайте текст по своему усмотрению, так, чтобы он приобрел хоть какой-нибудь смысл, —

приказал Тагоми и спустя минуту добавил: — Или так, чтобы он ничего не значил вообще. Любой вариант, какой вы сами сочтете предпочтительным.

Выходя из кабинета, миссис Эфрикян с любопытством взглянула на него.

Когда она ушла, мистер Тагоми принялся было за обычные повседневные дела. Но почти тут же мистер Рамсей предупредил его по интеркому:

— Сэр, звонит мистер Бейнес.

«Хорошо, — подумал мистер Тагоми. — теперь мы сможем начать важный разговор». Он решительно поднял трубку.

— Мистер Тагоми? — послышался голос мистера Бейнеса.

— Добрый день. Из-за смерти канцлера Бормана я был вынужден неожиданно покинуть свой кабинет утром. Тем не менее...

— Мистер Ятаба еще не связался с вами?

— Пока еще нет, — ответил Тагоми.

— Вы предупредили свой персонал? — Бейнес казался взволнованным.

— Да, — успокоил его Тагоми, — Мои люди проводят мистера Ятаба ко мне тут же, как только он прибудет.

Тагоми спешно сделал пометку на календаре. До сих пор у него не дошли до этого руки. Похоже, переговоры не начнутся, пока не прибудет пожилой джентльмен.

Это повергло его в уныние.

— Сэр, мне не терпится начать. Вы представите свои приспособления для прессования пластмасс? Хотя у нас такая неразбериха...

— Ситуация изменилась, — пояснил мистер Бейнес. — Мы подождем мистера Ятаба. Вы уверены, что он еще не прибыл? Я хочу, чтобы вы обещали мне, что немедленно известите о его прибытии, после того как он созовется с вами. Пожалуйста, постарайтесь, мистер Тагоми.

Голос Бейнеса звучал напряженно и отрывисто.

— Я даю вам слово. — Теперь и Тагоми ощутил беспокойство.

Смерть Бормана — вот что спутало карты.

— А тем временем я бы с удовольствием отобедал в вашем обществе, ну хотя бы сегодня. Мне еще не удалось перекусить. — Тагоми не теряя надежды вернуться к делам. — Хотя мы и подождем конкретных переговоров, возможно, мы могли бы побеседовать об общих условиях, в частности о...

— Нет, — категорично ответил мистер Бейнес.

— Нет? — разочарованно протянул Тагоми. — Я не совсем здоров сегодня, сэр, — пояснил он. — Со мной случилось одно прискорбное происшествие. Я так надеялся поделиться с вами своими заботами.

— Извините, — проговорил мистер Бейнес, — я позвоню вам позже.

Сработал сигнал отбоя. Тагоми быстро положил трубку.

«Я обидел его, — предположил Тагоми, — он, должно быть, догадался, что я забыл предупредить персонал об этом пожилом джентльмене. Но ведь это такая мелочь».

Он нажал кнопку:

— Мистер Рамсей, пожалуйста, зайдите ко мне.

«Я могу немедленно это поправить. Тут дело в чем-то более важном, — решил он. — Бейнеса потрясла смерть Бормана. И, кроме того, проявление моего небрежного, даже, можно сказать, наплевательского отношения к делу. — Тагоми чувствовал себя виноватым. — Сегодня плохой день. Мне

следовало бы проконсультироваться у оракула, выяснить, какой сейчас момент. Я слишком далеко отошел от Тао. Под действием какой из шестидесяти четырех гексаграмм нахожусь я сейчас?»

Он открыл ящик стола, вытащил оттуда оба тома «Книги перемен» и положил их на стол.

«С какого же вопроса начать? У меня столько вопросов, что не знаю, как же правильно построить их».

Когда мистер Рамсей вошел в кабинет, гексаграмма была уже определена. Гексаграмма сорок семь. Подавленность, изнеможение.

— Смотрите, мистер Рамсей. — Тагоми указал на открытую книгу.

— В общем-то предзнаменование плохое, — заключил мистер Рамсей. — Какой был ваш вопрос, сэр? Если только я не обижаю вас, спрашивая об этом.

— Я справился относительно текущего момента, — уклончиво ответил мистер Тагоми. — Момент для всех нас. Переходящих строк нет. Статическая гексаграмма.

Он захлопнул книгу.

* * *

В три часа дня Фринк все еще дожидался вместе со своим деловым партнером решения Уиндема-Матсона о деньгах и поэтому решил посоветоваться с оракулом.

«Как все это обернется?» — спросил он и стал кидать монеты.

Выпала гексаграмма сорок семь с одной скользящей строкой. Девятой на пятнадцатом месте.

«У него отрезали нос и ноги. Он раздавлен человеком с красной повязкой на колене. Радость приходит легко. Она побуждает делать подношения и возлияния».

Довольно долго — не меньше получаса — Фринк изучал эти строчки и связанные с ними комментарии, пытаясь определить, что же это могло значить. Гексаграмма и особенно скользящая строка очень беспокоили его. Наконец он с сожалением пришел к безрадостному выводу, что особых денег ждать не приходится.

— Ты слишком полагаешься на эту штуковину, — заметил Мак-Карти.

В четыре часа появился рассыльный от Уиндема-Матсона и вручил Фринку и Мак-Карти конверт. Вскрыв его, они обнаружили подписанный чек на две тысячи долларов.

— Вот ты и оказался неправ, — заключил Мак-Карти.

«Должно быть, оракул имеет в виду какие-то дальнейшие последствия, — подумал Фринк. — В этом все дело. Позже, когда это случится, можно будет оглянуться назад, точно сказать, что имел в виде оракул. А сейчас...»

— Мы можем открыть мастерскую, — заявил Мак-Карти.

— Сегодня? Прямо сейчас?

Френк чувствовал, что терпит терпение.

— А почему бы и нет? Мы уже подготовили все необходимые письма с заказами. Все, что мы должны сделать, — это отправить их по почте. И чем скорее, тем лучше. А оборудование, которое можно достать здесь, в Сан-Франциско, мы выберем сами.

Они уговорили домовладельца сдать им подвал. Раньше он использовался как склад. Освободив помещение от хлама они смогут соорудить верстаки, подвести к ним электричество, установить светильники, начать монтаж электродвигателей и приводных ремней. У них уже были готовы эскизы, заполнены спецификации с перечнем деталей. Так что фактически они уже начали свое дело.

«Наше предприятие уже заработало», — понял Френк Фринк.

Затем они придумали название.

«Ювелирные изделия фирмы Эд-Френк».

— Самое большое, на что я сегодня еще способен, — объявил Френк, — это купить доски для верстаков и, возможно, электрооборудование.

Компаньоны отправились на склад на южной окраине Сан-Франциско и через час уже запаслись нужным пиломатериалом.

— Что тебя тревожит? — поинтересовался Мак-Карти, когда они вошли в магазин электрооборудования.

— Деньги. У меня падает настроение. Когда мы оплатим все?

— Старый Уиндем-Матсон у нас в руках, — заметил Мак-Карти.

«Мне это известно, — подумал Фринк. — Именно поэтому я и места себе не нахожу. Мы влезли в его владения. Мы уподобились ему. И что же? Приятна ли нам эта мысль?»

— Не оглядывайся назад, — посоветовал Мак-Карти. — Смотри вперед. Думай о будущем деле.

«Я смотрю вперед, — мысленно ответил Фринк. — Об этом говорит и гексаграмма. Какие же подношения и возлияния я могу сделать? И кому? С кем?»

Глава 7

Красивая молодая японская чета, посетившая магазин Роберта Чилдана, носила фамилию Казоура. Они связались с антикваром по телефону и к концу недели пригласили его на обед.

Чилдан очень ждал этого звонка, и поэтому приглашение посетить их квартиру вызвало у него восторг.

Он закрыл свой магазин чуть раньше обычного и нанял педикей, чтобы поехать в привилегированный район, где жили Казоура. Он хорошо знал этот район, белых там не встретишь.

Педикей катился по извилистым улицам с разбитыми там и сям газонами и декоративными ивами. Чилдан восхищался изяществом архитектуры современных многоквартирных домов. Чугунные литые решетки балконов, высокие колонны, дома покрашены в мягкие пастельные тона, всевозможные орнаментальные украшения — все это представляло собой шедевры архитектурного искусства. Чилдан помнил те послевоенные годы, когда здесь не было ничего, кроме руин.

Игравшие на улицах японские дети бросали на него мимолетные взгляды и, не испытывая никакого интереса, сразу же возвращались к своему футболу или бейсболу. Но реакция взрослых была иная.

Хорошо одетые молодые японцы, выходя из своих автомобилей и направляясь к парадным жилых домов, не без удивления следили за ним. Он живет здесь? Интересно. Это были молодые японцы-бизнесмены, воз-

вращавшиеся домой из своих контор. Главы торговых представительств тоже обитали тут. Чилдан заметил на стоянке «кадиллаки». По мере того как педикейб все ближе продвигался к месту назначения, антиквар нервничал все больше и больше.

Поднимаясь по лестнице к квартире Казоура, он подумал не без тщеславия: «Вот он я. Приглашен, и не просто по делу, а гостем к обеду».

Конечно, ему пришлось немало позаботиться о костюме, но теперь, по крайней мере, он мог быть уверен, что его внешность соответствует обстановке. «Да, все в норме, — решил он. — Как я выгляжу? Это никого не введет в заблуждение. Я не принадлежу к ним, я здесь чужеродное тело, на этой самой земле, которую расчистили белые и на которой построили один из самых прекрасных городов. А теперь я чужой в своей собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к нужной двери и нажал кнопку звонка.

Дверь открылась. Перед ним стояла молодая миссис Казоур в шелковом кимоно, завязанном оби — ярким широким шелковым поясом. Ее длинные черные волосы были заколоты в сверкающий узел ниже затылка. Она приветливо улыбнулась. Позади нее, в гостиной, стоял муж, держа в руке бокал и кивая головой.

— Мистер Чилдан, заходите.

Чилдан поклонился и вошел.

Интерьер отличался вкусом, в высшей степени утонченным вкусом, и одновременно нес на себе отпечаток аскетизма.

В обстановке ничего лишнего: торшер, стол, книжный шкаф, литография на стене. Невероятное, непревзойденное, присущее только японцам, чувство «ваби». Такого не могло быть в европейских жилищах. Способность найти в самых обыденных предметах красоту не меньшую, чем в изысканных и замысловатых вещах. И все благодаря определенному их расположению в пространстве.

— Выпьете? — спросил мистер Казоур. — Виски с содовой?

— Мистер Казоур... — начал Чилдан.

— Просто Пол, — прервал молодой японец, затем указал на жену: — Бетти. А вы?..

— Роберт, — пробормотал Чилдан.

Усевшись на мягком ковре с бокалами в руках, они слушали запись кото — японской тридцатиструнной арфы. Пластинка была совсем недавно выпущена фирмой «Хиз мистерс войс» по японской лицензии и пользовалась огромной популярностью. Чилдан обратил внимание на то, что вся музыкальная установка была куда-то спрятана, даже динамики. Он не мог определить, откуда льются звуки.

— Не зная ваших вкусов, мы не стали искушать судьбу. — Бетти улыбнулась. — На кухне в электропечи жарятся бифштексы. Гарниром будет печеный картофель с луком в кисло-сладком соусе. По принципу: никогда не прогадасешь, подавая гостю бифштекс в первую же встречу.

— Весьма польщен, — сказал Чилдан. — Я обожаю бифштексы.

Это и правда было так. Ему редко приходилось пробовать бифштексы. Громадные скотоводческие фермы Среднего Запада давно уже не поставляют на Западное побережье больших партий мяса, и он не мог вспомнить, когда в последний раз ел хороший бифштекс.

Теперь пришла его очередь отблагодарить хозяев.

Из внутреннего кармана пиджака он извлек небольшую вещицу, завернутую в китайскую шелковую бумагу. Он осторожно положил ее на столик. Хозяева сразу же заметили это, и тогда он объяснил:

— Подарок. Безделушка. В знак благодарности за радушный прием.

Он развернул бумагу и показал им кусочек слоновой кости, выточенный китобоями Новой Англии более столетия назад. Резьба по слоновой кости. Хозяева знали толк в резьбе, которой моряки занимались в свободное время. Ни один предмет не был столь законченным образцом культуры старых Соединенных Штатов.

Наступила торжественная тишина.

— Спасибо, — поблагодарил Пол.

Роберт Чилдан поклонился.

В душе его на мгновение разлился покой. Это подношение есть — по определению «Книги перемен» — своего рода возлияние.

Чувство тревоги и подавленности, терзавшее его до сих пор, постепенно слабело.

Рэй Келвин возместил ему убытки за липовый кольт и вдобавок письменно заверил, что подобное не повторится. Однако это не облегчило сердца.

Только сейчас, в атмосфере покоя, ощущение, что все в мире летит к черту, стало исчезать.

«Ваби», окружавшее его, излучавшее гармонию, — вот это утешало. Со-размерность, равновесие. «Они так близки к Тао, эти двое. Вот почему на меня так подействовало их появление».

Ему вдруг стало казаться очень интересно: что значит — по-настоящему постичь Тао? Тао — это то, что сначала излучает свет, а потом поглощается тьмой. Оно — причина взаимодействия двух основных сил и таким образом обуславливает обновление. Благодаря ему сдерживается распад мира. Вселенная никогда не исчезает, потому что, как только мир окутывается мраком и берет верх над светом, тут же в самых глубинах тьмы зарождаются ростки света. Таков путь развития. Зерно падает в почву. И там, глубоко внизу, невидимое взору, оно прорастает и дает начало новой жизни.

— Настоящий шедевр, — восхитилась Бетти.

Она присела и предложила Чилдану тарелку с маленькими ломтиками сыра.

— Сегодняшний день весь заполнен известиями из-за рубежа, — Пол прихлебнул из бокала. — Когда я ехал после работы домой, передавали прямую трансляцию из Мюнхена грандиозной церемонии национальных похорон. Там было пятидесяти тысячное шествие с флагами и тому подобное. Все время пели «Был у меня товарищ». Сейчас тело усопшего доступно для всех преданных членов партии.

— У доктора Геббельса такие прелестные дети, — вставил Чилдан. — И все очень способные.

— Да, это верно, — согласились японцы. — Он, в отличие от других высокопоставленных особ Германии, примерный семьянин, — поддержал Пол. — А нравы наци весьма сомнительны.

— Я бы не очень доверял слухам, — возразил Чилдан. — Вы, вероятно, имеете в виду Рема? Это древняя, давно позабытая история.

— Я, скорее, имел в виду Германа Геринга, — уточнил Пол, медленно потягивая виски. — Говорят, он, подобно Рему, устраивает оргии, отлича-

ющиеся фантастической изощренностью. От одного упоминания о них мороз пробирает по коже.

— Это все ложь, — отозвался Чилдан.

— Да ну его. Этот субъект не заслуживает того, чтобы о нем говорили, — тактично вмешалась Бетти.

Она вновь налила виски в опустевшие бокалы.

— Политические дискуссии всем горячат головы, — заметил Пол. — А самое главное — ее не терять.

— Да, — согласился Чилдан. — Спокойствие и порядок. Только при таких условиях все вернется на свои места.

— Период после смерти вождя — период критический в тоталитарном обществе, — продолжил Пол. — Отсутствие традиций и влияние среднего класса на общественную жизнь в сочетании с ... — Он запнулся. — А не лучше ли бросить разговоры о политике? — улыбнулся Пол.

Роберт Чилдан почувствовал, как краска заливает лицо, и наклонил голову, чтобы укрыться от глаз своих хозяев.

Такой ужасный разговор получился. Во все горло по-идиотски спорить о политике. Бестактность его не имела границ. И только врожденный такт хозяина дома спасли вечер. «Мне еще нужно многому научиться, — понял Чилдан. — Они такие воспитанные и вежливые, а я кто? Белый варвар. Ведь правда?»

Некоторое время он смаковал виски, стараясь придать лицу выражение удовлетворенности. «Нужно всегда следовать их примеру, — сказал он себе, — всегда соглашаться».

Тут он с ужасом осознал, что его мысли буквально продираются теперь сквозь рогатки, поставленные алкоголем. Да еще усталость и волнение. «Нужно держаться, иначе меня больше никогда не пригласят, может, и теперь уже поздно». Его охватило отчаяние.

Бетти, вернувшись из кухни, снова уселась на ковер. «Какая привлекательная, — снова подумалось Чилдану. — Такое нежное тело. У них прекрасные фигуры: никакого жира, никаких выпуклостей. Им не нужны ни грации, ни пояса. Свои чувства нужно скрывать любой ценой...»

Чилдан не мог сдержаться и то и дело украдкой поглядывал на нее. — «Прелестный темный цвет кожи, волос, глаза... В сравнении с ними мы выпечены только наполовину. Нас вышвырнули из печи прежде, чем мы допеклись. Точно как в древней легенде аборигенов о белых пришельцах. Как это близко к истине... Нужно думать о чем-нибудь другом, найти какую-нибудь расхожую тему, все что угодно».

Повисла неловкая пауза.

«О чем же, черт побери, говорить? О чем-нибудь безопасном».

Чилдан скользнул взглядом по невысокому черному шкафу.

— У вас, я смотрю, там «Саранча садится тучей»? — заметил он. — Много слышал об этой книге, но большая занятость не позволила мне ее прочесть.

Он поднялся и направился к шкафу, где стояла книга, внутренне контролируя каждый свой шаг. Хозяева, казалось, допускали такой поворот событий, и поэтому Чилдан продолжил:

— Детектив? Вы уж простите мне мое крайнее невежество.

Теперь он листал книгу.

— Вообще даже не детектив, — отозвался Пол. — Просто весьма интересная форма утопии, возможная только в жанре фантастики.

— О нет, — не согласилась Бетти. — Фантастика здесь ни при чем. В фантастике обычно действие происходит в будущем, где наука ушла далеко вперед по сравнению с нашим временем. А эта книга не укладывается в подобные рамки.

— Но в ней речь идет об альтернативном настоящем, — возразил Пол. — Есть множество широко известных фантастических романов подобного рода. Повернувшись к Роберту, он пояснил:

— Простите мне мою дотошность, но жена моя знает, что я долгие годы был страстным любителем научной фантастики, а увлекся ею еще в детстве, когда мне было лет двенадцать. Это было в самом начале войны.

— Понимаю, — вежливо кивнул Чилдан.

— Хотите взять «Саранчу»? — Пол улыбнулся. Мы скоро ее дочитаем, самое большее — через день или два. Так как моя контора в центре города, недалеко от вашего знаменитого магазина, я мог бы с радостью занести ее вам в обеденный перерыв.

Пол помолчал, а потом добавил, как показалось Чилдану, повинуюсь какому-то знаку Бетти:

— И мы могли бы тогда вместе пообедать.

— Благодарю вас, — удалось выговорить Чилдану.

Обед в одном из центральных модных ресторанов для бизнесменов. Он и этот изысканный современный высокопоставленный японец! Об этом и мечтать не возможно. Все поплыло у него перед глазами.

— Да, — отозвался он наконец, — эта книга, вероятно, очень интересная. Мне бы очень хотелось прочесть ее. Я всегда стараюсь быть в курсе того, о чем так много спорят.

Но тут же новые сомнения стали одолевать его. Стоило ли ему признаваться, что его интерес к книге обусловлен модой на нее? Может, это дурной тон? Он не знает, так ли это, но тем не менее почувствовал, что так.

— Нельзя судить о книге только на том основании, что она бестселлер, — сказал Роберт. — Это всем известно. Многие из бестселлеров — ужасный хлам. Но, однако, эта книга...

Он в нерешительности замолчал.

— Вы правы, — вымолвила Бетти, — у большинства на самом деле скверный вкус.

— То же самое относится и к музыке, — поддержал Пол. — Сейчас мало кто интересуется, например, подлинным американским народным джазом. Вот вам, скажем, Роберт, нравятся Ванк Джонсон или Кид Ори и им подобные? У меня целая дискотека такой музыки: оригиналы пластинок фирмы «Дженет».

— К сожалению, я плохо знаком с негритянской музыкой.

По их виду Чилдан понял, что это признание не доставило им большого удовольствия.

— Я предпочитаю классику, Баха и Бетховена.

Конечное же это произвело желанное впечатление. Но все же он ощутил некоторую натянутость. Неужели они предполагали, что он будет отрицать музыку великих европейских мастеров, неподвластную времени классику, ради ньюорлеанского джаза, родившегося в притонах и кабачках негритянских кварталов?

— Пожалуй, я поставлю вам что-нибудь из избранного этих ньюорлеанских королей ритма... — начал Пол, собираясь выйти из комнаты, но

Бетти бросила на него многозначительный взгляд, и он нерешительно пожал плечами.

— Обед уже почти готов, — пояснила она.

Пол вернулся на свое место и сел, пробормотав, как показалось Роберту, несколько раздраженно:

— Джаз из Нью-Орлеана — это подлинная народная музыка. Ее корни на этом континенте. Все остальное пришло из Европы, например, эти старомодные струнные баллады на английский манер.

— Мы не переставая спорим друг с другом, — Бетти улыбнулась Роберту. — Я не разделяю его любви к старому джазу.

Все еще держа в руках книгу, Чилдан спросил:

— Какого рода альтернативное настоящее описывается в этом романе?

Бетти ответила не сразу.

— По книге Германия и Япония проиграли войну.

Выдержав паузу, Бетти грациозно поднялась и сказала:

— Пора обедать. Пожалуйста, к столу, двое изголодавшихся джентльменов, утомленных делами и заботами.

На обеденном столе, покрытом большой белой скатертью, лежало столовое серебро, рядом с фарфором пирамидками возвышались накрахмаленные салфетки, в которых Роберт узнал старинные американские.

Приборы были также из безукоризненного американского серебра высшей пробы.

Чашки и блюда темно-голубого и желтого цвета фирмы «Ройял Альберт», определил Чилдан. Это была очень редкая посуда, и Роберт не мог не залюбоваться ею, испытывая при этом профессиональное восхищение.

А вот тарелки... На вид они походили на японские, но Роберт не стал бы этого утверждать. Это было выше его возможностей.

— Это фарфор Имари, — пояснил Пол, угадав мысли Роберта. — Из Ариты. Он считается одним из лучших. Япония.

Они сели за стол.

Угощение показалось Чилдану восхитительным.

Бетти великолепно готовила. Особенно ему понравился салат. Авокадо, сердцевина артишоков, цветная капуста... Слава богу, что его не потчуют традиционной японской пищей, смесью зелени и кусочков мяса: его он был сыт по горло с времен окончания войны. И морскими продуктами. Слава богу, его положение позволяло обходиться без креветок и всяких других моллюсков.

— Хотелось бы узнать, — произнес Роберт, — каким, по мнению автора, был бы мир, если бы Германия и Япония проиграли бы войну.

— Разница была бы существенной, — спустя некоторое время отозвался Пол. — Лучше об этом прочесть самому. Если вы заранее все узнаете, испортите впечатление.

— У меня по данному вопросу есть очень твердое убеждение, — заметил Роберт. — Я не раз обдумывал этот вариант и пришел к выводу, что в мире все было бы намного хуже. — Он слышал свой твердый, резкий голос. — Намного хуже.

Эти слова, казалось, удивили хозяев, а может быть, тон, которым они были произнесены.

— Повсюду господствовал бы коммунизм, — продолжал Роберт.

Пол согласно кивнул.

— Автор, мистер Готторн Абендсен, со всех сторон рассмотрел этот вариант — беспрепятственное распространение Советской России. Но так же, как и в первую мировую войну, даже будучи на стороне победителей, отставала, в основном крестьянская, Россия, естественно, получает кукиш. Становится посмешищем. Вспомните ее войну с Японией, когда...

— Теперь же пришлось пострадать нам, расплачиваясь за нынешнюю ситуацию, — вставил Роберт. — Но мы сделали это по доброй воле, чтобы остановить нашествие славянского мира.

— Лично я не верю ни в какие исторические бредни о нашествии со стороны любых народов. Славян ли, китайцев или японцев, — Бетти безмятежно посмотрела на Роберта.

Она заметно владела собой, хотя на щеках ее появился яркий румянец — признак возбуждения.

Какое-то время все молча ели.

«Снова я осрамился, — разозлился на себя Чилдан. — Невозможно избежать этой темы, потому что она повсюду: в книге, которая случайно попадает в руки, в этих салфетках — добыче завоевателей. Мародерство, учиненное по отношению к моему народу. Надо посмотреть правде в глаза. Пытаешься убедить себя в том, что эти японцы и ты похожи? Однако, даже прославляя их победу, ты опускаешься до того, что радуешься поражению своего народа, — все равно мы стоим на разной земле. То, что определенные слова означают для меня, имеет совершенно противоположное значение для них. У них другие мозги и другие души. Смотри, они пьют из английских фарфоровых чашек, пользуются американскими столовыми приборами, слушают негритянскую музыку. Это все на поверхности. Преимущества богатства и власти делают все это доступным для них, но это все как пить дать суррогат, наносное. Даже эта «Книга перемен», которой они почти что придушили нас, — она заимствована у китайцев, ранее покоренного ими народа. Кого они думают одурачить? Самих себя? Воруют обычаи направо-налево: костюм, кухню, язык, манеры. Ты только взгляни, с каким смаком они пожирают печеный картофель со сметаной и сыром, это старинное американское блюдо, также ставшее их трофеем. Никого они не одурачат, вот что я вам скажу, а меня — меньше всего. Только представители белой расы наделены даром творчества!... И тем не менее я — чистокровный белый — должен разбить лоб перед этими двумя. Только подумай, что было бы, если бы мы победили! Да мы бы стерли их с лица земли. Сегодня не было бы Японии, а Штаты стали бы единственной могучей процветающей державой во всем необъятном мире. Я должен обязательно прочесть эту книгу... — решил Чилдан. — Это мой патриотический долг».

— Роберт, вы совсем не едите, — мягко заметила Бетти. — Может быть, плохо приготовлено?

Он сразу же зацепил полную вилку салата.

— Нет, — возразил он. — Это поистине самая превосходная еда, которую мне только приходилось есть за последние годы.

Хозяйка была явно польщена его словами.

— Я изо всех сил старалась приготовить настоящую... Например, я делала покупки только на крохотных американских базарчиках, удаленных от центральных улиц, где нам пытаются выдать итальянские или мексиканские продукты за американские.

«Да, вы довели нашу кухню до совершенства, — подумал Роберт Чилдан. — Общее мнение справедливо, у вас безграничные способности к подражанию. Яблочный пирог, кока-кола, увлечение кино и кинозвездами, Гленом Миллером, например... Вы могли бы склеить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги, бумажную мамулю на кухню, бумажного па, читающего газету, бумажного беби у его ног. Все, что угодно».

Пол молча наблюдал за Чилданом. Роберт, внезапно поймав его взгляд, сосредоточился на еде.

«Он что, и мысли умеет читать, угадывает то, что я думаю на самом деле? Пожалуй, внешне я ничем себя не выдал. Нет, все в порядке».

— Роберт, — обратился Пол, — поскольку вы здесь родились и выросли, знаете местные выражения, хорошо знакомы с культурой и обычаями своего народа, вы, возможно, можете мне понять одно явление, с которым я недавно столкнулся. Разъясните мне смысл некоторых фильмов двадцатых годов, которые мне удалось увидеть.

Роберт слегка поклонился.

— В этих фильмах главную роль играет ныне уже давно забытый актер, некто Чаплин. Это неловкий, жалкий человек, над которым издеваются все окружающие, и тем не менее его злоключения, его нескончаемые несчастья вызывают у белой части публики какой-то совершенно неконтролируемый смех. Я несколько раз пытался докопаться, что же может быть смешного в страданиях хорошего, порядочного человека? В каких аспектах вашей культуры или религии таятся корни такого отношения? Может, все дело в том, что актер по национальности — еврей?

— Если бы Германия и Япония проиграли войну, — немедленно отозвался Роберт, — то сегодня миром правили бы евреи. С помощью Москвы и Уолл-стрит.

Оба японца, и мужчина и женщина, отпрянули. Они поникли, стали холоднее, казалось, ушли в себя. Даже в комнате стало прохладнее. Роберт Чилдан почувствовал одиночество.

Что он натворил?

Они его не поняли, что-то неправильно истолковали. Во всем виновата их глупая неспособность улавливать нюансы чужой речи, их невосприимчивость западного образа мышления. Ускользнувшим от них значением сказанного и вызвана обида.

«Какая трагедия», — подумал Чилдан. Прежняя ясность, то, что существовала несколько минут назад, должна быть восстановлена во что бы то ни стало.

Никогда прежде не чувствовал Чилдан себя так напряженно, потому что нелепая мечта оказалась неосуществимой. «А ведь я столько ждал от этой встречи, — сокрушался он. — Когда я поднимался по лестнице, мне кружил голову юношеский романтический дурман. Но нельзя игнорировать реальность: мы уже давно повзрослели. А здесь все наполнено этим дурманом. Эти люди и людьми-то в полном смысле этого слова не являются. Носят одежду, как обезьяны, которые кривляются в цирке. Они умны, их можно выдрессировать, но и все. Зачем же я стараюсь угодить им, если это так?»

У меня, оказывается, патологическая наклонность к... ну, скажем, к безошибочному выбору наименьшего из зол.

Чем я занимался всегда? Следил за своими эмоциями в целях самосохранения, ведь в конце концов — они победители, они командуют. И

дальше я буду поступать точно так же, судя по всему. Потому что, зачем мне эти неприятности? Он смотрит американские фильмы и хочет, чтобы я их комментировал. Они надеются, что я, белый, могу дать им ответ. Я попробую! Но не сейчас, хотя, если бы я видел эти фильмы, то несомненно смог бы».

— Когда-нибудь мне удастся посмотреть какой-нибудь из этих фильмов, с этим Чаплином, — Чилдан обратился к Полу, — и тогда я смогу довести до вас смысл происходящего как на экране, так и в зале.

Пол слегка поклонился.

— Сейчас же работы так много, — продолжал Роберт. — Позже, наверное... Я уверен, что вам не придется долго ждать.

«И все же эта парочка не сумела скрыть разочарование, — подумал Чилдан. — Интересно, а ощущают ли они непроходимую пропасть, пролегшую между нами? Будем на это надеяться. Они заслужили своего. Смотреть американские фильмы и ждать от него разъяснений — стыдно».

Чилдан с большим аппетитом принялся за еду.

Ничто больше не портило вечер. В десять часов он покинул квартиру Казоура с чувством удовлетворения.

Чилдан вышел на темный тротуар и остановил проезжавший мимо педикейб.

«Мне всегда хотелось встретиться с некоторыми своими покупателями в неофициальной обстановке, — размышлял он по дороге домой. — И ведь не так уж и плохо. Этот опыт, возможно, будет мне хорошим подспорьем в бизнесе. Встреча с людьми, которых боишься, имеет терапевтический эффект. Раскусить их. Тогда исчезнет страх».

Он не заметил, как оказался перед собственными дверьми. Расплатившись с возницей-китайцем, поднялся по знакомой лестнице.

В его передней на диване сидел мужчина в пальто совершенно ему незнакомый. Белый. Он читал газету.

От удивления Чилдан будто застыл на пороге. Увидев его, белый отложил газету, неторопливо поднялся и, сунув руку во внутренний карман пальто, вытащил оттуда удостоверение.

— Кемпейтай.

Это был один из пинки, служащих Сакраменто и его государственной полиции, учрежденной японскими оккупационными властями.

Чилдан похолодел.

— Вы — Роберт Чилдан?

— Да, сэр.

Сердце его бешено колотилось.

— Недавно вас посетил один человек, белый, назвавшийся представителем одного из адмиралов имперского флота.

Полицейский сверился с бумагой, извлеченной из лежавшей на диване папки.

— Вы навели справки и убедились, что это совсем не так. Названного адмирала не существует, как и его корабля.

Мужчина внимательно посмотрел на Чилдана.

— Да, это так, — отозвался Чилдан.

— Нам сообщили, — продолжал полицейский, — о попытке шантажа, имевшей место в районе Залива. Этот парень, очевидно, приложил и там руку. Не можете ли вы обрисовать его.

— Невысокий, довольно смуглый, — начал Чилдан.

— Похож на еврея?

— Да, — подтвердил Чилдан, — только теперь это пришло мне в голову, а тогда я как-то просмотрел это.

— Вот фото.

Человек из Кемпейтай протянул снимок.

— Это он. — Чилдан не испытывал никаких сомнений. Его несколько ужаснули способности Кемпейтай. — Как же вы нашли его? Я ведь не сообщил никому о его визите, а позвонил своему оптовому торговцу, Рэю Келвину, и сказал о...

Полицейский жестом приказал ему молчать.

— У меня тут есть для вас одна бумага, которую вы должны подписать. И это все. Вам не нужно будет присутствовать на суде, ваше участие в этом деле заканчивается этой предписываемой законом формальностью.

Он протянул Чилдану лист бумаги и ручку.

— Здесь говорится о том, что этот человек посетил вас и попытался обмануть, выдавая себя за другого, и так далее. Все это вы можете прочесть здесь.

Полицейский отвернул рукав пальто и посмотрел на часы, пока Чилдан читал бумагу.

— По существу здесь все верно?

— По существу — да.

У Чилдана не было времени уделять этой бумаге должного внимания, да к тому же он был несколько сбит с толку всем, что произошло в течение дня.

Но он знал, что этот человек выдавал себя за другого и что тут был какой-то шантаж. Как сказал полицейский, парень этот — еврей. Чилдан взглянул на имя под фотографией. Френк Фринк, урожденный Френк Финк. Да, конечно, еврей, любому ясно — да еще с такой фамилией.

Чилдан подписал бумагу.

— Спасибо, — поблагодарил полицейский, собрал свои вещи, нахлобучил шляпу, пожелал Чилдану спокойной ночи и вышел.

Все дело заняло каких-нибудь несколько мгновений.

«Они найдут его, где бы он ни скрывался; — Чилдан испытывал большое облегчение. — Замечательно, что они так быстро работают. Мы живем в обществе законности и порядка, где евреям не позволено плести свои коварные интриги вокруг невинных людей, мы от этого защищены. И как это я сразу не распознал в нем еврея? Простак я, что ли? Очевидно, на хитрость я и не способен, а это делает человека беспомощным. Не будь закона, я был бы всецело в их власти, этот еврей мог бы убедить меня в чем угодно. Это какая-то форма гипноза. Они могут все общество подчинить себе. Завтра я пойду и куплю эту книгу. Интересно будет узнать, как автор представляет себе мир, в котором правят евреи и коммунисты, где Рейх лежит в развалинах, а Япония — просто провинция России. Россия там, кажется, простирается от Атлантического океана до Тихого. А описывает ли автор — как там его? — войну между Россией и Штатами? Занятная книга. Странно, что никому не пришло в голову написать подобное раньше. Такие книги позволяют лучше понять, насколько нам сопутствует удача, даже несмотря на все тяготы... нам было бы гораздо хуже. В этой книге — огромный моральный урок. Да, здесь у власти японцы, а мы побежденная нация, но мы обязаны смотреть вперед, должны строить.

И из этого произрастают такие великие свершения, как колонизация планеты».

«Последние известия!» — спохватился Чилдан и, поудобнее устроившись в кресле, включил радио.

«Может быть, уже избрали нового рейхсканцлера? — подумал он. — Мне лично этот Зейсс-Инкварт кажется более динамичным. Он лучше всех подходит для того, чтобы осуществлять смелые проекты. Я хотел бы быть там. Возможно, когда-нибудь у меня окажется достаточно денег, чтобы совершить путешествие в Европу и своими глазами увидеть все, что там происходит. Обидно пропустить такое, торчать здесь, на Западном побережье, где ничего не случается. История проходит мимо».

Глава 8

В восемь часов утра Фрейер Гуго Рейсс, рейхсконсул в Сан-Франциско, остановил свой «Мерседес-220-Е» у консульства. За ним вышли двое молодых служащих МИДа. Дверь была предусмотрительно отперта, и он вошел внутрь, поднятой рукой приветствуя девушек-телефонисток, вице-консула герра Франка, а затем, в приемной кабинета, секретаря консула, герра Пфердхофа.

— Фрейер, — обратился к нему Пфердхоф, — вот радиogramма, только что полученная из Берлина, с грифом номер один.

Это означало, что послание было срочным.

— Спасибо, — сказал Рейсс, снял пальто и передал его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил Краус фон Меер. Он просил, чтобы вы ему перезвонили.

— Спасибо, — повторил Рейсс.

Он сел за небольшой столик у окна кабинета, снял салфетку со своего завтрака, обнаружил на тарелке булочку, яичницу с колбасой, налил себе черного кофе из серебряного кофейника, затем развернул утреннюю газету.

Звонивший ему Краус фон Меер был шефом СД на территории ТША. Его штаб-квартира конечно же располагалась под какой-то фальшивой вывеской в здании аэровокзала. Взаимоотношения между Рейссом и Краусом фон Меером установились довольно напряженные. Их интересы пересекались в бесчисленных вопросах. Это было следствием преднамеренной политики тузов из Берлина. У Рейсса была почетная должность в СС, чин майора, и это ставило его формально в подчиненное положение перед Краусом фон Меером. Это звание было даровано Фрейеру несколько лет назад, и теперь он понял цель этого назначения.

И хотя тут он ничего не мог поделать, все же это до сих пор его раздражало.

Газета, доставляемая Люфтваганзой к семи утра, оказалась «Франкфуртер Цайтунг».

Рейсс внимательно просмотрел первую полосу. Бальдур фон Ширах под домашним арестом, возможно, в данный момент уже мертв. Очень нехорошо. Геринг на учебной базе Люфтваганзы, окруженный ветеранами войны, всецело преданный Борману. К нему не подступиться никаким боевикам СС и СД. А что там с доктором Геббельсом? Вероятнее всего, он в самом центре Берлина, как всегда, полагается на свой ум, свою способность проложить себе путь

куда угодно с помощью уговоров. Если Гейдрих пошлет взвод солдат разделиться с ним, маленький доктор не только отговорит их, а, пожалуй, и убедит их перейти на свою сторону, сделает их служащими министерства Propaganda и Общественного Просвещения.

Он представил себе доктора Геббельса в этот момент в квартире какой-нибудь потрясенной киноактрисы, свысока вззирающего на марширующие по улицам подразделения вермахта. Ничто не может устроить этого карлика.

Геббельс будет улыбаться своей презрительной улыбкой, продолжая ласкать прелестную женскую грудь левой рукой, в то время как правой будет писать статью для...

Стук в дверь прервал ход мыслей Фрейера.

— Извините меня, Краус фон Меер снова на проводе.

Рейсс встал, подошел к письменному столу и снял трубку.

— Здесь Рейсс.

— Что-нибудь слышно об этом типе из Абвера? — с явным баварским акцентом спрашивал местный СД.

— Гм... — в недоумении пытался сообразить, к кому относятся слова Крауса фон Меера.

— Насколько мне известно, в данный момент на Тихоокеанском побережье находятся три или четыре типа из Абвера.

— Я имею в виду того, который прибыл сюда на ракете Люфтваффе на прошлой неделе.

— А?... — протянул Рейсс.

Прижав трубку к уху плечом, он вынул из кармана портсигар.

— Он сюда не заходил.

— Что он делает?

— Боже, откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Мне хочется, чтобы вы позвонили в министерство иностранных дел и попросили их, чтобы они связались с рейхсканцлером и его канцелярией. Пусть прижмут адмиралтейство, требуя от Абвера либо отозвать своих людей отсюда, либо дать им возможность вразумительно объяснить причины их пребывания здесь.

— А вы сами не можете этого сделать?

— В нашем ведомстве сплошная неразбериха.

«Они совершенно потеряли из виду этого агента Абвера, — решил Рейсс. — Им, местной организации СД, было кем-то из персонала Гейдриха поручено следить за агентом, а они его упустили и теперь хотят, чтобы я таскал для них из огня каштаны».

— Если он сюда заявится, — заверил консул, — я велю кому-нибудь задержать его. Вы можете на меня положиться.

Конечно, шансов на то, что этот тип посетит консульство, было мало. И оба это знали.

— Он, несомненно, скрывается под чужой фамилией, — упрямо продолжал Краус фон Меер. — Мы, естественно, не знаем ее. У него внешность аристократа. Около сорока лет. Капитан. Настоящая фамилия Рудольф Вегенер. Происходит из старой монархической семьи Восточной Пруссии. Вероятно, является сторонником фон Папена.

Рейсс поудобнее расположился в кресле, продолжая вполуха слушать монотонный голос фон Меера.

— По-моему, единственное средство, с помощью которого можно придержать этих монархистов с кортиками, — это урезать бюджет флота, чтобы они были не в состоянии позволить себе...

Наконец Рейссу удалось отвязаться от собеседника. Когда он вернулся к завтраку, яичница уже совсем остыла. Кофе, однако, был еще горячим. Он выпил его и принялся за прерванное чтение газеты.

«Этому нет конца, — подумал он. — Люди из СД продолжают свою вахту и днем, и ночью, им ничего не стоит позвонить и в три часа ночи».

Секретарь Рейсса Пфердхоф просунул голову в дверь кабинета и, увидев, что телефон свободен, проговорил:

— Только что был очень тревожный звонок из Сакраменто. Они сообщили о том, что на улицах Сан-Франциско свободно разгуливает какой-то еврей.

Рейсс рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он. — Скажите им, чтобы они успокоились и прислали нам соответствующие документы. Что-нибудь еще?

— Прочтите соболезнования.

— Много?

— Несколько. Я их оставлю на своем столике, если они вам понадобятся. Я уже разослал ответы.

— Мне нужно приветствие для сегодняшней встречи, — предупредил Рейсс. — В час дня. С теми бизнесменами.

— Я вам напомню, — пообещал Пфердхоф.

Рейсс откинулся в кресле.

— Хотите пари?

— Только не по поводу медлительности партии. Если вы имеете в виду это...

— Выберут оратора.

Немного помешкав, Пфердхоф произнес:

— Гейдрих уже достиг своего потолка. Таких людей не допустят к непосредственному контролю над партией, потому что все их боятся. Даже от одной этой мысли партийные бонзы падают в обморок. Коалиция будет создана за те двадцать минут, которые понадобятся первому же автомобилю СС, чтобы проехать по Принц Альбертштрассе. В нее войдут все эти вортилы вроде Круппа и Тиссена...

Он умолк, так как к нему подошел с конвертом в руке один из шифровальщиков.

Секретарь передал конверт Рейссу.

Это была срочная радиограмма из Берлина, теперь уже расшифрованная и отпечатанная.

Прочитав, Рейсс скомкал радиограмму, положил ее в большую керамическую пепельницу и поджег зажигалкой. Пфердхоф застыл в ожидании.

— Здесь говорится, что к нам прибывает инкогнито какой-то японский генерал, некто Тедеки. Пожалуйста, отправляйтесь в публичную библиотеку и возьмите один из официальных японских военных журналов, где есть его фотография. Постарайтесь, конечно, сделать это скрытно. Я не думаю, что у нас есть какие-нибудь сведения о нем тут, в консульстве.

Рейсс подошел к запертому сейфу, но затем, видимо, передумал.

— Добудьте любую информацию, какую только сумеете. Статистические данные. Они должны быть в библиотеке. Этот генерал. Тедеки был начальником штаба несколько лет назад. Вы что-нибудь о нем помните?

— Весьма смутно, — сознался Пфердхоф. — В молодости — дуэлянт. Сейчас ему должно было бы быть около восьмидесяти. Мне кажется, он был сторонником какой-то отвергнутой программы по выводу Японии в космос.

— Здесь он потерпел неудачу, — вставил Рейсс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться, — сообщил Пфердхоф. — Здесь всегда полно старых японских вояк, пользующихся услугами госпиталя университета, где процветает германская хирургия, совершенно недоступная в Японии. Естественно, что это делается втихую. По причинам патриотизма. Так что, если Берлину нужно, чтобы мы не спускали с него глаз, нам понадобится кто-нибудь в госпитале Калифорнийского университета.

Рейсс кивнул. А может быть, старый генерал замешан в торговых спекуляциях, основная часть которых прокручивается в Сан-Франциско? Связи, оставшиеся у него с тех времен, когда он был в строю, окажутся особенно полезны для него теперь, когда он вышел в тираж. А вышел ли? Ведь в послании его называют «генерал», а не «генерал в отставке».

— Как только достанете фотографию, — приказал Рейсс, — раздайте копии вашим людям в аэропорту и в гавани. Он, возможно, уже прибыл. Вы же знаете, сколько проходит времени, пока до нас что-нибудь дойдет.

Конечно же, если генерал уже здесь, Берлин останется недоволен консульством в ТША. Консул должен был сам догадаться взять его на прицел — до того как прислали приказ из Берлина.

— Я проштампую дату на шифровке из Берлина, — угадал Пфердхоф, — так что если даже возникнет какой-нибудь вопрос, мы сможем точно указать, когда мы ее приняли, вплоть до минуты.

— Спасибо, — ответил Рейсс.

Начальники в Берлине были непревзойденными мастерами перекладывать ответственность, а ему уже надоело быть козлом отпущения. Слишком часто это случалось.

— Только для того, чтобы подстраховаться, думаю, вам следовало бы ответить на это послание, — решил Рейсс. — Ну, скажем, так: «Ваши инструкции чрезвычайно запоздали. Это лицо уже объявилось на территории ТША. Возможность успешного перехвата на данной стадии маловероятна». Велите кому-нибудь отредактировать это послание и направьте в Берлин. Побольше там всякого тумана и благих намерений. Ну, не мне вас учить.

Пфердхоф кивнул.

— Я сейчас же отошлю это донесение и зарегистрирую точную дату и время отправления.

Он закрыл за собой дверь.

«Да, тут гляди в оба, — размышлял Рейсс, — а не то сразу же очутишься консулом в компании ниггеров на острове у берегов Южной Африки, а потом у тебя будет черная нянька в качестве любовницы, десять или одиннадцать крохотных негритят станут называть тебя папулей».

Вновь усевшись за столик для завтрака, он закурил египетскую сигарету «Саймен-Ариномер семьдесят», тщательно закрыв металлическую банку.

Похоже, что некоторое время его перестанут беспокоить, и поэтому он вынул из портфеля книгу, открыл ее на заложенной странице, устроился поудобнее и начал читать.

«И были ли в действительности эти прогулки по улицам с тихими автомобилями, воскресная утренняя тишина Тиграртена там, в далеком

прошлом? Совершенно иная жизнь. Мороженное, вкус которого он никак не мог вспомнить. Теперь им приходится рвать крапиву и радоваться, найдя ее.

— Боже! — закричал он. — Когда же все это прекратится?

Огромные английские танки все шли и шли. Рухнуло еще одно здание, возможно, жилой дом, или фабрика, или школа — сейчас уже нельзя было разобрать: руины распадались на отдельные камни.

Ниже, под обломками, — еще одна горстка погребенных людей, которых ожидает немая кончина. Смерть равно простерлась повсюду, над еще живыми, ранеными, мертвыми, лежащими слоями и начинающими разлагаться. Смердящий, конвульсирующий труп Берлина, поднятые орудийные башни с выбитыми глазницами, которым суждено исчезнуть без всякого протеста, так же как и этим безымянным зданиям, некогда гордо воздвигнутым людьми.

Мальчик вдруг обнаружил, что руки его покрыты слоем чего-то серого: пеплом частично неорганического происхождения, а частично — от сожженного и просеянного венца творения. «Теперь все перемешалось», — понял мальчик и стер с руки налет. Больше он об этом не думал, другие мысли овладели им, если только можно было мыслить среди грохота снарядов и всех этих криков. Голод. Уже шесть дней он ничего не ел, кроме крапивы, и даже ее больше не осталось. Весь пустырь превратился в одну огромную воронку. На другом конце воронки показались изможденные фигуры, стояли, как и он, и так же молча исчезли. Старушка, из-под платка выбиваются седые пряди, в руке пустая корзинка. Однорукий мужчина с таким же пустым взглядом, как и его корзина. Девушка. Растаяли среди обрубков поваленных деревьев, где прятался Эрик.

А змея из танков все ползла и ползла.

— Она когда-нибудь кончится? — спросил мальчик, ни к кому не обращаясь. — И если да, то что же наступит после? Будут ли они набивать свои животы, эти...»

— Фрейер! Извините, что я оторвал вас. Только одно слово. — Пфёрдхоф заглянул в кабинет.

Рейсс вздрогнул и закрыл книгу.

— Да, пожалуйста.

«Как этот человек умеет писать, — Рейсс все еще находился во власти прочитанного. — Как он увлек меня! Падение Берлина перед англичанами так описано, как будто так оно и было на самом деле. Бррр... — Он содрогнулся. — Поразительную силу имеет литература, даже такая дешевая беллетристика, и не удивительно, что эта книга запрещена на территории Рейха. Я бы сам запретил ее. Напрасно я принялся за нее. Но теперь уже поздно жалеть, нужно докончить».

— Несколько моряков с немецкого судна просят встречи с вами... — услышал Рейсс голос секретаря.

— Да, да, — консул вприпрыжку подбежал к двери и вышел в приемную.

Там его ждали трое моряков в толстых серых свитерах, все с густыми светлыми волосами, вольевыми лицами. Они немножко нервничали.

Рейсс поднял правую руку:

— Хайль Гитлер, — и дружески улыбнулся.

— Хайль Гитлер, — нестройно ответили моряки.

Они торопились показать документы.

После того как консул зарегистрировал их в книге посещений, он сразу поспешил обратно в кабинет.

Здесь, в одиночестве, он снова открыл свой экземпляр «Саранчи».

Глаза его случайно наткнулись на эпизод с Гитлером. Теперь Рейсс уже не мог оторваться; начав читать прямо с середины, чувствовал, как пылает затылок.

Как он понял, описывался суд над Гитлером после войны. О боже, Гитлер в руках союзников. Так же как и Геббельс, Геринг и все остальные. В Мюнхене. Очевидно, Гитлер отвечал американскому обвинителю.

«Казалось, дрожащее тело дернулось, голова поднялась. С губ сорвалась непрерывно сочащаяся слюна, раздался полулай, полущепот:

— Германия, я здесь...

Те, кто смотрел и слышал, вздрогнули и плотнее прижали наушники. Лица напряжены у всех: русских, англичан, американцев, немцев. «Да, — подумал Карл. — Вот от снова стоит здесь. Они победили нас и даже больше, чем победили. Они раздели догола этого «сверхчеловека», показав, что он на самом деле. Только одно...»

— Фрейер!

Рейсс опять увидел в своем кабинете секретаря.

— Я занят, — бросил он сердито и захлопнул книгу. — Я в который раз пытаюсь прочесть эту книгу, ради бога!

Но все было тщетно. Он знал это.

— Еще одна шифровка из Берлина, — пояснил Пфердхоф. — Я заглянул в нее краем глаза, когда начали расшифровывать. Она имеет отношение к политической ситуации.

— Что же в ней говорится? — пробормотал Рейсс, досадливо потирая лоб.

— Доктор Геббельс неожиданно выступил по радио.

Секретарь еле сдерживал волнение.

— Предполагается, что мы должны обязательно добиться, чтобы текст его сообщения появился здесь в печати...

— Да, да, — согласился Рейсс, еле сдерживая нетерпение.

Как только секретарь вышел, Рейсс снова открыл книгу, он перевернул следующую страницу.

«В тишине Карл размышлял у покрытого знаменем гроба: «Он здесь лежит, а на самом деле его уже больше нет, нет вообще. И никакая демоническая сила уже не сможет его воскресить». Это — человек? Или же все-таки «сверхчеловек» — за которым Карл шел так слепо, которого он боготворил даже на краю могилы? Адольф Гитлер ушел в мир иной, но Карл цеплялся за жизнь.

«Я не пойду вслед за ним, — шептал разум Карла. — Я буду существовать дальше, живой и возрожденный. И мы все возродим заново. Мы должны».

Ох как далеко завела его слепая вера в вождя!

В чем же заключался магнетизм фюрера? Теперь поставлена последняя точка в этой невероятной летописи, в этом восхождении из полузаброшенного деревенского городка в Австрии, через гниющую нищету Вены, через кошмары в траншеях первой мировой войны, сквозь политические интриги — к созданию партии, канцлерству, к кажущейся близости мирового господства.

Карл знал, на чем споткнулась его вера. Адольф Гитлер лгал им, Он вел их за собой пустословием.

«Но еще не поздно. Мы раскусили тебя, Адольф Гитлер. Мы теперь знаем, кем ты являешься на самом деле и чем является партия нацистов. Ужасная эра убийств и маниакальных фантазий. Вот что было».

Повернувшись, Карл побрел прочь от гроба».

Рейсс закрыл книгу и некоторое время сидел потрясенный.

Несмотря на свое сопротивление, он был расстроен. «Следовало посильнее нажать на япшек, — сказал он себе, — чтобы они запретили эту проклятую книгу. По существу, с их стороны это акт преднамеренный, ведь они могли бы арестовать этого — как его — Абендсена. У них достаточно власти на Среднем Западе».

Его поразила эта смерть Адольфа Гитлера, его конец, гибель нацистской партии и самой Германии, вернее, то, как это описывается в книге Абендсена.

Все описываемые события воспринимались реальными, хотя и не соответствовали духу времени, сегодняшнего времени, в котором господствовала Германия.

Каким образом был достигнут подобный эффект? — задал себе вопрос Рейсс. Только ли вследствие писательского дара этого автора?

Они знают миллион всяких фокусов, эти романисты. Возьмем доктора Геббельса: то, с чего он начинал, — это литературная деятельность. Он обращался к глубинным мечтам, которые таятся в любом, какой бы респектабельной наружностью он ни обладал. Да, романисты знают людей, знают, что они ничтожны, что ими правят алчность и трусость, что из жадности они готовы продать всех и каждого, — и он бьет изо всех сил в барабан и находит отклик. А затем писатель, конечно, исподтишка, смеется над тем, какое впечатление он производит на людей.

«Только подумать, как он играет на моих чувствах, — размышлял герр Рейсс. — И за это он собирается получить плату, прежде всего деньгами. Очевидно, кто-то его надушил. Они напишут, что угодно, стоит им узнать, что им заплатят. Все они готовы наговорить ворох лжи, а затем общественность абсолютно серьезно воспримет их вонючее варево, когда оно будет продано. Где напечатана эта книга?»

Герр Рейсс внимательно просмотрел книгу. Омаха, штат Небраска, последний аванпост американской плутократической типографской индустрии, некогда расположенной в центре Нью-Йорка и поддерживаемой золотом евреев и коммунистов.

«Может быть, этот Абендсен — еврей? Они все еще существуют, стараясь нас отравить. Это еврейская книга! — Он с яростью хлопнул по переплету «Саранчи». — Настоящая фамилия, вероятно, Абендштейн?»

Несомненно, этот аспект не ускользнул и от СД.

«Мы обязательно должны послать кого-нибудь в эти Средне-Западные Штаты с визитом к герру Абендштейну. Интересно, получил ли Краус фон Меер инструкции на этот счет? Скорее всего нет, из-за всей этой неразберихи в Берлине. Все сейчас слишком заняты домашними делами. Но эта книга, — подвел итог Рейсс, — очень опасна. Если бы Абендштейна нашли в одно прекрасное утро висющим под потолком, это было бы отрезвляющим предупреждением любому, кто находится под влиянием этой книги. Последнее слово должно быть за ним. Написанный кровью постскрипtum. Для этого нужен, разумеется, кто-нибудь из белых. Интересно, чем сейчас занят Отто Скорцени?»

Рейсс еще раз перечитал текст на суперобложке книги. «Этот оборотень забаррикадировался высоко в замке. Дураков нет. Попад туда, можно и не вернуться назад.

Может, все это ребячество? Ведь книга уже напечатана, сейчас уже поздно. И эта контролируемая японцами территория, эти желтые малютки поднимут ужасный шум.

И все следовало бы повернуть полочнее, только бы как следует взяться».

И тут неожиданно, резко Рейсс почувствовал, что у него от бешенства кружится голова.

Он сделал пометку в своем еженедельнике о необходимости обсудить этот вопрос с генералом СС Отто Скорцени или еще лучше — с полковником Олендорфом, который возглавлял эйнзатцгруппу Д.

«Я думал, что все это прошло, — недоумевал консул. — Неужели это будет длиться вечно? Война закончилась много лет назад. Мы считали, что тогда все и кончилось. Но это фиаско в Африке, безумный Зейсс-Инкварт, воплощающий в жизнь проекты Розенберга!.. Герр Хоуп прав с этой своей шуткой о Марсе, населенном евреями. Мы бы наверняка увидели их там, даже если бы у них было две головы и стояли бы они на одной ноге».

«Но мне хватает обычных неотложных дел, — опомнился консул. — У меня нет времени на эти безрассудные авантюры, на эту операцию эйнзатцгруппы с целью захвата Абендштейна. С меня достаточно приветствий немецких моряков и ответов на шифрованные телеграммы. Пусть уж кто-нибудь повыше возьмет на себя инициативу осуществления подобной операции, это их дело. В любом случае, — решил он, — если бы даже я и затеял это дело и оно привело бы к нежелательным результатам, можно только гадать, где бы я очутился: под Защитной Опекой где-нибудь в Восточном генерал-губернаторстве, или в камере, куда напустят газа «Циклон-Б».

Потянувшись, Рейсс тщательно вычеркнул пометку из еженедельника. Этого ему показалось недостаточно, и он сжег эту бумагу в керамической пепельнице.

Раздался стук, дверь в кабинет отворилась, и вошел секретарь с ворохом бумаг.

— Речь доктора Геббельса во всей своей полноте.

Пфердхоф разложил листы на столе.

— Вы должны ее прочесть. Очень хороша. Пожалуй, одна из лучших его речей.

Закурив еще одну сигарету «Саймон Артц», Гуго Рейсс сосредоточился на речи доктора Геббельса.

Глава 9

После двух недель непрерывной работы фирма «Эд-Френк» наконец выпустила первую партию своих товаров. Изделия лежали на двух листах фанеры, оклеенных черным бархатом. Рядом стояли квадратные плетеные корзинки японского производства. Кроме этого, Эд Мак-Карти и Френк Фринк изготовили визитные карточки.

Для этого они использовали ластик из искусственной резины, на котором вырезали свои фамилии. Затем они сделали отпечаток красного цвета на бумаге для высококачественных рождественских открыток с помощью

простого типографского прессы, найденного среди разного хлама. Эффект был потрясающим.

Самая тщательная проверка их ювелирных изделий, этикеток и упаковок свидетельствовала об отсутствии чисто любительского подхода. Френк Фринк подумал, что иначе и быть не могло, ведь они всегда были профессиональными умельцами, если не в ювелирном деле, то в производстве разных подделок и высокосложных деталей.

На фанерных стендах покоились самые разнообразные вещи.

Здесь были браслеты из меди, бронзы, латуни, даже из искусно обработанного железа. Кулоны, подвески, в основном из меди с небольшим количеством серебра. Серебряные серьги, заколки из меди и серебра. Серебро им обходилось далеко не дешево. Даже серебряный припой резко увеличивал себестоимость изделий.

Они купили несколько полудрагоценных камней для того, чтобы вставить их в булавки: причудливые жемчужины, нефриты, осколки огненного опала. А если дела пойдут в гору, они попробуют изготовить что-нибудь из золота с небольшими бриллиантами.

Только золото могло обеспечить им настоящую прибыль. Они уже начали поиски источника золотого лома — старинных предметов, украшений не имеющих художественной ценности. Их переплавка обошлась бы намного дешевле, чем покупка слитков золота.

Но даже в этом случае требовались громадные средства. Тем не менее одна золотая булавка могла принести доход больший, чем сорок латунных. Они могли бы назначить практически любую цену за оригинальную по форме и современную по исполнению золотую булавку, при условии, как подчеркнул Френк, что их изделия вообще станут покупать.

Пока они еще не делали попыток продавать свой товар. Они разделились с тем, что, как им казалось, являлось главными техническими проблемами: у них был верстак с электрическим проводом, навивочный станок, набор шлифовальных и полирующих кругов. По существу, у них был полный комплект доводочных инструментов, начиная от жестких стальных щеток и кончая полировочными ремнями из различных материалов. И, конечно, у них имелся ацетиленовый сварочный аппарат с емкостями для карбида, шлангами, кислородными баллонами, горелками, темными очками, и, разумеется, они приобрели прекрасный набор ювелирных инструментов: щипцы из Германии и Франции, микрометры, алмазные сверла, ножовочные полотна, клещи, пинцеты, паяльники, тиски, фетровые круги, ножницы, небольшие молоточки, откованные вручную, всякого рода точный инструмент.

В качестве сырья они приобрели различные металлические прутья, листы, проволоку, цепочки, заколки, замочки.

Уже была истрачена добрая половина из имевшихся у них двух тысяч долларов. На банковском счету фирмы «Эд-Френк» оставалось всего двести пятьдесят долларов, но зато они устроили мастерскую на законных основаниях.

Они даже приобрели лицензию на продажу на территории США. Осталось только одно — реализация изделий.

Френк подумал, что ни один розничный торговец, приобретая коллекцию ювелирных изделий, не станет столь скрупулезно изучать их продукцию, как они сами. А вещи и в самом деле выглядели здорово. Их собственный контроль качества был намного жестче, чем у платных оценщиков, работавших в

различных металлообрабатывающих мастерских. Было достаточно ничтожного помутнения поверхности или царапины от металлической щетки для того, чтобы изделие вновь возвращалось на верстак. «Мы не можем себе позволить показывать грубую или неоконченную работу: одна оставшаяся незамеченной черная крапинка на серебряном ожерелье — и все наши труды пойдут прахом».

Магазин Роберта Чилдана значился первым в их списке. Но только Эд мог пойти туда: хозяин магазина, безусловно, хорошо запомнил Френка.

— Фактически продавать придется в основном тебе, — предупредил Эд.

Но он примирился с тем, что переговоры с Чилданом придется вести ему.

Он купил приличный костюм, галстук, белую рубашу — все для того, чтобы произвести хорошее впечатление. Тем не менее он испытывал неловкость.

— Я уверен, что у нас получится, — не переставал повторять Эд. — Но чем черт не шутит?

Большинство изделий были выполнены в абстрактном стиле: спирали из проволоки, петли. Форма многих предметов напоминала свободное стечение тонкой струйки расплавленного металла. Некоторые вещи получились воздушными и утонченными, подобие паутины. Другие, наоборот, казались массивными, первобытно тяжеловесными и примитивными.

Здесь было поразительное разнообразие форм, особенно если учесть, что на бархатном панно расположилось, в общем-то, не так уж много предметов.

«В принципе, — подумал Френк, — один магазин мог бы купить все, что мы здесь выложили. Если нам не удастся продать все в одном магазине, мы заглянем в другие, но если дела пойдут хорошо и наши изделия станут пользоваться спросом, то нам придется выполнять заказы всю оставшуюся жизнь».

Вместе они загрузили бархатные дощечки в плетеную корзину.

«Мы могли бы кое-что вернуть, продав металл, — подумал Френк, — если случится худшее. За металлом пойдут инструменты и оборудование. Появятся, естественно, некоторые потери, но во всяком случае что-нибудь да получим».

Самый подходящий момент обратиться за советом к оракулу, спросить, что получится из этой первой попытки реализации продукции, но Френк сейчас слишком нервничал. Оракул может дать плохой прогноз, а он не способен смело встретить его. В любом случае все мосты были сожжены: мастерская открыта — что бы ни болтала по этому поводу «Книга перемен».

«Разве она может продавать за нас наши ювелирные изделия? Она не сумеет принести нам пользу в прямом смысле этого слова».

— Я попытаюсь первым делом убедить Чилдана, — сказал Эд. — Хотя с таким же успехом мог бы начать и с кого-нибудь другого, а потом и ты попробуешь в других магазинах. Ты поедешь со мной, не так ли? В грузовичке. Я поставлю его за углом.

Когда они тащили плетеную корзину в кузов пикапа, Френк понял, что одному БОГУ ИЗВЕСТНО, является ли Эд, а в равной степени и он хорошими продавцами.

Чилдану можно что-нибудь продать, но, похоже, что было неплбхо сначала поставить ему магарыч, как принято говорить среди торгового люда.

«Будь здесь Юлиана, — вообразил Френк, — она могла бы пойти туда и все сделать не моргнув глазом. Она красивая, она может заговорить любого, и она — женщина. Ведь в конце-то концов, это женская бижутерия. Она могла бы в магазине показать эти вещи на себе».

Закрыв глаза, Френк попытался представить, как бы Юлиана выглядела, надев тот или иной браслет, то или иное ожерелье. Как бы это все подошло к ее черным волосам и бледно-матовой коже, меланхоличному изучающему взгляду. Юлиана; в сером свитере из джерси, чуть тесноватом, с серебром на верхней части груди, которая поднималась бы и опускалась при каждом вздохе и выдохе, была бы прекрасна.

Боже, он так ярко представил себе ее как раз в эту минуту! Вот она своими сильными тонкими пальцами поднимает каждый из сделанных им предметов, осматривает, откидывает назад голову, подняв вещь повыше, чтобы взглянуть на нее получше. Она, с ее хорошим вкусом, могла бы даже подсказать, что нужно делать.

Больше всего к лицу ей были бы серьги, сверкающие, свободно висящие, особенно из красивой меди. Волосы, скрепленные сзади заколкой или коротко подстриженные, чтобы были видны шея и уши. «Мы могли бы использовать ее фотографии и для рекламы, и для показа своей продукции». Они уже как-то раз обсуждали с Эдом, как устроить рекламу, чтобы можно было посылать проспекты по почте в магазины в других районах мира.

Юлиана выглядела бы потрясающе: у нее отличная, очень здоровая кожа, без пятнышек и морщинок, прекрасного цвета. «Согласилась бы она, если бы мне удалось ее разыскать? Неважно, что бы она обо мне подумала. Наши личные взаимоотношения не должны иметь никакого значения, это были бы чисто деловые отношения. Черт, зачем мне фотографировать ее самому? Мы бы наняли профессионала фотографа. Это бы ей весьма польстило. Она всегда была чересчур тщеславна. Ей всегда нравилось, когда люди глядели на нее, восхищаясь ею. Все, кто угодно. Я полагаю, таковы почти все женщины. Они всегда жаждут, чтобы на них обратили внимание. Тут они, как дети».

Он хорошо помнил, что Юлиана не терпела одиночества. Она заставляла Френка постоянно быть возле нее, делать ей комплименты. Маленькие дети ведут себя точно так же. Они чувствуют, что если их родители не следят за ними, значит, то, что они делают, не важно. Несомненно, она подцепила себе какого-нибудь парня, который сейчас любит ее, говорит ей, какая она красивая, какие у нее ноги, гладкий, ровный живот...

— Что с тобой?

Эд смотрел на него.

— Ты нервничаешь?

— Нет, — ответил Фринк.

— Я не собираюсь стоять там как чурбан, — заметил Эд. — У меня есть пара неплохих мыслишек. Меня совсем не страшит это людное место и то, что я должен был надеть этот изысканный костюм. Признаюсь, я не люблю этикета и чувствую себя не очень-то удобно, но все это не имеет никакого значения. Я все же пойду туда и наверняка продам свой товар этому простофиле.

— Дай-то бог, — пожелал Фринк.

— Черт, вот если бы ты мог пойти туда, как в тот раз, — проговорил Эд, — и представиться ему как доверенное лицо японского адмирала, ко-

торый ищет произведения современных американских ремесленников, я мог бы рассказать ему, что это на самом деле оригинальное творчество, ювелирные изделия ручной работы. Да, именно ручной работы. Да, я пойду туда и не уйду от него, пока он не получит полного удовольствия за свои деньги. Ему следует купить это. Если он этого не сделает, он чокнутый. Я хорошенько все взвесил: ничего подобного нет в продаже ни в одном магазине. Боже, да стоит мне подумать о том, что он взглянет на это и не купит — это приводит меня в такое бешенство, что я не знаю, что с собой поделать.

— Обязательно объясни ему, что это не гальваническое покрытие, — предупредил Фринк, — что медные изделия сделаны из настоящей цельной меди, так же как латунные — из цельной латуни.

— Позвольте мне самому выбрать подходящую линию поведения, — прервал его Эд. — У меня есть и в самом деле несколько хороших идей.

«Что я могу сделать, — подумал Френк, — так это взять пару предметов — он возражать не станет — уложить в посылку и отослать Юлиане, чтобы она знала, чем я сейчас занимаюсь. Почтовые чиновники разыщут ее. Я вышло по последнему адресу, известному мне. Интересно, что скажет она, открыв посылку? Нужно положить в нее записку с объяснениями, что это сделал я сам, что я один из партнеров по новому бизнесу, связанному с изготовлением оригинальных ювелирных украшений. Я распалю ее воображение, намеками заставлю ее захотеть узнать больше. Я наговорю о драгоценностях и благородных металлах, расскажу о местах, куда мы посылаем свои вещи, о роскошных магазинах».

— Он, кажется, где-то здесь? — спросил Эд, снижая скорость.

Вокруг было оживленное уличное движение. Высокие дома загораживали небо.

— Наверное, лучше поставить машину здесь?

— Через пять кварталов, — бросил Фринк.

— Дай мне сигаретку с марихуаной, — попросил Эд. — Она мне поможет. Нужно немного успокоиться.

Фринк передал ему пачку «Небесной музыки». К этому сорту он пристрастился во время работы в корпорации Уиндема-Матсона.

«Уверен, что она живет с каким-нибудь парнем, — размышлял он, — спит с ним, как будто она его жена. Я помню Юлиану, иначе ей не выжить. Я знаю, что творится с нею, когда приходит ночь, когда становится холодно и темно и все сидят по домам. Возможно, что этот парень и неплохой, какой-нибудь застенчивый студент, которого она заарканила: она очень подходящая женщина для какого-нибудь желторотого парня, у которого не хватает смелости в обращении с женщинами. Она не грубая и не циничная. Она может дать ему немало хорошего. Я очень надеюсь, что этот ее парень не намного ее старше. Этого я не смог бы перенести. Знать, что она с каким-то опытным подлецом, у которого вечно из угла рта торчит зубочистка и который помыкает ей как хочет...»

Он почувствовал, что дышать стало тяжело. Представив себе какого-нибудь мясистого волосатого малого, который прижал Юлиану, сделав ее жизнь жалкой и несчастной, Френк расстроился.

«Я уверен, что в конце концов она кончит тем, что убьет себя, — подумал он. — У нее это на роду написано. Если она не найдет себе какого-нибудь подходящего мужчину, то есть нежного, чувствительного,

добрého студента или аспиранта, который в состоянии оценить ее по достоинству. Я был для нее слишком груб. Однако я не такой уж плохой. Есть чертовски много мужчин хуже меня. Я всегда мог представить себе, чего она хочет, о чем она думает, когда она чувствует себя одинокой, когда ей худо, когда она угнетена и подавлена. Я тратил много времени, заботясь о ней и суетясь вокруг нее. Но этого оказалось недостаточно. Она заслуживала большего, она заслуживала многого».

— Стоп, — Эд нашел свободное место и дал задний ход, обернувшись через плечо.

— Послушай, — поинтересовался Фринк, — могу ли я послать парочку вещей своей жене?

— Я и не знал, что ты женат, — удивился Эд и, поглощенный парковкой машины, ответил, ему не задумываясь: — Конечно, если только они не из серебра.

Выключив двигатель, он заключил:

— Приехали.

Сделав несколько затяжек марихуаны, он погасил окурки о крыло автомобиля, уронив пепел на пол кабины.

— Пожелай мне удачи.

— Ни пуха ни пера, — проговорил Френк Фринк.

— К черту. О, смотри, здесь одно из этих японских «вака» — стихотворений на задней стороне пачки сигарет.

И Эд прочел стихотворение вслух, перекрывая гул уличного движения:

Услышав крик кукушки,
Я посмотрел в направлении,
Откуда пришел звук.
Что же я увидел?
Только бледную луну
На зардевшемся небе.

Затем он вернул пачку Фринку, хлопнув его по спине, улыбнулся, открыл дверцу, подхватил плетеную корзину и прыгнул с подножки на тротуар.

— Я разрешаю тебе бросить в счетчик десятицентовик, — проронил он, отходя от машины.

Через мгновение фигура его исчезла среди прохожих.

«Юлиана... Может быть, она так же одинока, как и я? — С этой мыслью Фринк вылез из пикапа и бросил десятицентовик в прорезь счетчика на стоянке. — Странно. Вся эта авантюра с ювелирным делом... А если ничего не получится? Если нас ждет неудача? Именно на это намекал оракул. Стенания, слезы, разбитые черепки. Человек должен смело встречать темные стороны своей жизни. На пути к могиле. Будь Юлиана здесь, все это не было бы так печально, было бы не так уж плохо. Я боюсь. А вдруг Эд ничего не продаст, вдруг нас засмеют? Что тогда?..»

На простыне, постеленной прямо на полу, повернувшись лицом к Джо Чинаделла, лежала Юлиана Фринк. В комнате было жарко от слепополуденного солнца. Их тела были покрыты испариной.

Джо не шевелился. Дыхание его стало спокойным, медленным, размеренным.

— Ну как на этот раз? — спросила она.

Он пробормотал, что все было о'кей.

«Я тоже так думаю, — решила Юлиана, — и могу об этом сказать».

Джо приподнялся.

— Ты встаешь? — Юлиана крепко стиснула его обеими руками. — Не надо. Еще.

— Тебе не нужно идти в зал?

«Я не собираюсь идти в зал, — убедила себя Юлиана. — Разве ты не понимаешь этого? Мы поедем куда-нибудь. Здесь больше оставаться нельзя. Это будет такое место, где мы еще не были. Самое время».

Джо отодвинулся, встал на колени, ее руки соскользнули с его спины. Потом она услышала, как он пошел, шлепая по полу босыми ногами, в ванную. Принимать душ, разумеется.

«Вот и все. Как было хорошо». — Юлиана вздохнула.

— Я слышу, ты стонешь, — раздался голос Джо из ванной. — Чувствуешь себя брошенной, да? Беспокойство, страх и подозрения относительно меня и всего мира?

Он на секунду показался в дверях ванной. С него капала мыльная пена, лицо его сияло.

— Ты бы хотела немного прокатиться?

Ее пульс участился.

— Куда?

— В какой-нибудь большой город. Как насчет Севера, в Денвер? Я вытащу тебя отсюда, куплю билеты в театр, пойдем в хороший ресторан, найдем такси, достанем тебе вечернее платье и все, что понадобится. О'кей?

Она вряд ли могла поверить ему, но пыталась, старалась изо всех сил.

— Твой «студебеккер» потянет? — донесся голос Джо.

— Конечно, — ответила Юлиана.

— Мы оба раздобудем хорошую одежду, — пообещал он, — и понаслаждаемся жизнью, может, в первый раз за все наше существование. Я поддержу тебя, чтобы ты не сломалась.

— Где мы возьмем деньги?

— У меня есть, — сказал Джо. — Посмотри в моем чемоданчике.

Он закрыл дверь ванной. Шум воды заглушил его голос.

Открыв гардероб, Юлиана вытащила продавленный, засаленный саквояж. В углу она обнаружила конверт. В нем были банкноты Рейхсбанка крупного достоинства, которые имели хождение повсюду. «Значит, — дошло до нее, — мы можем уехать. Может, он все же водит меня за нос. Как бы я хотела забраться к нему в башку и увидеть, что там». Она пересчитала деньги.

Под конвертом она обнаружила массивную цилиндрическую авторучку. Во всяком случае, ей показалось, что это авторучка, у нее был зажим. Но она была такая тяжелая. Она проворно вынула ее и открутила колпачок. Да, с золотым пером, но...

— Что это? — спросила она, когда Джо вышел из ванной.

Он взял авторучку и положил ее на место в саквояж. С какой осторожностью он обращался с нею... Она заметила это, задумалась и растерялась.

— Опять страхи? — спросил Джо.

Он казался беззаботным. Такой беспечности она еще не видела у него, с тех пор как они повстречались. С восторженным возгласом он обхватил ее за талию и поднял высоко вверх, затем опустил и, пристально глядя ей в лицо, с такой силой стиснул ее, что она взмолилась.

— Нет, — еле отдышалась она. — Я просто тяжелая на подъем.

«И все же я побаиваюсь тебя, — подумала она. — Так напугана, что не отваживаюсь сказать об этом».

— Вперед, через окно! — закричал Джо.

Он прошел через всю комнату, держа ее на руках.

— Вот отсюда мы и выйдем.

— Пожалуйста, — усмехнулась она.

— Шучу, — остановился Джо. — Слушай, мы совершим набег, вроде похода на Рим. Помнишь? Дуче вел их, моего дядю Карло, например. Теперь у нас будет небольшой марш-бросок, пусть не такой важный, о нем умолчат учебники истории. Верно?

Наклонив голову, он поцеловал ее в губы так сильно, что зубы их стукнулись.

— Как здорово мы будем выглядеть в новой одежде. И ты объяснишь мне, что в таких случаях принято говорить и как держать себя. Да? Поучишь меня хорошим манерам. Да?

— Ты и так очень хорошо говоришь, даже лучше, чем я, — призналась Юлиана.

— Нет, — Он сразу стал серьезным. — Я разговариваю неправильно. У меня действительно очень сильный акцент макаронника. Разве ты не заметила этого, когда впервые встретила меня в кафе?

— Вроде, — проронила она. — Но это совсем не имело значения.

— Только женщина знает все светские условности, — заявил Джо, шутливо, с грохотом уронив ее на диван. — Без женщин мы бы только обсуждали гоночные автомобили, лошадей и несли вслух всякую похабщину, как дикари.

«У тебя было какое-то странное настроение, — подумала Юлиана, — беспокойное и грустное до тех пор, пока ты не решил куда-то двинуться. После этого ты начинаешь прыгать, как ненормальный. А нужна ли я тебе? Ты можешь выбросить меня в канаву, оставить меня здесь, такое уже случалось прежде. И я могла бы вышвырнуть тебя, если бы мне не было нужно куда-то уехать».

— Значит, это твой заработок? — спросила она, пока он одевался. — Ты долго собирал их? Здесь так много. Конечно, на Востоке денег куры не клюют. Я что-то не припоминаю, чтобы у других водителей, которых я встречала, были такие деньги.

— Ты считаешь меня водителем? — оборвал ее Джо. — Послушай, я езжу в этом рыдване не как водитель, а для охраны от бандитов, выгляжу как второй шофер, похрапывающий в кабине.

Плхнувшись в кресло в углу комнаты, он откинулся назад, притворяясь спящим, челюсть его отвисла, тело расслабилось.

— Видишь?

Сначала она ничего не разобрала, но потом поняла, что в руке у него был нож с тонким, как жало, лезвием. Ну и ну! Откуда это он вытащил его? Из рукава, что ли? Или прямо из воздуха?

— Вот зачем меня наняли служащие фирмы «Фольксваген» благодаря моему послужному списку. Мы сумели защититься от Хазельдена с его командос. Он был их предводителем.

Черные глаза Джо заблестели. Он улыбнулся Юлиане.

— Догадайся, кто прихватил полковника, когда все кончилось? Когда мы поймали их на берегу Нила — его и еще четверых из его группы в пустыне, через несколько месяцев после окончания битвы за Каир. Как-то ночью они налетели на нас, чтобы добыть бензин. Я стоял на часах. Хазельден подкрался, весь вымазанный сажей — и лицо, и даже руки. В тот раз у них не было проволоки, только гранаты и автоматы, очень шумное оружие. Он пытался перебить мне гортань, но я его прикончил.

Смеясь, он одним прыжком перемахнул расстояние от кресла до дивана.

— Давай собираться. Скажи в гимнастическом зале, что ты берешь отпуск на несколько дней. Позвони туда.

Его рассказ вовсе не убедил Юлиану. Возможно, он никогда не был в Северной Африке, даже не сражался в войне на стороне Оси и вообще не воевал.

Какие бандиты? Это изумило ее. Насколько ей было известно, ни один грузовик, проезжающий Канон-Сити с восточного побережья, не охранялся вооруженными профессионалами-наемниками. Возможно, Джо даже не жил в Соединенных Штатах Америки, все врал с самого начала, плел для того, чтобы заманить ее, заинтриговав, придав себе налет романтичности.

«Может, он — сумасшедший, — предположила Юлиана. — Какая ирония... Я могла бы на самом деле сделать то, на что столько раз подталкивала других: использовать приемы дзюдо для самозащиты, чтобы уберечь свою жизнь. Но, скорее всего, он просто какой-то бедный итальянец из низов, всю жизнь месивший грязь, утешая себя им самим же выдуманной легендой. Он хочет устроить грандиозный кутеж, промотать все свои сбережения, прожить их и потом снова вернуться к своему нудному существованию. А для полноты счастья ему нужна девушка».

— Хорошо, — ответила она. — Я позвоню на работу.

Выходя в прихожую, она подумала: «Он купит мне дорогие платья и поселит в каком-нибудь роскошном отеле. Каждый мужчина жаждет иметь по-настоящему хорошо одетую женщину... Даже если ему самому придется покупать ей наряды. Этот кутеж, возможно, цель всей жизни Джо Чинандела. Но какой он проницательный, я перед ним как на ладони. Я всегда нервничаю в присутствии мужчин. Френк знал об этом. Вот почему мы и порвали, вот почему меня охватило сейчас беспокойство и недоверие».

Когда Юлиана, позвонив, вернулась в комнату, она увидела, что Джо погрузился в чтение «Саранчи», время от времени издавая нечленораздельные звуки и ничего вокруг не замечая.

— Ты же собирался дать мне почитать эту книгу?

— Может, пока я буду вести машину, — пообещал Джо, не отрываясь от романа.

— Ты сам собираешься вести? — удивилась Юлиана. — Но это же моя машина!

Джо ничего не ответил, продолжая чтение.

Роберт Чилдан стоял возле кассового аппарата, когда высокий, тощий мужчина вошел в магазин. На мужчине был немного вышедший из моды костюм, в руках он держал плетеную корзину. Мелкий торговец? А где же добродушная улыбка? Совсем наоборот, на его жестком лице застыло печальное, даже угрюмое выражение. Он скорее напоминал водопроводчика или электрика.

Рассчитавшись с покупателями, Чилдан обратился к вошедшему:

— Вы от кого?

— Я представляю фирму «Ювелирные изделия Эд-Френк», — пробурчал посетитель и поставил свою корзину на один из прилавков.

— Не слышал о ней, — подойдя ближе, заметил Чилдан.

Мужчина засуетился, расстегивая крышку корзины.

— Все ручной работы, каждый предмет уникален, выполнен по оригинальным эскизам. Медь, латунь, серебро. Даже вороненое железо.

Чилдан заглянул в корзину. Специфический блеск металла на черном бархате.

— Спасибо, это не по моей части.

— Эти предметы превосходно представляют американское художественное ремесло. Современное.

Отрицательно мотнув головой, Чилдан вернулся к кассовому аппарату. Некоторое время посетитель неуклюже возился у корзины. Было непонятно, то ли он вытаскивал содержимое, то ли укладывал назад. Казалось, что он потерял голову. Скрестив руки, Чилдан наблюдал за ним, размышляя о различных сиюминутных делах. В два часа у него свидание, где он должен показать несколько старинных часов. Затем в три принесут еще одну партию изделий из лаборатории Калифорнийского университета, где проверялась их подлинность. В последние две недели он не прекращал передавать различные изделия на проверку. С того самого злополучного происшествия с кольцом сорок четвертого калибра.

— Все эти ваши вещи изготовлены без напыления или гальваники, — не унимался посетитель с плетеной корзиной, извлекая из нее ручной браслет. — Цельная латунь.

Чилдан кивнул, не отвечая. Чудак еще немного поторчит здесь, перетасовывая свои образцы, но в конце концов уйдет.

Зазвонил телефон. Чилдан поднял трубку.

Один из его покупателей справлялся о старинном кресле-качалке, очень дорогое, которое Чилдан взялся отремонтировать. Работа еще не была закончена, и Чилдану пришлось на ходу выдумывать какую-то убедительную причину. Он успокаивал и заверял клиента.

Вся эта заварушка с кольцом сорок четвертого калибра основательно выбила его из колеи. Чилдан уже больше не взирал на свои товары с прежней гордостью. Инцидент теперь долго не выветрится из памяти. Здесь была замешана не только история Соединенных Штатов Америки, но и события личной жизни, — размышлял Чилдан. — Как если бы возник вопрос о подлинности свидетельства о рождении. Или воспоминания о наших делах. Может, я, например, не помню на самом деле Франклина Делано Рузвельта. Однако сложился обобщенный образ из обрывков подслушанных разговоров, так или иначе дополнявших друг друга. Это миф.

внушенный сознанию, вплетенный в ткань мозга, подобно легенде о Гай-авате, о Чиппендейле или событию вроде того, что вот здесь обедал Авраам Линкольн, пользовался этими стаканами, старинными ложками, вилками, ножами. Этого нельзя увидеть, но факт остается фактом.

У другого прилавка, все еще неуклюже копаясь в корзине, посетитель проговорил:

— Мы можем делать изделия по заказу, если кто-нибудь из ваших покупателей имеет свои собственные идеи.

Его голос был сдавленным от волнения. Он бросал взгляд то на Чилдана, то на какое-то изделие, которое держал в руках, явно не зная, как уйти из магазина.

Чилдан молча улыбался.

«Это меня не касается. Его дело — собраться и уйти отсюда. Пусть ковыряется сколько угодно. Такая неуклюжесть. Ему не следовало быть коммивояжером. Мы все страдаем в этой жизни. Даже если посмотреть на меня. Целый день мне достается от таких япошек, как мистер Тагоми. Просто изменив букву в моей фамилии, он может всегда щелкнуть меня по носу, дать понять, насколько ничтожна моя жизнь».

Вдруг ему в голову пришла идея.

«Этот парень, очевидно, неопытный. Надо присмотреться к нему. Может, я смогу взять что-нибудь из его побрякушек на комиссию. Стоит попытаться».

— Эй, — позвал Чилдан.

Торговец быстро поднял глаза.

Подойдя к нему со все еще скрещенными на груди руками, Чилдан проговорил:

— Похоже, что вы здесь уже добрых полчаса. Я ничего не обещаю, но вы могли бы выложить некоторые из своих вещей. Перестаньте мучиться с крышкой этой корзины.

Кивнув, мужчина освободил себе место на одном из прилавков. На этот раз ему удалось без всяких препятствий открыть корзину и вынуть бархатную подставку.

Чилдан представил, как он будет кропотливо расставлять свой товар в течение следующего часа, суетиться и перекладывать вещи с места на место, надеясь, тайно молясь, наблюдая краем глаза, не проявит ли хозяин магазина хоть какой-нибудь интерес.

— Когда вы все это разложите и если я не буду слишком занят, то попытаюсь взглянуть, что у вас есть, — снисходительно заметил Чилдан.

Посетитель лихорадочно задвигался, будто его ужалили.

В магазин вошли несколько покупателей, и Чилдан приветствовал их. Теперь все его внимание было приковано к ним, и он, казалось, забыл о присутствии Эда, который уже оценил создавшуюся ситуацию и немного успокоился, обрел уверенность.

Чилдан продал кружку для бритья, вязаный коврик и получил залог за афганский ковер. Время шло. Наконец магазин опустел, в нем остались только хозяин и Эд, который уже завершил раскладку своего товара. Весь набор ювелирных изделий был разложен на черном бархате.

Роберт Чилдан лениво подошел к прилавку и стал молча покачиваться на пятках, попыхивая сигареткой.

Эд не заставил себя ждать.

— Вот хороший экземпляр. Вы не найдете на нем ни малейшей царапины от металлической щетки. Все отполировано и не скоро потускнеет. Все изделия покрыты таким лаком, что их блеск будет сохраняться в течение многих лет. Это лучший из лаков, которые только можно изготовить.

Чилдан понимающе кивнул.

— Что мы сделали, — продолжал ювелир, — так это приспособили испытанные промышленные технологии для производства ювелирных изделий. Насколько мне известно, прежде это никому не удавалось. Здесь нет литья в формы, только металл к металлу, сварка и плазменная обработка.

Он остановился.

— С обратной стороны некоторых образцов применена пайка твердыми сплавами.

Чилдан взял в руки два браслета, затем булавку, затем еще одну. Он подержал их какое-то время и отложил в сторону.

В глазах продавца засветилась надежда. Проверив ярлычок на ожерелье, Чилдан спросил:

— Это цена?..

— Розничная. Вы платите только пятьдесят процентов от нее. Если вы сделаете закупку, ну, скажем, долларов на сто, то мы сделаем вам скидку еще на два процента.

Одну за другой Чилдан отложил в сторону еще несколько вещей. Продавец становился все более оживленным, говорил все быстрее и быстрее и в конце концов стал повторяться и заговариваться. «Он на самом деле думает, что ему удастся что-нибудь продать», — догадался Чилдан, но выражение его лица осталось бесстрастным. Он продолжал игру.

— Это особенно хороший экземпляр, — не удержался от похвалы продавец, когда Чилдан извлек большую подвеску. — У вас на самом деле хороший вкус.

Глаза его быстро бегали по отобраным предметам. Он прикидывал в уме стоимость всей партии.

— Наша политика в отношении неопробованных товаров состоит в принятии их на комиссию, — заметил Чилдан.

Эд в течение нескольких секунд не мог понять, о чем идет речь. Он молчал, стараясь вникнуть в смысл сказанного.

Чилдан ободряюще усмехнулся.

— На комиссию? — наконец, как эхо, отозвался торговец.

— Вы предпочитаете не оставлять? — спросил Чилдан.

Заикаясь, Эд, наконец, произнес:

— Вы имеете в виду, что я оставлю товар здесь, а вы произведете оплату позже, когда...

— Вы получите две трети от вырученной суммы, когда вещи будут проданы. Таким образом вы заработаете гораздо больше. Вам, конечно, придется подождать, но... — Чилдан развел руками. — Дело ваше. Я могу предоставить один из моих застекленных прилавков. Если товар пойдет, тогда, возможно, через месяц-другой, при следующем заказе, мы, может быть, и договоримся о непосредственной сделке.

Чилдан понял, что человек, проведенный в его магазине больше часа, выставляя свой товар, сейчас выложил абсолютно все. Все его изделия в беспорядке были разбросаны по прилавку. Для того, чтобы привести все

в надлежащий вид и показать еще кому-нибудь, потребуется не меньше часа работы.

— Те образцы, которые вы отложили в сторону, вы хотите оставить? — робко поинтересовался торговец.

— Да. Я разрешаю оставить их у меня.

Чилдан направился в подсобку.

— Я выпишу квитанцию, так что вы будете знать, что вы оставили у меня.

Когда он вернулся с квитанцией, то добавил:

— Предупреждаю, когда товары остаются на комиссионной основе, магазин не берет на себя ответственность в случае кражи или повреждения.

Он протянул торговцу небольшой бланк с отпечатанным на гектографе текстом: магазину не нужно полностью рассчитываться за отдельные предметы; при возвращении нераспроданной продукции, в случае недостачи, некомплектности будет считаться, что вещи украдены.

Так решил для себя Чилдан. В магазине часто случаются кражи, особенно ювелирных изделий.

Роберт Чилдан ничего не терял, принимая изделия на комиссию. Он не должен платить за побрякушки этого человека. Ему не нужно покупать какой-либо инвентарь, необходимый для их продажи. Если что-то и будет продано, то он получит прибыль, а если нет — он просто вернет им все или оставшееся нераскупленным в какой-нибудь туманный, отдаленный срок.

Чилдан оставил опись оставленных на комиссию вещей, подписал ее и копию передал торговцу.

— Вы можете позвонить мне через месяц и узнать, как идут дела.

Взяв с собой те ювелирные изделия, которые ему понравились, он вышел в подсобку, дав торговцу время собрать и уложить оставшийся товар.

«Не думаю, что он заинтересовался и доволен условиями, — решил Чилдан, — но определенно сказать трудно. Вот почему всегда не грех попробовать».

Когда хозяин появился вновь, торговец уже был готов. Плетеная корзина была у него в руках, а прилавок свободен. Но он задержался, что-то протягивая.

— Да? — отозвался Чилдан, приготовившийся посмотреть корреспонденцию.

— Я хочу оставить нашу визитную карточку, — мужчина положил на стол Чилдана какой-то странный на вид квадратик. — «Ювелирные изделия фирмы «Эд-Френк». Здесь наш адрес и номер на случай, если вам захочется связаться с нами.

Чилдан поклонился, мягко улыбнулся и принялся за почту.

В магазине было пусто. Чилдан подошел к автомату, опустил в него монету в пять центов и через минуту уже медленно потягивал растворимый кофе, размышляя:

«Интересно, как эти изделия будут покупаться? Не похоже, что хорошо. Никто не видел ничего подобного».

Он осмотрел одну из булавок. «Очень оригинальная штучка. Работа явно не любительская... Я поменяю ярлыки, поставлю гораздо большие цены и сделаю упор на то, что это ручная работа. Уникальность и оригинальность исполнения — вот главное. Ювелирное искусство. Дорогое произведение на вашем лацкане или запястье».

Одна мысль все больше захватывала Роберта Чилдана. «С этими изделиями не будет проблем. Подлинные — не подлинные, а ведь этот вопрос может когда-нибудь стать основным. Вот где кроется причина краха индустрии, производящей исторические американские раритеты.

Не стоит ставить весь капитал на одну карту. Этот визит еврейского мошенника, возможно, предвестник грядущего краха рынка. Если я тихонько запасусь современными изделиями, не имеющими исторической ценности — реальной или воображаемой, то я, возможно, обойду конкурентов, и это мне обойдется дешево».

Откинувшись в кресле так, что оно уперлось в стену, Чилдан расслабился.

«Времена меняются. Нужно быть готовым измениться вместе с ними либо каким-то другим образом выйти сухим из воды, приспособиться».

«Закон выживания, — подумал он. — Ищи, откуда ветер дует. Учись жить на потребу дня, изучай запросы, всегда делай нужное в нужное время».

Неожиданно его осенило. Поймал двух зайцев. Да... В возбуждении он вскочил.

«Лучшие побрякушки заверну поизящнее, естественно, сняв ярлыки. Булавку, подвеску или браслет. Все равно, что-нибудь поприличнее. Затем — раз нужно оставить магазин, закрою его в два часа, как обычно, и прогуляюсь-ка я к дому, где живут Казоура. Мистер Казоура, Пол, конечно будет на работе, но миссис Казоура, Бетти, скорее всего дома. Сделаю ей подарок — новое оригинальное произведение американского художественного творчества. Набью цену. Вот так и возникает новая мода. Разве это не прелестная вещьца? В магазине целая подборка ей подобных. Потом нечаянно уронить вещицу и так далее. Вот, пожалуйста, это для вас, Бетти».

Он затрепетал. «Среди дня только она и я в квартире! Муж на работе, Все одно к одному — великолепный предлог. На свободу!»

Найдя небольшую коробочку, оберточную бумагу и цветные ленточки, Роберт Чилдан принялся готовить подарок для миссис Казоура. Смуглая, очаровательная женщина, такая изящная в своем шелковом восточном одеянии, на высоких каблуках. А может, сегодня голубая хлопчатобумажная пижама, вроде тех, которые носят кули, очень тонкая и удобная, такая свободная, но не скрывающая ничего под собой.

А может, все это слишком? Пол будет раздражен, разнюхает и отомстит. Может, лучше притормозить: вручить подарок ему в его конторе, с той же историей, но лично ему. Потом пусть Пол передаст подарок Бетти — поздравление может и не возникнуть. «А тогда-то, — решил Чилдан, — я и позвоню ей по телефону через день-два. Надо же выяснить ее отношение к подарку. Свободу!»

* * *

Когда Френк Фринк увидел своего компаньона, он сразу понял, что радоваться нечему.

— Что стряслось? — спросил он, забирая у Эда корзину и закидывая ее в кузов пикапа. — Где ты торчал добрых полтора часа? Господи Иисусе, ему что, нужно было так много времени, чтобы сказать «нет»?

— Он не сказал «нет».

Эд был совершенно измочален, когда забрался в кабину и сел.

— И что же тогда он сказал?

Френк открыл корзину и увидел, что многих их вещей в ней уже не было, причем лучших.

— Эй, он забрал порядочно. В чем тогда дело?

— Он взял на комиссию.

— И ты ему разрешил?

Френк не мог этому поверить.

— Мы же договорились...

— Сам не знаю, как это получилось.

— О, боже! — простонал Фринк.

— Извини меня. Он так смотрел, будто собирался купить их. Он набрал много вещей. Я и подумал, что он покупает...

Молча они долго сидели в кабине плакапа.

Глава 10

Две последние недели были ужасными для мистера Бейнеса. Ежедневно в полдень он звонил из своего номера в торговое представительство и спрашивался, не появился ли пожилой джентльмен. В ответ было неизменное «нет». Голос мистера Тагоми становился все суше и официальнее. Готовясь уже к шестнадцатому звонку, мистер Бейнес подумал, что в конце концов ему скажут, что мистер Тагоми отсутствует. Он перестанет откликаться на звонки, и на этом все кончится.

Что же произошло? Где мистер Ятабе?

У Бейнеса только одно достойное объяснение. Смерть Мартина Бормана.

Мистер Ятабе, несомненно, находился на пути в Сан-Франциско, всего в одном или двух днях пути, когда до него дошли новые инструкции вернуться на Родные Острова для дальнейших консультаций.

«Не везет, — заключил Бейнес, — возможно, даже фатально». Но он должен был оставаться здесь, в Сан-Франциско, и готовить встречу, ради которой он проделал сорокапятиминутный перелет на ракете из Берлина, а теперь уже больше двух недель ждет в отеле. «Мы живем в удивительное время. Можно отправиться в любое место, куда пожелаешь, даже на другую планету, и ради чего? Сидеть, день за днем теряя надежду, морально разлагаясь, предаваясь бесконечной скуке и чувству внутреннюю опустошенность, а тем временем другие заняты по горло. Они не сидят сложа руки, теряя время».

Бейнес развернул дневную «Ниппон Тайм» и перечитал заголовки:

«Доктор Геббельс назначен рейхсканцлером». «Неожиданное разрешение проблемы руководства партией». «Речи по радио звучат весьма внушительно». «Толпы в Берлине кричат «ура!»». «Ожидается официальное заявление». «Геринг, возможно, будет назначен шефом полиции вместо Гейдриха».

Бейнес отложил газету и назвал номер торгового представительства.

— Это мистер Бейнес. Можно мистера Тагоми?

— Одну минуточку, сэр.

Очень долгая «минуточка».

— Мистер Тагоми слушает.

Бейнес глубоко вздохнул и заговорил:

— Прошу прощения, но ситуация в равной степени угнетает нас обоих, сэр...

— Да, мистер Бейнес.

— Я очень признателен вам, сэр, за ваше участие. Когда-нибудь, уверен, вы поймете причины, побудившие меня отложить наше совещание, пока не придет пожилой...

— Весьма сожалею, но он еще не прибыл.

Мистер Бейнес закрыл глаза.

— Я думал, может, со вчерашнего дня...

— Боюсь, что нет, сэр.

В трубке раздался щелчок. Мистер Тагоми положил трубку на рычаг. «Я должен что-то предпринять. Больше ждать невозможно».

Он получил совершенно четкие указания от своего начальства: ни при каких обстоятельствах не выходить на связь с Абвером.

Он должен просто ждать, пока ему не удастся связаться с японцами, с их военным представительством. Он обязан провести совещание с японцем, а затем вернуться в Берлин. Но никто не мог предугадать, что именно в этот момент умрет Борман. Следовательно...

План придется изменить. Указания заменить советами, выработанными им самим.

В ТША работало по крайней мере десяток агентов Абвера, и некоторые из них — а возможно, и все — были известны местной организации СД и ее полномочному старшему региональному руководителю Бруно Краусу фон Мееру. Несколько лет назад Бейнес мимоходом встретил Бруно на партийном собрании. У этого человека уже тогда была определенная дурная репутация в партийных кругах, ибо именно он в 1943 году раскрыл британско-чешский заговор, имевший целью покушение на жизнь Рейнхарда Гейдриха, и, следовательно, можно было сказать, что именно он спас Вешателя от смерти.

В общем, Бруно Краус фон Меер уже в то время был активным, успевающим деятелем аппарата СД, а не просто полицейским бюрократом.

Больше того, он был довольно опасным человеком.

И потому сейчас не исключалась вероятность, что, несмотря на все меры предосторожности, принятые как Абвером в Германии, так и Токкоки в Японии, СД узнала об этой намечавшейся в Сан-Франциско встрече в офисе главного торгового представительства. Однако все-таки здесь была территория, контролируемая японцами. СД не имела тут реальной возможности воспрепятствовать встрече. Во всяком случае, законно. Подданный Германии — в данном случае он сам — будет арестован, как только ступит на территорию Рейха, но очень трудно было предпринять что-либо против японского подданного и против назначенной встречи здесь, в Сан-Франциско.

По крайней мере, Бейнес надеялся, что это так.

Путь из Токио в Сан-Франциско долог, особенно для престарелого и больного человека, который не может позволить себе воздушный перелет.

Необходимо — Бейнес был в этом уверен — выяснить у тех, кто стоит выше, находится ли мистер Ятабе до сих пор в пути. Им это известно. Если бы СД перехватило мистера Ятабе, либо его отозвало правительство в Токио, они бы об этом узнали.

Бейнес подумал, что если им удалось добраться до пожилого джентльмена, то они обязательно доберутся и до него. И все же, несмотря ни на что,

положение его еще не было безнадежным. Пока он день за днем в номере отеля ждал назначенной встречи, в его голове родилась интересная мысль.

Чем возвращаться в Берлин с пустыми руками, не лучше ли передать имевшиеся сведения мистеру Тагоми? По крайней мере, в этом случае оставался шанс, пусть и весьма незначительный, что в конце концов соответствующие лица будут проинформированы. В самом благоприятном случае Тагоми мог бы выслушать, все хорошо запомнить и как можно быстрее совершить поездку на Родные Острова. А мистер Ятабе принадлежит к тем верхам, где делают политику. Он может и слушать, и говорить.

Все же это было бы лучше, чем ничего.

Времени оставалось все меньше. Начать все сначала, организовывать осторожно, кропотливо, спустя несколько месяцев, еще раз эту тайную связь между некоей группировкой в Японии...

Это, конечно, очень удивит мистера Тагоми. Неожиданно обнаружить, какого рода информация обрушилась на его плечи, как далеки эти знания от производства пластмасс.

Тут даже возможен нервный срыв.

«А вдруг он проболтается какому-нибудь человеку из своего окружения, а может, просто замкнется в себе, притворится, даже перед самим собой, что он ничего не слышал, просто откажется верить мне, встанет, поклонится и, извинившись, выйдет из комнаты, как только я начну?»

Неблагоразумно, но он именно так может воспринять откровение мистера Бейнеса. Он не их тех, кому положено слушать подобные вещи.

«Так легко уйти — это самый простой, доступный для всех выход. Хотел бы я, чтобы у меня был такой способ уклониться от бремени ответственности. Но все-таки такой поступок невозможен со стороны мистера Тагоми. Мы не так уж и отличаемся друг от друга. Он может заткнуть уши и не слушать меня, но позже, когда до него дойдет глубинный смысл сказанного... Или до кого-нибудь другого, с кем я в конце концов поговорю...»

Бейнес покинул свой номер, вошел в лифт и спустился в вестибюль. Уже на тротуаре велел швейцару вызвать для него педикейб, и вскоре он ехал по Маркет-стрит, наблюдая, как энергично крутит педали водитель-китаец.

Увидев вывеску, которую искал, он приказал остановиться.

Педикейб остановился у пожарного гидранта. Бейнес расплатился с водителем и отпустил его. Затем он немного прогулялся по тротуару, опасаясь слезки, а через мгновение в толпе других покупателей зашел в магазин «Фуа», самый большой супермаркет, расположенный в центре города.

Продавщицы в основном белые, за некоторым исключением, должности заведующих секциями занимали конечно же японцы. Ужасный шум.

После некоторого замешательства мистер Бейнес наконец нашел отдел мужской одежды.

Он остановился перед стеллажом с мужскими брюками.

К нему незамедлительно подошел приказчик, молодой белый, и приветствовал его.

— Я вернулся за шерстяными брюками темно-коричневого цвета, которые я присмотрел еще вчера, — пояснил Бейнес.

Встретившись взглядом с приказчиком, он добавил:

— Вы не тот человек, с которым я разговаривал. Тот был повыше, с рыжими усами, довольно худой. На пиджаке было имя «Дарри».

Приказчик ответил, что Дарри недавно ушел на обед, но скоро вернется.
— Я зайду в кабинку и примерю эту пару, — мистер Бейнес взял брюки со стеллажа.

— Пожалуйста, сэр.

Приказчик указал свободную примерочную и отошел, чтобы обслужить еще одного покупателя.

Бейнес закрыл за собой дверь, сел на стул и принялся ждать.

Через несколько минут раздался стук.

Дверь примерочной отворилась, и заглянул невысокий японец средних лет.

— Вы иностранец, сэр? — обратился он к Бейнесу. — Я должен проверить вашу платежеспособность. Позвольте взглянуть на ваше удостоверение?

Он закрыл за собой дверь. Мистер Бейнес достал бумажник. Японец сел и начал проверять его содержимое. Наткнувшись на фотографию девушки, он помедлил.

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь, Марта.

— И у меня есть дочь, которую тоже зовут Мартой, — обрадовался японец. — Теперь она в Чикаго, учится игре на фортепиано.

— Моя дочь вот-вот выйдет замуж, — сообщил мистер Бейнес.

Японец вернул бумажник и замер, выжидая.

— Я здесь уже две недели, — проговорил мистер Бейнес. — Но мистер Ятабе до сих пор не появился. Я хочу знать, находится ли он до сих пор в пути? И если нет, то что я должен делать?

— Приходите завтра во второй половине дня, — назначил японец и попрощался.

— До свидания, — ответил мистер Бейнес.

Он вышел из примерочной, положил брюки назад на стеллаж и направился к выходу из универмага «Фуга».

Шагая по тротуару вместе с другими пешеходами, он думал, хватит ли времени, чтобы получить необходимую информацию? Ведь нужно связаться с Берлином, получить шифровку — все это отнимало время. «Жаль, что я раньше не встретился с этим агентом. Я бы избавился от многих страхов и мук. Очевидно, это не было связано с особым риском, все как будто прошло очень гладко, всего за каких-нибудь пять-шесть минут».

Бейнес ободрился.

Вскоре он уже рассматривал витрину с фотографиями представлений в низкопробных притонах. Грязные, засиженные мухами снимки совершенно голых белых женщин, чьи груди висели, как наполовину спущенные воздушные шары. Зрелище позабавило его. Мимо по своим делам спешили прохожие, не обращая на него никакого внимания.

Наконец-то дело как-то сдвинулось с места. Какое облегчение!

* * *

Юлиана читала, удобно устроившись на сиденье в своем автомобиле. Джо вел машину легко, одной рукой, едва касаясь баранки. К его нижней губе прилипла сигарета. Он был классным водителем. И они уже покрыли большую часть маршрута от Канон-Сити до Денвера.

Из приемника доносились слащавые народные мотивы, которые исполняют ансамбли аккордеонистов в пивных на открытом воздухе: бесконечные польки и шотландки — Юлиана никогда не могла отличить их друг от друга.

— Дешевка, — заметил Джо, когда музыка закончилась. — Послушай, я ведь неплохо разбираюсь в музыке и могу сказать, кто был великим дирижером. Ты, наверное, не помнишь его, Артуро Тосканини.

— Не помню, — машинально ответила Юлиана, не отрываясь от чтения.

— Он был итальянцем. Но после войны ему бы не разрешили дирижировать из-за его политических симпатий. Теперь-то он уже умер. Этот фон Кароян — бессменный дирижер Нью-Йоркской филармонии — мне не нравится. Мы были обязаны ходить на его концерты, наш рабочий поселок. А что я люблю — догадайся!

Он посмотрел на нее.

— Как книга?

— Захватывает.

— Я люблю Верди и Пуччини. Все, что у нас было в Нью-Йорке, — это тяжеловесная, напыщенная музыка Вагнера и Орффа, и мы были обязаны каждую неделю ходить на эти пошлые драматические представления, устраиваемые нацистами в Медисон-сквер-Гарден — с флагами, трубами, барабанами, пылающими факелами. История готических племен или другая воспитательная чушь, но разве это можно назвать искусством? Ты бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да, — безучастно отозвалась Юлиана.

— Правда, что там были шикарные театры? Я слышал, что были. Да и с кино теперь то же самое: вся кинопромышленность сосредоточена в одном берлинском квартале. За те тринадцать лет, которые я провел в Нью-Йорке, не было ни одной оперетты или пьесы, только эти...

— Не мешай мне читать, — попросила Юлиана.

— То же самое с книжными издательствами, — продолжал Джо невозмутимо. — Сейчас они все монополизированы, и центр находится в Мюнхене. В Нью-Йорке книги теперь только для того, чтобы было чем занять печатные станки. А вот до войны Нью-Йорк был центром мирового книгоиздательства. Так, во всяком случае, говорят.

Заткнув уши пальцами, Юлиана углубилась в чтение.

Ей попался тот раздел «Саранчи», где описывалось легендарное телевидение, рассказывалось о дешевых небольших установках для отсталых народов Африки и Азии.

«Только предприимчивость янки и система массового производства: Детройт, Чикаго, Кливленд — какие волшебные названия! — могли совершить это чудо. посылку этого нескончаемого и почти до безумия бескорыстного потока дешевых однодолларовых (в китайских долларах) телевизионных приборов в каждую деревню, в любую глухомань Востока. И когда какой-нибудь изможденный юноша, умирая от голода, тем не менее хватался за этот единственный шанс, который представляли ему щедрые американцы, и собирал из набора крохотный приемник с встроенным в него источником питания размером не больше куска туалетного мыла, то что же можно было узнать с его помощью? Сгрудившись перед экраном, молодежь деревни — а часто и люди постарше — видели слова. Инструкции. Прежде всего, как научиться читать, затем все остальное. Как выкопать

более глубокий колодец, вспахать более глубокую борозду. Как очистить питьевую воду, исцелить своих больных. Над их головами витала американская искусственная волна, распространяя сигналы, разнося их повсюду, всем страждущим, всем жаждущим знания массам Востока...»

— Ты читаешь все подряд? — спросил Джо. — Или пропускаешь какие-то куски?

— Как это замечательно! Он заставил нас посылать пищу и образование всем азиатам, миллионам их, — заметила Юлиана.

— Благотворительность во всемирном масштабе.

— Да. Новый курс, провозглашенный Тагвеллом, по подъему уровня жизни масс. Только послушай.

Она прочла вслух:

— «Каким всегда был Китай? Томящимся, испытывающим нужду во всем, глядящим на Запад. Его великий президент, демократ Чан Кайши, проведя китайский народ через военные годы, теперь, в дни мира, вел его к Декаде Перестройки. Но для Китая это не было восстановлением, так как в этой, сверхъестественно обширной, плоской стране раньше ничего не возводилось, и она еще оставалась погруженной в свой древний сон. Восстающее ото сна существо, гигант, которому нужно было наконец-то обрести ясное сознание в современном мире с его реактивными самолетами и автострадами, атомной энергией и заводами. И откуда же должен раздаться тот удар грома, чтобы разбудить гиганта? Чан Кайши знал это еще во время войны с Японией. Он мог раздаться только из Соединенных Штатов. К тысяча девятьсот пятидесятому году американские инженеры, техники, агрономы, учителя, врачи роем устремились в китайскую провинцию, в каждую деревню, подобно какому-то новому виду ожившего...»

— Ты знаешь, что он сделал, а? — прервал ее чтение Джо. — Он взял у нацизма все лучшее, его социалистическую часть, организацию Тодта и экономический прогресс, достигнутый при Шпеере, и все это подарил чему? Новому курсу. А выкинул все то, что уродливо — деятельность СС, расовую политику, дискриминацию. Но это же утопия! Ты думаешь, если бы союзники победили, то Новый курс оживил бы экономику и совершил бы все эти социальные сдвиги, поднял бы благосостояние? Ничего подобного! Чан Кайши выдумал некую форму государственного синдиката, корпоративного государства, вроде того, к которому мы пришли при Дуче. Он утверждает: вы будете иметь только хорошее и ничего из...

— Дай дочитать! — огрызнулась Юлиана.

«И эти рынки на населенной миллионами земле обеспечили на много лет работой заводы Детройта и Чикаго. Этот гигантский зев никогда не наполнится, этот народ и за сто лет не обеспечить нужным количеством грузовиков, кирпичей, стальных болванок, одеждой, пишущими машинками и каплями от насморка. В тысяча девятьсот шестидесятом году наивысший уровень жизни в мире считался у американского рабочего, и все потому, что Штаты изящно назывались «наиболее благоприятствующей страной» при заключении торговых сделок со странами Востока. США больше не оккупировали Японию, а последняя никогда не оккупировала Китай, тем не менее неоспоримым фактом было то, что Кантон, Токио и Шанхай покупали не британские товары, а американские. И каждая новая сделка способствовала увеличению благосостояния рабочего в Балтиморе, Лос-Анджелесе и Атланте. Тем, кто делал долгосрочную политику, людям

в Белом Доме, обладающим широким кругозором, казалось, что они почти добились цели. Исследовательские ракеты должны были вот-вот устремиться в космические бездны, покидая Мир, который наконец-то увидел окончание своих вековых болезней: голода, эпидемий, войн, невежества. Эквивалентные меры социального и экономического развития, предпринятые Британской империей, принесли подобное же облегчение участи широким массам Индии, Бирмы, Африки, Ближнего Востока. Продукция заводов Уруа и Манчестера, сталь Саара, нефть Баку — все слилось, и взаимодействовало в сложной, но действительной гармонии. Народы Европы наслаждались тем, что казалось...»

— Я полагаю, что именно они должны править миром, — сказала Юлиана.

Она оторвалась от книги.

— Они во всем были лучше всех. Британцы.

Джо ничего на это не ответил, несмотря на то что она выжидающе посмотрела на него.

Юлиана вновь взялась за книгу.

«... осуществлением мечты Наполеона: разумной однородности этнически различных народов, отсутствие которой было причиной раздоров и пререканий по каждому пустяку со времен падения Рима. А также мечты Карла Великого: объединенного христианства, которое бы стало жить в мире не только внутри себя, но и с остальным миром. И все же до сих пор оставалась одна ноющая рана. На Малайях жило много китайцев, в основном предпринимателей, и эта процветающая, работающая буржуазия видела в американском способе ведения дел в Китае более справедливую власть. Бывшие под британским господством темнокожие расы не допускались даже в провинциальные клубы, отели, приличные рестораны. Как и прежде, они видели, что для них в трамваях отведены особые секции и — что хуже всего — что они ограничены в выборе места жительства. Эти «туземцы» по слухам из газет знали, что в США проблемы цветных решены еще до тысяча девятьсот пятидесятого года. Вторая мировая война покончила с дискриминацией...»

— А потом начались беспорядки? — уточнила она у Джо.

Он кивнул, продолжая следить за дорогой.

— Ну расскажи же, что было дальше.

Она закрыла книгу.

— Мне все равно не успеть дочитать ее до конца, скоро мы будем в Денвере. Наверное, Америка и Англия затеют между собой войну, и в результате одна из них будет повелевать всем миром.

— Кое в чем это произведение не так уж плохо, — отозвался Джо. — Автор продумал все до мельчайших подробностей. Штаты получили Тихий океан, создав нечто вроде общества Сопроцветания Юго-Восточной Азии. Россию Штаты и Англия поделили на сферы влияния. Так продолжалось десять лет. А затем, естественно, между ними возникли трения.

— Почему же — естественно?

— Такова человеческая натура, — пояснил Джо, — и природа государства. Подозрительность, страх, жадность. Китайцы считают, что Штаты подрывают господство Британии в Южной Азии, привлекая на свою сторону значительное китайское население, у которого под влиянием Чан Кай-ши, проамериканское настроение. Англия начинает организовывать то, что они называли «охраняемые районы опеки».

Он ухмыльнулся.

— Другими словами, концентрационные лагеря для тысяч китайцев, подозреваемых в измене. Их обвиняют в саботаже и пропаганде. Черчилль до того...

— Ты хочешь сказать, что он еще у власти? Разве его еще не убрали?

— Вот тут-то британская система и превзошла американскую, — рассказывал Джо. — Каждые восемь лет Штаты дают пинка под зад своим руководителям, какими бы опытными они не были. У Штатов после Тагвелла никогда не было руководителя, подобно ему. Одни ничтожества. Но Черчилль-то все еще у власти. И чем старше, тем он властолюбивее и жестче. В тысяче девятьсот шестидесятом году он уже напоминает какого-то древнего властителя Центральной Азии. Никто не смеет ему перечить. Он у власти более двадцати лет.

— О боже! — воскликнула Юлиана.

Она открыла книгу с конца, чтобы найти подтверждение пересказу Джо.

— С чем я согласен, — продолжал Джо, — так это с тем, что Черчилль во время войны был единственным порядочным лидером Англии. Если бы его оставили у власти, дела Англии были бы гораздо лучше. Вот что я скажу: государство не может быть лучше своего руководителя. Фюрер — это принцип. Принцип фюрерства, как говорили наци. Они правы. Даже этот американец должен согласиться с ними. Конечно, у него Штаты после войны осуществили колоссальную экономическую экспансию, прибрав к рукам бездонный рынок сбыта в Азии, доставшийся им от японцев. Но этого оказалось недостаточно: таким путем трудно обрести идею. Не получили ее и британцы. В обеих странах правят богачи, плутократия. Если бы победили они, все их думы сводились бы к тому, чтобы увеличить свои доходы. Он ошибся, этот Абендсен: не было бы никаких социальных реформ, не было бы планов повышения жизненного уровня масс. Англо-саксонская плутократия не допустила бы этого.

Теперь он говорил как настоящий фашист.

Очевидно, Джо увидел лицо Юлианы. Он снизил скорость и, поглядывая то на нее, то на трассу, горячо убеждал:

— Послушай, я не из интеллектуалов. Фашизму нет в них надобности. Необходимо только дело, а теория выстраивается из действия. Единственно, что требует от нас наше корпоративное государство — это сыграть свою социальную роль в истории. Понимаешь? Это я объясню тебе. Я это точно знаю, Юлиана.

Тон его стал неистовым, даже молящим.

— Эти старые, гнилые, зависящие от золота империи — Британская, Французская, Американская — хотя последняя только незаконнорожденный ублюдок, а не империя в полном смысле, — все они в равной степени опираются на деньги. Души у них не было, а естественно не было и будущего. Да, наци — это банда головорезов, я с этим согласен. Ты тоже так думаешь? Верно же?

Юлиана через силу улыбнулась: он впал в привычную итальянцам экзальтацию, извергая из себя поток слов.

— Для Абендсена слишком важно, кто победит — Штаты или Англия. Явная нелепость. Они не достойны победы. Они ничем ее не заслужили. Ты когда-нибудь читала что-нибудь из того, что писал Дуче?

Это откровение. Красивый мужчина. Красивые слова. Он объясняет подоплеку каждого явления. На самом деле основным существом конфликта во время войны была борьба старого против нового. Деньги — вот почему нацисты ошибочно и некстати притянули сюда еврейский вопрос — против коллективного духа масс, названного фашистами «хеймшнфт» — народность.

«Он сейчас вылитый Муссолини», — подумала Юлиана.

— Зверства нацистов — это трагедия. — Джо на минуту замолк, обгоняя тащившийся грузовик. — Но при всякой замене проигравшему приходится туго. Тут нет ничего нового. Вспомни прежние революции, например, французскую, вспомни тактику Кромвеля по отношению к Ирландии. В немецкой философии слишком много темперамента да и театральности с избытком. Одни шестивия чего стоят. Настоящего фашиста никогда не увидишь разглагольствующим. Он всегда действует, как я. Верно?

Юлиана рассмеялась.

— Ты болтаешь со скоростью мили в минуту.

— Я тебе объясняю фашистскую теорию действия! — вне себя вскричал Джо.

Она не смогла ответить: слишком уж забавно все получилось. Но человек, сидевший рядом, вовсе не считал это забавным.

Раскрасневшись, Джо сердито смотрел на нее.

Вены на его лбу вздулись, и его снова начало трясти. Джо опять засунул пятерню во всклокоченную шевелюру. Он ничего не говорил, но глядел в глаза Юлиане.

— Не обижайся на меня, — попросила она.

На какой-то миг ей показалось, что он хочет ее ударить: Джо уже занес руку, но тут же потянулся к приемнику.

Сквозь характерный треск передавалась оркестровая музыка. Юлиана попыталась снова сосредоточиться на чтении.

— Ты права, — сказал Джо после долгой паузы.

— Насчет чего?

— Насчет дважды битой империи. С клоуном вместо вождя. Неудивительно, что мы от этой войны ничего не получили.

Она гладила его по руке.

— Юлиана, все это муть, — отозвался Джо. — Ничего нет истинного и определенного. Верно?

— Может быть, и так, — произнесла она, перевернув страницу.

— Победила Британия, — подсказал Джо. — Избавлю тебя от необходимости выискивать это место. Штаты приходят в упадок. Британия все больше их теснит, продолжая экспансию, сохраняя инициативу. Так что можешь отложить книгу в сторону.

— Надеюсь, в Денвере нам будет весело? — Юлиана закрыла книгу. — Тебе нужно расслабиться. Я хочу, чтобы ты отдохнул.

«Если тебе не удастся это, — подумала она, — ты лопнешь, как пружина. А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может, лучше уже сейчас оставить тебя? Очень хочется тех удовольствий, которые ты мне обещал. Я не желаю быть обманутой. Слишком часто меня обманывали прежде».

— Обязательно будет хорошо, — пообещал Джо. — Послушай...

Он как-то странно, оценивающе взглянул на нее.

— Ты слишком увлеклась этой книгой. Вот интересно — представь себе человека, написавшего бестселлер, ну, автора, вроде этого Абендсена. Пишут ли люди ему письма? Могу поспорить, что многие пишут и хвалят книгу, может, даже встречаются с ним.

Она тут же поняла.

— Джо, это же всего около полутора сотен километров.

Глаза ее засияли. Он улыбнулся ей, снова счастливый, не испытывая ни огорчений, ни волнений.

— Пожалуй, можно было бы, — предложила она. — Ты так хорошо водишь машину — тебе бы ничего не стоило доехать туда, правда?

— Ну, я сомневаюсь, что этот знаменитый человек так запросто пускал бы к себе посетителей. Желающих, наверно, пруд пруди.

— А почему бы не попытаться, Джо?

Она схватила его за плечо и в возбуждении сдавила его.

— Худшее, что он может сделать, — выгнать нас. Пожалуйста, Джо?

— Только когда сделаем покупки и прилично оденемся, — веско заметил Джо, — все с иголочки. Это очень важно — произвести хорошее впечатление. И может, мы даже найдем новый автомобиль, уже там. Держу пари, нам удастся.

— Да, — подтвердила Юлиана. — А тебе необходимо подстричься. И позволь мне подобрать тебе одежду. Пожалуйста, Джо? Я, бывало, выбирала одежду для Фринка. Мужчина ведь никогда не может купить что-нибудь приличное для себя.

— На одежду у тебя неплохой вкус, — согласился Джо.

Он смотрел на бегущую впереди дорогу.

— И вообще... Лучше всего, если ты сама позвонишь ему, именно ты свяжешься с ним.

— Я тоже сделаю себе прическу! — воскликнула Юлиана.

— Хорошо.

— Даже не побоюсь подняться и нажать звонок.

Она осмелела.

— Я имею в виду, что живем-то мы только один раз. Зачем же нам трусить? Он такой же человек, как и все мы. Может, ему будет даже приятно узнать, что кто-то только из-за того и заехал в такую даль, чтобы сказать ему, как понравилось его произведение. Мы попросим автограф на титульной странице — обычно его оставляют именно там. Разве не так? Только было бы лучше купить новый экземпляр: этот так обтрепался и засалился. Тут автограф не будет смотреться.

— Все, что пожелаешь, — ответил Джо. — Я позволю тебе взять на себя все мелочи. Я уверен, что они тебе под силу. Хорошенькая девушка всегда добьется своего. Когда он увидит, какая ты сногшибательная, он настуже распахнет дверь. Но послушай: давай без дураков!

— Что ты хочешь сказать?

— Скажешь, что мы женаты? Я не хочу, чтобы ты впуталась с ним в какую-нибудь историю. Ты понимаешь, о чем я говорю? Это было бы ужасно. Это бы разбило нам жизнь. Так что будь осторожна и осмотрительна, Юлиана.

— Кстати, и поспоришь с ним, — предложила Юлиана, — насчет того, стала ли Италия причиной поражения, предав державы Оси; сообщись ему то, что ты рассказывал мне.

Джо кивнул.

— Ну что ж, договорились. Мы обсудим все, что он написал. Они быстро мчались на север.

* * *

Остывший взор, слабость в желудке и так далее. Тошнота и угнетенное половое чувство.

И все-же перед глазами ничего нет.

Чем может ответить его тело? Бегством?

Скрестив ноги, мистер Тагоми уселся прямо на полу своей гостиной и начал манипулировать с сорока девятью стебельками тысячелистника.

Вопросы были безотлагательны, и он с лихорадочной быстротой проделал все необходимое, чтобы увидеть перед собой все шесть строчек.

О ужас! Гексаграмма пятьдесят один!

Бог является под знаком грома и молнии.

Трубный глас — Тагоми непроизвольно прижал руки к ушам. Ха-ха! Хо-хо! Мощный взрыв! Нечто бросает его в дрожь и заставляет закрыть глаза от страха. Рев тигра, нервная суэта всполошившихся ящериц — и вот сам Бог является миру.

Что же это значит? Тагоми оглядел комнату.

Приближение — чего?

Он вскочил и замер, прислушиваясь к себе.

Ничего. Колотится сердце. Дыхание и все физиологические процессы, включая даже непроизвольные, управляемые подсознанием, близки к критическому уровню: адреналин, сильное сердцебиение, учащенный пульс, нарушение функции желез, комок в горле, застывший взор, слабость в желудке и так далее. Тошнота и угнетенное половое чувство.

И все же — перед глазами ничего нет.

Чем может ответить его тело? Бегством?

Все готово к нему. Но куда бежать? И зачем?

На ум ничего не приходило. Значит, невозможно. Дилемма цивилизованного человека: тело готово к чему угодно, но угроза туманна, не обозначена. Тагоми вошел в ванную и начал намыливать подбородок, собираясь побриться.

Зазвонил телефон.

— Удар, — сказал он громко.

Он отложил бритву.

— Будь готов.

Он быстро перешел из ванной в спальню.

— Я готов.

Он поднял трубку.

— Тагоми слушает.

Голос его сорвался, и ему пришлось откашляться.

Пауза. Затем послышался слабый, высохший, шуршащий, как старые опавшие листья, голос:

— Сэр, это Синиро Ятабе. Я прибыл в Сан-Франциско.

— От имени Главного Торгового представительства приветствую вас, — произнес мистер Тагоми. — Как я рад! Вы в добром здравии и в добром духе?

— Да, мистер Тагоми. Когда я смогу увидеть вас?

— Очень скоро. Через полчаса.

Мистер Тагоми взглянул на настенные часы, с трудом разбирая время.

— Только... Третья сторона, мистер Бейнес... Я должен связаться с ним. Возможна задержка, но...

— Мы можем условиться: через два часа, сэр? — предложил мистер Ятабе.

— Хорошо, — согласился мистер Тагоми.

— В вашей конторе — в «Ниппон Тайм Билдинг».

Щелчок. Мистер Ятабе опустил трубку.

«Мистер Бейнес будет доволен, — решил Тагоми. — Как кот, которому бросили кусок семги».

Он спешно набрал номер отеля «Абхирати».

— Тягостное ожидание закончилось, — сказал японец, услышав сонный голос Бейнеса.

— Он здесь? — видимо, сон как рукой сняло.

— В моей конторе, — подсказал Тагоми, — в десять часов двадцать минут. До свидания.

Он положил трубку и отправился в ванную. На завтрак не оставалось времени. Нужно будет заказать мистеру Рамсею подать им к столу что-нибудь, когда все окажутся в сборе. Все трое могут одновременно позволить себе это удовольствие.

* * *

Бейнес стоял в пижаме с трубкой в руке и нервно потирал лоб. «Какой стыд! — думал он. — Сломаться и выйти на связь с этим агентом. Если бы подождать всего один день. Но, возможно, ничего плохого и не произошло. Однако сегодня нужно зайти в магазин. Предположим, я не покажусь? Это вызовет цепную реакцию, они решат, что меня убили или что-то в этом роде. Попытаются меня отыскать. Но все это уже не столь важно, потому что он здесь. Наконец-то ожидание закончилось».

Бейнес поторопился в ванную, побриться и привести себя в порядок.

Он не сомневался, что Тагоми узнает «пожилого джентльмена», как только увидит, догадается о его роли. «Теперь мы, по существу, можем отбросить все прикрытия и все условности. Наверно, люди СД опоздали, — предположил Бейнес, — даже если они что-то разнюхали. Поэтому мне, вероятно, ничего не грозит. По крайней мере, будничные, мелкие заботы сейчас нужно выбросить из головы, и ничтожный страх за свою собственную шкуру. Что же касается дальнейшей операции — теперь придется побеспокоиться всерьез».

Глава 11

Для рейхсконсула в Сан-Франциско Фрейера Гуго Рейсса самое начало рабочего дня было неожиданным и внушающим тревогу.

Войдя в приемную, он обнаружил посетителя. Крупный мужчина средних лет с тяжелой челюстью и следами оспы на лице, с недобрый хмурый лицом, он сделал шаг навстречу и, подняв руку, приветствовал:

— Хайль!

— Хайль! — ответил Рейсс с улыбкой на лице, хотя душа у него застонала. — Герр Краус фон Меер? Я удивлен.

Открывая дверь своего кабинета он досадовал, куда запропастился вице-консул, и недоумевал, как мог войти в приемную шеф СД. Однако этот человек был уже здесь, и с этим надо считаться.

Войдя вслед за Рейссом в кабинет, не снимая своего темного драпового пальто, Краус фон Меер начал:

— Послушайте, Фрейер, мы нашли парня из Абвера. Это Рудольф Вегенер. Он попался на одной старой явке Абвера, которая у нас под колпаком.

Краус фон Меер осклабился, сверкнув золотыми зубами.

— Мы проследили его до самой гостиницы.

— Прекрасно, — похвалил Рейсс.

На его столе лежала свежая почта. Значит, Пфердхоф где-то поблизости. Несомненно, это он запер кабинет, чтобы помешать шефу СД совать свой нос в дела консульства.

— Это очень важно, — продолжал фон Меер. — Я принял безотлагательные меры, чтобы немедленно известить Кальтенбруннера. Теперь в любую минуту вы можете получить указание из Берлина, если только эти «унтратфреззеры» («дерьмеды») там, дома, все не перепутают.

Он уселся за консульский стол, вытащил из кармана пачку сложенных бумаг и, шевеля губами, старательно развернул одну из них.

Фамилия для прикрытия — Бейнес. Выдает себя за шведского промышленника или коммерсанта. Сегодня утром в восемь десять, по телефону с ним назначено официальное свидание на десять двадцать утра в японской конторе. Сейчас мы пытаемся выяснить, откуда был сделан звонок. Возможно, мы будем это знать через полчаса. Мне перезвонят сюда.

— Понимаю, — сказал Рейсс.

— Теперь мы можем подцепить этого молодца, — не скрывал радости фон Меер. — И, естественно, отошлем его назад, в Рейх, на ближайшей ракете Люфтваффе. Однако японцы или Сакраменто могут выразить протест и попытаются помешать этой акции. Они адресуют протест вам, если решатся. Возможно, они даже окажут на вас сильное давление, в аэропорт доставят целый грузовик агентов Тоококи.

— Вы не можете задержать этого человека тихо и незаметно?

— Слишком поздно. Возможно, придется брать его прямо на месте. Вороваться, схватить и бежать.

— Мне это не нравится, — промямлил Рейсс. — А вдруг у него свидание с каким-то чрезвычайно важным, высокопоставленным японцем? Как раз сейчас в Сан-Франциско, по-видимому, находится личный посланец императора. На днях до меня дошел слух...

— Это не имеет значения, — перебил его фон Меер. — Подданный Германии обязан подчиниться законам Рейха.

«А мы хорошо знаем, что представляют из себя законы Рейха?» — усомнился Рейсс. — У меня наготове отделение коммандос. Пятеро отличных ребят, — фон Меер хихикнул. — Выглядят, как скрипачи. Чудные лица аскетов, глаза с грустинкой, такие, как, может быть, у студентов-богословов. Когда они войдут, япошки решат, что это струнный квартет...

— Квнтет, — поправил Рейсс.

— Да, и соответствующе одетые.

Он внимательно осмотрел консула.

— Почти так же, как вы.

— Спасибо, — поблагодарил Рейсс.

— Прямо на виду у всех, не стесняясь, подойдут к этому Вегенеру. Окружат его, будто с ним совещаются. Мол, очень важное сообщение, — продолжал бубнить фон Меер, пока консул вскрывал почту. — Никакого насилия, просто: «Герр Вегенер, пройдемте с нами, пожалуйста. Вы же все понимаете». И в позвоночник — маленькое острие. Миг — и центральная нервная система парализована.

Рейсс кивнул.

— Вы слушаете?

— Да.

— На улице — в автомобиль, и ко мне в контору. Япошки, конечно, переполошатся, но будут вежливыми до последнего момента.

Краус фон Меер неуклюже раскланялся, подражая японцам:

— Это же так грубо — обманывать нас, герр фон Меер. Однако ничего не поделаешь, гуд бай, герр Вегенер... — Он опять захихикал.

— Бейнес... Разве не под этим именем он здесь? — спросил Рейсс.

— Бейнес. Очень жаль, что вы покидаете нас. В другой раз мы, возможно, еще о многом с вами побеседуем.

Зазвонил телефон, и фон Меер перестал кривляться.

— Это, наверное, мне.

Он потянулся к трубке, но консул его опередил:

— Рейсс у телефона.

— Говорит «Ауслянд Ферншпрехамт» в Новой Шотландии, — проговорил незнакомый голос. — Трансатлантическая связь. Вас вызывает Берлин, срочно.

— Хорошо, — отозвался Рейсс.

— Подождите минутку, консул.

Послышались слабые разряды, потом другой голос, женский:

— Канцелярия.

— Это «Ауслянд Ферншпрехамт» в Новой Шотландии. Вызывается рейхсконсул Гуго Рейсс. Сейчас консул на проводе.

— Поддерживайте связь.

Последовала долгая пауза. Краус фон Меер равнодушно наблюдал за Рейссом.

— Герр консул, извините, что отнимаю у вас время, — послышался приятный баритон.

Кровь застыла в жилах Рейсса. Хорошо поставленный, переливающийся, знакомый Рейссу уже много лет голос доктора Геббельса.

— Канцлер?

Наблюдавший за консулом фон Меер оживился.

— Только что меня попросил позвонить вам генерал Гейдрих. В Сан-Франциско сейчас находится какой-то агент Абвера, его зовут Рудольф Вегенер. Вы должны всецело содействовать СД во всем, что она предпримет по отношению к нему. На подробности в данный момент нет времени. Просто полностью предоставьте свою контору в их распоряжение. Заранее премного вам благодарен.

— Понимаю, герр канцлер, — отчеканил Рейсс.

— До свидания, консул.

Краус фон Меер пристально уставился на Рейсса, как только тот положил трубку.

— Я был прав?

Рейсс пожал плечами.

— О чем тут спорить?

— Подпишите ордер на принудительное возвращение этого Вегенера в Германию.

Рейссу ничего не оставалось, как подписать ордер. Поставив печать, он протянул его шефу СД.

— Благодарю вас, — поблагодарил фон Меер. — Теперь, как только японские власти позвонят вам и станут жаловаться...

— Если только станут, — перебил Рейсс.

Краус фон Меер быстро взглянул на него.

— Станут. Они будут здесь — не пройдет и пятнадцати минут после того, как мы сгребем этого Вегенера.

Он перестал паясничать, лицо его посерьезнело.

— И никакого струнного квинтета, — колко заметил Рейсс.

Фон Меер не обратил внимания.

— Мы будем брать его в самое ближайшее время, так что будьте готовы. Можете сказать япошкам, что он гомосексуалист, крупный уголовник, фальшивомонетчик или что угодно в этом духе. Требуется вернуть его домой для предания суду. Не проговоритесь им, что он политический. Вы же знаете, что японцы не принимают девяносто пяти процентов кодекса национал-социализма.

— Это я знаю, — подтвердил Рейсс, чувствуя растущее раздражение и возмущение от того, что его снова провели.

«Действует через мою голову, — негодовал он. — Как обычно. Меер связался с канцелярией, ублюдок». Руки его тряслись. Не от звонка ли Геббельса? Ужас перед его всемогуществом? Или это обида и досада от ущемления его прав?

«Чертова полиция, — размышлял он. — Они сильнее и сильнее. Уже заставили работать на себя Геббельса. Они заправляют там, в Рейхе. А что могу сделать я? И кто вообще им может помешать? Лучше помочь им. Не такое нынче время, чтобы перечить этому типу. Вероятно, там, в Берлине, он может добиться чего угодно, даже увольнения любого неугодного ему человека».

— Я давно понял, — проговорил он вслух, — что вы вовсе не преувеличили значение этого дела, герр полицейфюрер. — Полагаю даже, что безопасность Германии зависит от того, насколько оперативно вы разоблачите этого шпиона и предателя.

Ему вдруг самому стало страшно от того, что он выбрал такие слова. Однако фон Меер, казалось, был польщен.

— Благодарю вас, консул.

— Возможно, вы спасли всех нас.

— Ну, мы его еще не взяли. — Фон Меер нахмурился. — Давайте подождем. Думаю, что скоро позвонят.

— Японцев я беру на себя, — пообещал Рейсс. — Вы же знаете, у меня богатый опыт. Их жалобы...

— Не сбивайте меня, — перебил фон Меер. — Мне нужно подумать. Очевидно, его обеспокоил звонок из канцелярии. Теперь он понял, что положение серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

«А ведь возможно, что этот молодчик уйдет, и это будет вам стоить вашей работы, — подумал Гуго Рейсс. — И моей тоже — мы оба можем в любой миг очутиться на улице. Вряд ли у вас более безопасное положение, чем у меня. В самом деле, может, стоит вам слегка прищемить хвост, чтобы поубавить спеси, герр полицайфюрер? Что-нибудь этакое провернуть, чего нельзя будет вменить в вину. Например, когда сюда придут возмущенные японцы, можно им вскользь намекнуть на номер рейса Люфтваганзы, которым уволокут отсюда этого парня, или, все отрицая, постепенно раздражить их: ну хотя бы дать понять, что Рейху наплевать на маленьких желтых человечков. Их там не принимают всерьез. А если они достаточно распалятся, то они могут довести свои жалобы и до самого Геббельса. Есть разные возможности. СД, в сущности, не может выдворить этого парня из Тихоокеанских Штатов без моего активного пособничества. Если бы мне только точно знать, куда нанести удар! Ненавижу тех, которые лезут через мою голову. Я начинаю нервничать, страдаю бессонницей, а если я не буду спать, то не смогу и делать свое дело. Оставим Германии возможность самой исправлять свои ошибки. И вообще, мне было бы намного спокойнее, если бы этого неотесанного баварца вернули домой, к составлению отчетов в каком-нибудь вшивом отделении полиции».

Зазвенел телефон.

На этот раз Краус фон Меер был первым у аппарата, и Рейсс не решился ему помешать.

— Алло, — фон Меер приготовился слушать, но через минуту протянул трубку консулу: — Это вас.

Втайне облегченно вздохнув, Рейсс взял трубку.

— Это какой-то школьный учитель, — пояснил фон Меер, — допытывается, можете ли вы дать ему несколько австрийских театральных афиш для его класса.

* * *

Примерно в одиннадцать утра Роберт Чилдан закрыл магазин и пешком отправился в контору мистера Пола Казоура.

К счастью, Пол не был занят. Он вежливо встретил Чилдана и предложил ему чаю.

Кабинет Пола был невелик, но отличался современной и строгой обстановкой.

На стене превосходная литография: тигр работы Мокаи, шедевр конца тринадцатого столетия.

— Я всегда счастлив видеть вас, Роберт, — проговорил Пол, как показалось Чилдану, с несколько неестественной радостью.

Возможно, это просто фантазия? Чилдан осторожно взглянул поверх чашки. Собеседник выглядел вроде бы добродушным и дружелюбным. И все же Чилдан ощутил некоторую перемену.

— Ваша жена, — вымолвил Чилдан, — вероятно, разочарована моим безвкусным подарком. Я мог бы и огорчиться. Однако, когда имеешь дело с чем-то новым и непривычным, трудно по достоинству оценить вещь, во всяком случае мне, человеку консервативных устоев. Думаю, что вы вместе с Бетти имеете больше прав высказывать свое суждение.

— Она не была разочарована, Роберт, — спокойно возразил Пол. — Я не передавал ей той вещицы.

Опустив руку в ящик стола, он извлек маленькую белую коробочку.

— Она не покидала этого кабинета.

«Догадался? — подумал Чилдан. — Ну и ловкач! Он даже не сказал ей. Вот так история. Теперь остается надеяться, что он не выйдет из себя и не обвинит меня в попытке соблазнить его жену. А он может стереть меня в порошок».

Сохраняя спокойствие духа, Чилдан потягивал чай.

— О, — мягко протянул он. — Интересно.

Пол открыл коробочку, вынул из нее заколку и начал ее осматривать, повернув к свету.

— Я нашел в себе смелость, — проронил Пол, — показать это кое-каким деловым людям, разделяющим мои вкусы.

Он взглянул на Роберта Чилдана.

— Конечно, прежде никто из них ничего подобного не видел. Как вы объяснили мне, до настоящего времени такие вот современные изделия не выставлялись. Думаю также, что вы убеждены, что являетесь единственным распространителем этого направления в ювелирном искусстве.

— Да, верно, — отозвался Чилдан.

— Хотите знать, как отреагировали мои друзья?

Чилдан кивнул.

— Они посмеялись, — сказал Пол.

Чилдан не проронил ни звука.

— И я смеялся, — уточнил Пол, — без вас, на другой день после того, как вы пришли и показали мне эту штуковину. Естественно, чтобы не расстроить вас, я скрыл свое отношение. Вы, несомненно, помните, что я внешне был более или менее равнодушен.

Чилдан согласился.

— Но тем не менее, — продолжал Пол, — я уже несколько дней внимательно ее осматриваю и все более проникаюсь к ней нежностью. «Почему?» — спрашиваю я себя. Ведь я даже не спроецировал на эту штуковину, как в германских психологических опытах, свое собственное естество. Я до сих пор не вижу в ней никаких черт, никакой формы души. Но она каким-то образом сопричастна Тао. Понимаете?

Он посмотрел на Чилдан.

— Она уравновешенна и покойна. Можно сказать, что эта штука пребывает в мире со всей вселенной. Вселенная заключена в ней, но она находится в состоянии гомеостаза, поддерживаемого только внутренними ресурсами.

Чилдан внимательно изучал заколку, смотрел будто другими глазами, но Пол не обращал на него внимания.

— У нее нет ваби и не могло быть, но...

Пол тронул пальцами головку шпильки.

— Роберт, у этой штуковины есть ву.

— Я верю вам, — произнес Чилдан, пытаясь вспомнить, что такое ву.

Он вспомнил, что слово это не японское, а китайское, оно означает «мудрость» или «разумение», в любом случае нечто в высшей степени значительное, хорошее.

— Руки ремесленника, — объяснял Пол, — обладали ву и сделали так, чтобы ву передалось этому предмету. Но он закончен, совершенен, Роберт.

Размышляя над этим, мы сами приобретаем еще большее ву. Мы испытываем умиротворение, присущее, однако, не искусству, а священным предметам. Я припоминаю храм в Хиросиме, где можно рассматривать челюсть какого-то средневекового святого. Однако вот этот предмет — дело рук человека, а то была реликвия. Этот предмет живет в настоящем, в то время как тот — просто сохранился. В результате раздумий я определил ценность этой вещи, она заключается в отсутствии историчности. И я этим глубоко заинтересован, да и вы сами видите.

— Да, — отозвался Чилдан.

— Не иметь исторической ценности, не иметь художественных, эстетических достоинств и тем не менее содержать оттенок некоей неземной ценности — это чудо. Несмотря на то, что эта безделушка такая маленькая, жалкая, вроде никчемная. Это, Роберт, только из-за ву. Потому что часто бывает, что ву находится в самых по виду невзрачных предметах, про которые у христиан говорится: «Камни, отвергнутые мастером». Можно угадать ву в какой-нибудь старой палке или ржавой жестянке из-под пива. Однако в этих случаях ву внутри созерцающего. Это религиозное переживание. Здесь же мастер вложил ву в сам предмет.

— Я достаточно ясно излагаю свои мысли?

— Да, — кивнул Чилдан.

— Другими словами, это указывает на совершенно новый мир. И имя ему — не искусство, так как у него нет формы, но и не религия. А что же? Я бесконечно долго размышлял над этим, но так и не смог ничего понять. У нас, очевидно, нет слова для определения такого вот предмета. Так что вы правы, Роберт. Это, действительно, подлинная, оригинальная вещь, новая перед лицом вселенной.

«Подлинная, — подумал Чилдан. — Да, определенно так оно и есть. Я ухватил его мысль. Что же касается остального...»

— Придя к такому выводу, — продолжал Пол, — я позвал сюда тех же своих знакомых. Я взял на себя, так же как сейчас с вами, труд донести до них свои идеи. Я попросил, чтобы они выслушали меня до конца — на меня так сильно подействовала эта вещь, что я вынужден был отбросить все условности.

Чилдан понимал, что значит для такого человека, как Пол, навязывать свои идеи другим людям. Случай совершенно исключительный.

— И результат был обнадеживающим. Они оказались способны воспринять, подчиняясь моему давлению, мою точку зрения. Они постигли то, что я им обрисовал. Так что игра стоила свеч. Тогда я успокоился. Все, Роберт. Я выдохся.

Пол уложил заколку обратно в коробочку.

— На этом моя миссия закончена. От дальнейшего я себя освобождаю. Он подтолкнул коробочку Чилдану.

— Сэр, это ваше, — проговорил Чилдан.

Ему стало страшно. В подобной ситуации он еще не бывал. Высокопоставленный японец, восхваляющий до небес полученный им подарок, а затем возвращающий его. У Чилдана затряслись колени. Он не представлял, как выйти из этого положения, и почувствовал себя полным дураком.

Спокойно, даже сурово, Пол сказал:

— Роберт, вы должны с большей смелостью принять действительность... Побледнев, Чилдан произнес, запинаясь:

— Я смущен тем, что...

Пол встал, глядя ему прямо в лицо.

— Мужайтесь. Это единственная ваша задача. На вас лежит огромная ответственность. Но вы ведь профессионал. На некоторое время уйдите из себя, замкнитесь, поразмыслите, возможно, даже испросите совета у «Книги перемен», затем еще раз внимательно проверьте свои витрины, проанализируйте свою систему торговли.

Чилдан широко разинув рот, не сводил с Пола глаз.

— И вы поймете, что вам следует сделать, чтобы эти предметы стали популярными у покупателей.

Чилдан похолодел. Этот человек уговаривал его взять на себя моральную ответственность за внедрение этих ювелирных изделий! Сумасшедшее японское наркотическое видение мира: ничего нет, только все затмевающая духовная и деловая связь с побрякушками, имеющими мифическую ценность.

Самое худшее было то, что Пол говорил серьезно, со знанием дела.

«Они выжили из ума, — убеждал себя Чилдан. — Взяв на себя обязательство перед будущим, вечностью, она никогда не смогут вытащить человечество из помойной ямы. И ведь это для них типично».

Японец следил за лицом Чилдана. К счастью, Чилдан давно уже выработал привычку автоматически подавлять любые проявления подлинных чувств. Он сделал невыразительное, спокойное лицо, полностью соответствующее возникшей ситуации, будто маску.

«Это ужасно, — понял Чилдан. — Катастрофа. Лучше бы Пол обвинил меня в том, что я попытался соблазнить его жену».

Бетти. Теперь она уже не увидит его подарок, никогда не узнает о его чувствах. Ву несовместимо с чувственностью, сексом. Оно является, по словам Пола, священным, как всякая реликвия.

— Каждому из этих людей я дал вашу визитную карточку, — объявил Пол.

— Простите? — переспросил Чилдан, поглощенный собственными мыслями.

— Ваши визитные карточки. Чтобы они могли прийти к вам и посмотреть остальные вещи.

— Понимаю, — промямлил Чилдан.

— И вот еще что, — добавил Пол, — один из них желает широко обсудить это событие. Я написал его имя и адрес.

Пол протянул Чилдану сложенный лист бумаги.

— Он хочет, чтобы его коллеги по бизнесу тоже послушали. Он крупный импортер, осуществляет крупномасштабные операции, особенно в Южной Америке. Радио, фото, бинокли, диктофоны и тому подобное.

Чилдан взглянул на листок.

— Разумеется, он имеет дело с очень крупными партиями, — пояснил Пол. — Его компания контролирует различные предприятия, которые производят для него товары по низкой цене. Все они на Востоке, где труд дешевле.

— Почему он... — начал Чилдан.

— Предметы, подобные этой заколке, могут быть освоены в массовом производстве. Как в металле, так и в пластмассах.

— А как же ву? Оно разве останется в этих вещах? — спросил Чилдан.

Пол не ответил.

— Вы советуете мне с ним встретиться? — поинтересовался Чилдан.

— Да.

— Почему?

Чилдан вопросительно взглянул на Пола.

— Приносящие удачу амулеты, которыми можно было бы торговать по всей Латинской Америке и Востоку. Вы знаете, что в своем большинстве массы все еще верят в магию и заклинания, в заговоры и чары. Скажу вам, что это очень крупное дело.

Лицо Пола неподвижно, голос лишен выразительности.

— Похоже, — медленно произнес Чилдан, — что это связано с большими доходами.

Пол кивнул.

— Это была ваша затея? — задал вопрос Чилдан.

— Нет, — ответил Пол.

Наступило молчание.

«Ах, вас наняли, — понял Чилдан. — Вы показали образец своему начальнику. Ваш начальник, или некоторое влиятельное вышестоящее лицо, кто-то, имеющий над вами власть, кто-то богатый и значимый, связался с этим импортером. Вот почему вы вернули эту вещь. Вы не желаете быть в этом замешанным. Но вам же хорошо известно, что я все-таки пойду по этому адресу и встречу этого человека. Я вынужден. Выбора у меня нет. Я продам ему лицензию на чертежи или буду в процентной доле. Какая-нибудь сделка между мной и им все равно будет заключена. Через ваши руки. Исключительно. А теперь вы полагаете, что я не стану вас останавливать, перебивать, спорить с вами, ибо это дурной тон».

— Так что у вас есть возможность стать чрезмерно богатым, — сказал Пол, пряча глаза.

— Эта затея несколько ошарашила меня своей эксцентричностью, — объявил Чилдан. — Производство амулетов — это не укладывается у меня в голове.

— Потому что весь ваш деловой опыт противоречит этому. Вы привыкли к предметам пикантным, которые доступны лишь посвященным. И я из того же теста. И те же лица, о которых я упомянул... они в скором времени посетят ваш магазин.

— А что бы вы сделали, будь вы на моем месте? — подхватил Чилдан.

— Не надо недооценивать предложения этого почтенного бизнесмена. Он очень прозорлив. Вы и я — мы не представляем себе, сколь огромно число людей невежественных. Они могут радоваться штамповке, — наслаждение, для нас недоступное. Мы должны быть уверены, что обладаем чем-то единственным в своем роде или, по крайней мере, чем-то редким, что есть у немногих, и, конечно же, чем-то истинно уникальным, подлинным, не копией и не дубликатом.

Взгляд его все так же был направлен в пустоту.

«Интересно, а не пришла ли ему невзначай мысль о том, что львиная доля антикварных вещей в магазинах вроде моего, не говоря уже о большинстве экземпляров в его собственной коллекции, — всего лишь имитация? В его словах можно обнаружить некоторый намек. Будто бы он говорит двусмысленность, столь характерную для оракула. А на самом деле он произносит вот что: «Кто вы такой, Роберт? Тот, кого оракул называет «нижестоящим человеком», или тот, кому предназначены все до-

брые советы оракула? Нужно решать прямо здесь. Можно выбрать либо один путь, либо другой. И только сейчас».

Роберт Чилдан спросил себя: «Каким же путем пошел бы «вышестоящий человек», по крайней мере, по разумению Пола Казоура? Хотя передо мной не тысячетное собрание божественных мудростей, а просто мнение одного смертного, одного молодого японского бизнесмена. И все же тут есть рациональное зерно, ву, как сказал бы Пол. Ву создавшегося положения состоит в том, что хоть это все нам мало нравится, но мы должны уподобиться образу мыслей этого импортера. Мы должны, как утверждает оракул, приспособливаться. А потом, оригиналы все еще могут продаваться в моем магазине придиричивым покупателям. Таким, как друзья Пола».

— Вы колеблетесь? — заметил Пол. — В такой ситуации каждый, несомненно, предпочел бы побыть в одиночестве.

Он направился к двери кабинета.

— Я уже решил, — донеслось до него.

Поклонившись, Чилдан повторил:

— Я последую вашему совету. Сейчас я ухожу, чтобы навестить вашего коллегу.

Чилдан взял сложенный листок бумаги.

Странно, но ему показалось, что Пол остался недоволен. Он пробормотал что-то невнятное и вернулся к своему столу.

«Сдерживать свои эмоции они умеют до конца», — осознал Чилдан.

— Спасибо вам большое за помощь, — сказал он, собираясь уходить. — Когда-нибудь я получу возможность отплатить вам тем же и всегда буду об этом помнить.

Молодой японец все еще никак не реагировал.

«Да уж, — подумал Чилдан, — правду говорят, что они непробиваемы».

Провожая гостя, японец вдруг неожиданно поинтересовался:

— Американские ремесленники сделали это вручную, не так ли? Это плод их индивидуального труда?

— Да, все, от предварительного эскиза до окончательной полировки.

— Сэр, а согласятся ли эти ремесленники? Я почему-то представил себе, что у них были совершенно другие планы.

— Я беру на себя смелость утверждать, что их можно переубедить, — улыбнулся Чилдан.

Ему самому эта проблема показалась пустяком.

— Да, — согласился Пол, — полагаю, что можно.

Что-то в его голосе показало Роберту Чилдану загадочным, что-то туманное крылось в этих словах. Вдруг Чилдана осенило.

Он, без сомнения, расшифровал всю эту двусмысленность, пелена будто спала у него с глаз.

Конечно же то, что произошло сейчас, являлось следствием неверия в талант американцев. Как это было цинично! А он, прости господи, заглотнул и крючок и наживку.

«Японец шаг за шагом вел меня по узкой тропинке к пропасти, куда свалил продукцию американских мастеров, якобы ни на что уже более не пригодную, как только служить моделью для каких-то вшивых амулетов. Вот так они и правят нами: не жестокостью, а утонченным, искусным, бесконечным коварством. Господи! Мы — варвары в сравнении с ними, — понял Чилдан. — Мы не более чем деревенские простофили перед лицом их безжалостной ло-

тики. Пол ведь не говорил, что наше искусство не имеет никакой ценности, он заставил меня самого признать это. А его ирония? Которой он выразил свое отношение к высказанной мною же самим правде».

«Он сломал меня!» — чуть не вслух мысленно закричал Чилдан. Но, к счастью, сдержался. Как и прежде, эта горькая мысль осталась в глубине его сознания, затаенная, предназначенная только для него одного. «Он унизил меня и всю мою расу, а я совершенно беспомощен. У меня нет возможности отомстить ему за это. Мы все побеждены, но побеждены так тонко, так искусно, что едва ли способны постичь свое поражение. По сути, нам нужно подняться на гораздо более высокий уровень развития, чтобы понять, что это уже случилось. Какое еще нужно доказательство права японцев господствовать над другими народами?»

Чилдан усмехнулся.

«Да, — решил он, — здорово! Лучше любого анекдота. Это нужно запомнить, попозже посмаковать, даже рассказать кому-нибудь. Но кому? Вот вопрос. Анекдот слишком личный для того, чтобы кому-либо его рассказывать. В углу кабинета есть урна. Туда эту штуку, это захваченное ву, безделушку. Смог бы я это сделать? Смог бы вышвырнуть ее прямо на глазах у Пола?»

Сжимая в кулаке коробку, он обнаружил, что не в состоянии выбросить ее. «Я не должен этого делать, — подумал он. — Черт бы их побрал, я не в силах освободиться от их влияния, даже под властью минутного гнева. Мой пыл остывает».

Пол внимательно смотрел на Чилдана, не требуя объяснений.

«Он поймал мою совесть в капкан, протянул невидимую струну от этой штуковины в моем кулаке через руку прямо к моей душе. Наверное, я слишком долго прожил рядом с ними. Слишком поздно отказаться от них, возвращаться к образу жизни белых».

— Пол... — выдавил из себя Роберт Чилдан.

Голос его охрип. В нем не было твердости, уверенности.

— Да, Роберт?

— Пол, мне стыдно.

Стены поплыли перед его глазами.

— Почему же, Роберт?

Голос Пола был звонкий, но бесстрастный. Он исключал всякое сочувствие.

— Пол, одну минуту...

Чилдан извлек заколку, она выскальзывала из его потных пальцев.

— Я горжусь этой работой, а об этом хламе, об этих талисманов, не может быть и речи. Я отказываюсь.

Японец казался невозмутимым. Он просто весь обратился в слух, стараясь понять Чилдана.

— И тем не менее я вам благодарен, — продолжал Чилдан. — Люди, которые делали это, настоящие американские художники. Предложить им выбросить свои творения на свалку для производства амулетов — это оскорбление. За это вам придется извиниться.

Последовала невероятно долгая пауза.

Пол с любопытством наблюдал за своим гостем, подняв одну бровь и изогнув тонкие губы.

Улыбается?

— Я требую! — настаивал Чилдан.

И все. Больше он был не в силах нести эту взваленную им самим на себя ношу. Оставалось просто ждать.

Но ничего не происходило.

«Пожалуйста, — взмолился он. — Помогите мне».

— Простите мой высокомерие, — наконец проговорил Пол и протянул руку.

— Все в порядке, — ответил Роберт Чилдан.

Они пожали друг другу руки.

Спокойствие снизошло на Чилдана: «Я пережил это, и со мной ничего не случилось. Теперь все кончено. Бог не оставил меня в трудную минуту. Но могло все получиться иначе. Смогу ли я еще хоть раз отважиться на подобное? Скорее всего — нет».

Ему стало грустно. Он снова вышел из воды сухим и почувствовал себя свободным от тяжкого бремени.

Глава 12

— Мистер Тагоми, к вам мистер Ятабе.

Секретарь отошел в угол кабинета. Вперед выступил хрупкий пожилой джентльмен.

— Рад встретиться с вами лично, сэр, — приветствовал мистер Тагоми, пожимая легкую сухую старческую ладонь.

«Надеюсь, ничего не сломано», — подумал Тагоми. Он взгляделся в лицо пожилого джентльмена и нашел его весьма приятным: прямой ясный и открытый взор. Весь облик являет сильную личность, воспитанную в духе стойких древних традиций.

Неожиданно старик скинул пальто, и Тагоми обнаружил, что стоит лицо к лицу с генералом.

— Генерал, — Тагоми отвесил низкий поклон.

— Где же третья сторона? — поинтересовался генерал Тедеки, бывший глава имперского генерального штаба.

— Сейчас прибудет, — поспешид ответить мистер Тагоми. — Он проинформирован лично мной.

В голове у него шумело. Он сделал несколько шагов назад, согнулся и вряд ли был в состоянии снова выпрямиться.

Генерал сел. Мистер Рамсей, все еще не ведая истинного имени старика, услужливо помог ему сесть, но не выказывая особого почтения. Мистер Тагоми нерешительно уселся в кресло напротив генерала.

— Теряем время, — заметил генерал. — Очень жаль.

Прошло десять минут. Никто из них не заговаривал.

— Простите меня, сэр, — в конце концов обеспокоенно промолвил мистер Рамсей. — Я пойду, если во мне нет необходимости.

Мистер Тагоми кивнул, и секретарь вышел из кабинета.

— Чаю, генерал, — предложил Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр, мне страшно, — признался Тагоми. — Что-то жуткое я ожидаю от этой встречи.

Генерал выжидательно склонил голову.

— Мистер Бейнес, которого я принял, — продолжал Тагоми, — и которого приглашал к себе домой, заявил, что он швед. Однако, при ближайшем рассмотрении, я убедился, что на самом деле это в некотором роде высокопоставленный немец. Я сообщаю об этом, потому что...

— Продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо, генерал. Его лихорадочное сознание, связанное с этой встречей, побуждает меня сделать вывод о том, что это связано с политическими сдвигами в Рейхе.

Мистер Тагоми не стал упоминать о другом факте: что ему известно, почему генерал не смог прибыть в заранее установленное время.

— Сэр, — отозвался генерал, — не стоит строить догадки. Информация устарела.

Глаза его отечески светились. В них не было никакой злобы.

Мистер Тагоми проглотил упрек.

— Сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность? Чтобы сбить с толку нацистских шишек?

— Естественно, — подтвердил генерал. — Мы заинтересованы в поддержке определенной легенды. Мистер Бейнес — представитель одной из стохольмских фирм, чисто деловой человек. А я — Синиро Ятабе.

Мистер Тагоми подумал: «А я — мистер Тагоми. Такова моя участь».

— Несомненно, наци следят за всеми перемещениями мистера Бейнеса, — предположил генерал.

Он положил руки на колени и сидел совершенно прямо... будто бы принохиваясь к едва уловимому запаху гари.

— Но чтобы разоблачить его, они должны пользоваться законными методами. Вы понимаете, что, например, для того, чтобы задержать мистера Бейнеса, им придется сделать больше, чем просто пристрелить его. Они могли бы это сделать, если бы он прибыл сюда, ну, скажем, безо всякого прикрытия.

— Понимаю, — сказал мистер Тагоми.

«Похоже на игру, — решил он, — ибо склад мышления наци известен. Значит, предполагается, что я буду полезен».

На столе зажужжал интерком. Раздался голос мистера Рамсея:

— Сэр, мистер Бейнес здесь. Пригласить его к вам?

— Да! — в нетерпении прокричал мистер Тагоми.

Дверь открылась, и вошел мистер Бейнес, изысканно одетый, отутуженный, весь с иголочки. Лицо решительное, сосредоточенное.

Генерал Тедеки встал и повернулся к нему. Мистер Тагоми тоже поднялся. Все трое раскланялись.

— Сэр, — обратился мистер Бейнес к генералу. — Я — капитан Рудольф Вегенер из военно-морской контрразведки Рейха. Вы должны понять, что я здесь никого не представляю, кроме себя лично и некоторых анонимных лиц. Не представляю я также никакого ведомства или бюро правительства Рейха.

— Герр Вегенер, — ответил генерал, — я понимаю, что вы никоим образом не можете приписать себе представительство любого из подразделений правительства Рейха. Я сам здесь неофициально, благодаря прежнему положению в императорской армии, можно сказать, имея доступ к тем кругам в Токио, которые хотели бы услышать то, что вы сочтете необходимым сообщить.

«Удивительный разговор, — подумал мистер Тагоми, — но отнюдь не неприятный, в нем есть даже что-то музыкальное, некая легкость».

Все сели.

— Без всяких предисловий, — сказал мистер Бейнес, — мне хотелось бы проинформировать вас и тех, к кому вы имеете доступ, что в Рейхе в стадии развития существует некая программа под названием «Левензани».

«Одуванчик».

— Да, — подтвердил генерал.

Он кивнул, будто уже знал об этом, однако мистер Тагоми подумал, что он с нетерпением ждет продолжения рассказа мистера Бейнеса.

— «Одуванчик» прежде всего включает в себя пограничное столкновение между Средне-Западными и Тихоокеанскими Штатами.

Генерал кивнул, чуть-чуть улыбнувшись.

— Войска США будут атакованы и перейдут в контрнаступление, нарушив границу и вызывая на себя наступление регулярных войск Среднего запада, расположенных поблизости. Войска Соединенных Штатов располагают подробными картами, где указано расположение войск Средне-Западной армии. Это шаг первый. Шаг второй включает в себя заявление Германии относительно этого конфликта. На помощь Америке будет послан отряд парашютистов-добровольцев. Однако все это — только маскировка.

— Так, — кивнул генерал, захваченный рассказом.

— Основной целью операции «Одуванчик», — продолжал мистер Бейнес, — является грандиозное атомное нападение на японские острова без какого-либо предварительного предупреждения.

Сказав это, он многозначительно помолчал.

— С целью уничтожения императорской семьи, сил самообороны, большей части имперского флота, гражданского населения, промышленности, естественных ресурсов, — продолжил генерал Тедеки, — после чего заморские владения будут поглощены Рейхом?

Мистер Бейнес молчал.

— Что еще? — спросил генерал.

Казалось, что мистер Бейнес потерял дар речи.

— Дата, сэр? — потребовал генерал.

— Все может измениться, — сказал мистер Бейнес, — вследствие смерти Мартина Бормана. По крайней мере, я так предполагаю. У меня нет сейчас связи с Абвером.

Немного помедлив, генерал проговорил:

— Продолжайте, герр Вегенер.

— Что мы рекомендуем, так это трезвый шаг правительства Японии в связи с ситуацией, создавшейся в Рейхе. Я могу сообщить следующее. Определенные группировки в Берлине склоняются к осуществлению операции «Одуванчик», некоторые не разделяют этих планов. Существовала надежда, что те, кто с нами, могли бы прийти к власти после смерти канцлера Бормана.

— Но пока вы были здесь, — объявил генерал, — герр Борман умер, и политическая ситуация получила свое разрешение. Рейхсканцлер теперь — доктор Геббельс. Переход власти завершился.

Он сделал паузу.

— А как эта группировка рассматривает операцию «Одуванчик»?

— Доктор Геббельс, — заметил мистер Бейнес, — выступает за эту операцию.

Позабытый всеми мистер Тагоми закрыл глаза.

— А кто же выступит против нее? — поинтересовался генерал Тедеки.

— Генерал СС Гейдрих.

— Вы меня изумили! — генерал, казалось, был застигнут врасплох. — Я очень подозрительный человек. Скажите, это точная информация или точка зрения, которой придерживаетесь вы и ваши коллеги?

— Административное управление Востоком, то есть территориями, ныне занимаемыми Японией, будет осуществляться министерством иностранных дел, людьми Розенберга, работающими непосредственно под началом рейхсканцелярии. Об этом шли горячие споры на многих совещаниях руководства в прошлом году. У меня имеются фотокопии сделанных записей. Полиция требовала власти, но была отвергнута. Ей поручили осуществление колонизации космоса, Марса, Луны, Венеры. Это и должно стать ее сферой деятельности. Как только произошло разделение сфер влияния, полиция приложила все свои силы к осуществлению космической программы и стала выступать против операции «Одуванчик».

— Соперники, — сказал генерал Тедеки. — Одна группировка против другой. Это устраивает вождя. Именно поэтому его власть никем не оспаривалась.

— Верно, — согласился мистер Бейнес. — Вот почему я был послан сюда с просьбой о вашем вмешательстве. Возможность содействия все еще существует. Положение еще до конца не ясное. Пройдет не один месяц, пока доктор Геббельс упрочит свою власть. Ему придется преодолеть сопротивление полиции, возможно, даже убрать Гейдриха и других высших руководителей СС и СД. Как только это будет сделано...

— Мы, значит, должны оказать всемерную поддержку СД, — перебил его генерал Тедеки. — Наиболее злокачественной части немецкого общества?

— Да, это так, — согласился Бейнес.

— Император ни за что не допустит такой политики. Он рассматривает отборные войска Рейха в качестве носителей зла, как бы они ни назывались и во что бы ни рядились, в черную ли форму с мертвой головой.

«Зла... — мысленно повторил мистер Тагоми. — И все-таки это правда. И мы должны им помогать в борьбе за власть, чтобы спасти свои жизни? Не в этом ли парадокс? Я не могу разрешить эту дилемму. Человек не должен поступать столь двусмысленно. Здесь все пути ведут в тупик, все перепуталось, все представляет собой хаотическое нагромождение света и тьмы».

— Вермахт, военные, являются единственными в Рейхе обладателями водородной бомбы, — заявил мистер Бейнес. — Когда ее использовали чернорубашечники, то делали это только под надзором армии. Рейхсканцелярия при Бормане никогда не допускала никакой передачи ядерных вооружений в руки полиции. Операция «Одуванчик» вся будет осуществляться ОКВ. Верховным армейским командованием.

— Это мне ясно, — сказал генерал Тедеки.

— То, что творят чернорубашечники, своей жестокостью превосходит действия Вермахта. Но у них нет власти. Нам следует отталкиваться от реальной обстановки фактической власти, а не от этических норм.

— Да, мы должны быть реалистами, — вслух сказал мистер Тагоми. Оба — и мистер Бейнес, и генерал Тедеки — одновременно повернулись к нему, и снова продолжили.

Обращаясь к мистеру Бейнесу, генерал проговорил:

— Что вы предлагаете конкретно? Следует ли нам установить связь с СД здесь, в Тихоокеанских Штатах? Вступить в переговоры непосредственно... Не знаю, кто здесь является шефом СД. Какой-нибудь мерзавец, я думаю?

— Местная СД ничего не знает, — возразил Бейнес. — Местный шеф — Бруно Краус фон Меер, партийный бонза прежних времен. Айн альтпартайгеноссе. Дурак, каких мало. Никто в Берлине и не подумает о том, чтобы сообщить ему хоть что-нибудь. Он просто выполняет текущие поручения.

— Что же вы предлагаете? — Голос генерала звучал уже сердито. — Консул здесь или посол Рейха в Токио?

«Эти переговоры завершатся провалом, — понял мистер Тагоми. — Вне зависимости от того, что стоит на карте. Мы не можем погрязнуть в чудовищном шизофреническом болоте междоусобных интриг нацистов. Наш разум просто не допустит этого. Он не сумеет к этому приспособиться».

— Все должно быть сделано чисто, — убеждал Бейнес. — Через цепь посредников, через кого-то близкого к Гейдриху, который бы находился бы вне Рейха, в нейтральной стране. Или кого-нибудь, кто часто курсирует из Токио в Берлин и обратно.

— У вас есть кто-нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, заслуживающий доверия, очень смелый человек, всецело преданный идее международного взаимопонимания. Однако у него нет никаких контактов с аппаратом СД. Но он мог бы действовать через кого-то в Германии, например, через таких промышленников, как Крупп, или генералов, как Шпейдель, или даже через лиц из флотской СС. Флотские эсэсовцы наименее фанатичны и в большей степени соответствуют духу немецкого общества.

— А ваше учреждение, Абвер? Наверное, бесполезны попытки подобраться к Гейдриху через вас?

— Чернорубашечники на каждом шагу оскорбляют нас. Они уже двадцать лет пытаются заполучить одобрение партии на ликвидацию нас вообще.

— Не подвергаете ли вы сейчас себя излишней опасности? — спросил генерал. — Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они весьма активны.

— Активны, но неумелы, — заметил мистер Бейнес. — Представитель же министерства иностранных дел Рейсс весьма способен, но противится СД.

Он подал плечами.

— Мне хотелось бы получить ваши фотокопии, — попросил генерал Тедеки, — чтобы передать их моему правительству. Любые материалы, которыми вы располагаете, имеющие отношения к этим спорам в Германии. И... — Он задумался. — Доказательства объективного характера.

— Конечно, — согласился мистер Бейнес.

Он сунул руку в пиджак и вытащил плоский серебряный портсигар.

— В каждой сигарете вы найдете полный контейнер с микрофильмом.

Он передал портсигар генералу.

— А как же быть с самим портсигаром? — поинтересовался генерал, осматривая вещь. — Он выглядит слишком дорого для подарка, — сказал генерал, осторожно вынимая сигареты.

Мистер Бейнес улыбнулся:

— Портсигар тоже.

— Спасибо, — довольный генерал положил портсигар во внутренний карман пиджака.

На столе зажужжал интерком. Все услышали тревожный, но сдержанный голос секретаря:

— Сэр, на нижней лестнице в вестибюле группа людей из СД. Они пытаются захватить здание. Охранники с ними дерутся.

Откуда-то издали послышался звук сирены.

— Военная полиция уже спешит сюда, да еще Кемпетай Сан-Франциско.

— Благодарю вас, мистер Рамсей, — произнес мистер Тагоми. — Вы поступили благородно, столь четко сообщив нам обо всем этом.

Мистер Бейнес и генерал Тедеки, выслушав информацию, застыли в решительных позах.

— Господа, — обратился к ним мистер Тагоми. — Мы, несомненно, перестреляем этих головорезов из СД прежде, чем они доберутся до нашего этажа.

Вызвав мистера Рамсея, он приказал:

— Отключите электропитание лифтов.

— Слушаюсь, мистер Тагоми.

— Мы подождем, — продолжал мистер Тагоми.

Он распахнул одну из створок стола и извлек ящичек красного дерева. Отперев его, он вытащил прекрасно сохранившийся кольт сорок четвертого калибра образца тысяча восемьсот шестидесятого года, реликвию времен Гражданской войны США, бесценное сокровище для любого коллекционера. Внутри ящичка была коробка, из которой он достал порох, пули и гильзы и стал заряжать револьвер. Мистер Бейнес и генерал Тедеки следили за его действиями, широко раскрыв глаза.

— Это из моей личной коллекции, — пояснил мистер Тагоми. — Много времени потрачено зря в тщеславных попытках быстро подготовить это оружие к стрельбе. Конечно, в свободное от работы время. Признаюсь честно, что добился неплохих результатов в сравнении с другими энтузиастами: мы соревновались на время. Но до сих пор использование этих навыков откладывалось за ненадобностью.

Держа револьвер по всем правилам, он направил его ствол в сторону двери и стал, сидя, ждать.

* * *

Френк Фринк работал за верстаком в своей мастерской. Он защищал серебряную серьгу. От вращающегося с шумом круга, на который была наклеена полоса из хлопчатобумажной ткани, сыпались искры на его очки и почерневшие руки.

Серьга в форме раковины от трения стала горячей, но Фринк упорно еще сильнее прижимал ее к кругу.

— Зачем тебе, чтоб она уж слишком сверкала? — вмешался Эд Мак-Карти. — Просто подровняй выступы, а впадины можешь оставить, как они есть.

Френк Фринк что-то буркнул.

— Серебро покупают лучше, когда оно не очень сильно отполировано, — не унимался Эд. — Серебряные вещи должны иметь такой вид, будто они старинные.

«Рынок сбыта», — подумал Фринк, вздыхая.

Они ничего не продали. Если не считать сдачи на комиссию в «Американские художественные промыслы», никто больше ничего у них не взял, хотя они побывали в пяти магазинах.

«Мы еще ничего не заработали, — задумался Фринк. — Делаем все больше вещей, а они порой скапливаются вокруг нас».

Застежка серьги зацепилась за колесо, серьга выскочила из рук Фринка и полетела сначала на полировочный круг, а затем упала на пол. Он выключил мотор.

— Смотри, не теряй эти штуки, — предупредил Мак-Карти, не отрываясь от паяльной лампы.

— Господи, она же не больше горошины, в руку нехватишь.

— И все-таки как-нибудь подцепи ее.

«Черт с нею», — решил Фринк.

— В чем дело? — спросил Мак-Карти, видя, что он не пошевелился.

— Мы выбрасываем деньги на ветер, — сорвался Фринк.

— Мы может продать только то, что произведем.

— Пока что мы ничего не можем продать, — отозвался Фринк.

— Пять магазинов — это капля в море.

— Но какова перспектива! — воскликнул Фринк. — Пяти магазинов достаточно, чтобы ее понять.

— Не обманывай себя.

— Я себя не обманываю, — буркнул Фринк.

— Так что же ты имеешь в виду?

— А то, что самое время поискать, кому продать этот металлолом.

— Хорошо, — согласился Мак-Карти. — Значит, ты выходишь из игры?

— А куда деваться?

— Я буду продолжать один.

Мак-Карти снова включил лампу.

— А как мы поделим барахло?

— Не знаю. Что-нибудь придумаем.

— Выкупи мою долю, — предложил Фринк.

— Черта с два!

— Выплати мне шестьсот долларов, — подсчитал Фринк.

— Нет, бери половину чего угодно.

— Половину электродвигателя?

Оба на какое-то время замолчали.

— Еще три магазина, — проговорил Мак-Карти, — а тогда поговорим.

Опустив на лицо щиток, он начал припаивать секцию из меди к brasлету.

Френк Фринк встал из-за стола. Он отыскал серьгу, валявшуюся на полу, и положил ее в коробку с недоделанными изделиями.

— Выйду покурить, — сказал он и направился к лестнице, ведущей из подвала. Секундой позже он стоял на тротуаре, держа между пальцами сигарету с марихуаной.

«Всему этому конец, — убеждал он себя. — Чтобы понять это, мне не нужен оракул. Я знаю, какой сейчас момент. Чувствуется запах разложения. В сущности, даже трудно объяснить, почему. Может быть, по логике вещей, мы могли бы и продолжить. Магазин за магазином, другие города. Но что-то здесь не так. Все эти попытки и ухищрения не изменяют сути дела. Хотел бы я знать, почему. Но я никогда не узнаю. Что же мне делать? Чем заняться взамен? Мы выбрали не тот момент, воспротивились Тао, двинулись против течения. И теперь — конец, распад. «Джин» захватил нас. Свет показал нам свою задницу и куда-то исчез. Теперь остается только подчиняться».

Стоял так под карнизом здания, часто затягиваясь марихуаной и тупо глядя на уличное движение, он не заметил, как к нему приблизился совершенно заурядный на вид человек средних лет.

— Мистер Фринк? Френк Фринк?

— Совершенно верно, — машинально ответил Фринк.

Человек достал удостоверение.

— Полиция Сан-Франциско. Я уполномочен арестовать вас.

Рука Фринка оказалась крепко стиснутой в черной руке. Все произошло очень быстро.

— За что? — не мог прийти в себя Фринк.

— За обман мистера Чилдана из «Американских художественных промыслов».

Полицейский с силой потянул Фринка за собой. К ним присоединился еще один переодетый фараон, зашедший к Фринку с другой стороны.

Вдвоем они быстро затолкали Фринка в стоявший у тротуара ничем не примечательный автомобиль.

«Вот чего требует от нас время», — понял Фринк, бухнувшись на заднее сиденье между двумя полицейскими. Дверь захлопнулась, автомобиль, за рулем которого сидел третий полицейский, в форме, влился в уличный поток.

«Мы вынуждены подчиняться этим сукиным детям».

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет, — ответил Фринк.

— Вам дадут в участке список.

— Спасибо.

— Что вы сделали с деньгами? — допрашивали Фринка.

Машина въехала в гараж полицейского участка на Керни-стрит.

— Я их истратил.

— Все?

Фринк промолчал.

Один из полицейских покачал головой и рассмеялся.

Выходя из машины, он обратился к Фринку:

— Ваша настоящая фамилия Фринк?

Фринк похолодел от ужаса.

— Фринк? — повторил шпик. — Вы — обманщик.

Он показал большую папку.

— Вы беженец из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Френк.

— Вы смылись от наци, — пояснил полицейский. — И вам известно, что это значит.

Френк Фринк вырвался и побежал через гараж, но у ворот дорогу ему перегородил полицейский автомобиль. Сидевшие в автомобиле засмеялись, один из полицейских, вытащив пистолет, выскочил из машины и щелкнул наручниками, тонкий металл врезался в руку, казалось, до самой кости. Фараон повел его назад по тому же пути, которым Фринк только что бежал.

— Назад, в Германию, — уточнил полицейский.

Он смерил его взглядом.

— Я — американец, — повторил Френк Фринк.

— Ты — еврей, — сказал фараон.

Когда его вели наверх, кто-то поинтересовался:

— Его здесь пустят в расход?

— Нет. Мы подождем германского консула. Они хотят поступить с ним в соответствии с германскими законами.

Списка адвокатов, разумеется, не было.

* * *

Тагоми ждал, не двигаясь, за своим столом в течение двадцати минут, направив дуло своего револьвера на дверь. Бейнес нервно вышагивал по кабинету. Старый генерал после некоторого раздумья поднял трубку и позвонил в японское посольство в Сан-Франциско. Однако ему не удалось пробиться к барону Калемакуле: посол, как сообщил ему чиновник посольства, был за пределами города.

Генерал Тедеки заказал переговоры с Токио.

— Я посоветуюсь с руководством военной академии, — объяснил он мистеру Бейнесу. — Они свяжутся с имперским военными подразделениями, расквартированными в США.

Внешне он оставался совершенно невозмутимым.

«Значит, нас освободят через несколько часов, — сказал себе мистер Тагоми. — Может быть, японская морская пехота с одного из авианосцев, вооруженная автоматами и гранатометами.

Действовать по официальным каналам в высшей степени эффективно, если иметь в виду конечный результат, но при этом неизбежна прискорбная задержка во времени. Внизу же мародеры-чернорубашечники заняты избиением секретарш и клерков.

Тем не менее лично он не мог предложить ничего большего.

— Интересно, стоит ли связываться с германским консулом? — спросил мистер Бейнес.

Тотчас же перед мысленным взором мистера Тагоми возникла картина: он вызывает миссис Эфрикян с ее неразлучным диктофоном и наговаривает срочный протест герру Гуго Рейссу.

— Я могу позвонить герру Рейссу, — предложил мистер Тагоми, — по другому телефону.

— Пожалуйста, — согласился мистер Бейнес.

Не выпуская из рук своего драгоценного кольца сорок четвертого калибра, предел мечтания каждого коллекционера, мистер Тагоми нажал на кнопку и на столе, появился незарегистрированный телефон, специально установленный для тайных переговоров.

Он набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто у телефона? — раздался резкий официальный голос, скорее всего какого-нибудь клерка.

— Пожалуйста, его превосходительство герра Рейсса, — попросил мистер Тагоми. — Срочно. Это мистер Тагоми, руководитель главного имперского торгового представительства.

Голос его звучал уверенно и жестко.

— Да, сэр. Извольте подождать один момент.

Слишком затянувшийся момент. Из телефона не доносилось ни звука, не трещало.

Тагоми решил, что чиновник просто стоит неподвижно с трубкой в руке, уклоняясь с типично нордической хитростью.

— От меня, естественно, отделяются, — пояснил он мистеру Бейнесу, меряющему шагами кабинет, и генералу Тедеки, ждавшему у другого телефона.

Наконец раздался голос дежурного на другом конце линии.

— Извините за то, что заставили вас ждать, мистер Тагоми.

— Ничего.

— Консул на совещании. Однако...

Мистер Тагоми опустил трубку.

— Пустая трата сил, если не сказать большего, — вымолвил он.

Он почувствовал себя неловко.

Кому же еще позвонить? В Токкоку уже сообщили, так же как и в портовую военную полицию. Второй раз туда не следует. Позвонить непосредственно в Берлин рейхсканцлеру Геббельсу? Или на военный аэродром с просьбой о высылке вертолетного десанта?

— Я позвоню шефу СД Краусу фон Мееру, — проговорил он, — и начну горько жаловаться, а потом бранить его высокомерно и шумно.

Он набрал номер, официально зарегистрированный в телефонной книге как телефон охраны военных отправлений аэровокзала Люфтвагзы, и добавил:

— Попробую подпустить истерики.

— Удачи, — пожелал генерал Тедеки.

Он улыбнулся.

— Кто это? — послышался голос с явно выраженным немецким акцентом. — Поживее.

Мистер Тагоми закричал изо всех сил:

— Я приказываю арестовать и отдать под суд вашу банду головорезов и дегенератов, этих обезумевших светловолосых бестий, не поддающихся никакому описанию! Вы меня знаете? Это Тагоми, советник имперского правительства. Даю вам пять секунд, или я наплюю на все законы и велю морским пехотинцам забросать ваших людей фосфорными бомбами. Какой позор для цивилизации!

На другом конце провода стали что-то бессвязно лепетать. Тагоми подмигнул Бейнесу.

— Мы ничего не знаем, — голос был как у студента, провалившегося на экзамене.

— Лжец! — загремел мистер Тагоми. — Значит, у нас нет выбора.

Он швырнул трубку.

— Несомненно, это просто жест, — сказал он, обращаясь к Бейнесу и Тедеки. — Но в любом случае вреда от этого не прибавится. Всегда есть возможность вызвать нервозность даже у СД.

Генерал Тедеки начал что-то говорить по другому телефону, но в этот момент раздался чудовищный удар в дверь кабинета. Тедеки замолчал. В ту же секунду дверь распахнулась.

Два дюжих белокурых молодчика, оба вооруженные пистолетами с глушителями, бросились к мистеру Бейнесу.

— Даст ист эр, — произнес один из них.

Мистер Тагоми, упершись в стол, прицелился своим допотопным кольтом сорок четвертого калибра, предметом вожделений многих коллекционеров, и нажал на спуск. Один из эсэсовцев упал на пол, другой мгновенно повернулся в сторону мистера Тагоми и выстрелил в ответ. Мистер Тагоми не услышал выстрела, только увидел тонкий дымок из глушителя и услышал свист пролетевшей рядом пули. С затмевавшей все рекорды скоростью он оттягивал курок своего револьвера однократного действия и стрелял снова и снова.

Эсэсовцу разворотило челюсть. Куски кости, частицы плоти, осколки зубов разлетелись в разные стороны. Мистер Тагоми понял, что попал в рот. Ужасно уязвимое место, особенно пуля на взлете.

В глазах челюсти эсэсовца все еще теплилась какая-то искорка жизни. «Он все еще воспринимает меня», — подумал мистер Тагоми. Затем глаза потускнели, и эсэовец рухнул на пол, выпустив из рук пистолет издавая нечеловеческие захлебывающиеся звуки.

— Меня тошнит, — промямлили мистер Тагоми.

Другие эсэсовцы не появлялись в открытой двери.

— По-видимому, все кончено, — сказал генерал Тедеки, немного обождая.

Мистер Тагоми, занятый утомительной трехминутной операцией по перезарядке, приостановился и нажал кнопку интеркома.

— Вызовите «скорую помощь», — распорядился он. — Здесь тяжело раненный бандит.

Ответа не было, только ровное гудение.

Наклонившись, мистер Бейнес подобрал оба принадлежащих немцам пистолета.

Один из них он протянул генералу, а другой оставил себе.

— Теперь мы и вовсе задавим их, — обрадовался мистер Тагоми.

Он снова уселся за стол, как и прежде, с кольтом сорок четвертого калибра в руке.

Из приемной послышался голос:

— Немецкие бандиты, сдавайтесь!

— О них уже позаботились, — отозвался мистер Тагоми. — Они являются мертвыми или умирающими. Входите и удостоверьтесь.

Робко появилась группа служащих «Ниппон Тайм». У некоторых в руках было оружие: топоры, гранаты со слезоточивым газом.

— Весьма благоприятный повод, — иронизировал мистер Тагоми, — чтобы правительство ТША в Сакраменто могло без колебаний объявить войну Рейху.

Он оттянул затвор своего кольта.

— И все же с этим покончено.

— Они будут отрицать свою причастность, — предупредил мистер Бейнес. — Стандартная, отработанная техника, применявшаяся бесчисленное число раз.

Он положил оснащенный глушителем пистолет на стол мистера Тагоми.

— Сделано в Японии.

Он вовсе не шутил. Это был действительно великолепный японский спортивный пистолет.

Мистер Тагоми проверил его.

— И не немцы по национальности, — добавил мистер Бейнес.

Он достал бумажник одного из белых, того, который уже был уже мертв.

— Гражданин ТША, проживает в Сан-Хосе. Ничто с СД его не связывает. Фамилия Джек Сандерс.

Он отшвырнул бумажник.

— Просто бандитский налет, — подтвердил мистер Тагоми. — Мотив — наш запертый подвал, несколько не связанный с политикой.

«В любом случае попытка убийства или похищения со стороны СД провалилась, по крайней мере, первая. Но совершенно ясно, что им известно, кем является мистер Бейнес и та цель, ради которой он сюда прибыл».

— Прогноз, — сказал мистер Тагоми, — весьма удручающий.

В этот момент он подумал о том, какая польза была бы сейчас от оракула. Возможно, он смог бы защитить их, предупредить и прикрыть своим советом.

Едва справляясь с нервной дрожью, он начал вытаскивать сорок девять стебельков тысячелистника. Тагоми решил, что в целом положение неясное и ненормальное. Человеческому мозгу его расшифровать не дано, только объединенный разум пяти тысяч лет способен на это. Немецкое тоталитарное общество напоминает какую-то ошибочную форму жизни, намного худшую, чем естественные формы. Худшую во всех отношениях, сплошное поупури бессмысленности.

Тагоми подумал, что здесь местные агенты действуют как слепые инструменты политики, полностью не соответствующей намерениям головы в Берлине. В чем смысл этого сложного существа? Чем в действительности является Германия? Чем она была? Разлагающаяся на части кошмарная пародия на проблемы, с которыми обычно сталкиваются в процессе существования.

Оракул поможет разобраться и в этом. Даже в таком сверхъестественном отродье, как фашистская Германия, нет ничего непостижимого для «Книги перемен».

Мистер Бейнес, видя, как отрешенно мистер Тагоми манипулирует с горстью стебельков, понял, насколько, глубоко душевное потрясение этого человека. «Для него, — решил мистер Бейнес, — это событие. Ведь ему пришлось убить одного и искалечить другого человека. Для него это не только ужасно, для него это непостижимо. Чем я могу утешить его? Он стрелял ради меня, следовательно, на мне лежит моральная ответственность за эти две жизни, и я беру ее на себя. Так себе я это представляю».

Подойдя вплотную к Бейнесу, генерал Тедеки тихо произнес:

— Вы сейчас являетесь свидетелем отчаяния этого человека. Он, вы должны это понять, несомненно, воспитан в буддистском духе. Даже если это не проявляется внешне, влияние буддизма налицо. Религия, в соответствии с которой никакую жизнь нельзя отнимать, все живое священо, полностью овладела мистером Тагоми.

Мистер Бейнес склонил голову.

— Он восстановит душевное равновесие, — продолжал генерал Тедеки, — со временем. Сейчас ему еще не за что зацепиться, дабы оценить свой поступок и постичь его. Эта книга поможет ему, потому что даст ему внешнюю шкалу отсчета.

— Понимаю, — кивнул мистер Бейнес.

«Другой системой эталонов, которая могла бы ему помочь, — сообразил он, — была бы доктрина изначального, первородного греха. Интересно, слышал ли он о ней? Мы все обречены на то, чтобы совершать акты жестокости, насилия и даже злодейства. Это наша судьба, уготованная нам издревле. Наша кара. Чтобы спасти одну жизнь, мистер Тагоми был вынужден отнять две. Логический, уравновешенный разум не может найти смысла в этом. Добряк вроде мистера Тагоми должен сойти с ума от соприкосновения с такой реальностью. Тем не менее критическая, решающая точка таится не в настоящем времени и даже не в моменте моей смерти или смерти этих двух эсэсовцев. Она находится — гипотетически — в будущем. То, что произошло здесь, оправданно или неоправданно только с точки зрения того, что случится позже. Сможем ли мы спасти жизнь миллионов, по сути, всю Японию? Но человек, который сейчас манипулирует стебельками растений, не в силах подумать об этом в данный момент. Настоящее, окружающая его действительность захлестнули его. Из его мыслей не выкинуть так просто и мертвого и умирающего немцев на полу его кабинета. Генерал Тедеки прав: только время может вернуть к реальности мистера Тагоми. Если же этого не случится, то он, вероятно, отступит в тень душевной болезни, отвратит навсегда свой взор от окружающей жизни, ошеломленный охватившей его безнадежностью. И фактически мы совсем не так уж отличаемся друг от друга. Мы сталкиваемся с одними и теми же трудностями. И поэтому, к несчастью, мы не можем оказать помощь мистеру Тагоми. Нам остается только ждать, надеясь, что в конце концов он найдет силы и сам воспрянет духом, и не поддастся ужасным мыслям».

Глава 13

Магазины Денвера оказались современными и шикарными. Одежда, как показалось Юлиане, была потрясающе дорогой, но Джо не обращал на это внимания. Он просто платил за все, что она выбирала, и они спешили в следующий магазин.

Ее главное приобретение — после многих примерок и длительного размышления — было сделано к концу дня: светло-голубое платье итальянского производства с короткими рукавами-буфами и глубоким декольте.

Она увидела его на манекене в модном европейском магазине. Считалось, что это лучшая модель сезона, и обошлось оно Джо почти в двести долларов.

Теперь к платью были необходимы три пары туфель, несколько пар нейлоновых чулок, несколько шляп и новая черная кожаная сумка ручной работы. Кроме того, выяснилось, что декольте итальянского платья требует нового бюстгальтера, который прикрывал бы только нижнюю половину груди. Оглядев себя с головы до ног в зеркале, Юлиана почувствовала себя полуголой, выставленной напоказ в витрине магазина. Она поняла, что нагибаться ей небезопасно. Но продавщица заверила ее, что этот полубюстгальтер прочно сидит на положенном ему месте, несмотря на отсутствие шлеек.

«Только соски и прикрывает, — подумала Юлиана, глядя на себя в уединение примерочной, — ни миллиметром выше. А обошелся недешево».

Продавщица объяснила, что бюстгальтер тоже импортный и тоже ручной работы. Потом продавщица показала ей спортивную одежду, шорты, купальные костюмы и махровый пляжный костюм, но тут Джо забеспокоился, и они пошли дальше.

Когда Джо грузил пакеты и сумки в машину, Юлиана спросила:

— Правда, я буду выглядеть потрясающе?

— Да, — ответил он рассеянно, — особенно в этом голубом платье. Вот его и наденешь, когда мы пойдем туда, к Абендсену. Поняла?

Последнее слово он произнес отрывисто, так, будто это был приказ. Его тон удивил ее.

— У меня двенадцатый-четырнадцатый размер, предупредила она, когда они вошли в следующий магазинчик.

Продавщица любезно улыбнулась и проводила ее к стойке с платьями. «Чего же мне еще? — размышляла Юлиана. — Лучше, пока можно, взять побольше». Глаза ее тут же разбежались: кофты, свитера, спортивные брюки, пальто.

— Джо, — попросила она, — мне нужно длинное пальто, но очень легкое.

Они сошлись на легкой синтетической шубке немецкого производства — более ноской, чем натуральная, и не такой дорогой. Тем не менее у Джо возникла легкая досада, и, чтобы утешиться, Юлиана принялась рассматривать ювелирные изделия. На прилавке лежала отчаянно скучная, заурядная дрянь, сделанная без малейшего намека на воображение или оригинальность.

— Мне нужны кое-какие украшения, — объяснила она Джо. — Хотя бы серьги или заколки для этого голубого платья.

Она вела его по тротуару к ювелирному магазину.

— Да, еще твой костюм! — вспомнила она виновато. — Надо же и тобой заняться.

Пока она рассматривала украшения, Джо зашел в парикмахерскую. Когда он через полчаса вышел оттуда, Юлиана была ошеломлена: он не только остриг волосы как можно короче, но еще и покрасил их. Она едва узнала его: теперь он был блондином. «Боже мой, — подумала она, глядя на него. — А это-то для чего?»

Пожав плечами, Джо сказал:

— Надоело мне быть макаронником.

Этим он ограничил свои объяснения. Теперь они зашли в магазин мужской одежды.

Первый покупкой здесь стал отлично сшитый костюм из нового синтетического материала фирмы «Дюпон» — дакрона, затем новые носки, белье и пара стильных остроносых туфель.

«Что еще? — подумала Юлиана. — Сорочки и галстуки». Она вместе с приказчиком выбрала две белые сорочки с французскими манжетами, несколько английских галстуков и пару серебряных запонок. Все это заняло минут сорок.

Юлиана удивилась, насколько быстрее они управились с гардеробом Джо.

Костюм еще нужно было подогнать, но Джо опять забеспокоился и торопливо оплатил счет банкнотами Рейхсбанка, достав их из кармана. «Вот что нужно еще, — поняла Юлиана, — новый бумажник». И она с помощью продавца выбрала для него черный, крокодиловой кожи бумажник и на этом удовлетворилась. Они покинули магазин и вернулись к машине. Было уже четыре тридцать.

— Ты не хочешь, чтобы тебе чуть заузили пиджак в талии? — спросила Юлиана, когда когда их автомобиль влился в общее движение.

— Нет.

Голос его, резкий и безразличный, ее озадачил.

— Что-нибудь не так? Может, я слишком много накупила?

«Конечно же, — объяснила она себе, — я потратила многовато».

— Я могла бы вернуть несколько юбок...

— Давай пообедаем, — предложил Джо.

— Боже мой! Ты знаешь, о чем я забыла? О пижамах!

Он свирепо взглянул на нее.

— Ты что, не хочешь купить мне пару новых пижам? — поинтересовалась Юлиана. — Чтобы я всегда была свежей и...

— Нет.

Она покачала головой.

— И кончим на этом, лучше смотри, где нам лучше поесть.

Нетвердым голосом Юлиана предложила:

— Пойдем сначала в гостиницу и снимем номер, чтобы переодеться, а потом уж поедем.

«Лучше, если это окажется по-настоящему хорошая гостиница, — решила она. — Иначе все будет зря. Пока еще не поздно. А уж в гостинице мы спросим, где в Денвере лучшее место, где можно поесть. И как называется хороший ночной клуб, где можно хоть раз за всю жизнь увидеть не какие-нибудь местные таланты, а крупных звезд из Европы, вроде Элеоноры Перез или Вилли Бека. Я знаю, что знаменитости из студии «Уфа» заезжают в Денвер, я слышала об этом в объявлениях по радио. И ни на что меньшее я не согласна».

Пока они искали гостиницу, Юлиана не переставала разглядывать своего партнера. Теперь, коротко стриженный, со светлыми волосами, в новом костюме, он был совсем не похож на того Джо, каким был раньше.

«Нравится ли больше он такой мне? Трудно сказать. Я и сама, когда сделаю себе новую прическу, становлюсь совершенно другим человеком. Мы сделаны из ничего или, скорее, из денег. Но я обязательно должна причесаться».

Большой роскошный отель они нашли в самом центре Денвера. У входа стоял швейцар в ливрее, взявший на себя заботу об устройстве машины на стоянке. Это было как раз то, что хотела Юлиана. Коридорный — фактически взрослый мужчина, хотя и одетый в идиотскую форму мальчикарассыльного — быстро подскочил к ним и забрал все пакеты и багаж,

оставляя им только возможность подняться по широкой, покрытой ковром лестнице, пройти подиум под тентом через стеклянную дверь в раме красного дерева и попасть в вестибюль.

По всему вестибюлю были разбросаны киоск — цветочные, сувенирные, кондитерские, стояли столы для телеграмм, работало окошко авиакассы.

Суетливые толпы гостей в холлах и у лифтов; огромные растения в горшках; ковры под ногами, толстые и пушистые, — во всем ощущалась роскошь отеля, весомость его постояльцев, важность их деятельности. Неоновые указатели обозначали ресторан, коктейль-холл, небольшую закусочную. Юлиана с трудом переваривала все это, пока они пересекали вестибюль, идя к стойке дежурного администратора.

Здесь был даже книжный киоск.

Пока Джо заполнял бланк, она извинилась и поспешила к книжному киоску, посмотреть, есть ли там «Саранча». Да, книга продавалась, внушительная стопка экземпляров. Реклама на витрине сообщала, как популярна эта книга, и конечно же о том, что она запрещена на всех подконтрольных Германии территориях. Юлиану приветствовала улыбающаяся женщина средних лет. Книга стоила четыре доллара, что показалось Юлиане ужасно дорого, но она все же заплатила за нее крупной купюрой Рейхсбанка вынув ее из своей новой сумки, а затем вприпрыжку пустилась назад, к Джо.

Коридорный, подхватив багаж, пошел впереди них к лифту, который поднял их на третий этаж, где они прошли по тихому, покрытому коридору в свой первоклассный номер, поражающий воображение номер. Коридорный отпер дверь, занес внутрь вещи, подошел к окну и приоткрыл занавески. Джо дал ему на чай, и тот отправился восвояси, прикрыв за собой дверь.

Все складывалось именно так, как хотела Юлиана.

— Сколько мы пробудем в Денвере? — спросила она Джо.

Джо стал разворачивать на кровати пакеты с покупками.

— Потом ведь нам в Шайенн?

Он не ответил: его совершенно захватило содержимое саквояжа.

— День или два? — настаивала Юлиана.

Она сняла свою новую шубку.

— А может, стоит остаться здесь и на три дня, как ты считаешь?

Подняв голову, Джо ответил:

— Мы отправимся туда сегодня вечером.

Сначала она не поняла, но когда осознала его слова, то не могла поверить своим ушам. Она глядела на него во все глаза, а он ответил на этот взгляд насмешливой, почти зловещей ухмылкой. Лицо его приняло теперь настолько сосредоточенно-напряженное выражение, какого ей не приходилось видеть еще ни у одного мужчины за всю свою прошлую жизнь. Он не двигался, казалось, он был прикован к месту параличом, хотя держал в руках новую, только что извлеченную из саквояжа одежду.

— После того, как пообедаем, — добавил он.

Юлиана лишилась дара речи. Ни одна мысль не шла ей на ум.

— Так что надевай то голубое платье, которое так дорого стоит, — продолжал Джо, — и которое тебе так понравилось. Нет, правда, прекрасное платье. Согласна?

Он расстегнул рубашку.

— Я собираюсь побриться и принять горячий душ.

В его голосе звучало что-то механическое, будто он говорил откуда-то издалека, с помощью какого-то устройства. Повернувшись, Джо прошел в ванную, рывками передвигая негнущиеся ноги.

С большим трудом ей удалось вымолвить:

— Сегодня уже слишком поздно.

— Нет. Мы пообедаем где-то часам к шести, а до Шайенна можно добраться за два, допустим, два с половиной часа. Это получается только восемь тридцать, ну, самое позднее, девять. Мы можем отсюда позвонить Абендсену, предупредить его, что мы едем, и объяснить ситуацию. Это ведь произведет впечатление — междугородный разговор. Скажем, что летим на Западное побережье, в Денвере остановились только на одну ночь и что нас так увлекла эта книга, что мы решили заехать в Шайенн и вернуться обратно среди ночи, только ради того, чтобы...

— Зачем? — перебила Юлиана.

На глазах ее выступили слезы, она сжала руки в кулачки, как когда-то в детстве.

Она чувствовала, как дрожит у нее челюсть, и когда заговорила, голос ее едва слышался.

— Я не хочу ехать к нему сегодня, не собираюсь. И вообще не хочу, даже завтра. Мне только хочется посмотреть здесь что-нибудь интересное. Ты же обещал мне!

Пока она говорила, страх снова сдавил ей грудь. Неожиданная слепая паника, которая почти не покидала Юлиану даже в самые яркие мгновения общения с Джо. Паника и страх заполняли все ее существо и подчинили ее себе. Юлиана чувствовала, как от страха мелкой дрожью трясет ее лицо, как он выпирает отовсюду так, что его можно заметить без особого труда.

— Вот вернемся, устроим кутеж. Все значные места пообедаем.

Он говорил рассудительно, но тем не менее с непреклонной твердостью, как будто отвечал хорошо выученный урок.

— Нет, — ответила она.

— Надень голубое платье.

Он принялся рыться в пакетах, пока не нашел платье, бережно положил его на кровати: казалось, он не спешил.

— Ну? Как? Ты будешь в нем сногшибательной. Слушай, купим бутылку дорогого шотландского виски и возьмем с собой.

«Френк, — подумала она, — помоги мне. Я влипла во что-то, чего не понимаю».

— Шайенн гораздо дальше, чем ты думаешь, — пояснила Юлиана. — Я смотрела по карте. Будет на самом деле поздно, когда мы доберемся туда, скорее всего часов одиннадцать. Если не все двенадцать.

— Надень платье, — приказал Джо, — или я тебя убью!

Закрыв глаза, она нервно засмеялась.

«Моя тренировка, — вспомнила она. — Значит, в конце концов все это было не зря. Ну что ж, посмотрим, успеет ли он убить меня до того, как я сдавлю нерв на его спине и искалечу его на всю жизнь? Но он ведь дрался с теми британскими командос? Он уже прошел через все это много лет назад».

— Я знаю, что ты, вероятно, сможешь швырнуть меня хорошенько, — проговорил Джо, — а может, и нет?

— Нет, на пол я тебя швырять не стану, я просто навсегда оставлю тебя калекой. Я сделаю это. Я жила на Западном побережье. Японцы научили меня этому еще в Сиэтле. Так что можешь сам ехать в Шайенн, если тебе так приспичило, а меня оставь в покое. И не пытайся меня принуждать. Я тебя боюсь и способна на что угодно.

Голос ее сломался.

— Я могу слишком резко обойтись с тобой при первой же попытке приблизиться.

— Ну, заладила! Да надень же это чертово платье! К чему все это? Ты что, чокнулась? Плетешь невесть что! Убью, изувечу! Из-за чего? Только из-за того, что я хочу посадить тебя в автомобиль и прокатить по автостраде, чтобы повидать того малого, который написал книгу, которую ты...

Раздался стук в дверь.

Джо бросился открывать. Рассыльный в форме проговорил:

— Гладильная служба, сэр. Вы справлялись у администратора, сэр.

— Да.

Джо шагнул к кровати, сгреб все белье, новые сорочки и отнес рассыльному.

— Вы сможете вернуть их через полчаса?

— В том случае, если только складки разглядятся, — пояснил рассыльный.

Он внимательно их осмотрел.

— Не стирая. Да, я уверен, что сможем, сэр.

Когда Джо закрыл за ним дверь, Юлиана спросила:

— Откуда тебе известно, что новую белую сорочку нельзя надевать, не выглядив?

Он ничего не ответил, только пожал плечами.

— Я-то совсем забыла, — продолжала Юлиана. — Женщине следовало бы помнить, что, когда вынимаешь их из целлофана, они все в морщинках и складках.

— Когда я был помоложе, я любил хорошо приодеться и погулять.

— А как же ты узнал, что в отеле есть гладильная служба? Я этого не знала. А ты в самом деле подстригся и покрасился? Я вдруг решила, что твои волосы всегда были светлыми и что ты носил парик. Разве нет?

Он снова пожал плечами.

— Ты, должно быть, эсэсовец, — продолжила Юлиана, — выдающий себя за шофера-итальянца. Ты никогда не дрался в Северной Африке? Да? Тебе нужно было сюда приехать, чтобы убить Абендсена, разве не так? Я уверена, что именно так, хотя и признаюсь, что я ужасно глупая.

Она выдохлась и чувствовала себя опустошенной.

Подождав, Джо произнес:

— В Северной Африке я действительно сражался. Ну, не в артиллерийской части под командой Парди, конечно. В дивизии «Бранденбург».

Затем добавил:

— Я был немецким разведчиком, проникал в английские штабы. Не вижу тут ничего такого: в любом случае у нас было дело по горло. И я был под Каиром. Там я заслужил медаль и повышение по службе. Чин капрала.

— Та авторучка — какое-то оружие?

Он не ответил.

— Бомба, — неожиданно поняла Юлиана, произнося это слово вслух. — Что-то вроде бомбы-ловушки, которая настраивается так, что взрывается, когда кто-то до нее дотрагивается.

— Нет, то, что ты видела, это двухваттный передатчик, чтобы я мог поддерживать связь. На тот случай, если произойдут изменения в первоначальном плане, прежде всего в связи с нынешней политической ситуацией в Берлине.

— Ты связешься с ними в последний момент, перед тем, как это сделать? Для уверенности?

Он кивнул.

— Ты не итальянец, ты немец.

— Швейцарец.

— Мой муж еврей! — выпалила Юлиана.

— Мне безразлично, кто твой муж. Все, чего я хочу от тебя, — это, чтобы ты надела платье и привела себя в порядок, чтобы мы могли пообедать. Сделай что-нибудь с волосами, мне бы хотелось, чтобы ты сходила в парикмахерскую. Может, салон при отеле еще открыт? Ты могла бы сделать прическу, пока я жду сорочки и принимаю душ,

— Каким же образом ты собираешься его убить?

— Пожалуйста, надень новое платье, Юлиана. Я позвоню вниз и спрошу насчет парикмахерской.

Он направился к телефону.

— Зачем я тебе нужна?

Набирая номер, Джо объяснил:

— У нас заведено дело на Абендсена, и, похоже, что его влечет к определенному типу смуглых, чувственных девушек, особенно к девушкам ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал с кем-то из персонала отеля, Юлиана подошла к кровати и легла, закрыв глаза и прикрыв лицо руками.

— У них есть парикмахерская, — объявил Джо.

Он положил трубку.

— Там могут заняться тобой прямо сейчас. Спустись в салон, на второй этаж.

Он что-то сунул ей в руку. Открыв глаза, она увидела банкноты Рейхсбанка.

— Оставь меня в покое. Дай мне полежать здесь, пожалуйста.

Он бросил на нее взгляд, полный досады и огорчения.

— Сизтл был похож на Сан-Франциско, — вспомнила Юлиана, — если бы в Сан-Франциско не произошел большой пожар. Настоящие старые деревянные дома и немного кирпичных. Такие же, как и там, холмы. Японцы селились в нем еще задолго до войны. У них был целый деловой квартал, дома, магазины, и все это было очень старым. Там есть порт. Пока я жила в Сизтле, я брала уроки у Минору Ихоясу, маленького пожилого японца, который носил жилетку и галстук. Он был очень толстым

и круглым, занимались мы на верхнем этаже одной японской конторы, на двери была старомодная медная табличка, а приемная напоминала кабинет дантиста. В приемной лежали журналы «Нейшнл Джеографик».

Наклонившись над нею, Джо потянул ее за руки и посадил, придерживая в таком положении.

— В чем дело? Ты ведешь себя как больная.

Он пытливо заглянул ей в лицо.

— Я умираю, — проронила Юлиана.

— Это просто приступ неуверенности. Она тебя все время преследует. Сейчас найдем аптечку и дадим тебе успокоительного. Как насчет фенобарбитала? Да ты еще и голодная с утра. Все будет в порядке. Когда мы доберемся до Абендсена, тебе ничего не придется делать. Действовать буду я. Только улыбайся, и все. Если почувствуешь, что он хочет уйти, заговори с ним, тогда он останется. Как только он тебя разглядит, я уверен, он нас впустит, особенно если увидит это декольте на твоём платье. Будь я на его месте, я непременно впустил бы тебя.

— Позволь мне пройти в ванную, — взмолилась Юлиана. — Меня мутит. Пожалуйста. Она стала вырываться из его рук. — Мне очень нехорошо, пусти меня.

Джо отпустил ее, и она бросилась в ванную, захлопнув за собой дверь. «Я могу это сделать», — решила она.

Она щелкнула выключателем, свет ослепил ее.

На умывальнике лежала пачка лезвий для безопасной бритвы, мыло, зубная паста. Она открыла начатую пачку: да, только одна сторона острая. Она развернула новое, еще покрытое смазкой, иссиня-черное лезвие.

Из душа текла вода. Она вошла под струю — боже! — прямо в одежду. Все испорчено.

Платье прилипло к телу. Волосы распрямились.

Ужаснувшись, она споткнулась, едва не упала, пытаясь на ощупь выйти из-под душа. Вода мелкими струйками текла по чулкам.

Она начала плакать.

Ворвавшись в ванную, Джо обнаружил ее возле умывальника. Она сняла с себя промокший костюм и стояла обнаженная, одной рукой держась за раковину, склонившись над ней, как бы желая набраться сил.

— О господи Иисусе, — воскликнула Юлиана, сообразив, что он здесь.

Что делать? Костюм испорчен, это не шерсть. Он увидел грудку промокшей одежды.

Очень спокойно, несмотря на то что лицо его было перекошено от злости, Джо произнес:

— Что же, тебе все равно не пришлось бы это надевать.

Белым мохнатым полотенцем он вытер ее и повел из ванной назад в комнату.

— Надень на себя белье, надень что-нибудь. Я велю парикмахерше подняться прямо сюда.

Джо снова подошел к телефону и набрал номер.

— Какие пилюли ты мне предлагал? — поинтересовалась Юлиана, когда Джо закончил разговор.

— Я и забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Нет, подожди, у меня что-то есть. Нембутал или какая-то другая дрянь.

Он бросился к своему саквою и стал рыться в нем.

Когда он протянул ей две желтые капсулы, она спросила:

— А они меня не доконают? — и неловко взяла их в руку.

— Что?

Лицо его нервно подергивалось.

— «Сгинет мое лоно, — процитировала она, — высохнет плоть». — Я хочу спросить, не оступею ли я от них?

— Нет. Это сделано фирмой «АГ Хемис», дома продается повсюду. Когда мне не спится, я всегда пользуюсь этим. Сейчас я дам тебе воды.

Он поспешил в ванную.

«Лезвие, — подумала она, — я проглотила его, теперь оно режет мне плоть. Наказание за то, что я, будучи замужем за евреем, якшаюсь с гестаповским убийцей. — Она снова ощутила на глазах слезы, боль сжигала ее сердце. — За все, что я совершила. Полный крах».

Юлиана выпрямились.

— Но ты же не одета!

Он отвел ее в комнату, усадил и тщетно принялся натягивать на нее трусики.

— Нужно, чтобы тебе привели в порядок голову, — объяснил он жалобно. — Где же эта женщина?

Она медленно, с трудом выговорила:

— Из волос нужно сделать швабру, которой можно отмыть пятна с голого тела. Как ни беги от крючка, он всегда найдет тебя. Крючок господ Бога.

«Пилюли разъедают меня, — решила Юлиана. — В них, наверное, скипидар или какая-нибудь кислота. Буду гнить заживо до конца моих дней».

Джо взглянул на нее и побледнел, «Должно быть, он читает мои мысли, — поняла она, — с помощью какого-то своего устройства, которого я не смогла обнаружить».

— Эти пилюли, — проямлила Юлиана. — От них какая-то слабость, голова кружится.

— Но ты же не приняла их!

Он указал на ее сжатый кулак, капсулы были все еще там.

— У тебя что-то с головой? — заметил Джо.

Он казался ей каким-то тяжелым, медлительным, как некая инертная масса.

— Ты очень больна. Мы не можем ехать.

— Не нужно доктора, — попросила Юлиана. — Сейчас все будет в порядке.

Она с усилием улыбнулась, глядя на него, пытаясь по выражению его глаз понять, как ей это удалось.

— Я не могу взять тебя к Абендсену, — заключил Джо. — Во всяком случае, сейчас. Завтра, может, тебе станет лучше. Попробуем завтра. Мы должны.

— Можно мне опять в ванную?

Он кивнул, едва ее слушая. Она вернулась в ванную и снова закрыла за собой дверь.

Еще одно лезвие она зажала в руке и снова вышла в комнату.

— Бай-бай, — проговорила она.

Когда она открыла дверь в коридор, он взревел и кинулся за ней.

Вжик!

— Это ужасно, — вымолвила она. — Они режутся, мне следовало это знать.

«Защита от тех, кто вырывает сумки, от разных ночных бродяг. Теперь я определенно могу с ними управиться. А этот куда запропастился? Хватает себя за шею, исполняя дикий танец...»

— Пропустил бы меня, — попросила она. — Не стой на дороге, если не хочешь получить еще один урок. Хотя и от женщины.

Высоко подняв лезвие, она подошла к двери и открыла ее. Джо сидел на полу, прижав ладони к горлу.

— Гуд бай, — улыбнулась она, и закрыла за собой дверь.

Усталанный ковром коридор. Женщина в белом халате, что-то напевая под нос, катила тележку от двери к двери время от времени осматриваясь. Она оказалась перед Юлианой. Женщина подняла голову и глаза ее вылезли из орбит, а рот от удивления открылся.

— Ну, конфетка... — проговорила она, — ты просто пьяная, тебе парикмахер не поможет. А ну, вернись-ка в номер и надень что-нибудь, пока тебя не вышвырнули из этого отеля. Боже милосердный!

Она открыла перед Юлианой дверь.

— Вели своему приятелю, чтобы он привел тебя в чувство, а я скажу горничной, чтобы она принесла горячий кофе. Ну, скорее, прошу тебя, иди к себе.

Она затолкнула Юлиану в номер, захлопнула за ней дверь и покатила тележку прочь.

Юлиана наконец догадалась, что это парикмахерша. Оглядев себя, она увидела, что на ней и вправду ничего нет. Женщина была права.

— Джо, — сказала она, — они меня не выпустят.

Она обошла кровать, нашла свой саквояж, открыла его и вывалила одежду. Белье, затем кофта и юбка, пара туфель на низком каблуке.

— В таком виде уже можно, — решила она.

Найдя гребень, Юлиана быстро причесала волосы. Затем уложила их.

— Представляю себе. Эта парикмахерша была права, когда чуть не свалилась с ног.

Она встала и пошла искать зеркало.

— Да, так лучше.

Зеркало оказалось на дверце гардероба. Подойдя к нему, она внимательно оглядела себя, поворачиваясь из стороны в сторону на носках.

— Я так растерялась, — произнесла она.

Она поискала взглядом Джо.

— Вряд ли я соображала, что делала. Ты, наверное, что-то не то мне дал. Что бы это ни было, вместо того, чтобы помочь мне, оно только меня доконало.

Продолжая сидеть на полу, прижимая одну сторону шеи, Джо хрипел:

— Послушай. Ну и хороша ты. Перерезала мне аорту, артерию на шее. Хихикнув, она хлопнула себя рукой по губам.

— Боже, какой ты чудак. Ты умудряешься все говорить шиворот-навыворот. Аорта у тебя в груди. А ты имеешь в виду сонную артерию?

— Если я встану, — пояснил Джо, — я истеку кровью за две минуты. Пойми это. Так что окажи мне хоть какую-то помощь, пришли врача или вызови «скорую». Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты сделаешь это? Ну,

конечно, сделаешь. Договорились: ты позвонишь или сбегашь за кем-нибудь?

Чуть поразмыслив, она согласилась:

- Хорошо, попробую.
- Приведи кого-нибудь ради моего спасения.
- Сходи сам.
- Да рана же не закрылась.

Кровь сочилась сквозь его пальцы, Юлиана это видела. На полу образовалась лужа.

— Я боюсь двинуться.

Юлиана надела свою новую шубу, закрыла новую кожаную сумку, подхватила саквояж и пакеты, принадлежащие ей, сколько могла унести. Особенно тщательно она уложила большую коробку с голубым итальянским платьем. Открывая дверь в коридор, Юлиана обернулась:

— Может, я смогу пригласить администратора. Там, внизу.

— Да, — с надеждой отозвался Джо.

— Очень хорошо. Я скажу им. И не ищи меня в Канон-Сити, потому что я туда не собираюсь возвращаться. Ведь при мне почти все ассигнации Рейхсбанка, так что я, несмотря ни на что, в выигрыше. Прощай.

Возле лифта ей помогли хорошо одетый пожилой бизнесмен и его жена: они взяли у нее пакеты и передали их внизу в вестибюле коридорному.

— Спасибо, — поблагодарила их Юлиана.

Коридорный понес вещи через вестибюль перед отелем, а она нашла служащего, который объяснил ей, как добраться до автомобиля. Вскоре она уже стояла в прохладном бетонном подземном гараже, ожидая, пока служащий выведет наружу ее «студебеккер». Юлиана вынула из сумки горсть мелочи, дала служителю на чай и через мгновение уже выезжала по тускло освещенному пандусу на темную улицу, блестящую от света фар автомобилей и неоновой рекламы.

Швейцар в ливрее лично уложил ее сумку и пакеты в багажник и улыбнулся ей так чистосердечно, что она, прежде чем уехать, дала ему огромные чаевые. Никто не пытался ее остановить, и это даже удивило ее. Никто даже бровью не повел.

Она решила, что они, наверное, думают, что заплатит Джо, а может быть, он уже заплатил, когда брал номер.

Ожидая у светофора в ряду других машин, Юлиана вспомнила, что не сказала администратору, что Джо нуждается в помощи врача, что он ждет и будет ждать до окончания века или до тех пор, пока утром не появится уборщица. «Лучше мне вернуться — решила она, — или позвонить. Остановлюсь около телефона-автомата. Но ведь это так глупо, — размышляла она, выискивая место, где бы остановится. — Кто бы мог подумать всего лишь час назад, когда мы регистрировались в отеле, когда поднимались в номер. Мы уже собрались было идти обедать. Мы, возможно, даже выбрали бы в ночной клуб».

Слезы снова выступили на ее глазах, но она продолжала ехать.

«Очень плохо, что я не посоветовалась с оракулом, он-то знал бы все и предупредил меня. И почему я этого не сделала? В любое время я могла бы у него спросить. В любом месте во время поездки и даже перед отъездом». Она невольно застонала. Эти звуки — какое-то завывание, никогда прежде ею не издаваемое — ужаснули ее, но Юлиана не могла сдержаться,

несмотря на то что сцепила зубы. Жуткое монотонные звуки, стенания, исторгались из ее груди.

Она остановилась у обочины и долго сидела, не выключая мотора, вся дрожа, засунув руки в карманы пальто. «Господи, — говорила она себе, — как все это ужасно. Ну что ж, а иначе никак и не могло получиться». Она вышла из машины и вытащила из багажника свой саквояж, открыла его на заднем сиденье и принялась рыться в нем, пока в руках у нее оказались два черных тома оракула.

Здесь, на заднем сиденье машины с включенным мотором, она начала бросать три монеты Средне-Западных Штатов. Единственным источником света служила витрина крупного магазина. «Что должна сделать? — это был ее вопрос оракулу. — Скажи мне, что мне делать, пожалуйста».

Гексаграмма номер сорок два с бегущей строкой, переходящей на гексаграмму сорок три. Прорыв. Она жадно набросилась на строчки гексаграммы, последовательно улавливая их скрытый смысл, постигая их значение. Гексаграмма точно описывала создавшееся положение — еще одно чудо.

Все, что произошло, здесь представало перед ее взором схематично, в виде наброска:

«Это содействует вопрошающему предпринять что-либо. Это способствует пересечь великие водные пространства».

«Значит, надо ехать дальше и совершить нечто такое, что важно для меня, ни в коем случае не останавливаясь здесь. А теперь строчки, сопутствующие гексаграмме». Она читала их, шевеля губами:

«Десять пар черепах не устоят перед ним. Непреклонное упорство приносит удачу. Король представляет его ногу».

Теперь шестая строчка на третьей полосе. Когда она прочла ее, у нее закружилась голова.

«Несчастья ведут к обогащению. Не следует порицать это, если ты искренен и стараешься идти прямо, а также никому не открываешься и только в тайном послании сообщаясь обо всем правителю».

Правитель — имеется в виду Абендсен.

Тайное послание — это новенький экземпляр его книги. Несчастья! Оракулу известно обо всем, что с ней произошло, о тех ужасах, которые она пережила, общаясь с Джо или как бы его ни звали по-настоящему. Юлиана прочла и шестую строчку на четвертой полосе:

«Если будешь идти прямо и сообщать обо всем правителю, он выслушает тебя».

Она поняла, что должна туда отправиться, даже если Джо станет ее преследовать. С такой же жадностью она набросилась на последнюю бегущую девятую строку.

«Он никому не позволит возвыситься. Кто-то даже ударит его. Ему не удастся сохранить свое сердце в покое. Случится беда».

Она подумала, что речь идет об убийце, о людях из гестапо, о том, что Джо или кто-то такой же, как он, все-таки доберутся до Абендсена.

Она быстро пробежала последнюю, оставшуюся часть гексаграммы сорок три. Заключение.

«Абсолютно необходимо изложить суть дела перед тронном короля. Во всеуслышание выложить всю правду. Несмотря на опасность, нужно уве-

домить свой собственный город. Не следует больше уповать только на оружие. Нужно предпринимать решительные шаги».

Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и думать о судьбе Джо. Это бесполезно. Если не он, так будут посланы другие. Снова оракул еще более настойчиво наставляет, что нужно ехать в Шайенн и предупредить Абендсена, не обращая внимания на опасность. «Я обязана открыть ему правду».

Юлиана закрыла книгу.

Снова усевшись за руль, она дала задний ход и влилась в поток автомобилей.

Она быстро сообразила, как выехать из центра Денвера на главное шоссе, ведущее на Север.

Она ехала так быстро, как только позволял ее автомобиль. Мотор ревел и трясся так, что временами ей казалось, что руль вырывается из рук, а сиденье ускользает из-под нее.

«Спасибо доктору Тодту и его автотрассам», — говорила она себе, мчась сквозь тьму, озаряемую только светом ее фар, и видя только разграничительные линии на шоссе.

К десяти часам вечера, из-за прокола колеса, пришлось свернуть со скоростной магистрали и начать поиски места для ночлега.

На дорожном знаке впереди было написано: «Грили. Пять миль». Медленно проезжая по главной улице Грили, Юлиана решила, что завтра утром она отправится в путь. Светящиеся табло отелей возвещали, что здесь есть свободные места, поэтому остановиться в одном из них не было проблемой. Юлиана решила, что нужно позвонить Абендсену и предупредить о своем приезде.

Припарковавшись, она устало выбралась из машины и наконец-то разогнула ноги.

Весь день с восьми утра она была в пути. Невдалеке виднелась дежурная аптека. Сунув руки в карманы пальто, Юлиана приблизилась к ней и вскоре уже оказалась в закрытой телефонной будке и попросила соединить ее со справочной в Шайенне.

Слава богу, телефон писателя был в телефонной книге. Она бросила монету в двадцать пять центов, и телефонистка набрала номер Абендсена.

— Алло, — отозвался вскоре энергичный женский голос, приятный голос молодой женщины, примерно того же возраста, что и сама Юлиана.

— Миссис Абендсен? — спросила Юлиана. — Можно мне поговорить с мистером Абендсеном?

— Кто это, будьте любезны?

— Я прочла его книгу, — объяснила Юлиана, — и весь день ехала в машине из Канон-Сити, штата Колорадо. Сейчас я нахожусь в Грили. Мне казалось, что я успею в ваш город еще до ночи, но мне не удалось, и поэтому хотелось бы узнать, смогу ли я увидеть мистера Абендсена завтра, в любое удобное для него время.

После некоторой паузы миссис Абендсен ответила все тем же приятным голосом:

— Сейчас уже поздновато, мы довольно рано ложимся спать. У вас какая-нибудь особая причина встретиться с моим мужем? Как раз сейчас у него особенно много работы.

— Я хотела бы с ним серьезно побеседовать, — объявила Юлиана.

Ее совершенный голос звучал как-то безжизненно. Она глядела на стенку кабинки, не в состоянии произнести ничего другого. У нее ныло все тело, во рту было сухо и гадко. За стеклом будки аптекарь за стойкой с соками готовил молочный коктейль для четырех подростков. Она страстно пожелала оказаться там и едва обращала внимание на то, что говорила миссис Абендсен. Ей ужасно захотелось чего-нибудь освежающего, холодного, и еще бы хорошо сандвич с рубленным цыпленком.

— Готорн работает каждый день по-разному. — Миссис Абендсен говорила оживленно и отрывисто. — Если вы приедете завтра, я ничего конкретного вам не смогу обещать, потому что он будет занят целый день. Но если вы поймете это, прежде чем отправиться сюда...

— Да, — прервала ее Юлиана.

— Я уверена, что он будет рад поболтать с вами несколько минут, если удастся освободиться, — продолжала миссис Абендсен. — Но, пожалуйста, не огорчайтесь, если по какой-либо причине он не сумеет выкроить время для разговора, а может, даже и для встречи с вами.

— Мы прочли его книгу, и она очень мне понравилась, — пояснила Юлиана еще раз. — Она у меня с собой.

— Понимаю, — добродушно усмехнулась миссис Абендсен.

— Мы остановились в Денвере и занялись покупками, а на это ушло слишком много времени.

«Нет, — подумала Юлиана, — теперь все запуталось».

— Послушайте, — заметила Юлиана. — О том, что мне надо ехать в Шайенн, сказал оракул.

— Боже мой! — воскликнула миссис Абендсен, словно ей было известно об этом, но тем не менее она не принимала ситуацию всерьез.

— Я могу прочесть вам строчки.

Юлиана внесла в кабинку том. Положив его на полку под аппаратом, она стала лихорадочно перелистывать страницы.

— Минуточку, — попросила она.

Найдя нужную страницу, Юлиана прочла сначала заключение, а потом предшествовавшие строки. Когда она дошла до девятой строки в вершине гексаграммы, она услышала, как миссис Абендсен вскрикнула.

— Простите? — Юлиана остановилась.

— Продолжайте, — ответила миссис Абендсен.

В голосе ее теперь звучала тревога, нечто резкое появилось в нем.

После того, как Юлиана почла заключение гексаграммы сорок три, содержащее слово «опасность», наступило молчание. Ни миссис Абендсен, ни Юлиана не были в состоянии нарушить его.

— Что ж, тогда завтра ждем встречи с вами, — в конце концов раздался голос в трубке. — Назовите, пожалуйста, свое имя.

— Юлиана Фринк, — ответила Юлиана. — Большое, огромное вам спасибо, миссис Абендсен.

В этот момент телефонистка весьма бесцеремонно объявила, что время разговора вышло, и поэтому Юлиана повесила трубку. Она вышла из кабинки и направилась к стойке с соками. Заказала сандвич, кока-колу и, закуривая сигарету, вдруг с ужасом осознала, что ничего не было сказано об этом человеке из гестапо или СД или черт еще знает откуда, об этом Джо Чинаделла, оставленном ею в номере гостиницы в Денвере. «Как же

я забыла? Он же совершенно выскочил у меня из головы. Как это могло случиться? Я, должно быть, чокнутая. Наверное, я совсем рехнулась, тронулась или сошла с ума».

Какое-то время она рылась в сумке, стараясь найти мелочь для нового разговора.

«Нет, — решила она, уже поднявшись было со стула, я не могу звонить им снова ночью. Пусть так и будет. Сейчас уже чертовски поздно. Я так устала, да и они, наверное, спят уже».

Она съела сандвич с рубленным цыпленком, запила его кока-колой и поехала в ближайший мотель, где сняла комнату и, дрожа, забралась в кровать.

Глава 14

«Ответа не существует, — подумал мистер Нобусуке Тагоми, — так же как и понимания. Даже в оракуле. И все же я должен продолжать жить изо дня в день, несмотря на это. Пойду и поищу что-нибудь маленькое. Буду жить незаметно, чего бы это мне ни стоило, пока, как-нибудь позже, не наступит...»

Он попрощался с женой и вышел из дому. Но сегодня он не направился, как обычно, в «Ниппон Тайм Билдинг». Нужно было дать себе разрядку, погулять в парке у «Золотых Ворот» с его зверинцем и аквариумами, посетить такое место, где обитатели — безмозглые существа, не способные к мышлению, тем не менее наслаждались жизнью.

Ехать туда на педикебе очень долго, и у меня будет достаточно времени, чтобы осознать ситуацию. Если это так можно назвать. Но деревья и звери не имеют души. Мне нужно ухватиться за какого-то человека. При этом можно превратиться в ребенка, хотя, наверное, именно это и хорошо. Я мог бы повернуть так, чтобы это стало хорошо».

Водитель педикеба пытался вовсю, направляясь к центру Сан-Франциско. «Может, дальше проехать на фуникулере? — неожиданно подумал мистер Тагоми. — Ведь это счастье — прокатиться на самом чистом и спокойном виде транспорта, который должен был исчезнуть в начале века, но почему-то до сих пор сохранился».

Он отпустил педикеб и пешком пошел по тротуару к ближайшей остановке.

«Возможно, — предположил он, — я уже больше никогда не смогу вернуться в «Ниппон Тайм Билдинг», пропитанный духом смерти. Карьера моя окончена, но в этом нет ничего дурного».

Совет торговых представительств найдет ему замену. Но сам-то Тагоми все еще ходит, существует, помнит каждую подробность. Значит, он ничего не достигнет уходом от дел.

«В любом случае операция «Одуванчик» сметает нас всех с лица Земли, независимо от того, чем мы занимаемся. Нас уничтожит наш враг, плечом к плечу с которым мы сражались на последней войне. И чем же он нас отблагодарил за это? Еще тогда, наверное, нам следовало бы драться с ними или сделать так, чтобы Германия проиграла войну, помочь ее противникам, Соединенным Штатам, Британии, России. Куда ни кинь, всюду безысходность. Строки оракула неопределенны и зага-

дочны. Наверное, он покинул мир людей в печали, оставив им свою не поддающуюся разгадке мудрость. Мы достигли того момента, когда мы одиноки. Нам нечего ждать помощи, как в прежние времена. Что ж, — решил мистер Тагоми, — возможно, это тоже неплохо. Может, это и к лучшему. Каждый должен сам попытаться отыскать свою дорогу».

На остановке Калифорния-стрит он вошел в вагончик и доехал до самого конца линии.

Он даже выпрыгнул из вагончика и помог повернуть его на деревянном поворотном круге.

И это из всего, испытанного им во время прогулки по городу, имело наибольшее впечатление. Но скоро это чувство ослабло, Тагоми снова почувствовал себя на краю пропасти, воспринимая теперь окружающее иначе.

Разумеется, и дорогу назад он выбирал на фуникулере, но теперь поездка потеряла всю прелесть. Он это понял, равнодушно наблюдая улицы, дома, экипажи, пронесившиеся мимо него уже в противоположном направлении.

Возле Стоктона Тагоми поднялся, чтобы выйти из вагончика, однако на остановке, прежде чем он начал спускаться, его окликнул кондуктор.

— Ваш портфель, сэр.

— Спасибо.

Он забыл его в вагончике. Тагоми забрал его и инстинктивно пригнулся, когда вагончик с лязгом тронулся дальше. Он вспомнил, что в этом портфеле хранилась большая ценность: драгоценный кольт сорок четвертого калибра, предел мечтаний любого коллекционера. Теперь он старался всегда держать его при себе на тот случай, если мстительные хулиганы из СД попытаются ему отплатить. От них можно ждать чего угодно. И все же мистер Тагоми понимал, что это новая привычка, несмотря на все случившееся, была признаком истерии, того нервного состояния, в котором он пребывал. Идя по улицам с портфелем в руке, он снова и снова убеждал себя, что не должен поддаваться панике. Но он не мог освободиться от нее.

Она рождалась в нем и вновь овладевала им.

«Значит, я утратил восторженное отношение к своему хобби — коллекционированию? — спросил он себя. — Неужели все перевернулось из-за того, что я совершил? Вся моя страсть к собирательству уничтожена, а не только к этому одному предмету. Главная опора моей жизни, увлечение от которого я получал столько удовольствия».

Окликнув педикейб, он велел ехать на Монтгомери-стрит к магазину Роберта Чилдана.

«Надо выяснить все до конца. Есть еще эта единственная связь, соединяющая меня с любимым занятием. И она же напоминает мне произошедшее событие. Я, возможно, смог бы справиться с собой, если бы схитрил: например, выменял бы этот кольт на еще более ценный исторический предмет. Этот револьвер для меня уже слишком реален, его смысл и значение как реликвии полностью уничтожено недавним употреблением. Но ведь это мое личное ощущение, никто больше не будет испытывать аналогичного чувства к этому револьверу, поэтому владельцу не передастся мой персональный опыт. Он существует только во мне. Нужно освободить себя, — решил он, все более волнуясь. — Когда исчезнет кольт, останется только легкий налет прошлого. Надо разрешить уравнение, связывающее

меня с этой вещью. А вот и магазин. Сколько интересных приобретений сделал я здесь, — спокойно заметил Тагоми, как бы глядя на себя со стороны. — Это было и моим бизнесом, и моим увлечением.

Расплатившись с рикшей, он подхватил портфель и быстро вошел в магазин.

Мистер Чилдан, стоя у кассы, протирал тканью какой-то предмет.

— Мистер Тагоми.

Чилдан поклонился.

— Мистер Чилдан.

Тагоми поклонился в ответ.

— Какая неожиданность, какая честь!

Чилдан бросил свое занятие и, obeжав прилавок, вышел навстречу гостю.

Обычный ритуал приветствия, поклоны и так далее, в том же духе. Однако мистер Тагоми почувствовал, что Чилдан сегодня какой-то не такой, как всегда, чуть более сдержанный, чем обычно. «Ну и хорошо, — подумал он. — Обычно-то Чилдан такой шумный, назойливый, скачет туда-сюда. О, может быть, это и не к добру».

Тагоми положил портфель на прилавок и открыл его.

— Мистер Чилдан, — проговорил он, — мне бы хотелось обменять этот экземпляр, купленный у вас несколько лет назад. Насколько мне помнится, вы раньше не возражали против такой практики.

— Да, сэр, — отозвался Чилдан. — Все зависит, к примеру, от состояния вещи, ну, и от некоторых других факторов.

Он встревоженно и внимательно смотрел на мистера Тагоми.

— Это кольт сорок четвертого калибра, — разъяснил мистер Тагоми.

Некоторое время оба молчали, глядя на револьвер, лежащий в открытом ящике красного дерева рядом с неполной коробкой патронов.

Легкая тень пробежала по лицу мистера Чилдана. Мистер Тагоми понял. Что ж, быть посему.

— Вас это не интересует? — угадал он.

— Нет, сэр, — подтвердил мистер Чилдан твердым голосом.

— Не буду настаивать.

Силы, казалось, покинули мистера Тагоми. Придется отступить.

Он почувствовал, как возвращаются прежние страхи.

— Извините меня, мистер Тагоми.

Мистер Тагоми поклонился, положил на место револьвер и коробку с боеприпасами и закрыл портфель. «Мне придется сохранить эту вещь. Такова судьба».

— Вы, кажется, чем-то огорчены? — спросил мистер Чилдан.

— Вы заметили?

Его охватила паника. Неужели он приоткрывал кому-то свой внутренний мир? Он невольно вздрогнул. Определенно так.

— У вас есть особая причина обменять этот экземпляр? — поинтересовался мистер Чилдан.

— Нет, — ответил Тагоми.

Он в очередной раз прикрыл от постороннего взора свой личный мир, что следовало бы сделать с самого начала.

Преодолевая нерешительность, мистер Чилдан произнес:

— Я очень сомневаюсь, что это было приобретено в моем магазине. Что-то не припоминаю, чтобы этот экземпляр проходил через мои руки.

— Я уверен в этом, — настаивал мистер Тагоми. — Однако это не имеет значения. Я понимаю вас и ничуть не обижаюсь.

— Сэр, — сказал Чилдан, — позвольте мне показать вам новые поступления. У нас есть несколько свободных минут?

Мистер Тагоми ощутил, как что-то старое и хорошо знакомое шевельнулось в нем.

— Что-нибудь особенное?

— Подойдите сюда, сэр.

Чилдан пересек магазин, мистер Тагоми последовал за ним.

В стеклянном закрытом прилавке на черном бархате лежали какие-то небольшие металлические узорчатые вещи, в форме которых не сразу можно было разобраться. Мистер Тагоми нагнулся, чтобы получше их рассмотреть, и какое-то странное чувство стало им овладевать.

— Я показываю это всем без исключения своим покупателям, — уточнил Роберт Чилдан. — Сэр, вы знаете, что это такое?

— Похоже на ювелирные украшения, — засомневался мистер Тагоми. Он заметил брошь.

— Это все, разумеется, американского производства, но, сэр, это не старинные изделия.

Мистер Тагоми вопросительно взглянул на него.

— Сэр, это все — новые образцы.

Бледное, отчасти маловыразительное лицо Роберта Чилдана загорелось страстью.

— Это новая жизнь моей страны, сэр. Начало в виде крохотных, едва пробивающихся семян красоты.

Изобразив на лице заинтересованность, мистер Тагоми взял несколько вещиц, чтобы внимательно осмотреть их. Он решил, что в них существовало нечто новое, что оживило их. Закон Тао пробивался даже здесь. «Когда все окружено тьмой, первые проблески света неожиданно оживляют все вокруг, самые темные глубины. Мы все близки меж собой, каждому доводилось сталкиваться с чем-то похожим, точно так же, как я столкнулся здесь сейчас... и все же для меня это всего лишь металлолом. Я не могу восхищаться этим, подобно Чилдану, к несчастью для нас обоих, но от этого никуда не уйти».

— Весьма милые вещицы, — пробормотал Тагоми.

Он положил безделушки на место.

Мистер Чилдан вымолвил:

— Сэр, этого не понять так, сразу.

— Простите.

— Новая точка зрения воцарится в вашей душе.

— Вы прямо-таки обрели новую веру, — улыбнулся мистер Тагоми. — Хотелось бы и мне так. Но, увы, не могу.

Он поклонился.

— В другой раз, может быть, — пообещал он Чилдану.

Чилдан проводил его к выходу. Мистер Тагоми заметил, что он даже не пошевелился, чтобы показать другие товары.

— Ваша новая вера весьма сомнительного вкуса, — иронизировал мистер Тагоми. — Похоже, что вы пошли не совсем перспективным путем.

— Прошу прощения, — улыбнулся мистер Чилдан.

Он не проявлял, однако, ни малейшего раболепия перед Тагоми.

— Но все-таки я прав. Я вижу совершенно ясно в этих предметах пока еще только созревающей зародыш будущего.

— Да будет так, — согласился мистер Тагоми. — Но ваш англо-саксонский фанатизм отнюдь не привлекает меня.

И тем не менее определенно возникла какая-то надежда.

Своя собственная надежда в своей душе.

— До свидания.

Тагоми поклонился.

— Я на днях еще загляну к вам. Возможно, тогда мы сможем проверить, сбываются ли ваши пророчества.

Мистер Чилдан поклонился, ничего не ответив.

Захватив с собой портфель с кольтм сорок четвертого калибра, мистер Тагоми вышел из магазина. «Я покидаю это место с тем же, с чем и вошел, — размышлял он. — Поиски продолжаются. Поиски чего-то, что мне нужно, чтобы я был в состоянии возвратиться в этот мир. А что, если я куплю одну из этих странных, непонятных вещей, буду хранить ее, смотреть на нее вновь и вновь, размышлять, а впоследствии, благодаря ей, найду свой путь? Сомнительно. Это годится для Чилдана, но не для меня. И все же, если кто-то, пусть даже всего один, находит свой путь, значит, есть выход. Даже если мне лично и не удастся его найти. Я завидую».

Повернувшись, мистер Тагоми зашагал назад к магазину. Там на пороге до сих пор стоял мистер Чилдан и смотрел на него.

— Сэр, — обратился к нему мистер Тагоми, — я куплю одну из этих вещиц, любую, которую вы сами выберете. Веры у меня нет, но сейчас я согласен ухватиться и за соломинку.

Он еще раз проследовал за мистером Чилданом к застекленному прилавку.

— Я неверующий, буду носить это при себе, время от времени поглядывать на вещицу, раз в день, например. Месяца через два, если я так и не увижу...

— Вы можете вернуть ее за полную цену, — предложил мистер Чилдан.

— Благодарю вас, — поблагодарил мистер Тагоми.

Ему стало лучше. Он понял, что иногда нужно пробовать все подряд. И в этом нет ничего предосудительного, совсем наоборот, это признак мудрости, правильной оценки сложившейся ситуации.

— Это успокоит нас, — заметил мистер Чилдан.

Он вынул маленький серебряный треугольник, украшенный орнаментом из пустотелых капель, черный снизу, яркий и наполненный светом сверху.

— Спасибо, — сказал мистер Тагоми.

Мистер Тагоми добрался на педикебе до Портсмут-сквер, небольшого открытого парка на склоне холма, который возвышался над Керни-стри и полицейским участком.

Он устроился на скамейке под солнцем.

По мощеным дорожкам бродили голуби в поисках пищи. На других скамейках плохо одетые люди читали газеты и дремали.

Некоторые там и тут лежали прямо на траве, и, казалось, спали.

Вынув из кармана картонную коробку с названием магазина Чилдана, мистер Тагоми подержал ее в руках, как бы стараясь согреться ее теплом. Затем он открыл коробочку и извлек из нее свое новое приобретение, чтобы здесь, в этом маленьком саду для стариков, оставшись с ним наедине, внимательно осмотреть.

В руках у него оказалась маленькая мудреная вещица из серебра. Подобно микроскопическому волшебному зеркальцу, она отражала полуденное солнце. Или, Тагоми взгляделся, и в ней содержалось нечто, скрытое от взора, что улавливало солнечные лучи.

Значит, что-то все-таки в ней есть — размеры, форма. Он продолжал почтительно ее рассматривать.

Принесет ли она ему мир, как предсказывал Роберт Чилдан? Прошло пять минут, десять. Тагоми уже не мог сидеть просто так.

«Время. Увы, вот чего нам всегда не хватает. Что же такое у меня в руках? Пока еще не вышло все мое время. Прости меня, — подумал мистер Тагоми, обращаясь к безделушке, — мирские хлопоты всегда заставляют нас подниматься и что-то делать».

Огорченный, он принялся укладывать вещицу. Еще один последний, полный надежды взгляд. Он снова оценивающе посмотрел на приобретение, вложив в этот взгляд все накопившееся в нем сомнение. Как ребенок доверчиво прижимает к уху случайно найденную на берегу моря раковину и слушает в ней морской гул. Только здесь ухо заменило глаз. «Войди в меня и научи, что делать, объясни, что все это означает и почему. Сгусток понимания событий в одной маленькой безделушке. Слишком многого я хочу от нее и поэтому остаюсь ни с чем».

— Послушай, — смиренно обратился он к вещице. — Разве я прошу так многого?

«А что, если я злобно встряхну ее, как старые, остановившиеся часы? — Он так и сделал: вверх-вниз. — Или как кости, перед решающим броском. Чтобы разбудить спящее в них божество. Никому не известное». Мистер Тагоми снова яростно потряс зажатую в кулаке вещицу и потом опять принялся смотреть на нее.

«Ты маленькая вещица, ты — пустышка, — подумал он. — Нужно ее обругать, испугать».

— Мое терпение кончается, — проговорил он тупо.

«Ну и что дальше? Выбросить тебя в канаву? Подышать на тебя, потрясти, снова подышать? Принеси же мне выигрыш!»

Он рассмеялся. Какая бессмыслица — здесь, на самом солнцепеке. Какой спектакль для прохожих. Он тайком огляделся, но никто на него не смотрел. Старики посапывали, как и прежде. Тагоми облегченно вздохнул.

«Ну, кажется, я уже все перепробовал, — решил он, — умолял, старался вникнуть, угрожал, философствовал, сопоставлял. Что еще можно сделать? А может, просто побыть здесь еще чуть-чуть? Может, все-таки что-нибудь случится? Когда-то я был ребенком, и мысли мои были ребяческими, но теперь я вырос и перестал по-детски воспринимать мир. Тогда было проще. Теперь я должен искать ответы на свои вопросы другими способами. А значит, и мой подход к этой вещице должен быть другим, соответствующим моему теперешнему мироощущению. Подход должен быть

научным. Следует логически осмыслить каждый аспект классическим методом Аристотеля».

Тагоми приложил палец к правому уху, чтобы не слышать шума уличного движения и прочих отвлекающих звуков. Затем он плотно прижал серебряный треугольник, как раковину, к левому уху.

Ничего. Никаких звуков. Даже гула океана. А на самом деле даже шума собственного кровообращения не слышно. Ничего.

Кто же тогда может постичь скрытую в этой вещи тайну? От слуха, очевидно, пользы нет. Мистер Тагоми закрыл глаза и принялся ощупывать каждый миллиметр безделушки. Осязание дало тот же эффект: пальцы не смогли поведать ему ни о чем. Запах. Он поднес серебро поближе к носу и втянул запах.

Слабый металлический запах, но он внес в себе какое-то другое значение. Вкус?

Открыв рот, Тагоми вложил в него треугольник, попробовал его на зуб, словно это был пряник, но жевать не стал.

Ничего, просто нечто горькое, твердое и холодное.

Тагоми вновь держал вещь на ладони.

Значит, снова возврат к зрению, к этому наивысшему из чувств по греческой шкале ценностей. Он поворачивал серебряный треугольник из стороны в сторону, стараясь увидеть его во всех возможных ракурсах.

«Что же я вижу, — спросил он себя после всего этого упорного, терпеливого изучения? В чем ключ к истине? Ну, уступи, выдай свою собственную тайну, подобно морскому черту, вытягнутому из глубины, которому приказывают рассказать обо всем, что находится там, внизу, глубоко в водяной бездне. Но черт ведь не притворяется, он безмолвно погибает от удущья, становится камнем или глиной, мертвым веществом. Он вновь возвращается в твердую субстанцию, обычную для неживого мира. Металл извлечен из земли, — подумал Тагоми, глядя на серебро, — из слоев, спрятанных ниже всех других, из самых плотных слоев, из мира троллей и пещер, сырого, всегда мрачного мира тьмы в ее безысходном, наиболее тоскливом виде. Мира трупов, гниения, разложившихся останков, всего умершего, слой за слоем складывающегося под нами и постепенно распадающегося на элементы. Демонический мир неизменности, времени, которого не было. И все же здесь, на солнце, серебряный треугольник сверкает, отражает свет и огонь. Это вовсе не сырой и темный предмет. Он принадлежит к самой высшей сфере, сфере света, как и положено произведению искусства. Да, это работа настоящего художника: взять кусок породы из темной безмолвной скалы и превратить его в сверкающий безмолвный свет — и тем самым вернуть жизнь мертвому. Труп обретает жизнь; прошлое отступает перед будущим. Так кто же ты: темный мертвый мрак или ослепительно живой свет?»

Серебряная вещь на ладони плясала и слепила глаза. Тагоми прищурился, наблюдая теперь только за игрой огня.

Тело из мрака, душа из света. Металл и огонь объединились: микросмос на его ладони.

Какому пространству принадлежит эта вещь?

Уходящему ввысь, к небесам. А какому времени?

Изменчивому миру света. Да, эта вещь извергает свой дух — свет. И тем она приковала его внимание. Тагоми не мог оторвать от нее взора.

Она как будто приворожила его к себе своей загадочностью, своей сверкающей поверхностью, и Тагоми уже был не в состоянии управиться с нею, не мог от нее избавиться по своей воле.

«А теперь скажи мне что-нибудь, теперь, когда ты заполучила меня в свои силки. Я хочу услышать твой голос, ослепи меня чистым белым светом, таким, какой мы ожидаем увидеть только в загробной жизни. Но мне не обязательно дожидаться смерти, распада моего мира, того времени, когда душа станет искать иного прибежища. И все эти устрашающие или доброжелательные божества — мы обойдемся без них так же, как и без тусклого дымного света, и пройдем мимо совокупляющихся пар, мимо всего, кроме этого света. Я готов без страха стать к нему лицом. Замечаешь, что я не отвожу глаз? Я ощущаю, как горячие ветры Кармы гонят меня, и тем не менее я остаюсь здесь. Мое воспитание было правильным: я не должен морщиться от чистого белого света, потому что если я это сделаю, я еще раз войду в круговорот рождения и смерти, никогда не познаю свободы никогда не получу отпущения. Покровы бремени жизни, покровы майя вновь ниспадут на меня, если я...»

Свет исчез.

В его руках был всего лишь тусклый серебряный треугольник. Тень заслонила солнце.

Мистер Тагоми поднял голову.

Высокий полисмен в голубом мундире стоял, улыбаясь, рядом с его скамьей.

— Что? — ошеломленно спросил мистер Тагоми.

— Я просто наблюдал за вами, как вы орудуете с этой головоломкой.

Полисмен двинулся по дорожке.

— Головоломка? — эхом отозвался мистер Тагоми. — Это не головоломка.

— Разве это не одна из тех небольших проволочных головоломок, где нужно разнять составные части? У моего сына их целая куча. Некоторые из них очень трудные.

Полисмен пошел прочь.

«Все испорчено, — подумал мистер Тагоми. — Мой шанс погрузится в нирвану исчез, уничтожен этим белым варваром, неандертальцем-янки. Этот недочеловек предположил, что я ломаю голову над детской пустой забавой».

Поднявшись со скамьи, он сделал несколько неуверенных шагов. «Нужно успокоиться. Ужасная, свойственная низшим классам шовинистическая расистская брань совершенно меня недостойна».

В груди яростно столкнулись необъяснимые, не имеющие никакого оправдания страсти.

Он пошел через парк. «Нужно двигаться, — убеждал он сам себя. — Очищение в движении».

Он вышел из парка. Тротуар Керни-стрит. Тяжелый гул уличного движения. Мистер Тагоми остановился около бордюра.

Педикетов не было видно. Он пошел пешком по тротуару и слился с толпой. Никогда не найдешь педикета, когда он особенно нужен.

Боже, что это? Он остановился, вытаращив глаза на чудовищное, безобразное сооружение вдали. Как будто продолжение кошмарной американской горки, закрывающее все поле зрения. Огромное сооружение из металла и бетона, словно повисшее в воздухе.

Мистер Тагоми обратился к прохожему, худому мужчине в мягком костюме.

— Что это? — спросил он.

Он указал на загадочное сооружение.

Мужчина ухмыльнулся.

— Жуткое зрелище, не правда ли? Это путепровод в порту. Очень многие считают, что он испортил весь вид.

— Раньше я никогда не замечал его, — отозвался мистер Тагоми.

— Значит, вам везло, — заметил мужчина.

Он пошел прочь.

«Безумный сон, — подумал мистер Тагоми. — Нужно проснуться. Куда сегодня запропастились педикебы?» Он пошел быстрее. Все вокруг было каким-то тусклым, наполненным сизым дымом. Пахло чем-то горелым. Угрюмые серые здания, тротуар, какой-то особенно бешеный темп движения. И до сих пор ни одного педикеба!

— Кеб! — крикнул Тагоми, все прибавляя шагу.

Безнадежно. Только автомобили и автобусы. Автомобили, похожие на жестокие огромные орудия разрушения, невиданных доселе форм. Он старался не глядеть на них и смотрел только перед собой. Это какое-то искажение зрения особо зловредного свойства, расстройство, вызвавшее нарушение чувства пространства. Горизонт впереди изгибался.

Словно какая-то жуткая болезнь неожиданно поразила его.

Нужна передышка. Впереди грязная забегаловка, внутри одни белые, все поглощены едой. Мистер Тагоми толкнул деревянную вращающуюся дверь. Запах кофе, нелепый музыкальный автомат в углу, оглушительно ревущий.

Он поморщился и стал проталкиваться к стойке. Все места были заняты белыми.

Мистер Тагоми громко вскрикнул, давая понять о своем намерении. Несколько белых оглянулись. Однако никто не покинул своего места, никто не уступил ему стула. Они просто продолжали свой ужин.

— Я настаиваю, — громко сказал мистер Тагоми первому же белому.

Он прямо-таки крикнул ему в ухо.

Мужчина отодвинул чашку и проговорил:

— Полегче, япошка.

Мистер Тагоми посмотрел на остальных белых. Все они следили за ним враждебными глазами, и никто из них не шевельнулся.

«Загробное существование, — решил мистер Тагоми. — Горячие ветры занесли меня неизвестно куда. Что это за видение? Выдержат ли мои чувства все это? Да, «книга мертвых» подготовила нас к этому: после смерти перед нами промелькнут многие, и все они будут казаться враждебными нам. Каждый станет противостоять этому в одиночку. Ужасный путь — и всегда через страдания, перерождение. Страшная иллюзия».

Он отпрянул от стойки и выбежал из закуской. Дверь проскрипела за спиной, следующая ее створка подтолкнула Тагоми на тротуар.

«Где я? Вне своего мира, своего пространства и времени. Серебряный треугольник сбил меня с толку. Я сорвался со своих швартовых, и меня ничто не удержит: вот конец всех моих попыток, урок мне навсегда. Зачем идти вразрез своему мироощущению? Для того, чтобы полностью заблудиться, потеряв все указатели и другие знаки, которыми полностью можно

было бы руководствоваться? Нужно прекратить это ужасное брожение среди теней, снова сосредоточиться и вернуться в свой мир».

Он ощупал карманы, но серебряного треугольника не обнаружил. Он исчез, остался на скамейке в парке вместе с портфелем. Катастрофа.

Сгорбившись, Тагоми побежал по тротуару назад в парк. Дремавшие бездельники удивленно глядели ему вслед, когда он мчался по дорожкам.

Вот та скамья, и портфель стоит возле нее.

Серебряного треугольника не было видно. Тагоми стал искать вокруг. Да вот он, упал в траву и лежит почти незаметно там, куда он его в ярости зашвырнул.

Тагоми снова сел, стараясь восстановить дыхание — слишком уж он запыхался.

«Еще раз обращаю внимание на треугольник, — сказал он себе, немного отдышавшись. — Внимательно погляжу на него, считая, ну, хотя бы до десяти, но медленно и громко. Что за idiotские сны наяву! Соперничество наиболее пагубных аспектов, присущих юности, и совсем нечистая непорочная невинность истинного детства. Но именно это в любом случае я и заслужил. Сам во всем виноват. А вовсе не мистер Чилдан или ремесленники. Надо винить только собственную жадность. Разве можно силой что-нибудь понять?»

Он медленно считал вслух, а затем вскочил на ноги.

— Проклятая глупость, — резко проговорил он.

Туман рассеялся.

Тагоми огляделся.

Муть уменьшилась, так ему, во всяком случае, показалось. Теперь он должным образом оценил язвительные слова святого Павла о том, что иногда мы видим мир в кривом зеркале. Это не просто метафора, а пронизательный намек на оптические иллюзии.

Мы действительно все видим в искаженном виде в самом глубоком смысле этого слова: наши ощущения пространства и времени — порождение нашей собственной души, и иногда эти ощущения изменяют нам — ну, как расстройство среднего уха нарушает координацию движений, и это случается даже тогда, когда просто каким-нибудь необычным образом наклоняешь голову. И чувство равновесия исчезает.

Тагоми положил серебряную безделушку в карман пальто и некоторое время сидел с портфелем на коленях. «Что я должен сейчас сделать? — спросил он себя. — Пойти и снова посмотреть на это отвратительное сооружение. Как это назвал его прохожий? Портовый путепровод. Если его еще можно увидеть».

Но Тагоми чувствовал, что ему страшно двинуться с места.

«И все же я не могу просто так сидеть здесь. На мне лежит бремя обязанностей, которые я должен выполнять. Как разрешить эту дилемму?»

Два маленьких мальчика-китайца с шумом бежали по дорожке. Стайка голубей захлопала крыльями и взлетела. Мальчики остановились.

— Эй, молодые люди, — позвал их мистер Тагоми.

Он стал рыться в кармане.

— Подойдите сюда.

Мальчики настороженно приблизились.

— Вот десять центов.

Мистер Тагоми бросил им монету, и мальчики стали, толкаясь, бороться за нее.

— Выйдите на Керни-стрит и посмотрите, есть ли там педикебы. Потом вернитесь и скажите мне.

— А вы дадите нам еще одну монету, когда мы вернемся? — спросил один из мальчиков.

— Да, — ответил мистер Тагоми. — Но вы должны сказать мне правду. Мальчики пустились по дорожке.

«Мне могут посоветовать, — подумал мистер Тагоми, — подать в отставку и жить в уединении, может, даже покончить с собой».

Он вцепился руками в портфель. Внутри лежало оружие, так что с этим никаких затруднений не будет.

Мальчишки примчались назад.

— Шесть! — кричал один из них. — Я насчитал шесть.

— А я пять, — тяжело дышал второй.

— Вы уверены, что это педикебы? — поинтересовался мистер Тагоми. — Вы отчетливо видели, то водители крутят педали?

— Да, сэр, — вместе выпалили мальчишки.

Тагоми дал каждому по десятицентовику.

Они поблагодарили его и убежали.

«Назад в контору и за работу», — решил мистер Тагоми. Он встал и поудобнее взял портфель. Обязанности зовут. Еще один, заполненный текущими будничными делами день».

Тагоми еще раз прошел по дорожке и вышел на тротуар Керни-стрит.

— Кеб! — громко позвал он.

Тотчас же из уличного потока отделился педикеб. Водитель остановился у бордюра, на его худом лице блестел пот, грудь тяжело вздымалась.

— Да, сэр.

— Отвезите меня в «Ниппон Тайм Билдинг», — велел мистер Тагоми.

Он поднялся на сиденье, а водитель принялся ловко лавировать среди других кебов и автомобилей.

* * *

До полудня оставалось совсем немного, когда мистер Тагоми добрался до «Ниппон Тайм Билдинг». Еще в вестибюле первого этажа он велел дежурной связать его с мистером Рамсеем.

— Это Тагоми, — сказал он, услышав голос секретаря.

— Доброе утро, сэр. Это большая радость для всех нас. Мы не видели вас с утра, и я со страхом позвонил вам домой в десять часов. Но ваша жена сказала, что вы ушли.

— Там наверху весь беспорядок полностью устранен?

— Никаких следов.

— Абсолютно никаких?

— Даю вам честное слово, сэр.

Удовлетворившись, мистер Тагоми положил трубку и направился к лифту.

Уже наверху, войдя в свою контору, он позволил себе краем глаза бегло осмотреть обстановку. Действительно, как и утверждал мистер Рамсей, никаких следов не осталось. Ему стало легче. Никто бы не догадался о

том, что здесь произошло, если бы сам не был свидетелем тех событий. Однако теперь даже синтетический ковер на полу стал свидетелем истории.

В конторе его встретил мистер Рамсей.

— Ваша смелость — вот тема всей сегодняшней «Таймс», — начал он. — В статье описывается...

Однако, увидев выражение лица мистера Тагоми, мистер Рамсей внешне умолк.

— Что можно сказать о текущих делах? — поинтересовался Тагоми. — Где генерал Тедеки, то есть бывший мистер Ятабе?

— Тайно возвращается в Токио на самолете, совершающем челночные рейсы с копченой селедкой.

— А что насчет мистера Бейнеса?

— Я не знаю. За время вашего отсутствия он появлялся на короткое мгновение, как-то даже украдкой, но ничего не объяснил.

Мистер Рамсей в нерешительности замолчал.

— Возможно, он вернулся в Германию.

— Для него было бы куда лучше отправиться на Родные Острова, — вымолвил мистер Тагоми.

Он обращался главным образом к самому себе. «Во всяком случае, — подумал он, — сейчас важнее всего генерал, а это уж вне пределов моего поля зрения. Никакого отношения он не имеет ни ко мне, ни к моей конторе: мною здесь воспользовались, но это, конечно, так и должно быть. Я служил им — как это называется? — прикрытием. Я — ширма, маскирующая действительность. За мною, спрятанная от чужих жадных глаз, кроется главная реальность. Странно. Иногда важно быть просто картонной ширмой, неотъемлемой частью создаваемой иллюзии. И по закону экономии, присущему природе, ничто не пропадает зря, даже то, что нереально. Сколько всего скрыто в процессе генезиса природы».

Появилась взволнованная миссис Эфрикан.

— Мистер Тагоми, меня послали с телефонной станции.

— Успокойтесь, миссис, — попросил мистер Тагоми. «Ведь жизнь продолжается», — уверовал он.

— Сэр, здесь германский консул. Он хочет с вами переговорить.

Она то и дело переводила взгляд с мистера Тагоми на мистера Рамсея. Лицо ее казалось неестественно бледным.

— Мне объяснили, что он бывал здесь и раньше, но им стало известно, что вы...

Мистер Тагоми знаком остановил ее.

— Мистер Рамсей, напомните, пожалуйста, фамилию консула.

— Фрейер Гуго Рейсс, сэр.

— Да, я теперь припоминаю.

«Что ж, — решил он. — Очевидно, мистер Чилдан в конце концов сделал мне одолжение, отклонив просьбу принять колъ».

Взяв с собой портфель, он вышел из конторы и зашагал по коридору.

В коридоре стоял аскетически сложенный, хорошо одетый белый. Коротко подстриженные, выгоревшие соломенные волосы, блестящие черные кожаные туфли европейского производства, напряженная поза, в руках — изысканный портсигар слоновой кости. Несомненно, это был он.

— Герр Гуго Рейсс? — спросил мистер Тагоми.

Немец поклонился.

— Стучилось так, — продолжал мистер Тагоми, — что в прошлом вы и я поддерживали свои отношения по почте, посредством телефона и тому подобного, но до сих пор мы ни разу не встречались лично.

— Это большая честь для меня, — заметил Гуго Рейсс.

Он сделал шаг навстречу.

— Даже несмотря на досадные недоразумения.

— Какие же, интересно? — осведомился мистер Тагоми.

Немец поднял бровь.

— Простите меня, — вздохнул мистер Тагоми. — Мне еще не совсем ясно, на какие недоразумения вы ссылаетесь. И как можно заключить заранее, объяснения ваши будут шиты белыми нитками.

— Ужасно, — проронил Гуго Рейсс.

Он покачал головой.

— Когда я впервые...

— Прежде, чем вы начнете свой молебен, позвольте высказаться и мне. Я лично застрелил двух ваших эсэсовцев!...

— Полицейское управление Сан-Франциско вызвало меня, — прервал Гуго Рейсс. — Он окутывал их обоих клубами противно пахнущего дыма от сигареты. — За несколько часов мне удалось побывать и в участке на Керни-стрит, и в морге, а затем меня ознакомили с показаниями ваших людей, данными ими следователю полиции. Это был крошечный ад с начала и до конца.

Мистер Тагоми не проронил ни слова.

— Однако, — продолжал герр Рейс, — утверждения о том, что эти головорезы каким-то образом связаны с Рейхом, оказались необоснованными. Мое собственное мнение заключается в том, что все это — акция каких-то безумцев. Я уверен, что вы действовали абсолютно правильно, мистер Тугоми.

— Тагоми.

— Вот вам моя рука, — сказал консул.

Он протянул руку.

— Давайте пожмем друг другу руки в знак джентльменского соглашения не вспоминать больше об этом. Особенно в эти критические времена, когда любое глупое измышление может воспламенить умы толпы во вред интересам обоих наших народов.

— И все же бремя вины лежит на моей душе, — признал мистер Тагоми. — Кровь, герр Рейсс, никогда нельзя смыть так легко, как чернила.

Консул, казалось, был в замешательстве.

— Я страстно жажду прощения, — продолжал мистер Тагоми, — хотя вы и не можете мне его дать, а возможно, и никто не может. Я собираюсь почитать дневник знаменитого богослова из Массачусетса, преподобного Мэсера. Мне сказали, что он пишет о виновности, об адском огне и тому подобное.

Консул делал быстрые затяжки сигаретой, внимательно изучая мистера Тагоми.

— Позвольте мне довести до вашего сведения, — сообщил мистер Тагоми, — что ваша страна опустится до еще большей подлости, чем прежде. Вам известна гексаграмма «Бездна»? Говоря как частное лицо, а не как представитель японских официальных кругов, я заявляю: сердце замирает

от ужаса. Нас ждет кровавая бойня, не имеющая аналогов. Но даже сейчас вы стремитесь к достижению своих целей и к своей собственной выгоде. Например: добиться какого-нибудь преимущества над соперничающей группировкой, скажем, над СД, не так ли? Устроить холодный душ герру Бруно Краусу фон Мееру...

Дальше продолжать он не мог. Грудь его сдавило. «Как в детстве, — вспомнил он, — когда перехватывало дыхание, стоило мне рассердиться на свою воспитательницу».

— Я страдаю, — объяснил он герру Рейссу.

Тот уже выбросил свою сигарету.

— От болезни, развивающейся все эти долгие годы, но принявшей опасную форму с того самого дня, когда я услышал о шальных выходках ваших безнадежно безумных вождей. В любом случае шансов на излечение никаких. И для вас тоже, сэр. Говоря языком преподобного Мэсера, если я правильно помню, — покайтесь!

Германский консул хрипло проговорил:

— У вас хорошая память.

Он кивнул и дрожащими пальцами зажег новую сигарету.

Из конторы появился мистер Рамсей, неся пачку бланков и бумаг. Обратившись к мистеру Тагоми, который молча пытался перевести дух, он объяснил:

— Пока он еще здесь. Текущие дела, связанные с его функциями.

Мистер Тагоми машинально взял бумаги.

Форма двадцать-пятьдесят. Запрос из Рейха через консула Фрейера Гуго Рейсса о высылке под стражей какого-то уголовника, ныне находящегося под опекой управления полиции города Сан-Франциско, еврея по имени Френк Фринк, гражданина Германии, согласно законам Рейха, разыскиваемого с июня 1960 года, для передачи под юрисдикцию Рейха и так далее. Тагоми пробежал взглядом бумагу.

— Вот ручка, сэр, — указал мистер Рамсей, — и на сегодня наши дела с германским представительством закончены.

Он с неодобрением взглянул на консула, протягивая ручку мистеру Тагоми.

— Нет, — ответил мистер Тагоми.

Он вернул форму двадцать-пятьдесят мистеру Рамсею, затем сновахватил ее и наложил внизу резолюцию:

«Освободить. Главное торговое представительство, одновременно представляющее гражданскую власть империи в Сан-Франциско. В соответствии с протоколом 1947 года. Тагоми».

Он вручил один экземпляр германскому консулу, а остальные копии вместе с оригиналом отдал мистеру Рамсею.

— До свидания, герр Рейсс.

Тагоми поклонился.

Германский консул также поклонился, едва удостоив взглядом врученный ему лист бумаги.

— Пожалуйста, в будущем все дела ведите через промежуточные инстанции, как-то: почта, телефон, телеграф, — попросил мистер Тагоми, — чтобы исключить личные контакты.

— Вы возлагаете на меня ответственность за общие положения, находящиеся вне моей юрисдикции, — объяснил консул. — Дерьмо собачье, — мистер Тагоми сплюнул. — Вот что я имею в виду.

— Разве так ведут дела цивилизованные люди? — вспыхнул консул. — Вами руководят обида и месть, в то время как это просто формальность, в которой нет места личным чувствам.

Он швырнул на пол сигарету, повернулся и зашагал прочь широкими шагами.

— Подберите свою вонючую сигарету, — тихо проговорил вслед мистер Тагоми.

Но консул уже скрылся за углом.

— Я вел себя как ребенок, — вздохнул мистер Тагоми. — Вы были свидетелем моей инфантильности, мистер Рамсей.

Тагоми нетвердой походкой направился в контору. Теперь он уже совсем не мог дышать.

Боль пронизала всю его левую руку, и одновременно с этим как будто огромные тиски схватили его ребра и сдавили их.

— Ух, — произнес он.

Там, впереди, он увидел не ковер, покрывающий пол, а фейерверк из искр, красных, обжигающих рот.

«Помогите, пожалуйста, мистер Рамсей», — хотел сказать Тагоми, но не смог вымолвить ни звука. Он весь подался вперед и споткнулся. И ничего не нашел вокруг, за что можно было бы ухватиться.

Падая, он сжимал в руке, засунутой в карман, серебряный треугольник, навязанный ему мистером Чилданом. «Он не спас меня, — подумал Тагоми. — И не помог мне. Все пустую».

Тело его грохнулось на пол. Задыхаясь, он ткнулся носом в ковер. К нему устремился мистер Рамсей, лопоча какую-то ерунду, чтобы самому не потерять голову.

— У меня небольшой сердечный приступ, — удалось промямлить мистеру Тагоми.

Теперь уже несколько человек оказались рядом и перенесли мистера Тагоми на диван.

— Спокойнее, сэр, — говорил кто-то.

— Уведомите жену, пожалуйста, — попросил мистер Рамсей.

Скоро донесся шум машины «скорой помощи», слышался визг ее сирены на улице И жуткая суматоха. Какие-то люди входили и выходили. Тагоми накрыли одеялом почти до самой шеи, развязали галстук и растегнули воротник.

— Теперь лучше, — кивнул мистер Тагоми.

Ему было неудобно лежать, и он даже не пытался пошевелиться. «Все равно моя карьера закончена, — решил он. — Генеральный консул, несомненно, поднимет большой шум, будет жаловаться на неучтивость, вероятно, даже на нанесенное ему оскорбление. Но в любом случае что сделано, то сделано. Да и в более важном деле мое участие закончилось. Я сделал все, что было в моих силах. Остальное — забота Токио и германских группировок. Но так или иначе борьба будет проходить без меня. А я думал, что это всего-навсего пластмассы. Важный торговец прессформами. Оракул — тот догадался, намекнул мне, а я...»

— Снимите с него рубашку, — раздался голос.

«Скорее всего, местный рвач. В высшей степени уверенный голос», — мистер Тагоми улыбнулся. Голос — это все.

А может, то, что сейчас с ним произошло, и есть ответ? Каким-то таинственным образом организм сам знает, что делать, настало время бросить работу, хотя бы временно. «Я должен с этим согласиться. Что сказал мне оракул в последний раз? Тогда, когда я обратился к нему в кабинете, где лежали те двое: мертвый и умирающий. Гексаграмма шестьдесят один. Внутренняя правда. Свины и рыбы наименее разумны из всех животных, их трудно убедить. Таков и я. Книга имела в виду меня. Никогда я не мог понять до конца происходящего: это естественно для подобных созданий. Или это и есть внутренняя правда — все то, что со мной произошло? Я подожду и увижу, в чем состоит».

* * *

В этот же день, как раз после обеда, в камеру Френка Фринка вошел полицейский и велел ему следовать в дежурку, чтобы забрать свои пожитки.

Вскоре Френк оказался на тротуаре Керни-стрит среди прохожих, спешащих по своим делам, среди автобусов, сигналиющих автомобилях, выкриков рикш. Было холодно. Длинные тени падали от зданий. Френк Фринк какое-то мгновение постоял, а затем стал машинально переходить улицу вместе с другими.

Он подумал о том, что был арестован безо всякой видимой причины. И так же безо всякой причины отпущен.

Ему ничего не объяснили, просто отдали сверток с одеждой, бумажник, часы, очки, другие личные вещи и вернулись к своим делам. Пожилой пьяница вывел его на улицу.

«Чудо, — подумал Френк, — это чудо, что меня выпустили. В какой-то мере счастливая случайность. По всем правилам, я уже давно должен был находиться на борту самолета, следующего в Германию. Я должен был уже быть на пути к уничтожению».

Он все еще не мог поверить ни в то, что его арестовали, ни в то, что его отпустили. Все это казалось нереальным. Он брел мимо закрытых лавок, переступая через всякий мусор, разносимый ветром.

«Новая жизнь, — подумал он. — Как будто заново родился, после того как побывал в аду. А теперь очутился в другом аду. Кого же мне благодарить? Может, помолиться? Хотел бы я все это понять, — сказал он себе, шагая по вечернему городу, заполненному людьми, мимо неоновых реклам, хлопающих дверей баров на Грант-авеню. — Я хотел бы постичь это. Я должен».

Но он знал, что никогда этого не поймет.

«Просто радуйся, — подумал он, — и иди дальше».

Что-то ему подсказало, что нужно возвращаться к Эду, что он должен разыскать эту мастерскую, спуститься в подвал, продолжить дело, работать, не поднимая головы, и не пытаться что-либо понять. Надо сделать уйму вещей.

Френк быстро, квартал за кварталом, пересек кутавшийся в сумерки город, изо всех сил, как можно быстрее стараясь вернуться к устойчивому, надежному месту, где он находился до случившегося и где все было понятно.

Добравшись, он увидел, что Эд Мак-Карти сидит за верстаком и закусывает. Два бутерброда, термос с чаем, банан, печенье.

Френк Фринк остановился на пороге, стараясь отдышаться.

Наконец Эд услышал его дыхание и повернулся.

— Я было подумал, что ты погиб, — проронил он.

У верстака стоял включенный небольшой электрокалорифер. Френк подошел к нему и склонился, согревая руки.

— Как я рад, что ты вернулся, — произнес Эд.

Он дважды хлопнул Френка по спине и вернулся к бутербродам. Он не сказал больше ничего. Единственными звуками были гудение вентилятора калорифера и чавканье Эда.

Положив пальто на стул, Френк набрал горсть наполовину завершенных серебряных сегментов и понес их к полировальному станку. Он насадил круг, войлочную шайбу, включил мотор, надел защитные очки и, усевшись на высокий стул, начал снимать с сегментов, одного за другим, огненную чешую.

Глава 15

Капитан Рудольф Вегенер, теперь уже путешествующий под именем Конрадо Гольпа — оптового поставщика медикаментов, смотрел в окно ракетного корабля Люфтанзы.

Впереди уже Европа.

«Как быстро, — подумал он. — Мы сделаем посадку на аэродроме Темпельхоф примерно через семь минут. Интересно, чего же я добился?»

Он глядел на то, как быстро приближается земля.

«Теперь очередь за генералом Тедечи. Что он сможет предпринять на Родных Островах? Мы, по крайней мере, сообщили ему эту информацию. Мы сделали то, что могли. Однако особых причин для оптимизма нет, — подумал он. — Вероятно, японцы ничего не смогут сделать для того, чтобы изменить курс германской внешней политики. У власти Геббельс, и скорее всего это правительство удержится. После того, как оно укрепит свое положение, оно снова вернется к идее «Одуванчика». И еще одна огромная часть планеты будет уничтожена вместе со своим населением ради сумасшедших идей фанатиков. В сущности, можно предположить, что фашисты уничтожат всю планету, оставят на ее поверхности лишь один стерильный пепел. Они на это способны: у них есть водородная бомба. Несомненно, в конце концов они так и сделают. Их образ мышления ведет к этой «Гибели богов». Возможно, они даже жаждут этого, активно стремятся к этому фатальному светопреставлению, уничтожению всего на свете. Что же он оставит после себя, этот безумный третий Рейх? Будет ли он причиной конца всей жизни на земле, любого ее проявления? И наша планету сделают мертвой планетой наши же собственные руки?»

Он не мог в это поверить.

«Даже если вся жизнь на нашей планете будет уничтожена, то должна же быть где-то еще другая жизнь, о которой мы просто ничего не знаем. Невозможно, чтобы наш мир был единственным. Должны быть и другие миры, нами не замеченные, в другой области пространства либо даже в другом измерении, и мы просто не в состоянии их постичь. Даже если я не могу доказать это, даже если это не логично, я верю в это», — сказал он себе.

Громкоговоритель объявил:

— Майнен дамен унд херрен, ахтунг, битте.

«Мы идем на посадку, — понял капитан Вегенер, — я совершенно уверен в том, что меня встретят агенты СД. Вопрос только в том — какую из группировок они будут представлять? Поддерживающую Геббельса или Гейдриха? Если допустимо, что генерал СС Гейдрих еще жив. Пока я на борту этого корабля, его могли окружить и пристрелить. Все происходит так быстро. В фашистской Германии быстро составляются пухлые списки лиц, перед которыми прежде всего большинство трепетало...»

Несколькими минутами позже, когда ракета приземлилась, он встал и двинулся к выходу, держа пальто в руке.

Перед ним и позади него были возбужденные быстрым перелетом пассажиры.

«Среди них, на этот раз нет молодого художника-нациста Лотца, который изводил меня своим мировоззрением, уместным только для кретинов».

Служащие, облаченные в такую же форму, как и у самого рейхсмаршала, как заметил Вегенер, помогали всем пассажирам спуститься по наклонному трапу на поле аэродрома.

Там, у входа в здание аэровокзала, стояла небольшая группа чернорубашечников.

«За мной?»

Вегенер стал медленно отходить от ракеты.

На балконе здания аэровокзала поджидали встречающие, многие из них размахивали руками, что-то кричали.

Отделившись от остальных, к Вегенеру подошел немигающий блондин с плоским лицом, со знаками различия морской СС, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Их битте мих цу энтшульдиген. Зинд зи вилляйхт капитен Рудольф Вегенер, фон дер Абвер?

— Извините, — ответил Вегенер. — Я — Конрад Гольц, представитель фирмы «АГ Хемикалиен» по сбыту медикаментов.

Он попытался пройти мимо.

Двое других чернорубашечников подошли к нему.

Теперь рядом с ним находились все трое, так что, хотя он и продолжал идти в избранном направлении, но уже находился под их полным контролем.

У двоих эсэсовцев под плащами были спрятаны автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал один из них, когда они все прошли в здание.

Он ничего не ответил.

— У нас здесь автомобиль, — продолжал эсэсовец. — Нам велено встретить вашу ракету, связаться с вами и немедленно отвезти к генералу СС Гейдриху, который в настоящее время вместе с Зеппом Дитрихом находится в штабе одной из дивизий СС. В особенности нас предупредили, чтобы мы не позволяли вам приближаться к каким-либо лицам из Вермахта или партийного руководства.

«Значит, меня не пристрелят, — понял Вегенер. — Гейдрих жив, находится в безопасном месте и пытается усилить свои позиции в борьбе против правительства Геббельса. Может, правительство Геббельса все-таки падет?»

Его затолкнули в ожидавший их эсэсовский штабной лимузин фирмы «Даймлер».

«Отряда флотских эсэсовцев, неожиданно ночью сменивших охрану рейхсканцелярии, вполне достаточно. Тогда же во все полицейские участки Берлина выплунут вооруженных людей СД, прежде всего чтобы захватить радиостанцию, отключить электропитание, закрыть Темпельхоф. Грохот тяжелых орудий во тьме на главных улицах. Но какое все это имеет значение? Даже если доктор Геббельс будет свергнут и операция «Одуванчик» провалится? Они все еще будут существовать, эти чернорубашечники, нацистская партия. И их безумные проекты, если не на востоке, то где-то в другом месте, на Марсе или на Венере. Неудивительно, что мистер Тагоми не смог вынести этой ужасной дилеммы нашей жизни. Что бы ни случилось, все будет злом. Для чего же тогда бороться? Зачем выбирать, если все варианты одинаковы? Очевидно, мы все-таки будем продолжать в том же духе, как и прежде, изо дня в день. В данный момент мы действуем против операции «Одуванчик». Потом мы будем бороться за то, чтобы одеть полицию. Но мы не можем сделать все сразу, должна быть определенная последовательность, непрекращающийся процесс. Мы можем только надеяться, — подумал он, — и стараться изо всех сил. Где-нибудь, в каком-нибудь другом мире, все совершенно иначе. Дело обстоит лучше: есть ясный между добром и злом. А не туманная путаница, которая затрудняет возможность выбора. У нас совсем не идеальный мир, который бы нам нравился, где легко было бы соблюдать моральные принципы. Где каждый мог бы безо всяких усилий поступать правильно, так как мог бы легко определить очевидное».

«Даймлер» рванулся вперед.

Капитана Вегенера посадили на заднее сиденье, по бокам его расположились чернорубашечники, держа на коленях автоматы.

«Предположим, что даже сейчас это какая-то хитрость, — решил Вегенер, ощущая, как лимузин на высокой скорости пронесется по берлинским улицам, — что меня везут не к генералу СС Гейдриху, находящемуся в штабе одной из дивизий, а в какую-нибудь из партийных тюрем, где меня изувечат и в конце концов убьют. Но я сделал выбор: я предпочел вернуться в Германию, избрал рискованный путь, связанный с тем, что меня могут схватить до того, как я доберусь до людей Абвера и окажусь под их защитой. Смерть в любое мгновение — вот единственная дорога, открытая для нас в любой точке. И тем не менее мы выбираем ее, несмотря на опасность. Либо же мы сдаемся и отступаем».

Он смотрел на пронесившиеся мимо берлинские здания.

«Мой родной фольк — родной народ: ты и я, снова мы вместе».

Обратившись к эсэсовцам, он поинтересовался:

— Как дела в Германии? Есть что-нибудь свеженькое в политической ситуации? Я не был здесь несколько недель, уехал еще до смерти Бормана.

— Естественно, истерические толпы поддерживают маленького доктора, — ответил сидевший справа от него эсэсовец. — Именно толпа и вознесла его на пост канцлера. Однако не очень-то похоже на то, когда возобладают трезвомыслящие, они захотят поддерживать это ничтожество и демагога, который и держится только тем, что разжигает массы своим враньем и заклинаниями.

— Понимаю, — сказал Вегенер.

«Все продолжается, — осознал он, — междоусобица. Вероятно, именно в этом — семена будущего. Они в конце концов пожрут друг друга. Нас же недостаточно, чтобы еще раз отстроиться и жить своими немногочисленными, маленькими стремлениями».

* * *

В час дня Юлиана Фринк наконец добралась до Шайенна.

В центре города, напротив огромного здания старого паровозного депо, она остановилась у киоска и купила две утренних газеты.

Стоя в машине, она просматривала газеты, пока не нашла наконец то, что искала: «Отпуск заканчивается смертельным ранением». Разыскивается для допроса по поводу смертельной раны, нанесенной ее мужу в роскошном номере отеля «Президент Гарнер» в Денвере, миссис Джо Чинаделла из Канон-Сити, уехавшая, по показаниям служащих отеля, немедленно после того, что, должно быть, послужило трагической развязкой супружеской ссоры. В номере были найдены лезвия бритвы, которыми, как назло, снабжаются постояльцы отеля в виде дополнительной услуги. Ими-то, по всей видимости, и воспользовалась миссис Чинаделла, которую описывают как смуглую, стройную, хорошо одетую женщину в возрасте около тридцати лет. Тело ее мужа было найдено Теодором Феррисом, служащим гостиницы, получасом ранее забравшем сорочки у Чинаделлы и, как ему было велено, пришедшим, чтобы вернуть их владельцу выглаженными. Он стал первым свидетелем вызывающей сцены. Как сообщает полиция, в номере отеля найдены следы борьбы, указывающие на то, что окончательным аргументом...»

«Значит, он мертв», — подумала Юлиана и сложила газету.

Полиция не знала ее настоящего имени. Они не знали, кто она.

Теперь уже не такая взволнованная, Юлиана поехала дальше, пока не нашла подходящую гостиницу.

Здесь она получила номер и занесла туда багаж, вынув его из автомобиля.

«Теперь мне не нужно спешить, — убедила она себя. — Я могу даже подождать до вечера и только тогда пойти к Абендсену. В этом случае мне представится возможность надеть мой новое платье. В нем просто не полагается показываться днем — такие платья надевают только в сумерки. И я могу спокойно закончить чтение книги».

Она расположилась поудобнее в номере, включила радио, принесла из буфета кофе и взобралась на тщательно застеленную кровать со своим новым, нечитанным, чистеньким экземпляром «Саранчи», купленным в книжном киоске отеля в Денвере.

Не выходя из номера, к четверти седьмого она дочитала книгу.

«Интересно, добрался ли до ее конца Джо? В ней много такого, что он вряд ли понял, что хотел сказать Абендсен. Ничего о выдуманном мире. Разве я единственная, кто понимает это? Держу пари, что я права: никто так не понимает «Саранчу», как я. Они только все воображают, что понимают по-настоящему».

Все еще слегка потрясенная, она уложила книгу в саквояж, надела пальто и вышла из мотеля, чтобы где-нибудь пообедать.

Чистый свежий воздух бодрил ее, а вывески и реклама Шайенна как-то по-особенному волновали.

Перед входом в один из баров ссорились две хорошенькие черноглазые проститутки-индианки.

Юлиана с любопытством остановилась.

Автомобили, огромные, сверкающие, пронеслись мимо нее по улицам, все окружающее дышало атмосферой праздности, ожидания, глядело в будущее куда охотнее, чем в прошлое с его затхлостью и запустением, с его обносками и выброшенным старьем.

В дорогом французском ресторане, где на каждом столе стояла зажженная свеча в большом бокале для вина и масло подавалось не кубиками, а набитое в круглые белые фарфоровые масленки, Юлиана с нескрываемым наслаждением пообедала, а затем, располагая еще массой свободного времени, медленно прогулялась к своему отелю.

Банкнот рейхсбанка у нее почти не оставалось, но она не придавала этому значения.

Это мало ее заботило.

«Он поведал нам о нашем собственном мире», — думала она.

Юлиана отперла дверь своего номера.

«Об этом самом мире, который сейчас вокруг нас», — напевала она.

В номере она снова включила радио.

«Он хочет, чтобы мы увидели его таким, каким он является на самом деле. Я вижу его, и с каждым мгновением многие другие начинают прозревать и видеть его».

Вынув из коробки голубое итальянское платье, Юлиана тщательно разложила его на кровати.

Оно ничуть не было испорчено. Все, что нужно было сделать, — это хорошенько пройти щеткой.

Но, открыв другие пакеты, она обнаружила, что не привезла из Денвера ни одного из своих шикарных полубюстгальтеров.

— Ну и черт с ними, — решила Юлиана.

Она погрузилась в кресло и закурила сигарету.

Может она сможет надеть платье с обычным лифчиком?

Юлиана сбросила кофту и юбку и попробовала надеть платье.

Но бретельки от лифчика были видны, и к тому же торчали его верхние края, поэтому Юлиана отбросила эту мысль.

«А может, — подумала она, — пойти вообще без лифчика?»

Такого с ней не случилось уже много лет.

Это напомнило ей былые дни в старших классах школы, когда у нее были очень маленькие груди. Это даже очень беспокоило ее тогда.

Но потом, по мере взросления и благодаря занятиям дзюдо, размер груди у нее значительно увеличился.

Тем не менее она попробовала надеть платье без бюстгальтера, встав на стул в ванной, чтобы видеть себя в зеркале.

Платье сидело на ней потрясающе, но, боже милостивый, слишком рискованно было его так носить.

Стоило ей только пригнуться, чтобы вынуть сигарету или отважиться на то, чтобы выпить, — и могла случиться беда.

Булавка!

Она могла бы надеть платье без лифчика, собрав переднюю часть булавкой.

Юлиана вынула из коробки свои украшения, которыми она владела долгие годы.

Некоторые подарил ей Френк, некоторые — другие мужчины еще до замужества.

Среди них нашлась и та небольшая серебряная булавка в виде лошадиной головы, которую купил ей Джо в Денвере.

Вполне подойдет.

«Я сейчас рада чему угодно», — подумала она.

Произошло так много плохого, так мало осталось от прежних замечательных планов и надежд.

Она энергично расчесала волосы, так что они стали красиво блестеть, и ей осталось только выбрать туфли и серьги.

Затем она надела пальто, взяла с собой новую кожаную сумочку, и вышла из номера.

Она попросила хозяина мотеля вызвать по телефону такси, и пока она ждала в вестибюле, ей неожиданно пришла в голову мысль позвонить Френку.

Почему ей это стукнуло в голову, она так и не могла понять, но идея застряла в голове.

А почему бы и нет?

Она могла бы и не платить за разговор. Френк был бы настолько рад и ошеломлен тем, что слышит ее голос, что сам с удовольствием заплатил бы.

Она с восторгом прислушивалась, как телефонистки междугородных станций переговаривались между собой, стараясь установить для нее связь.

Далекая отсюда телефонистка из Сан-Франциско звонила в справочную по поводу номера, затем раздался треск и щелчки, и наконец послышались длинные гудки.

— Ваш абонент не отвечает, — сообщила ей телефонистка в Шайен-не. — Мы повторим вызов через некоторое время, позже, и...

— Не нужно.

Юлиана покачала головой. Ведь это был всего лишь мимолетный каприз.

— Меня здесь не будет. Спасибо.

Она положила трубку. Хозяин мотеля стоял неподалеку и следил за тем, чтобы по ошибке плата за разговор не была перечислена на его счет. Юлиана быстро вышла из мотеля на холодную, темную улицу. Она оставалась там и стала ждать.

К тротуару подрулил сверкающий новый автомобиль и остановился.

Дверь кабины открылась, и водитель поспешил к ней.

Через мгновение она уже роскошно устроилась на заднем сиденье такси, направлявшегося через центр к дому Абендсена.

* * *

Во всех окнах Абендсена горел свет. Оттуда доносились музыка и голоса.

Это был одноэтажный оштукатуренный дом с довольно приличным садом из вьющихся роз и живой изгородью.

Идя по дорожке, Юлиана подумала: «А смогу ли я попасть туда?» Неужели это и есть Высокий Замок? А какие ходят слухи и сплетни! Дом вполне обыкновенный, в хорошем состоянии, сад ухожен. На длинной асфальтовой дорожке стоял даже детский трехколесный велосипед.

А может, это совсем не тот Абендсен?

Она нашла адрес в телефонной книге Шайенна, и номер телефона совпадал с тем, по которому она звонила вчера вечером из Грили.

Юлиана вошла на крыльцо, огороженное литой ажурной железной решеткой, и нажала кнопку звонка.

Через полуоткрытую дверь виднелась гостиная: фортепиано, камин, книжные шкафы, толпились люди.

«Отличная обстановка, — оценила Юлиана. — Там вечеринка?»

Но одеты они были не для этого.

Взъерошенный мальчик лет тринадцати, в тенниске и джинсах, широко распахнул дверь.

— Да?

— Это дом мистера Абендсена? — спросила Юлиана. — Он сейчас занят?

Обращаясь к кому-то в доме, мальчик крикнул:

— Мам, она хочет видеть папу!

Рядом с мальчиком возникла женщина с каштановыми волосами, лет тридцати пяти, с решительными, немигающими серыми глазами и улыбкой, настолько уверенной и безжалостной, что Юлиана сразу же поняла, что перед ней Каролина Абендсен.

— Это я звонила вам вчера вечером, — пояснила Юлиана.

— О да, конечно.

Улыбка ее стала еще шире.

У нее были отличные белые ровные зубы. Юлиана решила, что она ирландка.

Только ирландская кровь могла придать такую женственность этой челюсти.

— Позвольте взять ваши сумочку и шубу. Вам очень повезло: у нас сегодня друзья. Какое прелестное платье! Из дома моделей Керубини, не так ли?

Она провела Юлиану через гостиную в спальню, где сложила вещи Юлианы вместе с другими на кровать.

— Муж где-то здесь. Ищите высокого мужчину в очках, пьющего как было принято в старину.

Глаза ее вдруг наполнились светом, губы изогнулись.

«Мы так хорошо понимаем друг друга, — поняла Юлиана. — Разве это не удивительно?»

— Я проделала долгий путь, — пояснила она.

— Да, я понимаю. Сейчас я сама поищу его.

Каролина Абендсен снова провела ее в гостиную и подвела к группе мужчин.

— Дорогой, — позвала она, — подойди сюда. Это одна из твоих читательниц, которой не терпится сказать тебе несколько слов.

Один из мужчин отделился от группы и подошел к Юлиане, держа в руке бокал.

Перед ней стоял чрезвычайно высокий мужчина с черными курчавыми волосами. Кожа его была смуглой, а глаза казались пурпурными или карими, едва отличавшимися по цвету от оправы очков, за которыми скрывались.

На мужчине был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной ткани, скорее всего из английской шерсти.

Костюм нигде не морщил, еще больше увеличивая ширину его дюжих плеч.

Юлиана не могла отвести взгляда.

— Миссис Фринк целый день ехала из Канон-Сити, Колорадо, только для того, чтобы поговорить с тобой о «Саранче», — сообщила Каролина.

— Я думала, что вы живете в крепости, — вымолвила Юлиана.

Пригнувшись, чтобы лучше разглядеть ее, Готорн Абендсен задумчиво улынулся.

— Да, мы жили в крепости, но нам приходилось подниматься к себе на лифте, и у меня возник навязчивый страх. Я был изрядно пьян, когда почувствовал этот страх, но, насколько я помню сам и судя по рассказам других, я отказался ступить в лифт потому, что мне показалось, что трос лифта поднимает сам Иисус Христос. Ну и всех нас заодно. И поэтому я решил не заходить в лифт.

Юлиана ничего не поняла, но Каролина ей объяснила:

— Готорн говорил, насколько я могла разобраться, что как только он в конце концов встретится с Христом, он сядет: стоять он не собирается. А в лифте сесть было не на что.

«Это из церковного гимна», — вспомнила Юлиана.

— Значит, вы бросили Высокий Замок и переехали назад в город? — спросила она.

— Я бы хотел налить вам чего-нибудь.

— Пожалуйста, — согласилась Юлиана. — Только чего-нибудь нынешнего, не древнего.

Она уже мельком увидела несколько бутылок виски высшего качества, рюмки, лед, миксеры, настойки, ликеры и апельсиновый сок.

— Чистого «Хорнера» со льдом, — попросила она. — Мне всегда нравился этот сорт. Вы знакомы с оракулом?

— Нет, — ухмыльнулся Готорн, готовя напиток.

Она удивленно уточнила:

— С «Книгой перемен»?

— Нет, — повторил он и передал ей бокал.

— Не дразни ее, — потребовала Каролина Абендсен.

— Я прочла вашу книгу, — сказала Юлиана. — В сущности, я дочитала ее сегодня вечером. Каким образом вы узнали об этом другом мире, о котором вы написали?

Абендсен потер верхнюю губу, хмуро глядя куда-то за ее спину.

— Вы пользовались оракулом? — поинтересовалась Юлиана.

Готорн взглянул на Юлиану.

— Я не хочу, чтобы вы дурачились или отшучивались, — предупредила Юлиана. — Скажите мне прямо, не пытайтесь изображать что-нибудь остроумное.

Покусывая губу, Готорн уставился на пол. Обняв себя руками, он покачивался на каблуках взад-вперед.

Остальные, собравшиеся в комнате, притихли.

Юлиана заметила, что их лица изменились.

Теперь они уже не казались такими беззаботными, после того как она произнесла свои слова. Но она не попыталась ни смягчить их, ни взять назад.

Она не притворялась.

Это было слишком важно.

Она совершила такой длинный путь и так много сделала, что теперь могла требовать от него правду и только правду.

Он уже не был вежливым, не был радушным хозяином.

Юлиана заметила краем глаза, что у Каролины было выражение едва сдерживаемого раздражения.

Она плотно сжала губы и больше не улыбалась.

— В вашей книге, — добавила Юлиана, — вы показали, что существует выход. Разве вы не это имели в виду?

— Выход? — иронически повторил Готорн.

— Вы очень много сделали для меня, — продолжала Юлиана. — Теперь я понимаю, что не нужно чего-либо бояться, жаждать, не нужно ненавидеть кого-либо или избегать и преследовать недругов.

Он взглянул ей в лицо, вертя в руках бокал, и, казалось, изучал ее.

— Мне кажется, что многое в этом мире стоит свеч.

— Я понимаю, что происходит у вас в голове, — кивнула Юлиана.

Она больше не ощущала себя такой, какой была прежде.

— В деле, заведенном на вас в гестапо, говорится, что вас привлекают женщины, подобные мне.

Абендсен не изменил выражения лица и проговорил:

— Гестапо не существует с тысяча девятьсот сорок седьмого года.

— Тогда, значит, СД или что-то в этом роде.

— Объясните, пожалуйста, — резко попросила Каролина.

— Обязательно, — ответила Юлиана. — Я до самого Денвера ехала с одним из них. Они со временем собираются показаться и здесь. Вам следует переехать в такое место, где они не смогут вас найти, а не держать дом открытым, как сейчас, позволяя всем, кому заблагорассудится, входить сюда. Следующий, кто сюда доберется — ведь не обязательно найдется кто-то вроде меня, кого можно будет остановить, — сможет...

— Вы сказали «следующий», — проговорил Абендсен после небольшой паузы. — А что же случилось с тем, кто ехал вместе с вами до Денвера? Почему он не добрался?

— Я перерезала ему горло, — ответила Юлиана.

— Это уже что-то, — согласился Готорн. — Чтобы такое сказала девушка, которую я никогда в жизни раньше не видел...

— Вы мне не верите?

Он кивнул.

— Конечно, верю. — Готорн улыбнулся ей ласково, даже нежно. По-видимому, ему и в голову не пришло ей не поверить. — Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них, — попросила Юлиана.

— Что ж, — ответил он, — как вам известно, мы уже пробовали. Вы могли прочесть об этом на обложке книги — все об арсенале и

проволаке под напряжением. Мы велели напечатать это, чтобы создалось впечатление, что мы до сих пор предпринимаем все меры предосторожности.

Голос его звучал устало и сухо.

— Ты мог бы хоть носить при себе оружие, — заметила жена. — Я уверена, что когда-нибудь кто-то, кого ты пригласишь, пристрелит тебя. Какой-нибудь фашистский профессионал отомстит тебе, а ты станешь все так же рассуждать на темы морали. Я это чувствую.

— Они доберутся, — признал Готорн, — если захотят, независимо от того, будет ли проволака под напряжением в Высоком Замке или нет.

«Вот какой у вас фатализм, — подумала Юлиана, — такая покорность перед опасностью. Вы об этом знаете точно так же, как знаете о мире из вашей книги».

Вслух же она проговорила:

— Вашу книгу написал оракул. Не так ли?

— Вы хотите услышать правду? — задал вопрос Готорн.

— Да, хочу и имею на это право, — объявила Юлиана, — за все то, что я сделала. Разве не так? Вы же знаете, что это так.

— Оракул, — сознался Абендсен, — спал мертвым сном все то время, пока я писал эту книгу, мертвым сном в углу кабинета.

В глазах его не было и следа насмешки. Напротив, лицо его вытянулось, стало еще более угрюмым, чем прежде.

— Скажи ей, — вмешалась в разговор Каролина, — что она права. Она имеет право на это, за то, что совершила ради тебя.

Обращаясь к Юлиане, она произнесла:

— Тогда я скажу вам, миссис Фринк. Готорн перебрал тысячи вариантов с помощью строчек. Исторический период. Темы, характеры, сюжеты. Это отняло у него годы. Готорн даже спросил у оракула, какого рода успех его ожидает. Оракул ответил, что будет очень большой успех, первый настоящий успех за всю его карьеру. Так что вы правы. Вы, должно быть, и сами воспользовались оракулом для того, чтобы узнать это.

— Меня удивляет, зачем это оракулу понадобилось написать роман, — пояснила Юлиана. — Спрашивали ли вы у него об этом? И почему именно роман о том, что германцы и японцы проиграли войну? Почему именно эту историю, а не какую-нибудь иную. Разве он не может сказать об этом непосредственно, как говорил всегда прежде? Или это должно быть что-то другое, как вы думаете?

Ни Готорн, ни Каролина не проронили ни слова, слушая ее.

Наконец Готорн прервал молчание:

— Он и я давным-давно пришли к соглашению относительно своих возможностей. Если я спрошу у него, почему он написал «Саранчу», я полажу с ним, возвратив ему свою долю. Ведь я ничего не сделал, если не считать, что печатал на машинке. А это будет с одной стороны неверно, а с другой — нескромно.

— Я сама спрошу у него, — объявила Каролина, — если ты не возражаешь.

— Разве это ты задала вопрос? — прервал ее Готорн. — Пусть уж лучше спросит она.

Обернувшись к Юлиане, он заметил:

— У вас какой-то сверхъестественный ум. Вы об этом знаете?

— Где ваш оракул? — поинтересовалась Юлиана. — Мой остался в автомобиле в отеле. Я возьму ваш, если позволите. Если же нет, то вернусь за своим.

Готорн вышел из гостиной и через несколько минут вернулся с двумя томами в черном переплете.

— Я не пользуюсь тысячелистником, — предупредила Юлиана. — Мне не удастся сохранить полную связь, я все время теряю стебельки.

Юлиана села на кофейный столик в углу гостиной.

— Мне нужна бумага, чтобы записать вопросы, и карандаш.

Все подошли к ним поближе и образовали что-то вроде кольца вокруг нее и Абендсена, наблюдая за ними и прислушиваясь.

— Вы можете задавать вопросы вслух, — предложил Готорн. — У нас здесь нет друг от друга секретов.

— Оракул, — спросила Юлиана, — зачем ты написал книгу «Саранча садится тучей»? О чем мы должны были узнать?

— У вас приводящий в замешательство, суеверный способ изложения вопроса, — заметил Готорн.

Он присел, чтобы лучше видеть, как падают монеты.

— Давайте, — сказал он.

Он передал ей три старинные китайские монеты из меди с отверстиями в центре.

— Обычно я пользуюсь этими монетами.

Юлиана начала бросать монеты. Она чувствовала себя спокойной и свободной.

Готорн записывал выпадающие строчки.

Когда она шесть раз бросила монеты, Юлиана взглянула на записи и спросила:

— Вы знаете, какая получится гексаграмма? Не пользуясь картой.

— Да, — ответил Готорн.

— Чанг Фе, — констатировала Юлиана. — Внутренняя правда. Я знаю это, не заглядывая в карту, как и вы. И я знаю, что она означает.

Подняв голову, Готорн пристально посмотрел на нее.

У него было почти дикое выражение лица.

— Она означает, что все, о чем сказано в моей книге, — правда?

— Да, — подтвердила Юлиана.

— Что Германия и Япония потерпели поражение? — уточнил он.

— Да, — повторила Юлиана.

Тогда Готорн захлопнул оба тома и выпрямился.

Долгое время он молчал.

— Даже вы не можете смело посмотреть в лицо правде, — проговорила Юлиана.

Он какое-то время размышлял над ее словами. Взгляд его стал совершенно пустым, и Юлиана обратила на это внимание. Она поняла, что Готорн ушел внутрь себя. Затем его взор снова прояснился, и он улыбнулся:

— Я ни в чем не уверен.

— Верьте, — подтвердила Юлиана.

Готорн мотнул головой.

— Не можете? — спросила Юлиана. — Вы уверены в этом?

— Хотите, чтобы я поставил автограф на вашем экземпляре? — он встал.

Она тоже поднялась.

— Думаю, мне пора уходить, — объяснила Юлиана. — Большое спасибо. Извините, что я испортила вам вечер. С вашей стороны было так любезно принять меня.

Пройдя мимо него и Каролины, она направилась мимо гостей к двери в спальню, где находились ее вещи.

Когда она надевала на себя шубу, рядом оказался Готорн.

— Вы знаете, кто вы?

Он повернулся к Каролине, стоявшей рядом с ним.

— Эта девушка просто какой-то демон, маленький дух из преисподней, который... без устали рыщет по лику Земли. Она поступает всегда инстинктивно. У нее и в мыслях не было показаться здесь или причинить кому-то вред. Это просто так получилось у нее. Я рад, что она пришла, и ничуть не жалею, что узнал об откровении, которое помогла ей постичь книга. Она не знала, что ей предстоит здесь делать и что обнаружить. Я думаю, что всем нам в чем-то повезло. Так что не будем на нее сердиться. Ну как, о'кей?

— Она несет в себе чудовищный дух разрушения, — проговорила Каролина.

— Такова реальность, — добавил Готорн и протянул Юлиане руку.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Слушайте свою жену, по крайней мере, не расставайтесь с каким-нибудь оружием.

— Нет, — ответил он. — Я решил так давным-давно. Я не хочу, чтобы это меня беспокоило. Я могу положиться на оракула и сейчас и потом, если меня станут тревожить страхи, особенно ночью. Положение не так уж и скверно.

Он слегка улыбнулся.

— Фактически, меня беспокоит сейчас больше всего то, что, пока мы здесь беседуем, эти бездельники, которые околачивались возле нас и прислушивались к каждому нашему слову, вылакают все спиртное в доме.

Повернувшись, он большими шагами направился к буфету, чтобы бросить в свой бокал свежий кусочек льда.

— Куда же вы теперь? — спросила Каролина.

— Не знаю.

Это мало тревожило Юлиану.

«Я, должно быть, очень похожа на него, — решила Юлиана. — Не позволяю себе беспокоиться о некоторых вещах, какими бы серьезными они ни казались».

— Возможно, я вернусь к своему мужу, Френку. Я пыталась созвониться с ним сегодня вечером. Возможно, я попробую еще раз. В зависимости от настроения и состояния.

— Несмотря на то, что вы для нас сделали...

— Вы хотите, чтобы я больше никогда не появлялась в вашем доме? — уточнила Юлиана.

— Если вы спасли жизнь Готорна, то это ужасно с моей стороны, но я настолько внутренне разбита, что не могу постичь того, что вы сообщили и что ответил Готорн.

— Как странно, — размышляла вслух Юлиана. — Я бы никогда не подумала, что правда может так сильно вас рассердить.

«Правда, — подумала Юлиана, — такая же ужасная, как смерть. Но откопать ее гораздо труднее. Мне повезло».

— Я полагаю, что вам будет так же приятно, как мне. — Это недоразумение, не так ли? — Юлиана улыбнулась.

После некоторого молчания миссис Абендсен удалось улыбнуться.

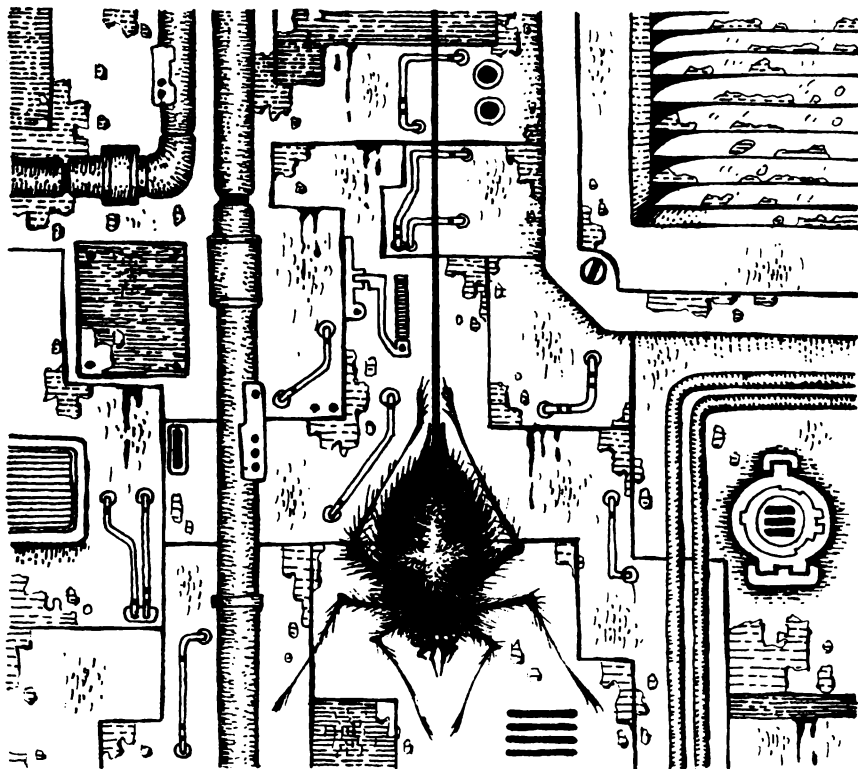
— Что ж, в любом случае спокойной ночи.

Спустя миг Юлиана вышла на дорожку, освещенную окнами гостиной, и окунулась во мрак ночной улицы.

Она не оглянулась на дом Абендсена, отыскивая взглядом такси, чтобы вернуться в мотель.

РОМАН

МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРОВОЦАХ

Один

Легкий веселый электроимпульс, выданный автоматическим будильником, стоявшим рядом с кроватью, разбудил Рика Декарда. Он удивился — он каждый раз удивлялся, обнаружив, что вдруг проснулся. Он поднялся с кровати, не поправляя своей многоцветной пижамы, и потянулся. В эту же минуту и его жена Ирен, спавшая на другой кровати, открыла серые невеселые глаза, моргнула, потом горько простонала и снова зажмурилась.

— Ты очень слабо настраиваешь свой «пенфилд», — сказал ей Рик. — Давай я перенастрою, ты проснешься, и...

— Не прикасайся к моей настройке.

В ее голосе звучала горечь.

— Я не хочу просыпаться...

Рик присел к ней на кровать, наклонился и тихо, терпеливо объяснил:

— Если ты настроишь импульс достаточно высоко, то сразу обрадуешься тому, что проснулась. В этом-то все дело. На отметке «С» он преодолевает порог подсознания, смотри, как я делаю.

Он дружелюбно (его стимулятор был настроен на отметку «Д», он почувствовал расположение ко всему окружающему миру) похлопал ее по бледному обнаженному плечу.

— Убери свои кривые лапы, легавый, — проговорила Ирен.

— Я не легавый.

Теперь он испытывал раздражение, хотя и не перенастраивал регулятор.

— Ты еще хуже, — сказала жена.

Она по-прежнему не открывала глаза.

— Ты убийца, нанятый легавыми.

— Я никогда не убивал ни одного человека.

Раздражение Рика возросло, перерастая в откровенную враждебность.

— Да, только этих бедных анди, — проронила Ирен.

— Как я заметил, ты никогда не испытываешь мук совести, тратя деньги, которые я приношу. Что-нибудь сразу привлекает твое внимание.

Он поднялся и подошел к пульту управления своего стимулятора.

— Нет, чтобы откладывать деньги, — упрекнул Рик, — купить настоящую овцу вместо той электрической, наверху. Всего лишь электрическая овца! И это при том заработке, которого я добился за эти годы.

Стоя перед пультом, он колебался, не зная, какую ручку подкрутить — таламический клапан, который погасил бы чувство гнева, или таламический стимулятор. Он бы взвинтил его в достаточной мере, и Рик победил бы в споре.

— Если ты выберешь усиление интенсивности, — объявила Ирен, — то я сделаю то же самое.

Она открыла глаза и наблюдала за ним.

— Я наберу максимум, и ты получишь такую драку, что все наши ссоры по сравнению с ней просто чепуха. Набирай, набирай... попробуй.

Ирен быстро вскочила с постели, подбежала к пульту своего стимулятора и остановилась, испепеляя взглядом мужа.

Он вздохнул — ее угроза нанесла решающий удар.

— Я наберу то, что стоит у меня в расписании на сегодня.

Сверившись с расписанием на 3 января 1992 года, он увидел, что ему требуется сегодня деловое настроение.

— Если я стану действовать в соответствии с расписанием, — спросил он осторожно, — ты сделаешь то же самое?

Рик подождал, он знал, что ему нельзя выдавать себя сразу. Жена должна убедиться, что он ей предложил верное решение.

— Мое расписание на сегодня включает шесть часов депрессии, с уклоном к самобичеванию, — объявила Ирен.

— Как? Зачем ты составила такое расписание?

Такая программа сводила на нет само предназначение стимулятора.

— Я даже не знал, что ты можешь так его настроить, — уныло проронил Рик.

— Однажды я сидела здесь перед телевизором, — проговорила Ирен, — и смотрела передачу с Бастером Дружби и его Дружелюбными друзьями. Он как раз объявил, что сейчас расскажет нам новую грандиозную новость, как вдруг передачу прервала реклама, одна из тех, которую я больше всего ненавижу. Ну, ты знаешь, об этих свинцовых гульфиках фирмы «Скалистый берег». Вот я и выключила звук на минуту. И я услышала... все это здание. Я услышала...

Она помахала рукой.

— Пустые квартиры, — подсказал Рик.

Иногда ночью, когда он должен был спать, он тоже слышал эту тишину. Их наполовину занятый многоквартирный дом ценился сейчас высоко. А в районах, которые перед войной являлись пригородом, можно было найти совершенно пустые здания. Во всяком случае, до него доходили подобные слухи.

Как и большинство других людей, он решил проверить эту информацию самостоятельно.

— В тот момент, — продолжала Ирен, — когда я выключила звук телевизора, я была в настроении номер триста восемьдесят два. Я только перед этим набрала шифр. Первоначальной моей реакцией была благодарность — хорошо, что мы можем позволить себе стимулятор Пенфилда. Но потом я поняла, насколько это неестественно и противоречит здравому смыслу — чувствовать отсутствие жизни повсюду и никак на это не реагировать. Ты понимаешь? Наверное, ты не понимаешь этого. Но когда-то это считалось признаком психического заболевания. «Отсутствие соответствующего аффекта» — так это называлось. Поэтому я не стала включать

звук телевизора, а села к пульту моего стимулятора и начала экспериментировать и наконец нашла эту отчаянную комбинацию. На ее смуглом лице отразилось удовлетворение, как будто она добилась чего-то необыкновенного.

— Я поставила эту комбинацию в свое расписание. Это будет осуществляться два раза в месяц. Думаю, что вполне достаточно, чтобы испытать в разумных пределах безнадежное отчаяние. Ведь мы остались до сих пор на Земле, а все люди с головы на плечах давно эмигрировали.

— Я тебя понимаю, — кивнул Рик, — легко ли остаться в таком настроении надолго и даже не пытаться набрать другую комбинацию. Отчаяние само по себе может продолжаться очень долго.

— Я программирую автоматическую перенастройку через каждые три часа, — елеинным голосом сообщила жена. — Четыреста восемьдесят один. Осознание многих возможностей, открытых для меня в будущем, новая надежда...

— Я знаю, что такое четыреста восемьдесят один, — проронил Рик.

Он не один раз накручивал эту комбинацию. И очень полагался на нее.

— Послушай, — предложил Рик.

Он присел на постель.

— Даже с автоматическим переключателем очень опасно подвергать себя депрессии любого рода. Забудь о своей настройке, а я забуду о своей. Мы оба наберем сто четыре, испытаем этот номер, потом я настрою на обычный деловой тон, а ты останешься в той же тональности. Потом я отправлюсь на работу. И буду знать, что ты не сидишь мрачная перед телевизором.

Он прошел из просторной спальни в гостиную, где в воздухе еще не выветрился запах вечерних сигарет. Он нагнулся к телевизору, чтобы выключить его.

Из спальни донесся голос Ирен.

— До завтрака не переносу телевизора.

— Набери восемьсот восемьдесят восемь, — посоветовал Рик, пока телевизор нагревался. — Желание смотреть телевизор независимо от передачи.

— Мне вообще не хочется набирать что-либо, — объяснила Ирен.

— Тогда набери три, — предложил Рик жене.

— Я не могу настраивать стимулятор на возбуждение коры головного мозга. Это вызовет желание набирать новые комбинации. А если я не хочу набирать, то уже это означает, что я не собираюсь вообще прикасаться к настройке. Ведь это заставит меня вновь и вновь набирать комбинации, а это для меня сейчас самое худшее. Можно просто сидеть вот так на кровати и смотреть на пол.

В ее голосе появилось уныние и отчаяние. Ее душа словно застыла и перестала воспринимать окружающее, будто огромная тяжесть окутала Ирен.

Рик включил звук телевизора, и в комнате загудел голос Бастера Дружби, заполняя пустое пространство.

— Ха-ха, парни! Теперь пора объявить короткую сводку погоды на сегодня. Спутник «Мангуста» докладывает, что осадки достигнут максимума к полудню, затем уровень их начнет снижаться. Поэтому, если кто-то из вас, ребята, собирается отправиться на...

Рядом с Риком появилась Ирен, шурша волочившимся по полу ночным халатом.

Она выключила телевизор.

— Хорошо, сдаюсь. Я согласна. Я наберу все, что ты хочешь. Экстатический сексуальный порыв... Мне так плохо, что я даже это готова выдержать. Какая, в общем-то, разница.

— Я накручу и для тебя, — предложил Рик.

Он повел ее обратно в спальню. Там для Ирен он набрал комбинацию пятсот девяносто четыре: радостное восприятие мудрого мужа по проблемам любого рода. На собственном аппарате он набрал нестандартный творческий подход к работе, хотя едва ли в этом была необходимость. Он всегда именно так относился к своей работе, даже не прибегая к искусственной мозговой стимуляции.

После спешного завтрака — он потерял время, споря с женой, — Рик в полном облачении, включавшем свинцовый гульфик модели «Аякс» фирмы «Скалистый берег», поднялся на крышу. Там их овца пощипывала траву, стимулируя удовольствие и втирая очки остальным жильцам дома.

Конечно, некоторые из этих животных тоже управлялись электрическими приборами. Рик, конечно, никогда не совал носа в чужие дела, как, впрочем, и остальные соседи, поэтому он не слишком интересовался истинной природой организма его овцы.

Было верхом бестактности спросить у кого-либо: «У вас настоящая овца?» Это было бы даже хуже, чем усомниться в натуральной природе зубов, волос или внутренних органов соседа.

Утренний воздух, загрязненный радиоактивными пылевыми частицами, приглушающими блеск солнца, поразил обоняние Рика. Он невольно чихнул, избавляясь от слабого запаха смерти.

Рик пробирался к своему собственному участку почвы, которым он владел вместе со слишком большой квартирой, и размышлял об окружающем его мире. Люди после Последней Мировой Войны значительно утратили свои потенциальные возможности. Те, кто были не в силах пережить эту радиоактивную пыль, умирали и предавались забвению. И теперь поредевшая пыль сражалась с немногими выжившими, а значит, и умевшими ей противостоять. Теперь она была способна воздействовать лишь на состояние сознания и здоровье генов наследственности.

Несмотря на свинцовый гульфик, эта пыль наверняка просочилась в его организм, накапливаясь в нем, поскольку он все еще не эмигрировал. Правда, медицинские проверки, проводившиеся каждый месяц, относили Рика к разряду «регуляторов», то есть людей, имеющих право воспроизводить свой род в рамках снисходительных законов. Но в любой момент эти проверки, производившиеся врачами Департамента Полиции Сан-Франциско, могли выявить обратное. Основным лозунгом правительства, благодаря плакатам, рекламе, экранам телевизоров и государственной системе почтовой информации, стал: «Мигрируй или дегенерируй! Выбирать тебе».

«Очень верно», — подумал Рик, отпирая калитку, ведущую на его личный маленький лужок, и приближаясь к электрической овце. «Но я не могу эмигрировать, — объяснил он себе, — из-за моей работы».

Его приветствовал владелец соседнего пастбища, сосед по дому Билл Барбур. Он, как и Рик, был одет в деловой костюм. Билл остановился по дороге на работу проверить, как поживает его животное.

— Моя лошадка, — объявил сияющий Барбур, — забеременела.

Он показал на крупного першерона, задумчиво уставившегося в пространство.

— Что скажете?

— Скажу, что скоро у нас будет две лошадки, — улыбнулся Рик.

Он уже подошел к овце. Та лежала, пережевывая жвачку, не спуская с Рика внимательных глаз на случай, если он вдруг принес ей овсяную лепешку. Эта овца имела встроенный контур питания. При виде данного овса или изделия из него она бы очень натурально вскочила и поспешила бы к Рiku.

— А от чего она забеременела? — спросил он Барбура. — От ветра?

— Я специально купил порцию оплодотворяющей плазмы самого высокого качества, какую только можно достать в Калифорнии, — сообщил Барбур. — Через личных друзей в Госдепартаменте животного хозяйства, — уточнил он. — Вы разве не помните, на прошлой неделе их инспектор приходил осматривать Джуди. Они очень хотят получить ее жеребенка — Джуди у меня высший класс.

Барбур с любовью похлопал лошадь по шее, и она наклонилась к нему голову.

— Вы не желаете ее продать? — поинтересовался Рик.

О, боже, как бы ему хотелось иметь лошадь или вообще какое-нибудь животное! Владеть и ухаживать за подделкой — это постепенно деморализует человека. Тем не менее, учитывая их социальное положение, приходилось довольствоваться электроовцой.

Даже если бы Рiku и было все равно, то оставалась еще Ирен, которой это было безразлично. И весьма.

— Продать лошадь — это было бы аморально, — обиделся Барбур.

— Тогда продайте жеребенка. Иметь двух одинаковых животных — еще более аморально, чем ни одного.

Озадаченный Барбур спросил:

— Почему? Очень многие имеют по два животных. И по три, и по четыре, а вот у Фреда Уэшборна, который владеет заводом хлореллы — у него мой брат работает, — вообще их пять. Вы разве не читали в «Хронике» статью про утку? Считается, что это самая большая и упитанная утка на всем западном побережье.

Глаза Барбура заблестели, как только он вообразил это богатство. Барбур постепенно погружался в транс.

Порывшись в карманах плаща, Рик отыскал свой помятый и зачитанный экземпляр «Каталога животных Сидни и Фаула», приложение за январь. Он заглянул на страницу индекса, нашел раздел жеребята-лошади и тут же определил среднюю их цену по всей стране.

— Жеребенка першерона можно купить у Сидни за пять тысяч долларов, — сказал он громко.

— Нет, не купите, — прервал его Барбур. — Смотрите, название напечатано курсивом. Это значит, что у них нет сейчас ни одного экземпляра для продажи. А цена — это на случай, если бы они вдруг появились.

— Предположим, — согласился Рик. — Я бы платил вам пятьсот долларов каждый месяц. Десять месяцев — и полная цена по каталогу.

Барбур сказал с важностью:

— Декард, вы не понимаете в лошадях. Вот почему у Сидни нет першеронов на продажу? На то есть причина. Жеребята першеронов просто не меняют владельцев даже по каталожной цене. Они слишком редко попадают и плохо приживаются.

Жестикуюлируя, Барбур облокотился на общую изгородь.

— Джуди у меня уже три года, и за все это время я не встречал жеребца першерона равных с ней достоинств. Чтобы купить ее, я сам летал в Канаду и лично вез ее домой, чтобы ее не украли. Привезите такое животное куда-нибудь в Колорадо или Вайоминг — и вас живо огреют по голове, а его уведут. И знаете, почему? Перед ПМВ их были буквально сотни...

— Но, — уточнил Рик, — если у вас будет две лошади, а у меня ни одной, то разве это не станет противоречить всей теологической и моральной структуре сострадания?

— У вас есть овца. Черт поберит, в своей личной жизни вы можете и этим удовлетворяться. У вас же есть животное — значит, вы живете достойно. Вот если бы у вас не было этой овцы, то я бы увидел в вашей просьбе некоторую логику. Само собой, если бы у меня было два животных, а у вас ни одного, я бы поспособствовал вам. Но у любой семьи в этом доме — так, прикинем, их где-то пятьдесят, по одной на каждые три квартиры, как я предполагаю, — у всех у нас есть какое-нибудь животное. У Грейсона есть цыпленок, вон он.

Барбур показал на север.

— Сукс с женой владеют большой рыжей собакой, она лает по ночам.

Он задумался.

— Кажется, у Эда Смита есть кот, он держит его в квартире и никому не показывает. Возможно, он просто врет.

Подойдя к овце, Рик наклонился и начал искать в густой белой шерсти — шерсть, по крайней мере, была настоящая — спрятанную там контрольную панель механизма. На глазах у Барбура он рывком вскрыл панель, обнажая механизм.

— Видите? — спросил он. — Теперь вы понимаете, почему мне так нужен ваш жеребенок?

После некоторого молчания Барбур сказал:

— Эх бедняга, и так все это время было?

— Нет, — объяснил Рик.

Он снова закрыл панель своей электроовцы, выпрямился и повернулся лицом к соседу.

— Сначала у меня была настоящая овца. Нам ее отдал отец жены, когда он эмигрировал. Потом, примерно год назад, помните, я тогда возил ее к ветеринару. Вы как раз были наверху, а я вышел на крышу и увидел, что овца лежит на боку, не в силах подняться.

— Да, вы подняли ее, — вспомнил Барбур.

Рик кивнул.

— Да, вам удалось поднять ее, потом, через пару минут, она снова упала, — уточнил Барбур.

— У овец странные болезни, — сказал Рик, — или, другими словами, у овец множество болезней, но симптомы всегда одинаковые. Овца не может подняться, и нет способа определить, что с ней — растянута связка на ноге или животное умирает от столбняка. Моя умерла от столбняка.

— Здесь? — Барбур удивился. — На крыше?

— Сено, — объяснил Рик. — Я не снял с охапки проволоку, и Гручо — так я ее называл — поцарапалась и заразилась столбняком. Я отвез ее к ветеринару, и она там умерла. Я все думал об этом, потом вызвал одну из мастерских, где собирают искусственных животных, и показал им фотографию Гручо. Они сделали для меня вот это.

Рик показал на эрзац-овцу, которая продолжала трудолюбиво пожевывать, все еще не теряя надежды обнаружить присутствие овса.

— Это отличная работа. И я трачу почти столько же времени на уход за ней, сколько и на Гручо. Но...

Он пожал плечами.

— Это совсем не то, — закончил вместо него фразу Барбур.

— Чувство почти такое же. За ней следить так же внимательно, как и за настоящей, потому что они ломаются, и тогда все соседи могут узнать правду. Эту я возил в мастерскую шесть раз, в основном мелкие неполадки. Один раз что-то случилось с магнитной лентой, и она начала блять без остановки. Соседи бы сразу догадались, что это механическая поломка. Фургон мастерской, — добавил Рик, — имеет, конечно, соответствующую надпись. Будто бы какой-то ветеринарный врач.

Он вдруг бросил взгляд на часы, вспомнив про время.

— Мне пора на работу, — сказал Рик. — Увидимся сегодня вечером.

Он направился к своему кару, а Барбур поспешно воскликнул вслед:

— Я никому ничего не скажу.

Остановившись, Рик хотел поблагодарить но, потом, словно отчаявшись, он проговорил:

— Не знаю, возможно, это не играет теперь никакой роли.

— Но они будут смотреть на вас сверху вниз, не все, но некоторые. Вы ведь знаете, как люди относятся к животным. Не иметь животного считается аморальным и антиэмпатическим. То есть это не преступление, как считалось сразу после ПМВ, но неприязнь к таким все равно сохраняется.

— Боже! — с отчаянием воскликнул Рик.

Он взмахнул руками.

— Но я ведь хочу иметь животное. Я стараюсь купить что-то подходящее, но на мое жалованье простого служащего...

«Если, — подумал он, — мне снова повезет, если я смогу пришить четырех анди за этот месяц... Если бы я знал тогда, что Гручо умрет. Ведь два года назад мне удалось взять четырех...»

Но это было еще до появления куска проволоки, двухдюймового, похожего на обломок медицинской иглы, до столбнячного вируса.

— Вы могли бы купить кота, — предложил Барбур. — Они недорогие, проверьте по каталогу.

— Мне не нужно комнатного животного, — тихо объяснил Рик.

— Я хочу то, что у меня было с самого начала, — настоящую большую овцу или что-то в этом роде, может, корову, если удастся собрать денег, или лошадь, как у вас.

Он вдруг осознал, что деньги за «отправку на покой» пяти анди позволили бы ему сделать это. «По тысяче долларов за анди, сверх его жалования. Потом он где-то и у кого-то и раздобыл бы то, что ему нужно, пусть даже в каталоге Сидни они и значатся курсивом. Пять тысяч долларов. «Но, — подумал Рик, — пятерым анди надо сначала добраться до Земли с одной из колонизированных планет. Это от меня не зависит, я не могу заставить пятерых андроидов бежать сюда, и если бы даже смог, то есть и еще охотники из других полицейских агентств. Анди нужно было бы устроить резиденцию именно в Северной Калифорнии, а старшему охотнику за андроидами в этом регионе, Дейву Колдену необходимо было бы умереть или уйти на пенсию».

— Купите сверчка, — остроумно посоветовал Барбур, — или мышку. Слушайте, в самом деле, за двадцать пять зеленых вы можете купить взрослую мышь.

— Ваша лошадь тоже может умереть, как Гручо, — промолвил Рик, — без предупреждения. Вы придете домой с работы, а она лежит на спине, ножки вверх, как у жука или, как вы сказали, у сверчка.

Он зашагал прочь, сжимая в руке ключ от кара.

— Извините, если обидел вас, — нервно бросил ему вслед Барбур.

Рик Декард в молчании открыл дверцу аэрокара. Ему нечего было сказать соседу. Его мысли были уже заняты работой, предстоящим рабочим днем.

Два

В пустой комнате пустынного гигантского многоэтажного дома, вмещавшего ранее тысячи людей, одинокий телевизор продолжал во всю мощь динамика развлекать пустоту.

До Последней Мировой Войны эта теперь ничейная руина была процветающим, оберегаемым и любимым многими домом.

Здесь располагался пригород Сан-Франциско, до города было рукой подать, особенно на быстром монорельсовом экспрессе.

Тогда весь полуостров пел и вел шумную жизнь, словно дерево, полное птиц, но теперь владельцы дома или умерли, или эмигрировали на одну из планет-колоний. Во-первых, потому, что война обошлась очень дорого, несмотря на храбрые предсказания Пентагона и его самодовольного научного вассала, корпорации Рэнд, которая к тому же находилась неподалеку от этих мест. Как и владельцы квартир, корпорация переехала в другое место, что и к лучшему. Никто по ней не скучал.

Теперь уже никто не помнил, почему началась война и кто победил. Если вообще кто-то победил. Пыль, заразившая всю атмосферу Земли, взялась словно бы ниоткуда. Ведь ни один из военных противников не предполагал, что она может появиться. Сначала, как это ни странно, вымерли совы.

Тогда это казалось почти забавным — толстые, в белом пуху птицы валялись там и тут, во дворах и на улицах.

Обычно они вылетали из своих гнезд только после наступления темноты и редко попадались на глаза людям. В средние века во время эпидемии чумы вымирали крысы. Но новая чума тем не менее спустилась сверху.

За совами последовали остальные птицы, но к тому времени загадка была уже решена. Колонизационная программа потихоньку развивалась еще войны, но теперь, когда солнце больше не сияло над Землей, колонизация вступила в совершенно новую фазу. В связи с этим оружие войны, Синтетический Борец за свободу, было модифицировано.

Способный функционировать в условиях другой планеты, гуманоидный робот — строго говоря, органический андроид — превратился в мобильный вспомогательный движитель всей программы колонизации. По введенному ООН закону каждый эмигрант автоматически становился владельцем андроида или, по его собственному выбору, подтипа андроида. К 1990 году разнообразие подтипов превзошло всякое понимание, подобно тому, как расплодилось модели автомобилей в Америке в шестидесятых годах.

Это был главный стимул эмиграции — слуга-андроид в качестве пряника и радиоактивные осадки в качестве кнута. ООН позаботилась о том, чтобы эмигрировать стало легко, а оставаться — трудно, если вообще возможно.

Медлить с переселением означало превратиться в класс биологически нечистых, стать угрозой для безупречной наследственности расы. Если на гражданине закреплялся ярлык «специал», он, даже добровольно приняв стерилизацию, уже не считался равным среди равных. Фактически он больше не был частью человечества. И все же то тут, то там некоторые люди отказывались эмигрировать. Это даже для занимавшихся данной проблемой представлялось необъяснимой нелогичностью.

Рассуждая логически, все регуляторы должны были бы уже эмигрировать. Очевидно, даже в искаленном облике Земля оставалась слишком привычной, чтобы было легко от нее отказаться.

Или, возможно, эти люди вообразили, что пылевой чехол над планетой постепенно рассосется.

Во всяком случае, тысячи людей продолжали оставаться на Земле. Большая их часть скапливалась в городских районах, где они могли физически ощущать присутствие друг друга и находить в этом поддержку. Это были в общем-то относительно нормальные индивиды.

Но, кроме них, в покинутых городах стали селиться всякие странные типы.

Одним из них был Джон Исидор, который как раз теперь брился, а его телевизор в соседней пустой комнате продолжал вопить и стенать в пустоту.

Джон забрел в эти места еще в первые послевоенные дни. В те мрачные времена все пришло в движение. Толпа сорвалась с насиженных мест. Люди в одиночку и группами скитались из одной местности в другую. В этот период радиоактивная пыль выпадала неравномерно. Некоторые штаты были от нее почти свободны, некоторые просто задыхались. Сорванное с насиженных мест население передвигалось в соответствии с перемещением пыли. Этот полуостров к югу от Сан-Франциско был сначала почти свободен от радиации, и очень многие поспешили поселиться здесь. Когда

появилась пыль, некоторые умерли, остальные уехали. Джон Р.Исидор остался.

Телевизор не умолкал.

— ...воссоздавая безмятежную атмосферу штатов предвоенных дней, штатов на юге страны! В качестве личного слуги или неутомимого помощника в работе сделанный по индивидуальному заказу гуманоидный робот, приспособленный специально для ваших личных уникальных нужд, для вас и только для вас, вручается вам по прибытии совершенно бесплатно. Он полностью отрегулирован в соответствии с вашими указаниями, отданными перед отлетом с Земли. Он станет вашим верным безотказным спутником, будет разделять трудности величайшего и отважнейшего приключения, на которое отважилось человечество за всю историю...

Телевизор продолжал в том же духе без конца.

«Не опоздал ли я на работу?» — думал Исидор, царапая подбородок. У него не было исправных часов. Обычно он сверялся с сигналами по телевизору, но сегодня, судя по всему, был День Межпланетного Обзорения. Во всяком случае, как утверждалось, наступила пятая — или шестая? — годовщина основания новой Америки, главного американского поселения на Марсе. А телевизор Джона Исидора, будучи частично поломанным, принимал только один канал, национализированный правительством в дни войны, да так и оставшийся по сей день.

Оказалось, что Исидор вынужден теперь был слушать официальную программу Вашингтонского правительства, рассказывавшую об успехах колонизации ближайшей к Земле планеты Солнечной системы.

— Послушаем миссис Мегги Клегмен, — предложил Джону диктор на экране.

Но Джон хотел всего лишь узнать, который час. Миссис Клегмен, совсем недавно эмигрировавшая на Марс, в записанном на пленку в Нью-Йорке интервью отвечала на поставленные вопросы.

— Миссис Клегмен, как вы считаете, сильно ли отличается жизнь на зараженной радиацией Земле от жизни здесь, на новой планете, полной всевозможных перспектив?

Последовала пауза. Потом усталый, хриплый голос женщины средних лет проговорил:

— Я думаю, что меня и нашу семью из трех человек больше всего поразило... достоинство.

— Достоинство, миссис Клегмен? — спросил диктор.

— Да, — ответила она. — Это трудно объяснить. Иметь слугу, на которого можно положиться в эти беспокойные времена, я нахожу, что это очень ободряет.

— А на Земле, миссис Клегмен, вы не опасались, что окажетесь в числе классифицируемых как спецал?

— О, мы с мужем страшно беспокоились, просто ужасно. Конечно, сейчас, когда мы эмигрировали, все эти волнения позади и, к счастью, навсегда.

«И для меня они исчезли навсегда, — кисло подумал Джон Исидор, — и мне даже не понадобилось эмигрировать». Он числился в ряду спецалов уже более года, и не только с точки зрения генов, которые он носил.

Более того, он провалил тест на минимум умственных способностей, что делало его, говоря простыми словами, недоумком.

На Джона Исидора низверглось презрение трех обитаемых планет, но, несмотря на это, он остался в живых.

У него была работа — он водил фургон для доставки животных при фирме по ремонту поддельных животных «Ванесовская ветеринарная лечебница». Мрачный его босс, Ганнибал Слоут, относился к нему, как к нормальному человеку, за что Джон был ему очень благодарен. «Морс серта, вита инсерта»*, — любил повторять мистер Слоут. Исидор, хотя и слышал уже много раз, очень смутно понимал смысл этих слов. В конце концов, если недоумок способен разобраться в латыни, то он перестает быть недоумком. Сам мистер Слоут принимал истину только тогда, когда ему разъясняли, что это истина.

Существовало, кроме того, множество бесконечно более глупых недоумков, чем Джон Р.Исидор, которые вообще не могли работать и постоянно обитали в специальных заведениях, вроде причудливо названного «Института особых Трудовых навыков».

Слово «особый», как всегда напоминало о природе обитателей данного заведения.

— Но разве ваш муж не чувствовал, — спрашивал диктор на телеэкране, — что, надевая дорогой и неудобный свинцовый гульфик, он надежно предохраняет себя, не так ли, миссис Клегмен?

— Мой муж... — начала миссис Клегмен.

В этот момент, завершив бритье, Исидор вошел в другую комнату и выключил телевизор.

Тишина навалилась на него со всех сторон, она подмывала его со всей своей ужасной мощью, словно питаемая гигантской электростанцией безмолвия. Она поднималась от пола, из мебели, от серого вытертого ковра, покрывавшего все пространство комнаты от стены до стены. Ее выпустили на волю поломанные кухонные принадлежности, мертвые хозяйственные устройства, которые не работали уже тогда, когда появился в квартире Джон Исидор. Не горевший торшер в гостиной источал тишину, которая смешивалась с тишиной, спускавшейся с потолка. Ей удавалось выливаться из любой вещи, словно она, тишина, собиралась подменить собой все материальные предметы. Поэтому она воздействовала не только на уши, но и на глаза.

Стоя рядом с безмолвным телевизором, Исидор не только слышал, но и видел тишину, словно она была живым существом. Он и раньше подобным образом ощущал ее суровое приближение. Когда тишина приходила, она врвалась немедленно, без церемоний, явно не в силах ждать. Безмолвие мира не в состоянии было совладать с собственной жадностью. Особенно теперь, когда оно практически победило.

«А другие, — думал он, — те, которые остались на Земле, как они воспринимают образовавшуюся пустоту?» Или здесь все дело в особенностях его биологической структуры, в недостатках его сенсорного аппарата? «Это интересный вопрос», — подумал Исидор. Но с кем бы он мог обменяться наблюдениями? В этом слепом и глухом доме с тысячью незанятых

* Жизнь неопределенна, не вызывает сомнений лишь смерть (лат.).

квартир он жил одиноко, чувствуя, как дом, подобно своим собратьям, день за днем превращается во все более ужасную и безнадежную жертву энтропии. В конечном счете все содержимое дома превратится в однородную безликую массу, в пудинг из бесполезного хлама, который заполнит все комнаты от пола до потолка, а потом и сами побежденные дома превратятся в бесформенную массу, погребенную под всепроникающей пылью.

К этому времени он сам, конечно, уже умрет. Это тоже было довольно интересным явлением, которое занято было предчувствовать, стоя в пустой гостиной один на один с бездыханной, всюду проникающей, покорившей весь мир тишиной.

Наверное, лучше снова включить телевизор, но вся эта реклама, направленная на оставшихся регулярлов, вызывала у него чувство страха. Она напомнила ему о путях и возможностях спастись, закрытых для него, спецала. Он им не нужен. Он бы даже не смог, если бы и хотел, эмигрировать.

Так зачем слушать все это? К черту их вместе с их колонизацией! Хоть бы там, в колониях, началась война — к тому же теоретически это возможно — и там тоже все кончится, как и на Земле. Все эмигрировавшие окажутся спецалами.

«Ладно, — подумал Исидор. — Я иду на работу». Он потянул за ручку двери, и перед ним открылся путь в неосвещенный холл.

Джон тут же отпрянул назад, бросив лишь взгляд на безмолвный вакуум, в который был погружен весь дом. Да, она ждала его в засаде, эта сила, которая, как он чувствовал, пронизывала и его собственную квартиру. «Бог мой!» — подумал он и закрыл дверь. Нет, он был еще не готов к длинному путешествию по гулким лестницам на самую крышу, где у него не было животного. Эхо собственных шагов, эхо пустоты. «Пора взяться за рукоятки», — сказал он себе и прошел в гостиную, к черному эмпатическому ящику.

Включив его, он тут же почувствовал слабый запах ионизации, распространившийся от блока питания.

Джон радостно вдохнул его, сразу же оживился. Потом засветилась катодная трубка, подобно бледной имитации телеэкрана. Образовался внешне случайный узор цветных линий, полос, фигур.

Пока не сжаты рукоятки, этот узор ничего не значил. Поэтому, глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Джон Исидор сжал рукоятки эмпатического генератора.

Тут же синтезировал зрительный образ. Он увидел перед собой знаменитый пейзаж — коричневый склон старой горы, уходившей куда-то вверх. Высохшие скелетообразные стебли бурьяна впитались в сумрачное, бессолнечное небо. Вверх по склону горы поднималась одна-единственная фигура, более или менее похожая на человека, — это и был старый человек в бесформенном балахоне такого же унылого цвета, как и мрачное небо.

Этот человек, Вилбур Сострадающий, потихоньку продвигался вперед, ухватившись за рукоятки прибора. Джон Исидор постепенно почувствовал, как исчезает гостиная, в которой он находился. Пришедшая в дряблость мебель и стены отодвинулись в никуда, и Джон их больше не воспринимал. Вместо этого, как и всегда, он оказался среди пред-

метов иного мира, с унылым серым небом и грязно-коричневой землей. Одновременно Джон перестал быть просто зрителем, наблюдающим за подъемом старика. Это теперь его собственные ноги шагали по привычным камням и гравии. Он снова чувствовал острые камни под ногами, снова вдыхал едкую дымку местного неба — совсем не земного неба, а какого-то чужого, удаленного мира, он делал это посредством эмпатического ящика, оказавшегося у него в руках. Джон перенесся в этот мир обычным загадочным ошеломляющим путем — произошло физическое и ментальное слияние с Вилбуром Сострадающим. То же самое ожидало всех, кто сейчас сжимал рукоятки эмпатического генератора, — на Земле или на одной из колонизированных планет. Джон словно бы почувствовал присутствие всех этих людей, в его сознание влился их говор, их мысли. Он услышал в своей голове шум множества интеллектуальных волн. Всех их занимала одна вещь: слияние их сознания с сознанием человека на склоне холма. Шаг за шагом, почти неощутимо, но они все проделывали путь к вершине. «Выше и выше», — думал Джон, а под ногами шуршал гравий. «Сегодня мы поднялись выше, чем вчера, а завтра...» — и Джон, составная часть Вилбура Сострадающего, поднял голову, измеряя взглядом оставшуюся часть подъема. Нет, конца еще не видно. Слишком далеко, но конец настанет.

Камень, брошенный в него, ударил в руку. Он почувствовал боль. Джон повернулся, и мимо него пронесся еще один камень, не задев его. Камень ударился о другой камень на земле, и звук этот заставил Джона вздрогнуть. Кто это? Он всматривался вдоль пройденного пути, стараясь отыскать обидчика.

Старый противник, он постоянно держался на самом краю поля зрения. Он, или они, преследовали его по всему пути на вершину, и до самого конца дороги они не оставят его в покое.

Джон вспомнил недоступную пока вершину. Наверняка там плоская поверхность. Тогда кончится подъем, и начнется другая часть пути.

Сколько раз это уже бывало с ним? Память подводила его. Прошное и будущее соединились. Все, что Джон успел испытать, и все, что он в конечном счете испытает, — все сливалось, и оставался лишь момент настоящего времени, когда он стоял, переводя дыхание и потирая ссадину на руке, оставшуюся от камня. «Боже, — подумал Джон, — разве это справедливо? Почему я здесь, вот так, и меня мучит что-то, и я даже не могу понять, что это или кто это?»

В следующий момент всеобщий хор голосов внутри него, всех тех сознаний, что слились с ним, развеял иллюзию одиночества.

— Вы тоже почувствовали? — спросил он.

— Да, — ответили голоса. — Камень ударил нас в левую руку. Было чертовски больно.

— Ладно, — сказал Джон. — Надо ползти вверх.

Он снова двинулся вперед, и все они немедленно присоединились к нему.

Джон вспомнил, что тогда все было не так. Еще задолго до проклятия, в первой, более счастливой жизни. Его приемные родители Френк и Кора Сострадающие обнаружили его на плававшем у берегов Англии надувном резиновом спасательном плотике. Или это было, кажется, у берега Мексики неподалеку от порта Тампико?

Сейчас он уже не помнил деталей. Детство его было безмятежным. Он любил все живое, особенно зверей. Собственно, некоторое время он обладал способностью возвращать к жизни мертвых животных. Джон жил в окружении кроликов и жуков, на Земле или на планете-колонии, где именно — он теперь забыл. Но он помнил убийц, они арестовали его, словно уродца, самого последнего среди специалистов.

После этого все изменилось.

Местное законодательство запрещало использовать способность возвращения мертвого к живому. Когда Джону было шестнадцать, они известили его об этом. Он еще год продолжал делать это тайно, уходя в еще оставшиеся леса. Но какая-то старая женщина, которую он никогда не видел и даже не слышал о ней, выдала его.

Убийцы без согласия его родителей бомбардировали уникальное образование в его мозгу, облучили его радиоактивным кобальтом, и он оказался погруженным в совершенно иной мир, о существовании которого он даже не подозревал до сих пор.

Это была глубокая яма, заполненная трупами и мертвыми костями, и у Джона ушли годы на то, чтобы выбраться оттуда.

Исчезли ослики и особенно лягушки, необходимые для него существа, остались только гниющие расчлененные трупы — здесь безглазая голова, там кусок ноги.

Наконец, птица, которая попала туда, чтобы умереть, рассказала ему, где он находится. Он погрузился в могильный мир.

Птица объяснила, что Джон не сможет выбраться отсюда, пока разбросанные вокруг него кости снова не станут живыми людьми, что Джон стал частью обмена веществ этого мира. И пока все они не восстанут, ему тоже не воскреснуть.

Сколько времени продлилась эта часть цикла, он не знал. Собственно, ничего не происходило, поэтому время нечем было измерить. Наконец, плоть выросла на костях, пустые глазницы наполнились хрустальными шариками глаз.

Тем временем защелкали восстановившиеся клювы и заревели новые рты, пасти, глотки.

Возможно, это он был тому причиной.

Возможно, экстрасенсорный узел его мозга восстановился. Очень вероятно, что это был естественный процесс. Во всяком случае, Джон больше не погружался, наоборот, вместе со всеми он начал путь вверх. Он уже давно потерял всех их из виду. Джон обнаружил, что в одиночку продолжает подъем.

Но спутники были с ним. Станным образом он чувствовал их присутствие внутри себя.

Исидор сжимал две одинаковые рукоятки генератора эмпатии, испытывая незабываемое ощущение, будто он всем своим существом вбирает в себя живые существа. Потом он нехотя отпустил рукоятки. Как всегда, это ощущение должно было закончиться. К тому же рука болела и кровоточила. Ударивший камень оставил ранку.

Опустив рукоятки, Джон осмотрел руку, потом неуверенным шагом направился в ванную, чтобы промыть порез.

Уже не первый раз он получал раны, находясь в слиянии с Вилбуром Сострадающим. Очевидно, что и это не последний удар. Некоторые люди,

особенно пожилые, даже умирали, достигнув вершины холма, где мучения начинались всерьез. «Смогу ли я еще раз пережить вершину? — спросил себя Джон, промывая ссадину. — Может случиться сердечный приступ. Лучше бы я жил в центре города. Там доктора и эти электрические машины, а здесь, в пустынном месте, это очень рискованно».

Но он знал, что пойдет на риск.

Так всегда было и раньше. Так делали почти все люди, даже пожилые и уже физически слабые.

Джон вытер ранку бумажной салфеткой и услышал приглушенный звук работавшего телевизора.

«В этом доме есть кто-то еще», — подумал Исидор. Это была дикая мысль, он не мог в нее поверить. «Это чужой телевизор, мой выключен. Этот телевизор находится на нижнем этаже. Я в этом доме больше не один, — вдруг осознал Джон Исидор. — Появился новый жилец, он занял одну из пустующих квартир, и эта квартира недалеко от моей, поэтому я слышу звук его приемника. Второй или третий этаж, никак не ниже. Так, посмотрим». Исидор начал лихорадочно размышлять. Что нужно делать, когда появляется новый жилец? Зайти как бы случайно и что-то спросить? Он не мог вспомнить, хотя бы и потому, что такого с ним раньше не случалось. Люди уезжали, люди эмигрировали, но никто никогда не приезжал сюда.

Исидор решил, что нужно что-нибудь отнести туда — стакан воды или, лучше, молока, или муки, или яйцо, то есть их эрзац-заменители.

Заглянув в холодильник, компрессор которого уже давно не работал, Джон отыскал сомнительной свежести кусок маргарина.

Взяв его, испытывая радостный подъем, чувствуя биение сердца, он направился на нижний этаж. «Надо сохранять спокойствие, — думал он, чтобы никто не догадался, что я недоумок. Если увидят, что я недоумок, то не станут со мной разговаривать. Так почему-то всегда получается. Интересно, почему?»

Он быстро шагал по коридору.

Три

По дороге на работу Рик Декард подобно огромному числу людей остановился поглазеть на витрину одного из самых больших в Сан-Франциско зоомагазинов. Он выбрал стенд, где продавались животные. В центре застекленной витрины, длинной в целый квартал, в пластиковой прозрачной клетке с подогревом содержался страус. Рик смотрел на страуса, а тот смотрел на Рика. Птица, как сообщала табличка на клетке, только что прибыла из зоопарка Кливленда.

Это был единственный страус на Западном побережье. Рассмотрев страуса, Рик еще несколько минут мрачно изучал ярлык с ценой, потом продолжил путь к зданию Дома Правосудия на Ломбард-стрит и обнаружил, что опоздал на работу на четверть часа.

В тот момент, когда он отпирал дверь своего кабинета, его начальник, инспектор полиции Гарри Брайант, рыжеволосый мужчина с оттопыренными ушами, в плохо сидевшем костюме, неуклюжий но, как всегда, замечавший все вокруг, окликнул его.

— Встретимся в девять тридцать в кабинете Хейва Холдена.

Одновременно инспектор быстро пролистал скрепленные пружинным зажимом листки папиросной бумаги с печатным текстом.

— Холден, — сообщил он, — лежит в больнице «Гора Сион».

Ему лазером пробило позвоночник. Он будет лежать еще месяц, по крайней мере, пока у него не приживется органопластиковая секция, пересаженная вместо поврежденных позвонков.

— Что случилось? — спросил пораженный и встревоженный Рик.

Еще вчера главный охотник на андроидов был вполне здоров.

В конце рабочего дня он, как всегда, помчался на своем аэромобиле домой, в престижную, густо заселенную часть города.

Брайант пробормотал еще что-то через плечо и умчался, оставив Рика в одиночестве.

Войдя в свой кабинет, Рик услышал голос секретарши Энн Марсетен.

— Мистер Декард, вы знаете, что случилось с мистером Холденом? Его подстрелили.

Вслед за Риком она вошла в душный маленький кабинет и включила кондиционер.

— Да, — рассеянно ответил он.

— Должно быть, виноват один из этих сверхумных анди, которых начинает выпускать «Розен Асосиейшн», — проговорила мисс Марсетен. — Вы уже прочитали брошюру? Мозг типа «Узел-6», который они теперь применяют, способен выбирать среди двух триллионов составляющих. Это десять миллионов независимых трактов.

Она понизила голос.

— Мы пропустили звонок по видеofону сегодня утром. Мне рассказала мисс Ванд. Это произошло ровно в девять по общему коммутатору.

— Звонили к нам? — поинтересовался Рик.

— Нет, от нас, — объяснила мисс Марсетен. — Мистер Брайант звонил в Россию, в их управление милиции, спрашивал, согласятся ли они подать совместную жалобу на руководство «Розен Асосиейшн». Мы пошлем жалобу их представителям в нашем полушарии, а они — в своем.

— Гарри все еще требует, чтобы на рынок больше не поступал мозг типа «Узел-6»?

Рик не был удивлен. Уже с того момента, когда была распространена информация об испытаниях и характеристиках этой модели, в августе 1991 года, большая часть полицейских отделений, имевших дело с убежавшими анди, подняла протестующий шум.

— Русские могут не больше нашего, — проронил он. — С юридической точки зрения производители андроидов с мозгом типа «Узел-6» подчинялись колониальному законодательству, поскольку их главные предприятия находились на Марсе. Нам лучше примириться с новым типом, как с фактом. Так было всегда, каждый раз, когда появлялся новый тип мозга. Я помню, какие неслись вопли, когда парни Садермана выставили на показ свой старый Т-четыренадцать еще в восемьдесят девятом. Не было такого полицейского отделения в западном полушарии, которое не предупреждало бы, что ни один тест не определит природу этого мозга в случае его нелегального проникновения на Землю. Честно говоря, они были правы — в свое время.

Насколько Рик мог вспомнить, более пятидесяти андроидов типа Т-четыренадцать тем или иным путем проникали на Землю и не были обнаружены в течение года. Правда, потом Павловский институт в СССР разработал тест на эмпатию, и ни один из Т-четыренадцать пока еще не смог его пройти.

— Хотите узнать, что ответили русские? — спросила мисс Марсетен. — Я это узнала.

Ее веснушчатое лицо сияло.

— Мне расскажет Гарри Брайант, — ответил Рик Декард.

Внутридепартаментские слухи его раздражали, потому что правда всегда оказывалась малопривлекательной. Усевшись за стол, он начал рыться в ящике и демонстративно ждал, пока мисс Марсетен поймет намек и выйдет из кабинета.

Он извлек из ящика древний потертый конверт из плотной коричневой бумаги, откинулся на спинку кресла новейшей модели и принялся изучать содержимое конверта. Вскоре он отыскал то, что ему было нужно: собрание данных по мозговому устройству «Узел-6».

Потребовалось лишь несколько минут, чтобы слова мисс Марсетен получили подтверждение. «Узел-6» действительно обладал двумя триллионами составляющих да еще способностью выбирать из десяти миллионов возможных комбинаций мозговой деятельности. За сорок пять сотых секунды обладающий таким мозговым устройством андроид мог избрать и принять любую из четырнадцати базовых реакций-положений.

Да, тест на умственные способности такого анди не расколет. Правда, уже с начала семидесятых многие андроиды успешно проходили тесты на умственные способности, но это были модели андроидов нового поколения.

Андроид такого типа, как «Узел-6», даже превосходил по умственным способностям некоторых людей. Другими словами, андроид с мозгом типа «Узел-6» уже обошел в умственном развитии большую, хотя и самую выдающуюся, часть человечества. Слуга в некоторых отношениях стал искуснее господина, но теперь существовали новые критерии для оценки мозговой деятельности, вроде эмпатической шкалы теста Байт-Кампфа. Любой, самый интеллектуально одаренный андроид ничего не понимал во время сеансов эмпатии, а ведь это удавалось любому человеку, даже недоумку.

Рика, как и большинство людей, иногда занимал вопрос, почему андроид провалил любой тест на измерение эмпатии? Эмпатия, сопереживание, сочувствие — все это было присуще, очевидно, только человеческому сообществу, в то время как проблемски интеллекта удавалось обнаружить почти у любого живого существа, включая пауков. Вероятно, эмпатические способности требовали группового инстинкта: одиночный организм в нем не нуждался. Наоборот, такой инстинкт уменьшал бы его шансы на выживание, ведь он заставил бы паука осознать, что он стремится выжить за счет своей жертвы.

Следовательно, все хищники, включая высокоразвитых, умерли бы с голоду.

Эмпатия, как когда-то решил Рик, должна ограничиваться только травоядными или, по крайней мере, всеядными существами, которые были бы способны отказаться от мясной диеты. Иначе дар этот начинал размы-

вать грань между охотником и жертвой, между побежденным и победителем. Как ни странно, этот дар являлся своего рода биологическим предохранителем, но обоюдоострым. Если одно существо испытывало радость, то все остальные получали свою долю радости. Однако если то же существо страдало, то и другие не могли совершенно избежать страданий. Стадное животное, вроде человека, получало таким образом дополнительный шанс на выживание. Сова или кобра погибли бы.

Очевидно, гуманоидный робот представлял собой одинокого хищника.

Рику больше нравилось именно так думать об андроидах. Это делало его работу более приемлемой. Отправляясь на покой, то есть убивая анди, он не нарушал закона жизни, провозглашенного Вилбуром Сострадающим.

— Ты должен убивать только убийц, — сказал Сострадающий в тот первый год, когда генераторы эмпатии появились на Земле.

По мере того как сострадание выросло в теологическое учение, усложнилась до крайности и концепция убийц. В теории сострадания абсолютное зло цеплялось за жалкий плащ старого человека, взбравшегося по склону, но не было понятно, что или кто это был, какова была природа этого зла. Сострадающий чувствовал присутствие зла, не понимая его.

Другими словами, сострадающий мог как бы ощущать присутствие убийц везде, где это казалось ему подходящим. Для Рика Декарда бежавший гуманоидный робот, убивший своего хозяина, снабженный искусственным интеллектом, превосходящим по силе интеллект многих людей, робот, равнодушный к животным, не умеющий испытывать радость вместе с другим существом или разделить печаль другого сознания, — этот андроид символизировал убийцу.

Размышления о равнодушии анди к животным тут же навели Рика на воспоминание о виденном сегодня в витрине страуса. Он на время отодвинул в сторону документы по системе «Узел-б», взял немного нюхательной соли «Сидона» номер три и четыре, принадлежавшей мисс Марсетен, и втянул носом воздух. Потом он сверился с часами, установил, что у него еще есть немного времени, поднял трубку настольного видеофона и попросил мисс Марсетен:

— Вызовите мне зоомагазин «Счастливый пес» на Саттер-стрит.

— Одну минутку, сэр, — сказала она и раскрыла телефонную книгу.

«Нет, — убеждал себя Рик Декард, — не могут же они требовать такую сумму за страуса. Они наверняка должны сбавить. Так всегда делалось в старые времена, например, когда торговали машинами».

— Зоомагазин «Счастливый пес», — объявил радостно мужской голос.

На видеозкране Рика возникло уменьшенное изображение веселого лица.

Было слышно, как лают и режут животные.

— Этот страус, которого вы выставили, — проронил Рик, играя стоявшей перед ним керамической пепельницей, — сколько я должен внести за него сразу?

— Минутку, — попросил продавец зоомагазина.

Он обзавелся карандашом и бумагой.

— Сразу выплачивается одна треть.

Продавец начал считать.

— Позвольте спросить, сэр, вы собираетесь покупать?

Рик сдержанно ответил:

— Я еще не решил.

— Ну, допустим, мы заключим на страуса тридцатимесячный контракт, — объяснил продавец, — с очень низким комиссионным процентом, всего шесть процентов в месяц. Тогда ваш месячный взнос после первоначального составит...

— Вы должны понизить цену, — прервал его Рик. — Сбавьте две тысячи, и я внесу наличными все сразу.

«Хейв Холден пока сошел со сцены, — думал Рик. — Это очень важно, принимая во внимание, как много будет заданий в текущем месяце».

— Сэр, — обратился к нему продавец, — наша цена и без того на тысячу долларов ниже указанной в каталоге Сидни. Проверьте по вашей книге, я подожду. Я хочу, чтобы вы сами убедились — мы запрашиваем справедливую цену.

«Боже, — подумал Рик, — они не думают уступать». Все же просто ради интереса он вытащил из кармана потрепанный экземпляр каталога, отыскал раздел «страус» — самка-самец, молодой-старый, больной-здоровый, бывший в употреблении, не бывший — и сверил цены.

— Не бывший в употреблении самец, молодой, здоровый, — уточнил продавец, — цена тридцать тысяч долларов.

Он тоже держал перед собой каталог Сидни.

— Наша цена ровно на тысячу долларов ниже. Итак, ваш первый взнос...

— Я подумаю, — сказал Рик, — и перезвоню вам.

Он хотел повесить трубку.

— Ваше имя, сэр? — с готовностью спросил продавец.

— Френк Мерривелл, — сказал Рик.

— Ваш адрес, мистер Меривелл, на случай, если меня здесь не будет, когда вы позвоните?

Рик назвал выдуманный адрес и повесил трубку. «Такие деньги! — размышлял он. — Однако люди покупают. У некоторых имеются подобные суммы». Он снова поднял трубку и попросил:

— Дайте мне город, мисс Марсетен, и не подслушивайте. Это секретный разговор.

Он свирепо посмотрел на нее.

— Да, сэр, — ответила она. — Прошу, набирайте.

Потом она отключилась, оставив Рика лицом к лицу с реальностью мира.

Рик набрал по памяти номер эрзац-зоомагазина, в котором покупал свою лже-овцу. На маленьком видеозкране появился человек, ~~одный~~ как ветеринар.

— Доктор Мак-Рей, — представился он.

— Это Декард. Скажите, сколько стоит электрический страус?

— Гм, я думаю, что мы могли бы подобрать вам приличного страуса за восемьсот долларов. Когда вам его доставить? Нам пришлось бы это сделать специально. Не так много поступает заказов на...

— Я позвоню вам позже, — перебил его Рик.

Бросив взгляд на часы, он обнаружил, что уже девять тридцать.

— До свидания.

Он поспешно положил трубку, поднялся и вскоре уже стоял перед дверью кабинета инспектора Брайанта. Рик миновал первую секретаршу, молодую и привлекательную, с серебристыми волосами до талии, потом вторую, немолодую и напоминавшую древнего коварного монстра из болот юрского периода. Ни одна из женщин с ним не заговорила. Открыв дверь, Декард кивнул начальнику, занятому разговором по видеофону. Сев, он вытащил документы по «Узлу-6» и еще раз перечитал их, пока Брайант разговаривал.

Рик чувствовал себя подавленно.

Рассуждая логически, неожиданное исчезновение с поля боя Хейва должно было бы привести его в радостное расположение духа, но одновременно и призвать к осторожности.

Четыре

«Возможно, — размышлял Рик Декард, — меня беспокоит, что со мной может случиться то же самое, что с Хейвом. Анди, достаточно умный для того, чтобы подстрелить Хейва, мог бы прошить и меня». Но, кажется, дело было не в этом.

— Я вижу, ты притащил брошюру об этом новом мозговом устройстве, — сказал инспектор Брайант.

Он положил трубку видеофона.

— Да, — подтвердил Рик. — До меня уже дошел слух. Сколько замешано анди и как далеко продвинулся Хейв?

— Всего восемь анди, — пояснил Брайант.

Он сверился со своими записями,

— Хейв устранил двоих.

— Оставшиеся шестеро находятся здесь, в Северной Калифорнии?

— Да, насколько нам известно, Хейв так считает. Вот его записи.

Брайан достал бумаги из ящика стола.

— Он записал здесь все, что ему известно.

Брайант постучал пальцем по стопке листов. Пока что он что-то не проявлял желания передать записи Рiku. Он продолжал перелистывать их, хмурясь и проводя языком по губам.

— У меня ничего не предвидится, — с готовностью объявил Рик. — Я готов заменить Хейва.

— Испытывая подозреваемых, — задумчиво проронил Брайант, — Хейв использовал тест Байт-Кампфа. Ты понимаешь, конечно, что этот тест не рассчитан на новый тип мозга. Нужного теста вообще пока нет. У нас есть лишь шкала Байта, усовершенствованная три года назад Кампфом.

Брайан сделал паузу, размышляя.

— Хейв считал, что тест оправдывает себя. Возможно, он прав, но я предложил вот что, прежде чем ты возьмешься за оставшуюся шестерку.

Он постучал по пачке бумаг.

— Слетай в Сизтл и поговори с людьми из организации Розена. Пусть они дадут тебе на проверку один из экземпляров нового андроида с мозгом «Узел-6».

— И я проведу испытание по Байт-Кампфу, — понял Рик.

— На словах это легко, — уточнил Брайант, — как будто.
— Что?
— Наверное, пока ты будешь в пути, я сам поговорю с представителями «Розен Асосиейшн».

Потом он некоторое время смотрел на Рика. Наконец вздохнул и решил, что должен ему сказать.

— Я хочу с ними обсудить возможность испытать не только андроида, но и нескольких человек вместе с андроидами. Но кто есть кто, ты знать не будешь. К моменту прибытия все уже будет готово. Эта идея целиком моя, правда, осуществить ее удастся только вместе с производителями андроидов.

Брайант вдруг посуровел и ткнул пальцем в Рика.

— Ты первый раз станешь действовать как старший охотник. Хейв очень многое знает, у него годы и годы опыта за плечами.

— У меня тоже, — заметил Рик напряженным голосом.

— Ты получал задания, которые выбирал для тебя Хейв. Он всегда сам решал, что передавать тебе, а что нет. Но теперь у тебя их целых шесть, шесть анди, которых Хейв сам собирался отправить на покой. И один из них ухитрился первым уложить его. Вот этот.

Брайант развернул стопку листов, чтобы Рик сумел рассмотреть.

— Макс Полоков, — пояснил он. — Так он, во всяком случае, себя называет. И это практически все, что мы знаем. Тест Байт-Кампфа Хейв применил только к трем первым. Двух Хейв отправил на покой, а потом появился этот Полоков. Во время тестирования все и произошло — Полоков подстрелил Хейва из лазера.

— Это доказывает правоту Хейва, — прервал его Рик, — иначе ведь у Полокова не было бы причин покушаться на его жизнь.

— Отправляйся в Сиэтл, — повторил Брайант, — но ничего там не обещай. Я все устрою сам. Послушай...

Он встал из-за стола, подошел к Рiku и остановился перед ним с самым серьезным видом.

— Если во время проведения теста один из людей не выдержит...

— Этого не может быть, — возмутился Рик.

— Однажды, несколько недель назад, я разговаривал с Хейвом как раз на эту тему. Он думал примерно так же, как и я. Я получил памятную записку от русских. Она была разослана по всем полицейским управлениям мира и планет-колоний. Группа психиатров из Ленинграда сделала следующее предположение. Они попытались применить новейшие методы составления психопрофиля личности, то есть, другими словами, тест Байт-Кампфа к группе тщательно подобранных лиц с шизоидными и шизофреническими отклонениями. А точнее, к тем, кто имел симптомы «понижения аффекта». Ты об этом слышал.

— Это как раз то, что измеряет наш тест, — уточнил Рик. — Это уже давно всем известно. Вопрос не нов. Он возник с того момента, когда мы впервые столкнулись с проблемой андроидов, выдающих себя за людей. Полиция опирается на выводы известной вам статьи Лури Кампфа «Ролевое блокирование у шизофреников последней стадии». Кампф сравнивал снижение способности к сопереживанию у душевнобольных с внешне сходной, но в основе своей...

— Ленинградские психиатры, — резко перебил Рика Брайант, — считали, что некоторые больные могли бы провалить тест Байт-Кампфа. При испытании их вполне могли бы принять за андроидов. Ошибка была бы обнаружена слишком поздно, когда они все были бы вполне мертвы.

Брайант замолчал, ожидая ответа Рика.

— Но все эти люди, — сказал Рик, — находились бы в...

— Да, в специальных учреждениях, — согласился Брайант. — Они не смогли бы функционировать в обществе нормальных людей, не смогли бы скрыть того, что они серьезно психически больны, хотя болезнь могла обостриться внезапно и никто бы не обратил пока внимания. Вот что могло бы случиться...

— Один шанс из миллиона, — обронил Рик.

Но он понимал, куда гнет Брайант.

— Хейва особенно беспокоил этот новый тип андроидов, «Узел-6», — продолжал Брайант. — Розен уверял нас, что новые усовершенствованные андроиды типа «Узел-6» могут быть выделены с помощью стандартной процедуры психопрофилирования. Теперь мы вынуждены — и мы знали, что это произойдет, — самостоятельно проверить все это. Вот чем ты должен заняться в Сиэтле. Ты понимаешь, что неудача чревата двумя тяжелыми последствиями. Если нам не удастся выявить гуманоидных роботов из всех, представленных на испытание, то, значит, у нас нет надежного инструмента для анализа, и мы никогда не найдем тех, кому уже удалось бежать и внедриться на Земле. Если же тест определит испытуемого человека как андроида...

Брайант раздвинул рот в ледяной улыбке.

— Ситуация сложится щекотливая, хотя даже люди Розена не разгласят этой новости. Нам придется сидеть сложа руки, и как долго, неизвестно. Мы, конечно, проинформируем русских, те сообщат в Ленинград. В конечном итоге данные просочатся в печать. Но к тому времени мы, возможно, разработаем новую шкалу тестирования.

Брайант снял трубку видеофона.

— Итак, за дело! Возьми служебный кар, заправься на нашей станции.

Поднявшись, Рик спросил:

— Могу ли я взять с собой записи Хейва Холдена? Я хотел бы посмотреть их в дороге.

— Давай подождем до испытаний, — предложил Брайант.

В его голосе не было сочувствия, и Рик Декард отметил это.

Когда он посадил аэрокар департамента полиции на крышу здания ассоциации Розена в Сиэтле, то обнаружил, что его встречает молодая женщина. Она была черноволосая, стройная, глаза ее были закрыты модными пылезащитными очками. Она подошла к кару, руки ее были глубоко засунуты в карманы яркого полосатого пальто, на маленьком лице с резкими чертами застыло выражение сердитого отвращения.

— Что случилось? — спросил Рик, выйдя из кара.

— Я не знаю, — уклончиво отвечала девушка. — Вроде не понравилась манера разговаривать по телефону. Впрочем, неважно.

Она вдруг протянула руку. Рик машинально пожал ее.

— Меня зовут Рейчел Розен. А вы, кажется, мистер Декард?

Рик улыбнулся в ответ.

— Да, инспектор Брайант нам объяснил. Но вы официально представляете департамент полиции Сан-Франциско, который не верит, что наша организация служит общему благу.

Она внимательно смотрела на него из-под длинных черных ресниц, видимо, настоящих.

— Гуманоидный робот подобен любой другой машине. Он очень быстро превращается из благодеяния в опасность. Как благодеяние, он нас не интересуется, — сказал Рик.

— Но как опасность, — добавила Рейчел Розен, — сразу привлекает ваше внимание. Это правда, мистер Декард, что вы охотник за андроидами?

Рик неохотно кивнул и пожал плечами.

— Значит, вы рассматриваете андроида, как кусок неживой материи, — спросила девушка, — и с легкостью «отправляете его на покой», как вы говорите?

— Вы уже отобрали для меня группу испытуемых? — спросил Рик. — Я бы хотел...

Он замолчал, потому что вдруг увидел животных, принадлежавших ассоциации.

Рик подумал, что, конечно, мощная корпорация может себе это позволить. Более того, где-то в глубине души он ждал чего-то подобного. Позабыв о девушке, Рик тихо подошел к ближайшему вольеру. Он уже чувствовал их запах, вернее, запахи нескольких животных, стоявших, сидевших или, вот как этот енот, спавших.

Рик никогда в жизни не видел настоящего енота. Он был ему знаком только по стереофильмам, которые показывали по телевидению. Почему-то пыль нанесла по этому виду живых существ почти такой же тяжелый удар, как и по птицам, а ведь те практически не выжили, ни один вид. Рик автоматически выудил потрепанный экземпляр каталога Сидни и отыскал раздел «Енот».

Цены, естественно, были напечатаны курсивом. В данный момент на рынке не было свободных для продажи экземпляров. Ни за какие деньги. Каталог Сидни просто регистрировал цену последней продажной стоимости енота. Цифра была астрономическая.

— Его зовут Билл, — пояснила из-за спины Рика девушка, — Билл-енот. Мы приобрели его всего лишь в прошлом году у одной компании.

Она указала на охранников, которых только сейчас заметил Рик. Охранники были вооружены автоматами, легкими и скорострельными, марки «шкода», их глаза были устремлены на Рика с той самой секунды, как он посадил на крышу свой кар. «А ведь на каре, — подумал он, — ясно видны опознавательные знаки полиции».

— Крупнейший производитель андроидов, — проговорил он задумчиво, — вкладывает прибыль в животных.

— Посмотрите на сову, — предложила Рейчел Розен. — Сейчас я разбужу ее специально для вас.

Она направилась к небольшой клетке, в центре которой находилось высохшее, но ветвистое дерево.

«Совы уж больше не существуют, — хотел прокричать Рик, — или так нам говорили до сих пор». В каталоге сова числилась как «вымершая», о ней все было напечатано мелким шрифтом. Пока девушка шла к клетке с совой, Рик проверил себя еще раз. Он не ошибся.

«Сидни никогда не врет, — пояснил он сам себе, — и нам это известно. Ведь нам больше не на что полагаться».

— Она искусственная, — сказал он вдруг.

Рик понял, в чем дело. Разочарование было нестерпимо острым.

— Нет, — улыбнулась девушка.

Рик увидел, что у нее красивые ровные зубы.

— Но Сидни... — добавил Рик.

Он попытался показать ей каталог.

— Мы у Сидни ничего не покупаем, — ответила девушка, и у других зооторговцев тоже. Все, что мы приобретаем, мы приобретаем у частных охотничьих фирм, и цены не оглашаются. Кроме того, у нас есть наши собственные натуралисты. Сейчас они работают в Канаде. Там еще остались довольно обширные, относительно конечно, леса и в них уцелели животные, а иногда попадаются и птицы.

Он долго стоял, рассматривая сову, которая дремала на своем насесте.

Тысячи мыслей пронеслись у него в голове — и о войне, о тех днях, когда начали падать с неба совы. Он помнил, что был еще мальчишкой, когда обнаружилось, что все виды животных начинают вымирать. Вид за видом.

Газеты сообщали об этом: сегодня утром вымерли лисы, вчера — барсуки. Вскоре люди перестали читать бесконечные сообщения о гибели животных.

В Рике проснулась естественная неприязнь к электроовце, о которой ему приходилось заботиться, будто она была живая. «Тирания предмета, — подумал он. — Предмет не знает, что я существую. Как и андроиды, предмет не обладает способностью воспринимать существование других».

До этого мысль о сходстве анди и электрических животных не приходила ему в голову. «Электрическое животное, — подумал Рик, — может рассматриваться как подвид андроида, разновидность очень примитивного робота. Или, наоборот, андроида можно рассматривать как высокоразвитое электроживотное».

Обе точки зрения показались Рiku отталкивающими.

— Если бы вы продавали свою сову, — сказал он Рейчел Розен, — сколько бы вы захотели за нее и какую часть нужно было бы внести сразу?

— Мы никогда не продадим нашу сову, — ответила девушка.

Она рассматривала его со смешанным чувством жалости и удовольствия.

— Даже если бы мы ее продавали, вы едва ли смогли бы заплатить. У вас дома какое животное?

— Овца, — сказал он. — Черномордая саффолкская порода.

— Ну, тогда вы должны быть довольны.

— Да, — заметил Рик. — Просто я всегда хотел сову, еще до того, как они вымерли.

Он тут же поправил себя:

— Все, кроме вашей.

— Сейчас наша ближайшая цель — заполучить еще одну сову, которая могла бы спариваться со Скреппи, — пояснила Рейчел.

Она показала на дремавшую птицу. Та на секунду приоткрыла глаза — желтые щели — потом снова погрузилась в сон.

Грудь ее поднялась и опустилась, словно сова тяжело вздохнула.

Оторвавшись от терзавшего его душу зрелища, Рик проговорил:

— Теперь я хотел бы заняться тестами. Спустимся вниз?

— Мой дядя разговаривал с вашим начальником, и сейчас он, наверное...

— Вы родственники? — перебил ее Рик. — Такая большая корпорация — и семейное предприятие?

Продолжая фразу, Рейчел Розен произнесла:

— Дядя Элдон уже давно подготовил группу андроидов и контрольную группу. Пойдемте.

Она направилась к лифту, снова засунув руки глубоко в карманы яркого пальто.

Она не оглянулась, и Рик, помедлив секунду, чтобы подавить раздражение, потащился вслед за ней.

— Почему вы со мной так разговариваете? — спросил он, когда они спускались.

Девушка задумалась, словно этот вопрос был для нее неожиданным.

— Ну, вы — мелкий служащий полицейского управления, вы оказались в уникальном положении. Вы понимаете, о чем я?

Она бросила на него косой, полный угрозы взгляд.

— Какой процент вашей продукции состоит из андроидов с мозгом типа «Узел-6»? — поинтересовался Рик.

— Все сто.

— Я уверен, что шкала Байт-Кампфа окажется пригодной для них.

— Если нет, то нам придется убрать с рынка все типы андроидов с подобным мозгом.

Черные глаза ее вспыхнули. Она сурово смотрела на Рика, пока лифт не остановился и не раздвинулись створки дверей.

— И только потому, что ваше управление не смогло до сих пор справиться с таким ничтожным делом, как выявление мелкой группы бежавших андроидов с устройствами «Узел-6»...

Пожилый, худощавый, щегольски одетый мужчина приблизился к ним, протягивая руку.

На его лице отражалась озабоченность и поспешность, словно в последние часы все начало происходить слишком быстро.

— Элдон Розен, — объявил он Рику.

Они пожали друг другу руки.

— Послушайте, Декард, вы ведь понимаете, что здесь, на Земле, мы ничего не производим. Верно? Мы не можем просто снять трубку и попросить доставить пару образцов продукции. Нет, это не значит, что мы хотим с вами сотрудничать. Во всяком случае, я сделал все, что мог.

Его рука, чуть дрожа, пробежала по редющим волосам.

Показав на служебный чемоданчик, Рик пояснил:

— Я готов начать.

Нервный тон старшего Розена усилил его уверенность в себе. «Они боятся меня, — осознал вдруг Рик с удивлением. — Все, Рейчел Розен. Видимо, я мог бы вынудить их прекратить производство андроидов типа «Узел-6». То, что я стану делать в течение ближайшего часа, окажет сильное воздействие на характер их торговых операций. Это может даже в

значительной степени определить будущее корпорации Розена. Здесь ли, в США, или на Востоке, или на Марсе...»

Два члена семьи Розенов внимательно наблюдали за ним. За их вежливыми манерами Рик чувствовал ужас пустоты — он принес с собой безмолвие экономической гибели. Ведь эта корпорация стала одним из стержней всей индустрии страны. Она так тесно связана с программой колонизации, что друг без друга они существовать не могут. Ассоциация Розена, естественно, все это превосходно понимала.

Элдон Розен, вероятно, тоже размышлял над этим, с того самого момента, как позвонил Гарри Брайант.

— Я бы на вашем месте не очень беспокоился, — предупредил их любезно Рик.

Оба Розена сопровождали его по широкому, ярко освещенному коридору. Сам он чувствовал полное удовлетворение. Он никогда еще не был так доволен своим положением.

Что ж, очень скоро они будут знать, что может его аппарат и чего он не может.

— Если вы не доверяете шкале Байт-Кампфа, — сказал он наставительно, — то ваша организация могла бы разработать собственный тест.

Розены ввели его в уютную, весело меблированную небольшую комнату с коврами, модными выдвигаемыми столиками, на которых валялись последние выпуски журналов, включая — Рик сразу это заметил — февральский номер приложения к каталогу Сидни, которого он сам до сих пор еще не получил.

Собственно, номер должен был выйти только через три дня. Да, ассоциация Розена явно имела особого свойства связи с компанией Сидни.

Он раздраженно подхватил выпуск каталога.

— Это покушение на общественное доверие. Никто не должен получать преимущество, первым узнавая новые цены.

По правде говоря, нарушался федеральный закон. Рик попытался припомнить соответствующую статью, но не смог.

— Я забираю это с собой, — пояснил он.

Рик открыл чемоданчик и сунул туда приложение к каталогу Сидни.

Последовала пауза, потом Элдон устало сказал:

— Послушайте, офицер, это совсем не в наших правилах — упрасивать...

— Я не офицер, а охотник на андроидов, — уточнил Рик.

Он выудил из чемоданчика аппарат Байт-Кампфа, уселся за ближайший кофейный столик розового дерева и начал собирать довольно простое тестирующее устройство.

— Можете пригласить первого испытуемого, — сообщил он Элдону Розену.

Тот выглядел теперь еще более изможденным.

— Я хотела бы посмотреть, — попросила Рейчел.

Она присела к столику.

— Я еще никогда не видела, как проводят тест на эмпатию. Что же должны измерять эти штуки?

Рик поднял диск с клейкой поверхностью и сетью проволочек.

— Вот это измеряет степень расширения капилляров в коже лица. Это первичная рефлекторная реакция, так называемая краска смущения или

стыда из стимул-шокирующей природы. Это не поддается волевому контролю, как это случается при исследовании проводимости кожи, частоты дыхания или сердцебиения.

Он показал ей другие приборы, в том числе и излучатель света.

— Этот прибор с помощью тонкого луча регистрирует перемену напряжения внутриглазных мышц. Обычно одновременно с реакцией покраснения регистрируется слабое, но заметное движение...

— И у андроидов этого не бывает, — уточнила Рейчел.

— Биологически они существуют, но прибор их не фиксирует.

— Испытайте меня, — попросила девушка.

— Зачем? — спросил Рик озадаченно.

Элдон Розен заговорил хриплым голосом:

— Мы избрали ее в качестве вашего первого испытуемого. Возможно, она андроид. Мы надеемся, что вы сможете это выяснить.

Двигаясь как-то судорожно и отрешенно, Розен сел, закурил и принялся наблюдать за Риком.

Пять

Прямо в глаза Рейчел Розен бил тонкий, как карандаш, луч белого света, а к ее щеке прилепился диск из проволочной сетки. Она казалась совершенно спокойной.

Сидя так, чтобы ему хорошо были видны показания двух циферблатов на панели аппарата Байта-Кампфа, Рик Декард сказал:

— Сейчас опишу несколько ситуаций, на которые вы должны выразить свою реакцию. Время, само собой, будет засекаться.

— И конечно же, — сказала далеким голосом Рейчел Розен, — мои слова в счет не пойдут. Значение имеет только реакция глазных мышц и капилляров кожи. Но все равно, я буду отвечать. Я хочу через это все пройти.

Она замолчала.

— Начинайте, мистер Декард.

Рик, остановив выбор на вопросе номер три, спросил:

— На день рождения вам подарили кошелек из телячьей кожи.

Обе стрелки немедленно перепрыгнули в красный сектор шкалы. Иголки бешено заматались, потом успокоились.

— Я откажусь от него, — ответила Рейчел, — и сообщу в полицию о человеке, который хотел мне его подарить.

Сделав пометку, Рик продолжал, обратившись к восьмому вопросу.

— У вас есть маленький сын. Он показывает вам свою коллекцию бабочек и банку для умертвления насекомых.

— Я отведу его к доктору, — произнесла Рейчел тихо, но твердо.

Стрелки снова отклонились, но уже не так сильно. Рик сделал вторую пометку.

— Вы сидите перед телевизором, — продолжал он, — и вдруг обнаружили, что на вашей руке оса.

— Я бы ее убила, — сказала Рейчел.

На этот раз стрелки почти не отклонились, лишь слабо и недолго дрожали. Он сделал еще одну отметку и начал осторожно подыскивать следующий вопрос.

— Читая журнал, вы встречаете цветную фотографию обнаженной девушки. На весь разворот.

— Вы что проверяете — мои наклонности к лесбиянству или мою природу? — спросила Рейчел.

На циферблатах стрелки не шелохнулись.

Рик продолжал

— Вашему мужу фотография не понравилась.

Стрелки опять не двинулись — никакой реакции.

— Девушка лежит лицом вниз на большом красивом ковре из шкуры медведя.

Стрелки остались неподвижными, и Рик сказал себе: «Реакция андроида — она не заметила самого важного в вопросе, сосредоточившись на других элементах. Кто же она?»

— Ваш муж решил повесить фотографию на стене в своем кабинете.

На этот раз стрелки сдвинулись с места.

— Я не разрешу ему, — проронила девушка.

— Ладно, — согласился Рик.

Он кивнул.

— Теперь представьте, что вы читаете роман, написанный еще в предвоенные годы. Герои посещают рыбацкие причалы в Сан-Франциско. Они начинают испытывать голод и заходят в ресторан, где подают морские блюда. Один из них заказывает омара, и шеф-повар бросает свежего омара в кипящую воду, а герои книги наблюдают, как он варится.

— Боже! — простонала Рейчел. — Это ужасно. Они действительно это делали? Это просто жутко! Это извращение! Вы хотите сказать, что жи-вого омара?!

Но на циферблатах, тем не менее, стрелки не прореагировали. Реакция внешне правильная. Но это — симуляция.

— Вы снимаете домик в горах, в районе, где еще остались леса. Это старая избушка с большим камином.

— Понятно, — сказала Рейчел, нетерпеливо кивая.

— На стенах кто-то разместил старые карты, репродукции, а над камином повесил голову оленя, крупного самца с большими ветвистыми рогами. Ваши товарищи восхищаются внутренним убранством домика, и вы все...

— Только не с этой головой, — пояснила Рейчел.

Стрелки, тем не менее, покачнулись, но не выходя, правда, за границы зеленого сектора.

— Вы забеременели, — продолжал Рик, — от человека, который обещал на вас жениться, а потом убежал с другой женщиной, вашей лучшей подругой. Вы делаете аборт и...

На этот раз обе иглы устремились в красный сектор.

— Я не смогла бы сделать аборт, — сказала Рейчел. — Это невозможно, полиция следит. Пожизненное заключение за попытку.

— А откуда вы знаете, — с любопытством спросил Рик, — насчет абортов?

— Это все знают, — ответила она.

— Создается такое впечатление, что вы говорите на основании собственного опыта.

Он напряженно следил за циферблатами.

Стрелки снова совершили широкий взмах.

— Еще раз. Вы пришли на свидание с мужчиной. Он пригласил вас к себе домой. Там он предлагает вам выпить. Держа в руке стакан, вы случайно заглядываете в спальню. Она украшена разными плакатами, изображающими бой быков. Вы заходите туда, чтобы рассмотреть их получше. Он следует за вами, закрывая дверь. Обняв вас, он говорит...

— Что такое «плакат с изображением боя быков»?

— Рисунки, как правило, большие и в цвете, изображающие матадора с красным плащом и быка, который пытается поддеть его на рога.

Рик был озадачен.

— Сколько вам лет? — спросил он.

Возможно, в данном случае в этом все дело.

— Восемнадцать, — сказала Рейчел. — Ладно, этот мужчина закрывает дверь, обнимает меня и говорит... Что он говорит?

— Вы знаете, чем заканчивалась коррида?

— Кажется, кого-то убивали.

— Обычно убивали быка.

Он подождал, глядя на стрелки. Они лишь подрагивали, и не более того. Никакой настоящей реакции.

— Последний вопрос. Из двух частей. Вы смотрите по телевизору старый фильм, еще довоенный. Идет банкет: Гости наслаждаются устрицами.

— Гм, — хмыкнула Рейчел.

Стрелки быстро качнулись.

— Главное блюдо, — продолжал Рик, — жареная собака, нафаршированная рисом.

На этот раз стрелки качнулись слабее, чем в случае с устрицами.

— Устрицы для вас более приемлемы, чем жареная собака? Или нет?

Он опустил карандаш, выключил световой луч и снял с ее щеки клейкую проволочную сетку.

— Вы андроид. Таков результат теста, — сообщил он испытуемой, а заодно и Элдону, который наблюдал за Риком с судорожным беспокойством.

Лицо старика содрогнулось.

— Я прав, не так ли? — спросил Рик.

Оба Розена промолчали.

— Послушайте, — проговорил он убеждающе. — Наши интересы не расходятся. Для меня важно, чтобы тест Байт-Кампфа выявлял истину, это же важно и для вас.

Старший Розен промолвил:

— Она не андроид.

— Я не верю в это, — сказал Рик.

— Зачем ему лгать? — с жаром спросила Рейчел. — Нам было бы выгоднее обмануть вас на чем-нибудь другом.

— Я требую анализа костного мозга, — заволновался Рик. — В конце концов, это можно определить органически — андроид вы или нет. Да, анализ занимает много времени и это, конечно, больно, но...

— По закону, — заметила Рейчел, — вы не можете меня принудить согласиться на этот анализ. Кроме того, у живого человека, а не трупа убитого андроида, на такой анализ уходит много времени. Но одно вы сказали правильно — это не конец.

Она поднялась со своего места, отошла в сторону и остановилась спиной к Рiku.

— Вопрос не в законности анализа ткани костного мозга, — добавил Элдон Розен хрипло. — Дело в том, что ваш тест на эмпатию оказался недейственным по отношению к моей племяннице. Я могу объяснить, почему ее реакции напоминают реакции андроида. Рейчел выросла на борту «Саландера-3». Она там родилась и провела четырнадцать лет, зная о Земле только то, что содержала библиотека записей и о чем ей рассказывали девять членов экипажа. Потом, как вам известно, корабль повернул, преодолев лишь шестую часть пути к Проксиме. Иначе Рейчел никогда не увидела бы Земли, во всяком случае, до самой старости.

— Вы бы «отправили меня на покой»? — спросила Рейчел через плечо. — Я была бы убита? Я знала это еще четыре года назад, когда вернулась сюда. Я уже не в первый раз прохожу тест Байт-Кампфа. Честно говоря, я редко покидаю это здание: риск слишком велик. Полиция устраивает проверки на дорогах и в воздухе, отыскивая неклассифицированных специалистов.

— И андроидов, — добавил Элдон Розен, — хотя широкий публике, разумеется, об этом не сообщают. Ей не нужно знать, что андроиды проникли на Землю и скрываются среди нас.

— Я не думаю, что им это удалось. Я считаю, что полицейские организации и у нас, и в том полушарии уже ликвидировали всех, — сказал Рик. — Население теперь достаточно малочисленно. Всякий, рано или поздно, попадет в случайную проверку.

Так, по крайней мере, считалось.

— Вас проинструктировали на случай, если вы классифицируете человека, как андроида? — спросил Элдон Розен.

— Это дело нашего управления, — объяснил Рик.

Он закрыл чемоданчик, в который уже уложил аппарат.

Оба Розена молча следили за его действиями.

— Само собой, — добавил Рик, — мне было приказано прекратить дальнейшие испытания, что я сейчас и делаю. Если тест один раз не удался, какой смысл продолжать?

Он защелкнул чемоданчик.

«Брайант был прав, — подумал он. — Слава Богу, что мне не нужно выполнять задание на основании этого одного теста».

— Вся проблема, — заметил он, — заключается в методе вашего производства, мистер Розен. Никто не принуждал вашу ассоциацию доводить совершенство гуманоидных роботов до этого предела, когда...

— Мы делали то, что требовалось колонистам, — объяснил Элдон Розен. — Мы следовали проверенному временем принципу коммерции. Если бы мы не занялись совершенствованием андроидов, это сделала бы другая фирма. Мы знали, на какой риск идем, создавая модель «Узел-6». Но ВАШ ТЕСТ ДОКАЗАЛ СВОЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ. Другое дело, если бы вам не удалось определить андроида модели «Узел-6», если бы вы его не вычислили. Это был бы другой случай, но произошло обратное.

Голос его вдруг приобрел твердость и резкость.

— Весьма вероятно, что ваше управление и многие другие отправили на покой немало настоящих людей вместо андроидов. И только потому,

что у тех были недоразвиты эмпатические способности, как у моей невинной племянницы. Ваша позиция, мистер Декард, до крайности незавидна. С моральной точки зрения. Ваша, а не наша.

— Другими словами, — прервал его Рик, — вы не дадите мне возможности проверить хоть одного андроида типа «Узел-6».

Он начал понимать, что происходит.

— Вы заблаговременно выпустили на меня эту шизоидную девицу.

«Мой тест провалился, — подумал он. — Нужно было не делать этого. Во всяком случае, теперь слишком поздно».

— Мы обманули вас, мистер Декард, — согласилась Рейчел Розен.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

Рик даже теперь не мог понять, как корпорации Розена так легко удалось провести его. Он осознал, что им помогли эксперты. Такая гигантская корпорация, у нее огромный опыт. Она обладает своего рода групповым сознанием, а Элдон Розен и Рейчел являются только представителями, выразителями идей этого мозга. Очевидно, в этом и была его ошибка. Он воспринимал их как отдельные индивидуумы. Такой ошибки он больше не повторит.

— Ваш начальник, мистер Брайант, — заметил Элдон Розен, — будет очень озадачен, узнав, как легко мы доказали, что ваш тест недействителен. И это еще до начала настоящей проверки.

Он показал на потолок. Рик увидел блестящие линзы камеры. Его оплошность была записана на пленку.

— Я думаю, что сейчас нам всем следует пообедать, — предложил Элдон Розен.

Он сделал дружелюбный жест.

— Мы можем что-нибудь придумать, нет причин волноваться. Андрониды типа «Узел-6» — это уже реальность. Мы, «Розен Асосиейшн», так это и воспринимаем. И вы теперь тоже, я надеюсь.

Рейчел, наклонившись к Рiku, спросила:

— Вы хотели бы получить сову?

— Я сомневаюсь, что буду когда-нибудь владеть ею.

Он сознавал, что имеет в виду девушка, понимал, какую сделку хочет совершить корпорация Розена. Рик почувствовал напряжение совершенно необычного свойства. Такого с ним никогда еще не было. Напряжение взорвалось изнутри, затопив его всего до последнего уголка. Это напряжение полностью овладело им.

— Но сова, — сказал Розен-старший, — это именно то, что вы хотите.

Он вопросительно посмотрел на Рейчел.

— Кажется, он не понимает.

— Он все прекрасно понимает, — возразила Рейчел. — Он отлично знает, к чему идет дело. Не так ли, мистер Декард?

Она снова наклонилась к нему, на этот раз еще ближе. Он почувствовал легкий аромат духов и тепло ее тела.

— Мистер Декард, вы ведь уже овладели собой?

Элдону Розену она объяснила:

— Он — охотник на андроидов, не забывайте этого. Он получает премии, не только жалованье. Правильно, мистер Декард?

Рик кивнул.

— Сколько андроидов убежало на этот раз? — поинтересовалась Рейчел.

Помолчав немного, Рик сознался:

— Всего восемь, двое уже отправлены на покой. Не мной, другим охотником.

— Сколько вы получаете за одного андроида? — спросила Рейчел.

Пожав плечами, он ответил:

— По-разному.

— Если у вас нет настоящего инструмента для тестирования, то нет способа обнаружить андроида, — констатировала Рейчел, — а если нет этого способа, то нет возможности получить премию, поэтому, если будет забракована шкала Байт-Кампфа...

— Ее заменит новая шкала, — прервал ее Рик. — Это уже случилось раньше.

«Три раза, если быть точным, — подумал он. — Но в тех случаях необходимые для новой шкалы анализирующие инструменты уже были известны. На этот раз положение иное».

— Конечно, в итоге шкала устареет и выйдет из употребления, — согласилась Рейчел. — Но до этого еще далеко. Мы довольны тем, что она способна выявлять андроидов типа «Узел-6», и мы хотели бы, чтобы вы продолжали свою необычную работу.

Крепко сжав ладони и покачиваясь на стуле, она пристально смотрела на Рика, стараясь прощупать его реакцию.

— Скажи ему, что он получит сову, — проскрежетал Розен.

— Вы сможете взять сову, — объяснила Рейчел.

Она все еще не спускала с него глаз.

— Ту, что на крыше, Скреппи. Но мы бы хотели, если достанем самца, спарить их, и потомство будет принадлежать нам. Здесь не может быть никаких компромиссов. И еще условие.

Рейчел оглянулась на Элдона Розена, который кивал, соглашаясь.

— Вы не сможете передавать эту сову по наследству. В случае вашей гибели она вернется в корпорацию.

— Получается что-то вроде приглашения, — уточнил Рик. — Вы явитесь и прикончите меня, чтобы немедленно вернуть сову. Я с этим не согласен. Это слишком опасно.

— Но ведь вы охотник на андроидов, — заметила Рейчел. — Вы умеете держать в руках лазерный пистолет. Ведь и сейчас у вас есть с собой оружие. Если вы не в состоянии защитить себя, то как вы собираетесь «отправить на покой» шестерых оставшихся анди типа «Узел-6»? Они куда более опаснее старых «В-четыре» корпорации Розен.

— Но ведь это я охочусь на них, — сказал Рик. — А в случае с совой кто-то будет охотиться на меня.

Идея ему не нравилась. Ведь даже андроиды, если кто-то шел за ними по следу, меняли свое поведение.

— Ладно, — согласилась Рейчел, — здесь мы уступим. Вы завещать сову наследникам. Но мы настаиваем на том, чтобы все потомство, весь выводок перешел к нам. Если это вам не подходит, отправляйтесь к своему начальнику в Сан-Франциско и расскажите, что шкала Байт-Кампфа не в состоянии отличить андроида от человека. А потом ищите другую работу.

— Дайте мне немного времени, — попросил Рик.
— Хорошо, — ответила Рейчел. — Мы вас оставим здесь, в уютной обстановке.

Она посмотрела на часы.

— Полчаса, — предложил Элдон Розен.

Они с Рейчел безмолвно направились к дверям. Они сказали все, что хотели. Все остальное зависело только от него.

Когда Рейчел уже закрывала дверь, он проговорил в пространство:

— Вам удалось поймать меня в ловушку. Мой промах записан на пленку. Вы знаете, что работа зависит от применения шкалы Байт-Кампфа. И у вас эта проклятая сова.

— Твоя сова, милый, — уточнила Рейчел. — Не забыл? Мы привяжем ей к лапке карточку с твоим домашним адресом и отправим в Сан-Франциско. Оно тебя там встретит.

«Оно, — подумал Рик. — Рейчел назвала сову «оно», а не «она».

— Одну секунду, — попросил он.

Задержавшись в дверях, Рейчел поинтересовалась:

— Вы решились?

Рик открыл свой чемоданчик.

— Я хочу задать вам еще один вопрос из теста. Присядьте еще раз, пожалуйста.

Рейчел бросила взгляд на дядю.

Он кивнул, она пожала плечами и села за тот же столик, что и раньше.

— Зачем вам это? — она, видимо, торопилась.

Рейчел с отвращением и с тревогой приподняла брови. Рик заметил это напряжение, профессионально отметив его.

Минуту спустя он уже направлял световой карандаш в глаза Рейчел, а к ее щеке он приклеил проволоочный диск. Рейчел неподвижно смотрела прямо на луч, не меняя выражения лица, на котором застыло выражение гадливости.

— Симпатичный у меня чемоданчик, — проронил Рик.

Он выуживал из него листки с вопросами.

— Служебный. Хороший, правда?

— М-да, — неопределенно согласилась Рейчел.

— Детская кожа, — заметил Рик.

Он погладил черную кожаную крышку чемоданчика.

— Стопроцентная натуральная кожа ребенка.

Он увидел, как отчаянно метнулись стрелки на каждом индикаторе, но только лишь после едва заметной паузы. Реакция имела место, но слишком поздно. Никакой паузы вообще не должно было быть.

— Благодарю вас, мисс Розен, — проговорил Рик.

Он стал собирать приборы.

Повторное испытание было завершено.

— Это все.

— Вы улетаєте? — поинтересовалась Рейчел.

— Да, — ответил он — Я удовлетворен результатами.

Рейчел с опаской спросила:

— А как же с остальными девятью испытуемыми?

— В вашем случае шкала вполне оправдала себя. Я могу делать выводы. Тест явно эффективен.

Он повернулся к Элдону Розену, который в угрюмом молчании стоял у двери.

— Она знает?

Иногда они и сами не знали, кто они.

А иногда им вводилась ложная память — в основном для того, чтобы изменить исход теста.

— Нет, — проронил Элдон Розен. — Мы ее полностью запрограммировали. Но, кажется, недавно она начала подозревать.

Обратившись к девушке, он спросил:

— Когда он потребовал еще одно испытание, ты ведь догадалась?

Побледнев, Рейчел кивнула.

— Не бойся его, — прохрипел Элдон Розен. — Ведь ты не сбежавший андроид, нелегально проникший на Землю. Ты собственность ассоциации Розена, используемая как часть торговой рекламы для привлечения будущих колонистов.

Он подошел к девушке и успокаивающим жестом положил руку на ее плечо. Его прикосновение заставило Рейчел содрогнуться.

— Он прав, — согласился Рик. — Я не собираюсь отправлять вас на покой, мисс Розен. Всего хорошего.

Рик направился к двери, потом на миг остановился. Обернувшись к Рейчел и Розену, он спросил:

— Ваша сова настоящая?

Рейчел бросила быстрый взгляд на Элдона.

— Он все равно уходит, — вздохнул старший Розен. — Это уже не имеет значения. Нет, сова искусственная. Живых сов больше нет.

— Гм, — тихо буркнул Рик.

Он вышел в коридор. Двое в комнате смотрели ему вслед. Все молчали. Все уже было сказано. «Так вот как, значит, действует самый крупный производитель андроидов», — подумал Рик. Это было пошлое коварство, с таким он раньше и не сталкивался. Скрытный, сложный, небезопасный тип личности. Недаром органы правопорядка обеспокоены появлением типа «Узел-6».

«Узел-6». Теперь он вспомнил. Ведь Рейчел и есть, вероятно, «Узел-6»!

«Я впервые увидел одного из них, и они едва не обманули меня. Они хотели подкопаться под тест Байт-Кампфа — единственный метод, которым мы располагаем, чтобы их обнаружить. Ассоциация Розена неплохо поработала и подошла очень близко к цели, к тому, чтобы защитить производившийся на ее предприятиях товар. А мне предстоит иметь дело еще с шестью, — размышлял Рик. — За каждый цент премии придется попотеть».

Конечно, если он выйдет из этой переделки живым.

Шесть

Телевизор грохотал. Спускаясь по покрытой многолетней пылью лестнице огромного пустынного дома, Джон Исидор слышал голос так хорошо знакомого ему Бастера Дружби, который просто сочился весельем. Бастер болтал со своей широчайшей всесистемной аудиторией зрителей.

— Ха-ха, парни! Стук-стук! А теперь пора сделать краткую сводку прогноза погоды на завтра. Сначала восточное побережье США. Спутник «Мангуста» сообщает, что осадки станут особенно сильными к полудню, потом они уменьшатся. Поэтому вам, ребята, придется подождать, если вы собрались выйти прогуляться около полудня. Кстати, насчет того, чтобы подождать. Осталось всего десять часов до того момента, когда я сообщу вам чрезвычайную новость. Это мой сюрприз. Возможно, вы думаете, что как всегда...

Как только Исидор постучал в дверь квартиры, телевизор тут же замолчал, канув в небытие. Он не просто замолчал, он перестал существовать, до смерти перепуганный стуком Исидора.

Но через открытую дверь Исидор чувствовал присутствие другой жизни. Он убедил себя, что физически ощущает страх, безгласный испуг, притаившийся за дверью квартиры и пятавшийся теперь, будто кто-то пытался забиться в самый дальний угол, стремясь избежать встречи с Исидором.

— Эй, — позвал Исидор. — Я живу на верхнем этаже. Я услышал, что у вас работает телевизор. Давайте познакомимся. Идет?

Он подождал, прислушиваясь. Не последовало ни звука, ни шороха, ни движения.

— Я принес вам пачку маргарина, — сообщил он.

Исидор подошел вплотную к двери и, стараясь чтобы его голос проник сквозь ее толщу, прокричал:

— Меня зовут Джон Исидор, я работаю у известного ветеринара мистера Ганнибала Слоута, вы ведь слышали о нем. Я вполне приличный человек. У меня есть работа. Я вожу фургон мистера Слоута.

Дверь робко приоткрылась, и Исидор заметил внутри квартиры силуэт девушки, которая, пытаясь не попасть на глаза Исидору, не выпускала дверь, будто та помогала ей держаться на ногах.

Страх искажил ее лицо. Девушка выглядела так, словно кто-то сломал ее, а потом злобно, кое-как слепил.

Ее неподвижные огромные глаза смотрели на Исидора, а губы пытались улыбнуться.

Внезапно осознав, что случилось, он проговорил:

— Вы думали, что в этом доме никого больше нет, что он пуст?

Кивнув, девушка прошептала:

— Да.

— Но, — проронил Исидор, — всегда приятно иметь соседей. Пока не появились вы, у меня вообще не было никаких соседей, а это невесело, бог свидетель.

— Так вы здесь один? — уточнила девушка. — В этом здании, кроме меня, вы один?

Теперь она казалась менее робкой.

Тело ее выпрямилось. Она провела ладонью по волосам, поправляя их. Теперь Исидор увидел, что у девушки прелестная фигура, хотя и миниатюрная, а глаза притенены длинными черными ресницами. Застигнутая врасплох, она была одета только в пижамные брюки. Больше на ней ничего не было.

Глядя мимо нее, Исидор разглядел, что в комнате царит беспорядок — разбросаны открытые чемоданы, содержимое которых вывалилось на пол,

пыльный и грязный. Но это было совершенно естественно, ведь она только что приехала.

— Я здесь один, — подтвердил Исидор, — я не стану вам мешать.

Он почувствовал себя подавленным.

Его гостинец, напоминавший о старом обычае довоенных времен, не был принят. Девушка, кажется, вообще не понимала, зачем он принес ей маргарин, или даже не заметила, что он что-то держит в руках.

У него возникло такое ощущение, что девушка совершенно растеряна. Она беспомощно барахталась в той волне страха, которая охватила ее.

— Старина Бастер вам нравится? — спросил Исидор.

Он старался снять напряжение.

— Я смотрю его передачи каждое утро и вечером тоже, когда возвращаюсь с работы. Смотрю, пока ужинаю, а потом до самого вечера, пока не ложусь спать. То есть так было до сих пор, пока не сломался мой телевизор.

— Кто... — начала девушка.

Она оборвала фразу, прикусив губы, словно страшно рассердившись, очевидно, на себя.

— Бастер Дружби, — объяснил Исидор.

Ему показалось странным, что девушка никогда не слышала о самом великом комике на Земле.

— А вы откуда приехали? — поинтересовался Исидор.

— Какая разница?

Она бросила на него быстрый взгляд снизу вверх и заметила нечто такое, что сразу уменьшило ее страх. Тело ее заметно расслабилось.

— Я буду рада вашему обществу, — объявила она, — но позже, когда немного освоюсь. Сейчас об этом не может быть и речи.

— Почему?

Он терялся в догадках. Эта девушка явно ставила его в тупик. «Возможно, — подумал он, — я слишком долго прожил в одиночестве. Я изменился, стал не такой, как все». Эта мысль еще более усилила его подавленность.

— Я мог бы помочь вам распаковать вещи, — решил, наконец, Исидор.

Дверь почти захлопнулась прямо перед его носом.

— И мебель...

— У меня нет мебели, — объяснила девушка.

Она показала на комнату.

— Все эти вещи уже были здесь.

— Они вам не подойдут, — сказал Исидор.

Он сразу определил, что мебель никуда не годится. Стулья, ковер, столы — все сгнило, погрузилось в братскую могилу вещей, поглощенных деспотической властью времени. И заброшенности. В этой квартире никто не жил много лет, она превратилась в руины. Он не представлял, как собиралась эта девушка существовать в таких условиях.

— Слушайте, — предложил он искренне, — если мы обьем дом, то, может быть, найдем кое-что получше. В одной квартире лампу, в другой — стол, и так далее.

— Я так и сделаю, — согласилась девушка. — Сама. Спасибо.

— Вы одна пойдете по всем этим пустым квартирам?

Он не мог поверить.

— Почему бы нет?

Она снова нервно вздрогнула, поняв, что сказала что-то не то.

— Я попробовал однажды побродить здесь в одиночестве, и теперь стараюсь сразу же возвращаться к себе и не вспоминать обо всем этом после. Сотни пустых квартир, и там еще полно вещей, которые остались после людей, живших в них. Те, кто умерли, ничего не могли с собой взять, а те, кто эмигрировали, не захотели. Весь этот дом, кроме моей квартиры, совершенно пришел в упадок.

— Как?

Она не поняла.

— Ну, это я так называю. Всюду мусор, бесполезные предметы вроде старых конвертов или спичечных коробок, оберток от жевательной резинки, вчерашние газеты. Когда поблизости нет людей, мусор начинает размножаться, воспроизводить сам себя. Например, если вы ложитесь спать, оставляя в комнате некоторое количество мусора, то утром это количество увеличится в два раза. Его становится все больше и больше.

— Я понимаю, — кивнула головой девушка.

Она неуверенно смотрела на него, не зная, верить его словам или нет, серьезно ли он все это говорит.

— Имеется Первый закон мусоризации, — объяснил Исидор. — Мусор вытесняет не-мусор. А в тех квартирах уже давно никто не живет, и некому было воевать с мусором.

— И он победил, — закончила за него девушка. — Теперь я понимаю.

— Эта ваша комната, вернее, квартира, которую вы выбрали, слишком мусоризирована, чтобы в ней можно было жить. Но мы сумеем исправить положение. Мы можем, как я уже говорил, поискать в других квартирах. Но...

Он замолчал.

— Но?

— Но мы никогда не победим, — констатировал Джон Исидор.

— Почему?

Девушка вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Сложив руки и прикрыв тем самым свои маленькие, высоко посаженные груди, она стояла прямо перед Исидором, всем своим видом выражая стремление понять все, что он говорил.

По крайней мере, она умела слушать.

— Никто не победит мусоризацию, — объяснил Исидор. — Выигрыш бывает только временным и в каком-то отдельном месте, как в моей квартире, где мне удалось создать своего рода подвижное равновесие между мусором и не-мусором. Но ведь в конечном итоге я или умру, или уеду, и мусор возьмет свое. Это универсальный закон. Он действует во всей вселенной. Вся наша Вселенная движется к полной мусоризации, не считая, конечно, Вилбура Сострадающего и его пути наверх.

Девушка недоумевающе смотрела на него.

— Не вижу связи.

— Но в этом весь смысл сострадания.

Он снова был озадачен.

— Разве вы не участвуете в сопереживании, и у вас нет генератора эмпатии?

Девушка осторожно проговорила после паузы:

— Я не взяла его с собой. Я предполагала, что найду свободный аппарат здесь.

— Но ведь эмпати-генератор, — горячился Исидор, — это необходимая вещь, которая должна быть у каждого человека! Это продолжение вашего тела, это способ, с помощью которого вы соприкасаетесь с эмоциями других людей и не страдаете от одиночества. Хотя вы это знаете, все это знают. Сострадатели позволяют даже таким, как я...

Исидор замолчал, но было поздно.

Он уже выдал себя, и по вспыхнувшему на ее лице внезапному отращению он понял, что она его разгадала.

— Я почти прошел этот тест, — объяснил он, — на умственные способности.

Голос его дрожал.

— Я умственный специал, совсем не такой, как остальные. И Сострадающему это все равно.

— Что касается меня, — проронила девушка, — то я считаю это главным недостатком страдающих.

Исидор понял, что она объяснила ему свое отношение к недоумкам.

— Я пойду обратно к себе, — Исидор повернулся.

Он направился к лестнице, сжимая в руке пачку маргарина. Тепло его руки растопило маргарин.

Девушка смотрела, как он уходит, но вдруг бесстрастное выражение ее лица изменилось. Она позвала:

— Подождите!

— Зачем? — спросил Исидор.

Он повернулся.

— Вы мне нужны. Надо подыскать соответствующую мебель в других квартирах, как вы предложили.

Она гордо подошла к нему. Обнаженная верхняя часть ее тела свидетельствовала об отсутствии даже грамма лишнего жира.

— В какое время вы возвращаетесь с работы? Вы могли бы мне помочь.

— А вы не могли бы приготовить ужин для нас двоих, если я принесу кое-что из продуктов? — поинтересовался Исидор.

— Нет, у меня слишком много дел.

Девушка отмахнулась от предложения, даже не вникая в него.

Теперь, когда исчез ее страх, в поведении девушки появилось что-то другое, нечто очень странное. Какая-то отстраненность, холодность сквозили в каждом ее поступке, слове. По крайней мере, так показалось Исидору. Дело было не в том, что она говорила или делала, а в том, чего она не делала и не говорила.

— Как-нибудь в другой раз, — предложила девушка.

Она направилась к своей квартире.

— Вы не забыли, как меня зовут? — спросил ее Исидор. — Джон Исидор. Я работаю...

— Вы уже говорили мне, где вы работаете.

Она на минуту остановилась у двери, открыла ее и тихо произнесла:

— У какого-то невероятного типа по имени Ганнибал Слоут, но мне кажется, что он существует только в вашем воображении. Меня зовут Рейчел Розен.

Она бросила на него последний холодный взгляд.

— Вы из ассоциации Розена? — уточнил Исидор. — Самого крупного производителя гуманоидных роботов, которых он делает для осуществления программы колонизации?

Странное, непонятное выражение вдруг промелькнуло на ее лице и исчезло.

— Нет, — объявила она. — Я об этой компании не слышала и ничего о ней не знаю. Еще одна ваша недоумочная фантазия, надо полагать, Джон Исидор и его персональный генератор эмпатии. Бедняжка мистер Исидор.

— Но, судя по вашему имени...

— Мое имя, — проговорила девушка, — Прис Страттон. Это мое имя по мужу, и я пользуюсь только им. Можете называть меня Прис.

Она подумала и предложила:

— Нет, лучше обращайтесь ко мне «миссис Страттон», потому что мы друг друга почти не знаем. По крайней мере, я вас не знаю.

Дверь за ней захлопнулась, и Исидор остался один в пыльном коридоре, погруженном в полумрак.

Семь

«Да, вот такие дела, — подумал Джон Р. Исидор, сжимая в ладони размякший кубик маргарина. — Возможно, она еще передумает и разрешит мне называть ее Прис. И, может быть, я достану банку довоенных овощных консервов для ужина. Но, вероятно, она не умеет готовить. Ничего, я ей покажу. Я приготовлю ужин для нас двоих и объясню ей, что надо делать, если она вдруг в будущем захочет поужинать вместе со мной. Да, она наверняка захочет, как только я научу ее. Большинство женщин, даже молодых, любят готовить. Это инстинкт».

Поднявшись по темной лестнице, он вернулся в свою квартиру.

Облачаясь в белую рабочую униформу, Исидор подумал, что в ней действительно есть нечто необычное. Но Исидор уже понял, что даже если поспешить, он все равно уже опоздал на работу, и мистер Слоут станет сердиться.

Ну и что? Она, например, не слышала о Бастере Дружбы, хотя это и невероятно. И ничего.

«Бастер — самая важная персона из всех живущих, кроме, может быть, Вилбура Сострадающего, но ведь сострадающий — это не живой человек, это какая-то верховная личность со звезд, по космическому шаблону наложенная на нашу культуру. По крайней мере, так все говорят. И мистер Слоут тоже так говорит, а Ганнибал Слоут многое знает. Однако странно, что девушка так непоследовательна в отношении собственного имени. Возможно, ей необходима помощь. Могу ли я ей помочь? Специал, недоумок, что я знаю? Я не имею права эмигрировать, и в конце концов пыль прикончит меня. Мне нечего предложить ей», — размышлял Исидор.

Одетый и готовый отправиться в путь, он покинул свою квартиру и поднялся на крышу, где был припаркован его выдавший виды аэрокар.

Час спустя, уже посидев за рулем служебного автофургона, он принял первое за этот день сломавшееся животное: электрического kota. Животное лежало в пластмассовой пылезащитной корзине в заднем конце фургона,

нервно и громко дыша. «Да, вполне можно принять его за настоящего», — отметил про себя Исидор, направляясь к ветеринарной лечебнице Ван Несса. Это было весьма карликовое заведение, которое едва сводило концы с концами в условиях жесткой конкуренции, царившей в сфере ремонта поддельных животных.

Кот громко вздохнул.

«О, господи, — подумал Исидор, — такое впечатление, что он и в самом деле умирает. Наверное, закоротило батарею с десятилетним зарядом, и теперь перегорают все контуры». Это был солидный ремонт. Мастеру ветлечебницы Ван Несса, Милту Борогову, придется изрядно попотеть. «А я не назвал владельцу цену за ремонт, — мрачно вспомнил Исидор. — Парень просто сунул мне кота, сообщил, что он спешил на работу. Во всяком случае, разговор внезапно был прерван, и владелец с громом умчался в небо в новеньком заказном каре. Новый клиент».

Коту Исидор сказал:

— Сможешь продержаться, пока мы доберемся до мастерской?

Кот не умолкал.

— Ладно, я перезаряжу тебя сейчас, — решил Исидор.

Он посадил фургон на ближайшую свободную крышу и, не выключая мотора, пробрался к пластиковой защитной корзине для транспортировки животных, которая вместе с белым комбинезоном и названием фирмы на фургоне создавала полную иллюзию настоящей ветлечебницы.

Электрический механизм, заключенный в совершенно натурального вида серую кожу, булькал и хрипел. Его видеопленки остекленели, металлические челюсти были крепко сжаты. Что всегда поражало Исидора, так это все эти контуры-признаки «болезни», встроенные в поддельных животных. Механизм, лежавший сейчас на коленях Исидора, был устроен таким образом, что когда выходил из строя основной агрегат, то вся конструкция не просто ломалась, а принимала совершенно естественный вид заболевшего животного. «Даже я мог бы обмануться», — подумал Исидор, шаря тем временем в меховом покрытии живота электрического животного и отыскивая крышку контрольной панели, весьма миниатюрной у всех поддельных животных. Исидор не мог отыскать ее, а времени у него не оставалось — механизм почти перестал действовать. «Если дело в коротком замыкании, — подумал он, — то стоит попытаться отсоединить один из проводов батареи, механизм лишится питания, и ему не будет причинено никакого вреда, а потом в мастерской Милт снова присоединит батарею».

Исидор ловко пробежал пальцами по псевдопозвоночнику. Провода должны были находиться где-то здесь. Это была чертовски тонкая работа, совершенная имитация. Проводов нельзя было заметить даже при самом близком и тщательном осмотре.

Видно, кота сделали у Вилбрайта и Карпендера. Там псевдоживотные дорогие, но зато какой товар!

Исидор сдался. Поддельный кот полностью прекратил функционировать. Исидор пессимистически подумал, что починка обойдется в копеечку. Сразу чувствовалось, что хозяин не делал трехгодичного профилактического осмотра. Возможно, этот случай послужит ему печальным, но необходимым уроком.

Исидор снова влез в водительское кресло, передавая руль управления в положение «вверх» и взмыл в воздух, возобновив полет в мастерскую.

Во всяком случае, теперь ему не приходилось слушать выводившие из себя стонотрагические сломанного механизма.

Исидор мог расслабиться. «Забавно, — подумал он. — Хотя я и знаю, что это всего лишь поддельное животное, а в животе у меня все равно что-то сжимается».

Затем он с горечью подумал: «Если бы я мог найти другую работу, если бы я не провалил тест на умственные способности, то не докатился бы до такого занятия со всеми его моральными издержками». С другой стороны, синтетические страдания поддельных животных совершенно не волновали Милта Борогова или их шефа Ганнибала Слоута. «Видимо, дело во мне, — решил Джон. — Вероятно, когда личность деградирует, как это случилось со мной... когда она погружается в могильный мир, мир специалистов... что ж, в таком случае лучше вообще оставить эту мысль и не развивать ее дальше». Такие моменты, когда ему приходилось раздумывать о собственных способностях, особенно подавляюще действовали на Джона Исидора.

С каждым днем он терял очередную порцию жизненной энергии. Он и тысячи других специалистов по всей Земле с каждым годом все быстрее превращались в живой мусор.

Чтобы скрасить одиночество, он щелкнул клавишей радио и настроился на радиопредставление Бастера Дружби, которое, подобно телевизионной версии, продолжалось двадцать три непрерывных часа в сутки. Последний час был посвящен религиозному воспитанию. Затем следовал десятиминутный перерыв, а потом все начиналось снова.

— Я рад снова видеть тебя здесь, — говорил Бастер Дружби. — Итак, Аманда, прошло уже целых два дня с тех пор, как ты в последний раз побывала у нас в гостях. Ты работаешь над новой лентой, дорогая?

— Да, я собиралась начать ленту еще вчера, но только они сказали, что мы начнем в семь...

— В семь часов утра? — вмешался Бастер.

— Да, именно! В семь утра!

Аманда Вернер засмеялась своим знаменитым смехом, почти таким же искусственным, как и смех Бастера. Аманда Вернер и несколько других прекрасных леди с большими коническими грудями да еще несколько так называемых юмористов составляли стандартный набор гостей в представлениях Бастера Дружби. Женщины, подобные Аманде, никогда не снимались в фильмах, не появлялись на театральных подмостках. Они жили в призрачном, странном мире передач Бастера, в его бесконечном шоу, появляясь на телеэкранах, как отметил про себя Исидор, по семьдесят часов в неделю.

Каким образом Бастер находил время записывать все свои теле- и радиошоу?

Эта мысль озадачила Исидора.

Каким образом Аманде удастся быть у Бастера в гостях чуть ли не каждый день месяц за месяцем, из года в год?

Как удастся им часами разговаривать без перерыва? Они никогда не повторялись, во всяком случае, насколько Исидор был способен определить. Их реплики, всегда остроумные, всегда свежие, не были заучены

заранее. Волосы Аманды блестели, глаза сияли, зубы сверкали. Ни Аманда, ни Бастер никогда не задерживались с ответом, никогда не казались усталыми, легко шутили, острили. Шоу Бастера Дружби, передаваемое через спутник на всю территорию Земли, также изливалось и на эмигрантов в колониях на остальных планетах.

Была произведена попытка осуществить эту передачу для Проксимы Центавра на случай, если колонизация успешно распространится в такую даль. Если бы «Саландер-3» достиг своей цели, то путешественники на борту корабля обнаружили бы, что Бастер Дружби уже поджидает их, и они были бы очень довольны и рады.

Но кое-что в Бастере Дружби раздражало Исидора. Одна деталь. Очень тонко, почти незаметно Бастер высмеивал тех, кто пользовался генераторами эмпатии. Он делал это постоянно, а не от случая к случаю. Собственно, и сейчас он этим занимался.

— ...камешки в меня не швыряют, — сообщал Бастер Аманде Вернер. — И если я отправлюсь вверх по горному склону, то обязательно захвачу пару бутылочек пива, лучше всего «будвайзер».

Зрители в студии засмеялись. Исидор услышал аплодисменты.

— Потом я сообщу вам наконец про мою грандиозную новость. То, что произойдет ровно через десять часов.

— И я тоже, дорогой, — выдохнула Аманда. — И когда они швырнут в тебя камнем, я тебя заслону!

Аудитория снова восторженно завывала, и Джон Исидор ощутил, как затылок и шея его деревенеют от гнева.

— Почему Бастер постоянно подкалывает Сострадающего? Как будто никто не замечает этого! Ведь Органы правосудия в Америке и в восточном полушарии публично заявили, что сострадание способствует снижению преступности, делая человека более озабоченным судьбой ближнего своего. Человечеству требуется как можно больше сострадания и сочувствия, так сказал Титус Корнинг, генеральный секретарь ООН. И он неоднократно это повторял. Наверное, Бастер завидует Вилбуру Сострадающему, они конкурируют. Но зачем? — разговаривал Исидор сам с собой.

«Для того, чтобы влиять на ваше сознание, — решил Исидор. — Они сражаются за контроль над нашими психологическими сущностями. С одной стороны — генераторы эмпатии, с другой — Бастер Дружби со своим ржанием и импровизированными остротами. Нужно будет сказать об этом Ганнибалу Слоуту и спросить его, верно ли это. Он должен знать наверняка».

Когда Исидор припарковал фургон на крыше лечебницы Ван Несса, то быстро спустился вниз, в кабинет Ганнибала Слоута, захватив пластмассовый футляр с неподвижным электрическим котом.

Мистер Слоут оторвал взгляд от страницы, которую читал. Его серое, изрезанное морщинами лицо исказилось. Ганнибал Слоут был слишком стар, чтобы эмигрировать, и его обрекли провести остаток дней на Земле, хотя специалистом он не являлся. За все эти годы пыль сильно подействовала на него, словно едкая ржавчина, и мысли его и черты лица приобрели серый оттенок. Он сильно осунулся, ноги его превратились в спицы, походка стала неуверенной. Слоут смотрел на мир сквозь стекла, в букваль-

ном смысле слова, запорошенные пылью. По какой-то причине Ганнибал Слоут никогда не протирал очков. Как будто он сдался. Он принял радиоактивную грязь, как неизбежное зло, и уже многие годы она делала свое дело, постепенно погребая его. Зрачки его уже сейчас словно затуманились.

В последующие годы пыль лишит его и остальных связей с внешним миром, пока останется только его птичий, высокий голос. А потом замолчит и он.

— Что там у тебя? — спросил мистер Слоут.

— Кот. У него короткое замыкание в системе питания.

Исидор поставил футляр с котом на стол шефа, заваленный бумагами, документами, бланками и брошюрами.

— Зачем ты его мне притащил? — недовольно поинтересовался мистер Слоут. — Неси его вниз, в мастерскую к Милту.

Тем не менее он задумчиво открыл коробку и вытащил испорченное животное.

Когда-то он сам был очень хорошим мастером по ремонту.

— Мне кажется, — проговорил Исидор, — что Бастер и Сострадающий сражаются за власть над нашей психикой.

— Если это так, — высказал мнение Слоут, — то Бастер побеждает.

Он осматривал кота.

— Он побеждает в данный момент, — уточнил Исидор, — но в конечном счете он проиграет.

Слоут поднял голову и пристально посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что Вилбур Сострадающий постепенно возрождается. Он вечен. С вершины холма его низвергают, он погружается в могильный мир, но он все равно поднимается опять вверх, это неизбежно. И с ним поднимаемся мы. Поэтому мы тоже вечные.

Исидору было очень приятно, что он так легко рассуждает. Обычно в присутствии мистера Слоута он смущался.

— Бастер тоже бессмертен, как и Сострадающий. Тут нет разницы.

— Как это так? Ведь он просто человек.

— Не знаю, — сказал Слоут, — но это так. Конечно, об этом не говорят.

— Значит, поэтому Бастеру Дружби удастся записывать сорок шесть часов передач каждый день?

— Верно, — согласился Слоут.

— А Аманда Вернер и все остальные?

— И они бессмертны.

— Кто же они — высшая форма жизни из другой системы?

— Мне до сих пор не удалось этого выяснить точно, — буркнул мистер Слоут.

Он продолжал осматривать кота. Слоут снял очки и теперь невооруженными глазами рассматривал полуоткрытую пасть кота.

— Так же, как и в случае с Вилбуром, — закончил он почти неслышно.

Потом он выругался, извергнув длинную цепочку сквернословий.

— Этот кот, — сообщил Слоут наконец, — настоящий. Я знал, что когда-нибудь такое случится. Он мертв.

Слоут посмотрел на трупик кота и снова выругался.

В дверях кабинета появился Милт Борогов, дородный мужчина, но тоже с седоватой кожей. На нем был его обычный фартук из голубой парусины.

— Что такое? — поинтересовался он.

Увидев кота, он подошел и поднял животное.

— Этот недоумок, — объяснил Слоут, — привез кота.

Он впервые употребил этот термин в присутствии Исидора.

— Если бы он был еще жив, — размышлял Милт, — мы могли бы отправить его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько он стоил? У кого-нибудь есть каталог Сидни?

— Ведь ваша страховка покрывает такие случаи? — спросил Исидор Слоута.

Ноги Джона вдруг ослабели, и он почувствовал, что все предметы в комнате начинают приобретать мрачный темно-вишневый оттенок с зелеными искрами.

— Да, — сказал после паузы Слоут. — Просто мне жалко кота. Еще одно живое существо. Неужели ты не мог отличить его от подделки, Исидор? Ты что, не заметил разницы?

— Я думал, что это просто очень хорошая работа, — выдавил Исидор, — такая хорошая, что кажется... то есть кот, как живой... Я думал, это модель такая.

— Я думаю, что Исидор не смог бы заметить разницы, — мягко заметил Милт. — Для него они все живые, в том числе и электрический. Он, наверное, пытался спасти его.

Милт повернулся к Исидору.

— Что ты делал — хотел перезарядить батарею или обнаружить замыкание?

— Да, — признался Исидор.

— Наверное, кота все равно уже не удалось бы спасти, — резюмировал Милт. — Недоумок не виноват. Наоборот, он по-своему прав. Новые электроживотные становятся чертовски похожими на настоящих, со всеми этими фальсификаторами болезней, которые в них встраиваются. А настоящие животные действительно умирают. Это риск, на который идут их владельцы. Мы к этому просто не привыкли, потому что только и видим, что подделки.

— Еще одно настоящее животное, — повторил Слоут.

— Как говорит Сострадающий, — вставил слово Исидор, — все живое возвращается. Это замкнутый цикл. И для животных тоже. То есть с ним вместе мы все поднимаемся, восходим, потом умираем и...

— Расскажи это владельцу кота, — посоветовал Слоут.

Исидор, не понимая, серьезно ли говорит шеф, уточнил:

— В смысле, я должен позвонить ему? Но вы всегда сами делали это.

Звонить по видеотелефону — это то, что он не любил больше всего. А позвать незнакомого человека к аппарату для Исидора было практически невозможно.

Мистер Слоут, конечно, это знал.

— Не заставляй его, — попросил Милт. — Я сам позвоню.

Он протянул руку к трубке.

— Какой номер?

— Сейчас. Он где-то здесь, — Исидор рылся в бумагах, хранящихся в карманах его рабочего халата.

— Я хочу, чтобы позвонил недоумок, — настаивал Слоут.

— Я не могу звонить по видеотелефону, — запротестовал Исидор.

Он ощутил громкие удары своего сердца.

— Я такой заросший, грязный, сутулый, и зубы у меня с дырками. И от радиации я скоро умру. Я чувствую себя все хуже и хуже.

Милт улыбнулся и проговорил:

— Если бы я так думал, то я тоже не стал бы пользоваться видеотелефоном. Ну, Исидор, потарапливайся. Если ты не дашь мне номер телефона владельца кота, я не смогу позвонить и беседовать с ним придется тебе.

Он ободряюще протянул Исидору руку ладонью вверх.

— Звонить будет недоумок, — снова повторил Слоут, — или я его вышвырну.

Он не смотрел ни на Исидора, ни на Милта.

Взгляд его был неподвижно устремлен вперед.

— Ну, брось, — проронил Милт.

— Я не люблю, когда меня называют недоумком. Пыль на вас тоже подействовала, хотя, может, и не в такой степени, как на меня.

«Я уверен, — подумал Исидор, — что не могу звонить».

Потом он неожиданно вспомнил, что владелец кота умчался на работу. Дома никого не будет.

— Кажется, я могу вызвать его, — решил Исидор.

Он выудил из кармана бирку с информацией о владельце кота.

— Видишь? — сказал мистер Слоут Милту. — Он может, если его прижать.

Усевшись перед видеофоном и подняв трубку, Исидор набирал номер.

— Ага, — согласился Милт. — Но его не стоит принуждать. Он прав — пыль сильно и на тебя подействовала. Ты уже почти ничего не видишь, а через пару лет и слышать перестанешь.

— До тебя пыльца тоже добралась, Борогов, — усмехнулся Слоут. — Кожа у тебя цвета собачьего дерьма.

На экране появилось обыкновенное средневропейское женское лицо, ставшее очень настороженным. Волосы женщины были стянуты в тугий узел.

— Да? — произнесла она.

— Миссис Пильзен? — спросил Исидор.

Он погрузился в пучину ужаса. Конечно, он об этом не подумал, но у владельца есть жена, которая, естественно, оказалась дома.

— Я хочу поговорить с вами о вашем... — Исидор замолчал и потер подбородок. — О вашем коте.

— Да, вы увезли Горація, — откликнулась она. — Это действительно была пневмония? Мистер Пильзен в этом уверен.

— Ваш кот умер, — сообщил Исидор.

— О, боже, нет!

— Мы заменим его, — сказал Исидор. — У нас есть страховка.

Он бросил взгляд на мистера Слоута, который, кажется, был согласен.

— Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоут...

Исидор замялся.

— Лично...

— Нет, — прервал его Слоут. — Мы выпишем чек. Цена по каталогу Сидни.

— Он лично выберет кота взамен погибшего, — услышал Исидор собственный голос.

Начав невыносимый разговор, Исидор обнаружил, что не в силах остановиться. Борогов и Слоут уставились на него.

— Мы хотели бы знать ваши особые пожелания: цвет, пол, разновидность — персидский, абиссинский, сиамский...

— Гораций умер, — повторила миссис Пильзен.

— У него была пневмония, — подтвердил Исидор. — Он умер по дороге в госпиталь. Наш старший терапевт-ветеринар, мистер Ганнибал Слоут, выразил определенное мнение, что в таком состоянии его уже нельзя было спасти. Но разве это не замечательно, что мы заменим его? Разве я не прав?

Миссис Пильзен, на глазах которой появились слезы, проговорила:

— Другого такого кота, как Гораций, больше нет. Он, когда еще был котенком, любил смотреть на нас, будто что-то спрашивал. Мы никогда не могли понять, что он хотел спросить. Наверное, теперь он знает ответ. А может, и мы все когда-нибудь его узнаем.

На Исидора снизошло вдохновение.

— А что бы вы сказали о точной электрокопии вашего кота? Мы могли снабдить вас великолепной моделью фирмы Видбрайт и Карпентера, которая соответствовала бы оригиналу во всех, даже мельчайших деталях.

— О, это ужасно! — запротестовала миссис Пильзен. — О чем вы говорите! Боже мой, только не предлагайте этого Эду, он с ума сойдет! Он любил Горация, как никого другого, а у него с детства всегда были коты.

Взяв трубку из рук Исидора, Милт сказал:

— Мы можем выписать чек на сумму по каталогу Сидни или, как предлагал мистер Исидор, выбрать для вас нового кота самостоятельно. Нам очень жаль, что ваш кот умер. Но, как отметил мистер Исидор, у него было воспаление легких, а для кота это почти всегда летальный исход.

Голос его звучал с профессиональной уверенностью и легкостью. Из них троих Милт лучше всех умел разговаривать с клиентами.

— Но как я это все расскажу мужу? — спросила миссис Пильзен.

— Хорошо, мэм, — согласился Милт, — мы его сами вызовем.

Он слегка поморщился.

— Не могли бы вы дать нам номер его рабочего видеотелефона?

Он пошарил рукой в поисках блокнота и ручки. Мистер Слоут передал их ему.

— Послушайте, — начала миссис Пильзен.

Она, кажется, снова овладела собой.

— Возможно тот джентльмен был прав. Наверное, мне следует заказать электродубликат Горация, но только, чтобы Эд ничего не знал. Можно ли сделать такую копию, чтобы мой муж не смог ничего заметить?

Милт сказал с сомнением:

— Да, если хотите. Но по опыту нам известно, что владельца животного никогда не удастся провести. Разницы не замечают лишь случайные наблюдатели, соседи, например. Понимаете, если как следует присмотреться...

— Эд никогда много и не возился с Горацием, хотя очень его любил. Это я о нем заботилась — меняла песок и так далее. Я думаю, что стоит попробовать сделать электрокота, а если ничего не выйдет, тогда мы купим настоящего взамен Горация. Но я только не хочу, чтобы муж знал об этом. Он этого не перенесет. Он поэтому-то никогда с ним очень близко и не общался... он боялся. Когда Гораций заболел, Эд начал паниковать и долго вас не вызывал, слишком долго. Я знала, что произойдет, задолго до того, как вы позвонили. Я знала...

Она кивнула, на этот раз успешно сдержав слезы.

— Сколько понадобится времени?

Милт прикинул.

— Будет готово через десять дней, доставим копию днем, ваш муж уйдет на службу.

Милт попрощался и повесил трубку.

— Он догадается, — проронил он, — через пять секунд, но она этого и хочет.

— Владельцам, которые по-настоящему полюбили своих животных, — мрачно констатировал Слоут, — приходится очень нелегко, поэтому я рад, что мы не имеем дела с настоящими животными. Ты понимаешь, что настоящему ветеринару постоянно приходится звонить по подобным случаям.

Он посмотрел на Исидора.

— Иногда, Джон Исидор, ты не так уж глуп. Ты неплохо справился с этим звонком, хотя Милту и пришлось прийти к тебе на помощь.

— Он справился отлично, — улыбнулся Милт. — Боже, ну и денек!

Он поднял со стола мертвого кота Горация.

— Я отнесу его вниз, в мастерскую. Позвони Видбрайту и Карпентеру. Пусть пришлют своего человека и сфотографируют Горация. Я намерен лично сравнить потом копию с оригиналом.

— Я думаю, что звонить следует Исидору, — решил Слоут. — Он все это начал, ему и завершать дело.

— Только не позволяй им забирать оригинал, — попросил Милт Исидора. — Они будут настаивать, потому, что им так в сто раз легче работать. Твердо стой на своем.

— Гм, — хмыкнул Исидор, мигая. — Ладно, идет. Видимо, нужно вызвать их сейчас же, пока не началось разложение. Ведь трупы разлагаются, правильно?

Он чувствовал необыкновенный подъем.

Восемь

Припарковав скоростной служебный автокар с двигателем повышенной мощности на крыше Зала Правосудия Сан-Франциско, на Ломбард-стрит, Рик Декард, подхватив свой чемоданчик, спустился в кабинет Гарри Брайанта.

— Ты просто метеор, — приветствовал его начальник.

Он откинулся на спинку кресла и взял щепотку специальной смеси номер один, которую он затем поднес к ноздрям.

— Я сделал то, зачем вы меня посылали, — объяснил Рик.

Декард уселся лицом к столу. Служебный чемоданчик он поставил рядом. И вдруг понял, что устал.

Только теперь, когда он вернулся, на него накатила усталость. Рик не знал, сможет ли сегодня еще работать.

— Как там Хейв? — спросил Декард. — Можно с ним поговорить? Я хотел бы перекинуться с ним парой слов, прежде чем примусь за первого анди.

— Первым будет Полоков, — сказал Брайант, — тот, который ранил Хейва. Лучше сразу с ним покончить, ведь он знает, что попал в наш список.

— До разговора с Хейвом?

Брайант протянул руку за листком с машинописным текстом. Это была плохая, расплывшаяся копия.

— Полоков работает сборщиком мусора, подметает.

— Разве такой работой занимаются не одни специалисты?

— Полоков выдает себя за специалиста, причем махрового, то есть таким он старается казаться. Это и сбивало Хейва. Полоков очень хорошо избражает недоумка. Ты теперь уверен насчет шкалы Байт-Кампфа? Ты совершенно уверен после того, что было в Сиэтле?

— Да, — коротко ответил Рик.

Он больше ничего не добавил.

— Я верю твоему слову, — добавил Брайант. — Не должно быть ни одного сбоя.

— За время моей охоты на андроидов сбоя не было. Что изменилось?

— «Узел-6», вот что.

— Я уже обнаружил одного, — сказал Рик, — и Хейв отыскал двух. Итак, трое, если считать Полокова. Идет. Сегодня я отправлю на покой Полокова, а вечером ли завтра утром поговорю с Хейвом.

Он протянул руку за листком папиросной бумаги с расплывчатыми буквами плохой машинописной копии.

— Еще один клиент, — остановил его Брайант. — Представитель советского отдела находится на пути к нам. Пока ты был в Сиэтле, я говорил с ним по видеофону. Он на борту ракеты Аэрофлота. Она приземлится на общественном аэродроме примерно через час. Его имя Сандор Кадали.

— Что ему нужно?

Представители Советов очень редко — если вообще когда-либо показывались в Сан-Франциско.

— Советы очень заинтересовались «Узлом-6». Они просят, чтобы с вами был их человек, наблюдатель, и, если можно, он станет помогать. Тебе решать — будет он с тобой или нет. Но я уже дал ему разрешение прилететь.

— А как насчет премии? — спросил Рик.

— Делить ее не придется, — объяснил Брайант.

Он скрипуче рассмеялся.

— Я просто рассматривал бы это как финансовую несправедливость.

Рик тоже не испытывал ни малейшего желания делить премию. Он принялся изучать листок-досье Полокова. Давалось описание этого человека, вернее, анди, и адрес в настоящий момент, указывалось место работы: район Залива, кампания по уборке мусора, контора находится в Геари.

— Ты будешь ждать копа из Советов? — спросил Брайант.

— Я всегда справлялся сам, — Рик недовольно нахмурился.

— Конечно, вам решать. Я сделаю, как вы прикажете, но я бы хотел разделиться с Полоковым немедленно, не дожидаясь прилета Кадали.

— Хорошо, действуй самостоятельно. А когда займешься следующим — это будет мисс Люба Люфт, вот ее досье, — возьмешь его на операцию Кадали.

Сунув листочки папиросной бумаги в служебный чемоданчик, Рик покинул кабинет начальника и снова поднялся наверх к припаркованному на крыше аэрокару. «Нанесем визит Полокову», — сказал он себе и погладил ствол карманного лазера.

Для начала Рик остановился у главной конторы кампании по уборке мусора в районе Залива.

— Я ищу одного из ваших служащих, — объяснил он седоволосой, сурового вида женщине, сидевшей за столом-коммутатором.

Здание конторы мусорщиков произвело на него благоприятное впечатление: большое, современное, с изрядным количеством профессиональных служащих первого класса. Толстые ковры, дорогие столы из натурального дерева — все это напоминало ему, что уборка и переработка отходов с времен окончания войны превратилась на Земле в важную отрасль промышленности. Вся планета начала превращаться в кучу мусора, и, чтобы поддержать ее в приемлемом для обитания состоянии, необходимо было периодически избавляться от переизбытка мусора, иначе, как любил шутить мистер Дружби, Земля погибнет под слоем не радиоактивной пыли, а мусора.

— К мистеру Амерсу, — сообщила Рику женщина за столом. — Он заведует отделом кадров.

Она указала на массивный стол из поддельного, однако, дуба, за которым сидел невзрачный человек в очках с толстыми стеклами. Он казался погруженным в бумаги.

Рик предъявил удостоверение.

— Где сейчас находится ваш служащий Полоков? Он на работе или дома?

Без особого желания сверившись с бумагами, мистер Амерс проговорил:

— Полоков должен быть на работе. Прессовка старых аэрокаров на нашем заводе в Дей-сити, потом сброс их в залив. Однако...

Начальник отдела кадров сверился с еще одним документом, потом снял трубку и вызвал кого-то из работников фирмы.

— Значит, нет, — констатировал он.

Амерс опустил трубку.

— Сегодня Полоков на работу не явился. Без объяснений. Что он натворил?

— Если он появится, — попросил Рик, — не говорите ему, что я его искал. Понимаете?

— Да, я понимаю, — сердито ответил Амерс, словно его глубокие познания в полицейском деле подверглись сомнению.

Следующим пунктом в маршруте служебного аэрокара Рика была квартира Полокова в Тендерлейн. «Нет, мы его не возьмем теперь, — размышлял Рик. — Брайант и Холден ждали слишком долго. Вместо того, чтобы посылать в Сизтл, Брайант должен был сразу отправить меня к Полокову, лучше всего — прошлой ночью, когда Холден получил свое».

Идя по крыше к лифту, он думал: «Какое угрюмое место». Брошенные вольеры для животных, покрытые, как корой, многомесячным слоем пыли. А в одной из клеток сохранился переставший функционировать электрический цыпленок.

Лифтом Рик спустился на этаж, где жил Полоков. Холл оказался неосвещенным и напоминал пещеру подземелья. Пользуясь своим специальным полицейским фонариком, питавшимся от атомной батареи, Рик осветил холл и еще раз заглянул в листок-досье Полокова.

Тест Байт-Кампфа к Полокову уже был применен, эту часть процедуры анди уже прошел, и теперь требовалось переходить к уничтожению андроида.

Лучше было сначала вывести его отсюда. Рик порылся в оружейной сумке, извлек ненаправленный излучатель Пенфилда и настроил его на катаlepsию.

Сам Рик был экранирован от эмоционального излучения компенсирующей волной, передаваемой только на него через металлический корпус прибор.

«Теперь, — подумал Рик, включая передатчик, — люди и андроиды одинаково воспринимают это. Никакого риска. Мне остается только войти и направить на него луч лазера. Конечно, при условии, что Полоков в своей квартире, а это маловероятно».

Пользуясь универсальным ключом-отмычкой, который самостоятельно анализировал и открывал любые виды известных замков, Рик вошел в квартиру Полокова, держа наготове лазер.

Полокова дома не было. Только полуразвалившаяся мебель — квартира медленно превращалась в тлен. Никаких личных вещей Полокова Рик обнаружить не удалось.

Все, что нашел в квартире Рик, представляло собой отбросы, которые Полоков унаследовал вместе с помещением и которые он, покидая его, оставил для следующего — если таковой объявится — жильца.

«Я так и знал, — подумал Рик. — Вот тебе и первая тысяча долларов усакала куда-то за Полярный круг, не иначе. Во всяком случае, за пределы моей юрисдикции. Полокова отправит на покой уже другой охотник, из другого полицейского отделения, и он получит деньги, а не я. Пойдем дальше, к еще не вспугнутым анди, к Любе Люфт, очевидно».

Вернувшись наверх, на крышу, Рик доложил о случившемся по телефону аэрокара Брайанту.

— С Полоковым не повезло. Очевидно, сразу после Хейва он скрылся. Рик посмотрел на часы.

— Может, мне заехать за Кадалями в аэропорт? Это сэкономит время. Я хотел бы поскорее заняться Любой Люфт.

Он уже выложил перед собой досье, напечатанное на папиросной бумаге, принялся внимательно его изучать.

— Отличная идея, — согласился Брайант. — Только мистер Кадаљи уже здесь. Корабль Аэрофлота прибыл раньше времени. Секунду....

Последовало невидимое совещание.

— Он возьмет аэрокар и встретится с тобой там, где ты сейчас находишься, — пояснил Брайант и снова появился на экране. — А пока читай материалы по Любе Люфт.

— Оперная певица, якобы из Германии. В настоящий момент работает в оперной кампании Сан-Франциско, — громко проговорил Рик.

Брайант задумчиво кивнул, соглашаясь. Все его мысли были заняты материалами досье.

— Должно быть, у нее хороший голос, если она так быстро заключила контракт. Добро, буду ждать Кадаљи, — закончил разговор Рик.

Он дал Брайанту свои координаты и повесил трубку.

«Я представлюсь любителем оперы, — решил Рик, продолжая читать досье. — Я бы не прочь послушать ее в партии Донны Анны в Дон Жуане. У меня в коллекции есть записи таких оперных звезд, как Элизабет Шварцкопф, Лотта Лекманн и Лиза Делла Каса. Это даст мне тему для разговора, пока я буду настраивать оборудование для теста.

Закрывая досье, Рик услышал вызов видеофона и поднял трубку.

— Мистер Декард, — проговорила оператор-телефонистка из управления, — вас вызывают из Сизтла. Мистер Брайант велел передать вызов. Это из Ассоциации Розена.

— Ладно, — вяло произнес Рик.

Он стал ждать. Что им нужно? Ничего хорошего от Розена не предвидится. Что бы они ни имели в виду, положение кардинальным образом едва ли изменится.

На крохотном экране видеофона появилось лицо Рейчел Розен.

— Здравствуйте, Декард.

Тон ее казался умиротворенным. Это заинтересовало Рика.

— Вы сейчас заняты или я могу с вами поговорить?

— Давайте, — Рик махнул рукой.

— Мы здесь в кампании обсудили ваше положение в связи с ситуацией с «Узел-6». Учитывая, что мы знаем этот тип пока что лучше всех, мы решили, что у вас будет больше шансов на успех, если кто-то из нас будет работать в тесном контакте с вами.

— Каким образом?

— Один из нас будет с вами, когда вы начнете поиск.

— Зачем? Что это даст?

— Любой «Узел-6» будет насторожен, если почувствует к себе внимание человека. А вот если в контакт войдет другой «Узел-шесть»...

— И это будете вы?

— Да.

Она кивнула с серьезным видом.

— Я уже получил от вас больше помощи, чем было необходимо.

— Я действительно уверена, что понадобится вам.

— Сомневаюсь. Я подумаю над вашим предложением и тогда вызову вас.

«Да, в отдаленном будущем, — подумал он, — или, скорее всего, никогда. Только этого мне не хватало: Рейчел Розен, путающаяся под ногами на каждом шагу».

— Вы едва ли позвоните мне, — проговорила Рейчел. — Но вы даже не осознаете, насколько может быть извратлив сбежавший «Узел-6», насколько мало шансов у вас. Нам кажется, что это наш долг, потому что... вы знаете то, что мы хотели сделать с вами.

— Приму к сведению.

Рик собирался повесить трубку.

— Без моей помощи, — объяснила Рейчел, — один из них прикончит вас раньше, чем вы его.

— До свидания, — попрощался Декард.

Он опустил трубку. Что же это за мир — андроид звонит охотнику за андроидами и предлагает помощь. Рик снова вызвал телефонистку управления.

— Больше вызовов из Сизтла не передавайте, — попросил он.

— Да, мистер Декард. Мистер Кададьи уже нашел вас?

— Я жду его. Лучше ему поторопиться, потому что долго ждать я не собираюсь.

И он повесил трубку.

В тот момент, когда он возобновил чтение досье Любы Люфт, аэрокар-такси спланировал на крышу здания, сев в нескольких ярдах от машины Декарда.

Из него вышел краснотлицый, веселого вида мужчина, пятидесяти с чем-то лет, в сером дорогом пальто. Улыбаясь и протягивая руку, он приблизился к аэрокару Рика.

— Мистер Декард? — утвердительно проговорил он.

У него был славянский акцент.

— Охотник за андроидами из управления полиции Сан-Франциско?

Пустое такси поднялось в воздух, и русский офицер рассеянно проводил его взглядом.

— Меня зовут Сандор Кададьи, — представился он.

Кададьи открыл дверцу и втиснулся в кабину рядом с Риком.

Когда они пожали друг другу руки, Рик заметил, что представитель Советов вооружен необычного типа лазерной трубкой; такой Рик пока не встречал.

— Ах, это... — улыбнулся Кададьи. — Любопытно, правда?

Он вытащил лазер из кобуры.

— Я раздобыл его на Марсе.

— Мне казалось, что я знаю все типы ручного оружия, — объяснил Рик, — даже те, которые производятся в колониях.

— Такие мы делаем сами, — заметил Кададьи.

Он лучился весельем, как славянский Санта Клаус. На его красноватом лице ясно читалась гордость.

— Нравится? Вся особенность заключается в том, что... вот, возьмите.

Он передал пистолет Рiku, который принял со знанием дела, приобретенным за годы обращения с оружием, рассматривать его.

— Чем же он отличается от обычных? — спросил Рик.

Сам он не смог понять.

— Нажмите на спуск.

Подняв оружие вверх и направив его в окно машины, Рик нажал на спуск. Ничего не произошло, луч не появился. Озадаченный, он обернулся к Кададьи.

— Пусковой контур, — жизнерадостно пояснил Кадаљи, — ни к чему не подключен. Он остался у меня. Вот, видите?

Он раскрыл ладонь и показал миниатюрный блок.

— Я могу направлять луч вне зависимости от того, куда направлен лазер.

— Вы Полоков, вы не Кадаљи, — сообразил Рик.

— Вы что-то напутали! Я вас не понял.

— Я хотел сказать вы Полоков, андроид, вы не человек из советской команды.

Носком ботинка Рик нажал кнопку сигнализации на днище аэрокара.

— Почему мой лазер не стреляет? — спросил Кадаљи-Полоков.

Он включал и выключал свое миниатюрное устройство, направляя его на Рика.

— Нейро-волна, — пояснил Рик. — Она нарушает работу генератора и превращает лазерный луч в обыкновенный свет.

— Тогда придется свернуть вам шею.

Андроид отбросил свое хитроумное устройство и с рычанием схватил Рика за горло.

Едва его пальцы коснулись горла Рика, Декард выстрелил из старомодного револьвера, стреляющего обыкновенными пулями, который всегда носил в кобуре на плече. Пуля тридцать восьмого калибра ударила в голову андроида, и мозговая коробка его взорвалась.

Устройство «Узел-6», которое управляло андроидом, разлетелось на тысячу мелких фрагментов, которые диким порывом смерча пронесли по кабине аэрокара.

Подобно радиоактивной пыли, частицы мозгового устройства опустились на Рика. Останки отправленного на покой андроида грузно осели на пол машины, потом тело Полокова тяжело навалилось на Рика. Ему пришлось выбираться из-под мертвого андроида.

Наконец он дотянулся дрожащей рукой до телефона и вызвал Зал Правосудия.

— Докладываю, — прохрипел он. — Передайте Гарри Брайанту, что я покончил с Полоковым.

— Вы покончили с Полоковым. Он поймет, да?

— Да, — подтвердил Рик.

Рик опустил трубку. «Господи, еще чуть-чуть, и... — подумал он. — Нет, я недооценил предложение Рейчел Розен. Зря я не прислушался к ее предупреждению. И я едва не поплатился. Но с Полоковым покончено». Адреналиновые железы Декарда постепенно прекратили качать гормоны в кровь, сердце уже не стучало как бешеное, дыхание успокоилось, но дрожь не унималась. «Во всяком случае, — сообщил он сам себе, — я только что заработал свою тысячу долларов. Значит, оно того стоило. Я реагирую быстрее Хейва Холдена. Конечно, печальный опыт Хейва обострил мое внимание, это нужно отметить, а у Хейва такого преимущества не было».

Снова подняв трубку видеотелефона, Рик набрал номер своей квартиры. Тем временем он умудрился сунуть в рот сигарету, дрожь в пальцах начала проходить.

На видеоэкране появилось лицо жены, на котором ясно виднелись следы шестичасового самобичевания, включенного стимулятором в сегодняшнюю программу настрояния.

— А, привет, Рик!

— А где же номер пятьсот восемьдесят четыре, который я для тебя выбрал, когда улетал? Радостное признание...

— Я переменила комбинацию, как только ты ушел. Что ты хочешь?

Голос ее звучал привычно уныло.

— Я так устала, и у меня совершенно не осталось никакой надежды ни на что. Ни наша с тобой жизнь, ни то, что тебе может в любой момент не поздоровиться, и тебя убьет один из анди... это меня не волнует. Ты хотел мне сказать, Рик, что анди добрался до тебя?

За ее спиной гремел Бастер Дружбы, заглушая ее слова. Рик видел, как шевелятся ее губы, но не слышал звуков. До него доносился только грохот телевизора.

— Послушай, — перебил он. — Ты меня слышишь? Кажется, я попал на жилу. Это новый тип андроида, с которым я могу справиться пока что только я. Я уже отправил на покой одного, и для начала это великолепно. Знаешь, что у нас будет еще до того, как я покончу со всеми?

Ирен смотрела на него невидящими глазами.

— О, — сказала она и кивнула.

— Я еще не сказал ничего, — прокричал Рик.

Но он мог бы и не рассказывать. На этот раз ее депрессия была столь глубока, что Ирен оказалась не в силах услышать его. Рик говорил в пустоту.

— До вечера, — прошептал он с горечью.

Он со стуком опустил трубку. «К черту Ирен, — решил Рик, — и какой же прок в этом риске, которому я себя подвергаю? Ее не волнует, будет ли мы владельцами страуса. До нее сейчас ничего не доходит. Нет, нужно было отделаться от нее еще два года назад, когда мы думали разойтись. Но и сейчас не поздно».

Он мрачно наклонился и стал собирать с пола машины смятые листки своих записей, здесь было и досье Любы Люфт. «Никакой поддержки, — напомнил он себе. — Все андроиды, которых я знал, обладали большим запасом жизненной энергии и желанием жить, чем моя жена. Она ничего не хочет дать мне».

Он снова вспомнил Рейчел Розен. И вдруг осознал, что ее совет относительно психологии «Узла-6» оказался правдой. Если она не намерена получить часть премии, то он мог бы ее использовать.

Встреча с Кадали-Полоковым коренным образом изменила его намерения.

Врубив двигатель аэрокара, Рик взмыл в небо, направив машину к старому зданию оперного театра, где, в соответствии с заметками Хейва Холдена, он должен был в это время ждя застать Любу Люфт.

Теперь Рик думал и о ней. Некоторые андроиды-женщины казались ему привлекательными, к другим он ощущал физическое влечение, и это было странное чувство. Умом он сознавал, что это машины, но его чувства все равно не хотели с этим считаться.

Например, Рейчел Розен. Но он решил, что она слишком худа, никаких округлостей, фигура ребенка, плоская и слабая. Рик мог бы выбрать кое-что получше. Сколько лет Любе Люфт? Он разгладил листок с неразборчивым машинописным текстом и отыскал так называемый «возраст». Досье

указывало, что ей двадцать восемь. Внешний вид, когда имеешь дело с анди, это единственный критерий.

«Хорошо, что я знаю кое-что об опере, — размышлял Рик. — Еще одно преимущество перед Хейвом — у меня более глубокая эрудиция. Сначала попробую разделиться еще с одним анди, а потом попрошу помощи у Рейчел, если мисс Люфт окажется особо крепким орешком».

Но интуиция подсказывала ему обратное. Трудно пришлось с Полоковым. Остальные, не имея понятия, что за ними начата охота, должны по очереди исчезать, подобно костяшкам домино, выставленным в ряд друг за другом.

Снижаясь к крыше здания оперы, красивой и дорогостоящей, он громко напевал попури из арий, сочиняя псевдоитальянские слова.

Даже без поддержки стимулятора Пенфилда настроение его достигло искрящегося оптимизма и перешло в радостное предвкушение.

Девять

В огромном, подобном чреву кита, зале старинного здания оперы, сотворенного из камня и стали, Рик Декард застал репетицию в полном разгаре. Войдя, он узнал музыку: Моцарт, «Волшебная флейта», финальная сцена первого акта. Рабы музы — другими словами, хор — начали свою песню чуть-чуть рано, и это свело на нет простой ритм волшебных колокольчиков.

Какая приятная неожиданность — ему очень нравилась «Волшебная флейта». Рик сел в кресло в бельэтаже, кажется, никто не заметил его появления, и устроился поудобнее. Как раз в этот момент Папагено в своем фантастическом наряде из птичьих перьев присоединяется к Памине, чтобы спеть слова, всегда вызывавшие слезы на глазах Рика:

Всякий храбрый человек
Счастья добивается,
А его ближайший друг
Помешать старается.

«Нет, — подумал Рик, — в действительности не существует таких волшебных колокольчиков, которые заставили бы твоего врага бесследно исчезнуть. Очень жалко. А Моцарт умер вскоре после написания «Волшебной флейты» от болезни почек, когда ему не было еще и сорока. Как странно. Предчувствовал ли Моцарт, что будущего у него нет, что он уже истратил отпущенное ему время и что его похоронят в могиле для нищих. Возможно, я тоже кое-что предчувствую, наблюдая за репетицией. Репетиция окончится, окончится представление, умрут певцы. И в конечном счете будет уничтожен последний нотный листок, а само имя «Моцарт» исчезнет в всках. И пыль окончательно победит — если не на этой планете, то на другой. Мы можем ненадолго отсрочить конец, вот как анди могут некоторое время уклоняться от встречи со мной, чтобы просуществовать еще какое-то время, но я все равно их настигну. Или другой охотник. В некотором смысле я тоже часть форморазрушающего процесса энтропии. Ассоциация Розена создает, а я уничтожаю созданное. Интересно, как это должно выглядеть с их точки зрения?»

Папагено и Памина на сцене начали диалог. Рик прислушался, прервав размышления.

Папагено: Дитя мое, что же нам теперь сказать?

Памина: Правду — вот что мы скажем.

Наклонившись вперед, Рик пристально всматривался в Памину. В ее тяжелый костюм, в ее вуаль. Потом он сверился с досье и откинулся на спинку кресла, удовлетворенный. «Вот и мой третий андроид типа «Узел-6», — подумал он. — Это Люба Люфт». Роль ее заключала в себе некоторую иронию. Самый симпатичный андроид едва ли был в состоянии сказать правду, во всяком случае, о себе самом.

Люба Люфт на сцене запела, и он был поражен силой ее голоса, не уступавшей даже знаменитостям прошлого. Рiku пришлось признать, что Ассоциация Розена потрудились на славу.

Он снова ощутил себя разрушителем субстанций, покорителем анди. «Вероятно, чем лучше она функционирует, тем прекраснее она поет, тем больше нужды во мне. Если бы андроиды оставались менее качественными, как древние К-сорок, производимые Ассоциацией Дерана, то не было бы и проблемы, не было бы и нужды в моем искусстве. Когда же мне начать? — думал он. — Вероятно, как можно скорее, в конце репетиции, когда она пройдет в свою уборную».

В конце первого акта репетиция была на время остановлена. Дирижер сообщил, что она возобновится через два часа. Это было объявлено на английском, французском и немецких языках. После этого дирижер вышел.

Музыканты оставили свои инструменты и тоже удалились. Поднявшись с кресла, Рик пробрался на сцену, туда, где располагались уборные. Он последовал за участниками спектакля, размышляя и оттягивая время. «Да, так лучше, сразу покончить со всем. Как только я буду уверен». Но практически он не мог быть уверенным до тех пор, пока не будет осуществлен тест. «Быть может, Хейв ошибся в отношении ее, — предположил Рик, — надеюсь, что ошибся. Но едва ли».

Его профессиональный инстинкт уже сработал, а он редко обманывал Рика за годы работы в управлении.

Остановив проходящего статиста, он узнал, где находится уборная мисс Люфт.

Статист, на котором были грим и костюм египетского копьеносца, показал ему дорогу.

Рик подошел к указанной двери и увидел написанную чернилами записку, на которой значилось: «МИСС ЛЮФТ. ЛИЧНАЯ». Он постучал.

— Войдите.

Рик вошел. Девушка сидела у гримировочного столика, раскрыв на коленях переплетенную в ткань партитуру и делая пометки шариковой ручкой. Она сняла только вуаль, которая лежала на полке.

— Да? — обратилась она к нему.

Девушка подняла голову. Сценический грим делал ее глаза огромными. Эти ореховые глаза без колебания смотрели прямо на Рика.

— Вы видите, я занята.

В ее английском совершенно не ощущалось акцента.

— Вы вполне прилично звучите в сравнении со Шварцкопф, — проговорил Рик.

— Кто вы?

В ее голосе слышалась холодная недружелюбность и еще та, другая холодность, которую он встречал у многих андроидов. Сильный интеллект, способность совершить многое и одновременно это... Рик понимал ее причины, и все же без этой особенности он не смог бы их отслеживать.

— Я из департамента полиции Сан-Франциско, — объявил он.

— О?

В огромных ореховых глазах не проскользнуло ни искорки, ни намек на ответную реакцию.

— Что же вам нужно?

Странно, но тон ее казался снисходительным.

Усевшись в ближайшее кресло, он расстегнул молнию служебного чемоданчика.

— Я прислан сюда, чтобы осуществить стандартный тест на психопрофиль личности. Это не займет больше нескольких минут.

— Это необходимо?

Она показала на партитуру в твердой обложке.

— У меня много работы.

Теперь в ее тоне появились нотки трагического предчувствия.

— Это необходимо.

Рик извлек прибор и начал его собирать.

— Тест на умственные способности?

— Нет, эмпатия.

— Мне придется надеть очки.

Она протянула руку к раскрытому ящику столика.

— Если вы читаете партитуру без очков, то и тест сможете пройти. Я покажу вам несколько картинок и задам вопросы. Тем временем...

Он поднялся, подошел к девушке и приложил сетку датчиков к ее сильно нагримированной щеке.

— Теперь свет, — объяснил он.

Он направил тонкий луч на ее лицо.

— Вот и все.

— Вы думаете, я андроид? Да?

Голос ее замер и стал почти неслышным.

— Я не андроид. Я даже никогда не была на Марсе. Я никогда в жизни не видела андроида!

Ее удлинённые ресницы невольно затрепетали. Он видел, что она старается быть спокойной.

— Вы получили сведения, что в трупке скрывается андроид? Я рада помочь вам. А если бы я была андроидом, то разве стала бы вам помогать?

— Андроид, — объяснил Рик, равнодушен к судьбе других андроидов. Это одна из их характерных черт, с помощью которых мы их выявляем.

— Тогда, — проговорила мисс Люфт, — вы должны быть андроидом.

Пораженный, он поднял на нее глаза.

— Потому что, — продолжала она, — ваша работа — убивать их. Вы... как это называется...

Она старалась вспомнить.

— Охотник за андроидами, — подсказал Рик. — Но я не андроид.

— А вы сами-то проходили этот тест?

В ее голосе снова появилась спокойная уверенность.

— Вы сами его проходили? — повторила она.

— Да.

Он кивнул.

— Очень давно, когда начал работать в управлении.

— Вероятно, у вас фальшивая память. Ведь у андроидов иногда бывает фальшивая память, не так ли?

— Мое начальство знает об этом тесте. Это обязательное условие, — объяснил Рик.

— Возможно, тогда был человек, выглядевший, как вы, и вы его убили, заняв его место, и ваше начальство не имеет об этом никакого понятия.

Она улыбнулась, словно приглашая его согласиться.

— Лучше начнем тест, — буркнул Рик, вынимая листки с вопросами.

— Я пройду испытание, — продолжала девушка, — только если вы сами сначала пройдете его.

Он уставился на нее, сбитый с толку.

— Разве так не будет честнее? — спросила она. — Тогда я буду уверена в вас. Я просто не знаю — вы так необычно себя ведете, вы такой странный.

Люба Люфт вздрогнула, потом с надеждой улыбнулась.

— Вы не сможете протестировать меня по шкале Байт-Кампфа — процедура требует значительного опыта. А теперь, пожалуйста, слушайте внимательно. Вопросы эти касаются социальных и психических ситуаций, в которых вы могли бы вдруг оказаться. Мне требуется от вас ответ-реакция, и реакция как можно более быстрая. Один из регистрируемых факторов — это время задержки с ответом.

Он выбрал первый вопрос.

— Вы сидите в кресле, смотрите телевизор и вдруг обнаруживаете, что по руке ползет оса.

Он бросил взгляд на часы, засекая время, потом взглянул на циферблат.

— Что такое оса? — спросила Люба Люфт.

— Кусачущееся насекомое с крыльями.

— О, как необычно.

Ее глаза расширились, как у ребенка, словно Рик открыл ей тайну мироздания.

— Они еще существуют? Я их не видела.

— Пыль их убила, они вымерли. Вы действительно не знаете, что такое оса? Осы еще существовали, когда вы родились. Это всего...

— Скажите это по-немецки.

Он попытался вспомнить, но не смог.

— Ваш английский звучит превосходно, — сердито упрекнул он ее.

— Это только произношение, — уточнила Люба Люфт. — Мне необходимо произношение для партий Персади, Уолтон и Виллиамс. Но словарный запас у меня не очень большой.

Девушка застенчиво посмотрела на него.

— Веспе, — произнес он, вспомнив немецкое слово «оса».

— Ах, да. Айн веспе.

Она засмеялась.

— Какой был вопрос? Я уже забыла.

— Попробуем другой.

Теперь добиться толкового ответа было невозможно.

— Вы смотрите по телевизору старый фильм. Показывают банкет в самом разгаре. Главное блюдо состоит из вареной собаки, фаршированной рисом.

Он пропустил первую часть вопроса.

— Но кто станет убивать и варить собаку?

Люба выглядела удивленной.

— Ведь они стоят целое состояние. Наверное, это была имитация, а имитации сделаны из проводов и моторов, и их есть нельзя.

— Довоенные времена, — проскрежетал Рик.

— Но я еще тогда не родилась.

— Но вы видели старые фильмы по телевизору.

— Фильм был снят на Филиппинах?

— Почему на Филиппинах?

— Потому что, — сказала Люба Люфт, — на Филиппинах было принято готовить вареных собак с рисом. Я помню, что читала об этом.

— Но ваша реакция! Мне нужна ваша социальная, психологическая, моральная реакция.

— На этот фильм?

Она задумалась.

— Я бы переключила телевизор на другой канал и смотрела бы Бастера Дружби.

— Почему?

— Потому, что если вам нравится смотреть старые фильмы, действие которых происходит на Филиппинах, то это странно. Что там интересного?

Она с негодованием воззрилась на Рика. Стрелки на циферблатах качались из стороны в сторону.

После паузы Рик осторожно сказал:

— Вы сняли домик в горах.

— Да. — Она кивнула. — Продолжайте, я жду.

— В районе, еще не подвергшемся влиянию пыли.

— Простите?

Она приложила к уху ладонь.

— Что это значит?

— Там все еще растут кусты и деревья. Домик сколочен из сосновых досок. Есть большой камин. На стенах какие-то эстампы Каррмера и Айвса, над каминной полкой — большая оленья голова — самец с полностью сформировавшимися рогами. Люди, приехавшие с вами, восхищаются украшением комнаты и...

— Я не понимаю, Каррмер и Айвс, украшения, — проронила девушка.

Она, казалось, старалась разобраться в значении вопроса.

— Подождите, — Люба подняла руку. — Это как с рисом и собакой. Каррмер — это такая острая приправа, чтобы сделать рис острее. Карри, по-немецки.

Рик не мог понять, является ли этот умственный туман, в котором заблудилась Люба Люфт, случайным или нет.

Он решил проверить еще раз, попробовать еще один вопрос. Что он мог сделать в таком положении?

— Вы назначили свидание мужчине, — продолжал он, — и он приглашает вас к себе. Пока вы там находитесь...

— О, найн, — перебила его Люба. — Я там не буду находиться. Это легкий ответ.

— Но это еще не весь вопрос!

— Вы задали не тот вопрос? Но я понимаю, о чем вы спрашиваете. Почему, в таком случае, это не вопрос? Разве не подразумевается, что я должна понимать вопрос?

Она нервно провела рукой по щеке и отсоединила липкий диск-сетку датчиков. Как бы случайно. Диск упал и закатился под гримировочный столик.

— Ах, майн готт, — пробормотала девушка.

Она нагнулась, стараясь отыскать датчик.

Послышался звук рвущейся ткани — ее неудобное платье не выдержало.

— Я подниму, — вызвался Рик.

Он встал на колени и пошарил рукой под столиком, пока не нащупал сетку диска.

Когда он поднялся, то обнаружил, что прямо в глаза ему смотрит лазерное дуло.

— Ваши вопросы, — сказала Люба Люфт шуршащим голосом прокурора, — начали касаться секса. Я так и думала, что до этого дойдет. Вы не из полиции. Вы сексуальный маньяк.

— Можете посмотреть мое удостоверение.

Он засунул руку в карман пиджака. Рука его начала дрожать, как при встрече с Полоковым.

— Если дотронетесь до кармана, — сказала Люба, — я вас убью.

— Вы в любом случае так сделаете.

Он подумал о том, что бы получилось, если бы он послушался совета Рейчел Розен и взял ее с собой, но не было смысла сейчас вспоминать об этом.

— Так, посмотрим на остальные вопросы.

Она требовательно протянула руку, и он нехотя передал ей листки.

— «В журнале вы встречаете большую цветную фотографию обнаженной женщины»... Так, ясно. «Вы забеременели от мужчины, который обещал жениться. Этот человек начинает ухаживать за другой женщиной, вашей лучшей подругой. Вы делаете аборт». Система ваших вопросов совершенно очевидна. Я вызываю полицию.

Не выпуская Рика из-под прицела лазерной трубки, она пересекла комнату, сняла трубку видеофона и набрала номер дежурного оператора.

— Соедините меня с управлением полиции, — попросила девушка. — Мне нужно вызвать полицейского.

— Вы как раз делаете то, — с облегчением объявил Рик, — что я и сам бы с удовольствием сделал.

Однако идея Люды Люфт показалась ему странной. Почему она просто не убила его? Как только явится патрульный, у нее не останется шансов, и все будет так, как скажет он.

— «Наверное, девушка уверена, что она человек, — решил Рик. — И наверняка не знает, кто она на самом деле».

Несколько минут спустя, в течение которых Люба Люфт не выпускала его из-под прицела лазера, явился полицейский — здоровенный бык — в своей архаичной голубой форме.

— Ладно, — сразу же сказал он Любе, — уберите эту штуку.
Она опустила этот лазер, и полицейский сразу проверил, заряжен ли он.
— Так что тут происходит? — спросил он Любу Люфт.
Еще до того, как девушка успела ответить, он повернулся к Риду.
— Вы кто такой? — рявкнул полицейский.
— Он вошел ко мне в уборную, — начала мисс Люфт. — Я его никогда раньше не видела. Он сделал вид, что проводит какой-то опрос или что-то в этом роде. Он собирался задавать вопросы. Я подумала, что тут ничего удивительного нет. Но потом он начал задавать неприличные вопросы.
— Покажите документы, — приказал бык-полицейский.
Он требовательно протянул руку.
Вынимая свое удостоверение, Рик пояснил:
— Я охотник на андроидов и работаю в управлении.
— Я знаю всех охотников в управлении Сан-Франциско, — прервал его полицейский.
— Мой начальник — инспектор Брайант, — сообщил Рик. — Я взял дело Хейва Холдена, потому что тот сейчас в больнице.
— Я сказал, что знаю всех охотников, и я никогда даже не слышал о вас.
Полицейский отдал карточку обратно Риду.
— Вызовите инспектора Брайанта.
— Никакого инспектора Брайанта не существует, — прорычал полицейский.
Рик понял, что происходит.
— Вы тоже андроид, — обратился он к нему, — как и мисс Люфт.
Подойдя к видефону, Рик поднял трубку.
— Я вызову наше управление.
«Насколько далеко они позволяют мне зайти?» — думал он.
— Номер управления... — прервал его мысли полицейский.
— Я знаю номер.
Рик набрал номер, почти мгновенно связавшись с оператором управления.
— Дайте мне, пожалуйста, инспектора Брайанта, — попросил он.
— Кто вызывает?
— Это Рик Декард.
Он стал ждать. Тем временем полицейский записывал показания Любы Люфт.
Оба не обращали на него внимания.
После паузы на экране показалось лицо Гарри Брайанта.
— Что такое? — поинтересовался он. — Что происходит?
— Небольшие неприятности, — объяснил Рик. — Один из андроидов из списка Холдена вызвал сюда какого-то патрульного. Этому патрульному я не в силах доказать, кто я такой. Он говорит, что знает всех охотников, но никогда обо мне не слышал. И о вас он тоже никогда не слышал.
— Дайте мне с ним поговорить, — приказал Брайант.
— Инспектор Брайант хочет с вами побеседовать.
Рик протянул трубку полицейскому. Тот подошел к видефону.
— Сержант Грамс, — резко проговорил полицейский.

Последовала пауза.

— Алло!

Он прислушался, еще несколько раз повторил «алло», подождал и повернулся к Рику.

— На линии никого нет.

Полицейский указал на экран, и Рик увидел, что экран пуст.

Взяв у быка-полицейского трубку, Рик с тревогой прокричал:

— Мистер Брайант!

Он прислушался, подождал, потом снова набрал знакомый номер. Послышались гудки, но на них никто не отвечал. Гудок следовал за гудком.

— Дайте мне, — подал голос сержант Грамс.

Он взял из рук Рика трубку.

— Вы, видимо, ошиблись номером.

Он начал крутить диск.

— Нужно набрать восемьсот сорок два...

— Я знаю номер, — раздраженно объявил Рик.

— Вызывает сержант Грамс. Имеется ли среди сотрудников управления некий инспектор Брайант?

Последовала короткая пауза.

— Так, а агент по имени Рик Декард?

Снова наступила пауза.

— Вы уверены? Может, он только недавно... Так, ясно, хорошо, спасибо... Нет, все нормально. Я сам.

Сержант Грамс повесил трубку и повернулся к Рику.

— Но он же был на экране, — проговорил Рик. — Ведь вы видели, я общался с ним. Он сказал, что хочет с вами побеседовать. Это какая-то неполадка. Произошло недоразумение. Неужели вы не видели — на экране появилось лицо Брайанта, а потом пропало.

Он был совершенно сбит с толку.

— Я записывал показания мисс Люфт, — прервал его сержант Грамс. — Так что мы поедem в Зал Правосудия, чтобы я вас зарегистрировал.

— Ладно, — согласился Рик.

Любе Люфт он пообещал:

— Я очень скоро вернусь. Я все же не провел теста.

— Он извращенец, — со страхом промямлила Люба Люфт. — Один вид его вызывает у меня дрожь.

Она повела плечами.

— Какую оперу вы репетируете? — поинтересовался сержант Грамс.

— «Волшебную флейту», — ответил Рик.

— Я не вас спрашиваю. Я спросил девушку.

Полицейский недружелюбно взглянул на Рика.

— Я хотел бы побыстрее добраться до Зала Правосудия. Нужно разъяснить это недоразумение. — Рик явно торопился.

Он направился к двери, сжав ручку чемоданчика с приборами.

— Сначала я вас обыщу.

Сержант Грамс ловко ощупал Рика и отобрал служебный лазер и пулевой револьвер. Он внимательно осмотрел их, потом понюхал ствол револьвера.

— Из него недавно стреляли, — констатировал сержант.

— Я буквально только что отправил на покой одного анди, — пояснил Рик. — Останки по-прежнему наверху, в моем каре.

— Ладно, — проронил Грамс. — Поднимемся на крышу и поглядим.

Мисс Люфт проводила их до порога.

— Ведь он не вернется, не правда ли, сержант? Я очень его боюсь. Честное слово, он такой странный.

— Если у него в каре тело убитого гражданина, то сюда он уже не вернется, — заверил Грамс.

Сержант подтолкнул Рика к двери, и они поднялись на крышу здания оперы.

Открыв дверцу аэрокара Рика, Грамс в молчании осмотрел тело Полокова.

— Это андроид, — объяснил Рик. — Я на него охотился. Он едва не прикончил меня, выдав себя за...

— Показания вы дадите в Зале Правосудия, — перебил его сержант Грамс.

Он подтолкнул Рика к своему аэрокару.

Уже находясь в кабине, сержант по радио передал кому-то указание забрать останки Полокова.

— Ладно, Декард, поехали.

Патрульный кар, в кабине которого находились только они, взвился в небо и взял курс на юг.

— Зал Правосудия, — уточнил Рик; — находится на севере отсюда, на Ломбард-стрит.

— Это старый Зал, — пояснил Грамс. — Новый построен на Медисон-стрит. Старое здание начало разваливаться, теперь это руины. Там никто не работает уже много лет. Вы что, так давно не были в полиции?

— Отвезите меня туда, — попросил Рик, — Ломбард-стрит.

Теперь он все понял. Теперь он осознал, чего добились андромиды, работая сообща.

Он не доживет до конца этого полета.

Для него это конец, почти как у Хейва.

— А эта девчонка первый класс, — заметил сержант Грамс. — Правда, из-за костюма не оценить фигуры, но я бьюсь об заклад, что с фигурой у нее все в норме.

— Признайтесь все-таки, что вы — андроид, — попросил Рик.

— Зачем? Я не андроид. Вы что, убиваете людей, а думаете, что они андромиды? Теперь я понимаю, почему мисс Люфт испугалась. Хорошо, что она успела вызвать нас.

— Тогда отвезите меня в Зал Правосудия на Ломбард-стрит.

— Как я вам уже объяснил...

— Это займет всего минуты три, — взмолился Рик. — Я хочу увидеть собственными глазами. Каждое утро я приходил туда на работу, делал отметку в журнале. Хочу собственными глазами увидеть, почему здание вдруг превратилось в руины, как вы сказали.

— Возможно, вы андроид, — продолжал сержант, — и в вас встроена фальшивая память, ложная. Вы об этом не думали?

Он холодно усмехнулся и повел кар на юг.

Понимая свой провал, Рик откинулся на спинку сиденья и начал беспомощно ждать, что будет дальше. Что бы ни задумали андроиды, теперь он был в их руках.

«Но одного я все-таки отправил на покой, — порадовался он, — Полокова, да и Хейв прикончил двух».

Зависнув над Медисон-стрит, полицейский аэрокар Грамса пошел на посадку.

Десять

Здание Зала Правосудия на Медисон-стрит, на крышу которого спускался аэрокар, вздымалось к небу несколькими шпилями в стиле барокко. Сложная архитектура здания поразила Рика Декарда. Здание показалось ему красивым и приятным для глаз, но... он никогда его не видел.

Полицейский аэрокар приземлился, и несколько минут спустя Рик обнаружил, что с него уже снимают показания.

— Триста четыре, — объяснил сержант Грамс сержанту за письменным столом, — шестьсот двадцать дробь четыре. Так, посмотрим. Выдавал себя за агента полиции.

— Четыреста шесть дробь семь, — сказал сержант за столом.

Он заполнял бланки. Писал он лениво, как будто скучал. О скуке, казалось, говорили его глаза и вся фигура, — ничего важного.

— Сюда, — указал Грамс.

Он подтолкнул Рика к белому столику, где его напарник оперировал знакомыми Рiku приборами.

— Снимем вашу цефаломатрицу в целях установления личности.

— Знаю, — огрызнулся Рик.

В былые дни, когда он сам служил патрульным, он часто приводил подозреваемых к такому вот столу. Такому, но не совсем.

После того как сняли его цефаломатрицу, Рика отвели в такую же знакомую ему комнату. Он рефлекторно начал перечислять в уме все свои ценные вещи, чтобы переслать их жене. «Но это бессмысленно, — подумал он. — Кто эти люди? Если это организация существовала раньше, почему мы о ней не слышали? Почему они не знают о нас? Два параллельных полицейских агентства, наше и их. И они никогда не вступают в контакт. Никогда не вступали, насколько мне известно, до сих пор. Или, может быть, вступали? Возможно, это не первый случай? Трудно поверить, что ничего подобного не было раньше. Если это действительно аппарат управления полицией, если это действительно то, чем кажется...».

К Рiku подошел человек в штатском костюме. Он приблизился неспешным, размеренным шагом, с любопытством глядя на Рика.

— Кто этот человек? — спросил он Грамса.

— Подозревается в убийстве, — ответил Грамс. — Там, наверху, тело — мы нашли его в каре, — и он утверждает, что это андроид. Сейчас в лаборатории делают анализ костного мозга, так что мы скоро это выясним. Кроме того, он выдавал себя за офицера полиции, агента по борьбе с андроидами. Таким образом он пробрался в женскую гримборную в оперном театре и задавал певице двусмысленные вопросы. Она начала сомневаться, что он тот, за кого себя выдает, и вызвала нас.

Отойдя в сторону, Грамс спросил:

— Будете заниматься им до конца, сэр?

— Хорошо, — согласился старший чиновник в штатском костюме. У него были голубые глаза, узкий, хищный нос и бледные, невыразительные губы.

Он посмотрел на Рика, потом поднял руку к служебному чемоданчику.

— Что у вас там, мистер Декард?

— Материалы, относящиеся к тесту Байт-Кампфа, — сообщил Рик. — Я тестировал подозреваемую, когда сержант Грамс арестовал меня.

Он посмотрел, как полицейский роется в содержимом чемоданчика, осматривая каждый предмет.

— Мисс Люфт я задавал вопросы теста Байт-Кампфа, напечатанные на...

— Вы знаете Джорджа Глисона или Фила Реча? — спросил полицейский.

— Нет, — ответил Рик.

Оба имени он слышал впервые.

— Это агенты по выявлению и ликвидации андроидов, работающие в Северной Калифорнии. Оба закреплены за нашим управлением. Возможно, вы с ними здесь встретитесь. Вы андроид, Декард? Я спрашиваю, потому что мы уже несколько раз имели дело с бежавшими анди, которые выдавали себя за охотников из других штатов, прибывших к нам в погоне за подозреваемыми.

— Я не андроид, — мотнул головой Рик, — можете провести тест Байт-Кампфа. Я уже проходил его и могу пройти еще раз. Но я предвижу результаты. Могу я позвонить жене?

— Вы имеете право на один звонок. Вы желаете позвонить именно ей, а не своему адвокату?

— Я позвоню жене, — повторил Рик. — Она сможет вызвать адвоката.

Полицейский чиновник в штатском вручил Рiku монету в пятьдесят центов и махнул рукой.

— Вон там есть видеофон.

Он проследил взглядом, как Рик направился через комнату к видеофону, а потом вернулся к исследованию содержимого чемоданчика Рика.

Опустив монету, Рик набрал свой домашний номер. Он долго ждал ответа.

На видеофоне появилось женское лицо.

— Алло, — проговорила женщина.

Это была не Ирен. Рик никогда раньше не видел этой женщины.

Он повесил трубку и медленно вернулся обратно к столу чиновника.

— Неудачно? — поинтересовался офицер. — Ну что ж, можете позвонить еще раз. В этом отношении мы придерживаемся довольно либеральной политики. Я не могу позволить вам вызвать поручителя, потому что под залог мы вас пока выпустить не можем, но когда вы уже будете привлечены...

— Я знаю, — оборвал его Рик. — Эта процедура мне знакома.

— Вот ваш чемоданчик, — офицер вручил чемоданчик обратно Рiku.

— Пройдемте в мой кабинет. Я хотел бы продолжить нашу беседу.

Он двинулся по боковому коридору, указывая путь. Рик шел следом. Потом, обернувшись, офицер представился:

— Меня зовут Гэрланд.

Они пожали друг другу руки.

— Садитесь.

Гэрланд распахнул дверь кабинета и тяжело опустился на стул за большим письменным столом, заваленным бумагами.

Рик сел лицом к столу.

— По поводу теста Байт-Кампфа, — начал Гэрланд, — который вы упоминали.

Он указал на чемоданчик.

— Все эти принадлежности, это что, аналитические инструменты для определения андроида?

Он набил трубку, раскурил ее и выпустил облачко дыма.

— Это наш базовый тест, — объяснил Рик, — В настоящее время мы пользуемся только им. Только он способен выделить андроидов с новым мозговым устройством «Узел-6». Вы никогда не слышали об этой методике?

— Я знаю несколько профилирующих тестов, которые используются для обнаружения андроидов, но о таком не слышал.

Он продолжал напряженно рассматривать Рика. В его лице появилось что-то чужое.

Рик не мог определить, о чем сейчас думал Гэрланд.

— А вот эти грязные бумажки, — продолжал Гэрланд, которые лежали у вас в портфеле... Здесь Полоков, Люба Люфт — ваши подозреваемые. Следующий в списке я.

Рик вздрогнул, уставился на Гэрланда и схватил чемоданчик.

Мгновение спустя он уже разложил перед собой папиросные листки с досье. Ни он, ни Гэрланд не проронили ни слова в течение нескольких последующих минут, потом Гэрланд нервно прокашлялся.

— Это очень неприятное ощущение, — признался он, — обнаружить себя в списке охотника за андроидами, если только вы охотник, мистер Декард.

Он нажал кнопку настольного интеркома и произнес:

— Пришлите сюда одного из охотников, все равно, кого... Хорошо, спасибо. Ну вот, через минуту здесь будет Фил Реч, — объявил он Рiku. — Я хочу сначала взглянуть на его список подозреваемых, прежде чем мы пойдем дальше. — Вы думаете, что я могу оказаться в этом списке? — поинтересовался Рик.

— Возможно. Через минуту мы узнаем. В таких вопросах лучше быть уверенным сразу, лучше не полагаться на случай.

Он указал пальцем на копию досье.

— В этом вашем списке я фигурирую как страховой инспектор, а не полицейский, но все остальное точно сходится — описание внешности, привычки, домашний адрес. Да, это я, совершенно правильно. Сами посмотрите.

Он подтолкнул страницу в сторону Рика, который взял листок и пробежал его глазами.

Дверь кабинета открылась, и вошел высокий, очень худой мужчина с резкими чертами лица. На носу у него сидели очки в массивной роговой

оправе, а подбородок скрывала ван-дейковская борода. Гэрланд поднялся, протягивая руку в сторону Рика.

— Фил Реч, Рик Декард, знакомьтесь. Вы оба агенты по борьбе с андроидами, и, видимо, пришла пора вам познакомиться.

Когда они пожимали друг другу руки, Фил Реч спросил:

— К какому городу вы прикреплены?

За Рика ответил Гэрланд:

— Сан-Франциско. Вот, взгляни сюда.

Он протянул Речу листок, который нашел в чемоданчике у Рика, тот самый, где содержались данные с описанием самого Гэрланда.

— Слушай, Гэр, — с удивлением проговорил Реч, — ведь это ты.

— Это еще не все, — сообщил Гэрланд. — У него есть данные на Любу Люфт, оперную певицу, и на Полокова. Помнишь Полокова? Он уже мертв. Его убил этот агент, или андроид, или кто он там на самом деле. Сейчас лаборатория делает анализ мозгового среза, чтобы установить его природу...

— С Полоковым я разговаривал, — сообщил Фил Реч. — Это тот самый большой Санта Клаус из советской полиции?

Он задумался, подергивая свою всклокоченную бороду.

— Я считаю, это хорошая идея — провести анализ костного мозга.

— Почему ты так полагаешь? — поинтересовался Гэрланд.

Он был явно раздражен.

— Ведь это может лишить нас оснований для обвинения этого человека, Декарда, в том, что он кого-то убил. Это предстанет лишь отправкой на покой андроида.

— Полоков произвел на меня впечатление очень хладнокровного человека, — сказал Фил Реч, — крайне холодный, расчетливый, отстраненный. Полоков был очень необычен.

— Таких полицейских сколько угодно, — заметил Гэрланд.

Он был явно уязвлен.

— Любу Люфт я никогда не видел, — продолжал Реч, — хотя записи ее слышал. Вы ее испытали? — обратился он к Риду.

— Я начал тест, — объяснил Рик, — но довести до конца не смог. Она вызвала патрульного, и на этом все закончилось.

— А Полоков? — продолжил он.

— Его мне тоже не удалось испытать.

— И насколько я понимаю, — тихо проронил Реч, словно самому себе, — инспектора Гэрланда вы тоже проверить не успели.

— Конечно, нет, — воскликнул Гэрланд.

Он негодующе сморщился. Слова вылетали как осколки стекла.

— Каким тестом вы пользуетесь? — задал вопрос Фил Реч.

— Шкалой Байт-Кампфа.

— Такой шкалы я не знаю.

Оба — Реч и Гэрланд — быстро и профессионально размышляли, это было видно, но размышляли они явно не в унисон. Это тоже было заметно.

— Я всегда утверждал, — продолжал Реч, — что андроиду лучше всего пристроиться к большому полицейскому управлению. С самого первого свидания с Полоковым мне хотелось его проверить, но случай так и не представился. Он и не мог представиться, это одно из преимуществ, которое дает андроиду подобная работа.

Медленно поднявшись на ноги, инспектор Гэрланд посмотрел в лицо Речу.

— Меня вы тоже всегда хотели испытать?

Губы Фила Реча сложились в едва заметную улыбку. Он собирался что-то ответить, но потом лишь пожал плечами и продолжал сохранять молчание. Он, казалось, совсем не боялся своего начальника, несмотря на явное негодование последнего.

— Я думаю, вы не понимаете, какая сложилась ситуация, — возобновил беседу Гэрланд. — Этот человек — или андроид — Рик Декард, пытается убедить нас, что представляет несуществующую полицейскую организацию, которая будто бы базируется в нашем старом здании на Ломбард-стрит. О нашем управлении он никогда не слышал, и мы никогда не слышали о нем. Но, якобы, мы занимаемся одним делом. Он пользуется тестом, о котором мы никогда не слышали. Список, которым он руководствуется, этот список не андроидов, а живых людей. Он уже убил, по крайней мере, одного. Если бы мисс Люфт не успела позвонить в полицию, он, вероятно, убил бы и ее и в конечном счете начал бы выслеживать меня.

— Гм, — хмыкнул Рич.

— Гм, — передразнил его Гэрланд.

Он был в ярости. Казалось, еще немного, и его хватит апоплексический удар.

— Больше вы ничего не можете сказать?

Ожил интерком. Женский голос сообщил:

— Инспектор Гэрланд, лабораторный анализ трупа Полокова готов.

— Думаю, нам стоит услышать результаты, — предложил Реч.

Гэрланд бросил на него испепеляющий взгляд, потом нажал кнопку интеркома.

— Сообщите нам его, пожалуйста, мисс Френтч.

— Анализ костного мозга показывает, — проговорила она, — что мистер Полоков являлся гуманоидным роботом. Если вам нужен подробный...

— Нет, этого достаточно.

Гэрланд опустился на стул, мрачно рассматривая противоположную стену. Он не вымолвил ни слова.

— Что лежит в основе вашего теста Байт-Кампфа? — поинтересовался он.

— Эмпатическая реакция на набор социальных ситуаций. Большей частью они касаются отношения к животным.

— Наш тест проще, как мне представляется, — прервал его Реч. — Реакция по рефлекторной дуге, расположенной в верхних отделах спинного мозга. Она занимает у гуманоидных роботов на несколько секунд больше, чем у людей.

Протянув руку, он придвинул к себе отрывной блокнот Гэрланда и шариковой ручкой набросал схему.

— Мы используем звуковой сигнал или световую вспышку. Испытуемый нажимает кнопку, мы замеряем время задержки. Это время различно у людей и андроидов. После десяти проб мы получаем довольно надежные результаты. Потом, как в случае с Полоковым, исследование костного мозга подтверждает результат.

Последовала тягостная пауза, потом Рик предложил:

— Можете испытать меня. Я готов. Конечно, вас я тоже хотел бы испытать. Если вы не против.

— Естественно, — согласился Реч.

Сам он, однако, следил за инспектором Гэрландом.

— Я уже сто раз повторял, — продолжил он задумчиво, что тест с рефлекторной дугой Бенелли должен регулярно применяться, и чем выше ранг служащего, тем чаще его надо использовать. Разве я не утверждал этого, инспектор?

— Это ваше право, — Гэрланд набылчился. — Я всегда был против на том основании, что это повредит моральному климату в управлении.

— Думаю, что теперь, — заметил Рик, — вы не станете слишком возражать. Особенно принимая во внимание результаты лабораторного анализа мозга Полокова.

Одиннадцать

— Хорошо, — согласился Гэрланд.

Он ткнул пальцем в сторону охотника за андроидами Фила Реча.

— Но я вас предупреждаю — результаты теста вам придется не по вкусу.

— А вы знаете, какие будут результаты? — спросил Реч с заметным удивлением.

Он явно не был доволен сложившейся ситуацией.

— Почти на все сто процентов, — сообщил инспектор Гэрланд.

— Ладно.

Реч кивнул.

— Пойду наверх и принесу приборы.

Он подошел к двери кабинета, открыл ее и исчез в коридоре.

— Я буду через три-четыре минуты, — обратился он к Рику. — Двери за ним закрылись.

Сунув руку в правый верхний ящик служебного стола, инспектор Гэрланд взял там трубку лазера, извлек ее и медленно направил дуло на Рика.

— Это ничего не изменит, — улыбнулся Рик. — Реч проведет посмертный анализ моего костного мозга, такой же, какой провела ваша лаборатория над Полоковым, и он по-прежнему будет настаивать на проверке с помощью... как это у вас называется? Дуга Бенелли — рефлексного теста для всех сотрудников, включая и вас.

Лазерная трубка оставалась в том же положении, потом инспектор Гэрланд проговорил:

— С самого утра это был плохой день, особенно, когда я увидел, что сержант Грамс привез сюда вас. У меня появилось предчувствие — вот почему я вмешался.

Лазерная трубка медленно опустилась.

Гэрланд некоторое время судорожно сжимал ее, потом положил оружие в ящик, запер его, а ключ засунул в карман.

— Что же должен показать этот тест применительно ко всем нам? — поинтересовался Рик.

— Этот болван Реч... — Гэрланд фыркнул.

— И он не знает, что происходит в действительности? — Рик удивился.
— Нет, не знает, даже не подозревает, иначе он не смог бы работать охотником за андроидами. Это едва ли подходящая для андроида работа. Это работа только для людей.

Гэрланд показал на листки машинописных копий.

— Все эти ваши подозреваемые, которых вы должны подвергнуть тесту и устранить...

Он промолчал.

— Я их всех знаю. Мы прилетели с Марса на одном корабле. Но Реча с нами не было. Он задержался на неделю, ему вставляли синтетическую систему памяти.

Гэрланд погрузился в молчание, или, скорее, это кабинет погрузился в тишину.

— Что он сделает, когда узнает? — задал вопрос Рик.

— Не имею ни малейшего представления, — рассеянно заметил Гэрланд. — С точки зрения абстрактного мышления это интересный вопрос. Он может убить меня, убить себя, возможно, вас тоже. Он может начать убивать всех, кто попадется ему под руку. И людей, и андроидов. Такие вещи, очевидно случаются с системами ложной памяти, когда андроид думает, что он человек.

— Значит, ложная память — это всегда риск.

— Это в любом случае риск — когда бежишь на свободу и добираться до Земли, где нас даже за животных не считают, где любой червяк или лесной клоп желаннее нас всех, вместе взятых.

Гэрланд раздраженно вздохнул.

— Ваше положение было бы легче, если бы Фил Реч мог пройти тест Бонелли, если бы дело было только во мне одном. В этом случае результаты можно было бы предсказать: для него я стал бы всего лишь одним анди, которого необходимо отправить на покой как можно быстрее. Поэтому вы, Декард, сейчас тоже в очень невыгодном положении. Почти в таком же, как и я. Знаете, где я ошибся? Я не знал, кто Полоков. Видимо, он прибыл сюда гораздо раньше нас. Это очевидно. И с совершенно другой группой — с нами у них не было контактов. Когда я прилетел на Землю, он уже внедрился в полицию, пошел на риск лабораторного анализа, а этого делать не стоило. Грамс, конечно, тоже зря рискнул.

— Полоков едва не прикончил меня, — признался Рик.

— Да, что-то такое в нем было. Не думаю, что него мозговое устройство было той же инверсии, что и наше. Его мозг явно подвергался дополнительной обработке. Получилось что-то совершенно нам незнакомое и очень совершенное, почти совершенное.

— Когда я звонил домой, почему я не мог связаться с женой? — поинтересовался Рик.

— Все видеофонные линии в этом здании замкнуты на себя. Любой вызов за его пределы передается в другие кабинеты внутри управления. Здесь, Декард, мы находимся внутри гомеостатического механизма. Мы — замкнутая петля, отрезанная от остальной части Сан-Франциско. Мы знаем о вас, но вы не знаете о нашем существовании. Иногда сюда случайно забредает отдельный человек — или, как в случае с вами, его доставляют — и для самозащиты мы...

Он конвульсивно указал в сторону двери.

— Сейчас появится наш ретивый молодец Фил Реч со своими портативным-муртативным аппаратом для маленького скоренького теста. Правда, он классный парень? Сейчас он прикончит себя, меня, а возможно, и вас.

— Вы, андроиды, — заметил Рик, — в стрессовой ситуации не очень друг друга поддерживаете.

— Вы правы, — процедил сквозь зубы Гэрланд. — Похоже, нам недостает этого особого таланта, которым обладаете вы, люди. Кажется, он называется сопереживанием, эмпатией.

Открылась дверь кабинета. На пороге застыл силуэт Фила Реча, который нес в руке прибор с волочившимися за ним проводами.

— А вот и мы, — радостно сообщил он.

Он закрыл за собой дверь, сел и подключил прибор к розетке на стене. Гэрланд вытянул правую руку в сторону Реча. В то же мгновение Рик и Реч скатились со своих стульев на пол. Одновременно Реч выхватил свой лазер и, падая, выстрелил в Гэрланда.

Луч лазера, направленный с точностью, выработанной годами тренировок, прожег голову инспектора Гэрланда. Тело его накренилось, миниатюрный лазерный излучатель выпал из ладони и покатился по столу. Потом труп покачнулся, подался вбок и, как мешок с картошкой, грузно рухнул на пол.

— Он забыл, — произнес Реч, — что это моя работа.

Реч поднялся с пола.

— Я могу почти точно предсказать, что станет делать андроид, и вы тоже, я полагаю.

Он спрятал трубку лазера, нагнулся и с любопытством посмотрел на тело своего бывшего начальника.

— Что он вам рассказал, пока меня не было?

— Что он — оно — был андроидом. А вы...

Рик замолчал. Мысли его лихорадочно прыгали, рассчитывая варианты. Потом он решил изменить фразу.

— И вы в конечном счете раскрыли бы его, — завершил он предположение, — всего через несколько минут.

— И больше ничего?

— Все это здание выполнено андроидами.

Реч задумчиво сказал:

— Тогда нам будет трудно выбраться отсюда. Практически я имею право входить и выходить, когда захочу, и я могу сопровождать взятого под стражу.

Он прислушался. Из коридора не доносилось ни звука.

— Я полагаю, они ничего не слышали. Видимо, здесь нет «клопа», хотя он должен был бы быть.

Он с воодушевлением качнул носком ботинка труп Гэрланда.

— Нет, это действительно замечательно — какая способность вырабатывается в этом деле! Еще не открыв дверь, я знал, что он собирается в меня выстрелить. Честно говоря, я удивлен, что он вас не убил, пока я находился наверху.

— Он собирался, — ухмыльнулся Рик. — В столе у него лежит большой служебный лазер. Он взвешивал, стоит ли убивать меня. Его волновал не я, а вы.

— Куда бежит андроид, — без всякого юмора произнес Реч, — туда за ним направляется и охотник. Вы понимаете, что вам придется во второй раз лететь в оперный театр и там устранить Любу Люфт, пока кому-нибудь не удалось предупредить ее, вернее, его, андроида то есть. Вы как о них думаете: «оно» или «он-она»?

— Иногда я думал «оно», — признался Рик. — Когда меня тревожит память, мне приходится так поступать. Я защищаюсь тем, что размышляю о них именно как о среднем роде, как о неодушевленных предметах. Но теперь мне уже этого не требуется. Ладно, я полечу в Оперу при условии, что вы мне поможете выбраться отсюда живым.

— Так. Гэрланда, я думаю, мы посадим обратно на стул, — предложил Реч.

Он подтащил тело андроида к столу, усадил его и придал рукам и ногам достаточно естественное положение. Если не присматриваться, поза Гэрланда казалась вполне естественной, если только никто не приблизится к нему.

Нажав кнопку на интеркоме, Фил Реч сообщил:

— Инспектор Гэрланд просит не пропускать к нему звонки в течение следующего получаса. Он занят важной работой и хочет, чтобы ему не мешали.

— Да, мистер Реч.

Отпустив кнопку интеркома, Фил Реч сказал Риду:

— Пока мы еще внутри здания, вы будете прикованы ко мне наручниками. Как только мы поднимемся в воздух, я, естественно, освобожу вас.

Он извлек пару наручников и один наручник защелкнул на запястье Рика, а второй — на своем.

— Пошли, покончим с этим скорее.

Реч расправил плечи, сделал глубокий вздох и толчком распахнул дверь кабинета.

Со всех сторон их окружали полицейские в форме, которые продолжали заниматься своими делами, не обращая внимания на Фила Реча, ведущего Рика через холл к лифту.

Открылись двери лифта, из кабины вышли несколько мужчин и женщин с маловыразительными лицами полицейских служащих. Каждый стучал подошвами по паркету холла, спеша по своим срочным делам.

— Чего я опасюсь, — уведомил Рика Реч, когда двери лифта закрылись за ними, — так это того, что у Гэрланда имелся горловой аварийный детектор на случай гибели.

Рик пожал плечами.

— Сейчас он уже должен был бы сработать.

Реч надавил самую верхнюю кнопку, и кабина начала бесшумно подниматься.

— Как вы думаете, ваше управление возьмет меня на работу? — поинтересовался Реч. — Ведь я теперь остался без работы. Это в лучшем случае.

— Я думаю, нет причин волноваться, — осторожно заметил Рик. — Правда, у нас уже есть два охотника.

«Я должен сообщить ему, — думал Рик. — Это жестоко и неэтично. Он андроид. Он вытащил меня из этой ловушки, и вот моя благодарность. Я ведь должен его уничтожить».

— Просто уму непостижимо, — продолжал Фил Реч, — просто невозможно. Три года я работал под управлением андроида. Почему я ничего не замечал — то есть в такой мере, чтобы что-то предпринять?

— Вероятно, это случилось не так давно. И все только в последнее время стали попадать под контроль андроидов.

— Они занимали здание с самого начала, и с самого начала моим начальником был Гэрланд. Все три года.

— В соответствии с тем, что оно мне рассказало, — сообщил Рик, — вся их банда прибыла на Землю, но это случилось не три года назад, а всего несколько месяцев.

— Значит, когда-то существовал настоящий Гэрланд, — понял Фил Реч, — и в какой-то момент его подменили.

Его акулообразное худое лицо исказилось. Он старался разобраться.

— Или это в меня была встроена система ложной памяти, и я только считаю, что помню, что все эти три года работал с Гэрландом. Но...

Лицо его исказилось еще больше, раздираемое внутренним волнением.

— Но только андроиды способны носить в себе ложную память. По отношению к людям система оказалась неэффективной.

Лифт остановился. Двери открылись, и перед ними оказалась пустынная в тот миг крыша. Это была посадочная площадка полицейского управления.

— Вот мой кар, — указал Фил Реч.

Он отпер дверцу стоявшего неподалеку аэрокара и быстрым взмахом руки поторопил Рика зайти в кабину.

Сам он сел за управление и включил двигатель. Секунду спустя они уже поднялись в небо, повернув на север. Они направлялись в сторону здания Оперы.

Фил Реч вел кар почти машинально — мрачные мысли одолевали его.

— Послушайте, Декард, — воскликнул он вдруг. — После того, как мы устраним Любу Люфт, я хочу, чтобы вы...

Его хриплый голос прервался.

— Вы понимаете. Чтобы вы провели на мне тест Бонелли или тест по вашей шкале эмпатии, чтобы выяснить, кто я.

— Об этом мы можем подумать позднее, — уклончиво предложил Рик.

— Вы не хотите, чтобы я сделал это, да?

Реч бросил взгляд на Рика.

— Я подозреваю, что вы знаете результат. Видимо, Гэрланд вам что-то сообщил, что-то, чего я не знаю.

— Даже вдвоем нам трудно будет убрать Любу Люфт. С такими, как она, мне одному не справиться. Давайте пока что не станем отвлекаться от нашей цели.

— Ведь дело не только в системе ложной памяти, — продолжал Фил Реч. — У меня ведь есть животное, и не электрическое, а настоящее, Белочка. И я очень люблю ее. Декард, каждое утро я кормлю ее и меняю подстилку — такую бумагу, знаете, которую кладут в клетку, а вечером, когда я возвращаюсь с работы, я выпускаю ее на волю, и она прыгает по всей квартире. В клетке у нее есть колесо. Вы видели когда-нибудь, как

белка крутится в колесе? Она бежит и бежит, а колесо крутится. Но белка остается на месте. И Баффи это, кажется, нравится.

— Белки не очень умные животные, я так полагаю, — сказал Рик. Дальше они летели в молчании.

Двенадцать

В Опере Рик Декард и Фил Реч узнали, что репетиция закончилась, и мисс Люфт покинула театр.

— Она не сказала, куда собирается? — поинтересовался Фил Реч у рабочего сцены. И показал свое полицейское удостоверение.

— Вроде, в музей.

Рабочий рассматривал удостоверение.

— Она объяснила, что хочет успеть на выставку Эдварда Мунка. Завтра она закрывается.

«А Люба Люфт, — подумал Рик, — «закроется» сегодня».

Пока они шли к зданию музея, Реч спросил:

— Как вы считаете, есть ли у нас шансы найти ее в музее?

— Не знаю, — ответил Рик.

Они вошли в здание музея, выяснили, на каком этаже находится выставка, и начали подниматься. Вскоре они уже бродили среди картин и вырезанных из дерева статуй. На выставке оказалось довольно много посетителей, были среди них и школьники.

Пронзительный голос их учительницы разносился по всем комнатам, в которых располагалась выставка Мунка. Рик подумал, что так должен звучать голос анди, и выглядеть он должен, как эта учительница. Анди не имеет просто права походить на Любу Люфт или Рейчел Розен, как человек.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы у анди было какое-нибудь домашнее животное? — спросил Рика Фил Реч.

По какой-то необъяснимой причине Рик испытывал желание быть честным до жесткости и поэтому пояснил:

— Мне известны два случая, когда анди владели животными, но это происходит очень редко. Могу сказать, что анди, как правило, не в состоянии содержать животное. Животные требуют тепла, кроме рептилий и насекомых, конечно.

— А белка? Ей ведь тоже нужно тепло? Баффи живет прекрасно. Я ее через день почесываю.

Фил Реч остановился рядом с полотном, выполненным масляными красками, и внимательно рассматривал его.

На картине было изображено безволосое страдающее существо с головой, похожей на перевернутую грушу, с прижатыми в ужасе к ушам ладонями и с открытым в безмолвном крике ртом. Искривленные, судорожные волны мук этого существа словно эхо расходились в воздухе вокруг его головы. Мужчина этот, а может, женщина, казался заключенным в собственном вопле и зажал уши, чтобы не слышать его.

Существо стояло на мосту, где больше никого не было.

Зрители словно слышали его вопли, но так и оставляли его в полной изоляции на картине, в том мире, где никто не может его услышать по-настоящему.

— Потом он сделал еще статую, — промолвил Рик, прочитав табличку, прикрепленную к стене ниже картины.

— Вероятно, — медленно сказал Реч, — вот так должен чувствовать себя андроид.

Он как бы прочертил в воздухе вибрации, возникающие от крика этого существа.

— Но я так себя не чувствую, значит, я, скорее всего, не...

Он замолчал, потому что как раз в этот момент в зал вошло несколько человек. Они подошли к картине.

— Это Люба Люфт. — Рик указал в ее сторону, и Фил Реч на время забыл о мрачных размышлениях.

Размеренным шагом они вдвоем направились к мисс Люфт, стараясь ничем не выдать спешки. Это было самым главным в их деле: не нарушать атмосферы будничности. Другие люди, не знавшие о присутствии андроида, не должны были подвергаться опасности, даже если андроиду удастся ускользнуть.

Держа в руке каталог выставки, Люба Люфт стояла перед одной из картин, полностью поглощенная ею. На ней были блестящие брюки, суживающиеся у щиколоток, и золотистый сверкающий жилет.

На картине была изображена юная девушка, сидевшая на краю кровати. Она сцепила свои руки, а ее лицо отражало удивление и робость.

— Хотите, я куплю ее для вас? — спросил Рик Любу.

Он остановился рядом с ней, легко сжав ее предплечье, давая этим легким пожатием понять, что она в пределах его досягаемости. С другой стороны Фил Реч положил на плечо девушки руку, и Рик увидел, как оттопыривается от лазера его пиджак.

Фил Реч не собирался рисковать еще раз, с него достаточно было инспектора Гэрланда.

— Она не продается.

Люба Люфт бросила на Рика беглый взгляд. Потом, когда она узнала его, глаза ее мгновенно поблекли, и краска схлынула с лица, превратив его в маску трупа, словно тело ее уже начало разлагаться, а вся жизнь спряталась в какой-то глубокой точке внутри ее тела, превратив его в автоматически движущуюся руину.

— Я думала, вас арестовали. Разве они выпустили вас?

— Мисс Люфт, — проговорил Рик, — познакомьтесь, это мистер Реч. Фил, это весьма известная оперная певица Люба Люфт.

Он снова обернулся к ней.

— Тот патрульный, который арестовал меня, был андроидом, как и его начальник. Вы знаете... вернее, вы знали инспектора Гэрланда? Он мне сообщил, что вы прибыли с Марса в одном корабле.

— Это полицейское управление, куда вы позвонили, — объяснил Фил Реч, — находится на Медисон-стрит и представляет собой специально организованное агентство андроидов, через которое ваша группа, как мне кажется, связывалась между собой. Они были настолько уверены в себе, что даже нанимали людей-охотников за андроидами. Очевидно...

— Вы? — процедила Люба Люфт. — Вы не человек, вы тоже андроид.

После некоторой паузы Фил Реч проговорил внезапно осипшим, но хорошо контролируемым голосом:

— С этим, я думаю, мы разберемся в свое время.

Затем он обратился к Рiku:

— Отведем ее в мой кар.

Шагая по обе стороны девушки, они провели ее к лифту. Люба двигалась без желания, но сопротивления не оказывала. Она словно бы отключилась от внешнего мира. Рiku приходилось уже сталкиваться с подобным явлением у андроидов. В критических ситуациях искусственная сила, приводившая их в движение, словно иссякала. Видимо, нагрузка оказывалась для них слишком велика. По крайней мере, у некоторых андроидов, но не у всех.

Сила эта могла вернуться в любой момент с неожиданной скоростью.

Но, как знал по опыту Рик, андроиды обладают внутренним стремлением ничем не выдавать себя, поэтому в музее, в окружении стольких посетителей, Люба ничего не предпринимала. Настоящее столкновение — вероятно, последнее для нее — произойдет в каре, где их никто не увидит. Оказавшись в кабине кара, Люба может с гневом сбросить маску отстраненности. Рик напрягся, подготавливая себя. О Филе Рече он не думал. Как сказал сам Реч, его проблема будет рассмотрена в соответствующее время.

В конце коридора, рядом с лифтами, было устроено нечто вроде небольшого киоска, там продавали репродукции и книги по искусству. Люба остановилась у прилавка.

— Послушайте...

Она повернулась к Рiku. Лицо ее вновь приобрело нормальный цвет, и Люба снова — пусть и ненадолго — казалась абсолютно нормальным человеком.

— Купите мне репродукцию той картины, которую я рассматривала, когда вы меня нашли, ту, где девушка сидит в кровати.

Помолчав, Рик спросил продавца:

— У вас есть репродукция «Зрелости» Мунка?

— Только вот в этом сборнике, — показал продавец.

Он продемонстрировал снятый с полки красивый альбом в блестящем пластике.

— Двадцать пять долларов.

— Я беру.

Рик потянулся за бумажником.

— Мой департаментский бюджет даже за миллион лет не растянуть на... — начал Фил Реч.

— Это мои деньги, — отрезал Рик.

Он передал продавцу банкноты, а Любе вручил книгу.

— Теперь вниз, — приказал он ей и Филу.

— Это очень мило с вашей стороны, — улыбнулась Люба.

Они вошли в кабину лифта.

— Есть что-то очень странное и трогательное в вас, людях. Андроид никогда бы так не поступил.

Она бросила ледяной взгляд на Реча.

— Ему бы и в голову не пришло, как он сказал, даже за миллион лет.

Она не спускала взгляда с Реча. Теперь ее глаза были полны ненависти и отвращения.

— Нет, я в самом деле не люблю андроидов. С тех пор, как я прилетела с Марса, я только и занималась тем, что имитировала человека. Я говорила и поступала так, как поступали бы они. Я изображала высшую по отношению к нам, андроидам, форму жизни. Я так считаю.

Она обратилась к Речу:

— Разве с тобой было не так, Фил Реч? Подражание...

— Я больше не могу...

Фил Реч сунул руку под пиджак.

— Нет, — остановил его Рик.

Он схватил Реча за руку. Реч подался назад, освобождаясь.

— Сначала тест Бенелли, — приказал Рик.

— Оно же призналось, что оно андроид, — объяснил Реч. — Мы можем сделать это сейчас.

— Не делай этого только потому, что оно тебя уязвило, — сказал Рик. — Дай сюда.

Он попытался вырвать трубку лазера из пальцев Реча, но ему это не удалось.

Фил Реч сделал шаг назад и повернулся боком, не спуская глаз с Любы Люфт.

— Ладно, — проговорил Рик, — устраний, убей сразу, сейчас, докажи, что это твое право.

Он увидел, что Реч намерен поступить именно таким образом.

Фил Реч выстрелил. В тот же миг Люба Люфт, охваченная животным ужасом, дернулась в сторону и пригнулась.

Луч прошел мимо, но когда Реч немного опустил ствол, луч прожег узкую дыру в животе Любы. Она закричала, упала и лежала, скорчившись, прижавшись к стенке кабины. «Как на той картине», — подумал Рик и, вытащив свой лазер, добил ее.

Тело ее перевернулось лицом вниз и замерло. Она даже не вздрогнула.

Потом Рик тщательно сжег лучом лазера альбом репродукций Мунка, который он несколько минут назад купил. Он сжигал его старательно и молча, пока альбом не превратился в пепел. Фил Реч смотрел на него непонимающим взглядом, пораженный.

— Вы ведь могли оставить альбом себе, — сказал Реч, когда все было кончено. — Он стоял...

— Как вы думаете, у андроидов есть душа? — перебил его Рик.

Наклонив голову, Фил Реч уставился на Рика в еще большем недоумении.

— Я могу себе позволить потратиться на эту книгу, — объяснил Рик. — Я уже заработал сегодня три тысячи долларов, а еще не закончил и половины дела.

— Вы имеете в виду Гэрланда? — спросил Реч. — Но его убил я, а не вы. Вы просто лежали на полу. И Любу Люфт убил тоже я.

— Но вы не можете получить эти деньги, — усмехнулся Рик, — ни в своем управлении, ни в нашем. Когда мы доберемся до вашей машины, я проведу тест Бенелли или Байт-Кампфа, и тогда посмотрим. Хотя в моем списке вас нет.

Трясущимися руками он открыл чемоданчик, ища листки бумаги.

— Нет, вас здесь нет. Следовательно, по закону я подозревать вас не могу.

— Вы уверены, что я андроид? Это вам сказал Гэрланд, верно?

— Да, это сказал Гэрланд.

— Возможно, он просто соврал, — предположил Реч, — чтобы посеять между нами недоверие, что и получилось. Мы просто будем болванами, если позволим ему даже после уничтожения разделить нас. Вы были совершенно правы относительно Любы Люфт. Мне следовало держать себя в руках. Но ведь мы все равно должны были устранить ее, в любом случае. Полчаса не играют никакой роли, это всего лишь полчасика. Она бы не успела даже посмотреть этот альбом, который вы ей купили. Я по-прежнему полагаю, что вы напрасно его сожгли. Это глупо. Я не могу понять ваших мотивов. Они просто не рациональны. Вот и все.

— Я бросаю это дело, — сказал Рик.

— И чем вы думаете заняться?

— Чем угодно. Страхованием, как предположительно занимался Гэрланд, а может, эмигрирую. Да.

Он кивнул.

— Я улечу на Марс.

— Но кто-то должен делать эту работу, — заметил Фил.

— Пусть используют андроидов. Так даже лучше. Я больше не могу, с меня хватит. Она была замечательной певицей. Она была нужна планете. Все это просто безумие.

— Это необходимость. Не забывайте — чтобы бежать, каждый из них убил человека. И если бы я не вывел вас из здания на Медисон-стрит, они убили бы вас. Этого и хотел от меня Гэрланд, поэтому и вызвал меня в кабинет. А Полоков? Ведь он едва не покончил с вами? А Люба Люфт? Мы защищаемся. Они явились на нашу планету, эти чужаки, маскирующиеся под...

— Полицейских, — продолжил Рик, — под агентов по борьбе с андроидами.

— Ладно, давайте проверяйте меня. Ведь Гэрланд мог солгать. Я уверен, что так он и сделал. Просто таких хороших систем ложной памяти не бывает. Ну, а как насчет моей белки?

— Да, ваша белка, я забыл о ней.

— Если я андроид, — объяснил Фил Реч, — и вы меня убьете, то можете взять белку себе. Вот, я напишу завещание, в котором передаю ее вам.

— Анди не имеют право писать завещание. У них нет собственности, которую они могли бы завещать.

— Тогда просто заберите ее, — предложил Реч.

— Может, так и будет, — сказал Рик.

Лифт достиг первого этажа. Двери открылись.

— Оставайтесь с ней. Я вызову патрульный кар, чтобы доставить ее в Зал Правосудия для анализа костного мозга.

Он увидел телефонную кабину, вошел, бросил монету и дрожащими пальцами набрал номер. Тем временем группа людей, ожидавших лифта, окружила Фила Реча и тело Любы.

«Она действительно была выдающейся певицей, — сказал себе Рик, когда, закончив разговор, повесил трубку. — Я не понимаю, как такой талант мог быть помехой для общества? Но дело не в таланте. Дело в ней

самой. Так же как и в Филе Рече. Он представляет угрозу сам по себе. Поэтому мне сейчас уйти нельзя».

Покинув кабину телефона, Рик пробрался сквозь толпу к лифту, на полу которого распростерлась Люба. Кто-то уже накрыл ее пиджаком. Это сделал не Реч.

Подойдя к Речу (тот жадно курил маленькую серую сигару), Рик проговорил:

— Я молю бога, чтобы вы оказались андроидом.

— Вы действительно ненавидите меня? — спросил Реч.

В его голосе было спокойное удивление.

— Но там, на Медисон-стрит, вы относились ко мне по-другому, когда я спас вам жизнь.

— Просто теперь я понял систему, то, как вы убили Гэрланда, потом Любу. Вы убиваете не так, как я, вы даже не пытаетесь... Проклятье! — воскликнул Рик. — Я понял, в чем дело. Вам нравится убивать. Вам нужен только повод. Если бы у вас был повод, вы бы меня убили. Вот почему вы ухватились за предположение, что Гэрланд был андроидом, — это давало вам повод убить его. Интересно, что будет, если вы не пройдете тестов? Застрелитесь? Иногда андройды это делают, хотя такие ситуации очень редки.

— Не волнуйтесь, я позабочусь о себе сам, — объявил Фил Реч. — Вам ничего не придется делать, кроме теста.

Прибыл патрульный полицейский аэрокар. Из кабины выпрыгнули два полицейских. Они увидели толпу людей и немедленно проложили себе путь сквозь нее.

Один из них узнал Рика и кивнул ему. «Значит, мы можем теперь уйти, — понял Рик. — Наше дело, наконец, сделано».

Когда они с Речем поднимались на крышу, на которой оставили припаркованным свой аэрокар, Реч сказал:

— Я отдам вам свой лазер, чтобы вас не беспокоила моя реакция и ваша личная безопасность.

Он протянул оружие, и Рик взял его.

— А как же вы себя убьете без лазера, — поинтересовался Рик, — если не пройдете тест?

— Я задержу дыхание.

— Боже праведный, — проговорил Рик. — Это невозможно.

— В нервной системе андроидов нет автоматического устройства для остановки дыхания, — объяснил Фил Реч, — в отличие от людей. Разве вас этому не учили? Меня этому научили много лет назад.

— Но умереть таким образом... — запротестовал Рик.

— Это не больно. Что тут такого?

— Это...

Он пошевелил пальцами не в силах найти нужные слова.

— Я не думаю, что мне придется испробовать этот способ, — сказал Фил Реч.

Они вместе поднялись на крышу оперного театра к аэрокару Реча.

Садясь за управление и закрыв дверцу, Фил Реч произнес:

— Я бы предпочел, чтобы вы использовали именно тест Бонелли.

— Я не могу. Я не знаю, как считаются показания.

«Ведь мне придется полагаться на его интерпретацию показаний, — вдруг понял Рик, — но это отпадает».

— Вы скажете мне правду, хорошо? — попросил Реч. — Если я андроид, вы мне сообщите, да?

— Конечно.

— Потому что я хочу твердо знать. Я должен знать.

Фил Реч заново зажег свою сигару, устраиваясь поудобнее. Это ему явно не удалось.

— Вам понравилась та картина, которую рассматривала Люба Люфт? — спросил он Рика. — Мне не очень. Я не люблю реализма. Я предпочитаю Пикассо.

— «Зрелость» датируется тысяча девятьсот двадцать восьмым годом, — коротко ответил Рик. — Тогда, кроме реализма, еще ничего не было. Примите это во внимание.

— Но та, вторая, там, где человек зажимает уши и кричит, она не слишком типична для реализма.

Открыв чемоданчик, Рик выудил приборы для теста.

— Тонкая работа, — заметил Реч.

Он наблюдал за сборкой аппарата.

— Сколько нужно задать вопросов, прежде чем вы сможете точно определить, кто я?

— Шесть или семь.

Он протянул Речу диск-сетку датчиков липкой стороной.

— Приложите плотно к щеке. Теперь свет...

Он нацелил луч.

— Он сфокусирован на вашем зрачке. Не шевелитесь, старайтесь, чтобы глаз оставался неподвижным.

— Определение рефлекса, — объяснил Реч. — Но здесь важна не только физическая природа. Важен и вопрос. То, что мы называем реакцией на раздраживание.

— Вы думаете, что сможете ею управлять? — поинтересовался Рик.

— Нет. Это вне волевого контроля. Если бы вы...

Он замолчал.

— Начинайте. Я волнуюсь. Извините, если я слишком много болтаю.

— Можете говорить сколько угодно, — предложил Рик.

«Говори всю дорогу к могиле, — подумал он, — если тебе это нравится». Рiku было все равно.

— Если тест покажет, что я андроид, — пробормотал Реч, — то ваша вера в человечество будет возрождена. Но поскольку этого результата не предполагается, то советую вам начать формулировать идеологический принцип, внутри которого я буду...

— Первый вопрос, — прервал его Рик.

Все было готово к началу теста, и стрелки на циферблатах подрагивали.

— Главный фактор — время реакции, поэтому постарайтесь отвечать как можно быстрее.

Рик по памяти выбрал первый вопрос.

Испытание началось.

Когда тест был закончен, Рик некоторое время сидел в молчании, потом начал собирать приборы, засовывая их в чемоданчик.

— Ответ я уже знаю по выражению вашего лица, — заметил Фил Реч.

Он вздохнул с судорожным облегчением.

— Ладно, можете отдать мне мой лазер.

Он протянул руку ладонью вверх, ожидая.

— Видимо, вы правы, — признал Рик, — относительно мотивов Гэрланда. Он хотел посеять недоверие между нами, поэтому солгал.

Он чувствовал себя усталым и психологически, и физически.

— Вы уже сформулировали какие-то соответствующие принципы, — поинтересовался Реч, — которые объяснили бы мое существование как части человеческого рода?

— В вашей эмпатической способности должен быть какой-то дефект, — объяснил Рик, — который нашим тестом не регистрируется. Ваши чувства по отношению к андроидам, например.

— Естественно, этот параметр не испытывается.

— Возможно, следовало бы его ввести.

Раньше это Рiku не приходило в голову, он не чувствовал никакого сочувствия к убиваемым андроидам. Он всегда считал, что воспринимает антроидов как совершенные умные машины. Но в сравнении с Филом Речем чувствовалась заметная разница. Инстинктивно он чувствовал его правоту. «Сопереживание относительно искусственной структуры, которая только делает вид, что живет? — спросил он себя. — Но Люба Люфт казалась живой. Симуляцией здесь и не пахло».

— Но вы сознаете, что тогда произойдет? — тихо поинтересовался Фил. — Если вы включите антроидов в спектр эмпатической способности наравне с животными.

— Мы тогда не сможем защищаться.

— Совершенно верно. Этот новый тип, «Узел-6». Они заполняют Землю, раздавят. Между «Узлом-6» и человечеством стоим мы, вы и я — агенты по борьбе с андроидами. Мы — барьер, который сохраняет четкую границу. Тем более...

Он замолчал, видя, что Рик снова начинает доставать приборы.

— Я думал, что тест уже кончился.

— Я хочу задать вопрос самому себе, — объяснил Рик. — И я хочу, чтобы вы сообщили мне показания стрелок. Я сам вычислю итоги. Только объявите мне результат.

Он приклеил к щеке диск-сетку датчиков, настроил карандаш излучателя светового луча, направив его прямо себе в глаз.

— Вы готовы? Следите за циферблатами. Временной интервал в данном случае не имеет значения, только величина отклонения стрелки.

— Конечно, Рик, — с готовностью согласился Реч.

Рик громко сказал:

— Я спускаюсь в лифте вместе с пойманным андроидом, и кто-то посторонний убивает его без предупреждения.

— Никакой особой реакции, — сообщил Реч.

— Что показала стрелка?

— Левая — два и восемь десятых, правая — три и три десятых.

— Андроид-женщина, — уточнил Рик.

— Теперь четыре и шесть соответственно.

— Это довольно много.

Он отключил проволочный диск и выключил световой луч.

— Это эмпатическая реакция. Такие результаты во многих случаях показывает испытываемый человек.

— И что из этого следует?

— Что я способен сопереживать бедам некоторых андроидов, не всем, а одному-двум.

«Например, Любе Люфт, — сказал он сам себе. — Значит, я ошибался. В реакции Фила Реча нет ничего нечеловеческого. Это моя реакция нестандартна. Интересно, кто-нибудь из людей испытывал нечто подобное по отношению к андроиду? Конечно, на моей работе это может никогда не сказаться. Это аномалия, связанная с моими чувствами по отношению к «Волшебной флейте» и к голосу Любы, вообще, к ее творчеству. Конечно, раньше я ничего подобного не испытывал. Например, по отношению к Полокову или к Гэрланду. И если бы Фил Реч оказался андроидом, я бы его убил без затруднений, особенно после смерти Любы. Вот и все, что касается различия между истинными людьми и человекоподобными движущимися искусственными конструкциями. В том же лифте в музее я спускался вместе с двумя существами, человеком и андроидом, и чувства мои были противоположны тем, которые я должен был испытывать к этим существам.

— Ты в беде, Декард, — тихо сказал Фил Реч.

Казалось, это его забавляло.

— Что я должен сделать? — спросил Рик.

— Секс, — объяснил Реч. — В этом все дело.

— Секс?

— Да, взаимоотношения полов. Потому что она, оно, была физически привлекательна для тебя. С тобой этого никогда не случилось?

Фил засмеялся.

— Нас учили, что это проблема номер один среди агентов по борьбе с анди. Разве ты не знаешь, Декард, что некоторые имеют даже любовниц-андроидов?

— Это незаконно, — объявил Рик.

Он знал этот закон.

— Конечно, это запрещено законом. Большинство половых извращений запрещено, но люди этим занимаются тем не менее.

— Но если не просто секс, а любовь?

— Любовь — это второе название секса.

— Любовь к родине? Любовь а музыке?

— Если это любовь к женщине, то это называется секс. К женщине или к ее андроидной имитации. Проснись и взгляни в лицо действительности, Декард. Ты хотел лечь в постель с женщиной-андроидом — не больше, не меньше. Когда-то я тоже это испытал, когда начал заниматься охотой. Не позволяй себе расслабляться. Это пройдет. Все дело в том, что события следовали не в том порядке, в каком нужно. Ты убил ее или присутствовал при ее устранении, а потом почувствовал физическое влечение. Надо делать наоборот.

Рик пристально посмотрел на него.

— Сначала лечь с ней в постель, а...

— А потом убить, — коротко отрезал Реч.

На его губах играла все та же жесткая улыбка.

«Ты хороший охотник на андроидов, Реч, — подумал вдруг Рик. — И твое отношение к ним это доказывает. Ну а я?

Внезапно первый раз в жизни он почувствовал сомнение.

Тринадцать

Словно на крыльях Джон Исидор мчался домой после трудового дня. «Не ушла ли она из квартиры? — думал он. — Нет, наверное, все по-прежнему — она в этой старой, замусоренной квартире смотрит Бастера Дружби по телевизору и вздрагивает от страха всякий раз, когда ей мерещится, кто-то ходит по коридору».

Он уже успел остановиться по дороге у бакалейного магазина, рядом с которым существовал черный рынок. На сиденье рядом с ним лежали такие деликатесы, как банка соевого творога, спелые персики, прекрасный мягкий сыр.

Сегодня, в этот вечер, Исидор чувствовал волнение и поэтому вел машину рывками.

Весь его кар сотрясаясь и фыркал, «Проклятье», — думал Джон Р. Исидор.

По кабине волнами распространялся аромат персиков и сыра и приятно щекотал ноздри. Все эти редкости, на которые он ухлопал двухнедельную зарплату, взятую у мистера Слоута, дополнялись спрятанной под сиденьем, где она не могла разбиться, бутылкой шабли. Это была величайшая редкость. Исидор держал ее в сейфе в Банке Америки, не желая продавать ее, сколько бы ему ни предлагали, на тот случай, если вдруг когда-нибудь в его жизни появится девушка. Это случилось именно сейчас.

Замусоренная, безжизненная крыша дома, как всегда, угнетающе подействовала на него. По пути от кара до лифта он старался не смотреть по сторонам, сосредоточив все внимание на драгоценном мешке и бутылке, которые нес в руках. Он боялся споткнуться и упасть.

Когда приехал скрипевший и лязгавший лифт, Исидор спустился не на свой этаж, а ниже, где теперь обитала Прис Страттон. Вскоре он уже стоял перед ее дверью, барабанив в створку краем бутылки и чувствуя, как колотится его сердце.

— Кто там?

Голос ее заглушала дверь, но все равно он звучал четко и испуганно.

— Здесь я, Джон Исидор, — быстро сообщил он.

Джон Исидор горделиво произнес свое имя, ведь сегодня он так хорошо разговаривал по видеотелефону.

— Здесь у меня кое-что весьма вкусное, и, я думаю, мы вместе могли бы сварганить неплохой обед.

Дверь совсем немного приоткрылась.

Из прихожей, в которой не было света, выглянула Прис, всматриваясь в сумрак холла.

— Ваш голос изменился, — заметила она, — повзрослел.

— Да, сегодня в рабочее время мне пришлось уладить несколько дел. Если бы вы меня впустили...

— Вы бы мне рассказали о ваших делах.

Тем не менее она открыла дверь достаточно широко, чтобы он смог войти.

Потом, когда Прис увидела, что он принес, лицо ее загорелось озорной радостью, и она не сдержала восклицания. Но почти в тот же миг радость ее погасла, и смертельная горечь тенью легла на ее мордашку. Лицо ее посерело, радость исчезла.

— Что случилось? — спросил он.

Исидор отнес пакет и бутылку в кухню, оставил их там и поспешил обратно.

— Вы напрасно потратились, — бесцветным голосом проговорила Прис.

— Почему?

— О...

Она пожала плечами и медленно пошла прочь, сунув руки в карманы своей плотной, несколько старомодной юбки.

— Когда-нибудь я объясню вам.

Она подняла глаза.

— Но все это очень мило с вашей стороны. Теперь я бы хотела, чтобы вы ушли. У меня такое настроение, что никого не хочется видеть.

Прис медленно пошла к двери в холл, снова приоткрыла ее.

— Я знаю, в чем дело, — объявил Исидор.

— Да?

— У вас нет друзей. Сейчас вам гораздо хуже, чем утром, когда я увидел вас впервые. Это потому, что...

— У меня есть друзья.

Внезапная твердость появилась в ее голосе. Девушка снова оживилась.

— Или были, семеро, — добавила она. — Сначала их было семеро, но у охотников оказалось много времени, поэтому некоторые из них — может быть, все — уже умерли.

Прис побрела к окну и выглянула в темноту, где светилось всего несколько огоньков.

— Возможно, из нашей восьмерки осталась в живых я одна. Возможно.

— О каких охотниках вы говорите?

— Правильно. Вы и не должны знать, кто они. Охотник — это профессиональный убийца, которому выдают список тех, кого он должен убить. Ему платят за каждое убийство тысячу долларов. Обычно он заключает с городом контракт, поэтому получает еще и жалование. Но жалование маленькое, так что ему приходится проявлять активность.

— Вы уверены? — спросил Исидор.

— Да.

Девушка кивнула.

— Вы спрашиваете, уверен ли я, что он проявляет активность? Да, он активен. Он обожает это занятие.

— Я думаю, — сказал Исидор, — что вы ошибаетесь.

Он в жизни не слышал ни о чем подобном. Бастер Дружби, например, никогда об этом не упоминал.

— Это не соответствует сострадающей этике сегодняшнего дня, — заметила Прис. — Вся жизнь едина. «Человек — это не остров», как в старину говорил Шекспир.

Джон Исидор возбужденно взмахнул рукой.

— Ничего подобного я в жизни не слышал. Разве вы не можете вызвать полицию?

— Нет.

— И они охотятся за вами? Они способны явиться сюда и убить вас?

Теперь он понимал, почему девушка вела себя так скрытно.

— Не мудрено, что вы так напуганы и вам никого не хочется видеть.

«Но, — подумал Исидор, — все это заблуждение. У нее, должно быть, психоз. У нее мания преследования, возможно, из-за воздействия пыли на мозг. Тогда она спецал».

— Я покончу с ними раньше, чем они успеют причинить вам вред, — пообещал Исидор.

— Каким образом?

Она слабо улыбнулась, показав свои маленькие белые ровные зубы.

— Я куплю лицензию на лазерный пистолет. Здесь, в заброшенных районах, ее получить легко. Полиция этот район не патрулирует, вы должны сами заботиться о своей безопасности.

— А когда вы будете на работе?

— Я возьму отпуск за свой счет.

— Это очень мило с вашей стороны, Джон Исидор, — проговорила Прис. — Но только, если охотники покончили с остальными, с Максом Полоковым, Гэрландом, с Любой Люфт, Гаскинсом и Рой Бейти...

Она вдруг замолчала.

— Рой и Имгард Бейти. Если они мертвы, тогда все это уже не имеет значения. Они мои лучшие друзья. Черт побери, почему от них нет никаких известий?

Прис сердито чертыхнулась.

Вернувшись на кухню, Исидор снял с полок покрытые пылью, давно не использовавшиеся стаканы, тарелки и чашки.

Он начал мыть их в раковине, подождав, пока ржавая горячая вода не сменится чистой. Вскоре на кухне появилась Прис, села у стола. Он откупорил бутылку шабли, разделил поровну персики, сыр и соевый творог.

— Что это за белая масса? Это не сыр. — Прис указала на творог.

— Это приготавливают из соевых бобов. Если бы у меня было немного...

Он запнулся и покраснел. Обычно соевый творог ели с говяжьим бульоном.

— Андроид, — пробормотала Прис. — Такие оплошности допускает обычно андроид. Это его и выдает.

Она подошла к Исидору, потом, к большому его удивлению, на секунду обняла его за талию и прижалась.

— Я попробую ломтик персика, — объявила она.

Девушка весело схватила сочный оранжевый ломтик пальцами. Потом, когда Прис уже ела этот ломтик, она заплакала. Холодные слезы покатились по ее щекам и закапали на грудь, на платье. Исидор не знал, что делать, и продолжал делить еду.

— Проклятье, — яростно повторила Прис. — Ладно...

Она отодвинулась от Исидора и начала медленно, короткими шажками бродить по комнате.

— Понимаете, мы жили на Марсе. Вот почему я знаю все об андроидах.

Голос ее дрогнул, но ей удалось сдержаться, и она продолжила. Ей явно было необходимо поговорить с кем-то.

— А на Земле вы знаете только своих друзей, бывших эмигрантов, — догадался Исидор.

— Мы были знакомы еще до отлета, жили в поселке недалеко от Нью-Йорка. Рой и Имгард держали аптеку. Он был фармацевтом, а она занималась рекламой косметических средств, кремов и лосьонов. На Марсе люди пользуются большим количеством этих средств...

Она колебалась.

— У Роя я доставала разные лекарства, они были необходимы мне, потому что, во-первых, это жуткое место.

Прис обвела рукой вокруг, указывая на заброшенную квартиру.

— Все это чепуха. Вы думаете, я страдаю потому, что мне одиноко? Марс — вот настоящее одиночество, гораздо худшее, чем это.

— А разве с вами не было андроидов? Я слышал коммерческую рекламу...

Исидор сел за стол и начал есть. Прис тоже взяла стакан и равнодушно отпила глоток.

— Я понял, что антроиды должны были помогать вам там.

— Андроидам, — проговорила Прис, — тоже одиноко.

— Вам нравится это вино? — поинтересовался Исидор.

Она поставила стакан на стол.

— Превосходное.

— Это единственная бутылка, которую я вижу за последние три года.

Она продолжала свой рассказ.

— Мы вернулись сюда, потому что туда нам и не следовало соваться. Марс не рассчитан на обитание, по крайней мере, в ближайший миллиард лет. Он такой старый. Это чувствуешь через камни. Жуткий возраст. Во всяком случае, сначала я брала у Роя наркотики. Жила благодаря этому новому обезболивающему средству, силенизму. Потом я встретила Хорста Хартмана, который в то время торговал почтовыми марками. Он продавал редкие почтовые марки. На Марсе столько времени, что просто необходимо иметь какое-то хобби, что-то такое, чем можно заниматься без конца. И Хорст заинтересовал меня литературой доколониального периода.

— В смысле, старыми книжками?

— Да, рассказами о космических полетах, написанными до начала космических полетов.

— Но как могли быть рассказы о космосе до...

— Писатели, — объяснила Прис, — просто все это выдумывали.

— На чем они основывались?

— На воображении. Очень часто они ошибались. Например, когда изображали Венеру в виде лесного рая, где водятся огромные чудовища и женщины-вампиры в металлических нагрудниках, блестящих как зеркала.

Прис посмотрела на Исидора.

— Вам это интересно? Большие женщины с длинными волосами, блондинки с блестящими грудями величиной с дыню.

— Нет, — сказал Исидор.

— Имгард — блондинка, — объяснила Прис, — но она маленькая. Во всяком случае, на контрабанде доколониальной литературы, книг, журналов и фильмов на Марсе можно сколотить состояние. Не было ничего увлекательнее. Читать о городах и гигантских заводах, о действительно удавшейся колонизации, воображать, как все это могло быть на самом деле, как должен был бы выглядеть Марс. Каналы...

— Каналы?

Исидор смутно припомнил, что читал что-то об этом. В прошлом люди верили в марсианские каналы.

— Да, пересекающие планету, — объяснила Прис. — И существа с других звезд, обладающие бесконечной мудростью, и Земля без радиоактивной пыли.

— Наверное, — проговорил Исидор, — от таких рассказов становится еще хуже.

— Нет, — коротко ответила Прис.

— А вы не привезли с собой ничего из этих доколониальных книг? — задал он вопрос.

— Здесь они к чему, потому что на Земле интерес к ним никогда не возникал. Кроме того, их здесь очень много в библиотеках. Оттуда мы и получали наше чтиво. Оно было выкрадено из библиотек на Земле и авторакетами запущено на Марс. Вы ночью выходите в пустыню и вдруг видите вспышку. И вот уже упала ракета, расколовшись, как яйцо. Из нее высыпались старинные фантастические журналы. Целое состояние. Но, конечно, прежде чем продать, вы их читаете.

Во входную дверь постучали.

Лицо Прис стало пепельным, и она прошептала:

— Я не могу. Не шумите, сидите неподвижно.

Она напряглась, прислушалась.

— Вы заперли дверь? — спросила она едва слышно. — Боже, надеюсь, что...

Ее расширенные глаза вглядывались в Исидора, словно умоляя защитить ее.

Из холла послышался голос:

— Прис, ты здесь?

Голос принадлежал мужчине.

— Это Рой и Имгард. Мы получили твою открытку.

Прис встала, прошла в спальню, потом вернулась, неся карандаш и клочок бумаги. Снова сев за стол, она поспешно набросала:

«ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ».

Исидор нервно взял у нее карандаш и написал: **«ЧТО Я СКАЖУ».**

Прис со злостью нацарапала: **«ПОСМОТРИТЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЭТО ОНИ».**

Встав, Исидор с мрачным видом вышел в прихожую. «Как же я определю, кто они?» — спросил он себя. Он открыл дверь.

В тускло освещенном холле стояли двое. Невысокая, симпатичная женщина, похожая на Грету Гарбо — у нее были голубые глаза и желто-русые волосы. Мужчина, плотного сложения, был выше ее ростом, с умыным взглядом голубых глаз. На его плоском лице чувствовалась примесь монголоидной крови, что придавало ему жестокое выражение. Женщина была одета модно, в высокие блестящие сапоги и брюки. На мужчине была помятая рубашка и покрытые пятнами брюки, что производило впечатление почти намеренной вульгарности. Мужчина улыбнулся Исидору, но его маленькие глаза остались непроницаемыми.

— Мы ищем... — начала маленькая блондинка.

Потом взгляд ее устремился за спину Исидора. Лицо ее расцвело в улыбку, и она ловко метнулась в промежуток между Исидором и дверью, вскликнув:

— Прис! Как ты?

Исидор обернулся. Женщины обнимались.

Он отошел в сторону, и в прихожую вступил Рой Бейти, строгий и большой. Он улыбался кривой, бесцветной улыбкой.

Четырнадцать

— Мы можем говорить? — спросил Рой, указывая на Исидора.

Прис, которая вся светилась радостью, объяснила:

— Да, тут все в порядке до определенной степени.

Исидору она сказала:

— Извините нас.

Она отвела Бейти в сторону, и некоторое время они о чем-то шептались, потом все трое встали перед Джоном Р.Исидором, который чувствовал себя совсем не в своей тарелке.

— Познакомьтесь, это мистер Исидор, — произнесла Прис. — Он обо мне заботится.

В ее словах был злобный сарказм. Исидор заморгал.

— Видите? Он принес мне немного настоящей, натуральной еды.

— Еды, — эхом повторила Имгард Бейти.

Легкими шагами она прошла на кухню.

— О, персики! — воскликнула она и немедленно взяла ложку.

Улыбаясь Исидору, Имгард принялась есть и пить, делая маленькие быстрые глотки, словно зверь. Улыбка ее отличалась от улыбки Прис, в ней ощущалось просто тепло и ничего другого.

Войдя вслед за ней на кухню — Имгард сразу ему понравилась, — Исидор спросил:

— Вы с Марса?

— Да, мы бросили дело.

Голос у нее был высокий, какой-то птичий, голубые глаза искрились.

— Какой ужасный у вас дом! Здесь больше никто не живет, да? Мы не видели больше освещенных окон.

— Я живу наверху, — объяснил Исидор.

— О, я думала, что вы с Прис живете вместе.

В тоне Имгард не слышалось ничего неодобрительного. Это было всего лишь утверждение.

Продолжая улыбаться своей непонятной улыбкой, Рой сурово сказал:

— Они прикончили Полокова.

Радость, появившаяся на лице Прис при виде своих друзей, сразу растаяла.

— Кого еще?

— Гэрланда они тоже убили, — разъяснил Рой Бейти, — Андерса и Гитчела, а потом, уже сегодня, Любу Люфт.

Он говорил так, словно в силу каких-то непонятных причин ему было приятно сообщать все эти новости, словно потрясение Прис доставляло ему удовольствие.

— Я думал, что Любу им не накрыть. Помните, я все время утверждал, что ее им не взять?

— Тогда остается... — прошептала Прис.

— Нас трое, — с мрачным предчувствием продолжила Имгард.

— Вот почему мы здесь.

В голосе Роя чувствовалось неожиданно возникшее тепло. Чем хуже становилась ситуация, тем больше, казалось, она ему нравилась. Исидор абсолютно не мог понять Роя.

— Боже, — ужаснулась Прис.

— У них есть следователь, охотник, как они его называют, — объяснила Имгард, — по имени Хейв Холден. — Это имя, казалось, каплей яда упало с ее губ. — Полоков едва не убил его.

— Едва не убил, — эхом повторил Рой.

Улыбка расплылась по его лицу.

— Теперь этот Холден в больнице, — продолжала Имгард. — Очевидно, список они передали другому охотнику, которого Полоков тоже едва не прикончил, но в конце концов охотнику удалось устранить Полокова, и потом он отправился за Любой Люфт. Нам это известно, так как ей удалось связаться с Гэрландом, и он послал кого-то, чтобы поймать этого охотника и привезти его в здание на Медисон-стрит. Люба вызвала нас сразу после того, как агент Гэрланда и охотник ушли. Она была уверена, что все обойдется, что Гэрланд убьет его, но, видимо, что-то случилось. Мы не знаем, что именно. Возможно, мы никогда этого так и не узнаем.

— А у этого охотника есть список наших имен? — спросила Прис.

— Да, дорогая, думаю, что есть, — ответила Имгард, — но он не знает, где мы. Мы с Роем не вернемся обратно в нашу квартиру. Мы набрали наш кар вещами, сколько смогли втиснуть, и решили, что займем одну из брошенных квартир в старом доме.

— Но благоразумно ли это? — поинтересовался, набравшись храбрости, Исидор. — Всем вам находиться в одном месте?

— Ну, со всеми остальными они уже покончили, — деловито заметила Имгард.

Она, как и ее муж, тоже казалась странно отстраненной, несмотря на внешнее возбуждение. Исидор подумал, что все они очень странные. Он чувствовал это, но был не в силах сформулировать, что именно это означало, словно какая-то необычная и пагубная отрешенность пронизывала их психику и мышление. Правда, Прис была явно искренне перепугана. Она казалась почти естественной, но...

— Почему бы тебе не переехать к нему? — задал вопрос Рой.

Он указал на Исидора.

— Он мог бы в какой-то степени охранять тебя.

— Недоумок? — вопросительно воскликнула Прис. — Я не намерена жить с недоумком.

Ее ноздри гневно дрожали.

— Мне кажется, что в такой момент просто глупо быть снобом, Прис, — быстро проговорила Имгард. — Охотники действуют быстро. Он может попробовать покончить с нами всеми сегодня же вечером. Возможно, за быструю операцию он получает особую премию...

— Надо закрыть дверь в холл, — заметил Рой.

Он быстро подошел к двери и одним ударом быстро захлопнул ее, замок зашелкнулся.

— Я думаю, тебе бы стоило поселиться вместе с мистером Исидором, Прис, и считаю, что Имгард и я должны находиться тут же, в этом здании. Таким образом мы могли бы помогать друг другу. У меня в каре есть

кое-какое электронное оборудование — всякий хлам, который я снял с корабля. Я устанавливаю потайной интерком, так что ты, Прис, сможешь слышать нас, а мы тебя, и еще я настрою систему сигнализации. Ее сможет включать и выключать любой из нас. Совершенно очевидно, что мы все в крайней опасности. Конечно, Гэрланд сам сунул шею в петлю, когда привел этого охотника на Медисон-стрит. А Полоков, вместо того чтобы держаться от него как можно дальше, решил поступить наоборот. Мы этого делать не станем. Мы будем жить здесь.

В голосе Роя не чувствовалось ни малейшего беспокойства. Ситуация, казалось, рождала в нем почти маниакальную энергию.

— Я полагаю...

Он громко втянул в себя воздух, привлекая внимание всех, кто находился в комнате, включая Исидора.

— Я думаю, что мы трое еще живы неспроста. И, очевидно, если бы он знал, где мы находимся, то был бы уже здесь. Основной принцип охоты — действовать как можно быстрее. Вот в чем все дело.

— Если он станет ждать, — согласилась Имгард, — мы можем ускользнуть от него, мы уже один раз проделали это. Да, Рой абсолютно прав. Я уверена — у него есть имена, но нет данных о нашем местонахождении. Бедняжка Люба — работать в старой опере, на самом виду. Ее найти было нетрудно.

— Что ж, — высокопарно заметил Рой, — она сама этого хотела. Она считала, что так ей будет безопаснее — на виду у всех, известная певица.

— Но ты ее предупреждал, — сказала Имгард.

— Да, — согласился Рой, — я говорил ей и предупреждал Полокова, который вздумал выдавать себя за агента полиции. И Гэрланда я предупреждал, что один из его охотников его же и прикончит, что, по всей видимости, и произошло.

Рой покачивался на каблуках с задумчивым видом.

— Как я понял из того, что услышал, мистер Бейти является вашим признанным лидером, — заговорил Исидор.

— Он организовал наше путешествие с Марса на Землю, — объяснила Прис.

— О, да, Рой наш лидер, — подтвердила Имгард.

— Тогда, — проговорил Исидор, — вы должны поступать так, как он предлагает.

Голос его прервался, не выдержав внутреннего напряжения.

— Я думаю, было бы здорово, Прис, если бы ты поселилась у меня. Я мог бы пару дней не ходить на работу — у меня скоро отпуск. Я бы проследил, чтобы все было в порядке.

«Возможно, Милт Борогов, — подумал Исидор, — который очень изобретателен, смог бы сделать для меня кое-что из оружия, что-то невообразимое, с помощью которого я бы уничтожил охотников, кем бы они ни были». На секунду ему привиделось нечто безжалостное, с лазером в руке и напечатанным на листке списком жертв, движущееся с машинной точностью к своей цели — убийству по приказу и за зарплату. Это существо, лишненное эмоций и даже лица, существо, которое в случае гибели немедленно заменяется другим, точно таким же, пока не будут убиты все живые и настоящие, — почти явно увидел Исидор.

«Невероятно, невообразимо, — подумал он. — И полиция ничего не может сделать. Я не могу в это поверить. Эти люди, вероятно, совершили что-то особенное, что-то незаконное, возможно, нелегально эмигрировали обратно на Землю. Нам велено — так говорят каждый день по телевизору — сообщать о посадке любого корабля вне государственных старто-посадочных площадок. Очевидно, полиция старается препятствовать незаконной эмиграции. Но даже если это так, то ведь теперь за преступление не наказывают санкционированным убийством. Это противоречит состраданию».

— Я нравлюсь этому недоумку, — сказала Прис.

— Не называй его так, Прис, — попросила Имгард.

Она послала Исидору теплый сочувствующий взгляд.

— Только подумай, как он мог бы тебя называть.

Прис ничего не ответила. На лице ее появилось загадочное выражение.

— Я начинаю ставить переговорную систему, — объявил Рой. — В этой квартире останемся мы с Имгард. Прис, ты пойдешь с мистером Исидором.

Рой направился к двери, передвигаясь с поразительной для человека с таким весом легкостью. Секунду спустя он исчез за дверью, которая с грохотом захлопнулась.

Исидору в этот миг показалось, что он увидел вдруг металлический корпус, платформу с рычагами, шарнирами, передачами, батареями и электронными контурами. Потом перед ним снова возникла напряженная фигура Роя Бейти, словно изображение на проявленной фотографии. Исидор почувствовал, что внутри у него поднимается желание захохотать. Он нервно задушил этот смех.

Он был ошеломлен.

— Человек действия, — сказал далекий голос Прис. — Тем не менее, он не умеет обращаться с инструментами и механизмами. И это плохо.

— Если мы и спасемся, — сурово, осуждающим тоном проговорила Имгард, — то только благодаря Рою.

— Не знаю, стоит ли спасаться, — прошептала Прис, словно про себя.

Она пожала плечами, потом кивнула Исидору.

— Итак, мистер Джон Исидор, я переезжаю к вам. Можете меня охранять.

— Вас всех! — немедленно поправил ее Исидор.

Имгард Бейти торжественно заключила:

— Я хочу, чтобы вы знали, мистер Исидор, как мы ценим вашу помощь. Кажется, вы первый человек на Земле, которого мы можем назвать другом. Мы вам очень благодарны и, быть может, когда-нибудь сможем отплатить вам тем же.

Она приблизилась к Исидору и погладила его по руке.

— У вас не осталось доколониальной литературы? Мне хотелось бы почитать что-нибудь, — объявил Исидор.

— Простите?

Имгард вопросительно посмотрела на Прис.

— Старые журналы, — объяснила Прис. Она уже собрала вещи, которые должна была взять с собой к Исидору.

Исидор взял у нее из рук узел, чувствуя внутри себя некую силу, которая возникла только от сознания достигнутой цели.

— Нет, мистер, мы ничего с собой не захватили. Я уже объяснила, почему, — ответила Прис.

— Завтра я пойду в библиотеку, — сказал он и вышел в холл. — Я достану несколько книг, чтобы вы могли почитать, а не сидеть, сложа руки.

Он провел Прис вверх по лестнице в свою квартиру, темную, душную, какую-то приторно теплую. Отнеся ее вещи в спальню, он одновременно включил свет и телевизор с его единственным работающим каналом.

— Мне нравится, — сообщила Прис все тем же отстраненным тоном, что и прежде.

Она прошла по комнатам, засунув руки в карманы юбки.

На лице ее было кислое выражение, едва ли не отвращение.

— Что случилось? — спросил Исидор, выкладывая ее вещи на кровать.

— Ничего.

Она остановилась у окна и отодвинула занавески, мрачно уставившись в темноту.

— Если вы считаете, что они выслеживают вас... — начал Исидор.

— Это все грезы, — объяснила Прис, — вызванные наркотиками, которые дал мне Рой.

— Простите?

— Вы действительно думаете, что эти охотники существуют?

— Мистер Бейти сказал, что они убили ваших друзей.

— Рой Бейти такой же ненормальный, как и я. И путешествие наше заключалось в побеге из психбольницы на Восточном побережье. Мы все шизофреники с пораженными эмоциями. И у нас случаются групповые галлюцинации.

— Мне кажется, это неправда, — заметил Исидор.

— Почему?

Она резко повернулась и пристально посмотрела на него, так пристально, что Исидор вспыхнул.

— Потому что такие вещи, как вы рассказываете, не случаются. Правительство никого не убивает. И сострадание...

— Но, понимаете, — сказала Прис, — если вы не человек, тогда совсем другое дело.

— Неправда. Даже животные, даже угри, суслики, змеи и пауки, даже они священные.

Прис, все еще не отрывая от него пристального взгляда, поинтересовалась:

— Значит, это неправда, да? Как вы говорите, даже животные священные? Всякая жизнь, все органическое, все, что ползает и прыгает или летает, роится, откладывает яйца...

Она замолчала, потому что появился Рой Бейти, неожиданно распахнув дверь. Он тащил за собой провода.

— Насекомые, — продолжил он, не смущаясь, что невольно подслушал их разговор, — это вообще святая святых.

Сняв со стены гостинной картину, он прикрепил к гвоздю небольшое электронное устройство, потом сделал шаг назад, посмотрел на результат и снова повесил картину на место.

— Теперь сигнализацию.

Собрав волочившиеся по полу провода, он присоединил их к сложному устройству, которое показал Исидору и Прис. Он все время улыбался своей странной улыбкой.

— Сигнализация. Эти провода идут под ковром. Они являются нашей антенной. Она улавливает присутствие...

Он колебался.

— Чего-то такого, — туманно пояснил он, — что отличается от каждого из нас.

— Ну, звонит звонок, — предположила Прис. — И тогда? У него пистолет. Напасть на него и искушать до смерти мы не можем.

— Это устройство, — продолжал Рой, — имеет вмонтированный излучатель Пенфилда. Когда приведена в действие система сигнализации, он посылает волну паники в направлении к падающему, если только он не будет действовать слишком быстро. Паника чрезвычайная. Никакой человек не выдержит и одной секунды. Такова природа паники — она вызывает бессмысленное, беспорядочное круговое движение, ведет к появлению желания бежать без оглядки, к мускульным и нервным спазмам. А это даст нам возможность прикончить его настолько быстро, насколько незловещим он окажется.

— А на нас излучение не подействует? — спросил Исидор.

— Верно, — сказала Прис. — Оно подействует на Исидора.

— Ну и что? — улыбнулся Рой.

Он снова занялся своими проводами.

— Оба они выбегут отсюда в панике. Это по-прежнему даст нам выигрыш во времени. Исидора они убивать не станут — его нет в их списке. Вот почему он полезен, как прикрытие.

— Ты ничего лучше не можешь придумать, Рой? — резко спросила Прис.

— Нет, — ответил он. — Не могу.

— Завтра я сумею достать оружие, — заговорил Исидор.

— Ты уверен, что присутствие Исидора не включит сигнализацию? — забеспокоился Прис. — Ведь он... ты понимаешь.

— Я ввел компенсацию на его цефалогическое излучение, — объяснил Рой. — Чтобы вывести систему из равновесия, необходимо появление еще одного ЧЕЛОВЕКА.

Он нахмурился и бросил косой взгляд на Исидора, сознавая, что только что проговорился.

— Вы андроиды, — понял Исидор.

Но ему было все равно. Для него это было совершенно безразлично.

— Я понимаю, почему они хотят вас убить. Вы действительно неживые, — продолжал Исидор.

Теперь он все осознал, теперь все сходилось: охотники, убийство друзей, перелет на Землю, все эти предосторожности.

— Да, когда я произнес «человека», — признался Рой Бейти, — я совершил ошибку.

— Совершенно верно, мистер Бейти, — заметил Исидор. — Но какая, собственно, разница? То есть ведь я специал, и со мной они тоже не слишком хорошо обращаются. Например, я не могу эмигрировать.

Он почувствовал, что его начинает трясти.

— Вы не можете вернуться на Землю, а я...

После некоторого молчания Рой Бейти лаконично ответил:

— На Марсе вам не очень бы и понравилось. Вы ничего не потеряли.

— Мне очень интересно было узнать, — пояснила Прис Исидору, —

сколько тебе понадобится времени, чтобы догадаться. Мы не такие, как люди, да?

— На этом, видимо, как раз и споткнулись Полоков и Гэрланд. Они были так чертовски уверены, что могут выдавать себя за человека. И Люба тоже, — сказал Рой.

Прис горько усмехнулась.

— Вы интеллектуальны, — отметил Исидор.

Он чувствовал радость от того, что смог понять. И гордость.

— Вы размышляете абстрактно и вы не...

Он пошевелил пальцами, не в силах подобрать слова, которые опять начали цепляться друг за друга.

— Если бы у меня был такой же коэффициент умственного развития, тогда я прошел бы тест и не считался бы недоумком. Мне кажется, что вы выше меня и я мог бы многому у вас научиться.

После паузы Рой Бейти проговорил:

— Я закончу настройку аварийной сигнализации.

Он возобновил работу.

— Он еще не понимает, — резко заметила Прис.

В тоне ее чувствовалась какая-то неуверенность, но слова прокатились словно громом в пустоте комнаты.

— Он не понимает, каким образом мы бежали с Марса, что мы должны были для этого сделать.

— Да, — простонал Рой.

В проеме открытой входной двери появилась Имгард Бейти. Они заметили ее, только когда она заговорила.

— Я думаю, нам не стоит беспокоиться относительно мистера Исидора, — искренне заверила она.

Имгард быстро подошла к нему и заглянула в лицо Исидора.

— Они с ним тоже плохо обращались, как он сказал. И его не интересует то, что мы совершили на Марсе. Он нас уже знает, и мы ему нравимся, и такое эмоциональное восприятие... для него это самое важное. Нам это трудно понять, но это так.

Исидору она сообщила:

— Вы могли бы заработать много денег, если бы выдали нас, вы это понимаете?

Она снова стояла очень близко и смотрела в лицо Исидору. Потом, повернувшись, она обратилась к мужу:

— Видишь, он понимает, но все равно он ничего не сделает.

— Вы выдающийся человек, Исидор, — признала Прис, — вы делаете честь вашей расе.

— Если бы он был андроидом, — с жаром сказал Рой, — он бы донес на нас уже завтра утром, еще до полудня. Он бы отправился на свою работу — и все, с нами было бы кончено. Я просто не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение.

Тон его речи остался непонятен Исидору.

— И вы воображали, что в этом мире у вас не найдется ни одного друга, что это будет планета врагов...

Он засмеялся, словно залаял.

— Я совершенно спокойна, — сказала Имгард.

— Твоей душе следовало бы быть поосторожнее, — заметил Рой.

— Давайте голосовать, — предложила Прис, — как на корабле, когда возникает расхождение.

— Что ж, — сказала Имгард, — если мы откажемся от этой возможности, то не думаю, что мы найдем другого человека, который стал бы нам помогать. Мистер Исидор...

Она пыталась найти слова.

— Экстраординарный случай, — подсказала Прис.

Пятнадцать

Голосование было произведено в торжественной и церемонной обстановке.

— Мы остаемся здесь, — твердо сказала Имгард, — в этой квартире, в этом здании.

— Я голосую за то, чтобы мы убили мистера Исидора и укрылись в другом месте.

Рой Бейти и его жена обернулись к Прис. То же сделал и Исидор.

— Пожалуй, нам следует остаться здесь, — приглушенно проговорила Прис, изменив свое мнение.

Затем она громче добавила:

— Я полагаю, ценность помощи мистера Исидора менее той опасности, которую он для нас представляет, зная, кто мы. Мы явно не в состоянии жить среди людей и не быть обнаруженными. Это погубило Полокова, Гэрланда, Любу и Андерса. Вот что их убило.

— Возможно, они сделали тоже самое, что сейчас делаем мы, — пояснил Рой Бейти, — доверились кому-то, какому-то человеческому существу, которое, как им показалось, отличалось от остальных, было, как вы сказали, экстраординарным случаем.

— Нам это не известно, — прервала ее Имгард. — Все это лишь предположение. Думаю, дело в том, что они...

Она взмахнула рукой.

— Что они не пытались держаться подальше от чужих глаз, выступали на сцене, как Люба. Мы доверяем... скажу тебе, Рой, чему мы доверяем, что нас губит, — вера в высший разум, черт бы его побрал!

Она гневно смотрела на мужа. Ее маленькие высокие груди быстро поднимались и опускались.

— Мы такие все у м н ы е, Рой. Ведь и сейчас ты делаешь ту же ошибку, даже сейчас!

— Кажется, Имгард права, — согласилась Прис.

— И таким образом мы вверим наши жизни субстандартному, дегенерирующему... — начал Рой.

Потом он сдался.

— Я устал, — сказал он просто. — Трудный это был путь, Исидор, и долгий, а здесь мы совсем недавно, к сожалению.

— Я надеюсь, — радостно заметил Исидор, — что смогу частично сделать ваше пребывание на Земле приятным.

Он был уверен, что смог бы. Встреча эта представлялась ему настоящей кульминацией всей его жизни. Да еще тот сегодняшний разговор по видеофону! Исидор вырастал в собственных глазах.

...Как только Рик Декард официально закончил работу, он полетел через весь город в район зоомагазинов.

Крупные магазины, занимающиеся продажей настоящих животных, занимали несколько кварталов. Их огромные зеркальные витрины заманивали своими вывесками.

Незнакомая ранее Рiku ужасная депрессия, которая придавила его несколькими часами раньше, еще не прошла, и это посещение зоомагазинов представлялось ему единственным светлым пятном в окружавшем его сером тумане, с помощью которого он мог бы изгнать из сознания эту депрессию. Во всяком случае, запах животных и больших денежных сделок всегда оказывал на него сильное возбуждающее воздействие. Возможно, ему удастся добиться этого и на этот раз.

— Слушаю, сэр, — приветствовал его молодой продавец.

Рик с несколько простоватым, робким видом рассматривал поразительные витрины.

— Вы подобрали что-нибудь подходящее?

— Я многое хотел бы купить, — заявил Рик. — Цена — вот что меня беспокоит.

— Сэр, вы только сообщите мне, какую приблизительно покупку вы собираетесь сделать, что бы вы хотели взять с собой домой. Потом мы проконсультируемся с нашим старшим продавцом и получим его «добро».

— У меня есть три тысячи наличными, — сказал Рик.

Управление в конце дня выплатило ему его премию.

— Сколько стоит вон та семья кроликов? — поинтересовался он.

— Сэр, если у вас три тысячи долларов наличными, вы могли бы стать владельцем чего-нибудь более интересного, чем кролики. Как насчет козла?

— Никогда не испытывал к ним интереса, — признался Рик.

— Простите, не могу ли я узнать, является ли такого рода сделкой обычной для вас?

— Обычно я не хожу каждый день с тремя тысячами в кармане.

— Я так и полагал, сэр, когда вы спросили о кроликах. Дело в том, сэр, что кролики очень распространены. Я хотел бы, чтобы вы перешли в более высокий класс держателей животных, где, как мне кажется, ваше настоящее место. Честно слово, для меня вы настоящий владелец настоящего козла.

— В чем же их преимущество?

— В том, что его можно научить бодать любого, кто попытается украсть его.

— Но только в том случае, если в него выстрелят гипнотриком, а потом поднимут по канату в парящий аэрокар.

Продавец невозмутимо продолжал:

— Козел лоялен к своему хозяину. Это свободная, естественная дуща, которую не способны сковать никакие клетки. И еще одна деталь. Очень часто, вложив в животное деньги и привезя покупку домой, вы вдруг обнаруживаете, что животное съело какую-то радиоактивную дрянь и умерло. Козлу не страшна зараженная субстанция. Он способен ее потреблять, хотя подобная пища свалила бы корову, лошадь или, в особенности, кота. В качестве настоящего вложения денег, как нас убеж-

дает опыт, козлы имеют особые преимущества для любого серьезного животновладельца.

— А это козел или коза?

Рик заметил большое черное животное, стоявшее в центре клетки. Он двинулся к нему, сопровождаемый продавцом. Животное показалось Рiku прекрасным.

— Да, это самка, черная нубийская порода, отличный образец для рынка этого года, сэр. И предлагаем мы ее, сэр, по очень низкой цене.

Вытащив потертый экземпляр каталога, Рик посмотрел цену на черную козу нубийской породы.

— Все наличными? — спросил продавец. — Или часть платы вы внесете в виде уже использованного вами животного?

— Наличными, — ответил Рик.

На листе бумаги продавец нацарапал цену и быстро, почти украдкой, показал ее Рiku.

— Слишком дорого, — заметил Рик.

Он взял листок и написал более скромную цифру.

— Мы не можем отдать козу за такую сумму, — запротестовал продавец.

Он начертил новую цифру.

— Этой козе нет еще и года, у нее очень высокая продолжительность жизни.

Продавец показал бумажку Рiku.

— Идет, — согласился Рик.

Он пописал контракт на рассрочку, заплатил три тысячи долларов в качестве первого взноса — всю свою премию за устранение андроидов — и вскоре уже стоял рядом со своим каром, наблюдая, как служащие магазина грузят клетку с козой. «Я владею настоящим животным, — сказал он себе, — живым животным, а не электрической фальшивкой. Второй раз в жизни».

Цена, долговое рабство контракта пугали его. Он почувствовал, что дрожит. «Но я должен был это сделать, — подумал он. — После столкновения с Филом Речем я обязан был вернуть в себя веру, в свои силы, иначе я не смог бы продолжать работу».

Немеющими руками Рик поднял кар в небо, направляясь к своему дому и к Ирен. «Она станет сердиться, — решил он, — потому что долговая ответственность будет ее беспокоить. И поскольку она целый день дома, на ее долю выпадет много работы по уходу за животным».

Он снова был расстроен.

Когда он припарковал аэрокар на крыше своего дома, то некоторое время сидел неподвижно. В уме он сочинял живописную версию. «Этого требует мой разум, моя работа, — пытался убедить он себя, — престиж. Больше просто невозможно жить с электрической овцой. Это угнетает меня морально. Вероятно, этот вариант удовлетворит Ирен».

Выбравшись из кара, он вытащил клетку с козой и с пыhtением поставил ее на крышу. Коза, всю дорогу скользившая копытами по днищу клетки, пронзительно взглянула на Рика яркими большими глазами, но не издала ни звука.

Он опустился на свой этаж и знакомым коридором подошел к собственной двери.

— Привет, — сказала Ирен.

Она чем-то занималась на кухне.

— Ты сегодня поздно.

— Поднимись на крышу, — предложил он ей. — Я тебе кое-что хочу показать.

— Ты купил животное!

Она сняла фартук, машинально пригладила волосы и последовала за Риком к лифту.

Оба они пересекли холл большими неторопливыми шагами.

— Не нужно было покупать без меня, — выдохнула Ирен. — Я тоже имею право участвовать в этом, тем более что речь идет о самом важном приобретении, которое...

— Я хотел сделать тебе сюрприз, — объяснил Рик.

— Ты сегодня заработал неплохую премию, — обвиняющим тоном произнесла Ирен.

— Да, — сказал Рик. — Я устранил трех анди.

Он вошел в кабину лифта, подождал жену, и они вместе двинулись на крышу, поближе к Господу Богу.

— Мне необходимо было это сделать, — говорил он. — Что-то сегодня со мной произошло. Если бы я не купил животное, я бы не смог дальше работать охотником.

Лифт остановился. Вместе с женой Рик вышел в вечерние сумерки, подошел к клетке, включил лампы, установленные специально для этой цели, потом молча указал на козу, ожидая реакции Ирен.

— Боже мой! — прошептала она.

Она подошла к клетке, заглянула в нее, потом обошла кругом, рассматривая козу со всех сторон.

— Она действительно настоящая, а не электрическая? — спросила Ирен.

— Абсолютно настоящая, — заверил он, — если только меня не надули.

Но это редко случалось, так как штраф за подделку достигал астрономической суммы — две с половиной рыночных цены настоящего животного.

— Нет, меня не надули.

— Коза, — сказала Ирен, — черная нубийская порода.

— Да, коза, — подтвердил Рик. — Возможно, в будущем нам удастся свести ее с самцом, и у нас будет молоко, из которого можно будет делать сыр.

— А ее можно выпустить? Куда мы ее поселим? К овце?

— Сначала нужно ее привязать, — объяснил Рик, — по крайней мере, на первое время.

— Жизнь моя — любовь и наслаждение, — проговорила вдруг Ирен странно изменившимся голосом. — Это старая, старая песня Иоганна Штрауса, помнишь? Когда мы первый раз встретились...

Она тихо опустила руку на его плечо, прижалась к нему и поцеловала.

— Много любви и очень много наслаждения.

— Спасибо, — поблагодарил ее Рик.

Он обнял ее.

— Давай, побегим скорее вниз и поблагодарим Сострадающего, потом вернемся наверх и сразу дадим ей имя. И ты, может, найдешь какую-нибудь веревку, чтобы привязать ее.

Ирен направилась к лифту.

Их сосед Билл Барбур, стоявший рядом со своей лошадью Джуди, которую он чесал и холил, окликнул Рика:

— Эй, мистер Декард, у вас отличная коза. Поздравляю. Добрый вечер, миссис Декард. Возможно, у вас появятся козлята. Я мог бы обменять одного жеребенка на пару козлят.

— Спасибо, — еще раз повторил Рик.

Он последовал за Ирен к двери.

— Твоя депрессия прошла? — поинтересовался он. — Я, например, кажется, уже вылечился.

— Да, эта покупка меня излечит, — согласилась Ирен. — Теперь мы можем не скрывать, что наша овца поддельная.

— Какая разница? — осторожно задал вопрос Рик.

— Но теперь все равно, — настаивала Ирен. — Ведь сейчас нам нечего скрывать. Теперь у нас есть то, что мы всегда хотели, — настоящее животное. Это просто сон!

Она снова поднялась на цыпочки, нежно поцеловав Рика, и ее нервное возбужденное дыхание коснулось щеки мужа. Потом она протянула руку и нажала кнопку лифта.

Что-то внутри Рика тревожно предупредило его, что-то заставило его сказать:

— Давай пока не будем спускаться. Посидим еще наверху. Просто будем сидеть и смотреть на козу. А может быть, надо дать ей поесть? Для начала мне дали в магазине мешок овса. И мы могли бы посмотреть руководство по уходу за козой. Это мне тоже вручили бесплатно. Мы назовем ее Зуфемной.

Тем не менее уже подошел лифт, и Ирен вошла в кабину.

— Ирен, погоди, — позвал он.

— Было бы просто аморально, — строго произнесла Ирен, — если бы мы сейчас не слились со Страдающим. Сегодня я уже подключалась к генератору, и это немного утешило меня, чуть-чуть, не так, как твоя покупка. Но все равно каким-то образом в меня попал камень.

Она показала ему запястье с маленьким синяком.

— И я постоянно думала о том, насколько нам лучше, когда с нами Страдающий, и как плохо нам было бы без него, несмотря на физическую боль, которую мы испытываем. Но духом мы слиты с ним. Я чувствовала их присутствие — их всех, по всему миру, всех тех, кто был слит с ним в этот момент.

Она не давала двери лифта скользнуть на место.

— Заходи, Рик. Это всего лишь минута. Ты ведь почти никогда не участвуешь в слиянии. Я хочу, чтобы ты передал то настроение, в котором сейчас находишься, всем остальным. Оставлять это все в себе было аморально.

Она, конечно, была права, и Рик вошел в лифт. Они вернулись к себе.

Когда они вошли в гостиную, Ирен быстро щелкнула выключателем эмпатического генератора. Лицо ее светилось живой радостью, словно молодая луна.

— Я хочу, чтобы они все знали, — сказала она ему. — Со мной однажды так случилось. Я вошла в слияние и поймала эмоции какого-то человека, только что купившего животное, а в другой раз...

Лицо ее на секунду потемнело, удовольствие исчезло.

— Однажды я обнаружила, что принимаю чувства человека, потерявшего свое животное. И мы поделились с этим человеком нашими радостями, хотя у меня их и не было совсем, ты знаешь. И это его немного ободрило. Мы даже могли бы предотвратить потенциальное самоубийство. То, что мы испытываем, чувствуем...

— Они получают нашу радость, — согласился Рик, — но мы-то ее теряем. Обменяем то, что ощущаем сами, на то, что чувствуют они. Наша радость исчезнет.

На экране генератора эмпатии пронеслись потоком бесформенные цветные сочетания. Затаив дыхание, его жена крепко сжала рукоятки.

— Нет, мы не потеряем ничего, что чувствуем, если только будем удерживать это ощущение в себе. У тебя разве нет навыка слияния, Рик?

— Нет, кажется, — размышлял он.

Сейчас он впервые начал понимать, какое значение имело сострадание таких людей, как Ирен. Возможно общение с Филом Речем, охотником за андроидами, их совместная охота произвели трансформацию какого-то незначительного отвлечения в его мозгу, переключили тумблер, и, вероятно, началась цепная реакция изменений.

— Ирен! — настойчиво проговорил Рик.

Он оттащил жену от генератора эмпатии.

— Послушай! Я хочу рассказать тебе о том, что со мной сегодня произошло.

Он отвел ее к дивану, сел и усадил ее перед собой.

— Я познакомился с другим охотником, — сообщил он, — которого я раньше никогда не видел и даже не слышал о нем. Ему нравится уничтожать андроидов. И вот первый раз после того, как я провел с ним охоту, я по-другому взглянул на анди. То есть раньше я охотился и относился к ним примерно так же, как он, только по-своему.

— Разве с этим нельзя подождать? — спросила Ирен.

— Я выбрал один из вопросов теста и проделал опыт, — объяснил Рик. — Все сошлось, я действительно начал сопереживать андроиду. Ты сегодня утром сказала «бедные анди». Поэтому ты понимаешь, о чем я говорю. Из-за этого я и купил козу. Я еще никогда ничего подобного не чувствовал. Возможно, это было что-то вроде депрессии, которая бывает у тебя. Теперь я понимаю, как ты страдаешь во время депрессии. Я всегда был уверен, что депрессия тебе нравится и что ты могла бы вырваться из нее в любой момент, если бы только захотела, если не сама, то с помощью стимулятора Пенфилда. Но дело в том, и я понял это, что в таком состоянии тебе уже все равно. Апатия наступает потому, что потеряно ощущение ценностей жизни. Ничего не стоит. И не стоит чувствовать себя лучше, потому что, если потеряно это ощущение...

— А как же с твоей работой?

Ее тон словно ударил Рика. Он помолчал.

— Работа, — повторила Ирен. — Сколько мы должны вносить в месяц за козу?

Она протянула руку. Он машинально вытащил контракт зоомагазина и протянул ей.

— Сколько? — произнесла она тонким голосом. — А проценты? Боже, одни только проценты... И ты сделал это только потому, что почувствовал депрессию, а совсем не потому, что хотел сделать мне сюрприз?

Она вернула ему документы.

— Что ж, это неважно. Все равно, я очень рада, что ты купил козу. Я ее уже люблю. Но это такое время!

Она помрачнела.

— Я могу перейти в другой отдел, — предложил Рик. — У департамента десять или одиннадцать отделов. Например, похищение животных. Я мог бы заняться этим. Меня бы взяли.

— Но твои премии! Они нам необходимы. Иначе магазин заберет козу!

— Я перепишу контракт с тридцати шести месяцев на сорок восемь.

Он стремительно извлек шариковую ручку и начал что-то писать на обратной стороне контракта.

— Это получится на пятьдесят два доллара пятьдесят центов меньше каждый месяц.

Зазвонил видеофон.

— Если бы мы не спустились сюда, а остались с козой на крыше, — пожалел Рик, — мы бы не услышали этого звонка.

Подойдя к видеофону, Ирен сказала:

— Чего ты боишься? Они еще не собираются отбирать у нас козу.

Она протянула руку к трубке.

— Это из департамента, — предположил Рик. — Скажи, что меня нет дома.

Он направился в спальню.

— Алло, — Ирен сняла трубку.

«Еще три андроида, — подумал Рик, — которых мне следовало выследить сегодня, а не возвращаться домой». На экране возникло лицо Гарри Брайанта, и теперь уходить было уже поздно. На негнувшихся ногах Рик вернулся к телефону.

— Да, он здесь, — говорила в этот момент Ирен, — Мы купили козу. Заходите к нам, мистер Брайант, посмотрите ее.

Последовала пауза, она прислушалась, потом протянула трубку Рiku.

— Он что-то хочет тебе сообщить, — поведала она.

Быстро вернувшись к генератору эмпатии, она села в кресло и снова схватилась за рукоятки. Почти мгновенно она погрузилась в слияние. Рик, державший трубку, явно осознавал ее психическое отсутствие в гостиной и сознавал собственное одиночество.

— Алло, — сказал он в трубку.

— Мы забыли «хвост» из двух оставшихся андроидов, — сообщил Гарри.

Он звонил из своего кабинета. Рик видел хорошо знакомый ему стол, заваленный бумагами и прочим мусором.

— Они явно встревожены. Они покинули старое жилище по тому адресу, который я дал тебе, Рик, а теперь их можно найти... минуту.

Брайант принялся перебирать бумаги на столе, отыскивая нужные сведения.

Рик машинально нащупал ручку. Он разгладил на колене контракт на покупку козы и приготовился писать,

— Жилой блок три тысячи девятьсот шестьдесят семь-Ц, — проговорил инспектор. — Отправляйся туда как можно быстрее. Мы предполагаем, что они узнали о тех, кого мы успели устранить, — Гэрланда, Полокова и Любу Люфт, поэтому они и убежали.

— Понятно, — улыбнулся Рик, — чтобы спасти свои жизни.

— Ирен сказала, вы купили козу. Сегодня, после того, как ты уехал из управления?

— Да, по дороге домой.

— Когда ты покончишь с оставшимися андроидами, я приеду посмотреть на твою козу. Кстати, я только что говорил с Дейвом. Я рассказал, как трудно тебе пришлось с этими андроидами. Он тебя поздравляет и советует удвоить осторожность. Он говорит, что «Узел-6» оказался более сообразительным, чем он думал. Хейв вообще с трудом верит, что ты от правил на покой троих за один день.

— Троих достаточно, — проскрежетал Рик. — Больше я не могу. Мне нужно отдохнуть.

— Но завтра их уже здесь не будет, — настаивал Брайант. — Они окажутся вне зоны нашей юрисдикции.

— Не так быстро. Они все еще останутся поблизости.

— Ты поедешь туда сегодня, — уперся Брайант, — пока они не окопались. Они не ожидают, что ты так быстро среагируешь.

— Наоборот, — сказал Рик, — они будут ждать меня.

— Поджилки трясутся? Из-за Полокова, который...

— Ничего у меня не трясется, — оборвал его Рик. — Но сейчас мне хочется побыть дома. Ладно, — согласился Рик. — Я туда поеду.

Он хотел положить трубку.

— Дай мне знать, как только будут результаты. Я в кабинете.

— Если я их устраню, то куплю овцу, — пообещал Рик.

— У тебя ведь есть одна овца, насколько я знаю.

— Она электрическая, — признался Рик.

Он повесил трубку. «На этот раз овца будет настоящая. Она мне необходима для моральной компенсации».

У черного ящика генератора эмпатии скорчилась его жена с восхищенно-отсутствующим выражением на лице. Некоторое время Рик стоял рядом с ней, рука его покоилась на ее груди. Он чувствовал, как ее грудь поднимается и опускается в такт приливу и отливу жизни внутри Ирен, в такт колебаниям ее жизненной активности. Ирен его не замечала, она, как и всегда, была полностью поглощена слиянием с Сострадающим.

На экране виднелась облаченная в балахон фигура Сострадающего, который взбирался вверх по склону. Мимо пронесся кусок скалы. Глядя на него, Рик вдруг подумал: «Боже мой, но в моей ситуации есть нечто худшее, чем в его положении. Сострадающему не приходится совершать нечто чуждое его природе. Он страдает, но, по крайней мере, он может не насиловать собственную сущность».

Нагнувшись, он осторожно убрал пальцы жены с черных клавиш. Потом он занял ее место, первый раз за несколько недель.

Это было сделано импульсивно, Рик не предполагал этого делать. Все произошло внезапно и неожиданно для него.

Перед ним простирался пустынный пейзаж — пустырь, покрытый сорняками. В воздухе пахло цветами. Это оказалась равнина, где не бывает дождя. И цветы сорняков пахли здесь пылью.

Перед ним стоял человек. В глазах его, усталых, полных боли, светилась жалость.

— Сострадающий, — обратился к нему Рик.

— Я друг твой, — сказал старик. — Но продолжай свой путь, словно меня не существует. Таков твой долг. Ты понимаешь меня?

Он развел ладони.

— Нет, — ответил Рик, — не понимаю. Мне нужна твоя помощь.

— Но как я могу спасти тебя, — спросил старик, — если ты не в состоянии спасти себя самого?

Он улыбнулся.

— Разве ты не видишь? Это не воскресение. Спасения нет.

— Тогда зачем все это? — зло задал вопрос Рик. — Зачем нужен тогда ты?

— Чтобы показать тебе, — объяснил Сострадающий, — что ты не одинок, с тобой я, и я всегда буду с тобой. Продолжай исполнять свой долг, хотя ты знаешь, что поступаешь плохо.

— Почему? Почему я должен исполнять его? Я брошу эту работу и эмигрирую.

— Но куда бы ты ни отправился, — прошамкал старик. — Таково фундаментальное условие жизни — насиловать собственную сущность. В какой-то момент любому живому существу приходится так поступать. Это неизбежная тень, издержки эксперимента творения, проклятие, наложенное на него, проклятие, которое питает всякую жизнь повсюду во вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сообщить? — удивился Рик.

Мимо него просвистел камень. Он пригнулся, но другой камень ударил его в ухо.

Рик тут же выпустил рукоятки генератора и снова оказался в собственной гостиной рядом с женой. Голова его жутко болела от удара. Протянув руку, он обнаружил, что по щеке стекает струйка свежей крови.

Ирен прижала к его уху носовой платок.

— Наверно, мне нужно поблагодарить тебя за то, что ты меня освободил. Я не переносу, когда в меня попадает камень. Спасибо, что принял удар на себя.

— Мне нужно идти, — сказал Рик.

— Работа?

— Целых три.

Он взял у нее платок и пошел к входной двери. Голова у него все еще кружилась. Теперь он ощущал еще и тошноту.

— Удачи, — пожелала ему Ирен.

— Ничего мне этот черный ящик не сделал, — подумал вслух Рик. — Со мной говорил Сострадающий, но это не помогло. Он знает не больше моего. Это просто старик, взбирающийся на гору к своей смерти.

— Но разве это не откровение?

— Это откровение уже случилось со мной, — промолвил Рик.

Он открыл дверь в холл.

«Жилой блок Три тысячи девятьсот шестьдесят семь-Ц, — подумал он, прочитав заметку на обороте контракта. — Это в пригороде, в покинутом районе. Там легко спрятаться. Выдать их могут только вечерние огни. Вот на что я буду ориентироваться — огни, окна. Эти трое станут последними. Сострадающий прав. Нужно исполнять свой долг. Но едва ли я смогу. Сразу двое анди — это уже вопрос не морали, это практический вопрос. Вероятно, я не сумею отправить их на покой, даже если постараюсь. Я слишком устал, и слишком много всего случилось за этот день. Возможно, Сострадающий это знал, возможно, он предвидел все, что должно произойти. Но я знаю, где найти помощь, которую мне однажды предлагали и которую я отклонил».

Он вышел из лифта на крышу и минуту спустя сидел в темноте кабины аэрокара, набирая номер на диске видеофона.

— Кампания «Розен Асосиейшн», — ответила дежурная.

— Рейчел Розен, — попросил он.

— Простите, сэр?

— Дайте мне Рейчел Розен, — проскрежетал Рик.

— Если мисс Розен ожидает...

— Я уверен, что да, — настаивал Рик.

Он стал ждать.

Десять минут спустя на видеоэкране появилось миниатюрное смуглое лицо Рейчел Розен.

— Здравствуйте, мистер Декард.

— Вы сейчас заняты или мы можем переговорить, как вы предлагали? — спросил он.

Казалось, это произошло не сегодня, а многие века тому назад. Сотни поколений родились и превратились в прах с тех пор, как он последний раз говорил с Рейчел.

Всю тяжесть этих времен ощущал Рик. Он чувствовал физический вес этой тяжести. «Это, наверное, из-за камня», — подумал он. Рик прижал платок ко все еще кровоточащему уху.

— У вас ухо порезано, — сказала она. — Какой стыд.

— Вы действительно были уверены, что я вызову вас? — спросил Рик.

— Я уже вам говорила, — объявила Рейчел, — что без моей помощи один из новых андроидов прикончит вас раньше, чем вы успеете отправить на покой его.

— Вы ошиблись.

— Но вы звоните мне, как бы там ни было. Вы хотите, чтобы я прилетела в Сан-Франциско?

— Да, сегодня.

— О, нет, слишком поздно. Лететь нужно целый час. Я буду завтра.

— Мне приказано покончить со всеми сегодня вечером, — тускло признался Рик.

Он помолчал, потом добавил:

— Из всех осталось только трое.

— Судя по вашему голосу, вам здорово досталось.

— Если вы не прилетите сегодня вечером, — объяснил Рик, — то я отправлюсь искать их один, и справиться с ними мне не удастся. Я только что купил козу на те деньги, которые получил за устранение первых трех анди.

— Эх вы, люди, — усмехнулась Рейчел. — Козлы воняют.

— Это только самцы. Об этом написано в руководстве, которое мне дали в магазине.

— Вы действительно выглядите усталым, — отметила Рейчел. — У вас голова не кружится? Вы уверены, что сознаете, на что идете, пытаясь «отправить на покой» еще троих андроидов типа «Узел-6»? Еще никому не удавалось устранить трех андроидов за один день.

— Франклин Пауэрс, — подсказал Рик, — прикончил семерых в Чикаго примерно год назад.

— Устаревшие модели типа «Мак-Миллан-У-четыре», — напомнила Рейчел. — Это совсем другое дело.

Она задумалась.

— Рик, я не могу. Я еще даже не ужинала.

— Но вы мне необходимы, — прокричал он, — иначе я погибну.

«Я знаю это, — сказал он себе. — И Сострадающий знал. Думаю, ты тоже знаешь. Я зря трачу время, упрасывая тебя. Нет смысла обращаться за сочувствием к андроиду. У него нет такого органа, чтобы сочувствовать».

— Извини, Рик, — произнесла Рейчел, — но сегодня это невозможно. Завтра.

— Месть андроида, — понял Рик.

— Что?

— Потому что я раскусил вас во время теста.

— Вы так уверены?

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— В самом деле? — Рейчел продолжала пристально его рассматривать.

— До свидания, — сказал он и хотел повесить трубку.

— Послушайте, — быстро проронила Рейчел, — подумайте немного.

— Вы так говорите потому, что андроиды вашего типа умнее людей.

— Нет, я действительно не понимаю.

Рейчел вздохнула.

— Я ясно вижу, что вы не хотели бы заниматься этим делом сегодня... или вообще не хотите им заниматься впредь. Вы уверены, что ждете от меня помощи, дабы устранить троих оставшихся андроидов? Или вы мечтаете, чтобы я убедила вас не браться за это дело?

— Прилетайте, — попросил Рик, — мы возьмем комнату в отеле.

— Зачем?

— Сегодня я услышал кое-что, касающееся отношений между человеком-мужчиной и женщиной-андроидом, — хрипло объяснил он. — Прилетайте в Сан-Франциско, и я оставлю других анди в покое. Мы займемся другим делом.

Она посмотрела на него, потом вдруг согласилась:

— Хорошо, я прилечу. Где мы встретимся?

— У «Сент Френсиса». Это единственный приличный отель в зоне Залива.

— И пока я не прилечу, вы ничего не предпримете?

— Я буду сидеть в отеле, — пообещал он, — и смотреть по телевизору Бастера Дружби. В последние три дня его гостьей была Аманда Вернер. Она мне нравится. Я мог бы смотреть на нее до конца жизни. У нее такие груди, словно они улыбаются.

Он повесил трубку и некоторое время сидел неподвижно, ни о чем не думая.

Наконец холод в кабине заставил его что-то предпринять. Он повернул ключ зажигания и секунду спустя взлетел в сторону центра Сан-Франциско, к отелю «Сент Франсис».

Шестнадцать

В огромном и чрезмерно роскошном номере отеля Рик Декард принялся изучать досье на оставшихся трех андроидов, в частности на Роя и Имгард Бейти. К их данным были приложены стереоснимки, сделанные с помощью телескопических объективов. Снимки оказались очень размытыми.

Рик решил, что женщина довольно хороша, Рой, напротив, произвел на него неприятное впечатление.

Рик прочел, что Рой на Марсе был фармацевтом или использовал это как прикрытие.

На самом же деле, вероятно, Рой был лишь чернорабочим, трудился в поле, но мечтал о чем-то большем. «Разве андроиды мечтают? — подумал Рик. — Пожалуй, это очевидно. Вот почему они иногда убивают своих хозяев и бегут на Землю, чтобы жить без рабского труда. Люба Люфт, наверное, всегда хотела петь в «Дон Жуане», вместо того чтобы трудиться в холодном каменистом поле на, в сущности, необитаемом колонизируемом Марсе».

«Рой Бейти, — информировало Рика досье, — умеет создавать впечатление агрессивной, напористой и авторитетной натуры. Этот андроид, предававшийся мистическим видам деятельности, предложил всей группе совершить данный побег, подведя под этот акт идеологическое обоснование о якобы священном характере «андроидной жизни». Вдобавок данный андроид похитил ряд наркотических средств, воздействующих на мозг, и проводил опыты, утверждая, после того как был пойман, что надеялся вызвать у группы андроидов ощущение, аналогичное тому, которое испытывают во время слияния приверженцы сострадания. Этот андроид указывал, что данное ощущение остается недоступным для андроидов».

В этом досье было что-то жалкое.

Грубый, хладнокровный, расчетливый андроид стремился испытать нечто, что было изначально недоступно для него, благодаря намеренно встроенному дефекту. Но особого сочувствия к Рою Бейти Рик не испытывал. Заметки Хейва создавали отталкивающее впечатление об этом андроиде. Бейти пытался вызвать ощущение сострадания, а потом, когда попытка провалилась, организовал убийство нескольких людей, за которым последовал побег на Землю.

Теперь из всей группы бежавших андроидов уцелело лишь трое. Эта тройка тоже обречена, поскольку, если Рiku не удастся отправить их на покой, то это сделает кто-то другой. «Время и судьба, — подумал он. — Вот в чем заключается жизнь. Последние сумерки, конец. Как будто в этом — целая микровселенная». Так показалось Рiku.

Дверь номера со стуком распахнулась.

— Ну и полет, — сказала Рейчел Розен.

Она вошла и перевела дыхание. На ней был длинный чешуйчатый плащ, а под ним — лифчик и шорты в тон. Кроме большой декоративной сумки через плечо, она несла еще и бумажный мешок.

— Милая комната, — признала она.

Она всмотрелась в циферблат своих наручных часов.

— Менее часа. Отличное время для такой дистанции. Вот...

Она протянула ему мешок.

— Здесь бутылка. Коньяк.

— Самый опасный из восьмерых еще жив, — объявил Рик, — тот, который все организовал.

Он протянул ей мятый листок папиросной бумаги с материалами о Рое Бейти.

Рейчел поставила мешок и взяла листок с текстом.

— Этого вы уже обнаружили? — поинтересовалась она, прочитав.

— Мне известен номер жилого блока в пригороде, где никто не обитает, кроме недоумков или полных идиотов, оканчивающих там свою версию жизни.

Рейчел протянула руку.

— Посмотрим остальных.

— Обе женщины.

Он передал ей листки.

— Имгард Бейти и второй андроид, называющий себя Прис Страттон.

Бросив взгляд на последний листок, Рейчел сказала:

— О!

Потом она уронила листки и подошла к окну, всматриваясь в панораму ночного центра Сан-Франциско.

— Кажется, последний тебя накроет, а может, и нет. Может, тебе все сойдет.

Она побледнела, и голос ее дрожал.

Совершенно неожиданно она потеряла самообладание.

— О чем это ты, собственно?

Рик нагнулся за листками, поднял и начал их рассматривать, пытаясь понять, что именно расстроило Рейчел.

— Давай откупорим коньяк.

Рейчел вынесла в ванную бумажный мешок и вернулась с двумя стаканами. Она все еще держалась неуверенно и как-то отчужденно, словно все ее мысли были заняты чем-то посторонним. Рик чувствовал их мелькание, оно отражалось на лице Рейчел.

— Ты умеешь открывать бутылки? — спросила она. — Это ведь стоит состояния, ты знаешь? Это довоенный коньяк, не синтетический.

Он взял у нее бутылку и, откупорив, налил коньяк в маленькие стаканы.

— Так что же случилось? — поинтересовался он.

— По видеофону ты мне обещал, что, если я прилечу сюда сегодня вечером, ты откажешься от этих трех андроидов. Ты объяснил, что мы займемся другим делом. Вот мы здесь...

— Расскажи, отчего ты так расстроилась? — попросил Рик.

Упрямо глядя ему в глаза, Рейчел проговорила:

— Лучше ты Расскажи, что мы будем делать, вместо того чтобы забивать голову этими тремя оставшимися андроидами типа «Узел-6».

Она сняла плащ и повесила его в шкаф в прихожей. Голова ее с роскошной гривой волос казалась очень большой, в то время как из-за совсем маленьких грудей тело походило на детское. Но ее глаза, большие, с длинными ресницами, могли быть глазами лишь зрелой женщины. Рейчел чутко покачивалась на носках, руки ее, опущенные вдоль боков, были чуть согнуты в локтях. Рик подумал, что эта поза напоминает стойку осторожного охотника или, быть может, кроманьонского человека, высокого и ловкого: ни грамма лишней плоти, плоский живот, маленький зад и маленькая грудь.

Рейчел была смоделирована по кельтскому типу, анахроничному, но красиво смотревшемуся. Ноги, выглядывавшие из коротких шорт, имели совсем неженственный вид, не слишком закруглялись в соответствующих местах, но общее впечатление тем не менее было приятное, хотя явственно чувствовалось, что это девушка, а не женщина. Выпадали из общей картины лишь беспокойные, умные глаза.

Рик потягивал коньяк. Его вкус, запах и крепость были для него почти неизвестными. Он почувствовал, что глотает влагу с трудом. Рейчел, наоборот, никаких особых ощущений не демонстрировала.

Присев на край кровати, Рейчел с отсутствующим и мрачным выражением разглаживала покрывало. Рик поставил свой стакан на стол и устроился рядом с ней. Кровать под его весом просела, и Рейчел немного отодвинулась.

— Что случилось? — повторил он.

Рик протянул руку и взял ее ладонь в свою. Ладонь показалась ему холодной, твердой и чуть влажной.

— Что с тобой?

— Это все из-за этого проклятого «Узла-6». Последнее досье, — с трудом проговорила Рейчел. — Он абсолютно того же типа, что и я.

Она опустила глаза, отыскала на покрывале нитку и начала двумя пальцами скатывать ее в шарик.

— Разве ты не обратил внимания на описание? Это же моя внешность. У нее может быть другая прическа, и одета она, вероятно, не так, как я, возможно, она даже купила парик. Но, когда ты ее увидишь, ты поймешь, о чем я говорю.

Она едко засмеялась.

— Хорошо, что кампания «Розен Ассосийшн» призналась, что я андроид, иначе ты, наверное, сошел бы с ума, столкнувшись с Прис Страттон, или подумал бы, что это я.

— Почему это так тебя беспокоит?

— Проклятье, ведь я буду с тобой, когда ты отправишься ее устранять.

— Может, и нет. Возможно, я ее не найду.

— Я знаю психологию «Узла-6», — объяснила Рейчел, — вот почему я здесь, вот почему я могу тебе помочь. Они все сейчас сбились в кучу, все трое. Главный у них — тот, который называет себя Роем. Он сейчас бешеными темпами готовит последнюю защиту.

Губы ее искривились.

— О, боже! — тихо проронила она.

— Ну, не пугайся, — попросил Рик.

Он взял ее маленький острый подбородок и поднял голову так, чтобы Рейчел могла видеть его глаза. «Как можно себя чувствовать, целуя анд-

роида?» — подумал Рик. Наклонив голову, он поцеловал ее сухие губы. Не последовало никакой реакции. Рейчел оставалась спокойной, как будто ничего не ощутила. Однако его реакция была обратной. Возможно, он просто принимал желаемое за действительное.

— Если бы я знала, что ты это сделаешь, — произнесла Рейчел, — я бы сюда не прилетела. Ты хочешь слишком многого. Ты понимаешь мое отношение к этому андроиду по имени Прис?

— Сочувствие? — поинтересовался Рик.

— Что-то похожее. Представь: передо мной стою я. Боже мой, наверное, это случится — в замешательстве ты убьешь меня, а не ее, а она вернется в Сизтл и станет жить моей жизнью. Я еще никогда ничего подобного не испытывала. Мы действительно м а ш и н ы , отштампованные, как крышечки бутылок. Мое личное существование — это только иллюзия. Я всего лишь — массовая продукция.

Она содрогнулась.

Рик понимал, что это плохо, но поведение Рейчел очень его забавляло — андроид, испытывающий период мрачных предчувствий.

— Но ведь муравьи тоже практически идентичны, — сказал Рик, — но ничего подобного не ощущают.

— Муравьи... У них нет чувства времени.

— Тогда близнецы. Они...

— Но они идентифицируются друг с другом, У них есть эмпатическая связь.

Рейчел подошла к столу, где стояла бутылка коньяка, немного нетвердыми шагами, наполнила свой стакан и быстро выпила. Несколько минут она мерила шагами комнату, нахмутив брови, потом, словно случайно, снова опустилась на кровать, облокотившись на пышные подушки и вытянув ноги, и вздохнула.

— Забудь об этих троих.

Голос ее был усталым.

— Я такая измотанная, наверное, из-за полета и из-за того, что узнала за этот день. Я просто хочу спать...

Она закрыла глаза.

— Если я умру, — пробормотала Рейчел, — то, наверное, снова буду рождена, когда кампания начнет штамповать субмодели моего типа. Но это будет уже с новым мозговым устройством.

Рейчел открыла глаза и посмотрела на Рика.

— Ты знаешь, зачем люди из кампании хотели, чтобы я действовала вместе с тобой? — поинтересовалась она.

— Чтобы следить за мной, — объяснил Рик, — и выяснить, какой параметр «Узла-6» выдает анди при проведении теста Байт-Кампфа.

— И при тесте и вообще. Все, что выдает его, как андроида. А потом я должна была предоставить доклад, и кампания внесла бы модификации в режим камер, и в структуру ДНР-фактора. И мы бы получили «Узел-7». Когда этот тип андроидов тоже начали распознавать, мы бы принялись делать новые модификации, и в конце концов кампания создала бы тип гуманоидного робота, который не поддавался бы выявлению.

— Ты знаешь о тесте с рефлекторной дугой Бонелли? — задал вопрос Рик.

— Над этим тоже работаем. Наступит день, когда тест Бонелли окончательно погрузится в пучину забвения, как и вчерашнее.

Рейчел улыбнулась совершенно безобидно, и ее улыбка резко контрастировала с ее словами. Рик не мог понять, насколько серьезно она говорила.

«Идеи мирового значения, но выражение несерьезно. Возможно, это характерная манера всех андроидов, — подумал Рик. — Никакой эмоциональной окрашенности, никакого чувства действительной значимости того, что сказано. Всего лишь выхолощенные, интеллектуальные, формальные определения отдельных положений».

Но это было еще не все. Рейчел начала поддразнивать Рика, перейдя от оплакивания своего положения к высмеиванию его собственной ситуации.

— К черту и тебя тоже, — сказал он.

Рейчел рассмеялась.

— Я пьяна и не могу идти с тобой. Если ты пойдешь...

Она сделала неопределенный жест рукой.

— Я останусь здесь отсыпаться. Расскажешь позже, что произошло.

— Одна маленькая деталь, — уточнил Рик. — Этого «позже» не будет, потому что Рой Бейти прикончит меня.

— Но теперь я все равно не могу тебе помочь, потому что я пьяна. Во всяком случае, правда тебе известна. Вся ее грубая, жесткая, внешняя сторона. Я всего лишь наблюдатель и не должна спасать тебя. Мне все равно — прикончит Рой тебя или нет. Меня волнует, не прикончат ли меня.

Она широко открыла круглый рот.

— Боже, я эмпатически реагирую на угрозу собственному существованию. Видишь ли, если я полечу с тобой в этот пригородный покинутый район, то...

Она протянула руку, поиграла пуговицей рубашки Рика, потом начала расстегивать ее.

— Я просто не осмеливалась бы туда соваться, потому что мы, антроиды, не испытываем особой привязанности друг к другу. Я знаю, что проклятая Прис Страттон пристрелила бы меня, а потом заняла бы мое место. Понимаешь? Сними пиджак.

— Зачем?

— Чтобы мы могли лечь в постель, — объяснила Рейчел.

— Я купил черную нубийскую козу, — сообщил Рик, — Мне необходимо «отправить на покой» еще трех анди. Мне нужно покончить с этим делом и вернуться домой к жене.

Он встал, обошел кровать, взял бутылку коньяка, потом аккуратно налил себе вторую порцию.

Рик заметил, что у него несколько дрожат руки. «Очевидно, от усталости. Мы оба устали, — подумал он, — слишком устали, чтобы охотиться на троих андроидов, которых возглавляет самый опасный анди!»

Он вдруг осознал, что испытывает необратимый страх к этому антроиду. Все произошло из-за него; с самого начала он был самым опасным.

Вплоть до этого вечера Рик сталкивался лишь с его соратниками, которых совратил Рой, и отправлял их на покой.

Теперь Рiku предстоит встреча с самим Бейти. При этой мысли он почувствовал все возрастающий страх. Чем четче сознавал он неизбежность столкновения, тем сильнее охватывал его этот ужас.

— Без тебя я туда идти не могу, — объяснил он Рейчел. — Даже не стоит уходить отсюда. Полоков едва не прикончил меня. И Гэрланд.

— Ты боишься Роя Бейти? — спросила Рейчел.

Поставив пустой стакан, она потянулась рукой за спину и расстегнула лифчик, потом ловко стянула его и встала, покачиваясь и улыбаясь.

— В сумочке, — объяснила она, — у меня лежит устройство, которое наша фабрика на Марсе изготавливает как предохраняющее средство. Его монтируют в андроидов, когда делают последнюю серийную проверку. Вытащи его. Ты сразу увидишь, оно похоже на устрицу.

Рик начал рыться в сумочке. Как и у женщины-человека, у Рейчел можно было обнаружить там самые разнообразные предметы, и Рик понял, что быстро он ничего не найдет.

Тем временем Рейчел сбросила сапожки и расстегнула молнию на шортах.

Балансируя на одной ноге, она подхватила пальцами другой ноги смятый кусок ткани и швырнула в угол комнаты.

Потом она упала на кровать, перекатилась, дотронулась рукой до стакана и случайно столкнула его на покрытый ковром пол номера.

— Проклятье, — пробормотала она.

Она снова, покачиваясь, поднялась на ноги.

Рейчел стояла в одних трусах, глядя, как Рик роется в сумочке. Потом она очень аккуратно откинула покрывало и залезла в постель.

— Это оно?

Рик держал в руке металлическую сферу с выступающей кнопкой.

— Эта штука подвергает андроида в каталепсию, — поведала Рейчел с закрытыми глазами. — Она на несколько секунд задерживает работу его дыхательной системы. Вы, человеческие существа, способны существовать еще пару минут без дыхания, а у анди нерв, находящийся...

— Я знаю.

Рик выпрямился.

— Автономная нервная система андроидов при выключении и включении не настолько гибка, как наша. Но ты ведь сказала, что это устройство работает всего пять-шесть секунд.

— Этого достаточно, — пробормотала Рейчел, — чтобы спасти тебе жизнь. Понимаешь...

Она села.

— Если вдруг сюда ворвется Рой Бейти, то, держа в ладони это устройство, ты сможешь заморозить его на несколько секунд. Пока он будет стоять на месте с отрезанным кислородным обеспечением мозговых клеток, ты прикончишь его из лазера.

— У тебя тут лазер, — удивился Рик, — в твоей сумочке.

— Подделка, — созналась она.

Рейчел зевнула и снова закрыла глаза.

— Андроидам запрещено пользоваться лазерами.

Рейчел наконец удалось перевернуться на живот, уткнувшись лицом в простыню.

— Какая чистая, приличная, девственная постель, — сказала она. — Только очень чистые и приличные девушки, которые...

Она задумалась.

— У андроидов не бывает детей, — проговорила она. — Разве это потеря?

Он раздел ее донага, обнажив бледный, холодный изгиб спины и маленькие полушария ягодич.

— Разве это так важно? — повторила Рейчел. — Не знаю, в самом деле. Как я могу судить? Что это такое — иметь ребенка? Что это такое — быть рожденным, если уж об этом речь? Ведь мы не рождаемся. Мы не растем и не умираем от болезней. Мы просто изнашиваемся, как муравьи. Снова муравьи... Вот кто мы: не ты, а я. Хитинистые рефлекс-машины, которые на самом деле не живут.

Она повернула голову и громко произнесла:

— Я ВЕДЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ЖИВАЯ! Ты ложишься в постель не с женщиной, поэтому не рассчитывай на многое, ладно? Ты когда-нибудь раньше спал с андроидом?

— Нет, — промямлил Рик, снимая галстук и рубашку.

— Как я понимаю... Как мне говорили, впечатление удовлетворительное, если только не очень много думать. Если все время думать о том, что ты делаешь, тогда продолжать уже невозможно по психологическим причинам.

Наклонившись, он поцеловал ее обнаженное плечо.

— Спасибо, Рик, — поблагодарила она слабым голосом. — Но не забывай: главное — не думать, просто делай, и все, никаких пауз и философии, потому что с точки зрения философии все это очень тоскливо для нас обоих.

— После этого я все же отправлюсь искать Роя Бейти, — принял решение Рик. — Я хочу, чтобы ты была со мной. Я ведь знаю, что лазер в твоей...

— Думаешь, что отправлю на покой одного анди вместо тебя?

— Я полагаю, что несмотря на все, что ты рассказала, ты мне поможешь, насколько это будет в твоих силах. Иначе ты бы не лежала здесь.

— Я тебя люблю, — произнесла Рейчел. — Если бы я вошла в комнату и обнаружила, что кушетка покрыта твоей шкурой, я бы показала очень высокий результат по шкале Байт-Кампфа.

«Сегодня вечером, — подумал Рик, щелкая выключателем лампочки, — я отправлю на покой андроида типа «Узел-6», который будет выглядеть в точности, как эта обнаженная девушка. Боже милостивый, я становлюсь таким же, как и Фил Реч. «Сначала ложись с ней в постель, потом убей ее...» — это ведь его слова».

— Я не могу, — прошептал Рик, пятась от кровати.

— Очень жалко, — подсадовала Рейчел.

Голос ее дрогнул.

— Но не из-за тебя. Из-за Прис Страттон, из-за того, что я должен буду с ней сделать.

— Но мы не одно и то же. МЕНЯ не волнует Прис Страттон. Послушай...

Рейчел зашелестела простынями, садясь.

В полумраке комнаты он смутно видел перед собой ее тонкий, с маленькими холмиками грудой силуэт.

— ЛОЖИСЬ СО МНОЙ, И ТОГДА Я УСТРАНЮ СТРАТТОН. Хорошо? Потому что я не выдержу, дойдя до...

— Спасибо, — поблагодарил Рик.

Внутри него, несомненно, благодаря коньяку, поднялась волна благодарности к Рейчел.

«Двое, — подумал Рик, — остаются только двое. Только Бейти. Сдержит ли Рейчел слово? Очевидно. Таков способ функционирования андроидов». Хотя раньше Рик никогда не оказывался в подобной ситуации.

— Проклятье! Ложись, наконец, — приказала Рейчел.

Рик лег в постель.

Семнадцать

Потом они наслаждались небывалой роскошью: Рик вызвал горничную и заказал кофе. Он долго сидел в глубоком и мягком кресле, зелено-золотом с черным, и потягивал кофе, размышляя над тем, что предстояло ему в следующие несколько часов.

В ванной плескалась и напевала Рейчел, голос ее заглушал шум душа.

— Ты не прогадал, когда заключил со мной договор, — проговорила она, когда выключила воду.

Она возникла розовая и нагая в дверном проеме ванной, стягивая мокрые волосы лентой.

— Мы, андроиды, не умеем контролировать плотскую страсть. Ты, наверное, это знал. По-моему, ты воспользовался мною.

В голосе ее, однако, не чувствовалось подлинного гнева. Рейчел была сейчас такая же жизнерадостная, как любая обыкновенная девушка, знакомая Рiku.

— Мы действительно должны отправиться за этими тремя андроидами сегодня вечером?

— Да, — подтвердил он.

«Двое — для меня, — подумал он, — один — для тебя».

Как сказала сама Рейчел, был заключен договор.

Завернувшись в гигантское белое купальное полотенце, Рейчел сказала:

— Тебе понравилось?

— Да.

— Ты бы лег снова в постель с андроидом?

— Если бы это была девушка и напоминала тебя.

— А ты знаешь, какова продолжительность жизни такого гуманоидного робота, как я? — спросила Рейчел. — Я существую уже два года. Как, по-моему, сколько мне еще осталось?

После некоторого размышления он предположил:

— Еще года два?

— Эту проблему они так и не смогли решить! Самовоспроизведение клеток, бесконечное возобновление — это оказалось очень сложно. Вот такие дела.

Она начала яростно растираться.

Лицо ее потеряло всякое выражение.

— Извини, — сказал Рик. — Мне очень жаль.

— Черт, — проронила Рейчел, — это я виновата, что мы заговорили об этом. Во всяком случае, это удерживает настоящих людей от побега с андроидами.

— К типу «Узел-6» это тоже относится?

— Это проблема обмена веществ, а не мозгового узла.

Она начала одеваться.

Рик тоже оделся. Потом почти в молчании они отправились на крышу, где припаркованные аэрокары покоились под наблюдением симпатичного служащего в белой униформе.

Когда кар взлетал по направлению к пригороду Сан-Франциско, Рейчел вздохнула:

— Какая хорошая ночь.

— Моя коза, наверное, уже спит, — заметил Рик. — А может, козы ведут ночной образ жизни? Некоторые животные никогда не спят. Овца, например, никогда не спит. Я не мог этого заметить, во всяком случае. Всякий раз, когда смотришь на нее, она отвечает тебе взглядом, ждет, что ты дашь ей что-нибудь вкусное.

— А какая у тебя жена?

Рик ничего не ответил.

— Ты...

— Если бы ты не была андроидом, — перебил ее Рик, — если бы я мог легально на тебе жениться, я бы сделал это.

— Или бы мы жили в грехе, если бы я была настоящая.

— Юридически ты неживая, но на самом деле, ты — биологическое существо. Ведь ты не состоишь из транзисторных контуров, как поддельное животное. Ты органическое существо,

«И через два года, — подумал Рик, — ты износишься и умрешь, потому что мы так и не решили проблему самозамены клеток, как ты сама призналась. Поэтому, я думаю, все это не имеет значения. Это конец мне, как охотнику за андроидами. После пары Бейти уже не останется никого. Эта ночь последняя».

— У тебя грустный вид, — заметила Рейчел,

Он погладил ее по щеке.

— Ты больше не сможешь охотиться на андроидов, — спокойно констатировала она, — поэтому не грусти, пожалуйста.

Рик смотрел прямо на нее.

— Еще ни один охотник не брался за старое дело, — продолжала Рейчел, — после того, как побывал со мной в постели, кроме одного очень циничного человека по имени Фил Реч. Кроме того, он слегка тронутый — работает сам по себе.

— Понимаю, — вздохнул Рик.

Он чувствовал глухоту и онемение во всем теле.

— Но это время не пропадет даром, — продолжала Рейчел. — Ты познакомишься с удивительно одухотворенным человеком.

— Роем Бейти, — понял Рик. — Ты их всех знаешь?

— Да, я знала их всех, когда они еще существовали. Теперь знаю только троих. Мы пытались остановить тебя сегодня утром, до того, как ты взялся за список Холдена. Я попыталась еще раз перед тем, как ты убил Полокова. После этого мне оставалось только ждать.

— Пока я сам не выдержал, — признался Рик, — и пока мне не пришлось вызвать тебя.

— Я и Люба Люфт были очень близкими подругами почти два года. Какой она тебе показалась? Она тебе понравилась?

— Да, понравилась.

- Но ты ее застрелил.
- Ее застрелил Фил Реч.

— О, значит, он составил тебе компанию, когда ты отправился в театр? Мы об этом не знали. Наша связь разладилась примерно в это время. Мы только выяснили, что Люба убита, и, естественно, предположили, что это сделал ты.

— Основываясь на записях Дейва, — сказал Рик, — мне кажется, что я мог бы устранить и Роя Бейти, но не Имгард, наверное, и не Прис Страттон. Даже теперь, когда я полностью в курсе. И то, что произошло в отеле, — размышлял Рик, — представляло...

— Наш союз, — прервала его Рейчел, — добивался воздействия на охотников здесь и в Советской России. Это оказалось очень действенным по причинам, полностью для нас неясным. Опять наша ограниченность, как мне кажется.

— Я сомневаюсь, что ваш способ работает так безотказно, как вы думаете, — предположил Рик.

— Но с тобой это получилось.

— Посмотрим, получилось ли.

— Я знаю, — подтвердила Рейчел. — С того мига, когда я увидела это выражение скорби на твоём лице. Я именно этого и ждала.

— Сколько раз ты уже проделывала это?

— Не помню. Семь, восемь, нет, кажется, девять.

Она или, скорее, оно — кивнуло.

— Да, девять раз.

Оттолкнув от себя руль управления, Рик перевел машину в планирующий спуск.

— Идея устарела, — объявил он.

Пораженная Рейчел пробормотала:

— Что?

— Такой она мне представляется. Я тебя застрелю, — сообщил он, — а потом один займусь Роем, Имгард и Прис Страттон.

— Почему ты снижаешься?

Затем, предчувствуя самое худшее, она быстро проговорила:

— За это большой штраф. Я — законная собственность кампании, а не убежавший андроид, прилетевший с Марса. Я — совсем не то, что остальные.

— Но, — разъяснил Рик, — если я убью тебя, то смогу убить и остальных.

Рука ее метнулась к сумочке, она стала лихорадочно рыться в ней, потом сдалась, отбросила сумочку и произнесла с жестокой яростью:

— К черту этот мешок. Никогда ничего не могу в нем найти. Ты убьешь меня без боли, осторожно? Я не буду сопротивляться. Хорошо? Обещаю, что не буду. Ты согласен?

— Теперь понимаю, почему Фил Реч посоветовал мне это. Он не циник. Он просто слишком многое узнал, пройдя через все. Я его не виню, — Рик нахмурился.

— Он изменился не в ту сторону, в какую следовало бы, — сказала Рейчел.

Теперь она казалась более собранной. Но все равно отчаяние не покидало ее. И огонь жизни уже начал гаснуть в ней. Рик часто наблюдал

подобное явление у других андроидов. Это был классический случай смирения и покорности, механическое, умственное принятие того, что подлинный организм с его двумя миллиардами лет эволюционного развития отвергал, побуждая жить вопреки всему.

— Просто не выношу эту вашу манеру сдаваться, — грубо проронил Рик.

Кар уже почти завершил спуск, и Рикун пришлось резко взять руль на себя, предотвращая катастрофу. Затормозив, он со скрежетом посадил аэрокар и вырубил двигатель, вытащив лазер.

— В основание черепа, в затылочную кость, — попросила Рейчел, — пожалуйста.

Она повернула голову так, чтобы не было видно лазера. Она приготовилась умереть, не видя смертоносного луча.

Спрятав трубку лазера, Рик объяснил:

— Я не могу сделать этого. Это то, о чем говорил Фил Реч.

Он резко повернул ключ зажигания, вернув к жизни мотор. Мгновение спустя они уже взлетели.

— Если ты собираешься меня убить, — сообщила Рейчел, — то сделай это сейчас, не заставляй меня ждать.

— Я не буду убивать тебя.

Рик снова направил кар к пригороду.

— Твой кар остался в гостинице, правильно? Я высажу тебя там, и ты вернешься в Сизтл.

Больше ему нечего было сказать, и дальше Рик вел машину в молчании.

— Спасибо, что сохранил мне жизнь, — поблагодарила через некоторое время Рейчел.

— Черт возьми, ты же сама объяснила, что тебе осталось жить еще всего два года, а у меня еще пятьдесят лет впереди. Я проживу в двадцать пять раз больше тебя.

— Но ведь ты презираешь меня за то, что я сделала.

К ней вернулась уверенность, певучий голос обрел силу.

— Ты поступил так же, как и все остальные охотники, которые были до тебя. Они каждый раз приходили в ярость, угрожали убить меня, но когда наступал момент, не могли этого сделать. В точности, как ты, понимаешь?

Она закурила и с наслаждением вдохнула дым.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, не так ли? Это значит, что я права: ты больше не сможешь убивать андроидов, поэтому отправляйся лучше домой к своей козе и немного отдохни.

Она вдруг резко взмахнула рукой, отряхивая что-то с плаща.

— Ой! Я уронила горящий пепел.

Расслабившись, она снова опустилась на сиденье.

Рик ничего не сказал.

— Эту козу, — сказала Рейчел, — ты любишь больше, чем меня. Возможно, даже больше, чем жену. Номер один — коза, потом жена, и в самом конце...

Она весело рассмеялась.

— Что остается кроме смеха?

Рик не ответил. Некоторое время они летели молча, потом Рейчел включила радио.

— Выключи, — попросил Рик.

— Как? Выключить Бастера Дружби с его дружелюбными друзьями, с Амандой Вернер и Отто Скрагсом? Как раз наступил момент, когда Бастер должен сообщить нам свою грандиозную новость.

Она нагнулась, всматриваясь в циферблат своих часов.

— Почти наступил. Ты уже слышал? Он последнее время только об этой сенсации и говорил, нагнетая напряжение.

— Я только хочу сказать вам, ребята, что я сижу здесь с моим другом Бастером, мы очень весело болтаем, ожидая самого значительного объявления, — сообщило радио.

Рик выключил приемник.

— Отто Скрагс, — проговорил он. — Голос разумного, мыслящего человека.

Рейчел мгновенно протянула руку и снова включила радио.

— Я хочу послушать. Я намерена послушать. Это очень важно — все, что Бастер Дружби собирается рассказать нам сегодня вечером.

Из динамика снова послышался голос идиота. Рейчел Розен устроилась поудобнее. Уголек ее сигареты пылал в темноте кабины рядом с Риком, словно жук-светлячок — настойчивое, неуклонное доказательство победы Рейчел Розен над ним.

Восемнадцать

— Принеси сюда мои вещи, — приказала Прис Исидору. — И обязательно телевизор. Я хочу послушать новую сенсацию Бастера.

— Да, — согласилась Имгард Бейти, быстрая, с горящими глазами. — Нам необходим телевизор. Мы так ждали этого вечера, и скоро все должно начаться!

— Мой собственный телевизор хорошо принимает только правительственный канал, — сказал Исидор.

Рой Бейти, устроившийся в углу гостиной в кресле с таким видом, словно он собирался оставаться в нем до конца жизни, рыгнул и терпеливо раззяснил:

— Но мы хотели посмотреть Бастера Дружби и его друзей, Ис. Или мне лучше называть тебя Джон? Во всяком случае, ты нас понимаешь? Поэтому, будь добр, принеси телевизор.

Джон Исидор в одиночестве спустился по темным гулким ступеням лестницы на нижний этаж. Мощный цветок счастья, распустившийся внутри него, все еще цвел. Впервые за всю свою жизнь он ощущал свою необходимость кому-то.

«Теперь от меня зависят другие, — восторженно думал он, перешагивая через покрытые пылью ступени. — И будет неплохо посмотреть передачу Бастера Дружби вместо того, чтобы слушать его по радио в кабине грузовика-фургона. Да, совершенно верно. Бастер должен сообщить нам свою сенсационную новость сегодня вечером. И вот, благодаря Прис, Имгард и Рою, я увижу самую важную передачу за последние несколько лет...»

Он вошел в бывшую комнату Прис, отключил телевизор от сети и отсоединил антенну. Вдруг он почувствовал, как онемели руки. В отсутствие Бейти и Прис он словно выцвел, будто не телевизор, а его самого

только что отключили от сети. «Нужно быть с людьми, если вообще хочешь жить. То есть, пока их здесь не было, я был в силах выдерживать тишину и одиночество в этом здании. Но теперь все изменилось. Назад дороги нет. От людей нет возвращения в жизнь без людей. Теперь я зависим от них. Слава Богу, что они остались. Мне потребуется вернуться сюда еще раз, чтобы переправить вещи Прис в квартиру наверху». Он решил сначала отнести телевизор, а потом уже чемоданы и одежду.

Несколько минут спустя он уже поднялся вместе с телевизором наверх. Чувствуя, как от тяжести заломило пальцы, Джон установил ящик на кофейный столик в гостиной. Пара Бейти и Прис бесстрастно наблюдали за ним.

— В этом здании телевизор хорошо принимает передачи, — пропыхтел он.

Исидор подключил антенну и питание.

— Когда я еще смотрел Бастера Дружби...

— Включи телевизор, — приказал Рой Бейти, — и немного помолчи.

Исидор сделал то, о чем его просили, потом поспешил к двери.

— Еще разок, — объяснил он, — и я перенесу все, что осталось.

Джон оттягивал момент выхода из квартиры, согреваясь от их присутствия.

— Превосходно, — далеким голосом проговорила Прис.

Исидор снова отправился на нижний этаж. «Кажется, — думал он, — они меня эксплуатируют». Но ему было все равно.

«Хорошо иметь таких друзей», — сказал он себе.

Внизу он собрал все вещи девушки, упаковал их в чемоданы, протом трудолюбиво потащил их вверх по лестнице.

На верхней ступеньке прямо перед ним что-то шевелилось в пыли.

Он тут же бросил чемоданы и вытащил бутылочку из-под лекарства, которую, как и все остальные, носил с собой на всякий случай. Шевелился на ступеньке невзрачный, но живой паук. Дрожащей рукой Исидор загнал паука в бутылочку и аккуратно закупорил ее. Крышечка имела несколько отверстий, проткнутых с помощью иглы.

Наверху, у дверей своей квартиры, Исидор приостановился, чтобы перевести дыхание.

— Да, сэр, время пришло. Говорит Бастер Дружби. Он надеется и верит, что вы с нетерпением ждете, когда я поделюсь с вами сделанным открытием, которое, между прочим, было подтверждено опытными исследователями, посвятившими этой работе длительное время! Итак, внимание!

— Я нашел паука, — сообщил Джон Исидор.

Все три андроида на мгновение подняли на него глаза, оторвавшись от телевизора.

— Дай посмотреть, — попросила Прис, протянула руку.

— Не мешайте смотреть Бастера, — завопил Рой Бейти.

— Я никогда не видела паука, — объяснила Прис.

Она держала бутылочку в ладонях, рассматривая существо внутри нее.

— Сколько у него ног? — проговорила она. — Зачем ему так много?

— Таковы все пауки, — ответил Исидор.

Сердце его колотилось, он с трудом дышал.

— Восемь ног.

Поднимаясь с кресла, Прис спросила:

— Знаешь, что я думаю, Джон? Я думаю, что ему столько ног не нужно.

— Восемь? — полюбопытствовала Имгард Бейти. — Но разве он не мог бы передвигаться на четырех? Отрежьте четыре лишних, и мы посмотрим.

Она энергично раскрыла сумочку, извлекла маленькие блестящие маникюрные ножницы и протянула их Прис.

Непонятный ужас охватил Исидора.

Отнеса бутылочку с пауком в кухню, Прис села за столик, за которым Исидор обычно завтракал. Она сняла крышку и встряхнула паука на руку.

— Наверное, он уже не сможет бегать так же быстро, — размышляла она вслух, — но здесь ему все равно нечего ловить. Он в любом случае умер бы.

Она потянулась к ножницам.

— Пожалуйста... — обратился к ней Исидор.

Прис вопросительно посмотрела на него.

— Он дорого стоит?

— Не увечь его, — умоляюще выдохнул Джон Исидор.

Прис отрезала одну из ножек паука.

Бастер Дружби, сивавший на экране телевизора в гостиной, проговорил:

— Взгляните на увеличенный кадр с изображением всем нам знакомого неба. Одну минуту, сейчас Эрл Параметр, глава моей исследовательской группы, объяснит вам смысл этого потрясающего открытия!

Прис отрезала еще одну лапку, придерживая насекомое рукой.

Она улыбалась.

— Кадры видеоизображения, — заговорил из гостиной новый телегос, — будучи подвергнуты тщательному лабораторному исследованию, показывают, что серый задний план неба, на фоне которого действует Сострадающий, не только не является земным, более того, он создан искусственно!

— Прис, ты все пропустишь, — тревожно позвала из гостиной Имгард.

Она примчалась на кухню и замерла в дверях, увидев, чем занята Прис.

— Этим ты можешь заняться позже! — умоляюще проговорила она. — Это очень важная передача. Все, что сообщается, доказывает, что наши надежды, все, во что мы верили...

— Тише, — попросил Рой Бейти.

— ... истинно, — закончила Имгард.

Голос в телевизоре продолжал:

— «Луна» просто намалевана. В увеличенном кадре, который вы сейчас видите, ясно заметны мазки краски. Существуют также улики, что колючие сорняки, и бесплодная почва, и даже камни, бросаемые в Сострадающего невидимыми преследователями, — все это в такой же степени поддельное, как и «небо» с его нарисованной «луной». И вполне возможно, что «камни» сделаны из мягкого пластика и не причиняют настоящих ран.

— Другими словами, — вмешался Бастер, — Вилбур Сострадающий совершенно не страдает?

Шеф исследовательской группы продолжил:

— Нам удалось наконец обнаружить одного человека, мистер Дружби, бывшего голливудского специалиста по кинематографическим эффектам. Это мистер Бойд Коркот. Он, опираясь на годы профессионального опыта,

прямо утверждает, что Сострадающий — это, вероятнее всего, какой-то актер, марширующий по специальной сцене. Коркот зашел даже так далеко, что объявил, будто узнает сцену. Она находится в павильоне, который когда-то использовал один из мелких киноменеджеров, имевший связи с Коркотом.

— Следовательно, по словам Коркота, — уточнил Бастер Дружби, — сомнений быть не может?

Прис успела отстричь пауку три ноги.

Паук жалко рыскал по кухонному столу, отыскивая путь к спасению, но не находил его.

— Мы, естественно, поверили Коркоту, — продолжал шеф исследовательской группы своим педантичным тоном, — и потратили довольно много времени на исследование снимков известных актеров, когда-то работавших в кинопромышленности Голливуда.

— И вы обнаружили, что...

— Вы только послушайте, — предложил Рой Бейти.

Имгард, словно загипнотизированная, не отрывала взгляда от экрана. Прис прекратила мучить паука.

— С помощью многих тысяч старых снимков мы выявили человека, очень похожего на Сострадающего. Сейчас это уже пожилой человек по имени Ал Джарри. В нескольких довоенных фильмах он играл главные роли. Мы послали нашу бригаду в Ист Кармен, штат Индиана, где находится дом Джарри. Пусть один из членов бригады сам расскажет, что они там нашли.

— Дом, стоящий на окраине города, — заговорил после некоторой паузы новый, в такой же степени бесцветный и высушенный голос, — имеет крайне запущенный вид. Живет в нем лишь один Ал Джарри. Он дружелюбно пригласил нас войти. Когда мы расселись в гостиной, где было очень грязно и пахло затхлостью, я просканировал с помощью телепатических средств сознание Ала Джарри, сидевшего напротив меня.

— Слушайте, — повторил Рой Бейти.

Он балансировал на самом краю сиденья, словно приглатываясь прыгнуть на жертву.

— Я обнаружил, — продолжал техник, — что этот старик действительно снимался в серии коротких, пятнадцатиминутных видеофильмов, заказанных менеджером, которого он никогда не видел. Как мы выяснили, «камни» были изготовлены из резиноподобного пластика. «Кровь» имитировалась с помощью кетчупа и...

Техник хихикнул.

— Единственное страдание, которое пришлось пережить мистеру Джарри, состояло в том, что он целый день не вкусил ни капли виски.

На экране снова показалось лицо Бастера.

— Ал Джарри, — сказал он, — преклонных лет человек, который даже в лучшие свои годы едва ли мог быть уважаем самим собой. Ал Джарри создал скучный и плохой фильм, целую серию таких фильмов. Поклонники сострадания часто говорят, что Вилбур Сострадающий не является человеческим существом, а представляет собой архитипическую личность высшей организации. Возможно, он из другой звездной системы. Что ж, в некотором смысле это действительно правда. Вилбур Сострадающий — не человек и не существует на самом деле. Тот мир, в котором он совершает

свое восхождение, в действительности всего лишь дешевая голливудская киностудия, которая рассыпалась в прах много лет тому назад. Кто же, в таком случае, произвел этот всесистемный обман? Подумайте об этом!

— Может, мы никогда не узнаем этого, — пробормотала Имгард.

— Может, мы никогда не узнаем этого, — сказал Бастер Дружби, — и никогда не проникнем за занавес этого надувательства. Да, СОСТРАДАНИЕ — НАДУВАТЕЛЬСТВО!

— Кажется, мы это знаем, — заметил Рой Бейти. — Это очевидно. Сострадание возникло...

— Но подумайте вот над чем, — продолжал Бастер Дружби. — Спросите себя: что главное в сострадании, что оно способно дать? Если верить многим исследователям этого течения, сострадание способно слить...

— Вот она, эта эмпатия, которой обладают только люди, — прошептала Имгард.

— ... мужчин и женщин во всей Солнечной системе в одну единую чувствующую единицу, которая, однако, поддается внушению посредством телепатического голоса так называемого Сострадающего. Заметьте, политический деятель с амбициями, некий потенциальный Гитлер мог бы...

— Нет, это не эмпатия, — с жаром заключила Имгард.

Сжав кулаки, она вошла в кухню и остановилась рядом с Исидором.

— Разве это не доказывает, что люди способны на то, на что мы не способны? Потому что, не испытав на себе этого слияния, мы можем лишь верить вам на слово. Как там поживает паук?

Она наклонилась, заглядывая через плечо Прис.

Прис отрезала ножницами еще одну ногу.

— Теперь осталось четыре, — сообщила она.

Кончиком ножниц она подтолкнула паука.

— Не хочет. Может, он не хочет двигаться.

В дверях появился Рой Бейти. Он глубоко дышал, на лице его сияло удовлетворение.

— Готово. Бастер, наконец, произнес это громко и четко, и его слышал почти каждый человек в системе! Сострадание — надувательство. Все эти сеансы с эмпатическим слиянием — надувательство.

Он подошел к столу, с любопытством глядя на паука.

— Он не хочет попробовать ползти, — объяснила Имгард.

— Я его заставлю.

Рой Бейти вытащил спички, зажег одну, подержал пламя перед пауком, потом передвинул пламя ближе, еще ближе и еще, пока покалеченное существо не поползло в сторону.

— Я правильно утверждаю, — с удовлетворением заметила Имгард. — Ведь я сказала, что он может ходить на четырех ногах.

Она выжидающе посмотрела на Исидора.

— Что случилось?

Она тронула его за локоть.

— Вы ничего не потеряли. Мы заплатим за паука, но... как это называется?.. по каталогу Сидни. Не смотрите так мрачно. Может, вы расстроились из-за передачи? Ну, отвечайте же!

Она энергично подтолкнула Исидора.

— Он расстроился, — объяснила Прис, — потому что у него тоже есть генератор эмпатии, в другой комнате. Ведь ты им пользуешься, Джон Исидор?

— Конечно, пользуется, — подтвердил Рой Бейти. — Все они им пользуются... или пользовались. Возможно, хоть теперь они задумаются над этим.

— Я не считаю, что эта передача станет концом культа Сострадающего, — объявила Прис, — но в данную минуту многим людям совсем не весело. Мы ждали многие месяцы. Мы знали, что это должно произойти — это разоблачение.

Она замолчала, а потом добавила:

— Почему бы и нет? Ведь Бастер — один из нас.

— Он андроид, — объяснила Имгард, — и никто об этом не знает, то есть ни один человек.

Прис отрезала ножницами еще одну ногу пауку. Неожиданно Джон Исидор оттолкнул ее в сторону и осторожно взял искалеченного паука. Он отнес его к раковине и утопил его, Исидор потопил свою надежду на счастье так же быстро, как утонул паук.

— Он действительно расстроен, — заметила Имгард нервно. — Отчего вы так смотрите, Джон? Отчего вы молчите?

Она повернулась к Прис и мужу.

— Нет, когда он так просто стоит рядом с раковиной и молчит, меня это выводит из себя. Он не сказал ни слова с того момента, как включил телевизор.

— Дело не в телевизоре, — поняла Прис, — а в пауке. Не так ли, Исидор? Ничего, он преодолет депрессию.

Имгард направилась в гостиную, чтобы выключить телевизор.

Рассматривая Исидора с легким любопытством, Рой Бейти сказал:

— Все уже позади, Ис. Для Сострадающего то есть.

Он выудил ногтями труп паука из раковины.

— Возможно, это был последний паук на Земле, последний живущий на Земле паук.

Он задумался.

— Значит, для пауков тоже все кончено.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — объяснил Исидор.

Он достал из кухонного шкафа чашку и некоторое время — как долго, он не знал, — стоял, держа ее в руке. Потом он обратился к Рою Бейти:

— Значит, небо позади Сострадающего не настоящее, нарисованное?

— Ты видел увеличенный кадр на экране? — спросил Рой. — Ты видел мазки краски?

— Сострадание не погибло, — утвердительно произнес Исидор.

С тремя андроидами что-то было не в порядке, что-то с ними случилось ужасное. «Паук, — подумал Исидор. — Возможно, как определил Рой Бейти, это был последний паук на Земле. Теперь паука больше нет и Сострадающего нет». Пыль и мусор его квартиры, как показалось Исидору, покрыли вдруг всю Землю.

Он словно слышал, как мусор наступает на человека, как деформируются все формы жизни, как отступает порядок. Деформация жизни нарастала, пока он стоял с фарфоровой чашкой в руке.

Кухонные шкафы заскрипели и пошли трещинами, и Исидор почувствовал, как подается под его ногами пол.

Он протянул руку и тронул стену, поверхность стены тоже сдвинулась. Частицы серой штукатурки посыпались на пол, словно радиоактивная пыль, оседавшая на Землю с неба. Джон сел за стол, и ножи стола, словно прогнившие трубы, подкосились точно так же, как и ножи стула.

Он быстро вскочил и попытался выправить ножи, привести их в первоначальное состояние. Стул рассыпался в его руках, на пол посыпались шурупы. Исидор увидел, что поставленная на стол фарфоровая чашка треснула, покрывшись паутиной тонких трещин, а потом от стенки кухни отскочил кусочек, обнажая грубую белую неглазурованную поверхность.

— Что он делает? — донесся издали голос Имгард Бейти. — Он разрушает все вокруг! Исидор, стойте...

— Это не я, — объяснил он.

Нетвердыми шагами он вышел в гостиную, чтобы остаться наедине с самим собой. Он остановился у сломанной кушетки и уставился на желтую стену в пятнах, оставленных от ползавших здесь когда-то клопов. Исидор снова вспомнил о мертвом пауке с четырьмя оставшимися лапками. Он понял, что все пришло в негодность, все начало разрушаться очень давно, и теперь упадка не остановить. Мертвый паук победил.

В провалах, образовавшихся в просевшем полу, показались части тел мертвых животных: голова вороны, мумифицировавшиеся руки, которые когда-то были руками обезьяны. Неподалеку находился ослик, не двигаясь, но внешне словно живой. Он еще не начал разлагаться. Исидор направился в ту сторону, ощущая, как хрустят под ногами хрупкие, будто высохшие стебли растений, кости мертвых животных. Но не успел он добраться до ослика, любимого им животного, как иссиня-черный ворон слетел откуда-то сверху, устроившись прямо на беззащитной голове ослика.

— Не надо! — громко воскликнул Исидор.

Но ворон быстро выклевал ослику глаза. «Опять, — подумал Исидор. — И это снова произошло со мной. Я еще долго не выберусь отсюда. Это всегда бывает долго, потому что здесь, внизу, ничего не меняется и даже не разлагается».

Зашелестел ветер, кучи костей, окруживших Исидора, начали рассыпаться. «Даже ветер способен разрушить их, — подумал Исидор, — пока еще не пришло другое время. Если бы я вспомнил, как мне отсюда выбраться...» Подняв голову, он увидел, что ухватиться ему не за что.

«Сострадающий, — подумал Исидор, — где ты? Это могильный мир, и я снова здесь, но на этот раз тебя нет со мной».

Что-то ползло на него. Он наклонился, всматриваясь, и обнаружил искаленного паука, толчками передвигавшегося на четырех оставшихся лапах. Исидор поднял его и положил на ладони. «Кости, — подумал он, — превращаются снова в плоть, паук ожил. Сострадающий, вероятно, где-то здесь».

Снова подул ветер, ломая оставшиеся кости, но Исидор чувствовал присутствие Сострадающего. «Приди же, — позвал он его, — поползи по моей ноге или найди другой путь прийти ко мне, Сострадающий». Затем он громко сказал:

— Сострадающий!

По всей равнине наступали сумерки, ввинчиваясь в щели руин, оплетая разрушенные стены, пока не превращались в семена. Семена лопались,

посылая вперед новые стебли, покрывая собой осколки стали и обломки бетона на том месте, где раньше были стены.

Когда исчезли, осталась пустота. Все вокруг оказалось покореженным, опустошенным, кроме невзрачной, хрупкой фигуры Сострадающего. Старик стоял перед Исидором с безмятежным выражением на лице.

— Небо действительно было нарисовано? — спросил Исидор. — Под увеличением были видны следы краски?

— Да, — подтвердил Сострадающий.

— Я их не вижу.

— Ты стоишь слишком близко, — объяснил Сострадающий. — Нужно уйти подальше, к андроидам. У них лучшая перспектива.

— Поэтому они утверждают, что ты — подделка?

— Я — подделка, — согласился Сострадающий. — Они говорят правду, с их точки зрения. Они все добросовестно исследовали. Я, с их точки зрения, всего лишь престарелый отставной актер Ал Джарри. Все их разоблачение совершенно верно. Они взяли у меня интервью, и я рассказал им то, что они хотели знать. Всю правду.

— Даже насчет виски?

Сострадающий улыбнулся.

— Они хорошо поработали. На их взгляд, разоблачение Бастера Дружби выглядит убедительно. Им было трудно понять, почему же тогда ничего не изменилось, почему же тогда ты все еще здесь и я с тобой.

Описав рукой полукруг, Сострадающий указал на опустошенные холмы.

— Я поднял тебя из могильного мира и буду поднимать до тех пор, пока ты не отпустишь. Но тебе придется перестать искать меня, потому что я никогда не перестану искать тебя.

— Мне не понравилось насчет виски, — сказал Исидор. — Это унижительно.

— Это потому, что ты высокоморальный человек, а я нет. Я не берусь судить даже себя.

Сострадающий протянул руку вперед ладонью вверх.

— Чтобы не забыть... Это для тебя.

На его ладони покоился искалеченный паук. Но теперь все его восемь ног были в целости.

— Спасибо.

Исидор взял паука.

Он хотел что-то еще объяснить...

Зазвенел сигнал аварийной сигнализации.

— В доме охотник! — гаркнул Рой Бейти. — Выключить все лампы! Оттащите его от генератора эмпатии — он должен стоять наготове у двери. Скорей... Тащите его!

Девятнадцать

Опустив глаза, Джон Исидор увидел собственные руки. Он сжимал рукоятки генератора эмпатии. Пока он непонимающе смотрел на них, комната погрузилась во тьму. Исидор увидел, как Прис метнулась к настольной лампе на кухне, чтобы выключить ее.

— Послушайте, Джон, — хрипло прошептала она ему в ухо.

Имгард стояла рядом. Она схватила его за плечо, да так сильно, что казалось, она не сознавала, что делает. В смутном свете, падающем на окна, стало видно, что лицо Имгард искажилось, стало асимметричным, плоским, как тарелка, и жалким, как у труса.

— Ты должен подойти к двери, — прошипела она, — когда он постучит, если только он станет стучать. Ты покажешь ему свои документы и скажешь, что в этой квартире больше никого нет, и потребуешь ордер на обыск.

Прис, стоявшая с другой стороны от Исидора, тихо проговорила:

— Не позволяй ему войти.

Тело ее судорожно изогнулось.

— Сделай, что угодно, скажи, что угодно, только останови его. Ты понимаешь, что делает охотник, если прорвется сюда? Ты понимаешь, что он сделает с нами?

Отодвинувшись от двух андроидов-женщин, Исидор ощупью добрался до двери.

Пальцы его нащупали ручку, и он остановился, прислушиваясь. Он чувствовал, что холл за дверью оставался таким же, каким был всегда: пустым, гулким и безжизненным.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил Рой Бейти.

Он нагнулся к Исидору. Исидор чувствовал резкий неприятный запах страха, который словно изливался из Бейти, образуя нечто вроде дымки.

— Выйди и посмотри.

Открыв дверь, Исидор поглядел в оба конца сумрачного холла. На лестнице воздух казался свежим, несмотря на пыль. Исидор все еще держал в руке паука, которого ему дал Сострадающий.

Был ли это действительно тот же паук, которому Прис отрезала ноги маникюрными ножницами? Возможно, нет. Исидор никогда не узнает правды. Но, в любом случае, это был живой паук. Он ползал внутри его сжатого кулака и не кусал Исидора.

Как и у большинства маленьких пауков, его жало было не в состоянии прокусить кожу руки.

Джон Исидор достиг конца холла, опустился по ступенькам и вышел наружу, туда, где раньше находилась терраса-балкон с садом. Сад исчез во время войны, а балкон треснул в тысяче мест, но Исидор знал безопасный маршрут и миновал часть фасада здания, подойдя к единственному клочку зелени в округе — квадратному яруду засыхавших, прибитых пылью сорняков.

Здесь он выпустил паука. Исидору стало щекотно, когда паук сполз с ладони.

Итак, с этим покончено. Исидор выпрямился.

Вспыхнул луч фонарика и осветил сорняки. В свете луча их стебли приобрели зловещий вид. Теперь Исидор увидел паука — тот отдыхал на листке.

— Что вы делаете? — спросил человек, которому принадлежал фонарик.

— Выпускаю паука, — ответил Исидор.

Он удивился. Разве человек сам не видит? В свете желтого луча паук казался крупнее, чем на самом деле.

— Чтобы он мог убеждать, — пояснил Дж. Исидор.

— Почему бы не забрать его с собой и не посадить в банку? По январскому выпуску Сидни почти все виды пауков подскочили в цене на десять процентов — в розничной торговле. Вы могли бы получить за него сотню с чем-то долларов.

— Если я отнесу его обратно, — объяснил Исидор, — она его разрежет на части кусочек за кусочком, чтобы посмотреть, что он станет потом делать.

— Это андроиды так поступают, — подтвердил мужчина.

Он сунул руку в карман плаща, достал что-то и протянул Исидору.

В неверном свете фонарика охотник казался обыкновенным человеком, совсем не страшным. У него было круглое бритое лицо, правильные ординарные черты. Он походил на обыкновенного клерка в какой-либо фирме. Держался он свободно и вовсе не казался полубогом. Словом, он был совсем не такой, каким представлял его себе Исидор.

— Я следователь департамента полиции Сан-Франциско Рик Декард.

Мужчина захлопнул свое удостоверение и сунул его обратно в карман.

— Они там, наверху? Все трое?

— Понимаете, дело в том, — сказал Исидор, — что я помогаю. Двое из них женщины. Они последние, остальные члены их группы погибли. Я принес телевизор из комнаты Прис, чтобы они могли смотреть Бастера Дружби. Дружби доказал, вне всяких сомнений, что Сострадающий не существует.

Исидор был возбужден: ведь ему была известна такая великая новость, а охотник наверняка ее еще не слышал.

— Пойдем наверх, — предложил Декард.

Внезапно он направил на Исидора ствол лазерной трубки, потом решительно отвел ее в сторону.

— Ты ведь спецнал, не так ли? — спросил он. — Недоумок?

— Но у меня есть работа. Я вожу фургон.

Он с ужасом обнаружил, что забыл название ветеринарной больницы.

— Больницы Ван Несса, — добавил он, — которой владеет Ганнибал Слоут.

— Вы мне покажете, в какой они квартире? — поинтересовался Декард. — Здесь более тысячи квартир. Вы бы берегли мне массу времени.

Голос его был тихим от усталости.

— Если вы их убьете, то больше никогда не сможете сливаться с Сострадающим, — предупредил Исидор.

— Значит, не покажете? На каком этаже? Назовите только этаж. Я сам разберусь, в какой именно они квартире.

— Нет, — сказал Исидор.

— По Государственному и федеральному законодательству... — начал Рик.

Потом он замолчал. Он решил не продолжать допроса.

— Спокойной ночи, — проговорил он.

Рик ушел вверх по ступеням. Фонарик его желтел бледным светом.

Оказавшись внутри дома, Рик Декард выключил фонарик. В свете редких лампочек на потолке он двинулся по холлу, размышляя: «Недоумок понимает, что они андроиды. Он знал до того, как я ему объяснил, но он не понимает всего. С другой стороны, кто действительно понимает? Я? Понимаю ли я? И один из них будет копией Рейчел. Возможно, с ней

спал спецнал. Интересно, как ему это понравилось? Возможно, это был как раз тот андроид, который, как боялся спецнал, хотел бы покалечить его паука. Я мог бы вернуться и забрать паука. Я никогда еще не находил настоящего дикого животного. Должно быть, это фантастическое ощущение — смотреть и видеть что-то движущееся. Быть может, когда-нибудь это случится и со мной, как случилось с ним».

Он взял с собой подслушивающее оборудование. Теперь он установил его на полу — вращающееся тупорылое устройство с блиц-экраном. Экран ничего не показывал. «Не на этом этаже», — подумал Рик. Он переключил детектор на вертикальный поиск. По вертикальной оси тупая морда детектора приняла слабый сигнал. Наверх.

Рик собрал прибор, взял чемоданчик и взобрался по лестнице на соседний этаж.

В тени таилась фигура, ожидавшая его появления.

— Если ты шевельнешься, я тебя отправлю на покой, — сказал Рик.

Это был андроид-мужчина, и он ждал его, Рика. Лазерная трубка вдруг стала такой тяжелой, что он не смог бы поднять ее и прицелиться. Рик был застигнут врасплох. Слишком рано он их нашел.

— Я не андроид, — объяснил человек в тени. — Меня зовут Сострадающий.

Он вышел в освещенную зону.

— Я обитаю в этом доме из-за мистера Исидора, спецнала, у которого был паук. Вы коротко побеседовали с ним там, снаружи.

— Разве я теперь вне сострадания? — заинтересовался Рик. — Из-за того, что я должен буду сделать в ближайшие минуты.

— Мистер Исидор говорил от своего имени, а не от моего, — сказал Сострадающий. — Вы делаете то, что должно быть сделано, как я уже говорил.

Подняв руку, он показал на лестничную площадку за спиной Рика.

— Я пришел сюда, чтобы вас предупредить. Один из них притаился за вашей спиной, а не в квартире. Это самый трудный андроид из троих, и вы должны устранить его первым.

Усталый древний голос вдруг обрел неожиданный пыл.

— Быстрее, мистер Декард. НА СТУПЕНЬКАХ!

Выставив перед собой лазерную трубку, Рик развернулся на полусогнутых ногах, оказавшись лицом к лестничному пролету.

Вниз по ступенькам плавно спускалась женщина, и Рик ее знал. Он узнал ее и опустил лазер.

— Рейчел, — позвал он.

Рик был поражен.

Неужели она в своем аэрокаре последовала за ним и выследила его до этого места. Но зачем?

— Возвращаясь в Сизтл, — приказал он. — Оставь меня в покое. Сострадающий объяснил, что я должен это сделать.

Потом он понял, что это все же не Рейчел.

— Ради всего, что мы значили друг для друга, — обратился к нему андроид.

Анди приближался к Риду, протягивал руки, словно для того, чтобы в него вцепиться. «Одежда другая, — подумал Рик, — но глаза те же самые. И она не одна такая, их может быть целый легион. У каждой свое имя,

но все, как две капли воды, схожи с Рейчел Розен. Рейчел — образец, используемый кампанией для производства остальных копий». Когда андроид бросился к нему, он выстрелил в нее почти с жалостью. Андроид словно лопнул, и во все стороны полетели куски. Рик закрыл лицо и голову руками, потом снова открыл глаза и увидел, как покатилась по ступеням лазерная трубка андроида. Металлический цилиндр, подпрыгивая, падал со ступеньки на ступеньку. Звук становился все слабее и слабее.

«Самый трудный из трех», — сказал Сострадающий. Рик оглянулся по сторонам, всматриваясь, не стоит ли где-либо Сострадающий, но старик исчез.

«Они могут преследовать меня с помощью Рейчел Розен до тех пор, пока я не умру, или эта модель не устареет морально. Интересно, — подумал Рик, — что произойдет раньше? Теперь остальные два. Как сказал Сострадающий, один был вне квартиры. Ведь Сострадающий оберегает меня, он возник и помог мне. Она... оно прикончило бы меня, если бы не Сострадающий. С остальными я теперь справлюсь. Самое невозможное позади. Она знала, что я не смогу это сделать, но я смог, и все теперь позади. Я сделал то, о чем и помышлять не мог. Бейти я тоже смогу выследить. С ними будет трудно, но я справлюсь теперь».

Он стоял один в пустом холле.

Сострадающий его покинул, потому что исполнил то, зачем явился. Рейчел, вернее, Прис Страттон, лежала на ступеньке, разорванная на куски.

Рик остался один, но где-то в здании, в одной из квартир, его ждали супруги Бейти. Они понимали, что он уже здесь. Возможно, они испугались. Все, что только что произошло, это реакция на его появление в здании, их попытка спастись. Если бы не Сострадающий, она бы удалась. теперь для них пришел конец.

Рик понял, что нужно покончить со всеми быстро. Он побежал вдоль холла, и детектор тут же отметил наличие цефалической активности. Значит, он нашел нужную квартиру. Теперь детектор был ему ни к чему. Рик отбросил чемоданчик и забарабанил в дверь.

Из-за двери ответил мужской голос.

— Кто там?

— Это мистер Исидор, — проговорил Рик. — Пустите меня, потому что я вам помогаю, и двое из вас — женщины.

— Мы не откроем дверь, — послышался женский голос.

— Я хочу посмотреть Бастера Дружби по телевизору Прис, — прокричал он. — Теперь, когда он доказал, что Сострадающего не существует, очень важно всегда смотреть его передачи. Я вожу фургон в ветеринарной лечебнице Ван Несса, которой владеет мистер Ганнибал Слоут.

Рик начал имитировать заикание Исидора.

— Это моя квартира.

ОН подождал, и дверь приоткрылась.

Внутри было темно, но два силуэта смутно вырисовывались.

Одна фигура, пониже ростом, сказала женским голосом:

— Вы должны сначала провести тесты.

— Слишком поздно, — обронил Рик.

Высокая фигура попыталась закрыть дверь силой, одновременно включив какое-то электронное устройство.

— Нет, — сказал Рик, — я должен войти.

Он позволил Рою Бейти выстрелить один раз. Лазерный луч прошел мимо Рика.

— Теперь вы потеряли законное право на тест, — объяснил Рик. — Вы первым выстрелили в меня. Сначала вам нужно было заставить меня провести тест. Но теперь это уже не имеет значения.

Рой Бейти снова выстрелил, но опять промахнулся. Он бросил трубку лазера и побежал куда-то в глубину темной квартиры, в другую комнату, возможно, к другому электронному аппарату.

— Почему Прис не убила вас? — задала вопрос миссис Бейти.

— Прис не существует, — ответил Рик. — Есть только Рейчел Розен, ее воспроизведут снова и снова.

В смутно видимой руке ее Рик заметил блеск лазерной трубки.

Ее незаметно передал Рой Бейти, намереваясь заманить Рика в квартиру, чтобы прикончить его сзади, в спину.

— Простите, миссис Бейти, — извинился Рик.

Он застрелил ее.

В бессильной ярости Рой Бейти завопил в другой комнате.

— Ладно, ты любил ее, а я любил Рейчел, а специал любил Прис, другую Рейчел.

Он застрелил Роя. Большое мужское тело тяжело опрокинулось, падаясь на части. Они упали на кухонный столик и рухнули на пол вместе с тарелками и прочей утварью. Рефлексные контуры заставили труп несколько раз дернуться, но андроид был уже мертв.

Рик не обращал больше на него внимания. Он вдруг осознал, что закончил с последним. «Шесть за один день. Почти рекорд. Теперь все кончилось, и я могу пойти домой, к моей Ирен и моей козе. На некоторое время у нас теперь будет достаточно денег».

Он присел на кушетку. И через некоторое время в дверях показался мистер Джон Исидор, специал.

— Лучше не смотрите, — предупредил Рик.

— Я видел там, на лестнице, Прис, — специал заплакал.

— Не принимайте это близко к сердцу, — попросил Рик.

Он с трудом поднялся с кушетки, голова его шла кругом.

— Где у вас видеофон?

Специал ничего не сказал, он просто стоял молча. Рик сам отыскал видеофон и набрал номер кабинета Гарри Брайанта.

Двадцать

— Отлично, — сказал Гарри Брайант, когда ему было доложено. — Теперь следует отдохнуть. За телами андроидов мы вышлем патрульный кар.

Рик Декард повесил трубку.

— Андроиды тупы, — объяснил он с яростью специалисту. — Рой Бейти не мог отличить меня от вас, поэтому он и открыл дверь. Полиция все здесь уберет. Может, вам лучше перейти в другую квартиру, пока они закончат? Едва ли вам приятно будет оставаться тут...

— Я уезжаю отсюда, — проговорил Исидор. — Я хочу жить ближе к центру, где больше людей.

— Я думаю, что в моем жилом блоке найдутся свободные квартиры, — предложил Рик.

— Я не хочу жить с вами рядом, — выдавил, заикаясь, Исидор.

— Выйдите в холл, — выкрикнул Рик, — или на крышу. Не оставайтесь здесь.

Специал тянул, не зная, что делать.

Лицо его отразило целую гамму чувств.

Потом, повернувшись, он покинул квартиру, оставив Рика в одиночестве.

«Что за работа! — думал Рик. — Я — наказание, посланное небом, как голод или чума. Куда бы я не направлялся, за мной следует древнее проклятье. Как сказал Сострадающий, мне приходится делать плохие дела. Все, что я делал, с самого начала было плохо и неправильно. Что ж, в любом случае теперь пора отправляться домой. Возможно, там, с Ирен, я смогу забыться».

Когда он вернулся домой, на крыше их блока его встретила Ирен. Она выглядела странно, необычно. За все годы супружества он еще не видел ее такой.

Обняв ее за плечи одной рукой, он сказал:

— Все уже позади, и я подумал, что Гарри Брайант мог бы перевести меня...

— Рик, — сказала она, — я должна тебе что-то сказать. Мне очень жалко, но наша коза погибла.

Почему-то он даже не удивился, только почувствовал себя хуже.

— Кажется, в контракте есть пункт о гарантии, — вспомнил он. — Если в течение девяноста дней животное...

— Она не заболела. Кто-то...

Ирен откашлялась и хрипло продолжала:

— Кто-то проник сюда, вывел козу из клетки и подтащил к краю крыши.

— И столкнул вниз? — спросил он.

— Да.

Ирен кивнула.

— Ты видела, кто это сделал?

— Да, я ее очень хорошо рассмотрела. Барбур в этот момент все еще возился со своей лошастью. Он позвал меня. Мы вызвали полицию, но к тому моменту коза уже умерла, а она улетела. Невысокая, очень молодая девушка с темными волосами и большими черными глазами, очень тонкая, в длинном чешуйчатом серебряном плаще. У нее была сумка через плечо, вроде почтовой. Она даже не старалась скрыться от нас, словно ей было все равно.

— Да, ей было все равно, — объяснил Рик. — Рейчел было наплевать, увидишь ты ее или нет. Возможно, она даже хотела, чтобы ты ее увидела и чтобы я знал, кто это сделал.

Он поцеловал жену.

— Ты все это время ждала меня здесь, наверно?

— Всего полчаса. Это как раз и случилось полчаса назад.

Ирен нежно вернула поцелуй.

— Как это ужасно и бессмысленно.

Он повернулся к своему кару, открыл дверцу и сел за руль.

— В этом есть смысл, — сказал он. — У нее была причина, она так считала.

«Так считал андроид», — подумал Рик.

— Куда ты? Разве ты не пойдешь со мной домой? Только что по телевизору Бастер Дружби сделал просто шокирующее заявление. Он утверждает, что Сострадающий — надувательство. Что ты об этом думаешь, Рик? Это правда?

— Все правда, — подтвердил он. — Все, что кто-то когда-то придумал. Он резко повернул ключ зажигания.

— С тобой все будет в порядке?

— Со мной все будет в порядке, — улыбнулся Рик.

Он подумал: «И я умру. Оба утверждения верны». Он захлопнул дверцу, помахал рукой Ирен и умчался в ночное небо.

«Когда-то я бы увидел звезды. Но это могло случиться только много лет назад. Сейчас пыль — никто давно не видел звезд, во всяком случае, не с Земли. Быть может, я отправляюсь туда, где видны звезды». Кар набрал скорость и высоту. Он направился в сторону от Сан-Франциско, к необитаемым пустынным районам на севере, куда не полетело бы ни одно живое существо, если только оно не чувствовало, что ему пришел конец.

Двадцать один

В свете раннего утра перед ним, насколько хватало глаз, простиралась бесплодная серая равнина. Валуны величиной с дом накатились друг на друга и так и замерли. «Это похоже на склад, — подумал Рик, — когда весь груз уже отправлен и остались лишь пустые упаковки, ящики, контейнеры, сами по себе ничего не значащие. Когда-то здесь были поля, паслись животные. Да, какая замечательная мысль — когда-то здесь паслись животные. Какое странное место для того, чтобы умереть».

Он опустил кар ниже и некоторое время медленно летел над самой землей.

«Что бы сказал обо мне в этот момент Хейв Холден? В каком-то смысле я сейчас величайший из охотников за андроидами за всю историю нашей профессии. Еще никому не удавалось отправить на покой шесть андроидов типа «Узел-6» в течение двадцати четырех часов, и никто, вероятно, не сможет повторить такое достижение. Нужно вызвать Хейва».

Впереди он увидел покрытый пылью и камнями склон холма. Рик взял руль на себя, когда земля угрожающе приблизилась. «Усталость, — подумал он. — Не стоило так много летать». Он выключил зажигание, некоторое время планировал, потом посадил аэрокар. Подпрыгивая среди камней, кар наконец замер. Заскрежетало шасси.

Подняв трубку видеофона, Рик набрал номер оператора связи в Сан-Франциско.

— Дайте мне госпиталь в Маунт Сион, — попросил он.

На экране возникла новая телефонистка.

— Госпиталь Маунт Сион.

— У вас есть больная по имени Хейв Холден, — сказал Рик. — Могу ли я поговорить с ним? Он хорошо себя чувствует?

— Минуту, сэр, я проверю.

Экран потемнел. Рик вдохнул еще одну щепотку специальной нюхательной смеси доктора Джонсона. Ментол с утра имел отвратительный привкус. Рик опустил окно кара и выбросил на кучу битой гальки маленькую желтую жестянку с порошком.

— Нет, сэр, — ответила оператор, снова появляясь на экране. — Доктор Коста считает, что состояние мистера Холдена не позволяет ему разговаривать по телефону даже в случаях срочных и чрезвычайных....

— Это дело касается управления полиции, — объяснил Рик.

Он поднес к экрану карточку удостоверения.

— Одну минуту, сэр.

Оператор снова исчезла. Время шло.

Рик зябко повел плечами. Без нагревателя температура в кабине начала падать.

— Доктор Коста говорит, что мистер Холден не может...

— Ладно, — Рик повесил трубку.

Воздух тоже пах чем-то отвратительным. Рик поднял стекло. «Хейв действительно вышел из игры, — решил он. — Как это они не прикончили меня? Потому что я действовал быстро. Все за один день. Они этого не ожидали. Гарри Брайант был прав, прав».

В кабине кара стало слишком холодно.

Он открыл дверцу и вышел наружу. Нездоровый, неожиданный ветер просочился сквозь одежду, и Рик принялся шагать, потирая руки.

«Но было бы лестно, если бы Хейв похвалил меня, — осознал Рик. — Он бы поддержал меня, одобрил мои действия. Но он бы понял и другое, то, чего не понимает, как мне кажется, даже Сострадающий. Для Сострадающего все легко, потому что он принимает все, как есть. Ему ничто не чуждо. Но то, что сделал я, — это становится тяжело даже для меня самого. Собственно, я весь превратился в ложь. Мое «я» превратилось в неестественное «Я».

Он шел дальше и дальше вверх по склону холма, и с каждым шагом давивший его груз увеличивался. «Я слишком устал, — думал он, — чтобы карабкаться на холм».

Остановившись, он стер стекавший на глаза пот, соленые слезы, которые, казалось, лились из всего его тела. Потом, рассердившись на себя, он плюнул и с яростью и презрением к самому себе, плюнул на голую землю, после чего возобновил трудное восхождение на склон. Здесь жил только он, и больше не было ничего живого.

Жара. Неожиданно он почувствовал, что стало жарко. Очевидно, прошло уже много времени. И еще он ощущал голод. Рик уже бог знает сколько времени не ел. Жара и голод объединились в ядовитое ощущение, напоминавшее поражение. «Да, — решил он, — так оно и есть. Каким-то образом я потерпел поражение. Потому что убивал андроидов? Или потому, что Рейчел убила мою козу?» Он не знал ответа. Но по мере того, как он продвигался вперед, смутная дымка окутала его сознание. Он вдруг обнаружил, не представляя даже, как это могло получиться, что всего шаг отделяет его от падения в пропасть. «Беспомощное и унижительное падение, — подумал он, — вниз и вниз, и никто бы меня не увидел».

Здесь не было никого, кто мог бы понять всю глубину его деградации. И мужество его, и отвага тоже остались бы незамеченными. Мертвые кам-

ни, покрытые пылью сорняки, сухие и умирающие, ничего не чувствовали, да и не могли почувствовать.

В это мгновение первый камень — и он был не из резины или мягкого пенопласта — ударил его в пах. И тогда боль, осознание им своего одиночества и страдания коснулись Рика во всей своей неприкрытой жестокости.

Он остановился, потом, испытыв нешуточное внутреннее усилие, продолжил подъем. «Я качусь вверх, как камни. Я, как камень, двигаюсь без участия собственной воли, но только вверх, и это само по себе ничего не значит».

— Сострадающий! — выдал он.

Рик задыхался. Потом он остановился и замер. Впереди он увидел неподвижную смутную фигуру.

— Вилбур Сострадающий! Это ты?

«Боже, — понял он вдруг, — это моя тень. Мне нужно выбраться отсюда».

Рик начал спускаться. Один раз он упал. Облако пыли затянуло все вокруг, и он бросился бежать от этой пыли все быстрее и быстрее, спотыкаясь на ненадежной скользящей гальке. Впереди он увидел свой кар.

— Я вернулся, — успокаивал себя он. — Я спустился с холма.

Рик отворил дверцу и втиснулся в кабину. «Кто же бросил в меня камень? Но почему это меня беспокоит? Со мной уже случалось подобное во время слияний, когда я пользовался генератором эмпатии. Ничего нового. Ничего? Но ведь на этот раз, — подумал он, — я был один».

Вздрагивая, он извлек из отделения для перчаток новую баночку нюхательной смеси. Сняв предохранительную ленту, Рик взял большую щепоть порошка.

Он отдыхал, сидя в каре и спустив ноги наполовину наружу. Ноги его стояли на пыльной высохшей земле. «Не стоило соваться сюда», — решил он. Вдруг он почувствовал, что слишком устал, чтобы лететь домой.

«Если бы я только мог поговорить с Хейвом, со мной все было бы в порядке. Я смог бы выбраться отсюда, вернуться домой и лечь в постель. У меня по-прежнему есть моя электрическая овца и моя работа. Будут новые андроиды, которых необходимо отправлять на покой. Моя работа не закончена, я еще не устранил последнего анди на Земле. Возможно, в этом все дело, — подумал он. — Я боюсь, что их больше не осталось».

Рик посмотрел на часы. Было девять тридцать.

Сняв трубку видефона, он набрал номер Зала Правосудия.

— Мне нужно переговорить с инспектором Брайантом, — сообщил он телефонистке управления, мисс Уайлд.

— Инспектор вылетел в своем каре, но я не могу получить от него ответ. Вероятно, он временно покинул машину.

— Он не сказал, куда направляется?

— Что-то насчет андроидов, которых вы отправили «на покой» прошлой ночью.

— Дайте мне моего секретаря, — попросил Рик.

Секунду спустя на экране возникла Эни Марсетен.

— О, мистер Декард, инспектор Брайант пытался вас найти. Кажется, он собирается внести вас в списки отличившихся, поскольку вы устранили...

— Я знаю, что я сделал, — прервал ее Рик.

— До сих пор это никому не удавалось. Да, мистер Декард, еще звонила ваша жена. Она спрашивала, все ли с вами в порядке. У вас все в порядке?

Он ничего не ответил.

— Во всяком случае, — рассудительно заметила мисс Марсетен, — вам следует ей позвонить. Она просила передать, что будет ждать вас дома.

— Вы слышали, что случилось с моей козой?

— Нет, я даже не знала, что у вас есть коза.

— Они забрали мою козу. — объяснил Рик.

— Кто? Похитители животных? Мы только что получили донесение. Новая крупная банда, преимущественно подростки, действует в...

— Похитители жизни, — прервал ее Рик.

— Я не понимаю вас, мистер Декард.

Мисс Марсетен внимательно смотрела на него.

— Мистер Декард, у вас ужасный вид, такой усталый. Боже мой, у вас кровь течет!

Подняв руку, Рик увидел кровь. Вероятно, в него попал не один камень.

— У вас вид, как у Вилбура Сострадающего.

— Да, — согласился он, — я Вилбур Сострадающий. Я навсегда соединился с ним и не могу отсоединиться, сижу здесь и жду, когда отсоединюсь. Где-то у границы Орегона.

— Выслать патрульный кар, чтобы он подобрал вас?

— Нет, — сказал он, — я больше в управлении не работаю.

— Мистер Декард, вы вчера очень переутомились, — мягко заметила секретарь. — Сейчас вам необходимо лечь в постель и отдохнуть. Вы наш лучший охотник, мистер Декард, самый лучший за все время в управлении. Я передам инспектору Брайанту, когда он придет, что вы отправились домой отдохнуть. И немедленно позвоните жене, мистер Декард. Она ужасно волнуется, честное слово, вы оба в ужасном состоянии.

— Это из-за козы, — поведал он, — это не из-за андроидов. Рейчел ошиблась — мне было совсем не трудно устранить их. И спецнал тоже ошибся насчет того, что я больше не могу сливаться с Сострадающим. Прав был только сам Сострадающий.

— Вам бы лучше вернуться сюда, мистер Декард, ближе к людям. Там, в Орегоне, совершенная пустыня, правильно? Ведь вы совершенно один?

— Как странно, — проговорил Рик. — У меня была абсолютная, полная иллюзия, что я превратился в Сострадающего. И в меня швыряют камни. Но только это было совсем не то чувство, которое испытываешь, держа рукоятки генератора. Тогда ощущаешь себя рядом с Сострадающим, но на этот раз здесь никого, кроме меня, не было. Я был один.

— Теперь утверждают, что Сострадающий — надувательство.

— Нет, не надувательство, — сказал Рик. — В противном случае, сама реальность — надувательство.

«Холм, — подумал он, — пыль и эти камни, все совершенно разные».

— Я боюсь, — признался Рик, — что не могу остановиться, отсоединиться от Сострадающего. Стоит начать — и отступать уже поздно.

«Неужели мне снова придется карабкаться на холм, — подумал он. — Вечный подъем, как это делает Сострадающий, в ловушке вечности».

— До свидания, — попрощался он с секретарем.

Он намеревался дать отбой.

— Вы позвоните жене? Обещаете?

— Да.

Он кивнул.

— Спасибо, Энн.

Рик повесил трубку. «В кровать, отдохнуть, — решил Рик. — В последний раз я ложился в постель с Рейчел. Нарушение закона. Половые сношения с андроидом, что абсолютно запрещено законом здесь и в колониях тоже. Сейчас она, наверное, вернулась в Сизтл, в кампанию, к другим Розенам, настоящим и андроидам. Если бы я мог сделать с тобой то же, что ты сделала со мной! Но с андроидами это не получится, потому что им все равно. Если бы я убил тебя прошлой ночью, моя коза была бы сейчас жива. Вот когда я принял неправильное решение. Да, все началось именно с этого момента, когда я лег с тобой в постель. Но ты была права в одном отношении: я действительно изменился, но не так, как ты предполагала. Все получилось гораздо хуже, — осознал Рик. — И тем не менее мне все равно. Больше я уже не волнуюсь после того, что случилось со мной там, у вершины холма. Интересно, что бы произошло, если бы я стал подниматься и достиг бы вершины, потому что именно там, как нам кажется, умирает Сострадающий, там завершается его звездный цикл. Но, если я Сострадающий, то я никогда не умру, даже за тысячу лет. СОСТРАДАЮЩИЙ БЕССМЕРТЕН».

Он снова взял трубку, чтобы вызвать жену, и замер.

Двадцать два

Он положил трубку на место. Глаза его были устремлены в одну точку.

Что-то двигалось на серой пыльной земле — маленькое вздутие, холмик между двумя валунами. «Животное», — сказал Рик себе. Сердце его бешено забилося, когда он осознал, что произошло. «Я знаю, что это, — подумал он. — Я раньше видел их только на старых пленках в фильмах, которые показывают по правительственному каналу. Но они вымерли».

Рик быстро вытащил свой помятый экземпляр каталога Сидни и дрожащими пальцами принялся листать его.

«Жабы (буфониды) — все разновидности вымерли».

Они вымерли много лет назад, самые любимые Вилбуром Сострадающим существа, наряду с осликами. Но лягушек и жаб он любил больше всего.

Ему нужна была коробка. Он порывлся на заднем сиденье, но ничего не нашел.

Рик вышел из кара, заспешил к багажнику и открыл его. В картонном контейнере хранился запасной топливный насос от мотора. Рик вытряхнул насос, положил внутрь немного ветоши и начал медленно подкрадываться к жабам, не спуская с нее глаз.

Жаба абсолютно сливалась с окружающей пылью. Возможно, она эволюционировала, приспособливаясь к новому климату. Правда, это ей приходилось делать и раньше.

Если бы она не двигалась, он бы никогда ее не заметил, а ведь он сидел всего в двух ярдах от нее. Рик осознал, что происходит, когда находишь животное, которое считаешь вымершим. Это случается очень редко.

Он будет награжден почетным орденом — звездой ООН, и ему дадут премию, награду, достигающую миллиона долларов. И к тому же ему удалось найти самое дорогое для Сострадающего существо. «Боже! — подумал он. — Этого не может быть. Возможно, это воздействие радиации на мой мозг, и теперь я спецнал. Что-то со мной случилось, как с недоумком Исидором и его пауком. Со мной происходит то же, что произошло с ним. Это все устроил Сострадающий? Нет, это я. Это я нашел жабу, потому что смотрел глазами Сострадающего».

Он присел на корточки рядом с жабой. Она выкопала в пыли ямку для себя, загребая лапами, и над землей теперь виднелась только верхушка ее головы и глаза. Тем временем обмен веществ почти остановился, жаба погрузилась в транс. Глаза ее замерли. Жаба не ощущала его присутствия. В ужасе Рик решил, что она умерла, наверное, от жажды. Но ведь он видел, как она шевелилась.

Опустив картонную коробку, Рик начал осторожно сметать с жабы и вокруг нее пыль. Она, казалось, ничего не имела против. Конечно, она не осознавала его присутствия.

Когда Рик ее поднял, то ощутил прохладу ее тела. Тельце ее оказалось сморщившимся и сухим, но холодным, словно она никогда не видела солнца. Жаба заворчалась. Задними лапками она вяло попыталась освободиться, убежать. «Какая большая, — подумал Рик, — взрослая, опытная жаба, способная по-своему, выжить там, где мы выжить не можем. Где она находит здесь воду, чтобы отложить икру? Значит, вот что способен увидеть Сострадающий — жизнь там, где ее никто не видит, жизнь, тщательно замаскировавшуюся в труп не существующего мира. В самом пекле Вселенной Сострадающий способен различить неприметные искры жизни. Теперь я понимаю. И, посмотрев на мир глазами Сострадающего всего один раз, я уже не смогу остановиться. У моей жабы андроид не отрежет ногу, как они это сделали с пауком недоумка».

Рик положил аккуратно завязанную коробку на сиденье кара и сел за руль. «Я будто снова стал ребенком, — размышлял он. — Тяжесть, давящая усталость вдруг исчезли. Погодите, вот только Ирен узнает об этом». Он схватил трубку, начал набирать номер, но потом остановился. «Я сделаю ей сюрприз, — заключил он. — Всего тридцать или сорок минут, и я буду дома».

Он жизнерадостно запустил двигатель и секунду спустя свечой умчался в небо, направляясь в Сан-Франциско, лежащий в семи сотнях миль к югу.

Ирен Декард сидела рядом со своим стимулятором настроения Пенфилда, указательным пальцем касаясь циферблата настройки. Она ничего не набирала, она чувствовала себя слишком больной и

безразличной. Дорогу в будущее закрывало тяжкое препятствие, отсекая путь ко всем возможностям, которые это будущее могло содержать. «Если бы здесь был Рик, он заставил меня набрать «три», — подумала она, — и тогда мне бы самой захотелось набрать что-то важное, радостное или, может быть, «восемьсот восемьдесят восемь» — желание смотреть телевизор вне зависимости от передачи. А что сейчас по телевизору?» Потом Ирен стала думать, куда пропал Рик. Она надеялась, что, может, он уже летит домой. А может, и нет. Она чувствовала, что ее суставы и кости словно твердеют от старости.

В дверь постучали.

Отложив руководство по эксплуатации стимулятора Пенфилда, она вскочила, подумав, что теперь ей ничего не нужно набирать, что это Рик. Она подбежала к двери и широко ее распахнула.

— Привет, — сказал Рик.

Он стоял на пороге, щека у него была порезана, одежда измялась и была серой от пыли, даже рубашка пропиталась пылью.

Его руки, лицо — все было покрыто пылью, все, кроме глаз. Глаза его сияли, как у мальчика. Ирен подумала, что у него такой вид, словно он целый день играл на улице и вот теперь пришел домой отдохнуть, умыться и рассказать обо всех чудесах прошедшего дня.

— Как хорошо, что ты вернулся, — сказала она.

— Я что-то принес.

Рик двумя руками держал картонную коробку. Когда он вошел, то продолжал ее держать, будто в ней хранилось нечто хрупкое и очень ценное и ее нельзя было выпускать из рук.

— Я приготовлю тебе кофе, — предложила Ирен.

На плите в кухне она нажала нужную кнопку и минуту спустя поставила на стол объемистую кружку. Продолжая бережно держать коробку, Рик уселся. Лицо его сохранило удивленное выражение. За долгие годы совместной жизни Ирен не видела его таким.

Что-то произошло с тех пор, когда он улетел в неизвестном направлении. И вот он вернулся с коробкой.

Там, в коробке, видимо, находилось то, что поразило Рика.

— Я хочу спать, — объявил он, — целый день. Я звонил Гарри Брайанту, и он предложил мне взять день отдыха. Именно это я и собираюсь сделать.

Он осторожно поставил коробку и взял чашку, потом послушно — потому что так хотела Ирен — выпил кофе.

Сев напротив него, Ирен спросила:

— Что у тебя в коробке, Рик?

— Жаба.

— Можно я посмотрю?

Она глядела, как он снимает крышку и разматывает ветошь.

— Ой, — воскликнула она.

Увидев жабу, Ирен почему-то испугалась.

— А она не укусит?

— Возьми ее. Она не кусается. У жаб нет зубов.

Рик вытащил из коробки земноводное и протянул Ирен. Подавив отвращение, она взяла жабу.

— Я думала, что все жабы вымерли, — сказала она.

Она перевернула жабу животом вверх, с любопытством рассматривая ножки. Они казались ей почти бесполезными.

— А жабы могут прыгать, как лягушки? Она может выскочить у меня из руки?

— У жаб слабые лапы, — объяснил Рик. — Это главное различие между жабой и лягушкой. И вода. Лягушка держится возле воды, а жаба может жить в пустыне. Эту я нашел на границе Орегона, там, где все вымерло.

Он протянул руку, чтобы забрать у Ирен животное, но внимание Ирен что-то привлекло.

Продолжая держать жабу вверх ногами, она поковыряла пальцем ее живот и ногтем открыла миниатюрную контрольную панель.

— Да, все понятно.

Лицо Рика быстро начало мрачнеть.

— Ты права.

Совершенно ошарашенный, он посмотрел по сторонам, потом на искусственное животное. Он взял у Ирен жабу и потрогал ее за лапки, словно не знал, что делать дальше. Казалось, он все еще не мог поверить в то, что произошло, потом аккуратно положил электрожабу в коробку.

— Как же она попала в самую пустынную часть Калифорнии? Я не понимаю. Кто-то ее там оставил. Разве теперь узнаешь, зачем?

— Наверное, не нужно мне было тебе показывать, что она электрическая.

Ирен коснулась его руки. Она чувствовала свою вину, видя перемену, произошедшую с Риком.

— Нет, — сказал Рик, — я рад, что знаю правду.

Он помолчал.

— Да, я предпочитаю знать...

— Хочешь включить стимулятор, чтобы почувствовать себя лучше? Ты всегда больше получал от стимулятора, чем я.

— У меня все в норме.

Он покачал головой, словно пытаюсь собраться с мыслями.

— Паук, которого Сострадающий дал Исидору, недоумку, тоже, вероятно, был искусственный. Но это не важно. У электрических созданий тоже есть своя жизнь, какая бы жалкая она ни была.

— У тебя такой вид, словно ты прошел сотню миль, — проговорила Ирен.

— Трудный был день и длинный, — подтвердил Рик.

— Ложись в постель и отдохни.

Он посмотрел на нее, словно пораженный громом.

— Значит, все кончилось, да?

Он будто ждал, что она подтвердит это, словно она должна была знать точно, словно собственные слова его уже ничего не значили. Рик сомневался в собственных словах. Они стали реальными только тогда, когда она их повторила.

— Да, кончилось, — проговорила Ирен.

— Боже, не задание, а марафон, — сказал Рик. — Стоило начать — и остановиться не было никакой возможности. Меня несло вперед, пока я не покончил с Бейти, и вдруг совершенно неожиданно мне уже нечего делать. И это...

Он помолчал, явно удивленный тем, что собирался объяснить.

— Это было хуже всего. Закончив дело, я не мог остановиться, потому что, если бы я остановился, у меня уже ничего не осталось бы. Ты была права, когда объявила, что я всего лишь грубый дурак с кривыми руками.

— Я больше так не думаю, — прошептала Ирен. — Я просто страшно рада, что ты вернулся, вот и все.

Она поцеловала его, и он, казалось, был этому рад. Лицо ее осветилось почти такой же радостью, как у Рика, когда он принес жабу, до того, как Ирен обнаружила, что жаба электрическая.

— Ты думаешь, я поступил неправильно? — спросил он. — Я не должен был делать того, что сделал?

— Нет, не думаю.

— Сострадающий растолковывал мне, что это нехорошо, но я обязан это сделать. Совершенно сверхъестественное явление, иногда лучше сделать что-то неправильное, чем правильное.

— Это проклятие лежит на нас, — сказала Ирен. — То, о котором говорил Сострадающий.

— Пыль? — спросил Рик.

— Нет, убийцы, настигшие Сострадающего, когда ему было шестнадцать лет. Это они запретили ему поворачивать время вспять и возвращать мертвое к жизни. Теперь Сострадающий может лишь двигаться вместе с жизнью туда, куда движется и она. К смерти. А убийцы бросают камни, это они, да, все еще преследуют его. Всех нас, собственно. Это они поранили тебе щеку?

— Да, — слабо ответил Рик.

— Может, теперь ляжешь? Я поставлю стимулятор на «семьсот шестьдесят»?

— И что будет?

— Давно заслуженный покой, — объяснила Ирен.

Рик с трудом поднялся, с напряженным и неподвижным лицом. Он устал так, словно участвовал во всех кровавых битвах, гремевших во все столетия; потом Рик медленно пошел в спальню.

— Ладно, — согласился он, — давно заслуженный отдых.

Он вытянулся на кровати. С волос и одежды на белые простыни посыпалась пыль.

Ирен поняла, что включать стимулятор нет нужды. Она нажала на кнопку, и окна спальни стали непрозрачными, серый свет дня исчез.

Спустя минуту Рик уже спал.

Ирен некоторое время стояла рядом, пока не убедилась, что Рик не проснется и не сядет вдруг рывком, как это случалось иногда ночью, когда ему снилось что-то страшное. Потом она пошла на кухню и снова села за стол.

Рядом прыгала и шелестела внутри картонного ящика электрическая жаба. «А что она ест, — подумала Ирен, — и какие могут случиться с ней неполадки? Наверное, она ест искусственных мух».

Открыв телефонную книгу, она нашла подзаголовок «электроживотные», потом набрала номер и, когда ей ответили, спросила:

— Могу я заказать у вас фунт искусственных мух, которые могли бы по-настоящему летать и жужжать?

— Это для электрической черепахи, мэм?

— Для жабы.

— Тогда я хочу предложить вам разнообразный ассортимент ползающих и летающих насекомых всех типов, включая...

— Мух будет достаточно, — прервала Ирен. — Вы доставите? Я не собираюсь выходить из дома. Мой муж спит, и я хочу, чтобы он как следует отдохнул.

— Для жабы я порекомендовал бы также и лужицу с автоматическим наполнением, — продолжал продавец. — Если только это не рогатая жаба. В данном случае мы могли бы предложить набор из песка, разноцветной гальки и частиц органического мусора. Если вы собираетесь регулярно проводить цикл питания, то наш отдел выполняет работы по регулировке языка. Для жабы это жизненно необходимо.

— Прекрасно, — согласилась Ирен. — Я бы хотела, чтобы наша жаба работала идеально. Мой муж очень к ней привязан.

Она дала адрес и повесила трубку.

Сразу почувствовав себя лучше, она приготовила себе наконец чашку горячего черного кофе.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛНЕЧНАЯ ЛОТЕРЕЯ	3
ЧЕЛОВЕК В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ	127
МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ	303

Литературно-художественное издание

Филип Дик

**МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ
ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ**

Фантастические романы

Ответственный редактор *И. А. Лазарев*

Редактор *Е. И. Аулов*

Художник *В. В. Петелин*

Технический редактор *Л. В. Гришина*

Корректор *К. И. Каревская*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 30.05.92. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 27,3. Тираж 100 000 экз. Заказ 3786.

МП «Центрполиграф» 127018, Москва, Октябрьская ул., 18.

Оригинал-макет (диапозитивы) подготовлен НПВП «Макет»
141700, Долгопрудный-1, а/я 31, тел. (095) 408-71-63.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Нижеполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

КНИГОТОРГОВОЕ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

**предлагает заинтересованным организациям,
ПРЕДПРИЯТИЯМ И КООПЕРАТИВАМ:**

для совместного издания

- издательские оригиналы
- бумажные оригинал-макеты
- диапозитивы

**ранее не издававшихся детективных,
научно-фантастических и приключенческих
произведений**

**ШИРОКИЙ ВЫБОР
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,**

**пользующейся большим спросом у населения,
по номинальной стоимости за наличный
и безналичный расчет.**

**Адрес: 127018, Москва, ул. Октябрьская, 18,
тел.: 281-74-11 (офис).**

**123060, Москва, ул. Расплетина, 32,
тел.: 194-99-65 (склад-магазин).**

**123100, Москва, ул. Черногорязская, 3, стр. 1,
тел.: 259-53-75 (склад-магазин).**

**109052, Москва, ул. Нижегородская, 70,
тел.: 270-02-42 (склад-магазин).**

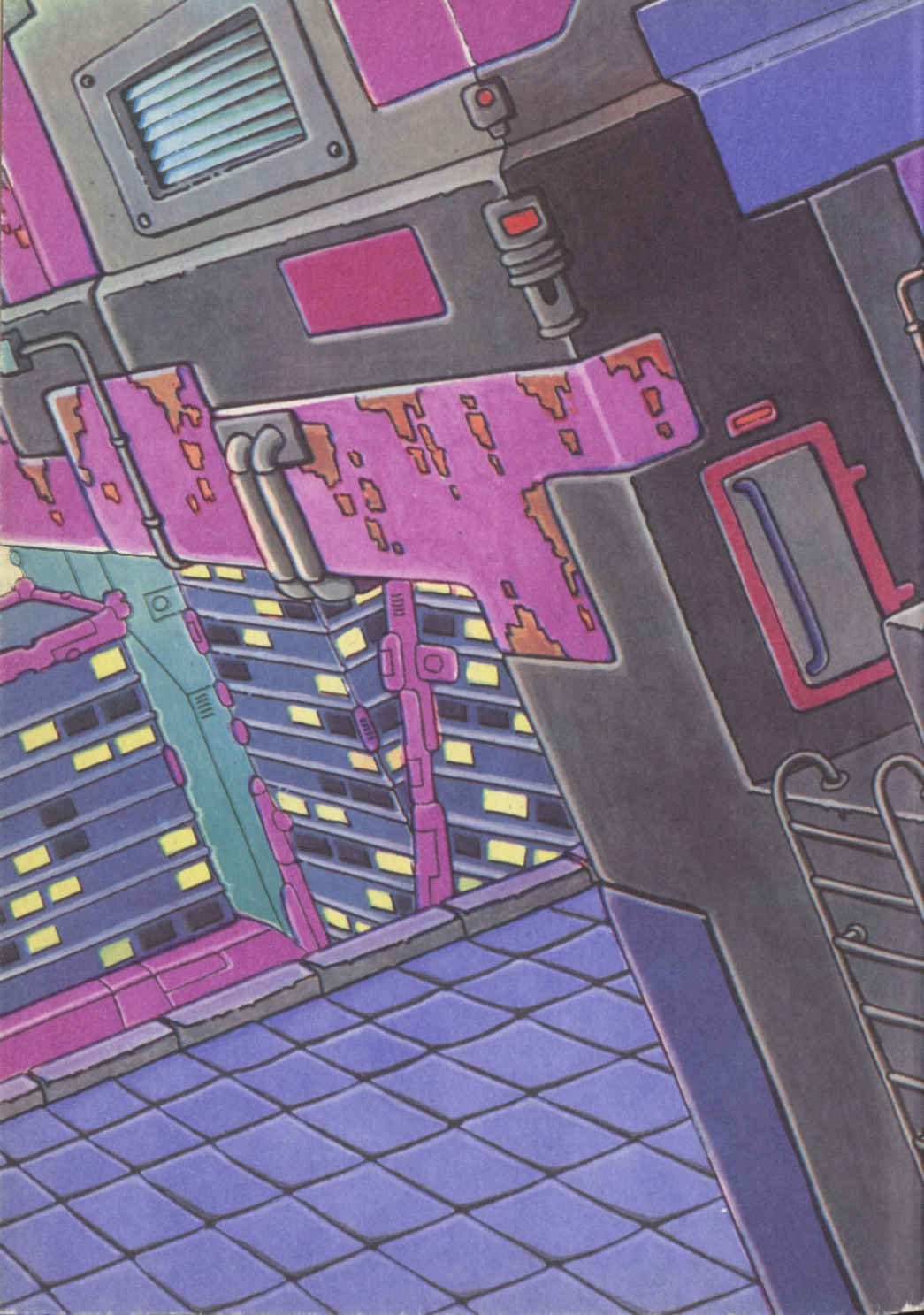
**НА ТОРГАХ КНИЖНОЙ СЕКЦИИ
«РОССИЙСКАЯ БУМАГА»
в ы с м о ж е т е:**

- предоставить и воспользоваться полиграфическими мощностями крупнейших типографий страны:
- воспользоваться услугами издательских центров (компьютерный и фотонабор):
- предложить и купить оригинал-макеты и диапозитивы коммерчески-выгодных изданий:
- продать и приобрести тиражи книг, открытки, календари и другую полиграфическую продукцию:

Биржа «РОССИЙСКАЯ БУМАГА» также ведет торговлю изделиями народного искусства.

**Книжная секция биржи
«РОССИЙСКАЯ БУМАГА»—
Ваш проводник
в МИР КНИГИ!**

Контактные телефоны: 208-34-01, 208-56-34

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

СОЛНЕЧНАЯ
ЛОТЕРЕЯ

ЧЕЛОВЕК
В
ВЫСОКОМ
ЗАМКЕ

МЕЧТАЮТ
ЛИ
АНДРОИДЫ
ОБ
ЭЛЕКТРООВЦАХ

